

Оглавление

Введение

1. Теоретико-методологические основания и предпосылки становления концепции трансформации менталитета
 - 1.1. Культурные и социологические модели развития менталитета
 - 1.1.1. Менталитет как культурный нематериальный артефакт
 - 1.1.2. Менталитет – атрибут коллективного субъекта деятельности, познания, жизни
 - 1.1.3. Проблема выявления механизмов идентификации–отчуждения культурных артефактов
 - 1.1.4. Ретроспектива моделей развития культурных артефактов
 - 1.2. Феноменология процесса трансформации менталитета
 - 1.2.1. Религия, архетипы, менталитет
 - 1.2.2. Динамика взаимовлияния этноса и менталитета
 - 1.2.3. Социально–психологические подходы к изменчивости менталитета.....
 - 1.2.4. Феноменология трансформации менталитета коллективного субъекта и менталитета как качества человека
 - 1.3. Методология исследования трансформации менталитета
 - 1.3.1. Предпосылки становления идей трансформации менталитета
 - 1.3.2. Противоречия в методологических подходах к проблеме трансформации менталитета
 - 1.3.3. Методология «масочности» в рассмотрении изменяющихся явлений
 - 1.3.4. Теоретико-методологические основания исследования менталитета как самоорганизующейся психологической системы
2. Организация менталитета как совмещенной психологической системы
 - 2.1. Менталитет – совмещенная психологическая система
 - 2.2. Структура менталитета
 - 2.2.1. Компоненты менталитета
 - 2.2.2. Конструкты менталитета
 - 2.3. Ментальное пространство совмещенной системы менталитета
 - 2.3.1. Координаты ментального пространства
 - 2.3.2. Пространство и время системы менталитета
 - 2.3.3. Поле значений менталитета
 - 2.3.4. Смысловое оформление менталитета
 - 2.3.5. Ценности и менталитет: границы и единство
 - 2.4. Самоорганизация системы менталитета
 - 2.4.1. Детерминация и вероятность самоорганизации системы менталитета
 - 2.4.2. Механизмы трансформации менталитета
 - 2.4.3. Концепция трансформации совмещенной системы менталитета как процесс его самоорганизации
 - 2.4.4. Новообразования трансформации менталитета как вида его самоорганизации.
3. Динамика трансформации менталитета коллективного субъекта
 - 3.1. Виды трансформации менталитета коллективного субъекта
 - 3.1.1. Трансформация пространственно-временных координат образа мира
 - 3.1.2. Изменение показателей образа мира поколений
 - 3.1.3. Смена образа жизни коллективного субъекта
 - 3.1.4. Модификация межпоколенной связи в ходе трансформации менталитета
 - 3.2. «Потеря» традиционной субъектности человека – центральный феномен трансформации менталитета
 - 3.2.1. Традиционная субъектность человека, основные характеристики
 - 3.2.2. «Потеря» традиционной субъектности в условиях социокультурного кризиса
 - 3.2.3. Специфика национально-психологических особенностей россиян и динамические процессы менталитета
4. Российский менталитет в условиях социокультурного кризиса
 - 4.1. Формы менталитета и особенности социокультурного кризиса в России
 - 4.2. Провинциальный менталитет основные показатели
 - 4.3. Дилемма смены ценностей у российских субъектов
 - 4.4. Соотношение индивидуализма и коллективизма в ценностных ориентациях молодежи и пенсионеров
5. Эмпирическое исследование феноменов трансформации южно-российского менталитета
 - 5.1. Методические основания исследования конструкта менталитета
 - 5.2. Категории образа жизни поколений.
 - 5.3. Параметры образа мира поколений.
 - 5.4. Ценностно-смысловые основания образа жизни поколений.
 - 5.5. Особенности взаимосвязи значений образа мира и ценностно-смысловых составляющих менталитета поколений.
 - 5.6. Соотношение традиционного, переходного, инновационного и постинновационного менталитетов поколений.
 - 5.7. Межпоколенная толерантность/интолерантность: основные показатели.
 - 5.8. Рассогласование/согласование ценностно-смысловой организации менталитета субъектов Юга России.
- 6.1. Постановка экспериментальной задачи и программы исследования
 - 6.2. Социальные установки субъектов Юга России**

Общие выводы

Заключение

Библиография

Приложения

Введение

Изменяемый мир – это реальность, которая еще не стала для человечества действительностью, поскольку миллионы людей не могут принять его. Поэтому перед наукой стоят задачи выявления и описания феноменов изменчивости мира и создания программ преодоления трудностей переживаемых людьми. В этой связи особую актуальность приобретает проблема трансформации менталитетов групп населения. Менталитет – слабо изученное явление, которое до сих пор еще не определено в науке. Феноменология менталитета чрезвычайно расширена – от черт личности определенной культуры, до особенностей поведения социальных групп и мыслительных программ целых эпох. «Вся психология человека – это его менталитет». Такой абсурдный вывод напрашивается, когда просматриваешь описания менталитета. Таким образом, необходимо выявить критерии, ограничивающие феноменологическое поле менталитета. Но на сегодня наибольшее затруднение вызвала проблема изменчивости менталитета. Жизнь показывает, что менталитеты уже трансформируются в мире, а ученые не успевают ответить исследованиями на запрос общественности о возможностях его трансформаций. Основным противоречием проблемы трансформации менталитета выступает несоответствие между методологией классической науки и предметом исследования – процессы изменения менталитета. Методология науки классической рациональности ориентирует исследователей в большей мере на изучение статичных составляющих трансформации менталитета. Исследователями остаются неохваченными процессы и механизмы трансформации менталитета в ситуации социокультурного кризиса. Следовательно, в теоретическом плане необходимо определиться с новыми методологическими позициями в рассматриваемом вопросе, что позволит выявить общие закономерности процесса трансформации менталитета, учитывая его региональное своеобразие. По всей видимости, это возможно будет осуществить с позиций системного подхода в рамках синергетики, полагаясь на основные принципы теории психологических систем В.Е. Ключко. Поскольку в рамках синергетики разрабатываются проблемы изменений сложных, самоорганизующихся систем. Изменение понимается как переход от равновесных к неравновесным состояниям системы, приводящим к порождению новообразований, развивающих и поддерживающих ее целостность. Тем более, психологическая система понимается В.Е. Ключко как система взаимодействия человека и мира. Сам человек выступает психологической системой, порождающей сложные качества, к которым мы относим менталитет. В эмпирическом плане большую трудность составляет отсутствие методического инструментария изучения менталитета и способа определения параметров процесса изменения менталитета.

Актуальность темы и слабая ее разработанность определили **цель** нашего исследования: изучить закономерности трансформации южно-российского менталитета в ситуации социокультурного кризиса. При этом **предметом исследования** определили: процессы

трансформации системы менталитета как формы ее самоорганизации. **Объектом исследования** выступила совмещенная система менталитета.

«Культурная психология – часть науки о развитии. Культурная психология – это часть психологической науки, которая ориентирована на открытие фундаментальных принципов. Таким образом, культурная психология является частью общей психологии как базисной науки...» [Я. Вальсинер с. 44].

1. Теоретико-методологические основания и предпосылки становления концепции трансформации менталитета

1.1. Культурные и социологические модели развития менталитета

1.1.1. Менталитет как культурный нематериальный артефакт

В современном мультикультурном мире наблюдается две тенденции развития обществ – первая, интеграция сфер жизни и образов жизни различных групп населения, выражающаяся в глобализации, а вторая, повышение анонимности жизни общества. Глобализация экономики, политики, культуры удовлетворяет родовую потребность человека как «коллективного животного» в реализации совместного со-бытия, но препятствует выражению индивидуальности, порождая в человеке чувства не защищенности, тревоги. Надвигающийся мир способствует замыканию личного пространства человека, его интимности, анонимности в принятии решений как выражение защитной реакции на чрезмерную обнаженность, публичность СМИ. Такие противоречивые тенденции поляризуют общество, повышают напряжение в нем, сталкивают различные менталитеты. Мировое сообщество ищет гармонию, баланс отношений, что порождает интерес к проблеме менталитета. Менталитет альтернатива понятиям «дух времени», «психология эпохи», которые трудно поддаются эмпирическому исследованию. Менталитет как выразитель духовных оснований общественного сознания выводится на почетное место двигателя культурной динамики и имеет больше шансов для своей операционализации.

В истории развития психологической мысли работ, непосредственно посвященных менталитету, немного. В древнеиндийской философии «ментальное тело» выделялось как оболочка человека наравне с физическим, астральным и другими телами. Н.С. Южалина, проанализировав древнеиндийские, египетские и китайские источники, пришла к выводу, что в древних представлениях о ментальности обозначены следующие проблемы: ментальной сущности человека, соотношения сознательных и бессознательных установок в жизни человека, личного самосознания [с. 17]. И все эти проблемы были органично вплетены в образы природы, посредством, которых они моделировались.

Научный подход к проблемам ментальности обозначен в начале XX века. Л. Леви-Брюль в 1910 году издает труд «Ментальные функции в первобытных обществах», а в 1922 году – «Первобытная ментальность», где отражает особенности ментальности первобытных и цивилизованных людей. Но как писал А.Н. Леонтьев об этих работах: «В буржуазной психологической литературе понятию первобытного сознания (чаще говорят: мышление) незаконно придается весьма широкое и недостаточно определенное значение» [Проблемы разв. Псих. С. 295]. В 1952 году Г. Бутуль издает труд «Ментальность», где сравнивает ментальность с доопытным знанием («априорной формой познания») И. Канта. Таким образом, ментальность определяется как врожденное качество. Г. Дюби в 1961 году в книге «История и ее методы» целую главу «История

менталитета» посвящает данному понятию, определяя ментальности различных исторических эпох. С позиции автора ментальность – это совокупность образов и представлений, характерных для социальных страт, групп и они определяют их поведение. Большую роль автор отводил социальной среде, которая может порождать ментальность. В перечисленных работах ученых видно близость понятия «менталитет» с понятием «общественное сознание».

Удивительным образом, работ, содержащих термин менталитет, мы насчитали больше пятидесяти, но только четверть авторов пытаются раскрыть содержание понятия. Каким образом ученые пишут о генезисе, транслировании, трансформации, динамике менталитета, не раскрывая его суть, остается тайной не только в психологии, но и в истории, культурологии, социологии, этнопсихологии и других науках.

Можно перечислить ряд работ, в которых проведен достаточно основательный анализ истории понятия «менталитет» (А.Я. Гуревич, П.С. Гуревич, Р.А. Додонов, И.Г. Дубов, В.В. Егоров, Г.В. Митина, В.А. Шкуратов, О.И. Шульман, Н.С. Южалина). Наша позиция в данном вопросе близка к позиции Р.А. Додонова. Автор, анализируя становление категории «ментальность», выделяет в нем несколько этапов: латентное развитие, развитие в рамках исторической науки, развитие в гуманитарной парадигме.

Латентное развитие понятия: термин «ментальность» не фигурировал в философских трудах, посвященных поискам этнических особенностей мировосприятия. Философы использовали такие близкие ментальности понятия как «психика народа», «дух народа», «этническое сознание». Можно предположить, что в этот период «ментальность» как понятие не отделялось от понятия «этнического». В понятии «народный дух» Ш.Л. Монтескье заключал особенности народов, проживающих в одних географических условиях. «Народный дух» М. Лацарус и Х. Штейнталь приписывали представителям нации со схожим психическим складом. Этому способствовали объективные предпосылки, а именно, в общественном развитии ментальность и этничность были действительно слиты, так как этничность была реальной системой, которая определяла развитие государств. Социальные субкультуры мало влияли на развитие общества. Следовательно, менталитет выступал **феноменом этнопсихологии**. Заметим, что и сейчас многие современные исследователи отождествляют менталитет и этническое сознание. Так Лурье определяет: **«традиционное сознание (менталитет) как систему мировоззрения, основанную на этнической картине мира, передающуюся в процессе социализации и включающую в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. Через описания этих представлений, в свою очередь, может быть описана культурная традиция, присущая этносу или какой-либо его части в данный период времени»** []. А.Я. Флиер считает менталитет «более высокую таксономическую единицу, чем национальный характер» [с. 167] на том основании, что менталитет объединяет и «национальную психологию и чисто психологические и практико-поведенческие

стереотипы». Мы также разводим понятия «менталитет» и «национальный характер», полагая, что национальный характер – это совокупность черт национальной группы, а менталитет, отражаясь в этих чертах, охватывает более широкий спектр явлений.

Развитие понятия «менталитет» в рамках исторической школы: «новая историческая наука» представленная французской историографической школой «Анналов», акцентировала внимание на изучении истории людей, учитывающей их ментальность. Индивидуальное видение, по Л. Февру – один из вариантов коллективного мировидения. Л. Февр вводит понятие *ouillage mental* – «духовное оснащение» человека, особенности поведения и мышления людей эпохи Возрождения, воплощающееся в образе жизни эпохи. Заслуга Л. Февра, по мнению А. Я. Гуревича, в разработке проблемы ментальности, «размышлении о возможностях человеческого сознания воспринимать и осваивать мир, обусловленных его культурой и эпохой», о «мыслительном инструментарии», который «в определенную эпоху находится в распоряжении человека, унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем непременно изменяется в процессе его творчества, всей исторической практики» [с. 517]. Другой представитель исторической школы М. Блок подчеркивал, что ментальность выражает внеиндивидуальную сторону личности. Также он писал, что когда мы описываем ментальность прошлого, то восстанавливается картина мира – не в виде достояния лишь конкретного индивида, но в качестве параметров личности, предлагаемых человеку его культурой. Индивид усваивает ментальность через – язык, воспитание, социальное общение, в своем жизненном опыте, а не посредством биологического наследования.

Последователь школы «Анналов» Ж. Дюби [] полагает, что ментальность – «это система образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте и, следовательно, определяют поступки и поведение людей. Изучение этих не имеющих четких контуров и меняющихся с течением времени систем затруднительно, необходимые сведения приходится собирать по крохам в разных источниках» []. Таким образом, школа «Анналов» описывая ментальность, определяют ее как мыслительную, духовную субстанцию, характерную для всего общества и отдельных его слоев, определяющую его картину мира и поведение. Факторы, которые способствуют формированию менталитета – это культура, язык, образ жизни представителей определенного общества. Изменения менталитета происходят с разной степенью активности. Основываясь на взглядах «Анналов» менталитет принадлежит общественному сознанию. Хотим отметить также, что не совсем оправданно подчеркиваются исключительно общественные характеристики менталитета. Но тогда он подменяет термин «общественная психология». Также, относя менталитет к определенной исторической эпохе, мы чрезмерно расширяем содержательное наполнение термин. Однако, еще Л. Гумилев подчеркивал, что эпоха Средневековья Китая – это одно, в западной Европе – это другое. Однако, не умоляя заслуг школы

«Анналов», видно, что в ее рамках термин приобретает самостоятельный статус **духовно-исторического феномена культуры** и подчеркивается его когнитивная нагрузка, а самое главное он отделяется от природно-географического, этнического, поскольку социально-культурные основания развития общества параллельно сосуществуют с этническими. Р.А. Додонов пишет: «Значение второго этапа состоит в постановке проблемы, распространении и популяризации ее среди представителей общественных наук, но никак не в решении ее» [1].

Необходимо отметить, что А.П. Огурцов считает, что параллельно с исторической школой в философско-антропологической школе ученые подошли к проблеме онтологии менталитета. М. Хайдеггер выделял фундаментальные, априорные (предшествующие, независимые от опыта) структуры человеческого бытия. М. Фуко описал априорные дискурсивные формации, предопределяющие опыт и поведение человека и социальных групп. А.П. Огурцов пишет: «То, что такие объективно-духовные структуры существуют, что они задают фундаментальные системы отсчета и расчленения индивидуальному и групповому опыту и сознанию, вряд ли кто-то может в этом сомневаться» [1]. Таким образом, философская антропология доказала наличие объективного бытия менталитета как **объективно-духовной структуры**.

Сегодня менталитет признают «понятийной новацией гуманитарного знания» (А.Я. Флиер). Настоящий этап развития категории «менталитета» связан с определением истоков бытия менталитета. А.П. Огурцов видит дилемму между двумя видами бытия: социокультурного и национального. «Третий этап становления категории ментальность связан с адаптацией последней психологией, социологией, этнологией и другими конкретными дисциплинами гуманитарного профиля, дающими собственное определение данному понятию. В этих условиях появляется необходимость социально-философской рефлексии и последующего упорядочивания и систематизации существующих концепций. Иными словами, происходит как бы «второе отрицание» – своеобразный возврат в лоно философии ранее отторгнутой категории, которая, обогатившись историческим содержанием, обрела новую значимость и потому настойчиво требует построения социально-философской теории ментальности» [1]. На третьем этапе мало оформленная категория «менталитет» появляется в психологии, а именно в этнопсихологии, политической и исторической психологии.

Сегодня понятия «ментальность», «менталитет» получили официальное представительство во многих словарях, но остаются открытыми для наполнения новым содержанием. В табл. 1.1. представлены различные центральные составляющие определения менталитета или ментальности различными авторами. Нам представляется, что эти понятия синонимы.

Таблица 1.1.

Определения понятий «ментальность», «менталитет»

Этимология	<i>Система образов</i>	<i>Представления</i>	<i>Основа образа жизни</i>	<i>Уровень общественного сознания</i>	<i>Память народов прошлого, коды</i>
Авторы	Ж.Дюби, А.П. Огурцов, В.И. Кабрин	Р. Шприндель Ж.Дюби, А.В. Петровский, И.Г. Дубов, А.П. Огурцов	В.С. Барулин	А.Я. Гуревич, С.Э.Крапивенский	И.К.Пантин, Корж, В.П. Бех, Э. Шулин, Пушкарев
Этимология	<i>Стиль, тип, способ мышления, умственная оснастка</i>	<i>Национальный образ мира</i>	<i>Стереотипы поведения</i>	<i>Способы видения мира</i>	<i>Способы действия</i>
Авторы	Л.И. Сименникова Р.А.Додонов, Вебстер, А.Я.Гуревич, Krech, Дж., Чаплин, П.Динцельбахер, А.К.Белоусова	Г.Д.Гачев	Ф. Граус, Г. Теленбах, А.В.Петровский, Б.С.Гершунский, Л.Н.Гумилев, Г.М.Андреева	В.В.Колесов, Л.Февр	Р. Шприндель В.В.Колесов
Этимология	<i>Навыки сознания в истории</i>	<i>Совокупность символов</i>	<i>Система ценностей</i>	<i>Глубинные основания мировосприятия, мировоззрения</i>	<i>Душа культуры, склад души</i>
Авторы	М.Блок, Л.Февр, В.А.Шкуратов, А.Я. Флиер	М.А.Барг, Дж.Мид	И.Г.Дубов, К.Ясперс	В.Г.Нестеренко, Б.С.Гершунский, П.Динцельбахер	О.Шпенглер, Г.Г.Шпет, Ю.М. Каныгин
Этимология	<i>Духовные качества общества</i>	<i>Национальный характер</i>	<i>Эмерджентное ментальное образование</i>	<i>Выражение группового сознания в пространстве и времени</i>	<i>Интегративный этно-психологический признак</i>
Авторы	А.Тойнби, Ж.Любье, Р.Мандру	Русские философы, О.Касьянова, А.И. Кравченко	Дж.Марголис	Г.В. Акопов, Т.В. Иванова	А.С.Баронин
Этимология	<i>Специфика психической жизни</i>	<i>Система знаний, смыслов, система мотивов</i>	<i>Заданное способом жизни</i>	<i>Установки</i>	<i>Психический склад</i>
Авторы	Г.М.Андреева	Г.М.Андреева	К.А.Абульханова-Славская	А.В.Петровский	В.С. Мухина

Представленные составляющие определения менталитета имеют некоторые ограничения – либо чрезмерно расширены (менталитет – это совокупность чего-либо), либо чрезмерно редуцированы (менталитет – образ мысли), либо подменяют понятие (менталитет – это психика). Существует определение менталитета как официально и неофициально закрепленной ментальности [В.В. Егоров с. 60]. Очевидно, такое положение определенности понятия менталитета связано с трудностями оформления его в науке. Этот термин заимствован из философии истории. Поэтому его содержание связывают по большей части с историческими эпохами и этносами.

Самое распространенное определение менталитета связано с отождествлением его с национальными чертами характера (Г. Дуйкер, П. Фрийд). Фактически черты менталитета приравниваются чертам национального характера. Мы также некоторое время придерживались этой позиции []. Однако, обратившись к структуре национальной психологии, мы поняли, что менталитет занимает в ней параллельное место наряду с национальным характером, темпераментом и другими составляющими. Почему же возникает эта путаница понятий? Скорее всего, в силу объективного

закона каузальной атрибуции, когда, пытаясь определить менталитет народа, мы начинаем с приписывания ему определенных черт, по действию механизма проекции. Это особенности обыденной психологии. Но менталитет все равно связан с национальными чертами и воплощается в них. Однако менталитет отличен от черт характера. Заметим, что черты характера мало изменяемы со временем и отождествляя менталитет с чертами национального характера, авторы хотели подчеркнуть его стабильную, устойчивую часть. Другие авторы акцентированы на динамических частях менталитета.

«Ментальности – это максимально стереотипизированный исторический опыт коллективного бытия людей, опыт социального взаимодействия и межличностных отношений, защитных реакций на конфликты с социальным и природным окружением, опыт индивидуального и коллективного переживания мира, в котором приходится жить и действовать» [А.Я Флиер, с. 167]. Однако, тогда понятие «менталитета» не отлично от понятия «традиция». А.Я. Флиер видит разницу в том, что традиции, представляя собой стратегии обучения и исполнения социального опыта, осознаны, а менталитет осваивается неосознанным подражанием и реализуется автоматически.

К. Арнхольд, Ф. Граус, Г. Телленбах, И.В. Мостовая, А.Г. Скорик, А.П. Огурцов подчеркивают системность менталитета. Менталитет состоит из элементов, которые устроены иерархически и отличаются по возрасту и происхождению. Менталитет изменяется со временем, причем различные мнения и образы поведения обнаруживают неодинаковую жизнестойкость. Даже менталитет одного человека частично может меняться с возрастом, с изменением жизненных обстоятельств. Таким образом, менталитет — «это всегда схема, элементы которой различаются по возрасту, происхождению, интенсивности» [Ф.Граус с. 79 - 80.].

В самом общем виде из приведенных определений следует, что **менталитет – это слой сознания**, что это интегративное свойство человека, система. «Примечательно, что понятие «система» крайне редко встречается в дефинициях ментальности. Его заменяет термин «совокупность» как нечто менее строгое и упорядоченное» [Додонов].

О некоторых аспектах связи менталитета и сознания повествует в этносоциологической теории Э. Дюркгейм. Сознание, по мнению автора, существует в двух формах – индивидуальной и коллективной. Коллективное сознание, по Э. Дюркгейму, не зависит от индивидуальных представлений индивидов, а формируется в коллективе. «Коллективные представления», формируемые в обществе не меняются со временем. Также коллективное сознание оказывает довлеющее воздействие на индивидуальное сознание человека. Исходя из данных воззрений, можно предположить, что менталитет является частью коллективного сознания.

Большинство современных авторов отождествляют менталитет и сознание, но есть и иные взгляды. Интерес представляют взгляды В. Д. Захарова [с. 41-45], он утверждает: «Нет жизни человека без свободной воли, как нет жизни этноса без ментальности». В его представлении

ментальность предстает как «вся область человеческого бытия, противостоящая его телесной основе». Ментальность существует как у отдельных индивидов, так и у этносов. Автор отмечает, что на уровне сознания ментальность проявляет себя в сфере необходимости – как разум, в сфере свободы – как воля. На уровне сверхсознания ментальность противопоставляется телесной и душевной основе. Если ментальность субстанция, то она сверхприродна. «Ментальность – это сверхприродная онтологическая основа этноса». В. Д. Захаров сближает понятия «менталитет» и «дух» народа.

Т. К. Рулина определяет ментальность как «актуальную, активную форму состояния сознания, возникающую интеллектуально на базе личной цели в психике личности, по функции являясь тотальной доминантой сознания, его интеллектуально-психической настроенностью» [с. 146]. По мнению автора, ментальная форма сознания проявляется в активной интеллектуальной саморегуляции развития согласно базовой цели. Ментальная саморегуляция, погружаемая в интересы культурогенеза и соответствующей ему деятельности личности, порождает одухотворение сознания личности, повышает ее социальную значимость. Т. К. Рулина выделяет и свойства ментальности: «актуальность, активность, творческая направленность, энергетизм, интенциональность (настроенность), центрированность, поляризованность (проявленность), тотальность» [с. 148]. Исходя из данной точки зрения, менталитет можно спутать с ментальными процессами – когнитивными процессами, что, как было показано, ни одно и то же.

Существуют в психологии попытки разведения понятий «сознание» и «ментальность» (Ю. А. Сорокин, А. Д. Синявский). Авторы исходят из того, что сознание «тот фрагмент личности, который ориентирован на логизирующую форму осмысления мира и всех других в нем, а ментальность – спонтанная форма существования в мире и интуитивная форма понимания себя и других личностей» [с. 194]. При этом ими предлагаются методы и приемы для изучения феномена сознания и ментальности. Одни методы ориентированы на строгие доказательства и формальные рассуждения, а другие – парафратические, нарративные (передающие смысл, повествовательные) методы. Таким образом, основным критерием разведения понятий «менталитет» и «сознание», по мнению авторов, является логическая и интуитивная форма познания мира. Думается, что этот критерий не является ведущим, хотя возможно и такое видение проблемы. Однако менталитет может включать в себя как интуитивные, так и логические способы мышления.

Ю. В. Самсонова, О. Д. Наумова [с. 192] считают, что сегодня в научном обиходе наблюдается тенденция механической замены понятия «сознание» на французский термин «менталитет». Но, отождествляя сознание и менталитет, мы упускаем бессознательные основы менталитета.

А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский определяют менталитет как «совокупность принятых и в основном одобряемых обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей» [20, с. 254]. В сознании отдельного

человека, по мнению авторов, менталитет представлен в степени, которая зависит от активной или пассивной позиции в общественной жизни. Войдя в структуру индивидуального сознания, он с большим трудом оказывается доступен рефлексии. Авторы считают, что это связано с действием механизма установки: человек не осознает свою зависимость от установки, действующей на бессознательном уровне, человек верит, что он сам сформулировал свои убеждения и взгляды. Как раз в данном представлении менталитета отражены и его сознательные и бессознательные составляющие.

К. А. Абульханова (1997) также отождествляет менталитет и сознание. В своем исследовании она показывает, что дифференцирующими характеристиками менталитета являются – типы сознания, психологии, социального мышления, которые свойственны разным личностям одной этнической группы [с. 17]. Думается, что этот взгляд довольно широк.

Мы исходим из концепции психологической системы В.Е. Ключко. «Собственно психологическая онтология порождается не человеком, не его сознанием, а целостной психологической системой, центром которой является человек. Но именно она обеспечивает возможность возникновения и функционирования сознания, являясь первичным по отношению к нему, но вторичной по отношению к амодальному миру» [Галажинский, Ключко с. 71].

Общественное сознание как субъективная реальность отражает внутренний, духовный мир групп общества. Если мы отнесем менталитет только к общественному сознанию, то субъектом менталитета будет выступать общество, но это далеко от реальности. Представляется целесообразным относить менталитет к *коллективному сознанию*. То есть сознанию, рожденному в определенной совместности, общности целей, интересов, направленности и деятельности. Представляя собой поуровневую структуру, отражающую рационально-иррациональную целостность, коллективного сознания поглощает менталитет, определяя ему место ближе к иррациональному полюсу. Гуревич отмечает, что «ментальность – не...научные...системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» [с. 59].

«Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности — это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные концепции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает» [А.Я. Гуревич. 1989, с. 115 - 116].

Отнесение менталитета к обыденному сознанию, который отражает мир на уровне явлений, а не сущностей, воспринимается некоторыми авторами как сужение пространства его феноменологии. На наш взгляд, возможно, существует несколько искаженное отношение к обыденному сознанию.

Оно облачается в разряд ущербности. Однако, во многих работах показано (Г.Г. Дилигенский, П.С. Гуревич, Н.Н. Козлова), что во-первых, в обыденном сознании не все составляющие являются неосознаваемыми и обыденными, здесь встречаются и элементы теоретических обобщений. «Частью ментальность выходит на рефлексивный уровень и находится в поле самосознания человека. Такие сущности как нормы, ценности, предпочтения, осознанные культурные интенции принадлежат к сфере ментальности» [И.Г. Яковенко с. 145]. Во-вторых, бывает так, что обыденное сознание быстрее реагирует на изменения в обществе, чем теоретическое, то есть, «ближе стоит к истине, чем теоретическое» [В.С. Барулин, Ч. 1. с. 167]. Таким образом, обыденное сознание может превосходить теоретическое.

С.Э. Крапивенский [] соотносит менталитет с низшим уровнем общественного сознания. К этому уровню автор относит отражение технологических, природных, этнических условий жизни. Думается, что не совсем корректно представлять иерархию уровней сознания, поскольку значимость уровней определяется больше функционированием в различных ситуациях, чем жестко заданной структурой сознания.

Ряд авторов относят менталитет к глубинным основаниям сознания. «Но, неизмеримо большей частью ментальность лежит за гранью человеческого сознания. В ментальности содержится система априорных установок и необсуждаемых императивов» [И.Г. Яковенко с. 145]. Глубинный слой сознания можно определить несколькими основаниями: бессознательным и некоторыми «априорными формами». В бессознательный слой общественного сознания представлен архетипами []. Из этого следует, что менталитет – это система архетипов. Но это наиболее оспариваемая часть представлений о менталитете. Что касается априорных форм, то они были описаны И. Кантом и включают в себя: пространство и время, 12 категорий причинности (суждения количества, качества, отношения, модальности) [с. 81]. Таким образом, менталитет – это совокупность данных априорных форм сознания. Действительно, от эпохи к эпохе поколения наполняют эти формы новым содержанием. Априорные формы могут составлять основу менталитета. Схожие мысли высказывает Ф. Граус: «Менталитет не тождественен высказанным мыслям и видимым образам действия. Менталитет стоит за ними и определяет границу между тем, что человек вообще может помыслить и допустить, и тем, что он ощущает как «немыслимое», «невозможное» [с. 80].

Е.В. Улыбина утверждает, что обыденное сознание как гетерогенное образование объединяет «черты предсознательного и мифологического, детского и массового сознания с элементами научного знания и рефлексивного сознания» [с. 86]. Автор заключает, что характеристиками обыденного сознания являются: иррациональность, противоречивость и социальная природа. Доминирующей формой репрезентации обыденного сознания, по мнению исследовательницы, выступает символ в силу того, что он многозначен. Нам думается, что и значения и знаки также репрезентируют обыденное сознание. Е.В. Улыбина обнаруживает лишь близость понятий

«обыденное сознание» и «менталитет», но иллюстрирует свои теоретические выводы исследованием именно составляющих менталитета.

Отталкиваясь от идеи Е.В. Улыбиной, можно полагать, что форм репрезентации обыденного сознания может быть несколько, но главными являются три: значения, смыслы и ценности. Поскольку всякое сознание, прежде всего, опирается на значения (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, М. Коул). Современные исследования в школе экспериментальной семантики [] отражают изменения в семантическом пространстве значений различных социальных групп. Следующим звеном между значениями и ценностями в обыденном сознании являются смыслы. «Личности необходимо сообщество, ибо лишь в нем ее существование обретает смысл; но и, наоборот, сообщество, чтобы иметь смысл, не может обойтись без отдельных личностей» [В. Франкл с. 198]. В современном обществе наблюдаются две тенденции: потеря смыслов и рождение новых. Ученые утверждают, что смыслы присущи определенным обществам на протяжении истории. В таком качестве они воплощаются как «универсалии смысла» (В. Франкл) в ценности. Система ценностей представленных в обыденном сознании, связанная со значениями, играет направляющую и консолидирующую роль в жизни субъекта. Менталитет включает в себя ценности (П.С. Гуревич, О.И. Шульман). В определенных социальных и исторических ситуациях культивируется специфическая система ценностей. Но ценности носят и универсальный характер. С. Шварц выделил десять универсальных ценностей на репрезентативной выборке различных культур. Таким образом, менталитет представляет определенный слой обыденного сознания, реализующего определенные значения, смыслы и ценности. В силу того, что менталитет мало осознаваем и выражает эмоционально окрашенные, алогичные, основанные на коллективных стереотипах компоненты, он может быть отнесен к *обыденному слою сознания*.

Менталитет выступает интегративным свойством человека, поскольку объединяет в себе различные стороны бытия человека – религиозную, этническую, социальную, культурную, историческую. А самое главное выступает результатом коллективного со-бытия людей, их совместного творческого миростроения. Необходимо заметить, что перечисленные определения не подчеркивают со-бытийность, заключенную в менталитете. Она подменяется различными процессами – «мировосприятия», «поведения» и т.д. А с другой стороны, в менталитете выделяют сложившиеся формы – «склад ума, способы поведения, образ мира, совокупность представлений». Но не эта сумма составляющих дает интеграцию системы менталитета. «Менталитет - это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом связями или отношениями веры» (Г. Бутуль «Ментальность»). Интегративность менталитета определяет его как систему. Систему, состоящую из сопричастностей, соединяющих пространства субъектов. «Менталитет потому и менталитет, – что он определяет и опыт, и поведение индивида и социальных групп» [А.П. Огурцов].

Большинство авторов подчеркивают перцептивно-когнитивную специфику менталитета, вытекающую из этимологии понятия «ментальность» – склад ума, образ мыслей, душевный склад. «Обобщение всех характеристик, отличающих ум» (Дж. Чаплин) [], «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности людей или группы, состояние ума» («Большая энциклопедия Ларусса») [], «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов» (Ребер А.) []. Действительно, своеобразие видения мира под особым углом зрения, его интерпретация задаются именно определенными когнитивными схемами, сложенными у представителей социальных групп.

Описательные определения в основном конструируют определения, наполняя их как можно большим количеством компонентов, что затрудняет выделить основополагающий признак. В представленных понятиях можно выделить акцентирование различных сторон психологического явления: бессознательные, сознательные, нормативные, структурные, генетические, исторические, социальные и др. Для нас наиболее значимыми являются следующие основания менталитета: мифологические, этнические и социально-психологические, поскольку, мифологическое сознание определяет глубинные основания менталитета, этничность выражает природно-территориальные и культурные факторы, а социум ценностно-нормативную оснастку, которая проходит через эти факторы.

Наблюдается чрезмерная широта охвата понятия. Это обстоятельство порождает споры между учеными по вопросу – предметом какой науки является менталитет. В этой связи проведем сравнение подходов к менталитету с позиции различных наук (философии, психологии, социологии и культурологи) табл. 1.

Таблица 1

Сравнение подходов к менталитету в философии, социологии, культурологи и психологии

Науки Критерии	Философия	Социология	Культурология	Психология
Объекты исследования	Эпохи, человек	Общества	Культуры	Человек, коллективный субъект
Предмет исследования	Склад ума, мировоззрение	Общественное сознание	Культурные артефакты	Психологический склад, образ мира, образ жизни
Методы исследования	Диалектический анализ	Опросы	Анализ продуктов деятельности	Диагностика, эксперимент, наблюдение

В предлагаемой таблице видны как принципиальные различия, так и пересечения подходов к менталитету в различных науках. Для нас важным представляется то, что менталитет может выступать предметом различных наук. В философии изучается менталитет с позиции общечеловеческих закономерностей, в социологии акцентируется внимание на общественной динамике и влиянии на нее менталитета, в культурологи менталитет выступает метрикой культуры. Но именно психологические характеристики менталитета коллективного субъекта и человека

являются предметом психологии. Еще в начале XX века М. Блок и Л. Февр писали, что «изучение менталитета общее дело историков и психологов» [печатается по Д. Филд с. 20].

Понимая менталитет как психическое образование, мы опирались на взгляды С.Л. Рубинштейна, а именно его взгляд на психическое как «многокачественное» и «многомодальное». «В разных системах связи с другими явлениями (системами) психическое выступает в разном качестве... В одном качестве психическое связано с общественным бытием людей, их отношениями, в другом – оно является идеальным образом мира, в третьем – связано со своими природными основаниями, прежде всего высшей нервной деятельностью мозга» [с. 13 Абульханова, Славская. Предисловие]. **Менталитет – это психическое, субъективное, преобразованное субъектом.**

Менталитет продукт функционирования психологической системы человека, порождающей коллективное сознание и входящего в него бессознательного слоя, который, интегрируясь, становится частью этого сознания. По всей видимости, коллективное, общественное сознание продуцирует различные менталитеты, но каждая группа интегрирует «свой». Для того чтобы менталитет был определен со своим носителем необходимо иметь некую сознательную, т. е. принадлежащую сознанию группы платформу, которой был бы комплиментарен тот или иной менталитет и прикреплялся бы к своему носителю. Что является «платформой», на которую насаживается менталитет? Такой платформой может выступать групповое сознание, а именно его структура.

Менталитет это образование, которое порождается большими социальными группами. Область изучения больших социальных групп до сих пор не приобрела своего научного статуса. Проблематика, поставленная ведущими социальными психологами в XX веке, ждет своего разрешения. Пространство проявлений больших социальных групп – это макросоциальный уровень (Г.Г. Дилигенский, 1971). Большие социальные группы влияют на формирование особенностей малых социальных групп, социально-психологических черт индивидов на микросоциальном уровне. По мнению Г.М. Андреевой (1999), С. Московичи (1984), в современных исследованиях еще слабо разработаны вопросы психологии больших социальных групп. Однако в последние десять лет стали популярными исследования стихийных образований в социологии и политической психологии. Также развернулись исследования исторически сложившихся социальных групп, особенно этнических групп в рамках этнопсихологии. В недостаточной степени уделяется внимание половозрастным группам, а именно, группам пенсионеров и молодежи. Г.М. Андреева (1999) выделила особые регуляторы, свойственные исключительно большим социальным группам – это нравы, обычаи, традиции. Выделяются такие характеристики данных групп: общественные практики, жизненные позиции, образ жизни, особые формы общения, формы контактов, интересы, ценности, потребности и язык. Сегодня к характеристикам больших социальных групп относят менталитет. В.Г. Нестеренко предлагает терминологически разделить ментальность и менталитет.

«Понятие «ментальность», – пишет он, – означает определенную совокупность устоявшихся неосознанных форм мировосприятия, присущих какой-либо группе людей, которые определяют общие черты отношения и поведения этих людей применительно к феноменам их бытия – жизни и смерти, здоровья и болезни, труда и потребления, природы, детства и старости, семьи и государства, прошлого и будущего... Менталитет – это свойственная определенной группе людей система неосознанных регуляторов жизни и поведения, непосредственно вытекающая из соответствующей ментальности и, в свою очередь, поддерживающей эту ментальность» []. Мы считаем, что термин «менталитет» и «ментальность» рядоположенны и включают в себя как формы восприятия мира, так и регуляторы поведения и деятельности больших социальных групп в мире. Ф. Филд пишет, что в зарубежных исследованиях субъектами менталитета являются маргинальные группы, а автор предлагает именно классы выделять как субъекты менталитета []. Хотя многие социологи утверждают, что классов нет и, сегодня существуют слои населения. Очевидно, что большие социальные группы могут быть субъектами менталитета.

Большая социальная группа выступает групповым субъектом. «Субъективность составляет родовую специфику человека, принципиально отличает собственно человеческий способ бытия от всякого другого – до и внечеловеческого» [В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. Антропологический принцип в психологии развития с.12].

Нам представляется, что *менталитет является атрибутом коллективного субъекта деятельности, познания, жизни*. Это положение напрямую связано с вопросом о том, когда проявляется феноменология менталитета, только в межиндивидуальном пространстве? Или менталитет может проявляться и в индивидуальных формах самоотношения? То есть, если менталитет атрибут коллективного субъекта, является ли он одновременно атрибутом и индивидуального субъекта? «Атрибут – необходимый, постоянный признак, принадлежность чего либо» [Современный толковый словарь русского языка. – М.: Ридерз Дайджест, 2004, с. 27]. Думается, что менталитет действительно в большей степени проявляется в определенном пространстве и времени общественных практик коллективного субъекта. «Абстрактной «просто ментальности» не существует, как не существует ментальности вне психики (сознания), истории (времени) и географической территории (пространства)» [Т.В. Иванова. Ментальность, культура, искусство. ОНС № 6 2002, с. 168]. На индивидуальном уровне менталитет может проявляться, но также наравне с ним могут являться определяющими индивидуальные особенности личности и ситуативные факторы. Таким образом, в индивидуальном плане менталитет не выступает атрибутом, а выступает в качестве фактора, влияющего на поведение.

Таким образом, *менталитет выступает сложным качеством человека*. Качеством, которое определяет направленность и границы проявления деятельности, общения и жизнедеятельности человека. Это определено тем, что менталитет атрибут коллективного субъекта,

в котором латентно включены рычаги управления всей жизнью коллективного субъекта и отдельного человека в частности, который в силу конформизма, неосознанно подчиняется ему. «Нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности. Эта связь конституирующей человека трансцендентности (не в том смысле, в каком трансцендентен бог, а в смысле выхода за свои пределы) и субъективности – в том смысле, что человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире» [Ж.-П. Сартр с.344 Сумерки богов].

Следовательно, мы можем констатировать о наличии **двойной феноменологии менталитета** как атрибута (признака) коллективного субъекта и сложного качества человека. В этих двух ипостасях менталитет проявляет себя по-разному.

Исходя из взглядов Л.Я. Дорфмана, описавшего метаиндивидуальный мир как полисистему взаимодействующих интегральной индивидуальности и мира, возможно по аналогии выделить **метагрупповой мир**, в котором взаимодействуют коллективный субъект и мир. Необходимо заметить, что многие авторы пренебрегают этим видом взаимодействия. С.Л. Рубинштейн поставил проблему взаимодействия человека и мира. Описал жизненные пути, позиции относительно мира у различных людей. «Понятие наличного бытия человека (Dasein, Existenz) в каждый данный момент его жизни может быть определено, понято только через его отношение ко всему сущему» [с. 360]. К.А. Абульханова продолжила эти идеи в концепции стратегий жизни. **Ни философски, ни психологически еще не намечена проблема взаимосвязи мира и коллективного субъекта.** Исключение составляют работы по этнологии.

Опираясь на вышеизложенное, гипотетически можно представить модель взаимодействия метаиндивидуального (Л.Я. Дорфман, 1997) и метагруппового миров. В основе их функционирования лежит взаимное соподчинение одного мира другому в различных ситуациях жизнедеятельности коллективного субъекта.

В зависимости от ситуации на процесс трансформации менталитета будет влиять либо метагрупповой мир, либо метаиндивидуальный. Это определяется тем, какие стороны менталитета презентуются в той или иной ситуации – атрибутивные или качественные.

В каких ситуациях менталитет выступает как качество, а в каких как атрибут? Когда люди атрибутируют причины поведения человека не его индивидуальности, а группе в целом, то объясняют поведение особенностями менталитета. И здесь менталитет выступает как качество человека, принадлежащего определенной группе. Это «субъектные атрибуции» по Л.Я. Дорфману. Когда определенная группа сталкивается с группой иного психологического склада, то можно выделить иной менталитет как атрибут коллективного субъекта.

Основной смысл понятия заключен в ментальном пространстве, в котором человек выходит за пределы витальных потребностей, социальных норм и ожиданий социальной группы. Пространство, в котором человек выступает творцом своего образа мира и образа жизни. Именно в

совмещении этих систем рождается менталитет социальной группы. Творит человек его посредством стилей мышления, стилей коммуникации, стилей деятельности и поведения. Хотя стилистические характеристики определяются индивидуальностью человека, но они всегда выражают типическое в человеке, как представителя определенной социальной общности. По этому менталитет отражает в образе мира типичные стереотипы восприятия и понимания мира, социотипическое поведение (А.Г. Асмолов, 2001), типичные личностные качества. Менталитет динамическое образование.

В различных источниках [], мы сталкиваемся с определением менталитета как системы. Но в контексте данных работ, система менталитета закрыта и представляет совокупность компонентов. Мы расширяем представление о системности менталитета и определяем ее как открытую, самоорганизующуюся психологическую систему. Открытость системы менталитета порождает ее изменения. Выражается она в одновременном сохранении целостности системы менталитета и порождении новообразований, что представляет собой уже феномен самоорганизации. Самоорганизация системы менталитета происходит без участия специфических воздействий из вне. Самоорганизация менталитета заключена в ее способности порождать сложные качества, к которым мы относим совмещенность. Совмещенность приводит к совмещению всех составляющих системы менталитета (надсистем, подсистем и его организации).

На основании анализа разноплановых определений менталитета, неразработанности его конструкта выдвигаем рабочее определение – **менталитет – это совмещенная, самоорганизующаяся психологическая система, представляющая собой неосознаваемый, обыденный слой коллективного сознания, интегрируемый религиозной, этнической и социальной системами общества, основу которого составляет согласованность доминирующих, нормативно закрепленных систем значений, смыслов и ценностей образа мира индивидуального и коллективного субъекта, проявляющихся в их жизненном мире.**

Может возникнуть вопрос, почему именно религия, этнос и социум являются над системами менталитета? Мы не отрицаем, что и экономика и политика также являются надсистемами менталитета, но главенствующую роль в образовании менталитета отводим именно этносу, религии и социуму. Поскольку именно эти системы участвуют в зарождении менталитет, как показано в многочисленных работах философов, этнологов, историков, культурологов, социологов.

Менталитет порождается психологической системой человека во взаимодействии людей с друг другом и культурой, в определенном историческом контексте. Психика – посредник между предметным и органическим, между биологией и культурой (В.А.Шкуратов). Средствами «медиации» психики между этими двумя началами являются артефакты. Артефакты В.А. Шкуратов разделяет на предметы, знаки и «репрезентанты–инструменты психики». «Параллельная психика окультурируется (сапиентизируется), уподобляясь созданному и действуя в режиме артефактов–творений» [с.200].

Постепенно осознаваясь людьми и воплощаясь в элементах культуры, менталитет отчуждается своих носителей, которых он объединяет. Фактически менталитет становится артефактом культуры.

«Артефакт» переводится в словаре иностранных слов как искусственно сделанный, предмет, продукт человеческого труда. Артефакты порождаются, прежде всего, в процессе взаимодействия людей, принадлежащих определенным культурным контекстам. Культура – это «диалог культур» В. Библер.

Определение артефакта как культурного продукта, говорит о том, что он имеет определенную специфичность в силу того, что субъекты его порождающие принадлежат к определенной культуре и включены в общую деятельность и жизнедеятельность. В работе М. Бубера онтологические отношения «Я–Ты» опосредованы «Оно» (язык и другие реалии культуры). То есть отношения с другими опосредовано культурой. Отношение «Я–Оно» опосредовано и отчуждено, следовательно, культура относительно субъекта всегда рядоположенна, он с ней не слит. «Различные культуры и цивилизации, исторические эпохи, приписывая субъекту специфические атрибуты, возвышая их свободу и ответственность, создают различные конфигурации объективного мира природы и цивилизации, субъект–объектных отношений» [И.Г. Петров с. 117]. Но если это так, то каким образом культурные артефакты влияют на жизнь человека, если, порождаясь субъектом, они отчуждаются?

В.С. Степин определяет культуру как «сложноорганизованный набор надбиологических программ, в соответствии с которыми осуществляются определенные виды деятельности, поведения и общения» [с.9]. В этих программах и заложено, что культурные артефакты должны транслироваться поколениям. Следовательно, культурные артефакты, отчуждаясь, посредством способов обучения, воспитания, суггестии возвращаются субъекту вновь, обличаясь в новые, принятые данной эпохой интерпретационные схемы.

Порождаясь системой человека, сознанием коллективного субъекта в совместной деятельности, менталитет усваивается опосредованно как культурный артефакт. «Культуральная точка зрения на сущность человеческой психики и ее развитие состоит в принципиальном преодолении базовых схем вышеобозначенных парадигм: не существует прямого и непосредственного соотношения «человек–природа», «человек–общество». Во-первых, и природа, и общество, являясь фундаментальными предпосылками становления человека, не становятся прямо содержательными характеристиками ни самой его личности, ни ее мира; они всегда имеют **ценностную валентность** и конкретно-исторический облик, обнаруживают себя перед человеком как вполне определенные *канонические формы культуры*; а во-вторых, даже с этими формами невозможна непосредственная встреча, невозможна прямая их интериоризация. Чтобы они раскрылись в своем истинном содержании, чтобы оказалось возможным приобщение к ним, всегда

необходим *посредник*, тот или иной тип медиатора, в качестве которого может выступить знак, слово, символ, миф и др. Именно через них происходит кардинальное преобразование так называемых натуральных (наличных, реальных) психических (шире – соматоорганических) форм в идеальные (культурные, высшие), собственно, человеческие способности» [В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. Антропологический принцип в психологии развития. с. 8]. Таким образом, на пути между человеком и миром стоит мир культуры. Ни мир, ни культура не могут быть интегрированы человеком непосредственно. Чтобы освоить культуру, человек должен присвоить ее атрибуты, чтобы освоить мир, человеку также необходимо интегрировать нечто, что бы их связало. *Присваивая менталитет, человек соединяется с миром культуры (осуществляет взаимное проникновение). Обретя культуру, идентифицируясь с культурным коллективным субъектом, человек становится готов к вхождению в мир, где находится полифония культур.*

Схожие мысли выдвигает В.Е. Ключко. Он пишет, что не может человек напрямую соприкоснуться с объективным миром, необходимо, чтобы его субъективность вошла в него. «Легко говорить о границе, которая перемещается от глаза (и другого органа чувств) на предмет. У ребенка первые три года жизни уйдут на освоение этого перехода. Ведь на самом деле это и есть первое проявление многомерного мира человека, пусть еще и не обладающего признаками реальности и действительности, но уже вобравшего в себя тот самый "дух", который вышел за пределы тела и "осел" на предмете, коснувшись его. Если собственно человеческое начинает заполнять пространство вокруг человека как телесного существа, если возникает продолженность человека в мир, без которого он так и не станет миром человека, значит "очеловечивается" и само пространство, возникая на пересечении субъективных и объективных измерений. Два условия необходимы для такого перемещения субъективности на границу с предметом. Это культура, где хранится и аккумулируется опыт человечества, в том числе и значения как часть этого опыта. Затем это взрослый, через которого осуществляется выход в культуру и который единственно может связать ощущения, получаемые ребенком от предмета, со словом, обозначающим предмет, выделяя его этим самым из всего остального. Минимум четыре фактора должны совпасть для того, чтобы граница между человеком и миром сместилась от органа чувств к предмету и возникли феномены предметного мира и предметного сознания» [Галажинский, Ключко с.87]. В приведенной цитате В.Е. Ключко пишет как раз о факторах, способствующих продолженности субъектности человека в мир. Наличие коллективного субъекта и есть условие, гарантирующее вхождение человека в мир, посредством артефактов культуры (менталитета и др.), и наличия Других во взаимодействии. *Культура выступает медиатором между человеком и миром.*

Культура выступает дифференцирующим фактором, отличающим одну группу людей от другой. Культуру можно понимать с нескольких точек зрения: как совокупный продукт развития

общества, как форму и способ взаимодействия между людьми и как некую цель, ценность и смысл, к которым можно стремиться.

Культуру мы понимаем как совокупность материальных и духовных ценностей, достижений отдельных групп людей. Также культура представляет собой совокупность «повседневных практик» (Greenfield, Rogoff, Valsiner, Wertsch) []. В этой связи сама культура выступает монолитным артефактом, целостная совокупность артефактов (М. Коул). Не артефактными являются продукты природы. Менталитет является и продуктом природы, в том смысле, что сам человек как индивид продукт природы. Но, определяя его как артефакт, мы хотим подчеркнуть, что менталитет в большей степени идеальный продукт коллективного субъекта, который именно благодаря менталитету приобретает качество коллективности, как воплощения всех социокультурных достижений. Менталитет вбирает в себя культуру как артефакт и вместе с тем находится в пространстве культуры.

«Культура – сокровищница» менталитета, его «вместилище», его «хранилище».....культура есть материальное и духовное воплощение менталитета, его социально-генетический консервант, объект социальной памяти, социального наследования, индивидуального и коллективного усвоения и обогащения» [Гершунский, с. 172]. По классификации М. Вартофского менталитет можно отнести ко вторичным артефактом, которые включают предписания, обычаи, нормы и др. [Лурье с. 375]. Менталитет тот каркас, граница, которая отделяет одних коллективных субъектов от других в культуре, задавая им определенные образы мира и образы жизни.

Менталитет незримое культурное предписание для коллективного субъекта. Опираясь на введенное Э. Холлом (1987) и Э. Шайн (1985) противопоставление видимой и невидимой, неподдающейся непосредственному наблюдению, культуры, определим менталитет к **невидимой части культуры**. При чем Э. Шайн определил невидимые части культуры как не требующие доказательств, принимающихся на веру. Аксиомы, заложенные в менталитете, не обсуждаются, а наоборот, отстаиваются его субъектами. Такой же точки зрения придерживается И.Г. Яковенко: «ментальность покрывает собой огромную сферу «второй», невидимой, но высоко значимой культуры» [с. 145].

Таким образом, перед нами вырисовывается следующая картина: **человек, коллективный субъект – менталитет – культура – мир**. *И это и есть транскомуникация (В.Е. Ключко), когда человек коммуницирует с Другими и культурой, и с миром. А это, в свою очередь и есть психологическая система человека (В.Е. Ключко)*. Психологическая система человека и коллективное сознание как породитель и носитель менталитета, а культура как воплощение его феноменов. Реализуясь в культуре, менталитет сам становится частью культуры. И именно в этом обращении менталитета заключено его существование как артефакта культуры.

Важным является то, что менталитетов в культуре представлено великое множество. Сегодня набирает обороты течение, которое отрицает чрезмерное акцентирование межкультурных различий, провозглашенное кросс-культурной психологией (Бартоломью и Адлер, 1996). Основным аргументом авторов является мысль о том, что мультикультурный мир уже сформировал стратегии взаимодействия, нивелирующие этничность. Н.Дж. Холден подчеркивает, что назрела ситуация рождения «постховстедиаского» взгляда на мир, триада – язык, культура и нация морально устарела. [с. 22]. Белл отмечает: «Необходимо сделать «кристально ясным, что во многих случаях национальная принадлежность сама по себе не позволяет судить о культурных особенностях; каждый конкретный человек сложен и имеет индивидуальный профиль различных культурных составляющих» [с.50].

Понимание культуры классическое как сущности относительно устойчивой, однородной внутренне непротиворечивой, ценностей и норм, передаваемых последующим поколениям. Что привело к понятию многих авторов «кластеризовать» страны на основе различия культур. Haastrup (1996) понимает культуру через отношения, а не устойчивые системы форм и сущностей. По мнению автора, классические концепции культур не могут объяснить, обеспечив теоретическим инструментарием, необходимым для анализа и понимания сложных процессов слияния культур.

Таким образом, понимая культуру как систему отношений, можно полагать, что менталитет как культурный артефакт отражает систему ценностных, смысловых и «означенных» отношений к себе, к людям и к миру в целом.

Если определить менталитет как артефакт культуры, то из этого следует, что он подчиняется общим закономерностям динамики культуры и ее особенностям:

- члены культуры имеют общий набор идей и ценностей,
- все составляющие культуры передаются последующим поколениям,
- культурные артефакты создаются предшествующими поколениями,
- культура осваивается,
- культура определяет восприятие, мышление, поведение ее членов.

Культура как медиатор между миром и человеком, определяет степень, глубину вхождения человека в мир. Если культура закрытого типа (Г. Ховстед, Г. Триандис), то возможности человека ограничивают его вхождение в мир.

Современные условия существования культур меняются. Уходит линейность в развитии, нет уже такой тесной связи и преемственности между поколениями, меняется восприятие мира субъектами культуры – оно становится полифоничным. Открывается новый мир виртуалистики. Отсюда следует, что артефакты продукты прошлого времени культуры остаются невостребованными, повисают или придаются забвению. Значит, они выпадают из целостного конструкта культуры, из образа мира поколений и перестают подчиняться закономерностям целого.

Остаются ли такие артефакты артефактами, если они исключаются из тела культуры? Они остаются артефактами по порождаемой их целостности в истории, но становятся артефактами «ничто» (М. Хайдеггер). Артефакты удерживались культурой за счет смыслов, которые были в них включены. Теперь произошло умирание смыслов (Е.В. Ключко, А.К. Белоусова). Структура «остается, но перестает быть абсолютной, тотальной. Явленными становятся элементы за структурой. Эти элементы и динамизируют ее. Но динамизм этот может осуществиться только в том случае, когда смыслы, возникающие за пределами структуры, войдут в нее, переструктурируют ее элементы» [Л.Е. Бляхер, с.41]. Для этого необходимо помимо пространства культуры и артефактов третье пространство – «пустое пространство» (Л.Е. Бляхер). Многие ученые утверждают, что это пространство хаоса, в котором может происходить или смерть артефакта или уничтожение культуры. В этом состоит глубокий парадокс, названный в философии «парадоксом Улисса» не решенный на сегодня. Суть его заключается в том, что если агент будет говорить в данном пространстве на языке структуры, то он не скажет ничего нового. Если он говорит на новом языке, то он не может быть понят структурой. В этом парадоксе скрыта загадка трансформации менталитета как культурного артефакта.

Мы вступаем в новый мир за счет разрушения артефактов (менталитета) традиционной (прошлой) культуры. Однако, так мы сохраняем мир.

1.1.2. Менталитет – атрибут коллективного субъекта деятельности, познания, жизни

Чтобы понять сущность менталитета необходимо его рассмотреть с позиции своей противоположности. Если менталитет культурный артефакт, то его порождает большая группа. Когда будет отсутствовать менталитет? Прежде всего, менталитет присущ более организованному большому группам, а именно нациям, классам. Хотя Г. Ле Бон писал о том, что при определенных условиях, толпа может стать одухотворенной, организованной и она породит «коллективную душу, имеющую, конечно временный характер» [с.11]. Значит *главным признаком толпы, которая может породить менталитет – это степень ее организованности, время жизнедеятельности и одна направленность чувств и идей.*

В отличие от стихийных толпы и массы, у которых скорее не будет менталитета, поскольку у них нет четкой структуры, к которой мог бы «привязаться» менталитет, в организованной группе он есть. И те и другие не осознают наличия или отсутствия менталитета. Если менталитет выполняет интегрирующую, совмещающую функцию, то при его отсутствии людей ничто не объединяет, они просто толпа. Толпа безлика, поскольку в ней нет выделенных, персонифицированных субъектов, которые реализовывали себя через объединяющую деятельность. Людей не объединяет в толпе ни ценности, ни смыслы. Они не нужны толпе как механизмы социального связывания людей. Люди в толпе объединены суггестией, заражением, подражанием, инстинктами отсутствием

ответственности. Их динамической основой выступают общие движения, которые скорее напоминают поток, чем целенаправленное движение. «Толпа отнюдь не обеспечивает человеку такой сферы отношений, в которой он мог бы развиваться как личность, масса не терпит индивидуальности ...толпа потопляет в себе достоинства ее истинную ценность людей, извлекая из них чисто утилитарную пользу...существование личности в полной мере обретает смысл лишь в сообществе» [В. Франкл с. 198]. Тогда, что же связывает толпу?

З. Фрейд предложил свое видение так называемой «либидозной конституции массы»: «масса есть какое-то число индивидов, сделавших своим «Идеалом Я» один и тот же объект и вследствие этого в своем «Я» между собой идентифицировавшихся» [с. 170]. З. Фрейд полагал, что массу познать не возможно без учета ее вождя, который будет задавать ее единую направленность мыслей и чувств. Никто в массе, по мнению автора, не должен посягать на выдвижение на место вождя, каждый должен быть равен другому. Чувство завести к положению вождя рождает чувство социальной справедливости [с. 174]. Эмоциональные связи, которые возникают между вождем и соплеменниками, между друг другом порождаются из «заторможенности сексуальной цели». Сходную позицию поддерживает Л. Февр, который полагает, что именно эмоции, «слагаясь в систему межличностного возбуждения», объединяют людей. При этом устанавливается согласованность и одновременность эмоциональных реакций, эмоции превращаются в «некий социальный институт» [с. 112]. Таким образом, в большей степени масса формируется на основе эмоциональной привязанности, что для образования менталитета, по всей видимости, не является достаточным.

Для толпы характерно массовое поведение. Фактор, формирующий толпу, массу – общественное мнение, характеризующееся динамичностью, эмоциональностью, непосредственными формами выражения [Г.М. Андреева с. 172]. Толпу, массу, публику характеризуют: временность образования, нестабильность, разнородность, стихийная передача информации. «Толпа как таковая не имеет ни сознания, ни ответственности. И именно поэтому она лишена существования» [В. Франкл с.200]. Очевидно, в такой ситуации масса, толпа людей не имеет со-бытия или оно искажено до неузнаваемости. Надсистемы менталитета теряют свои классификационные признаки. Человеку толпы необязательно придерживаться какой-либо религии, можно просто во что-то верить. Этничность также в толпе теряет актуальность, поскольку безразлично, кто перед тобой. Он – это Другой и этого достаточно. Понятие «предки» постепенно исчезает из лексикона толпы. Социальность, как совокупность традиций теряет конституционные признаки статусы, роли, иерархию отношений. Все равны перед всеми. Следовательно, надсистемы менталитета уходят из актуального поля психики. Но поскольку именно надсистемы формируют интегративное свойство системы менталитета, то при их уходе не интегрируются значения, смыслы и ценности и менталитет не образуется или распадается.

Когда толпа постепенно эволюционирует к организованным группам благодаря общей жизнедеятельности, то группа может порождать новое качество – единую субъектность. Деятельность коллективного (группового, совокупного) субъекта выступает в этом процессе основополагающей (Б.Ф. Ломов, Г.П. Щедровицкий, А.В. Петровский, В.В. Давыдов, Л.П. Буева, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев и др.). Проблема была поставлена Л.С. Рубинштейном. «Отношение другого «Я» к моему «я» выступает как условие моего существования. Каждое «Я», поскольку оно есть и всеобщность «Я», есть коллективный субъект, содружество субъектов, «республика субъектов», содружество личностей; это «Я» есть на самом деле «мы»» [с.354]. Сущность коллективного в субъекте ученый заключил во внутрь, а современные авторы вынесли во вне – в трудовую деятельность, общение. Б.Ф. Ломов полагал, что общению принадлежит решающая роль в формировании «совокупного субъекта» как условия (и способа). В процессе общения и совместной деятельности, по мнению Б.Ф. Ломова, осуществляется взаимный обмен информацией, планирование совместной деятельности, взаимное стимулирование и взаимный контроль совокупным субъектом. Главный вывод, который делает автор, совокупный субъект обладает системой качеств не сводимой к простой сумме качеств, входящих в него индивидов [с. 174].

«Понятие группового субъекта воплощает в себе особые интегративные свойства, возникающие на основе соединенного труда...» [А.И.Донцов с. 27]. Были определены данные интегративные свойства, а именно – цели, мотивы, интересы, установки, эмоции, групповое сознание и др. Методология рассмотрения проблемы, по мнению А.И. Донцова, заключается в том, чтобы изучить специфику социальной деятельности, а за тем перейти к постижению особенностей и свойств реализующего ее субъекта. Здесь можно сослаться на представления С.Л. Рубинштейна, который писал, что «субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется, но в них создается и определяется» [печ. По Брушлинскому с. 74]. Мы придерживаемся понятия «субъекта», которое было определено А.В. Брушлинским: «Человек как субъект – это *высшая системная целостность* всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь, психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного» [с. 61]. Деятельность, которую субъект осуществляет, имеет некоторые характеристики по С.Л. Рубинштейну: она всегда деятельность субъектов, осуществляющих совместную деятельность; деятельность – это взаимодействие субъекта и объекта, т.е. предметная и содержательная; она творческая; в совместной деятельности реализуется ее самостоятельность. Но коллективный субъект продукт не только совместной деятельности, но и культуры.

Сегодня получает второе рождение культурно-исторический подход Л.С. Выготского (В.П. Зинченко, В.В. Рубцов, Б.Г. Мещеряков, А.А. Марголис, В.П. Мунипов). Понятие «культура» становится центральным в объяснительных моделях психологии. По этому ученые переходят от понятия коллективного субъекта деятельности к коллективному субъекту культуры. Мы

предполагаем, исходить из изучения образа мира, образа жизни коллективного субъекта, чтобы можно было подойти к проблеме его интегративного свойства менталитета как артефакта культуры. Культура рождается как результат жизнедеятельности коллективного субъекта. И сам коллективный субъект, что бы породить менталитет должен быть частью культуры.

А.Л. Журавлев видит теоретические основания проблемы коллективного субъекта, в том, что в социальной психологии назрела необходимость сделать шаг «в направлении дифференциации и спецификации групповых явлений» [с. 51]. Наряду с множеством понятий, таких как «коллектив», «общность», «группа», «корпорация» и др., понятие «субъект» имеет ряд преимуществ. К ним относятся, по мнению А.В. Брушлинского, интегральный характер понятия, позволяющий выделить в группе нечто общее в его психологических свойствах. Таким образом, «коллективный субъект есть всякая совместно действующая или ведущая себя группа людей» [с. 58]. Проанализировав многочисленные работы, автор выделил некоторые признаки коллективного субъекта: 1) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе. Их показатели: а) динамические (интенсивность, теснота взаимных связей между индивидами), б) содержательные (предмет взаимных связей и зависимостей); 2) способность группы проявлять различные формы совместной внешней и внутренней активности; 3) способность группы к саморефлексии [с.60–63]. Главным признаком, по мнению А.Л. Журавлева, является вторая способность коллективного субъекта. Все эти качества коллективного субъекта автор определяет в качестве уровней субъектности и они могут определить «психологический тип субъектности» [с. 66].

Нам хотелось бы еще выдвинуть еще один признак **подлинность** отношений. Не может возникнуть коллективного субъекта там, где нет подлинности отношений. Подлинность мы понимаем как встроенность в личность человека. «Общественные интересы существуют как таковые только в том случае, если они одновременно являются также и личными, а не надличностными и внеличностными» [Брушлинский с. 33]. Всякая искусственность в отношениях отдаляет людей. Глубина отношений возникает только в трудных, критических ситуациях.

Переходя к вопросу о самих коллективных субъектах, автор, полагает, что ими не могут быть – стихийные группы, территориальные, временные группы, естественные группы, но находящиеся на ранних этапах развития. Для того чтобы субъекты были готовы к совместным формам активности, они должны быть связаны или: функционально, технологически, экономически, политически, по возрастным показателям, гендерным, образовательным, профессиональным признаками, социально-психологически, этнически, культурно и др.

А.Л. Журавлев анализирует и возможные формы совместной активности: совместная деятельность, внутригрупповое взаимодействие, групповое поведение, групповое самопознание, межгрупповое взаимодействие [с.71–72]. Автор выделяет три социально-психологических подхода, сложившихся на сегодня. Каждый из них характеризуется выделением различных «единиц» анализа

коллективного субъекта: индивидуальная деятельность (А.И. Донцов), деятельностно опосредованные межличностные отношения, взаимодействие. Мы предлагаем в качестве единиц анализа коллективного субъекта его ценностно-смысловую совмещенность на уровне системы менталитета. То есть, представители определенных групп могут и не иметь общей деятельности, но, имея ценностно-смысловое единение, порождают общий менталитет.

Ценностно-смысловое единство коллективного субъекта заключается в том, что независимо от внешних обстоятельств, человек будет действовать согласно тем смыслам и ценностям, которые бессознательно им принимаемы и конвенционально закреплены группой. Это ценностно-смысловое единство будет определять в человеке его направленность восприятия мира, категоризацию мира, приоритетность стилей мышления, особенности выражения эмоций, поведенческие программы.

Выделены в науке свойства коллективного субъекта: целенаправленность, мотивированность, целостность (внутреннее единство), структурированность, согласованность, организованность, результативность. Можно, по мнению А.Л. Журавлева, построить портрет коллективного субъекта отношений, опираясь на свойства: сплоченность–разобщенность, совместимость–несовместимость, открытость–закрытость, удовлетворенность–неудовлетворенность, конфликтность–бесконфликтность. Толерантность–нетерпимость, устойчивость–изменчивость, доброжелательность–агрессивность, уважительность–пренебрежительность [с.79]. Также можно построить и портрет коллективного субъекта общения, полагаясь на следующие свойства: целенаправленность–бесцельность, контактность–неконтактность, общительность–замкнутость, уравновешенность–неуравновешенность, компетентность–некомпетентность, комфортность–дискомфортность [с. 80].

Таким образом, среди основных феноменов коллективного субъекта А.Л. Журавлев выделяет – отношения, общение, поведение, взаимодействие, совместная жизнедеятельность. Каждый из этих феноменов выступает предметом многочисленных исследований. Также можно выделить феномен ценностно-смыслового единства.

Коллективный субъект порождает специфический менталитет, который обусловлен ценностно-смысловым единством, порождающим коллективные образы мира, образы жизни, специфические коммуникации с другими субъектами, культурой, миром.

В преобладающем большинстве работ, посвященных субъекту и субъектности, основной упор делается на культурные и социальные основания их формирования. «Субъект социальный феномен, который изначально не только обнаруживается и проявляется в актах своей деятельности, но создается и определяется в субъектно творчески создаваемом им мире «объективного бытия» как бытия социального, что и является, на наш взгляд, главным общим для всех субъектов моментом» [Э.В. Сайко, с. 8].

Хотя автор и подчеркивает, что субъект реализуется через различные виды деятельности и познания, но абсолютизируется только социальность, а куда же девалась духовность, этничность. Эти формы бытия разве не есть бытие субъекта? Э.В. Сайко подчеркивает, что недостатком современной ситуации изучения субъекта является разрозненность исследований и полагает в качестве объединяющего начала социальность. «Субъект феномен социальной эволюции» [Там же с. 9]. Не умоляя значения социальности, мы хотели бы показать в работе, что не только социальность является значимой основой формирования субъекта, вернее она играет главенствующую роль только на определенном этапе эволюции субъекта. «Субъектный компонент сыграл особую роль в самом возникновении Социума как феномена универсальной эволюции» [там же с. 20]. Хотя мы понимаем, что сам социум возник не сразу.

Как подчеркивает Э.В. Сайко, в длительном становлении социума параллельно формировалось сознание, мышление, деятельность, язык человека. И только, когда индивид начинает созидать и интегрировать эти явления на уровне обобщенного субъекта он становится субъектом. «Только возможность возникновения всеобщего как образующего свойства ставящегося общества в качестве обобщенного субъекта (а не простой совокупности индивидов) обеспечивало реальность системно значимых связей зарождающегося социального мира и развитие особой системной целостности – Социума» [с. 24]. Именно субъект интегрирует все взаимодействия и отношения элементы целого социума и в этом зарождается новое состояние в эволюции – развитие социального движения» [с. 24].

Социальное движение – это форма субъектности. Фактически социальное движение – это средство разворачивания субъектности в эволюции субъекта. «Субъектность выступает в качестве наиндивидуального свойства» [39]. Думается, что если так понимать субъектность, то менталитет также является формой субъектности, в частности это показано в работах А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко []. А раз это так, то менталитет как форма субъектности выступает атрибутом коллективного субъекта. Неким качеством неотделимым от коллективного субъекта, порождаемым им, присущим ему всегда.

Остается открытым вопрос, какая деятельность объединяет коллективный субъект, которому мы присваиваем определенный менталитет? Группе, объединенной приверженностью определенной религии, мы присваиваем менталитет на основании очевидно ритуалов как деятельности, в которых они воплощают религиозный образ мира. Этнической группе мы присваиваем определенный менталитет на основании поддерживания определенных традиций, как вида деятельности, воплощающих этнический образ мира. Социальной группе, присваиваем менталитет на основе той деятельности, которую они совершают. Но тогда любой, даже временной группе можно присвоить менталитет. Правомочно ли это?

Данное положение можно интерпретировать, опираясь на концепцию Бытия М. Хайдеггера. «Сущность Dasein состоит в его Zusein» []. Это переводиться так, что вот-бытие имеет быть, то есть

должно осуществиться. То есть бытие не фактуально, существует как факт, а актуально, следовательно, должно актуализировать бытийные возможности [Л.Е. Бляхер с. 13]. Менталитет как часть со-бытия людей всегда потенциал возможностей решений коллективного субъекта. Менталитет может быть определен в группе, которая сделала выбор в пользу определенной активности, деятельности и выполняет ее совместно довольно долгое время, но вместе с тем, это и группа, которая имеет ценотно-смысловое единство в определенном времени и пространстве не всегда соеиненном. «Время не *есть*. Время имеет место. Место, вмещающее время, определяется из отклоняюще-отказывающей близости» [М. Хайдеггер]. Следовательно, всякий менталитет определен актуально в определенном месте времени. «То, чем определяются оба, время и бытие, в их собственное существо, т. е. в их взаимопринадлежность, мы называем: *событие*» [М. Хайдеггер].

Понятие события открывает более широкие перспективы в понимании коллективного субъекта, исходя не только из совместной деятельности, активности, но и из ценностно-смыслового единства, порождающего совместное мышление, отношение, культурное пространство, совместное бытие, бытие возможного.

Таким образом, условиями, при которых коллективный субъект порождает менталитет можно перечислить следующие: активность, деятельность, социальное движение, пространство культуры, время, со-бытие.

Атрибутированность коллективного субъекта разворачивается в пространстве возможного. Многие авторы [] определяют менталитет как нечто застывшее, неизменяемое. Коллективный субъект никогда бы не был субъектом, если бы его субъектность была статичной. Хотя коллективный субъект и входит в заранее определенный мир, который его детерминирует, но именно в нем сталкивается с Другим. Здесь по М.М. Бахтину и происходит столкновение смыслов. При этом мир становится «непрозрачным», отражает свою непохожесть, коллективный субъект осознает свою отличность от другого, его иную реальность. Субъект – это человек «способный влиять на бытие других» (Е.Б. Старовойтенко) [с. 466]. И именно в этой позиции отличности от другого коллективный субъект может вступить в диалог с иным миром, который вызовет эффект самодотраивания в Другом, породит иные смыслы, которые могут войти в менталитет коллективного субъекта (феномен смыслопередачи). В этом и проявляется событие коллективного субъекта. От того, как коллективный субъект презентует себя в пространстве события зависит как он атрибутирует свой менталитет, качественно его предьявляет. Полагаясь на положения И. Фихте, М.М. Бахтина о том, что свое Я всегда достраивается в Другом, можно заключить, что атрибутирование менталитета коллективного субъекта есть всегда процесс незавершенной возможности. Менталитет коллективного субъекта достраивается в Другом. Это пространство Другого и есть «пустое пространство» (пустое виртуально, которое постоянно наполняется новым), в котором менталитет как культурный артефакт не теряет

своей целостности. Однако представляет собой открытую систему. В этом пространстве происходит столкновение официальных смыслов, принятых большинством, и личных в интерсубъективной реальности, а также смыслов Другого. Что перевесит – это зависит от множества факторов. Следовательно, идея коллективного субъекта рожденная как идея внутренней представленности в субъекте, вынесенная во вне в лоне деятельностной концепции и возвращенная в пространство Другого, то есть в субъекта в новом прочтении.

1.1.3. Проблема выявления механизмов идентификации–отчуждения культурных артефактов

Каковы механизмы присваивания менталитета человеком? Как известно из классических философских теорий, то при изменении экономического способа производства, изменяются общественные отношения, которые и приводят к трансформации менталитета. Наблюдается несоответствие старых компонентов менталитета новым социально-психологическим отношениям в обществе. При этом, как мы предполагаем, происходит непринятие новых отношений, но и отвержение, отчуждение старых. Поскольку старые отношения встроены в образ мира человека, то в данной кризисной ситуации, как пишут ученые, происходит отчуждение человеческой сущности. А человеческую сущность составляют: система ценностей, образ мира, программы поведения, как основные элементы.

Такие авторы как В.С. Мухина, Т.И. Комиссаренко, Л.Н. Антилогова считают отчуждение противоположностью идентификации, понимают ее как обособление, утверждение собственной самостоятельности в ходе социализации. В.С.Мухина пишет: «идентификацию и обособление (отчуждение) мы рассматриваем как парный механизм, определяющий развитие, бытие и становление индивида в системе общественных отношений» [с. 4]. Е.П. Крупник считает идентификацию – обособление (отчуждение) фундаментальным механизмом межличностного взаимодействия и частями единого континуума [2001, с. 154].

Рассмотрим объективные, социально-психологические основания бытия идентификации. Прежде всего, необходимо отметить, что для выживания человека он должен взаимодействовать с другими людьми. Данное взаимодействие подразумевает некоторое социально-психологическое единство между людьми, иначе неизбежны конфликты. Такой объединяющей социальной категорией выступает категория «Мы». Рождаясь, человек первоначально «слит» с матерью, постепенно входя в группу близких людей, ребенок идентифицирует себя с ними. «Я» ребенка взаимодействует с «Мы» группы. Следовательно, полагаясь на данную категорию «Мы», можно определить, что в основе идентификации и находится процесс уподобления индивидуального «Я» групповому «Мы».

В социальной психологии Л. Фестингером (1957) было установлено, что человек меньше всего стремится к ситуациям, где его мнения далеки от мнений участников, и стремится к

ситуациям, где у людей схожие мнения, поскольку ему необходимо достичь внутренней когнитивной согласованности [1, с. 111]. Также при этом он получает больше позитивных подкреплений в виде одобрений. Следовательно, понятно стремление субъекта к близким ему в психологическом плане группам.

Однако форм идентификации очень много (социальная, национальная, половая, профессиональная, пространственная, временная и др.). Что определяет с какой формой я буду идентифицироваться? И здесь подходим к теории «референтных групп» (Г. Келли, Р. Мертон, Т. Ньюком, М. Шериф, 50-е годы XX в.). В них человек отождествляет себя с той группой ценностей, социальных установок и норм, которых он придерживается. Таким образом, национальная группа может быть референтной, но не во всех поступках человек опирается на установки именно этой группы. Поэтому идентичность латентно управляет поведением человека, при этом очень трудно выявить, какой поступок с какой группой соотносится. Однако ученые установили, что в кризисных ситуациях именно этничность является определяющей в выходе из кризиса для человека (А. А. Сусоколов, А. В. Сухарев) [2].

Следовательно, социально-психологическую основу феномена идентификации составляет стремление человека к группе со схожими воззрениями на окружающую действительность и ситуация будет определять какая идентификация актуальна в какой момент.

Определимся с терминологией данного феномена. Этническая, половая, профессиональная идентичности – рассматриваются как частный случай социальной идентичности. Вообще идентификация определяется как процесс неосознаваемого отождествления себя с субъектом общения, деятельности [3]. С чем человек идентифицируется? Прежде всего, с какими либо внешними атрибутами, символами (прическа, костюм, походка), с качествами личности (изображение доброжелательности), с ценностями (декларация значимости духовных ценностей). Но эта идентичность не будет подлинной, если человек эти составляющие только демонстрирует. Очевидно, когда человек интегрирует, интериоризирует их, тогда они входят в его концепцию-Я и будут подлинными. При чем дети первоначально бессознательно повторяют через внешнее подражание артефакты культуры, с которыми идентифицируется. Взрослые более осознанно это делают.

Т. П. Скрипкина (2002) утверждает, что такой общей категории, как «идентичность», нет, поскольку «в одних случаях я могу быть полностью идентичным, соответствовать сам себе, а в других вовсе нет. Это зависит от многих условий, которые в каждом отдельном случае необходимо специально изучать» [3, с. 158]. Однако довольно трудно измерить, соответствую я себе в каждую минуту или нет. По всей видимости, автор имеет в виду степень осознания идентичности. Действительно, мы можем и не осознавать своей этнической идентичности, пока этого не потребует ситуация.

Рассмотрим связь идентификации с осознанием на примере этнической идентичности. Как пишет Н. М. Лебедева (1999): «существует некоторое сходство понятий «национальное самосознание» и «этническая идентичность» [, с. 20]. З. В. Сикевич (1999) утверждает, что «самоидентификация неперенный атрибут этнического национального самосознания...» [, с. 100].

Если рассматривать понятие «национальное самосознание», то видно, что оно относится к определенной национальности, которая, по мнению ряда авторов, является исторической формой этноса. Как пишет Н. Джандильдин (1971): «национальное самосознание – это, по существу, познание нацией своей собственной социально-этнической сущности, осознание ею того, какое место и положение она занимает или может занимать в системе межнациональных отношений, какую действительную роль она может играть в истории человечества, вернее, какой вклад в общественную цивилизацию ею внесен или может быть внесен при наличии определенных условий, а также сознание своего естественно-исторического права на свободное, независимое существование наравне с другими свободными народами, сознание своих задач, выполнение которых обеспечило бы ей беспрепятственное продвижение на пути подлинного прогресса и своих обязанностей по отношению к другим народам в соответствии с общепринятыми международными морально-правовыми нормами» [, с. 129]. Думается, что автор говорит об очень развитой форме национального самосознания. Как известно, уровень самосознания у представителей отдельных национальностей отличается, мало ли мы знаем людей, которые ничего не знают о своем народе или знают некоторые традиции, а уж о его задачах перед всей мировой общественностью тем более. Следовательно, у человека может быть номинально определена этническая идентичность, но может быть, не развито этническое самосознание.

С другой стороны, Г. У. Солдатова (1998) подчеркивает превалирование в самосознании сознательных механизмов []. Следовательно, поскольку человек не всегда осознает свою идентичность, то она может и не являться элементом самосознания.

Нам представляется, что *самосознание – это высший уровень идентификации субъекта с национальной группой и этническим сообществом.*

По мнению А. И. Донцова (2003): «Фактором идентичности является не сама по себе объективная культурная отличительность этих признаков, а их восприятие, оценка в качестве таковых» [5, с. 5]. То есть автор подчеркивает субъективный, относительный характер этнической идентичности.

Таким образом, можно выделить два атрибута этнической идентичности – осознанность и неосознанность, относительность.

Важно определиться с психологической природой данного феномена.

3. Фрейд понимал идентификацию как «самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом», «идентификация стремится сформировать собственное «Я» – по подобию другого, взятого за образец» [с. 160–161]. Идентификация с позиций психоанализа понимается как:

- 1) первоначальная форма эмоциональной связи с объектом,
- 2) регрессия в замене сексуальный объект-связи посредством интроекции таким образом, что эго приобретает характер, черты объекта,
- 3) чувство, возникновение которого обусловлено восприятием качеств, общих с другим человеком [10].

Таким образом, в основу природы идентичности психоаналитиками кладут потребность человека в любви, защите со стороны авторитета (личности, группы). М. Ярош (1999) определяет идентификацию как – «достижение внутреннего психического успокоения путем сопоставления, идентификации себя с кем-либо другим» [9, с. 133].

Ч. Райкрофт определяет идентичность как «чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других» [с. 51].

В данных представлениях идентичности прослеживаются две ее отличительные особенности – связность с другим и индивидуальная исключительность себя. Видимо, *в этом диалектическом противопоставлении себя другим и заключается сущность этнической идентичности.*

По Э. Эриксону (1953), с развитием эго растет чувство идентичности. Для того, чтобы человек обрел некую целостность своего «Я», ему необходимо идентифицироваться с группой.

С позиций гуманистической психологии, идентификация – неременный атрибут становления личности человека. К. Роджерс (1977) пишет, что поведение индивидуумов является культурно-обусловленным посредством систем вознаграждения, поощрения и наказания за поведение. Хотя, по мнению автора, некоторые подкрепляемые культурной традицией навыки поведения могут вступать в противоречие с потребностями индивида. Соответственно, идентификация представляет собой некое ограничение субъектом естественного исполнения своих потребностей. Следовательно, «идентификация является частью нормального процесса развития, но эго может быть и ограничено, и усилено в зависимости от природы идентификации» (Р. Нельсон-Джоунс, 2002) [10, с. 204].

Представители когнитивного направления утверждают, что в основе психологической природы идентификации лежит потребность человека соотносить свои поступки с имеющимися у него когнитивными системами (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Л. Фестингер, С. Аш, Д. Креч и др.). Данные когнитивные системы формируются под воздействием групповых норм и ценностей. Укрепляется точка зрения на нарративу как культурное орудие в становлении идентичности. «Нарратив с определенного момента «превращается» в определения себя автором нарратива, в его идентичность, а затем и в идею о том, «кто мы есть» (Дж. Верч, К Нельсон).

В отечественной психологии объяснять природу идентификации пытался В. А. Ядов (1994) исходя из теории диспозиций личности. Согласно данному взгляду, на первом уровне идентификацию определяют ситуативные установки, потребности признания со стороны значимых людей. На втором уровне идентификацию определяют обобщенные социальные установки и потребность самореализации. На высшем уровне человек идентифицируется с определенными большими социальными группами, опираясь на ее ценности, идеалы, смыслы. Таким образом, каждый диспозиционный уровень ответствен за различные критерии идентификации.

Обобщая, можно заключить, что известные школы и направления определяют природу идентичности исходя из потребностей человека в защите и признании со стороны значимых людей, а также из категоризации отношений между членами групп и социальной стратификации.

Возможно, трудности операционализации этнической идентичности связаны с ее возрастной феноменологией, поскольку, окончательно оформившись в юношеском возрасте, она меняется в зрелости. Достигая определенного духовно-нравственного уровня развития, зрелый человек понимает, что не национальность определяет жизненные ценности и смыслы.

В психологии Д. Марсия (1980) выделил 4 состояния формирования идентичности:

- 1.«Предрешенность», когда индивид не выработал четких позиций и убеждений по основным жизненным вопросам.
- 2.«Диффузия», когда индивид преждевременно идентифицировался с другими под давлением или под влиянием чужих мнений.
- 3.«Мораторий» - кризис идентичности – выбор собственного пути.
- 4.«Достижение идентичности» – переход от поиска себя к зрелой самореализации [7, 9].

Данный взгляд на идентичность – это западный подход к проблеме. В восточной философии подчеркивается, что достижение истинной идентичности возможно только на очень высоком уровне развития духовности, тогда действительно человек становится тождествен сам себе. Следовательно, на сегодняшний день нет единого представления о закономерностях формирования этнической идентичности. Сложности возникают и в ходе выявления общих психологических закономерностей процесса идентификации.

Культура, этнос, социальная группа будут накладывать отпечаток на все этапы на все виды идентификации. Особенно, что касается ценностей, ролей, норм и правил, которые установлены в группе, с которой себя идентифицирует индивид. В частности, это относится к идентификации человека с женской или мужской ролью, к идентификации с профессиональной ролью. Каждая культура предполагает свои особенности в этом процессе. Сложность возрастной определенности этнической идентичности заключается в том, что 4 состояния формирования по Д. Марсия гетерохронны в своем развитии, поскольку, как пишет Г. Крэйг (2000), «старшеклассник может быть в статусе предрешенности относительно полоролевых предпочтений, в статусе моратория при

выборе профессии или вероисповедания и в статусе диффузии относительно политических убеждений» [7, с. 606–608]. Следовательно, процесс формирования идентичности имеет свои индивидуальные особенности становления.

Г. У. Солдатова (1998) выделила модальности идентичности, обусловленные ее образованием: позитивную этническую идентичность, гипоидентичность (индифферентную), гиперидентичность [14, 40–63]. Таким образом, возможно выделить *еще один атрибут этнической идентичности – оценочное отношение к ней.*

Становление идентичности тесным образом переплетается с механизмами психологической защиты человека. Анна Фрейд (1937) выделила 10 защит, к ним относятся: вытеснение, формирование реакции, интроекция, изоляция, уничтожение сделанного, проекция, поворот против себя и обращение, регрессия, рационализация, сублимация. Также выделяют расщепление и отрицание [12, с. 46]. Думается, что при трансформации идентичности механизмы защиты играют немаловажную роль, поскольку присвоение интроектов – это один механизм идентификации. А если идентификации предшествует проецирование – это уже другой. Так, изоляция – «механизм, с помощью которого субъект изолирует некое событие, препятствуя тому, чтобы оно стало частью континуума значимого для него опыта» [12]. Например, неприятные события, сопровождающие формирование этнической идентичности – национальный конфликт, могут привести к образованию негативной этнической идентичности или вообще к непринятию какой-либо этнической идентичности. Гиперидентичность, предполагаем, формируется на основе механизмов отрицания и проекции, когда представители определенной нации отрицают какие-либо психологические качества у себя и приписывают их другим народам. При этом также проявляется обращение как механизм защиты, выражающийся в том, что я «спокойно отношусь» к какому-либо народу, а вот они нас ненавидят. В этой связи представляет интерес защитный механизм – уничтожение сделанного, в прошлом все народы России довольно дружно сосуществовали, однако теперь большинство граждан делает вид, что этого не было.

З. В. Сикевич (1999) пишет: «Этническая самоидентификация, неперенный атрибут этнического (национального) самосознания, тем не менее носит во многом ситуативный характер и может быть обусловлена конкретными политическими реалиями. Человек невольно идентифицирует себя с тем народом, среди которого он испытывает больший социально-психологический комфорт, приобретает более высокий этнический статус» [13, 100]. Предполагаем, что такая ситуативность этнической идентичности во многом определяется социально-психологическими условиями, с которыми сталкивается этносубъект.

Если обратимся к социальному конструкционизму Ж. Жержена (1994), то важно отметить, что значимым условием идентификации является ситуация [2, с. 256]. А следовательно, каждая новая ситуация будет конструироваться своими специфическими детерминантами, не опираясь на

ментальные представления. В этой связи можно говорить о *ситуативной идентичности*. «А куда же делись традиции?» – спросит социолог. Возможно, рождаются новые ситуативные традиции, а старые нивелируются.

В таком случае, несколько неясным является вопрос выделения структуры этнической идентичности. В отечественной и зарубежной науке есть отдельные работы, посвященные структуре этнической идентичности. J. S. Phinney выделяет: когнитивный (знание о своей этнической группе) и аффективный (отношение к своей этнической группе) компоненты этнической группы. Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева, Г. У. Солдатова добавляют еще и поведенческий (проявления себя как члена этнической группы) компонент к данной структуре. Устойчивость данной структуры относительна. Процесс становления и развития идентичности имеет кризисные этапы.

Рассмотрим проблему кризисов этнической идентичности.

Согласно Э. Эриксону первый кризис идентичности происходит в подростковом и юношеском возрасте в ходе ее становления, оформления. Данный кризис, как установила М. Мид, является приобретением условий цивилизации, следствием особенностей воспитания современных подростков.

Существует другой кризис – кризис потери идентичности. Э. Эриксон (1968) определял потерю личной идентичности как потерю своей тождественности и исторической непрерывности в периоды резкого изменения общественных условий.

«Согласно теории Тэджфела–Тернера (70-е гг. XX в.), кризис социальной идентичности можно определить как утрату позитивной определенности группового членства» [2, 246].

Можно выделить экзистенциальный подход к кризису этнической идентичности. В. Франкл (1975) утверждал, что люди становятся агрессивными тогда, когда их охватывает чувство пустоты и бессмысленности. Франкл выявил «ноогенный невроз», который определил как «невроз, в основе которого лежит духовная проблема и моральный или этический конфликт, например конфликт между супер-эго и истинным сознанием» [10, с. 103]. Когда люди не знают, чего они хотят, они ощущают внутреннюю пустоту, так называемый «экзистенциальный вакуум». Франкл выделил несколько следствий этого в западном мире: депрессия, наркомания, агрессия. При этом люди начинают либо слепо подражать другим во всем, либо подчиняются желаниям других, то есть теряют ответственность за свою жизнь.

Как пишет Г. М. Андреева (1996, 1998), последнее десятилетие мы наблюдаем в России кризис социальной идентичности [1, с.363]. То есть, со сменой политического строя в стране стерлись старые социальные категории определенности социального мира и идеалы. А новые еще только создаются. Поэтому люди находятся в некотором вакууме неопределенности, выражающемся в кризисе идентичности.

В. Н. Павленко и Н. Н. Корж (1998) предлагают различать объективно фиксируемый кризис и субъективно переживаемый кризис. Объективно фиксируемый кризис выражается в слабом или в отсутствии отождествления с этнической группой, при этом человек может не осознавать происходящего. Субъективно переживаемый кризис – осознаваемое или неосознаваемое человеком рассогласование между реальной идентификацией или ее отсутствием и желаемой [11, с. 75]. Все виды кризисов идентичности нарушают планомерное течение жизни человека и переживаются на психологическом уровне как переживание пустоты, одиночества.

Как пишет В. Д. Менделевич (1999): «В современных условиях психика многих людей оказывается недостаточно пластической для быстрого и адекватного приспособления к стремительно меняющимся условиям жизни, что приводит к развитию разнообразных поведенческих девиаций, связанных с кризисом идентичности» [9, с. 10].

Н. М. Лебедева (1999) понимает кризис идентичности как рассогласование между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью. Автор отмечает: «Для того чтобы произошли серьезные изменения в идентичности (социальной, этнической, личной), необходимо радикальное изменение социальных категорий в обществе, служащих основой многообразных процессов идентификации личности» [8, с. 48]. Что и происходит, например, в современном российском обществе.

К основным характеристикам изменения процессов самоидентификации Н. М. Лебедева (1999) относит: 1) стабильность – неустойчивость; 2) унифицированность – разнообразие; 3) переход от потребности к самоуважению – к потребности в смысле; 4) глобальность – детализация [8, с.57].

Б. С. Положий (1999) определил 4 вида кризиса идентичности (цит. по [9]):

1. Аномический, выражающийся в утрате жизненного тонуса, снижении активности, уверенности в своей несостоятельности.
2. Диссоциальный, выражающийся в интолерантности к мнению других, в нетерпении к окружающим, доминировании угрюмо-злобного аффекта.
3. Негативистический, выражающийся в скепсисе в оценке окружающих, в обобщениях негативного восприятия мира, отказа от активности, по причине бессмысленности всякой деятельности.
4. Магический, выражающийся в тяге ко всему иррациональному, магическому, в поиске истины.

Данные представления о кризисе идентичности формируются в рамках клинической психологии.

Важно подчеркнуть, что на процесс кризиса этнической идентичности будут влиять ситуативные факторы, а также то, что у каждого человека будут свои индивидуальные особенности проявления этнической идентичности, связанные с его личной историей. При этом внешние факторы

будут во многом влиять на процессы деформации этнической идентичности в целом у субъектов национальных групп.

Современное российское общество переживает трудные времена кризиса социальной идентичности граждан. Этот факт установлен многочисленными исследованиями отечественных психологов, как было показано выше.

В. А. Ядов, М. Ф. Черныш, Ю. Л. Качанов, Н. А. Шматко показывают в своих исследованиях, что в условиях экономического, политического и социально-психологического кризисов россияне неоднозначно приспосабливаются к меняющейся действительности. Получили распространение следующие формы идентификации – профессионально-производственная, политико-идеологическая, предпринимательская и национальная. Здесь авторы выделяют две тенденции: либо происходит усиление уже имеющейся идентификации, либо идентификация продвигается в сторону успешных групп личностей.

О.С. Васильева в личной беседе рассказала, что, проводя тест «Я...» в период социализма на студенческой выборке показала преимущественный выбор идентификации – Я – человек. В современных исследованиях подчеркивается деловая направленность идентификации Я, этничность занимает четвертое место.

Поскольку мы рассматриваем менталитет как культурный артефакт, то важно понять какие формы идентичности определяют менталитет. Если исходить из данного определения менталитета, то он будет определяться религиозной идентичностью, этнической, социальной. На содержательном уровне это будет идентификация с ценностями, смыслами и значениями определенной группы.

Но если человек придерживается буддизма, сам русский, служащий, то какие у него образ мира, образ жизни, менталитет? Скорее всего, образ мира у него буддистский, образ жизни – русский, служащего. Думается, что это не совсем так. Поскольку мы приняли гипотетически, что **в различные исторические эпохи, в различных регионах, в которых превалирует какая-либо одна из названных систем, то либо религия, либо этнос, либо социум будут задавать форму менталитета и особенности его идентификации.** Но при этом большую роль будет играть характеристика гомогенности/гетерогенности среды. Преобладание определенных групп населения – это гомогенная среда, смешанный тип населения – это гетерогенная среда. То есть, если названный человек живет в Калмыкии, гомогенной среде, то, скорее всего превалирует религиозная и этническая идентичности и определяют образ мира и образ жизни человека. В городе Ростове–на–Дону большое представительство различных конфессий, этносов, вряд ли какой-либо из них можно назвать титульным, а вот социальные страты можно обозначить титульные. Следовательно, именно социальная система будет определять образ жизни и образ мира ростовчан. Таким образом, можно полагать, что механизм идентификации задается внешними системами менталитета (религиозной, этнической, социальной) и условиями однородности и неоднородности среды.

Однако в ситуации социокультурного кризиса, когда непонятно человеку с какими социальными категориями идентифицироваться механизм идентификации не работает, система менталитета как бы зависает. Здесь вступает в силу механизм отчуждения.

Идентификация/отчуждение является универсальным механизмом жизнедеятельности культурных артефактов. Именно благодаря этому универсальному механизму человек не теряет своей подлинности и не теряет связь с другими. Поскольку попытки ученых объяснить становление культурных артефактов, менталитета только культурными или биологическими механизмами приводит к тому, что мы имеем дело либо с биологическим человеком (теории потребностей, теории развития либидо), либо с человеком социальным адептом (теории социального нормирования поведения, человек как элемент социального целого). «Познавая природу человека в истории, мы убеждаемся в принципиальном единстве его природы во все века. Он создает свою индивидуальность и обладает сознанием, не сводимым к предметно–природному окружению» [Шкуратов, с. 195].

Именно механизм отчуждения позволяет человеку рефлексировать свой опыт и не сливаться с ним, не быть его придатком, а идентификация позволяет погружаться в мир культуры, транслировать знания, смыслы, ценности иным поколениям.

Понятие «отчуждение» (Entäußerung) переводят как отрешение. Гегель истолковывал отчуждение как отчуждение духа, а преодоление отчуждения — как теоретическое осознание неистинности отчуждения: «Действование и становление, благодаря которым субстанция становится действительной, есть отчуждение личности, ибо самость, имеющая непосредственно, то есть без отчуждения, значение себе и для себя, лишена субстанции и есть игра указанных бушующих стихий; ее субстанция, следовательно, есть само ее отрешение, а отрешение есть субстанция или духовные силы, упорядочивающиеся в некоторый мир и, благодаря этому, сохраняющиеся» [].

Маркс создал свою теорию отчуждения под влиянием идей Л. Фейербаха. Л. Фейербах писал, что когда человек создает образ Бога, то он находится в некоторой раздвоенности – между тем, что признает в качестве себя, и тем, что признает в качестве внешней силы. Т.о. человек становится чужд своей собственной части и самого себя [Скирбекк Г., Гилье с. 582]. Для преодоления этого отчуждения человек должен познать подлинное отношение между собой и Богом. Тогда люди не будут жить в состоянии болезненного раздвоения и могут примириться сами с собой.

В своей социальной теории К. Маркс рассматривает отчуждение как следствие общественного разделения труда при капитализме, то есть считает источником отчуждения господство частной собственности, соответственно товарно-денежных отношений, превращение «труда» человека в средство существования. К. Маркс доказывает социальный характер отчуждения и отмечает, что и в субъективном, и в объективном плане отчуждение пронизывает все проявления человеческой жизни. Следовательно, исследуя проблему отчуждения необходимо установить, как

изменялись роль и место человека в сфере предметной деятельности, в отношениях между людьми по мере развития общества. Прежде всего, в России произошла смена коллективной собственности на частную. Это привело к расслоению населения на богатых и бедных. Основным следствием этого стало смешение ролей. Смешение ролей привело к дистанцированию людей в отношениях, к смене установок поведения и оснований для завязывания контактов.

Э. Фромм соединил социальную теорию Маркса и психоанализ Фрейда в решении проблемы отчуждения человека, так и выявления действительной причины, порождающей этот феномен. Э. Фромм считал, что «под отчуждением понимается такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он становится как бы отстраненным от самого себя. Он не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий, подчиняется или даже поклоняется им. Отчужденный человек утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми» []. В ходе социальных преобразований человек действительно отдаляется от других людей, перестает их понимать, поскольку, прежде всего, не понимает себя – что он делает не так, почему у него всюду провалы?

Как замечает С.Л. Рубинштейн, при этом, когда происходит лишение человека души, не может сущность человека определяться только экономическими отношениями. Главными отношениями являются отношения человека к человеку. Поэтому, когда поднимается вопрос противоречивости человеческого бытия, выражающийся в *отчуждении от человека его человеческой сущности*, то материалистическое решение проблемы недостаточно. С.Л. Рубинштейн пишет, что для преодоления отчуждения человека от продуктов, которые он создал, ценностей, идеалов, способов жизни, прежде всего, необходима нравственная переделка отношений «в соответствии с принципом человечности». Идея противоречивости заложена в глубокой диалектической трактовке отрицания, как утверждения и порождения нового.

В науке выделено несколько форм отчуждения [Основы религиоведения. с. 48]. Нас наиболее интересуют следующие формы:

- опосредование отношений людей отношениями вещей, деперсонализация связей,
- аномия, отчуждение от ценностей, норм, ролей, социальная дезорганизация, конфликты,
- отчуждение человека от человека, изоляция и атомизация,
- внутреннее самоотчуждение личности – утрата «Я», апатия, неосмысленность [с.49].

Думается, что в период социокультурного кризиса можно наблюдать все эти формы отчуждения.

Следовательно, решая проблему отчуждения необходимо уяснить и процесс присвоения культурного опыта человеком, который является противоположностью отчуждения. *Поскольку во многих работах было показано, что менталитет транслируется по средствам ценностей, образа мира и программ поведения, то в ходе отчуждения именно эти носители компонент менталитета*

и будут отчуждаться при трансформации менталитета. Необходимо заметить, что это новый подход к проблеме отчужденности человека.

Е.П. Крупник выделяет пять фаз процесса отчуждения: «1) бессилие – индивид считает, что его деятельность не может дать тех результатов, к которым он стремится; 2) бессмысленность – индивиду неясно значение событий, в которых он участвует, он не знает, во что должен верить, почему надо поступать так, а не иначе; 3) деорганизация норм, или аномия, – ситуация, в которой индивид сталкивается с противоречивыми ролевыми ожиданиями и вынужден для достижения поставленных целей прибегать к социально неодобренному поведению; 4) изоляция – отчуждение индивида от господствующих целей и ценностей, расхождение индивида с данным обществом в оценке значимых в обществе целей и верований; 5) самоотчуждение – отчуждение индивида от самого себя, ощущение себя и своих способностей как чего-то чужого, как средства или инструмента, то есть крайняя точка континуума (extreme)» [2001, с.155].

Некоторые авторы высказывают мысль о том, что эта отчужденность характерна именно для техногенной эпохи. В.В. Парцвания («Генеология отчуждения», 2003) отмечает, что человек как человек из-за собственной отчужденности отдален от природы, от человеческого сообщества, от своей природной сущности. Такая отчужденная суть ведет к экзистенциальному эгоизму и формированию иррациональной социальной сущности, превращающей «человека» в абсолютное средство для собственного же животного существования, есть не что иное, как совокупность отрицательных социальных качеств. Также автор подчеркивает, что современная эпоха новых технологий все более освобождает «человека» от прямой зависимости от природы и от самого себя [].

В литературе представлено множество точек зрения на сущность отчужденности человека. В.Е. Горозия отмечает, что «собственная мощь противостоит человеку как чуждая сила, в этом — существенный момент парадоксальности современной эпохи: потеря человеком собственных убеждений, традиции, коммуникабельности, его одиночество (Ортега-Гассет); отсутствие личной ответственности, собственного мышления, его деятельность вне «Я» (Ясперс); трагедия самосознания превращенного в ничто человека (Кафка); скандал духа, кризис культуры, бытия и сознания (экзистенциализм); превращение средств в цель (Фромм)» [].

Индустриальная цивилизация вызвала с одной стороны, как пишет автор, множество различных осложнений, с другой стороны, повлекла катастрофическое упрощение духовной структуры человека. Созданная человеком действительность вызывает в его же сознании обесценивание интеллектуальных, эстетических, этических и т.д. ценностей. Для отчужденного в такой мере человека затеняется эстетическая сторона предмета, высокие нравственные, подлинно человеческие ценности: добро, любовь, дружба, солидарность подчиняются вещественным

взаимоотношениям. Основу отчуждения составляет по В.А. Петровскому, М.В. Полевой, результат «неотраженности» собственной субъектности в зеркале другого [с. 20].

Трансформация общества и образа мира, как и производимых им типов личности, их отношений к социальной действительности, к природе, к друг другу порождает потребности в новых мировоззренческих ориентациях, которые обеспечивали бы более совершенные формы социального бытия. В эпоху научно-технической революции здесь проявляются две тенденции: с одной стороны, — формирование мировоззрения облегчено, а, с другой стороны, — затруднено.

Следовательно, как показывают ученые в современном обществе на лицо отчужденность ценностей человека, способов поведения, образа мира. Цель человека по В.В. Парцвания — преодоление отчуждения и переход к «разотчуждению», которое возвращает человека к его конкретной природе [].

Обобщая вышеизложенное, можно выделить различные виды отчуждения — это отчуждение человеком его сущности, отчуждение продуктов его духовной и материальной жизни, отчуждение групповых норм и правил, отчуждение законов общества.

Субъектно-деятельностный подход в психологии, родоначальником которого был С.Л. Рубинштейн, является онтологической основой в понимании механизмов трансформации менталитета. Данный подход позволяет по-новому решить проблему детерминант трансформации менталитета. Ни бытие, ни сознание определяют трансформацию менталитета, а «субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» (с. 15). Социальная ситуация, в которой существует человек, меняясь, стимулирует человека изменять свое отношение к миру, в которые включены отношения к другим людям. При этом человек выходит за пределы ситуации и может ее осмыслить со стороны и преобразовать свой образ мира. Сначала подчиняясь общественным законам, человек неотделим от них, а за тем отделяется для себя в личной жизни, но нравственные императивы и ее соединяют с общественным.

Закономерным результатом человеческой жизни является переоценка ценностей, а, следовательно, изменения отношения к миру, к другим людям, к обществу. За этой закономерностью скрыт серьезный этический вопрос — верность старым ценностям и пренебрежение новыми. Но, как пишет С.Л. Рубинштейн, главное быть искренним, доверять своей способности принять нравственное решение.

С изменением социальной ситуации меняются смыслы человеческой жизни. А именно смыслы мотивируют поступки человека. Система значимых для человека отношений управляет его поведением. Социальная нестабильность открывает все не стыкующиеся части бытия человека, все неосознанные части. Это усугубляет ситуацию. Но, беря на себя ответственность, человек вырывается из плена неясностей, ошибается, но преодолевает трудности. И присваивает, интегрирует новообразования системных связей менталитета.

Большую роль в процессе отчуждения и принятия новых компонентов жизни играет вера. «Известна формула А.Н.Леонтьева, согласно которой личностный смысл порождается отношением мотива (деятельности) к цели (действию) [14]. Подчеркнем, однако, что речь при этом идет о личностном смысле замкнутой на себе деятельности, тогда как переходя к более общим смыслам, мы сталкиваемся с иными условиями порождения. В сложных формах активности человек действует не ради достижения самого по себе предмета потребности (или мотива, по А.Н.Леонтьеву), он действует ради целостного образа новой жизни, в которую будет включен этот предмет. И в этот образ (вспомним — сугубо вероятный на деле) человек должен поверить, принять его как уже существующий, влияющий, сопровождающий сегодняшнюю жизнь. Продвижение требует принятия того, чего нет, как того, что есть. Это внутреннее принятие — сугубо продукция, работа веры. И если смыслы деятельности порождаются отношением мотива к цели, то смыслы жизни порождаются живым образом будущего, освещающим и животворящим настоящее или — отношением образа веры к наличному состоянию человека» [К проблеме человека в психологии. Б.С. Братусь].

Полагая, что все составляющие менталитета человека изменяются в ходе исторических кризисов, мы нарушаем идею воспроизводства культурных ценностей, социального. Однако, как полагает А.В. Брушлинский, человек в силу своей уникальности, неповторимости участвует в развитии культуры и всего общества, выходя за пределы уже достигнутого обществом, но опираясь на нее. Поэтому человек и его психика социальны изначально. В этом скрыто противоречие связности человека с другими людьми и его принципиальная отделенность от них. Как пишет А.В. Брушлинский, каждый «индивид — это неразрывно развивающееся единство социального, общественного и индивидуального как (соответственно) всеобщего, особенного и единичного» [с. 33]. Это развивающееся единство благодаря механизму отчуждения распадается, поскольку как раз обнаруживается несоответствие социального, общественного индивидуального. Описанный универсальный механизм идентификации/отчуждения видимо будет терять свою универсальность в ситуации нестабильного развития системы менталитета.

«Но институциональный строй, как показали К. Маркс, М. Вебер, П. Бергер и Т. Лукманн, есть социально-историческая реальность, есть результат самоотчуждения человека. Превращение в последние десятилетия этой реальности в эфемерную, нестабильную, описываемую постмодернистским принципом anything goes, как раз и объясняется ее историчностью. В эпоху Постмодерна сущность человека отчуждается уже не в *социальную*, а в *виртуальную* реальность» [Д.В. Иванов с.19–20]. Виртуальная реальность это и есть то пространство, в котором умирают артефакты традиционные культуры и порождаются новые.

Остается открытым вопрос психологических закономерностей трансформации менталитета, отражаемой в отторжении его компонентов в эпоху виртуальных реальностей. Отторжение в

психологическом плане понимается как неприятие на эмоциональном уровне, не включение в образ мира на когнитивном уровне, потеря смысла, исключение ценностей, значений, смена установок.

Сегодня не достаточно механизма идентификации/отчуждения для описания процесса трансформации менталитета в меняющемся мире. Я. Вальсинер сравнивает генетическую и не генетическую точку зрения в психологии и полагает, что негенетическая исходит из «аксиомы идентичности» ($X=X$). Поэтому вопросы о развитии исключаются из этого аксиоматического базиса. «Генетическая точка зрения основывается на аксиоме становления» [с. 44]. Здесь выявляются два процесса становления $X \rightarrow Y$ и когда X остается X ($X \rightarrow X$). Поддержание постоянства происходит за счет новообразований в системе элементов. «Аксиома идентичности слепа по отношению к процессам, которые делают идентичность возможной» [там же с. 44].

Следовательно, существует проблема, заключающаяся в том, что описанный механизм идентификации/отчуждения не полностью отражает те механизмы, которые составляют процесс трансформации системы менталитета.

1.1.4. Ретроспектива моделей развития культурных артефактов

На основе анализа философской, социологической, культурологической и исторической литературы можно воссоздать ретроспективу моделей развития культурных артефактов.

«Культурная динамика связана с парадоксальным феноменом стабильности и изменчивости культуры, то есть с тем, как определенные аспекты культуры остаются неизменными в ходе непрерывных изменений, а изменения продолжаются, несмотря на факторы, обеспечивающие устойчивость и сохранность культуры» [с. 519] (Мацумото). Ситуация еще осложняется отсутствием общей методологической базы исследования изменяющихся культурных артефактов. Хотя «поиск методологических, теоретических и собственно методических оснований для интеграции психоисторического, историко-психологического и общепсихологического методов анализа является необходимым условием для научного объяснения изменений, происходящих в людях, как результата движения культурного, экономического, социально-политического контекста их бытия» [с. 37] (В.Е. Ключко. Э.В. Галажинский). В поисках общей теоретико-методологической базы проблемы трансформации менталитета мы обратились к подходам, которые акцентируют свое внимание на динамических и стабильных процессах культурных артефактов.

Авторы, которые придерживаются представлений о стабильности культуры, образовали системно-ориентированный подход (Triandis, 1972; Geertz, 1973). Исследователи практически-ориентированного подхода уделяют внимание изменчивости культуры (Выготский, 1978; Лурия, Коул, 1996; Гринфилд, 1997). Й. Кашима выделил несколько отличительных особенностей данных исследований Табл.2.2.1.

Отличительные признаки системно-ориентированного и практически-ориентированного подходов к динамике культуры

№	Подходы Характеристики	Системно-ориентированный	Практически-ориентированный
1.	Хронологическая перспектива культуры	Культура рассматривается в долгосрочной перспективе (века, десятилетия)	Культура рассматривается в краткосрочной перспективе
	Отношение к контексту	Контекст понимается обобщенно, как связанный со смыслами культуры	Культура совокупность контекстоспецифичных видов деятельности
3.	Объект анализа	Группа индивидов	Конкретный вид деятельности

Исследователь пишет, что: «центральной проблемой культурной динамики является вопрос о том, как обладающая контекстной спецификой сигнификативная деятельность индивидов в одних условиях продуцирует нечто стабильное, что можно определить как систему смыслов, связанную с обобщенно-понимаемым контекстом, а при других обстоятельствах вызывает резкие, порой хаотические, изменения» [с. 523]. ***Фактически проблема заключена в изменяемости неизменного и стабильности изменяемого, что составляет парадокс развития.***

Главная идея, которая объединяет эти направления, заключается в том, что *Я-концепция является опосредствующим фактором воздействия культуры на психологические процессы* [с.528]. Каждая культура имеет свою специфическую Я-концепцию. Й. Кашима определил коллективистское, индивидуалистическое и относительное Я [1995]. Для коллективистского Я характерен социоцентризм, независимое Я [Schwartz]. Для индивидуалистического Я характерно взаимозависимое Я [Markus, Kitayama, Fiske], эгоцентризм [Heine & Lehman].

Исходя из этого, можно утверждать, что Я-концепция самих исследователей задает угол зрения в подходах к изменяемости культурных артефактов. При этом Й. Кашима отмечает, что западная традиция рассматриваемой культуры будет объяснять трансформацию менталитета, опираясь на диспозиции личности, а восточно-азиатская традиция на контекст [с. 532-533]. В российской традиции пространство изменчивости обуславливают: ситуация развития субъекта и его взаимодействие с другими.

Наиболее приемлемый вариант решения проблемы, как мы видим – это интеграция подходов. Для исследователей сегодня важно уяснить: существуют ли в науке реальные предпосылки для построения концепции трансформации менталитета как культурного артефакта и описания его феноменологии?

Если за основу классификации моделей развития культурных артефактов брать виды детерминации их изменений, то можно выделить:

- 1) модели внешней детерминации (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, А. Тойнби, О. Шпенглер, К. Ясперс, Л.Н. Гумилев, Н.А. Хренов)
- 2) модели внутренней детерминации (Г. Спенсер, О. Конт, В.М. Розин, И.Г. Петров)
- 3) модели самоорганизации, системной детерминации (П.С. Гуревич, В.С. Барулин, Э.В. Сайко).

Беря за основу классификации моделей развития культурных артефактов процессы их изменения, то можно вывести:

- А) модели полной смены артефактов,
- Б) модель частичной смены элементов артефактов,
- В) модель смены фона при неизменном артефакте,
- Г) модель повторений, возвращений артефактов.

Любое изменение культурного артефакта должно быть рассмотрено со следующих позиций: направление изменений, объем изменений, динамика. С данных позиций и рассмотрим подходы к изменению культурных артефактов в истории науки.

Динамические процессы менталитета напрямую связаны с проблемами развития в философии. Идея развития была имплицитно представлена в образах мира, создаваемых древнейшими философиями. Представленная в образе мира жизнь живых существ и человека это движение, которое символически обозначалось током реки, по которой человек плывет в лодке и его сопровождают небесные светила – солнце и луна. В одних культурах движение изображалось однонаправлено, например, до противоположного берега реки к царству мертвых, как зафиксировано в представлениях африканских племен. В других культурах, движение жизни – это круг, кармический путь постоянных перерождений, бесконечный путь (Индия, Китай). Утвердился символический образ развития – это движущаяся по кругу свастика, которая символизировали солнце, жизнь. Хороводы, которые водят многие древние племена и круговые движения в танцах народов мира – это сохраненный архаический образ движения жизни. Отделение идеи развития от своих символических носителей, способствовало оформлению ее в письменных источниках.

Одним из первых, кто рассмотрел идею развития, изменения был античный философ Гераклит (V век до н. э.), высказавший мысль о вечном изменении всего сущего в природе, – «все течет» по законам вечного «логоса». Натурфилософия Аристотеля (ок. 384–322 до н.э.) берет за основу анализ процесса изменения. Каждое изменение нарушает непрерывность. Оно начинается с отсутствия чего-то, приобретаемого в процессе изменения. Аристотель различает четыре типа изменений. Наиболее фундаментальное – то, при котором возникает новая сущность, способная к самостоятельному существованию. Это может произойти лишь в результате разрушения некой предшествовавшей сущности. В основе такого изменения лежит одна чистая потенция материи.

Однако любая материальная сущность, как только она возникла, обретает способность к дальнейшим изменениям своих атрибутов или акциденций. Эти акциденциальные изменения распадаются на три типа: 1) по количеству, 2) по качеству, 3) по месту. Всякое преобразование измеряется также временем, т.е. числом изменений.

Г.В.Ф. Гегель в XIX веке идею развития перенес на законы общества, государства, народа: «Общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является изменение вообще» [соч. т. VIII. С. 69]. Развитие может быть представлено в форме диалектического снятия противоречия, когда антитезис снимает тезис. Развитие по Г.В.Ф. Гегелю, – характеристика деятельности абсолютного духа. Противоречие – внутренний источник развития.

Согласно общему закону развития, сформулированном В.С. Соловьевым («Философские начала цельного знания»), каждое развитие проходит 3 этапа: 1) мало определенная и слитная целостность; 2) дифференциация и расчленение первичной целостности; 3) внутренняя, свободная связанность, органическое, свободное единство всех элементов внутри целого. Развиваться, по мнению автора, может только единое существо, содержащее множественность элементов, внутренне между собой связанных. Сходные идеи высказали И.М. Сеченов, Н.Н. Ланге, Н.О. Лосский, А.А. Богданов в основной закон развития положил закон системной дифференциации, или закон расхождения частей целого. При этом между разошедшимися элементами не только сохраняются связи, но возникает отношение взаимодополнительности. Системное расхождение способствует увеличению внутренних противоречий и при том устанавливает дополнительные связи, что ведет к образованию более высоких организационных форм. Следовательно, дифференциация и специализация, по мнению автора, это не просто накопление различий, но процесс повышения организованности системы. Исходя из этого, российский менталитет, являясь объектом развития, очевидно по аналогии, подчиняется этим закономерностям своего развития.

Если для Г.В.Ф. Гегеля, логика истории базируется на развертывании разума, то К. Маркс положил в основу развития исторического процесса объективный закон общественной жизни. «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [К. Маркс, Ф. Энгельс к с. 7]. Сразу ставится вопрос об объяснении механизмов явления не из его самого, а из объективной действительности.

Таким образом, изначально идея развития общественного процесса базировалась на двух основаниях: духовном и материальном. Следовательно, трансформация менталитета исходила из двух этих начал. Принципиально ли это для трансформационных процессов менталитета? Очевидно,

это определяет угол зрения оценки процессов трансформации менталитета. Одни исследователи придают большее значение экономическим детерминантам, другие – духовным составляющим общества.

В конце XIX века Г. Спенсер полагал, что динамика государства заключается в дифференциации – движение от однородного к разнородному, усложнение строения и специализации, объединении индивидов в группы, каждая из которых выполняет свойственные ей функции []. Ученый также считал, что в истории осуществляется переход от общества, в котором «личность подчинена социальному целому (военный тип), и обществу, в котором социальный организм служит составляющим его индивидам (промышленный тип). Если исходить из этого положения, то динамика менталитета также проходит этапы, когда в менталитете отражается зависимость человека от общества, к зависимости общества от человека. Таким образом, современные формы менталитета должны отражать торжество индивидуализма. Еще ранее О. Конт связывал развитие общества с эволюцией человеческого сознания, со сменой картины мира, «состояния человеческих умов»: теологической, метафизической и позитивистской []. Поскольку в структуре менталитета выделяем образ мира общности, то положение О. Конта представляется важным. Хотя, контовская система содержала налет идеалистичности. Эра научности открывает у него общество материального и духовного благоденствия, где духовная власть принадлежит интеллектуальной верхушке. В данной концепции показано, что развитие только ментальных функций, образа мира не достаточно для запуска динамических процессов менталитета.

Э. Дюркгейм видит развитие общества в преодолении аномии через социальную интеграцию, основанную на идеалах, веровании []. То есть, опять признается решающая роль духовного начала, а именно – ценностей в динамике менталитета. У.У. Ростоу автор концепции экономического роста отдает предпочтение развитию материальной сферы общества и его влиянию на менталитет. Д. Белл считал, что различные сферы общества: технология, социальная структура, политика, культура и другие, самостоятельны и обладают собственной логикой развития. Следовательно, менталитет, возможно, обладает специфическими формами развития. Некоторые современные социологи придерживаются той же точки зрения.

Анализируя вклад представленных ученых в развитие идей изменений культурных артефактов, можно процитировать В.А. Шкуратова «Научное мировоззрение указанных мыслителей было ньютоновским, в частности, они считали, что в характере микрообъекта достаточно однозначно проявляется природа составляющих его элементов» [с. 162]. «Подобный тип философствования характерен для относительно стабильных периодов социального развития» [Л.Е. Бляхер с.17]. Изменения сознания человека также, по мнению автора, происходит под воздействием внешних факторов до пределов тех норм и знаний, которые в сознании представлены.

Историческая наука подходит к проблематике динамики менталитета с позиции исторической фактологии. Здесь возможно, выделить два основных направления, – материалистический подход, базирующийся на формационном направлении (К. Маркс) и цивилизационный подход (М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер, школа «Анналов», Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин).

С позиций формационного подхода со сменой общественно-экономической формации происходит смена способа производства, базис определяет надстройку (менталитет и др.). Движущие силы развития – борьба классов за собственность. По мнению историков, сильная сторона подхода в том, что это стройная объяснительная модель всего исторического развития с определенными этапами. Каждому из этапов соответствует свой менталитет. Однако не раскрывается роль его в движении формации. Формационный подход позволяет выделить классовый менталитет. Сам К. Маркс замечал, что не все страны укладываются в его схему развития, в частности Россия не пережила рабовладельческой формации. Россия характеризовалась «азиатским способом производства», но этот вопрос остался не разработанным. Это подтверждало новое на тот момент представление о нелинейности исторического процесса. В формационном подходе большую роль уделяли конфликтам и насилию в формировании менталитета, хотя очевидным является то, что не нужно преувеличивать их значение. Современные историки подтверждают, что ведущую роль в истории принадлежит духовно-нравственной жизни. Фактически перед нами формационная модель развития культурных артефактов, завязанных на особенности жизнедеятельности людей различных формаций. Именно в данном подходе произошел переход от позиций фокусирования на внешней и внутренней детерминации развития культурных артефактов к системной.

В цивилизационном подходе цивилизация – это целостная общественная система. «Каждый элемент этой системы несет на себе печать своеобразия той или иной цивилизации» [1]. Под влиянием внешних и внутренних воздействий в цивилизации происходят определенные изменения, но внутреннее ядро цивилизации остается неизменным (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер). А. Тойнби писал, что динамика цивилизации определяется «законом вызова и ответа» [2]. «Вызов» создает историческая ситуация. Заслуга адекватного ответа принадлежит «творческому меньшинству» общества, которое властвует. Таким образом, возможно, носителем менталитета является творческое меньшинство, как выразитель самых ярких качеств менталитета. «Культурно-исторические типы – это исторически сложившиеся общности, которые занимают определенную территорию и имеют свои характерные только для них особенности культурного и социального развития» [Данилевский Н. Я.] Этот подход ориентирован на познание истории общества, с учетом специфики стран и регионов. Этот подход способствовал тому, что историками «славянофилами» был признан самобытный путь развития России, и ее самобытного менталитета. История развития, с точки зрения цивилизационного подхода, является многолинейным и многовариантным процессом.

В данных подходах цивилизации или формации рассматриваются как системы, путь их развития может и не повторяться. Менталитет представляется встроенным в данные системы и тогда он подчиняется этим системам. Он либо метрика, либо единица системы. Детерминацию его развития определяют: цивилизация, эпоха или формация. Своеобразие развития менталитета задается своеобразием этих систем.

Место России в мировом цивилизационном процессе представляет важную теоретическую проблему истории. Возможно, выделить три подхода к развитию России и динамике менталитета. 1) Западники – В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский признают западный тип развития России, в ходе которого, российский менталитет должен присвоить западные установки. 2) Славянофилы – А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ф.Ф. Самарин, Н.И. Киреевский считают, что у российского менталитета своеобразный путь развития, основанный на славянской душе, истинном христианстве. Расцветом самобытности являлось, по их мнению, эпоха Московского государства, а Петр I повернул на путь иностранного заимствования. 3) Евразийцы – П.А. Карсавин, И.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский – у российского менталитета неповторимый путь развития, основанный на самобытном русском этносе.

Следовательно, данная цивилизационная модель развития культурных артефактов описывает их изменения с системных позиций, полагая наличие специфических путей развития менталитетов в различных регионах и представление о некотором ядре, которое с течением времени не меняется.

Менталитет, по мнению культурологов, является уровнем культуры (), метаязыком культуры (И.Г. Яковенко). Поуровневые модели изменений культурных артефактов вычленим в концепциях культурологов.

Первичное структурирование и трансформация культуры заданы «онтологическими рубежами – границами от генезиса до аннигиляции (переход в иное качество)». (В.Б. Земсков, 2001) «Ритуал перехода» опирается на глубинную платформу бессознательного, архетипического – менталитет и воспроизводится на всех уровнях бытия субъекта культуры и его творчества. Взаимодействие между всеми уровнями культуры, по мнению автора, не строятся по принципу причинно-следственной связи, а на принципах асимметрии. Ментальность, как и вся культура, хранит в себе, в моменты своей динамики все предыдущие наслоения (архаические, традиционные, модерн). Опыт исследований культурологов показал, что всякие пограничные, переходные этапы активизируют архаические элементы культуры, вступающие в напряженные отношения со всеми другими элементами. При этом активизируется религиозно-мифологический опыт, порождающий массу парадоксов, возрождающих переживание канунов и рубежей. С данной позиции важной является идея преемственности прошлых составляющих менталитета перед настоящими. В ходе развития менталитета его прошлые элементы уходят в фон и не исчезают. И при особых условиях, ситуации

развития могут актуализироваться вновь. Такими ситуациями обычно выступают кризисные явления.

Критерием кризиса культуры, по мнению М. Бубера, Р. Генона, П.С. Гуревича и других, выступает внутреннее экзистенциальное самоощущение человека внутри культуры. Хотя, Д. Белл считает, что в истории было мало периодов, когда человек чувствовал, что мир его прочен и надежен. «О стадии процветания культуры можно говорить тогда, когда она имеет внутреннее, устойчивое представление о самой себе. Напротив, кризис свидетельствует о распаде постоянного образа, об утрате самотождественности. Иначе говоря, культура перестает понимать, что она собой представляет. Возникает тоска по прочному архетипу. Рождается тревожное, смятенное сознание. Постепенно вырабатывается новый образ культуры» [П.С. Гуревич]. Эта цитата фактически отражает особенности кризисного менталитета, который перестает быть тождественным сам себе.

Именно мыслители цивилиционисты и катастрофисты открывают новую страницу подходов к проблеме изменяющегося мира не с позиции стабильных систем, а с позиции их неустойчивости.

В работе «Истоки истории и ее цели» К. Ясперс пишет, что человек создает для себя картину целого: сначала в мифе, за тем в картине божественного деяния, в итоге в целостной картине истории мироздания от сотворения мира до Страшного суда. Кризис культуры выражается, по К. Ясперсу, в распаде конкретного типа мифологической или религиозной целостности. Таким образом, можно заключить, что трансформация менталитета как культурного артефакта выражается, прежде всего, в распаде картины мира в кризисное время.

Как отмечал Э. Гуссерль, в периоды кризисов установка начинает преобразовываться, возникают мотивы, которые побуждают отдельных людей и группы, разделяющие эту установку, к ее изменению. Так религиозно-мифологическую установку сменяют установки европейской науки []. Порождение кризисного сознания, отмечает мыслитель, – это страсть к наблюдению и желание заниматься теорией, философствовать. Таким образом, как показывают работы К. Ясперса, Э. Гуссерля и др., кризисы в культуре сопровождаются сменой одних видов артефактов другими. В концепциях культурологов четко обозначается стремление людей в кризисах к стабильности жизни в переломные моменты, что выражается в их установках, мотивах, стремлениях. Следовательно, система культуры, находясь в неустойчивом кризисном состоянии, стремится к устойчивости посредством трансформаций культурных артефактов.

Характеристика культуры больших переломов это – катастрофизм. По мнению В.Б. Земского, катастрофизм характеризуется как «специфическая динамика развития пограничной ситуации, приводящей к стремительной поляризации полюсов оппозиций, деструктивных и конструктивных факторов, стереотипов и инноваций, базовых ценностно-смысловых концептов и ориентаций, к девальвации и аннигиляции одних рядов и к утверждению других в стремлении к выходу в новую статику» [].

Если предыдущие культурологические теории (космически-мифологические и мифологически-исторические) видели финал культурного развития в обновлении мира, то современные концепции избрали несколько иные ориентиры. Одни авторы склонны прогнозировать глобальный катастрофизм, «без компенсации». Объясняя это тем, что мир теряет ресурс рационалистически-рефлексивного конструктивизма и обращается к иррационализму. Другие концепты содержат идею «нового оптимизма» или «новой рациональности», «новой естественности». Можно заключить, что многие современные концепции склоняются к идее полной замены культурных артефактов и не восстановимости предшествующих форм. Но в таком случае, линия развития прерывается. Мы придерживаемся точки зрения, непрерывности развития культурных артефактов. Сменяются тенденции развития, их направления.

Многие авторы склонны видеть в процессе изменения культурных артефактов, прежде всего смену типов личности в обществе. А.М. Горький анализирует процесс разрушения личности в связи с социокультурными изменениями в начале XX века []. Основную причину он видит в отделении личности от коллектива, в следствии появления частной собственности. Это приводит к потере смыслов жизни индивидуалиста, к прозябанию, к падению этики, «неуклонный процесс духовного обеднения человека, неустранимое сжимание «я»» [с.42]. Так он характеризует психологический портрет мещанина XX века. При этом автор наблюдает изменения в отношениях к женщине в обществе, к мужику, к рабочему, роли их принижаются мещанами.

Современное состояние культуры российского общества И.Ф. Кефели [] связывает с внутрицивилизационными трансформациями в России: «Первая такая трансформация была связана с Великой Октябрьской социалистической революцией, вторая – с попытками реставрации капитализма в нашей стране в последнее десятилетие» []. Также автор отмечает, что «на протяжении XX века отечественная культура претерпела фазу дивергенции – расхождения некогда единой культурной истории по двум направлениям (советская культура и русского зарубежья) и фазу конвергенции, которая в последнее десятилетие характеризуется сближением этих, некогда непримиримых, направлений» []. При этом И.Ф. Кефели пишет, что также наблюдается расхождение и таких тенденций культуры, как демократическая, несущая культуру в широкие массы, и элитарную, при которой выделяется узкий круг людей, принимающий ценности культуры. Такие противоречивые тенденции внутри культуры не могли не сказаться на трансформации менталитета россиян как артефакта культуры. Исходя из взглядов И.Ф. Кефели, можно полагать, что менталитет разделился на элитарный и массовый менталитет.

Н.А. Хренов и К.Б. Соколов (2001), признают развитие как конфликтное взаимодействие субкультур, при этом существующая субкультурная картина мира может трансформироваться в универсальную или общекультурную. Субкультура ими понимается как «объединение индивидов, представляющих один психологический тип» []. Авторами предлагается «индивидуализирующий»

подход, который позволяет соотнести субкультуру (крестьянскую, мещанскую, чиновническую, посадскую, ремесленническую, предпринимательскую, раскольническую и др.) с типом «базовой» личности культуры и соответствующей ей картине мира и ценностных ориентаций, своим менталитетом.

Типы личности они выделяют – пассионарные, предпринимательские, лиминарии (переходный тип). Пассионарии ориентированы на изменение этнического стереотипа по Л.Н. Гумилеву, предприниматели стремятся к утилитаризму, пользе, лиминарии стремятся к утопии (В. Тэрнер). В каждой культуре они представлены все, но в различных статусах, одни главенствуют, другие мало представлены. По мнению авторов, статус субкультур и задает тип ментальности в культуре.

Наиболее активным в России является лиминальный менталитет, который определяется тем, что в российском государстве сохранялся «общинный образ жизни, невыделенность личного начала, слабое развитие цивилизационного начала и позднее развитие общества индустриального типа» []. Россия, по мнению авторов, характеризовалась слабым развитием активности сословий и групп, поскольку был очень развит институт государства, однако развивалась субкультурная стратификация, что подтверждает рождение новой социальной группы – интеллигенции. Основной функцией интеллигенции является превращение частных субкультурных картин мира в универсальные. Н.А. Хренов утверждает, что интровертированность является характеристикой лиминария [статья в сборнике б с. 241]. Интровертированная установка отталкивает лиминария от объектов, порождает созерцательность.

Раскол XVII века, по мнению Н.А. Хренова, К.Б. Соколова, это раскол универсальной картины мира, заключающийся в том, что государство перестает играть доминирующую роль, а идеология отделяется от утопии, носителями которой являются раскольники, на смену которым приходит интеллигенция. Исследователи выделяют различные уровни картины мира: космологический, мифологический, архетипический, утопический, игровой и ментальный. Каждый уровень может быть доминирующим в субкультуре, так утопия доминирует у раскольников. Отсюда авторы выводят *утопию* как универсальное свойство российского менталитета. Саму ментальность авторы выделяют как некую «судьбу».

Средневековый человек-лиминарий, подчинявшийся судьбе, распался благодаря Петровским реформам, его сменяют пассионарии и предприниматели, которые выступили с контркультурной картиной мира, содержащей отсутствующие в базовом для русской православной цивилизации типе личности. Таким образом, отдельные субкультуры вступают в конфликтные отношения с другими субкультурами, а иногда и со всей культурой в целом, что может приводить к их разрушению или образованию новых субкультур.

Субкультурный взрыв Императорской России авторы определяют как «следствие развертывающейся дифференциации и индивидуализации, обособление психологических типов

личности и соответствующим им картин мира, связанный с распадом средневековой, земледельческой культуры» []. «Когда средневековые формы государственности уходили в прошлое, эта ментальность (коллективная) не только входила в берега новой формирующейся социальности, но и возвращалась к своим древним формам функционирования. Этот механизм регресса в истории сопровождает все переходные эпохи, когда традиционные структуры разрушены, а новые не успевают сложиться» []. Этот же механизм обнаруживает и А.А. Зиновьев []. Идея базовой (А. Кардинер), модальной личности (К. Дю Буа, А. Инкельс, Д. Левенсон) не нова в науке, как и идея смены картин мира. В данной концепции, мы наблюдаем новое прочтение данных идей. Выделяются видовые признаки сменяющихся типов личности и задаваемые их характеристики типом менталитета. Модель развития культурных артефактов построена на конфликте субкультур, выражающемся в не совпадении их картин мира и ценностных ориентаций.

Модель изменения культуры В.М. Розина построена на идее смены ряда личностей: античной, средневековой, ренессансной, нового времени (массовая, уникальная, эзотерическая) и современной кризисной личности. Предпосылками становления личности автор считает человека как семиотическое и социальное существо. «Личность формируется при переходе человека к самостоятельному поведению, что предполагает создание частных схем и сценариев и самоорганизацию психики (центрирование на Я, приписывание Я способности к управлению, выстраивание оппозиций Я и мир, Я и другие и прочее) [б с. 108]. Античная и средневековая личности наименее самостоятельны. Античная личность связана традицией и полисом. Средневековая личность связана христианством и др. религиями. Ренессансная личность противоречива, поскольку в ней уживается расчетливость и романтизм, свободолюбие и покорность. В новое время происходит переход к эзотерической личности, которая готова посредством психотехник «переделать себя» и это ей гарантирует спасение от тягот жизни.

Исходя из этого, автор полагает, что все психические и культурные качества человека формировались в определенные эпохи в определенном дискурсе. В современной действительности В.М. Розин пытается найти новые ситуации, в которых возникает несовпадение дискурса и качеств личности, которые исходя из этого должны меняться. Таких ситуаций автор выделяет четыре: 1) когда все культурные артефакты признаются как самоценные и полноценные реальности, 2) мир личности признается соизмеримым с реальным социумом, а не в подчиненных соотношениях, 3) человек учится жить в мире различных реальностей [б с.104]. Поэтому человек вынужден себя «постоянно воссоздавать в своей константности и автономии». Воссоздать себя – это не только работать над собой, но и встроиться в дискурс, каждое свое усилие сверять с иной Реальностью. Таким образом, в современном мире у личности происходит взаимопереход от автономности и самостоятельности к встраиванию в реальность. Данная концепция предполагает, что ведущей

силой смены культурных артефактов является порождение новой формы самостоятельности, формы ответственности за жизнь человека в ситуации нового дискурса.

А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко представляют культуру как самоорганизующуюся систему, объединяющую внебиологические, культурные программы человеческой деятельности, общие принципы смыслообразования. Ментальность представляет собой «блок культуры, отвечающий за структурирование этого пакета (имеется в виду, пакета программ культуры В.И.) , решающий задачи выбора и комбинирования конкретных программ в заданных ситуациях, а также содержащий язык программирования, на котором составлены все программы» [с. 144]. Ментальность возникает, по их мнению, в процессе «антропо/культурогенеза» [с. 146]. Они выделяют несколько этапов становления субъектности субъекта в культуре. В основу положена идея смены культурных программ. Авторы рассматривают три этапа развития: индивид, паллиат, личность. Индивид ориентирован на группу, не осознает свою субъектность, выделяя ее только вовне в духах, стабилен, слит с родом. Индивид живет по четким родовым программам. Далее культура, дифференцируясь, уже не может быть интегрирована индивидом, что подвигает появление паллиата. Паллиат активен, имеет свободу выбора, преобразует действительность, время ощущается не как циклическое, а как протяженное, историческое. Рождается «проективное сознание», которое дает почву для развития религии, которая спасает от трагедий бытия. Родовые ценности переходят в обезличенные государственные [с. 136]. Городская жизнь жестко регламентирует программы работы и досуга. С появлением письменности рождается возможность отчуждения от культурной программы. Культура порождает многообразие программ, что приводит к конфликту выбора. Следующий тип – личность. Личность ориентирована на творческое преобразование культуры, которой предыдущие типы подчинялись. «Формирование социокультурного космоса личности фиксирует собой этап в происходящем тысячелетии, процессе растождествления человека и актуальной культуры» [с.150]. Перед личностью постоянно стоят выборы в различных ситуациях, она постоянно в поисках свободы. Культура воспринимается не как космическое явление, а как «технология бытия». Развитие идет от надличных форм к более «человеческим» [с. 137]. Модель развития культурных артефактов данных авторов построена на идее расширения возможностей для личности выбора жизненного пути.

Схожие идеи можно выделить у В.С. Степина. Динамику культуры он связывает с появлением одних и отмиранием других надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Он выделил три уровня программ: 1) реликтовые программы (обычаи, суеверия, приметы), 2) программы, обеспечивающие воспроизводство форм и видов деятельности, жизненно важных для данного типа общества и определяющих его специфику, 3) программы будущего [с.10]. Артефакты, включены в данные программы и сосуществуя параллельно, актуализируются или отмирают по мере необходимости. Модель автора построена на идее наличия в культуре

абсолютного, непреходящего категориального строя сознания и относительного, исторически определенного.

Культурология обогатила науку представлениями о путях трансформации менталитета. По мнению В.А. Шкуратова, культурная политика ассимиляции индивида, когда культура транслировала ему культурные ценности, переходит к мультикультурности. Таким образом, культура насыщается иными культурными элементами, «политика культурности в кризисе».

«Интерсубъективность культуры» выявляет И.В. Кондаков. Он демонстрирует, что социокультурное бытие «расслаивается» на внешнюю и внутреннюю событийность. Внутренняя событийность связана с ценностями и смыслами, которая ярче переживается субъектами и довольно разнообразна. Каждый субъект культуры, объединяясь с другими единым пространством, при этом участвует в разных культурных событиях [с. 152]. Которые, воспринимаясь по-разному, интегрируются субъектами и порождают различные смыслы и ценности. В этом, по мнению автора, скрыта противоречивость социокультурной феноменологии. Смена таких событий и заложена в развитии культурных артефактов. Такое событие есть субъективная реальность. «Эта виртуальная реальность, существует только актуально («здесь и теперь») и типологически вариативно (в зависимости от того, какой субъект и с какими целями ее интерпретирует), что и определяет ее потенциальный динамизм и пластичность» [с. 156]. Автор утверждает, что по мере развития человеческая субъективность усиливается и нарастает полисубъектность. Именно смысловые структуры, которые автор называет «фреймами» (рамками), организуют мировосприятие и поведение людей. Следовательно, эти «рамки» сменяя друг друга, вступая в противоборство, гарантируют актуализацию одних культурных артефактов и уход других. В пограничных культурах на «периферии» происходят большие изменения, что повышает ее напряжение по отношению к «ядру», который заключает в себе менталитет. «В случае преобладания центробежных сил в культуре «периферийные», спекулятивные процессы начинают выходить на первый план культурной жизни и культурной политики, частично заслоняя собой «ядерные» тенденции и процессы; при господстве центростремительных сил в культуре доминирует влияние «ядра»» [с. 167]. Такой сложный механизм развития открытой, многомерной системы культуры несколько оставляет позади самого субъекта. Как бы история творится сама по себе.

Многие культурологи именно Россию ставят в эпицентр мировой катастрофы и с ней связывают выход из сложных общественных ситуаций. То есть, именно в российском менталитете признается большая духовная сила, которая не позволит ему разрушиться под воздействием внешних факторов и наличие позитивных трансформационных тенденций. Религия стала личным, интимным делом, поэтому религиозные ценности не могут иметь сильное влияние, при этом обычно в культуре начинают активизироваться просветительские тенденции.

Последние десятилетия XX века ознаменовались новыми концепциями развития и модернизации культуры, отказались от идеи прогресса. Движущими силами развития выступают не широкие массы, а политическая и интеллектуальная элита. Решающую роль в развитии играют не внутренние факторы, а внешняя экономическая структура, международный рынок, идеологические доктрины. Идет, по мнению А.П. Садохина, смена американских моделей развития азиатскими и восточными. Не только экономические достижения являются мерой развития, но и духовные ценности, «культурные коды» (А.П. Садохин), формы менталитета. В развитии многие страны опираются на местные традиции и отказываются от подражания, сталкиваясь с противоречиями в национальном менталитете.

Менталитет для культурологов метрика развития культуры. Культурологи наравне с философами и социологами признают наличие в современном российском обществе трансформаций, происходящих в культуре, а следовательно и в культурных артефактах.

Таким образом, общественная практика является движущей силой развития общества. Подытожим вышеизложенное, социологические концепции развития предполагают свои специфические движущие силы развивающегося общества –материальные, народ, элита, лидеры, интеллигенция. Классовые основы движения сменяют национально-этнические общности. И последние концепции, утверждающие, что баланс социальных интересов, социальная напряженность, конфликтность являются тормозящими и движущими факторами общественной жизни (Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Милле). Наибольшую популярность завоевали концепции роли духовных факторов в общественном прогрессе (Г. Риккерт, С.Л. Франк, П. Тейяр де Шарден, Б. Кроче). А это, в свою очередь, свидетельствует о потребности разработки проблем динамики менталитета в социологии. Особенно это относится к работам, посвященным развитию информационного общества, где ставятся проблемы экологии психики человека от загрязнения информационными потоками, следовательно, ее деформации.

Большой вклад в понимание динамики развития современного общества внесли социологические концепции «постиндустриального общества» (Д. Белл). По мнению Э.А. Капитонова: «постиндустриальное общество – это стратегическое приспособление к новой постмодернистской культуре и цивилизации, которые формируются в результате глубокой трансформации социального мира» []. Основными ориентирами постиндустриального развития являются: информационная цивилизация, экоразумная цивилизация, утверждение «малых дел» (способ самоутверждения человека), коттеджная цивилизация, досуговая цивилизация. Повышение благосостояния, жизненных стандартов привели, по мнению автора, к приоритету таких ценностей в качестве цели как автономность, самовыражение личности, свободное время и досуг, приватная жизнь. «Это переориентация устремлений человека из области «иметь» в область «быть»» []. Таким

образом, можно утверждать, что благодаря трансформации в социальной сфере, индустриальный менталитет перешел в постиндустриальный менталитет.

Социология определяет элементы социума, их движущие силы, вскрывает механизм их развития, исходя из законов общества. Современные социологические исследования показывают, что в современном мире ярко стали проявляться такие атрибутивные свойства социальных объектов как, изменчивость и стохастичность. Данное представление обозначено в концепции «социологии перемен» А.Б. Курлова, который отмечает: «порождением данной среды является изменчивость, избыточность и высокая вариативность эволюционных комбинаций развития» []. Автор усматривает необходимое условие для зарождения самоорганизации и возникновения структур сложных социальных систем – открытость и нелинейный характер развития. Аналогии с развитием менталитета как сложной системы очевидны. Менталитет обладает кризисными свойствами в изменяющемся мире. Важно выявить критерии фиксации этих свойств.

В диссертационном исследовании Р.З. Зулкарнаевой (2005) выделяются в качестве критериев изменения менталитета в условиях социокультурного кризиса: изменения в системе ценностей (уход традиционных, социалистических ценностей), изменения в социальной структуре (изменения в послышной структуре общества и изменения в отношении к власти), демографические изменения (противоречия между поколениями). Основу изменения менталитета по ее мнению, составляют изменения в социальных движениях. Социальные движения, по мнению автора, являются объективным показателем трансформации менталитета.

В концепции А.Г. Здравомыслова [] предполагается, что в стабильных условиях развития общества детерминация социального действия идет от потребностей, социального положения к интересам и ценностям. В ситуации кризиса социальное движение детерминировано ценностями, а за тем изменяются интересы и потребности. Происходит оборачивание процесса детерминации социальных движений в результате социальных изменений. О.Н. Козлова [] пишет, что мы наблюдаем процесс изменения управляемости социума, он становится все более опосредованным и мало управляемым. Сначала человеком управляли авторитеты, затем капитал и сегодня - информация. Это автор объясняет предбифуркационным периодом развития социума, характеризующегося хаосом, потерей смыслов, но предшествующего рождению нового состояния социальной жизни. О.Н. Козлова пишет: «в ситуации исчерпанности «культуры войны», культуры рынка» возникает редчайшая в истории возможность *онтологического до-определения* социальной жизни» []. В этот процесс большую лепту внесет познание законов трансформации менталитета.

Л.Е. Бляхер представляет концепцию «социального хаоса». В ней показано, что хаос характеризуется возрастанием неопределенности и утратой социальной рефлексии. Социальная рефлексия опирается на образ мира коллективного субъекта, который доминирует в определенном менталитете. Если разрушается менталитет, то и разрушается, по нашему мнению, образ мира, а

следовательно теряются основания для социальной рефлексии. Автор также видит суть проблемы социального хаоса в том, что в социуме присутствуют две альтернативные социальные модели, одна другой не дает достраиваться [с.108]. Возможно, конкурируют и два менталитета, а может быть и больше. В такой жизненной ситуации возникает проблема сохранения коллективного субъекта и отдельного человека.

Как считает Штомпка, в меняющемся мире человеку необходимо развивать «цивилизационные способности» (*civilizational competence*) [].

И самым важным является то, как писал Г.С. Батищев: «Общественная история не имеет в конечном итоге иного смысла, кроме развития субъекта, то есть, кроме развития «сущностных сил» самих человеческих индивидов» []. Отсюда вытекает, что сущность динамики менталитета скрыта в развитии человека, принадлежащего определенной общности. «Человек, – писал К. Маркс, – обособляется как индивид в результате исторического процесса» [т. 46]. В ходе истории по мере углубления преобразований, нарастания сложности ситуации роль личности как движущей силы развития общества раскрывается наиболее полно и многогранно. В.С. Барулин пишет: «Совершенно очевидно, что историческая личность, ее роль являются своеобразным результатом двух слагаемых: социальных условий, общественных потребностей, с одной стороны, качеств конкретной личности – с другой. Ясно, что в комплексе этих слагаемых решающее значение принадлежит социальным условиям» [], в которых формируется социальная компетентность личности.

Полагаясь на данное высказывание, возможно, заключить, что трансформация менталитета коренится в смене потребностей и ценностей прежде всего субъекта. Потребностная сфера лежит в основе духовного начала человека. Смысл и содержание истории, по В.С. Соловьеву [], в том, чтобы человечество облагородилось, одухотворилось и вывело себя в преддверие Божие. Но это осложнено, по мнению мыслителя, греховностью, искушенностью человека и стоит препятствием в его развитии. В результате, на Востоке родился «бесчеловечный бог», а на Западе – «безбожный человек». Выход из ситуации философ видит в примирении и объединении Запада и Востока, и это сможет осуществить Россия. Впервые в философии была обоснованно доказана основная идея российского менталитета – всеспасение. Следовательно, «смысл» трансформации российского менталитета имеет конкретные очертания в данной концепции. То есть, духовные основания трансформации менталитета основаны на смене потребностей, смыслов и ценностей членов общества.

XX век внес свои коррективы в представление о носителях менталитета. Если исходить из позиции А. Маслоу, что человек проявляет творчество в любой деятельности, то мы имеем дело с творческим большинством. И оно является носителем менталитета.

Предложенная ретроспектива моделей развития, трансформации культурных артефактов – материальных или духовных показывает, что в основном авторы концентрируются вокруг проблем о

формах движения культурных артефактов: линейных, круговых, стадийных, волнообразных и др. Также рассматриваются вопросы, касающиеся движущих сил развития артефактов, причинности и факторов и следствий развития. Главная особенность работ заключена в том, что они связывают психику и артефакты сознания, они не существуют сами по себе, а являются продуктами жизнедеятельности человека. Человек творит историю, а не политическая система.

Но, так или иначе, все предложенные модели объединены идеей развития общественного сознания. Пройдя этап развития до религиозного, а затем этап религиозного сознания, общественное сознание переходит на этап развития этносов с присущим им национальным сознанием и завершающим этапом является этап научного сознания, который перейдет на этап развития духовности. Все эти виды общественного сознания выступают уровнями сознания – от обыденного до научного и духовного. Они развиваются параллельно в истории человечества, только на каждом этапе исторического развития каждый из видов сознания достигает своей кульминации развития, некоторой самостоятельности и может выступать движущей силой развития общества.

Просмотрев модели развития артефактов как составляющих общественного сознания, задаемся вопросом: когда зародился менталитет как культурный артефакт? Если мы его определяем менталитет как слой обыденного сознания, то когда начинается эта обыденность? «Первобытное мировосприятие социоцентрично» [Шкуратов, с. 137]. А это говорит о том, что связанность людей, управление поведением в первобытном обществе происходили через внешние санкции, табу, «чувство стыда» (В.А. Шкуратов). Следовательно, внешние запреты являют собой начальную форму менталитета в истории человечества, именно она транслировалась в первобытном обществе посредством коллективной памяти и была отчуждена от своего носителя.

В.Е. Ключко и его ученики показали, что в онтогенезе у ребенка сначала формируются значения, потом смыслы, а за тем ценности []. Основываясь на нашем анализе развития менталитета можно сформулировать гипотезу: **в истории народов в социогенезе наоборот – сначала ценности закладываются коллективным субъектом посредством религии, определяющие смыслы и значения, после этого ведущие смыслы обретаются через развитие государственности и этносов, далее на уровне социума кристаллизуются ведущие значения, которые оказываются наиболее изменчивыми и подвижными в формирующейся системе менталитета.**

Менталитет как культурный артефакт начинает свое существование в древних цивилизациях в виде мало оформленных образов. Имя племени уже несло значимость особенностей его представителей. Орнаменты, символика, домашняя утварь, форма жилищ и др. являли собой свернутые тексты, отражающие особенности мировидения данных племен. Древние племена в исторических памятниках оставили богатейший материал в виде предметов и изображений, которые заключали в себе их общинный образы мира и образ жизни. Дописьменные культуры существовали в состоянии «изоляции» (В.М. Межуев). Они характеризовались «субстанциональностью» –

наличием определенного и постоянного воспроизводимого «субстрата» во многом природного происхождения [с. 86]. Думается, что таким субстратом было кровное родство, которое воплощалось в коллективных формах жизнедеятельности и коллективных формах восприятия, переживания, запоминания и паттернах поведения. Такая закрытость племенной жизни способствовала самосохранению и вело племя к формированию первичных форм дописьменного сознания. «Смысл сознаваемого явления для отдельного человека и его смысл для коллектива в целом, фиксированный в языковых значениях, совпадают между собой. Такая нерасчлененность в сознании смыслов и значений возможна потому, что круг сознаваемого еще долго остается ограниченным теми отношениями людей, которые непосредственно являются и отношениями всего коллектива» [с.296 А.Н. Леонтьев Про. Разв. Пси.]. Эта первичная форма коллективной субъектности создавала поле коллективного со-бытия, опирающееся на нерасчлененные значения и смыслы в менталитете становящегося коллективного субъекта. Ценности еще не существовали в своей завершенной форме. Первичная форма ценностей – это табу, которые ограничивали действия членов племени. Зарождение религии это была проекция племени идеальной формы мировидения. Образы мира создаваемые людьми загробного, потустороннего мира отражали слитые значения, смыслы и ценности в виде табу тех эпох. Именно развитие религии способствовало формированию форм ценностей, которые из первичного табу переходили в форму заповедей, а за тем и этических норм. Они на более поздних этапах воплотились в стройную систему ценностей в менталитете коллективного субъекта.

Постепенно историческая необходимость способствовала развитию коммуникаций с другими племенами на предмет обмена. Это привело к формированию этнических культур, которые характеризовались большей открытостью. Что явилось толчком к развитию коллективного сознания. А именно, возникла письменность, которая демонстрировала, что смыслы отделились от значений.

Объективными предпосылками появления мировоззрения, по мнению А. Н. Чанышева (1999), являются – использование железа в изготовлении орудий труда и оружия, что удешевило данные средства, также введение монеты в обиход, способствующей развитию абстрактного мышления и нарождение нового взгляда на мир новых слоев городского населения []. Все эти объективные факторы связаны с особенностями взаимодействия и коммуникации людей развивающегося общества. Города-государства древних цивилизаций управлялись посредством публичных выступлений, в которых излагались основные правила и нормы жизнедеятельности, в отдельных городах они закреплялись и письменно на глиняных дощечках и т.д. Такой способ коммуникации основан на публичном внушении, заражении и суггестии, описанных классиками психологии масс. В.А.Шкуратов полагает, что это переходная форма от дописьменной к письменной ментальности. «Письменная культура способна объединить людей, живущих на больших пространствах и не связанных между собой узами прямого родства» [В.М. Межуев с. 87]. Теперь объединяющим

началом для народов стал язык, территория проживания и особенности психического склада. Здесь особо обозначились особый склад ума и образ мира, которые и заключают менталитет. Особо ярко менталитет отразился в формах философствования.

Философия возникла в Китае, Индии и Греции. В странах Ближнего востока, по мнению ученых, возникла профилософия, которую понимает как соединение художественно-мифолого-религиозного мировоззренческого комплекса и реальных знаний и умений, как форму мудрствования. На Востоке была стерта граница между «веком бронзы» и «веком железа», также была сильна традиция, по сравнению с Европой, было развито сословие жрецов и долго господствовал древнеазиатский способ производства. Здесь, как пишут ученые, в ситуации отсутствия демократии не нужны были формы публичных выступлений, их роль выполняла религия. Молиться пять раз в день, безоговорочное подчинение воле Аллаха, разделение мира на верных и неверных, гармоничное подчинение женщины мужчине – все эти правила организовывали жизнь Востока и вносили стройность и ясность в быт людей.

При этом А. Н. Чанышев подчеркивает, что в Китае в философии преобладает практический разум и она соединяется с обыденным нравственным сознанием, В Индии – господствует воображение и преобладание религиозно-мифологического, а в Греции – основы ближневосточной преднауки, которая воплотилась в европейское соединение рационального и системного аспектов []. Подтверждают данный взгляд и исследования зарубежных авторов [Lloyd, Peng & Nisbett, Zhang & Chen].

Безусловно, это отражение менталитета народов данных стран. Образ, картина мира, отраженная в философских взглядах народов, по-разному была структурирована. По мнению Г. И. Иконникова и Н. И. Иконниковой (1997) [], сравнение философии Востока и Запада выражалось в следующем:

№	Восток	Запад
1	В центре проблемы человека	Многопроблемна
2	Исследование человека с практической точки зрения	Исследование человеческих взаимоотношений
3	Уделяют внимание самосознанию	Познание мира
4	Интуитивные познания	Рациональное познание на законах логики

Зарубежные исследователи это объясняют культурными моделями мышления [D`Andrade], культурными основаниями мышления [Fiske]. Такая разница в формах философствования привела к различным формам религиозности принятых на Востоке и Западе. На Западе в формах религиозного сознания «фигура греческого божества еще не отделилась от телесной оболочки и не стала чистой формой, духовным символом, как христианский Бог» [Шкуратов, с. 142]. Как объясняют это исследователи, поскольку преобладали коллективистские паттерны поведения, мышления. Но именно в этих коллективных формах языческой религии начинают формироваться первые ценности,

которые сначала выступают в первичных формах норм и правил поведения. На Востоке сначала люди поклонялись абсолютному «ничто», и лишь позже божество приобрело телесность Будды.

С увеличением индивидуалистических тенденций в коммуникации людей олимп Богов, проекции коллективизма, разрушился. Зарождение христианства привело к единобожию и построение нового образа мира. Само его зарождение стало возможно благодаря развитию письменности. «Только язык и письменность создают сплошное внешнее знаковое пространство отражений человека и что без этих символических средств получить «объективное» (точнее, объективированное) представление о чужом или своем сознании невозможно» [Шкуратов, с. 137]. Религиозные войны, зарождение новых религиозных направлений это развитие менталитетов религиозных групп. Религиозный фанатизм определяет все аспекты жизни человека, и даже нормы жизни в загробном царстве. Изменение картины мира заключено в том, что в ней присутствует идеальный Бог, ничтожный человек и враги. Программа жизни – праведно прожить на этом свете, в аскезе, чтобы заслужить место в раю. Поведением управляет страх, тревога, боязнь самому попасть в разряд врагов, что стимулирует культуру доносов.

«В сфере групповых отношений характерной особенностью средневековой личности был конформизм по отношению к своим и социальная агрессивность по отношению к чужим» [Шкуратов, с. 157]. Именно в этих условиях начинает формироваться мало зрелая этничность народов, которая воплощается в различных формах государственности. Гуревич (1972) пишет, что в средневековье у людей были установки на всеобщность, типичность, на универсалии. На основе этих установок отдельные национальные группы объединяются в целые нации. Так французы складывались из галлов, римлян, бриттов, германцев. «Нация – это коллектив людей с различными лицами и индивидуальностями. Их объединяет – политическое гражданство» [В.М. Межуев с. 88]. Национальные культуры характеризует язык, территория проживания, общие ценности и очень важный элемент. Одни называют его «идеей», объединяющей народ, другие «темой», третьи «этосом». Нам думается, что все эти понятия можно объединить психологическим термином «смысл». То есть **нацию объединяют общие значения, воплощенные в национальном языке и национальной образе, картине мира, ценности определенные религией нации и системы смыслов, определенных этничностью нации.** Параллельно с религиозными институтами зарождаются этнические и социальные. Происходит это только тогда, когда этнические смыслы, социальные нормы и правила отделяются, отчуждаются от своих носителей. Субъектами выступают этнические группы и классы. Опираясь на работы классиков, можно утверждать, что до XIX века перед нами происходит борьба наций за территории, государства. Активно развиваются национальные самосознания, которые доразвивают религиозное сознание. Однако, М.Б. Ешич пишет: «Изменения функций этноса из эпохи в эпоху происходит в связи с появлением, помимо этнических, также и других видов людских сообществ, принявших на себя частично или полностью

некоторые первобытные функции этноса-сообществ» [с. 270]. Таким образом, в некоторых регионах ослабевает влияние этнического самосознания этнических групп на процессы развития и на первый план выходят социальные группы.

В XIX веке происходит отделение норм и правил от процесса общения и они закрепляются в нормах и сводах гражданского общества. Теперь уже эти нормы и законы, социальная стратификация определяют значения, смыслы и ценности в обществе. В.А. Шкуратов пишет: «В противовес феодально-кастовому праву исключений и привилегий, либеральные демократии стремятся к неукоснительному исполнению закона, следовательно, к универсальной, фиксированной, независимой от реальных лиц норме» [с. 162].

Эта форма сознания помогает государственно оформиться этническому самосознанию многих народов. Рост самосознания народов всегда приводит к повышению активности. В основе повышения активности лежит процесс приобретения новых смыслов, новых направлений самоопределения народов. Результатом всегда является политическая борьба за территории, рынки и т.д. За тем происходит классовая борьба и сопровождающие ее революции.

«Капитализм совершает предметное опосредование жизни, так же как христианство совершило опосредование смысловое» [Шкуратов, с.178]. Здесь мы хотели бы возразить В.А. Шкуратову в том, что, безусловно, христианство внесло новые смыслы в жизнь человека, но главная его заслуга в большей степени обретение системы ценностей. Мы согласны с автором, что человек эпохи капитализма рационален и что это помогает адаптироваться ему в мире предметов, не затрагивая духовные общественные ценности.

В эпоху модерна именно различные стили удерживают индивидуальные ценности людей. Модерн, по мнению Ф. Джеймисона, содержит еще элементы традиции и даже архаики. Главное для человека становятся не смыслы и не ценности, что подтверждает бесконечный поиск современников новой системы ценностей, потерей идентичности, потерей смыслов, а главным выступают значения. Это не значит, что человек капиталистической эпохи не формирует ценности и смыслы, но здесь больше проблемности. Что касается значений, то учитывая, что человек в основном мыслит и принимает решения эмоционально и очень редко рационально, то выборы человека определяются теми значениями, которые они имеют. Заселенная предметами реальность человеческой жизни не имеет смысла и не может определять его ценности, она имеет только значения. И это уже признаки зарождения постмодернизма.

По мнению Ф. Джеймисона самой важной характеристикой постмодернизма является исчезновение индивидуального субъекта. «На смену отчуждения модернизма приходит фрагментация, «ослабляющая аффект», исчезновение стиля. Модернистские стили переходят к постмодернистским кодам» [печатается по Е.Н. Шапинской с. 364]. Объясняет это автор тем, что субъект, сталкиваясь с совершенно измененной реальностью, объектом, не имеет «перцептуального

инструментария» для соответствия гиперпространствам настоящего. На наш взгляд, в нем может помочь ориентироваться не традиция, не норма, а психология. Но особенность этой новой постмодернистской психологии заключается в том, что она должна: уметь читать тексты, коды, ориентироваться только на визуальную культуру, уметь не сожалеть о прошлом, которое может придаваться забвению, уметь ориентироваться в потоках информации, выстраивать отношения в деперсоналистическом контексте, уметь обращаться с предметами, в которых нельзя распознать производителя. Это новый менталитет нетрадиционный.

XXI век обозначился новыми формами управления человеком – психология. Отдельные страны остались на уровне религиозного (Восток), религиозно-этнического (Юго-Восточная Азия), социального правления (Западная Европа), но постепенно набирает силы психологические стратегии, которые основаны на человеческих критериях общения, деловых контактах и т.д.

Именно в современной реальности менталитет объединил все эти системы – религию, этнос, социум. В современной жизни основной отчуждаемой силой является информация. Информация и синтезирует все знаки, значения и тексты, которые породило человечество. В зависимости от того, какая форма менталитета, его образ мира соответствуют данной реальности, данному образу жизни, такая его сторона наиболее ярко будет соответствовать либо религиозному началу, этническому, социальному или психологическому, а иногда и соединяя вместе некоторые из них. Так в истории человечества становились все виды идентичностей человека (религиозная, этническая, социальная, психологическая), объединяясь в Я-концепции человека через образ мира коллективного субъекта. Как культурный артефакт менталитет должен на определенном этапе развития коллективного субъекта отделиться (отчуждаться) от своего носителя, тогда он сможет стать предметом рефлексии. Когда это произойдет не известно.

Современное состояние России определено взрывом этничности, религиозности и широким распространением деятельности различных субкультур (молодежной, спортивной, криминальной, сектовой). Российский коллективизм воплотился в деятельности субкультур, поскольку в государственном масштабе преобладают тенденции индивидуализма. Субкультура, на наш взгляд, является переходной формой между устоявшимися коллективными субъектами. Это может свидетельствовать о переходной форме менталитетов субъектов современной России.

Выводы:

1. Аналитические обзоры А.Я. Гуревича, Р.А. Додонова, К.А. Абульхановой-Славской, Г.В. Акопова, Т.В. Ивановой, В.А. Шкуратова, следует, что термин «ментальность» первоначально не фигурирует в философских трудах, посвященных поискам этнических особенностей мировосприятия. Философы используют такие близкие ментальности понятия как «расовая душа» (Г. Ле Бон), «общий дух» нации (К. Гельвеций), «национальный характер» (Г.Гегель), «психология народов» (К.Д. Кавелин). Можно предположить, что в этот период «ментальность» как понятие не

отделялось от понятия «этнического». В понятии «народный дух» Ш. Монтескье заключал особенности народов, проживающих в одних географических условиях. «Народный дух» М. Лацарус и Х. Штейнталь приписывают представителям нации со схожим психическим складом. Этому способствовали объективные предпосылки, а именно, в общественном развитии ментальность и этничность были действительно слиты, так как этничность была реальной системой, которая определяла развитие государств и социальные субкультуры мало влияли на развитие общества. Следовательно, менталитет выступал феноменом этнопсихологии. «Новая историческая наука» в начале XX века, представленная французской историографической школой «Анналов», акцентировала внимание на изучении истории людей, учитывающей их ментальность. Ментальность представлена как коллективное мировидение (Л. Февр), выразитель внеиндивидуальной стороны личности (М. Блок). Индивид усваивает ментальность через – язык, воспитание, социальное общение, в своем жизненном опыте. Школа «Анналов», описывая ментальность, определяют ее как мыслительную, духовную субстанцию, не раскрывая вопросы формирования и трансляции менталитета. Хотим отметить также, что подчеркиваются общественные характеристики менталитета. Если основываться на взглядах «Анналов», то менталитет принадлежит общественному сознанию, термин приобретает самостоятельный статус духовно-исторического феномена культуры и подчеркивается его когнитивная нагрузка, а самое главное он отделяется от природно-географического, этнического, поскольку социально-культурные основания развития общества параллельно сосуществуют с этническими. В философско-антропологической школе М. Хайдеггер выделил фундаментальные априорные (предшествующие, независимые от опыта) структуры человеческого бытия. М. Фуко описал априорные дискурсивные формации, предопределяющие опыт и поведение человека и социальных групп. Таким образом, философская антропология доказала наличие объективного бытия ментальности как объективно-духовной структуры. Сегодня ментальность признают «понятийной новацией гуманитарного знания» (А.Я. Флиер). Настоящий этап развития категории «менталитета» связан с определением истоков бытия менталитета. А.П. Огурцов видит дилемму между двумя видами бытия: социо-культурного и национального. Становление категории «ментальность» связано с адаптированием последней психологией, социологией, этнологией и другими конкретными дисциплинами гуманитарного профиля, дающими собственное определение данного понятия.

2. На основании анализа разноплановых определений менталитета, не разработанности его конструкта предлагается рассматривать менталитет как слой обыденного сознания. И выдвигаем рабочее определение – менталитет – это совмещенная, самоорганизующаяся психологическая система, представляющая собой неосознаваемый, обыденный слой коллективного сознания, интегрируемый религиозной, этнической и социальной системами общества, основу которого составляет согласованность доминирующих, нормативно закрепленных систем значений, смыслов и

ценностей образа мира индивидуального и коллективного субъекта, проявляющихся в их жизненном мире.

3. Коллективный субъект понимается как «республика субъектов» (Л.С. Рубинштейн), интегративные свойства на основе соединенного труда (А.И. Донцов), группа совместной внешней и внутренней активности. Понятие со-бытия (М. Хайдеггер) открывает более широкие перспективы в понимании коллективного субъекта, исходя не только из совместной деятельности, активности, но и из совместного мышления, отношения, культурного пространства, совместного бытия, бытия возможного. Коллективный субъект порождает специфический менталитет, который обусловлен коллективным образом мира, образом жизни, специфическими коммуникациями с другими субъектами, культурой, жизненным миром (В.Е. Клочко, Л.И. Анцыферова). Условиями, при которых коллективный субъект порождает менталитет, являются следующие: активность, деятельность, социальное движение, пространство культуры, время, со-бытие. В позиции отличности от другого коллективный субъект может вступить в диалог с иным миром, который вызовет эффект самодистраивания (И. Фихте, М.М. Бахтин) в Другом, породит иные смыслы, которые могут войти в менталитет коллективного субъекта (феномен смыслопередачи В.Е. Клочко, А.К. Белоусова). Субъект – это человек «способный влиять на бытие других» (Е.Б. Старовойтенко). Атрибутирование менталитета коллективного субъекта есть всегда процесс незавершенной возможности. Менталитет коллективного субъекта дстраивается в Другом. Это пространство Другого и есть «пустое пространство» (пустое виртуально, которое постоянно наполняется новым (Л.Е. Бляхер), в котором менталитет как культурный артефакт не теряет своей целостности, но может трансформироваться. Можем говорить о наличии двойной феноменологии менталитета как атрибута (признака) коллективного субъекта, как формы субъектности (С.Э. Сайко, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко) и сложного качества человека. В этих двух ипостасях менталитет проявляет себя по-разному.

4. В философии, в психологии ученые только подступают к проблеме взаимосвязи мира и коллективного субъекта. Немного разрабатывается проблема связи человека и мира. На пути между человеком и миром стоит мир культуры «ОНО» (М. Бубер). Мир и культура не могут быть интегрированы человеком непосредственно (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, В.Е. Клочко). Чтобы освоить культуру, человек должен присвоить ее атрибуты, чтобы освоить мир, человеку также необходимо интегрировать нечто, что бы их связало. Присваивая менталитет, человек соединяется с миром культуры (осуществляет взаимное проникновение). Обретя культуру, идентифицируясь с культурным коллективным субъектом, человек становится готов к вхождению в мир, в котором представлена полифония сознаний (М.М. Бахтин), диалог культур (М.Бубер). Культура выступает медиатором между человеком и миром. Человек, коллективный субъект – менталитет – культура – мир – таков путь обретения человеком мира, обретение человеком мира. И это и есть

транскоммуникация (В.Е. Кабрин), когда человек коммуницирует с Другими и культурой, и с миром. А это, в свою очередь и есть психологическая система человека (В.Е. Ключко). Психологическая система человека и коллективное сознание как породитель и носитель менталитета, а культура как воплощение его феноменов. Реализуясь в культуре, менталитет сам становится частью культуры. И именно в этом обращении менталитета заключено его существование как артефакта культуры. Мы вступаем в новый мир за счет разрушения артефактов (менталитета) традиционной (прошлой) культуры, однако так мы сохраняем мир.

5. В философии, культурологии, социологии и истории представлены различные модели развития культурных артефактов. Акценты ставятся на смене: материальных/духовных составляющих (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс), формационных/цивилизационных (М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер), архаичных/традиционных/модернистических (Н.А. Хренов и К.Б. Соколов, В.М. Розин), прогрессивных/катастрофических (П.С. Гуревич), закономерных/случайных (А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко, В.С. Степина) и т.д. Но по большей части эти концепции основывались на стабильных элементах культуры. Современные концепции (А.П. Садохин, О.Н. Козлова, Л.Е. Бляхер) центрированы на динамических составляющих картины мира, типов личности, форм субъектности, социальных движений. Культура представляется как самоорганизующаяся система. Мир видится как хаос. Человек стоит перед выборами. Таким образом, большее внимание уделено изменяемым элементам культуры. При этом одним из ведущих механизмов изменения психологических явлений является механизм идентификации/отчуждения. Сегодня однако, для понимания и описания изменений многомерных образований, описания процесса трансформации менталитета в меняющемся мире недостаточно механизма идентификации/отчуждения (В.С.Мухина, Т.И.Комиссаренко, Л.Н.Антилогова, Е.П. Крупник). «Аксиома идентичности» невосприимчива к процессам развития (Я. Вальсинер). Более приемлемым в рассматриваемом контексте являются представления о механизме отчуждения. Отчуждение, отторжение в психологическом плане понимается как неприятие на эмоциональном уровне, не включение в образ мира на когнитивном уровне, потеря смысла, исключение ценностей, значений, смена установок жизненного мира человека. Перечисленные феномены трансформации системы менталитета их направленность во многом определяются ее надсистемами.

6. Менталитет развивается под влиянием внутренних и внешних факторов. Повторяемость в процессе культурного развития кажущаяся, в культурах все уникально, трудно установить закономерности развития (взаимосвязь типичного и единичного). В представлениях философов развитие общественного сознания связывалось с идеями о существовании независимой объективной реальности. Единственной возможностью изменения общественного сознания было преобразование действительности, которое отражалось в нем. Человек выступал отражателем действительности. Именно внешняя детерминация определяла развитие менталитета. Мир терял свою целостность,

представлялась картина парциальной расчлененности. По мере зарождения менталитет развивается в лоне религиозного сознания. За тем достраивается в этническом сознании и переходит в формы социальности. По мере того как значения, смыслы и ценности, составляющие ядро менталитета и отраженные в его образе мира, становятся осознаваемыми коллективным субъектом, то менталитет становится культурным артефактом. Этот культурный артефакт входит в научный обиход ученых и становится достоянием отдельного человека, он идентифицируется с ним либо на основании религиозной принадлежности аутгруппе, либо на основе присвоенной этнической идентичности, либо на основе социальной принадлежности, либо совмещая и то и другое.

7. Надсистемы менталитета, пройдя путь своего формирования в форме идентичностей, ассимилируется Я-концепцией и таким образом, встраивается в психологическую систему менталитета человека в форме значений, смыслов и ценностей. В определенные периоды развития образа жизни, общественного устройства менталитет находит соответствующий образ мира, который актуализирует свое содержание, соответствующее наличному образу жизни. Благодаря этому актуализируются в процессе общения и деятельности значения, смыслы и ценности, которые востребованы в этот период. Это указывает на системную детерминацию развития менталитета.

1.2. Феноменология процесса трансформации менталитета

1.2.1. Религия, архетипы, менталитет

Менталитет как система, совмещающая в образе мира значения, смыслы и ценности человека и коллективного субъекта определенной культуры имеет глубинные истоки в религии народа. Религия как первичная форма мифологического осмысления окружающей действительности, когда мыслительное не отделено от эмоционального задала архаические значения, смыслы и ценности, которые сохранились и до наших дней (М. Блок, Н.А.Бердяев, Ф.М. Достоевский, И. Ильин, С.Л. Франк).

Появление религиозных культов ученые связывают с процессом развития мышления и членораздельной речи в первобытном обществе. Исследователями подчеркивается компенсаторная функция религии, состоящая в том, что через комплекс религиозных переживаний, иногда катарсических, люди уравнивали невзгоды жизни []. Религия еще играла и управляющую роль в обществе, задавая нормы жизнедеятельности людей, определяя их цели. На этом основании можно утверждать, что религиозное сознание сыграло определенную роль в развитии общественного сознания, объединяя людей, определяя ориентиры их жизни, предавая смыслы отдельным составляющим их деятельности и самое главное определяя нормы отношений между ними. М. Блок описал религиозный менталитет как «живые образы», проходящие в умах людей, «сменяемые порывами отвращения» [печатается по Д. Филд с. 10]. Фактически религиозные мифы, укрепившиеся на ранних этапах развития общества, выступали жизненными сценариями, которых придерживались отдельный человек, семьи, кланы, касты. У. Джеймс пришел к выводу, что религиозные обращения (перевод страдания в счастье) ведут молодежь к внутреннему духовному росту. М. Вебер характеризует религию как способ придания смысла социальному действию, придания ему «рационального» объяснения. Л.Н. Пушкарев полагает, что «религиозность – это состояние души человека, когда весь окружающий мир окрашивается бессознательной и бездумной верой в те или иные идеалы, стремление к которым и придает человеку силы и руководит им. Религиозность – это одна из составляющих менталитета» [(f)]. Мы предполагаем, что в определенные исторические периоды доминирование религиозной системы формирует различные виды религиозного менталитета, которые определяют системы значений, смыслов и ценностей коллективных субъектов.

Проповедуя покорность, религиозные культы формировали в людях толерантные и интолерантные установки в общении, компетентные стратегии общения. В этих сценариях определены были значения, принятые в то время, раскрывались жизненные смыслы, определяемые старейшинами, и прописывались законы, некоторые правила, нормы, которых человек должен был придерживаться. Нормы и правила выступали простейшими формами ценностей общества. В религиозном культе возникают «сопричастности». Сущность сопричастности заключается в том, что

«субъект является и самим собой и существом, которому он сопричастен» (Л. Леви-Брюль). Эту форму религиозного сознания можно определить как первичную форму менталитета. Мифы религиозного сознания сохранились и до наших дней. Л. Леви-Брюль считал, что «наша умственная деятельность одновременно рациональна и иррациональна: пра-логический и мистический элемент сосуществуют с логическим» [1]. В глубинах современного менталитета как анахронизм сохранены архетипы, которые выступают свернутой формой древних мифов народа в виде героев мифов их судеб. «Подробнее исследовав эти образы, мы обнаружили, что они являются сформированным итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков: это психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа» [Архетип и символ Юнг]. Предполагаем, что **архетипы связаны с базовыми потребностями, с базовыми эмоциями, базовыми стереотипами восприятия, мышления и поведения, поэтому практически не подвергаются изменению по мере развития человечества.**

Опираясь на многочисленные исследования (Р.А. Додонов, Р.З. Зулькарнаева, Г.В. Митина, В.Ф. Петренко, Н.С. Южалина) полагаем, что архетипы являются единицей психологической системы менталитета. То есть единицей системы менталитета являются бессознательные образы. Это гипотетическое положение подтверждают современные зарубежные исследования архетипических основ социальных организаций различной сложности (J. Campbell, M. Mark, C. Pearson). К. Пирсон выделяет 12 архетипов и соответствующую им мотивацию. Архетипы Заботливый, Правитель, Творец объединены мотивацией стабильности и контроля. Простодушный, Мудрец, Искатель – мотивация независимости и самореализации. Герой, Маг, Бунтарь – мотивация риска и мастерства. Славный малый, Шут, Любовник – мотивация принадлежности и обладания. [с. 36].

Каждое общество скрывает ведущие архетипы. Чем невидимее архетип, тем он оказывает более сильное влияние на образ жизни людей. Субъекты общества имеют неудовлетворенные потребности, полагаясь на которые можно выявить эти ведущий архетип. Так молодежь различных обществ, стремящаяся к свободе и независимости, живет под властью архетипа Бунтаря. Архетип Бунтаря присущ различным слоям населения, которые противостоят господствующей власти. Архетип Славного малого является базовым для демократического общества. Архетип Простодушного является ведущим для жителей острова Бали [Марк, Пирсон, с.64]. По мнению авторов, В России в эпоху социализма теневую экономику представляли субъекты, несущие архетип Бунтаря. Они и совершили переворот в стране и вышли из тени. Авторы предлагают оригинальную методику выявления архетипа, опирающуюся на рациональные и эмоциональные, событийные составляющие образа жизни и образа мира общества [с. 245].

Опираясь на методологию М. Mark, С. Pearson, рассмотрим архаические основания менталитета россиян. Без представлений об архаике менталитета россиян не возможно выделить

специфически российские, глубинные основания менталитета. Представляется возможным определить следующие архаические основания менталитета: 1) картина, образ мира древних русов, 2) стереотипы поведения, заключенные в образе жизни, 3) ценностно-смысловые основания, 4) образ времени, 5) мифологические темы, связанные со смыслами, принятыми руссами, 6) архетипы, бессознательные образы социальных ролей человека.

По опыту лингвистических, топонимических, антропологических и археологических исследований Ю.Д. Петухов (2001) представляет этнохронологическую таблицу развития суперэтноса русов следующей:

- 1) 40-30 тыс. лет до н. э. – проторусы (руссы-кроманьонцы),
- 2) 30-15 тыс лет до н. э. – прарусы (руссы-бореалы),
- 3) с 15 тыс лет до н. э. – русы (руссы-индоевропейцы) [].

При этом автор доказывает, что этноним «руссы» – является древнейшим названием праэтноса. Основу данного выделения автор видит, прежде всего, в особенностях восприятия русов, поскольку соседские народы отличались темным цветом кожи и глаз. Поэтому «рус» означает «светлый». С другой стороны, речь идет о формировании социально-психологических норм в восприятии «своих», закрепленных в языке. Поэтому «рус» – это «хороший, красивый, свой», а иные группы – «темные, чужие, плохие» [].

По данным раскопок в Чехии, Польше, Словакии руссы-земледельцы жили в «длинных домах», следовательно, семьи были большие и представляли соединение старых и молодых семей. Старейшины, по мнению ученых в то время пользовались большим авторитетом. Дома ограждались легкими плетнями, оружия в могилах практически не обнаруживается, что, по всей видимости, указывает на более миролюбивый характер русов неолита. А вот у соседей сирийцев, палестинцев из-за частых распрей была уже каста воинов. Следовательно, древние руссы вели общинный образ жизни. А из этого следует, что здесь преобладали общинные ценностные ориентации, личное Я было взаимозависимо от Мы, поддерживалась иерархичность в отношениях.

По мнению Ю.Д. Петухова, поскольку по мере довольно длительных перемещений русов по земле с целью поиска новых пастбищ для скота, они научились сосуществовать с различными племенами, что породило их яркую черту – «**способность к ассимиляции**». Хотя это расходится несколько с мнением А.Н. Мещерякова (2003), который утверждает, что именно скотоводческие народы отличаются особой воинственностью []. Но войну можно понимать как высшую степень конфликта, которая сближает и отдаляет людей, обычно открывает новую фазу отношений между народами.

Если говорить о социальной иерархии, которая отражается в пантеоне богов русов, то у индоевропейцев Ж. Дюмезиль выделил: бога-жреца, бога-воина, бога-хозяйственника. Отсюда Ю.Д. Петухов выделяет – **касты** жрецов, воинов, скотоводов, ремесленников и земледельцев. Что может

свидетельствовать о социально-психологической иерархии древних руссов и следованию традициям старших поколений.

Мировоззрение индоевропейцев характеризуется **дуализмом**, отражающимся в языке – добро-зло, верх-низ, правый-левый, закат-восход []. Возможно, это говорит о полярности мышления и простых критериях классификации мира. Что в мышлении преобладает эмоциональный компонент. Особенности мышления связаны с построением картины мира древних славян.

Картина мира для первобытных народов реконструирована В. Н. Топоровым (1972), В.А. Шкуратовым (1994), для индоевропейцев-славян представлена Ю.Д. Петуховым (2001), следующая:

1. верх – небо, мир богов, солнце, крона всемирного дуба, светлый, птицы;
2. середина – земля (по Шкуратову), ствол, мир живых, скот, красный, ось мира (по Петухову);
3. низ – корни, преисподняя, черный, тьма, вода, змеи.

Представленная схема имеет авторские дополнения. Заметим, что отражение внешнего мира, воплощенного в данной картине мира довольно просто, образно и непосредственно. Свидетельствует о первых формах классификации, операциях сортировки, построения иерархий. В данной картине отражено триединство мира: мир богов, мир смертных, мир загробной жизни. Перед нами картина мира древних руссов, которая существенно трансформировалась в наши дни.

В.А. Шкуратов (1994) утверждает, что «Зрелая и поздняя первобытность представлена неолитическими культурами». Они в свою очередь характеризуются «...психологическим укладом крестьянской (земледельческой) цивилизации» []. «Большинство психокультурных особенностей крестьянской цивилизации» характеризуются: соединением с природой и сообразностью ее ритмам, а также непосредственным общением, протяженностью, медленной ментальностью []. Такая ясная и простая картина мира сопровождается довольно бытийным смысловым содержанием.

Каждой культуре присуща своя «эпистема» писал еще М. Фуко в книге «Слова и вещи». Он считал, что каждой эпохе присущи свои детерминирующие структуры, которые определяют мышление, действия человека. Р. Бенедикт американская антрополог также нашла этому подтверждение в изучении народов, выделив «этосы» – единые темы культуры.

В мифологии древних славян прослеживается несколько главных тем. Тема **жизни и смерти**, в которой сокрыта тема **инцеста** – от Неба-отца и Земли-матери происходят дети-**близнецы**, Иван да Марья. Иван символ жизни, Марья – Мара, Мора – смерти. Тема борьбы чудовищ (**лихо** одноглазое, угонщик скота медведь) с **добром, герой-камневержец**. При повержении чудища, его обязательно **расчлениют**. В.Иванов и В.Н. Топоров показывают, что есть тема – низвержения, наказания детей, жены отцом «громовержцем» **изгнанием** с неба и **превращением в лягушек**, змей, мышей, насекомых т. д. При этом славяне всегда подчеркивают силу добра и его первичность, уважая при

этом силы зла. Основные смыслы, скрытые в данных темах – смысл продолжения рода, уважения традиций и старших, наказания за нарушение законов, преодоление внешних сил.

Как пишет Ю.Д. Петухов: «Люди перекладывали свои человеческие отношения на богов, а потом божеские на себя...сходные мотивы могут быть вызваны сходными ощущениями в процессе восприятия мира» []. В «Повести временных лет» (980 г.) сообщается об основных божествах – Перун – воитель, Хорса – бог-отец, Дажьбог – дающий благо и свет, Стрибог – старый бог, Симаргла – семиглавый, Мокошь – мать жребия, мать судьбы. Жизнь древнерусских божеств выступали прообразом основных **этнических тем русов**, поскольку они являлись проекциями основных психологических проблем того времени. Также основные божества русов являли собой архетипы того времени, выявляя главные социальные роли – отец, мать, враг, мудрый старец, воин и др.

«Каждый народ имеет свой особенный характер, отличающий его от других народов, и свою философию, более менее наукообразную, или по крайней мере рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии», – пишет архимандрит Гавриил (1840г.).

Древняя мудрость несет в себе архетипические образы российской ценностно-смысловых оснований менталитета, которые отразились на становлении национально-психологических особенностей россиян.

Даниил Заточник (XII-XIII вв.) в знаменитом «Молении» [] пишет: о преклонении пред богатыми людьми «...богатый муж везде ведом - и на чужбине друзей имеет, бедный и на родине ненавидим ходит» (с.16), о встрече русского человека с кризисами в жизни «всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить» (с.16), «...человек в напасти обретает ум зрелый...печаль человеку кости сушит» (с.16).

Интересны рассуждения автора о мудрости: «Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых» (с.18), «Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему» (с.18), «длинная речь не хороша, хороша длинная поволока» (с. 18). Эти народные пословицы и поговорки воплотили в себе установки и стереотипы людей того времени.

Монах Нестор (1050-е гг.- нач. XII в.) в «Повести временных лет»[] пытается объяснить нравственные стороны бед русских людей: «Это Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел». И далее в российской, религиозной литературе постоянно идут призывы русских людей к праведной жизни из боязни божественной кары. Образ божественной кары как архетип Тени в российском менталитете.

Князь Киевский Владимир Мономах (1053-1125) [] в «Поучении» излагает требования русского социума к россиянам, заключающиеся в следующих стереотипах: «не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие», «иметь душу чистую и непорочную, тело худее, беседу короткую и соблюдать слово Господне: «Если и есть без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства

беседуя, а по больше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать низу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет» (с. 23). Данные установки в общении славян являются типичными для коллективистских культур горизонтального вида [].

Особо В. Мономах подчеркивает: «...Бога ради не ленитесь..» (с.24). Этот призыв подчеркивает, как лень была практически повсеместной особенностью русов. Важной чертой автор полагает – милосердность: «Всего же более убогих не забывайте, но насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте». Культ убогих на века будет представлен у россиян, и только в наше время инвалиды сами будут отстаивать свои права, видимо культ исчез.

Также автор замечает: «...Лжи остерегайся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы не держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам» []. Сдержанность и благородство были в центре славянской души того времени.

Большую роль Мономах отводит гостеприимству и открытости: «...более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол». Важным, по мнению автора, являлся традиционализм, ритмичность мироустройства: «...Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власть над собой» [].

Древнерусские мыслители не случайно акцентировали греховность лени, очевидно, она являлась значимым качеством русских. Александр Шлиман в «Великом посте» (комментарии к великопостной молитве Ефрема Сирина) объясняет психологическую основу лени: «Лень – корень всякого греха, так как она уже в зародыше отравляет духовную энергию. Следствие греха – уныние, подавленность... Именно лень и уныние создают в нас желание господствовать,... Так как наша лень делает нас ни к чему не пригодными, мы хотим думать, что и другие никуда не годятся» []. Довольно психоаналитическое объяснение механизмов влияния лени на человека – отрицание, вытеснение и проекция. По мнению автора, лень нас «распыляет» и делает не способными видеть целое. Фактически она нас разрушает.

Большое значение отводит автор покаянию, которое понимается как «целостность – собирает человека воедино», «Плод целомудрия – смирение. Победа истины над всеми видами лжи. Смирение – увидеть и принять вещи такими, какими они есть, увидеть Бога и Его любовь во всем». Здесь мы видим призыв отхода от иллюзорности в восприятии окружающего мира, который, свойственен открытым душам. И здесь автор отмечает значимость терпения, толерантности, которое помогает человеку сосредоточиться, что очень схоже с психотерапевтическими технологиями: «Падший человек – нетерпелив, так как он слеп и не видит самого себя», «Терпение божественная

добродетель. Оно не фатальное отступление, а настойчивая борьба» []. Очевидно, имеется ввиду борьба со звериным в человеке.

Духовный писатель Нил Сорский (ок. 1433-1508) пишет в «Уставе» о преодолении страстей во имя духовного роста о том, что «Страстью называют такую склонность и такое действие, которые долгое время гнездятся в душе, посредством привычки, обращаются как бы в естество ее» [с. 35], «...Должно сопротивляться лукавым помыслам, сколько у нас есть силы» [с. 36], «А когда ум утешится и освободится от плена помыслов, тогда опять внимай сердцу и совершай молитву душевно...» [с. 37]. В основе развития российского менталитета лежит идея преодоления своих страстей ради духовного возвышения. Таковы ценностные основания древних россиян.

В некоторых исследованиях предлагаются представления об образе времени древних православных. М.И. Воловикова реконструировала его: «образ времени носил в себе отпечаток повторяемости, но одновременно и не повторяемости, благодаря тонкому (и довольно трудному) искусству уставщиков в составлении служб, сочетаниями по нескольким кругам (циклам): дневному богослужебному кругу, недельному, годовому и цикла, связанного со сроком пасхалий, рассчитываемому на несколько лет» [с. 54].

Архаические основания менталитета определили архетипы российского менталитета. «Элементы бессознательного, образующие душу расы, именно и являются причиной сходства индивидов этой расы» [Г. Ле Бон с. 14].

Представления об архетипах до сих пор являются предметом научных споров. Наличие или отсутствие архетипов еще строго научно не доказано, однако, нет сомнений в том, что менталитет имеет бессознательную, глубинную основу, возможно, она представлена системой архетипов.

Российские архетипы являются наиболее устойчивыми структурами российского менталитета. Архетипы имеют символическую природу по К. Юнгу. По мнению А.В. Лубского, архетипы обнаруживают себя в области смысловых, ценностных ориентаций. На наш взгляд, архетипы связаны с потребностной сферой общности и априорно определяют мотивы общности, а за тем ценностные ориентации. Мы согласны с исследователем, что «культурные архетипы особенно отчетливо проявляются в комплексах-аффектах, вызванных ситуациями-раздражителями или словами-раздражителями и являющихся формами субъективного проживания человеком своих архетипических структур»[].

Думается, что сегодня вырисовывается концепция, которая может обосновать наличие архетипов. Это концепция мифа А.М. Лобок (1997). «Именно миф – иллюзорная и нелепая конструкция с точки зрения внешнего наблюдателя – создает систему тех базовых ориентиров, которые позволяют представителю той или иной культурной общности твердо знать, каким факторам окружающего предметного мира следует отдавать предпочтения» [с.57]. «Люди, погруженные в один и тот же мифы, понимают друг друга с полуслова» [с.21]. Как отмечает автор,

что через определенные условные системы отсчета, предлагаемые мифом, человек оценивает окружающий мир. Об этом пишет и М.К. Мамардашвили (1992): «именно вневременной внепространственный характер мифологических персонажей предоставляет людям некую внешнюю точку опоры, откуда можно набросить на действительность сеть антропных образов и, тем самым, внести и в мир, и в человеческую душу такой порядок, который может противостоять хаосу и распаду...» [с.165]. Г.Н. Оботурова (2000) считает, что мифы выражают бессознательную архетипическую самость человека. Следовательно, поскольку именно архетипы представлены в мифах, как некоторые обобщенные образы, то можно предполагать их положение в глубинных основаниях менталитета, напрямую связанных с потребностной сферой человека.

Важным вопросом является выведение системы архетипов, представляющих российский менталитет. В данном разделе мы исходили из значимых оценок экспертов, затрагивающих феномен российского архетипа в своих работах.

Ю.В. Филиппов, И.Н. Кольцова выделяют базовые архетипы, составляющие «квинтэссенцию национально-исторического мифа»: архетип земли, архетип родства и архетип религиозно-идеологический [с.161]. Авторы утверждают, что данные архетипы служили объединяющим началом для народов России.

Одним из значимых российских архетипов выступает архетип произвола. В.К. Кантор пишет, что «бунташий XVII век» показал, что «Произвол народной стихии покорялся только произволу самодержавной власти», «народ не знал демократических институтов, не был приучен к закону». Автор показывает в своей работе, что «октябрьская революция явилась первым в русской истории победившим бунтом». Этой точки зрения придерживался и М. Горький: «В этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт» []. Н.А. Бердяев объяснял русский коммунизм через такие русские реалии: склонность к стихийности, бунту, нигилизм, произвол.

Ю.И. Лотман выделял два российских архетипа – архетип «договора» и «вручения себя». По его мнению, опираясь на первый архетип Петр I насаждал либеральные установки в народе, что способствовало жизненности второго архетипа.

Б.С. Гершунский пишет, что с данным архетипом связан в российском обществе миф о «свободно развивающейся личности». Как замечает автор: «прокламируемое свободное развитие личности на практике оборачивается растущим безразличием общества к человеку, обрекает его на достаточно беспорядочную, спонтанную флуктуацию во все более расширяющимся поле возможностей выбора, не подкрепленного осознания ответственности за те или иные решения, действия и поступки, их нравственную допустимость и целесообразность» [].

В этнопсихологических записках А. Андреев выделил архетип Тропы. В российском эпосе автор выделил упоминание о Трояновой Тропе. Тропой называли Млечный путь и считали, что Русь

пришла из него и по нему идет и Тропую уйдет. В русских сказках мы помним упоминание о «молочной реке в творожных берегах» – тот же образ. Это символическое представление российского специфического пути развития.

Также А. Андреев выделил архетипы возвращения и очищения. Возвращение понимается как самопознание, «тяга к себе», Дух может это осуществить, заглянув в Мир, в Природу. Очищение понимается как освобождение от телесной тяжести, обращение к духовному.

Можно определить архетип заморского гостя. По мнению М.А. Иванова и Д.М. Шустермана [] архетип основывается на мифе о приглашении «варяга». Суть его заключается в том, что ценность неформальных человеческих отношений в российской культуре очень высока, поэтому, чтобы произвести изменения в организации необходимо приглашать «чужака», которого терпеть легче, чем своего.

Представляет интерес архетип двоевластия, который основывается на мифе – приглашение на «княжение». Авторы пишут, что когда российская организация приглашает внешнего консультанта, то на него возлагают большую ответственность и могут передавать символы власти. Исследователи подчеркивают, «что в российском социуме ответственность не всегда сочетается с властью» [].

Архетип «заветного слова», определяется тем, что в российском обществе от всякого нововведения ждут «чуда». Как в народной сказке – «по щучьему велению, по моему хотению...». Е.С. Элбакян, исследуя особенности менталитета российской интеллигенции, выделила следующие ее архетипы: «комплекс вины» по отношению к народу. На наш взгляд, он является желанием подчеркивать свою элитарность исключительность. Также автор выделила архетип «социальной мифологии», когда интеллигенция несет в народ свои идеи, а народ интроецирует их. Следующий архетип – это «восприятие себя как всеспасителя» [с. 87–88] – гиперболизация коллективистической ответственности. Ю.В. Филиппов, анализируя эмоционально-образные составляющие мифов восточных славян выделил архетип Мать-Сыра Земля []. Восприятие земли у славян было антропоморфным, она воплощала в себе женское начало.

И.В. Мостовая, А.П. Скорик (1996), выделяя слои менталитета считают, что они предопределяют следующие архетипы: партикулярный архетип (определяется ритуалом), духовный архетип (определяется традицией, выражается в русской скорби, бесшабашности, широкой натуре), политический архетип (управляется законом), национальный архетип (направляется идеологией) [Архетипы и ориентиры российской ментальности. Интернет.].

В представленных видах архетипов авторы отражают историю руссов и российского этноса. Архетипами выступают и герои эпоса, и феномены истории, черты национального характера. И так архетип выступает прообразом коллективного субъекта.

Анализируя многие философские концепции, можно определить, что в жизни человека важную роль играют четыре отношения к определенным аспектам жизни человека: *отношение к*

любви, отношение к деньгам и отношение к работе, отношение к чуду. Причем, они являются сущностными, а такие отношения как концепция пространства, времени, направленность и др. имеют подчиненное значение. Отношение к любви связано с архетипом Матери, Отца, Влюбленного и Сироты. Отношение к деньгам связано с архетипами Тени, Дурака, Правителя и Воина. Отношение к работе связано с архетипом Созидателя, Служителя и Разрушителя. Отношение к чуду связано с архетипом Искателя, Мудреца, Мага и Самости. Данные архетипы лежат в основе таких отношений, видимо их направляют.

Е.А. Файдыш выстраивает такую логическую цепочку: «Одной из особенностей архетипа является невозможность его однозначного описания или определения. Сколько бы мы не пытались выразить его в виде текста, он всегда будет несоизмеримо сложнее и глубже. Именно поэтому могут быть осознаны только отдельные «тени», проекции, но никогда – он весь целиком.

В недавнее время математиками были открыты объекты очень сходные с ними. Это фрактальные множества и странные аттракторы. Как архетип невозможно задать перечислением его элементов, также и фрактал. Каждый элемент архетипа обладает не меньшей сложностью, чем целое, то же можно сказать и о фрактале. И наконец – самоподобие. Каждый элемент несет и информацию о целом. Этим свойством обладают как архетип, так и фрактал. И еще одно интересное свойство. Фракталы обычно имеют дробную размерность, т.е. как бы находятся между разными пространственными измерениями. Как уже говорилось, об аналогичных свойствах архетипов догадывались в глубокой древности. Интересно, что даже геометрические образы, использовавшиеся для изображения архетипов в древности, очень напоминают фракталы. Это янтры и мандалы» [с.62-63]. Так И.Ю. Григоровская эмпирически обнаружила две архетипические временные формы: 1) изображение линий, луча или совокупности точек, 2) круговые, окружные формы, петли, спирали []. Опираясь на данные представления, можно полагать, что архетип, как архаический прообраз может выступать единицей системы менталитета.

Схожие мысли высказывают и зарубежные авторы. М. Уитли (M. Wheatly) сравнивает действие архетипа с действием "странного аттрактора" [с. 2]. Если система с доминирующим архетипом соответствует архетипу группы, то члены данной группы будут притягиваться к данной системе.

«Праобраз, или архетип, есть фигура – будь то демона, человека или события, повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия» [Архетип и символ Юнг]. На этом основании, опираясь на опросник Л.А. Хегая, построили иерархию архетипов, представляющих собой основных сказочных героев, которые представлены в мировом народном эпосе [].

Архетипы задают особенности формирования национально-психологических черт []. Воинственность кавказских народов напрямую связана с архетипами Воина и Правителя. Утонченность азиатов связана с архетипом Мага. Российская вольница связана со свободолюбивым архетипом Дурака. Очевидно, что именно благодаря архетипам национально-психологические особенности народов обладают такой устойчивостью.

В проведенном исследовании с помощью авторского теста (Приложение 1) совместно с дипломницей Е. Гуриевой (2004) представленности архетипов в различных национальных группах Юга России (350 чел.) показали, что иерархия архетипов различна у исследуемых национальных групп. Как показывают диаграммы (1, 2, 3): у евреев презентуются архетипы Разрушителя, Мудреца, Мага. По аналогии с системой архетипов К. Пирсон они могут быть отнесены к архетипам Бунтаря, Мудреца, Мага, что может показывать, что не удовлетворены потребности в риске, познании мира и преобразовании его. Вытесняются архетипы Сироты, Дурака, Созидателя, следовательно, вытеснены потребности в принадлежности к близкому окружению и стабильности. У армян ведущими архетипами являются Разрушитель, Дурак, Маг. Это может свидетельствовать о неудовлетворенности потребностей в риске, принадлежности и преобразовании мира. Вытесняются ими архетипы Воина, Служителя, Правителя, что показывает о вытесненных потребностях в совершенствовании мира, стабильности и контроле. у русских представителей презентуются архетипы: Разрушителя, Дурака и Воина. Фактически это показывает, что в изучаемой группе русских респондентов есть потребность в риске, привязанности и в совершенствовании мира. Вытесняются архетипы: Искателя, Мудреца и Созидателя. Очевидно, что для достижения целей русским не хватает постижения мира, свободы и взаимопомощи. Примечательно, что на первых местах у всех групп стоит архетип Разрушителя, очевидно, это подтверждает бытийность трансформации менталитета в современном обществе. Также, опираясь на выше указанные отношения, можно констатировать, что в основном преобладают отношения к работе, к делу (архетипы Разрушитель, Созидатель, Служитель). Данная тема наиболее актуальна в социуме данных групп.

Диаграмма 1 представленности архетипов в группе евреев.

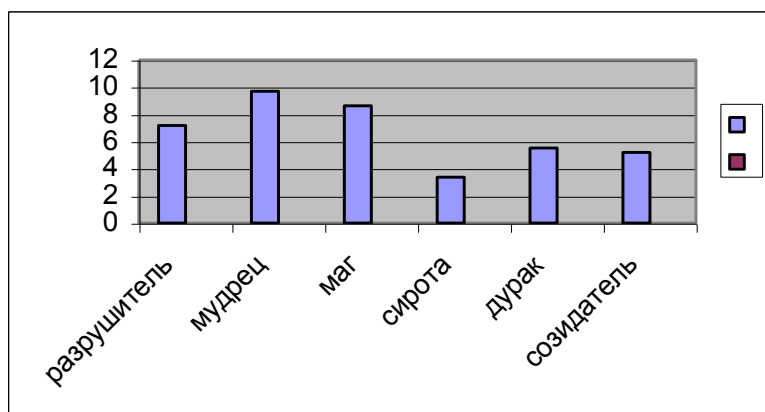

Диаграмма 2 представленности архетипов в группе армян.

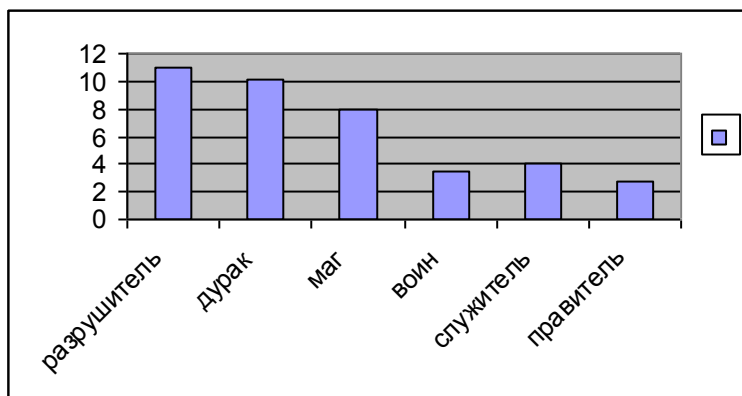
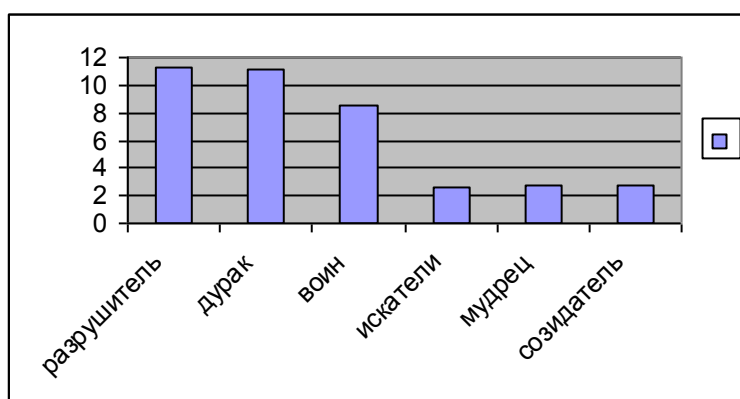

Диаграмма 3 представленности архетипов в группе русских.

Вытесненные архетипы, на наш взгляд, отражают истинную картину архетипов национальной группы, именно они задают потребностную направленность группы. Презентируемые архетипы – это желаемый образ национальной группы. Именно система архетипов, по мнению ученых, определяет облик этноса. Вытесненные архетипы указывают на действительные архетипические основания. Очевидно, что социальная ситуация в стране, которая характеризуется серьезными изменениями стимулирует на бессознательном уровне в менталитете именно эти архетипы. Возможно это так, но психоаналитики давно установили, что изменения на символическом уровне в психике человека ведут к внешним изменениям в его поведении. Поэтому, думаем, что внешние и внутренние изменения взаимосвязаны в менталитете. **Архетипы – реликты религиозного сознания, носители смыслов коллективного субъекта. Именно предание нового смысла ситуации и действия в ней ведут к изменениям его менталитета.**

Архетипы на сегодня являются единственной бессознательной основой менталитета, которая выделяется учеными. Архетипы менталитета, как утверждает большинство ученых, практически не изменяются в процессе трансформации менталитета. Этот факт может свидетельствовать о том, что центральное ядро менталитета не подвержено прямому и опосредованному воздействию из вне и

играет защитную функцию сохранения целостности менталитета. Своеобразие архетипов россиян связано со спецификой их национально-психологических особенностей.

Если в обществе главенствует религиозная система, то в менталитете будятся архетипы, которые направляют, активизируют жизнедеятельность коллективного субъекта, человека и оформляются религиозные менталитеты (иудейский, католический, православный и др.). Причина непонимания иных культур как раз и кроется в своеобразии архетипической системы менталитета.

1.2. 2. Динамика взаимовлияния этноса и менталитета

Религиозные формы сознания, которые были одной из ведущих сил развития общества в различные эпохи, сменяются этническими формами сознания. Однако не во всех регионах. На Востоке религия осталась силой, консолидирующей народ вокруг государства до наших дней. Развитие государственности на Западе, Америке и др. странах в большей степени было обусловлено формированием национальностей, то есть ведущим фактором была этничность.

История представлений о менталитете и этносе имеет параллельные направления. Практически одновременно с идеями об особенностях народов развивались идеи об особенностях народного духа. Поэтому первоначально понятия отождествлялись.

Этнография, одна из первых научных дисциплин, выделила менталитет в качестве предмета изучения. Этнографами был накоплен большой фактический материал по описанию особенностей этносов и структур менталитета различных народов (А. В. Авксентьев, В. А. Авксентьев, Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева, В. Кардинер, В. И. Козлов, М. Мид, Дж. Мердок, И. Подберезкин, П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, Н. Н. Чебоксаров, В. А. Шаповалов, С. М. Широкогоров и др.). И хотя не всегда в задачи исследований входило изучение менталитета, однако, это происходило латентно в исследовании особенностей этносов: уклада жизни народов, их традиций и обычаев, языка, что для проблематики менталитета чрезвычайно важно, в силу того, что менталитет репрезентируется в этих явлениях жизни народов (этносов). В этнографических исследованиях получили обоснования несколько подходов к проблеме менталитета: *географический, антропологический, этногенетический, психологический*. Основанием для выделения данных подходов явилось понимание авторами природы и процессов развития этносов.

Проблема менталитета раскрывается в самых первых описательных исследованиях этнографов и являет собой перечисление признаков сходства и различия особенностей национальной культуры тех или иных народов. Геродот (V в до н. э.), Тацит (II в до н. э., очерк «Германия»), повествуя о различных странах и проживающих там народах, немало внимания уделяли описанию их нравов, обычаев и привычек [6, с. 14-15]. Констатируя различия в культуре и традициях, внешнем облике племен и народностей, древнегреческие мыслители предпринимали попытки определить природу этих различий. Гиппократ (IV в до н. э.), например, физическое и психологическое

своеобразие разных народов объяснял спецификой их географического положения и климатическими условиями. «Формы поведения людей и их нравы отражают природу страны» [7, с. 24] - считал он. Предположение о том, что южный и северный климат неодинаково влияют на организм, а следовательно, и на психику человека, допускал и Демокрит (V в до н. э.). Одним из первых оснований, которое отражало своеобразие менталитета народов, был *географический фактор*, суть которого заключалась в признании климатических и других природных условий в качестве главного, определяющего фактора развития народов (этносов). Названный подход утвердился в научной среде.

В эпоху капитализма XVIII – XIX в.в. Ш. Л. Монтескье [7, с. 23] констатировал определенную зависимость духовного склада и образа мышления народов от их образа жизни, определяющегося условиями географической среды. Взрывной темперамент южан объяснялся активным солнцем, инертность северян – холодным климатом. Ссылка сторонников географической школы на решающую роль климата и других природных условий была сомнительной и влекла за собой представления о неизменности этнической психики. В одной и той же географической зоне, как правило, живут различные народы, которые в свою очередь характеризуются различными чертами национальной психики. Современные взгляды антропологов, географов и экологов подтверждают влияние климата, временных и пространственных характеристик на формирование психики этносов [Суходольский].

Анализируя вышеизложенное, следует, что географическая среда является важным фактором зарождения, формирования этносов и их менталитетов, но не относится к основополагающим, поскольку ослабевает по мере развития системы этноса.

Другим направлением этнографии во второй половине XIX века, рассматривающим человеческое общество по аналогии с жизнью животного мира, стало антропологическое направление. Сторонники этого направления пытались доказать существование прямого воздействия *биологических законов* на социальную и духовную жизнь этносов. Они стремились обосновать теорию о непосредственном влиянии анатомо-физиологических задатков людей на психику и на этой основе вывести черты их внутреннего, нравственно-духовного облика из биологических признаков (конституция тела). Пытались вывести менталитет биологических общностей (расы, популяции) (Г. Ле Бон, Ч. Ломброзо и др.). Американский генетик Пьер ван ден Берг предложил рассматривать этничность как передаваемый по наследству признак.

При всей спорности данного фактора остается открытым вопрос передачи на генном уровне признаков этничности. Позже были высказаны взгляды, что индивид не рождается с уже готовым национальным характером и не является изначально приверженцем определенной национальной культуры, традиций, языка и т. д. Ю. В. Бромлей писал, что «этносы возникают не по воле людей, а в результате исторического процесса». Далее автор продолжает: «Расовые особенности, в силу своей

неоднородности, не могут служить достаточным основанием для выделения этнической общности» [3, с. 273].

Однако постепенно ученые отошли от крайнего «биологизма» и утвердили, что этничность является неизменным аспектом «Я-образа» человека. Основывается этничность на эмоциональной привязанности к этнической группе (К. Гирц, Р. Габино, У. Коннора, А. Грили и др.). Хотя с этим трудно согласиться, например, показано исследователями, что музыку Баха немцы воспринимают иначе, чем другие народы, они выделяют больше нюансов. Также известно, что темперамент восточных народов напрямую связан с особенностями их гормональной системы. Таким образом, у различных народов существует определенная организмическая предрасположенность, отражающаяся на их особенностях восприятия мира, поведения в нем. Но мы не забываем, что привнесение цивилизации искажает данные предрасположенности.

Психологическая школа в этнографии придерживается точки зрения, что основой существования этноса является его особый *психический склад*, отождествляемый с менталитетом, реализуемый в «основной личности», представляющей средний психологический тип в данном обществе, передаваемый из поколения в поколение (А. Кардинер, М. Мид и др.). Исследовательница этнографии детства М. Мид [10, с.175] писала, что на ребенка с первых дней его существования воздействует среда и прежде всего конкретные приемы ухода за младенцем в каждом данном обществе. Раннее детство оказывает влияние на становление менталитета представителя определенного общества. Члены каждого общества имеют многие общие свойства личности, но при этом нормы личности в каждом обществе различаются между собой [10]. Фактически ставился вопрос о существовании среднестатистического типа менталитета. Маргарет Мид, которую по праву считают первым этнографом, для которого мир детства стал главным предметом исследований, придерживалась идеи *культурного детерминизма*, основанной на положении о том, что индивидуальный характер и социально типичный тип личности формируется исключительно воспитанием. Следовательно, и менталитет формируется в процессе воспитания.

В 50–60-е годы психологическая школа стала отходить от концепции «основной личности», на смену ей пришла концепция «модальной личности». В отечественной психологии важное место отводится понятиям «модальной личности» и «типичной личности» (А. Инкельс, Б.Д. Парыгин, К.К. Платонов). Под модальной личностью понимают тип личности, возникающий как результат действия определенной системы социализации и социального контроля, как результат развития личности в определенном, этническом, культурном, историческом и других условиях []. В основе понятия «модальная личность» лежит представление о том, что структура личности отдельных членов общества имеет тенденцию повторять или имитировать, воспроизводить или уподобляться «обобщенной», «типичной» структуре личности большинства членов определенного сообщества. Менталитет, исходя из теории «модальной личности», – это типологическое свойство этнической

группы людей. Модальная личность, по мнению М. И. Бобневой [2], должна быть отнесена к «внеличностным образованиям», атрибутом модальной личности является социальная роль. В. С. Крысько и А. А. Деркач [7, с. 32] считают, что «модальная личность» лишь в абстрактном общем виде выражает главные характеристики психологии того или иного народа, а в реальной жизни могут присутствовать различные спектры проявления общих свойств психического склада народов. Проблематика вопроса «основной» и «модальной» личности тесным образом связана с вопросом о существовании реальных феноменов, представляющих этнический менталитет. И сегодня данный вопрос остается открытым. Проводя массовые опросы или психодиагностики, выявляя черты личности, наиболее часто встречающиеся среди населения, исследователи основываются на усредненных результатах статистик. Таким образом, исследователи исходят из методологии выявления «модальной личности», а этот теоретический конструкт остается спорным.

Человек становится представителем конкретной этнической общности лишь в процессе воспитания в данной национальной среде. Эти положения этнографии внесли большой вклад в развитие теории менталитета, поскольку утвердили положение о его *социальной природе*. Основным тезисом данных воззрений является тезис о том, что этнические характеристики – это результат приспособления, солидарности с группой и никакой биологической основы они не имеют (Л. Белл, А. Коэн, Дж. Окамура, М. П. Фишер, К. Янг и др.).

Фактически к концу XIX и середине XX веков были выделены биологическая и социальная основа этноса. Сама этничность стала отдельной основой социальных общностей. Менталитет определялся как социально-психологическая составляющая этничности.

Учеными были описаны различные условия усвоения менталитета в этнических общностях. При этом историческое время отождествлялось со временем формирования этноса и его менталитета. Были выделены психологические типы различных исторических эпох (М. Блок, Ж. Дюби, Л. Февр и др.). Однако французская социологическая школа впервые доказала, что историческое время не всегда совпадает со временем формирования менталитета. Одна историческая эпоха может рождать различные типы менталитетов.

Этой точки зрения придерживался и Л.Н. Гумилев (1979), который был представителем этногенетического подхода. Своеобразие менталитета этноса каждой исторической эпохи, с точки зрения ученого, не зависит от процесса этногенеза. Автор выдвинул концепцию пассионарности, суть которой в направленном воздействии энергии Космоса на определенные популяции, которые, получив энергетический заряд, включаются в длительную эволюцию этноса. Пассионарность атрибут не сознания, а подсознания (генетическая память), выражающийся, по мнению автора, в специфике конституции нервной деятельности. «Этнос – это форма коллективного бытия, присущая лишь человечеству» [4, с. 98]. Автор выделил понятие «этническое поле». Новорожденные дети «безнациональны». «Этническое поле не сосредотачивается в телах ребенка или матери, а

проявляется между ними. Ребенок устанавливает связь с матерью ... входит в ее этническое поле, которое потом лишь модифицирует вследствие общения с отцом, родными и другими детьми и всем народом. Но поле в начале жизни слабо и если ребенка поместить в иную этническую среду, перестроится именно оно, а не темперамент, способности и возможности. Личность ребенка формируется на протяжении первых 3 – 5 лет жизни» [4, с. 313]. Основой различия между этносами являются, по мнению автора, стереотипы поведения. Разница этнопсихологических стереотипов определяется климатом, рельефом, флорой и фауной, но Гумилев писал: «...так называемый «национальный характер» – миф, ибо для каждой новой эпохи он будет другим, даже при ненарушенности последовательности смены фаз этногенеза». Например, для «русского психологического типа характерно одновременно как строгое собирательство, так и веселое, беззаботное расточительство, в зависимости от эпохи» [4, с. 214]. Концепция Л. Н. Гумилева подтверждает положение о том, что этнический менталитет транслируется в процессе воспитания, так как, как правило, дети воспитываются в своем этносе, то содержательное наполнение этнического поля происходит также в данном этносе.

Опираясь на взгляды автора, можно полагать, что менталитет рождается в этническом поле группы. То есть менталитет выступает признаком этноса.

Из вышеизложенного следует, что этнографические направления предложили несколько детерминант этнического менталитета, которые его связывают с этносом: географическую, биологическую, социальную, культурную, психологическую, личностную. Но не одна из них не стала основополагающей.

Р. Шведер считал, что все культуры отличаются: эмоциями, интенциями, self, нравственностью, идеями, образом мира, меньше отличаются по когнитивным способностям. Современные авторы полагают, что именно когнитивная сторона наиболее отличается в различных культурах.

Поскольку этнический менталитет отражает общие характеристики, присущие какому-либо этносу (образ жизни, психический склад), то специфика составляющих менталитета будет зависеть от содержания, которое мы вкладываем в понятие «этнос».

Ю. В. Бромлей пишет, что в этнографии существует большая полемика вокруг понятия «этнос». Одни авторы, например С. М. Широкогоров, понимают этнос как биологическую общность: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других» [3, с. 274]. Ю. В. Бромлей отмечает, что этнос – «сложное образование, имеющее территориальную, экономическую и политическую общность, особенности культуры, общность психики и члены которой осознают свое групповое единство (этническое самосознание)». Чаще всего употребляется понятие народ как синоним этноса (нации, народности,

племена). Н. Н. Чебоксаров [13, с. 122] представляет этносы как основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделить этнические общности, таксономически более высокого или низкого порядка. При этом одна и та же совокупность людей может одновременно входить в состав нескольких этнических общностей разного таксономического уровня. Таким образом, возникает дилемма существования, например, менталитета русских (этническая общность низкого порядка) или менталитета славян (этническая общность более высокого порядка).

В. Мухина определяет следующим образом этнос: «Этнос как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими антропометрическими чертами и стабильными особенностями культуры и психологического склада. Признаки этноса. Значение единой территории и производственных отношений для образования этноса. Системные свойства этноса: язык, народное искусство, обычаи, обряды, традиции и нормы поведения» [с.11].

Данные определения находятся в классических рамках науки. Современный мир наполнен изменениями, а не стабильными элементами, которые изменяют этносы.

С. А. Арутюнов видит этнос как информационную систему, выделяя в ней значимость диахронной информации (этническая память, традиции, обычаи). Список терминов можно было продолжать, но хотелось бы отметить, что дефиниции этноса все чаще подчеркивают не врожденные, стабильные составляющие этноса, а ситуативные, приобретаемые. Так Т.Г. Стефаненко определяет этнос как «группу людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [с. 29, 2003]. А.И. Кравченко представляет этнос в виде «группы людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры, ассоциируют себя с собой территорией, обладают мифом об общем происхождении и общей исторической памятью» [с.661].

М.Б. Ешич определяет этничность как «набор определенных особых характеристик людских индивидов и их групп, их сообществ» [с. 255]. К этим характеристикам автор относит: язык, комплекс культуры, традиции поведения и образа жизни, индивидуального и коллективного самосознания и соответствующего этнонима. При этом автор обращает внимание на интересный феномен, заключающийся в том, что этносы рождаются и исчезают, а этничность «как реальия в жизни людских коллективов» остается, меняясь только в конкретных проявлениях своих основных параметров [с. 257]. Этничность меняется, по мнению М.Б. Ешич от поколения к поколению.

Фактически этничность – это некий образ, с которым члены определенной группы при его совпадении в восприятии идентифицируются. Но тогда этнос превращается в фантом. Следовательно, нельзя отвергать природную основу этноса, как и социально-культурную, это две сосуществующие ипостаси этноса, даже при их подвижности и изменчивости. Безусловно, этнос

довольно фиксированная составляющая, она не произвольна. Это доказано многими исследователями. Попытки объединить этничность и менталитет представляются бесосновательными. Миры этноса и менталитета пересекаются, но не полностью.

Мы не отождествляем процессы эволюции рас и эволюции менталитета, но в этих механизмах есть много общего. В.П. Алексеев (1985) пишет в концепции модусов изменчивости рас: «стабилизирующая и рассеивающая форма отбора действовали в эволюции гоминид по-разному, не повторяя, а дополняя друг друга: первая из них была нацелена на выработку и поддержание видового стереотипа, в то время как вторая обеспечивала внутривидовое разнообразие. Видовое единство человечества поддерживалось стабилизирующим отбором, внутривидовое разнообразие – рассеивающим, что и создало, в конечном счете, неповторимую диалектику позднего этапа антропогенеза и раннего этапа расообразования» [с 194]. Полагаясь на теоретический принцип, сформулированный А.И. Ярхо (1934), заключающийся в таксономической не равноценности расовых признаков, автор вывел асимметрию свойств таксономического поля. В.П. Алексеев выделил типы изменчивости, названные модусами расообразования. Первый модус – это модус типологической изменчивости, когда в ходе эволюции рас возможно выделить четкие антропологические типы. Возможно они обладают и яркими типами менталитета. Например: «На Кавказе при отчетливых географических рубежах между отдельными областями и разнообразии языковой и культурной ситуации достаточно четко проводятся границы между ареалами разных морфологических комплексов, характеризующихся достаточным своеобразием» [с. 121].

Другим модусом изменчивости является – локальный модус. В.П. Алексеев выделяет его, например, на территории Восточно-Европейской равнины, где «переход от одной популяции или группы популяций к другой незаметен, границы между ними неотчетливы, тесное морфологическое сходство имеют не только соседние, но и территориально далекие одна от другой популяции. Типологическая изменчивость выражена очень слабо. Явно преобладает локальная изменчивость, зависящая от многих случайных причин» []. При этом модусе очаг расообразования может сохранить стабильность продолжительное время. А вот при первом модусе – очаг расообразования может распадаться на дочерние очаги и терять свою самостоятельность. Из выше сказанного следует, что на территории России трансформационные механизмы менталитета предположительно имеют *локальную природу изменчивости*. Данные воззрения помогают взглянуть на процесс трансформации и предположить, что он неоднозначен и в нем можно выделить несколько пространств лаколизации (локальный, типологический и др.). По всей видимости, их определяют некоторые схемы нормативных последствий событий, которые содержатся в сознании народов.

В представлениях о становлении этничности К. Касьяновой (1993) полагается, что всякий этнос переживает этапы стабильности и кризиса. На этапе кризиса в нем что-то распадается, разрушается и возникает. «Ослабевают системы кровно-родственных уз, перестают чувствовать себя

«своими» люди, связанные отделенными степенями родства, все больше чужих, пришлых людей поселяется вперемешку с родственниками, – и возникает необходимость выработать какие-то новые культурные скрепы, взамен прежних, родственных» [с. 10]. Этими скрепами становятся, по мнению К. Касьяновой, представления, объединяющие людей и волю, решимость людей продвигать их в жизнь. В этих представлениях скрыта система ценностей. Однако, все представления проходят строгий отбор в культуре, конкретизируясь и видоизменяясь. «В переломный период... возрастает интерес к прошлому, к собственной культуре, к представлениям о себе самих. Это очень важный момент в определенной трансформации...» [с. 14]. Продвигают данные представления «аутсайдеры», люди, выпавшие из устойчивых социальных структур, аналогичные идеи выдвигали Ф. Знанецкий, Ю. Халасиньский.

Современный словарь иностранных слов определяет понятие «этнос» как «исторически возникшую и эволюционирующую и саморегулирующуюся социальную систему, обладающую многосоставной структурой» [с. 678]. Основными признаками этой системы, интегрирующей и дифференцирующей людей, являются следующие: климато-географические, расово-биологические и социокультурные (Ю.В. Бромлей, 1981; Л.Н. Гумилев, 1993).

На наш взгляд, сегодня, анализируя этнический менталитет, целесообразнее говорить об этнической группе. Поскольку в социальной психологии уже сформированы общие теоретические и методологические подходы к анализу социально-психологических объектов, то можно выделять менталитет этнической группы. Структурными образованиями психологии этнической группы высшего порядка являются следующие: существенные стороны психологического восприятия своего этноса и общей этнической картины мира; потребности, эмоциональные оценки, система ценностей, совокупность личностных контактов и взаимодействий.

Таким образом, опираясь на данные этнографии, стало возможным выделять: российский менталитет, американский, западный, восточный, азиатский, африканский и др.

Этнография впервые поставила задачу изучения факторов, детерминирующих менталитет этносов. Однако каждый из факторов был абсолютизирован отдельными этнографическими школами. Данное обстоятельство привело к расколу между направлениями в науке, а менталитет как целостное образование был затерян. Новое рождение проблемы менталитета этноса в конце XX века окончательно утвердило основной принцип в ее решении, им стал *социально-психологический детерминизм*. Этому во многом способствовали два подхода, оформившихся в начале XX века – социально-психологический и исторический (Г. В. Акопов, Т. В. Иванова, 2003). Из социально-психологического подхода отделилась этнопсихология. А историческое направление стало развиваться в рамках исторической психологии.

Школа «Анналов» описывая ментальность, определяют ее как мыслительную, духовную субстанцию, определяя ее через определенную эпоху и культуру людей, включающую этнос. Следовательно, этнос и ментальность сосуществуют взаимообуславливая друг друга.

На современном этапе вопрос о связи менталитета и этноса продолжает волновать ученых. Р. А. Додонов, анализируя этнический менталитет, пишет, что ни один из признаков этноса (территория, климат, язык, форма хозяйствования) не может быть сущностным, поскольку они довольно изменяемые. Поэтому автор предлагает «такой признак искать в специфике перцептивно-когнитивной деятельности представителей того или иного этноса» [5]. А такую специфику выражает менталитет. Следовательно, Р. А. Додонов выделяет менталитет как атрибут этничности. Хотелось бы добавить, что исходя из нашей гипотезы, только на определенном этапе развития коллективного субъекта в зависимости от условий этот тезис истин. Автор определяет: «Этничность есть социально-философская категория, характеризующая связи и отношения между общностями людей как носителей специфических менталитетов, возникающих и передаваемых из поколения в поколение в результате существования в общих географических и социально-исторических условиях» [5]. Однако автору можно на это возразить тем, что сейчас в исследованиях показано, что менталитет также неустойчив и подвергается деформациям.

Г. В. Акопов, Т. В. Иванова (2003) определяют ментальность как «выражение группового сознания во времени и пространстве» [1, с. 51]. Авторы, рассматривая врожденные и приобретенные основы сознания, этническое считают ближе к полюсу врожденного. Ментальность, они считают, служит для социальной реализации врожденного и этнического в определенные исторические эпохи. Поэтому ментальность становится проявлением общественного сознания. Таким образом, связь менталитета и этноса имеет функциональную связь, что можно представить в следующем виде (рис. 1).

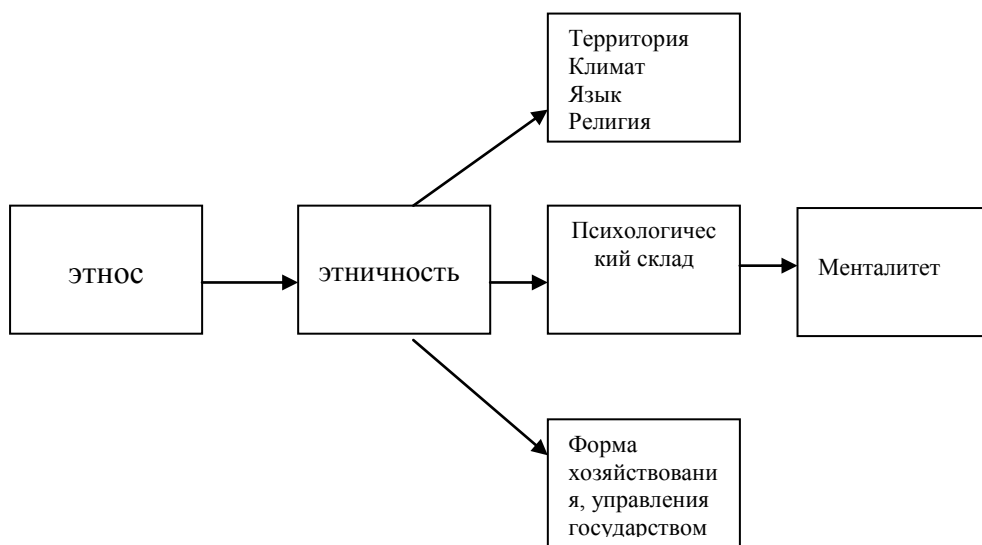

Рис. 1

Схематическая связь менталитета и этничности

В.С. Мухина определяет ментальность как особенный психический склад и мировоззрение людей, входящих в тот или иной этнос. Выражение иерархии идей, воззрений, представлений о мире и своем этносе [с.15]. При этом в ее представлениях ментальность выступает консолидирующим этнос фактором. Современная психологическая концепция ноопсихогенеза и менталитета народов Б.А. Душкова (2002) дополняет данные измышления. Автор рассматривает динамику менталитета с системных позиций. Менталитет он разделяет на объективные процессы, которым соответствует определенный тип этноноопсихогенеза и менталитета, также субъективные типы и уровни. Развитие менталитета автор видит в двух плоскостях: вертикальное развитие, включающего этническую модальность, внутреннюю и внешнюю интенсивность, устойчивость показателей, характеризующих этноноопсихогенез, горизонтальное развитие этнопериодов и этнотипов. Б.А. Душков выделяет три этнопериода развития, определяющие – социальные особенности первичного, психологические особенности вторичного и социально-психологические особенности третичного периодов.

Развитие этносов и национальных групп, по мнению автора, связано с их «ноопсихосоциогенезом, основными критериями которого выступают биогенетическая и социальная активность, развитие национальной психики и сознания, национального поведения и деятельности, национального общения и совместной деятельности» [с. 29]. На начальном уровне этноноопсихогенеза народов проявляются биогенетические, психические, поведенческие и «общенческие» процессы, которые малоосознаваемы нациями, «т. е. национальный образ действительности в момент происходящих событий не выступает как предмет специальной рефлексии» [с. 29]. Следующий уровень этноноопсихогенеза народов отражает национальное сознание, деятельность, совместную деятельность и социальную активность и связан с объективной оценкой происходящих событий, национальной убежденностью, духовной сплоченностью и национальным самосознанием, что является показателями, по мнению автора, ноосоциогенеза. Учитывая влияние социально-политических, экономических, социальных, духовно-нравственных факторов, автор выделил разнообразные типы менталитета. Определим параметры вертикального развития менталитета в данной теории. Этнопсихологическая модальность – последовательная смена групповых психических состояний, характеризующихся длительностью и силой протекания. Внутренняя интенсивность менталитета характеризует «общий функциональный уровень или настрой психической деятельности народов; их физическое самочувствие, а также расположение народного духа, национального настроения» [с. 34]. Внешняя интенсивность менталитета – «перевод внутренних национальных процессов во внешние, предметных национальных образов – в социальные образы и представления» [с. 35]. Устойчивость, как отличительный признак, характеризующий нацию. К устойчивым признакам относятся – устойчивый менталитет, психологический склад, духовность народа, социальные образы, национальная твердость, нравственность и др.» [].

Опираясь на положения теории, Б.А. Душков следующим образом характеризует русский народ – его этноноопсихогенез связан с развитием психологической модальности и внутренней интенсивности, что говорит о преобладании этноподсознательных процессов и определяет общенародную жизненную направленность духа. Также русские характеризуются неравномерным характером развития этнопроцессов и этнотипов. «В настоящее время идет интенсивный процесс формирования этноноопсихологической внешней интенсивности, связанной с формированием новых социально-экономических и социально-политических связей и отношений, развитием внешних этнопсихологических состояний, внешней социальной активности, внешних ценностных ориентаций, этнопсихологических установок и убеждений, а также этнопсихологической устойчивости, характерной особенностью которой для русского этноса является приобретение устойчивой законности и правопорядка, новых устойчивых ценностных ориентаций и духовных устремлений» []. Исходя из позиции Б.А. Душкова возможно заключить, что идет трансформация российского менталитета.

А раз это так, то динамические процессы этноса взаимосвязаны с динамикой менталитета. В индустриальном и постиндустриальном обществах этничность «интегрирует новые общественные ценности в исконные» (А.А. Иванова авторефер, с. 4). Это способствует трансформации этничности в своих проявлениях. «В результате внутри каждого отдельного этноса соотношение разных стратегий аккультурации имеет свои особенности и по-своему создает новые конструкты этнической идентичности как в контексте идей и реальных предложений наступающей цивилизации, так и в условиях единого геоисторического пространства» [с. 6]. Укрепляется в этнопсихологии принцип культурно-семиотического опосредования этнокультурного развития. «Не существует никакого отдельного самостоятельного этнического мира не зависимо от человеческих способностей и способов извлечения из него этнических значений и смыслов, а всякий индивид формирует свое этническое (само) сознание, обретая при этом этническую индивидуальность, лишь посредством извлечения этнических значений и смыслов из этнокультурного мира, а также их использования» [В.Ю.Хотинец, с.143]. Предположительно, именно новые значения и смыслы этноса, социума усваивают люди в ходе трансформации менталитета. Это имеет, по мнению В.Ю. Хотинец (2001), определенные последствия: изменение отношения к объектам мира, изменение самого субъекта и изменение мира, с которым взаимодействует субъект.

Среди самых существенных факторов идентификации с этничностью выявляют: 1) специфику этнической социализации, 2) гетерогенность или гомогенность этноконтактной среды, 3) статусная иерархия между этническими группами.

Теперь если представить, что у человека нормально прошла этническая социализация, он проживает гетерогенной этноконтактной среде и статус его этногруппы средний, то менталитет он выражает своей этногруппы. А если он проживает в гетерогенной среде, где его этнос занимает

низкий статус, то он может декларировать не свою этничность, а социально одобряемую, но менталитет по идее он должен выражать все равно исконный, поскольку он не осознаваем. А если бы менталитет выступал атрибутом этничности, то в рассмотренном примере сменился бы и менталитет.

Из этого мы заключаем, что этничность является внешней системой по отношению к менталитету. На определенных этапах развития коллективного субъекта этничность и менталитет сопряжены, совмещены и можно отождествить менталитет и этничность, но за тем ситуация может измениться и менталитет постепенно будет отходить от этнических признаков. В работе М.О. Heislera указывается, что в эпоху «постнационализма» этничность может трансформироваться в иные, социальные, политические, экономические формы []. Это на наш взгляд и просматривается в развитии славянского этноса. Сегодня мы считаем, что для русских доминирующей надсистемой является социальная система. Этому мы находим подтверждение в исследовании Т.Д. Соловей. Она эмпирически выявила, что уровень этнической солидарности и сплоченности русских в целом ниже, чем у многих других народов России [Базовые ценности...с. 107]. Из чего может следовать, что этнос не является для русских доминантой.

Об этом пишет и А.П. Огурцов: «Можно ли вообще выделять такого рода инвариантные системы образов и представлений на основании социально-географических единиц, отождествляя границы менталитета с пространственными границами социальных общностей?...такого рода наложения и приводят к отождествлению априорных структур сознания с этнонациональными особенностями сознания и поведения личности» [].

На наш взгляд отождествление этничности и менталитета связано с особенностями развития термина «менталитет», который зародился в лоне этнографии и принимался за психический склад этноса. Историческая школа способствовала отделению двух понятий. Общность понятий выводима из того факта, что субъектами в обоих случаях выступает социальная группа (национальная, профессиональная и др.). При доминировании в обществе этнической системы преобладает этнический менталитет. Этнографические исследования определили бытийность этнического менталитета, указали на связь его с образом жизни, географией этноса, генетической памятью этноса, а также социально-психологическими особенностями его представителей. В науке подтвердился тезис о социально-психологической, а не биологической природе менталитета. В основе природы менталитета лежат: природные факторы, география, культура, конструктивное внутригрупповое сотрудничество. Проблема менталитета зарождается как природно-биологическая проблема, а позже определяется как социально-психологическая проблема. Основными социально-психологическими коррелятами менталитета и этноса являются: закрепление за определенными правилами поведения и способами восприятия и мышления этнической группы статуса нормы, категоризация окружающего пространства, исходя из картины мира этноса.

1.2.3. Социально–психологические подходы к изменчивости менталитета

Идея многомерности человеческой онтологии встроена в ткань проблемы изменчивости ментального пространства субъекта. Саморазвитие современного человека происходит в обстановке нестабильности социальной среды. Многомерность человека подтверждают многие психологические теории, рожденные в XX веке: теории развития Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, теории мотивации А. Маслоу, П.В. Симонова, структуры сознания А.Н. Леонтьева, К. Уилбера, система диспозиционной регуляции социального поведения В.А. Ядова, модели ментального пространства Ч. Осгуда, Дж. Келли, теория переживаний Ф.Е. Василюка, исследование семантического пространства В.Ф. Петренко, метаиндивидуальный мир человека Л.Я. Дорфмана, ценностно-смысловая модель Б.С. Братуся, теория самопричинности В.А. Петровского и др. Соотношение динамики многомерных психологических явлений и изменений социокультурной среды относительно недавно родившаяся проблема. Углубившись в проблемы самореализации личности, ученые отошли от вопросов связанных с психологической динамикой феноменов коллективного субъекта. К таким феноменам относится феномены трансформации менталитета.

Проанализировав разнообразные работы психологов, занимающихся проблемами изменений психологии людей различных эпох и этносов, можно констатировать, что культурно-исторический, деятельностный подход в российской психологии и зарубежная когнитивная и постмодернистская психология являются предпосылками идей трансформации менталитета. С позиций теоретиков деятельностного подхода психические процессы возникают с новыми формами поведения, в которых люди изменяют материальные объекты во взаимодействии с другими людьми. Следовательно, мы имеем дело с социально-психологической изменчивостью.

Когнитивная психология понимает психологию человека как культурно-конструируемую, конституируемую и потенциально изменчивую. И с позиций данного направления, мы сталкиваемся с субъективно-конструируемой социально-психологической изменчивостью.

Социально-психологическая изменчивость это психологический конструкт, который представлен различными феноменами. Одним из них является трансформация менталитета. Феноменология динамики менталитета касается его основных компонентов, структурных и функциональных преобразований, которые выступают составляющими социально-психологической изменчивости. Сегодня наука располагает данными, раскрывающими изменения в отдельных компонентах менталитета под влиянием социально-культурных преобразований.

Феномены социально-психологической изменчивости слабо описаны в отечественной и зарубежной психологии. На протяжении последних 20 лет в психологических исследованиях сложились три основных направления в рассмотрении социально-психологической изменчивости менталитета: *ценностный, личностный, когнитивный*. Современная наука предлагает выделять *поведенческий и информационный подходы* к проблеме трансформации менталитета. Пробивает себе

дорогу *системный подход*. Из этого можно сделать вывод, что поскольку значимой составляющей культуры является менталитет, то в рассмотрении вопроса трансформации менталитета будем касаться этих направлений.

Можно выделить четыре этапа становления идей трансформации менталитета:

I – *вторая половина 19 века, когда ученые в принципе ставили проблему возможности изменчивости культурных артефактов.*

II – *XX век определил круг проблем феноменами изменчивости (установки, стереотипы, ценности, картина мира).*

III – *60-70 –е гг. XX века открывает возможности исследования механизмов трансформации менталитета (идентификация, транслирование, социализация и др.).*

IV – *XXI век расширяет проблематику трансформации менталитета вопросами управляемости изменений.*

Попытаемся рассмотреть феноменологию трансформации менталитета с трех позиций: как феномена объективной действительности, феномена субъективной действительности, феномена интересубъективных взаимоотношений (по аналогии с Д.А.Леонтьевым в анализе концепций смысла).

При этом трансформация менталитета выступает как процесс, следствиями которого являются изменения свойств менталитета и особые состояния менталитета, в которых это все и происходит.

Мы сталкиваемся с несколькими аспектами проблемы трансформации менталитета: 1) готовность человека к социальным изменениям, 2) пути влияния, 3) влияние социальных движений на социальные изменения, 4) принятие изменений человеком, 5) состояния изменения, 6) стратегии совладания, преодоления изменений, 7) оценка последствий изменений. К данному списку можно добавить и восьмой аспект, касающийся построения менталитета коллективного субъекта переходной эпохи.

Одним из первых, кто поднимал вопрос изменения психологии народов был Г. Ле Бон (1842–1931). Он в своих исследованиях показывал, что характер рас практически не меняется со временем: «исследуя один за другим различные факторы, способные действовать на психический склад народов, мы можем всегда констатировать, что они действуют на побочные и непостоянные стороны характера, но нисколько не задевают его основных черт, или задевают их лишь путем очень медленных наследственных накоплений» []. Данный вывод автор делает на основании личных наблюдений за эволюцией народов и опираясь на теоретический материал.

Далее автор подчеркивает: «Из предыдущего никак нельзя заключить то, что психологические особенности рас совсем не подвергаются изменениям; но только то, что, подобно анатомическим признакам, они обладают очень большой устойчивостью. Вследствие этой устойчивости душа рас и изменяется так медленно в течение веков» []. Такое представление о

психике народов было характерным для того периода развития науки. Теория характера рас, которая была представлена постоянными, стабильными чертами и изменяемыми, позволяла подойти к проблеме трансформации менталитета. Эти взгляды задали генеральную линию рассуждения в данном вопросе. Основным механизмом трансформации культурных артефактов в то время признавали наследственную передачу.

XX век внес свои коррективы в представления о развитии народного духа. Начнем с теории установки, поскольку установка была принята в научном мире универсальным механизмом протекания психических процессов. Отсюда может следовать, что смена установок лежит в основе процесса трансформации менталитета. К.Г.Юнг предполагал: «лишь изменение установки отдельного человека становится началом изменения психологии нации. Великие проблемы человечества еще никогда не решались посредством всеобщих законов, но всегда решались лишь посредством обновления установки отдельного человека» []. Это подтверждают современные исследования социальных установок американских социальных психологов. Начиная с этого момента, смена установок признается значимым механизмом трансформации менталитета.

В экспериментах Д.Н.Узнадзе (1930–1941) показал, что установка: «внесознательна», «целостное состояние», «обладает динамической определенностью», «целостная направленность субъекта», «определяет состав и течение определенных психических явлений», «предваряет появление определенных фактов сознания» [с. 131]. Как пишет ученый: «...для возникновения этой последней (установки) достаточно двух элементарных условий – какой-нибудь актуальной потребности у субъекта и ситуации ее удовлетворения» и чтобы они совпали. Автором было продемонстрировано в опытах, что установка также «обуславливает идентификацию в переживаниях ряда сравнительно незначительно различных ситуаций» [с. 43]. При этом Д.Н.Узнадзе подчеркивает, что раз образовавшись, установка не исчезает, а вновь актуализируется, как только возникают подходящие условия. Эта готовность вновь возникнуть определяется прочностью ее фиксации. Хотя встречаются ситуации, когда «к активности побуждаются не те установки, которые фиксировались когда-нибудь в течение жизни данного индивидуума, а те, которые сделались фиксированными в истории его вида» [с. 123]. Данный тезис автора показывает, что установки образуются не только на уровне отдельного индивида, но и на уровне вида, группы людей. Регрессия установки проходит ряд этапов «затухания» и она уступает место установке, адекватной данным условиям. В этом проявляется динамическая сторона установки, ее адаптивная функция. В нашем исследовательском контексте представляется важным, что установки являются динамическими образованиями и что они взаимозаменяемы.

Американские исследования в социальной психологии показали, что нет однозначной причинно-следственной связи между поведением и установкой: как изменение поведения приводит к изменению установки, так и изменение установки ведет к изменению поведения []. Следовательно,

мы имеем два процесса, позволяющих раскрыть содержание феномена социально-психологической изменчивости – изменение установки и изменение поведения. Все последующие работы ученых выделяют именно их, меняются лишь детерминанты: адаптация, самореализация, ситуация и др. Хотя Г.М.Андреева (1999) пишет, что изменения, происходящие в психологии людей больших групп «очевидны не как индивидуальные изменения в социальных установках, взглядах, интересах каждой отдельной личности, но именно как изменения, характерные для больших групп» [с. 154]. Автор выделила два пути влияния на сознание представителей больших групп: через личный жизненный опыт и через общение в определенной социальной среде. Хотя установки выделяются и на уровне группы и больших групп, при чем описаны эксперименты влияния меньшинства на большинство и наоборот. Так что однозначно нельзя утверждать о том, что установки не участвуют в процессе изменений менталитета, очевидно, им не надо приписывать главенствующую роль в этом. В 60-х годах XX века ученые провели довольно четкую связь между установками, ценностями и социальными нормами. Ф. Клакхон и Ф. Стробек утверждали, что ценности участвуют в интеграции личности и культуры. Различные изменения в культуре приводят к смене ценностей.

В культурно-исторической теории Л.С. Выготский (1934) убедительно доказал, что психику опосредствует культура, что культурные знаки вначале являются средствами воздействия на других, а потом на себя. А из этого следует, что при решении различных проблем люди пользуются традиционными культурными средствами, как духовными, так и материальными, а при резких изменениях в способе жизни им приходится осваивать и пользоваться новыми культурными средствами, что меняет их ментальные структуры. Таким образом, важнейшим составляющим механизмом социально-психологической изменчивости культурных артефактов является опосредование психических процессов внешними объектами и субъектами. Культурные средства помогают осваивать изменяемый мир. При изменении мира, очевидно, меняются и культурные средства, которые связывают человека с миром культуры. А.Н. Леонтьев, продолжая идеи Л.С. Выготского, показал, что именно в деятельности формируется психика. Следовательно, благодаря изменениям форм деятельности (переструктурирование действий, изменения средств деятельности) происходит изменения человека, возможно, и изменения менталитета. Если меняется деятельность, культурные средства, изменяются и формы отношений человека.

Изучая человека с позиции его отношений, можно установить его содержательные связи с окружающей общественной действительностью (В.Н. Мясищев, 1930; Б.Г. Ананьев, 1947). Очевидно, что это позволяет полагать, что и феноменологию трансформации менталитета необходимо искать в особенностях человеческих отношений. По мере развития человека развивается иерархия его отношений, хотя главенствующими, по мнению В.Н. Мясищева остаются отношения между людьми, обусловленные структурой общества. Хотя «аспекты общественного и культурного развития личности полностью не совпадают» [с.53]. В процессе социальных изменений меняются

общественные роли человека, это может сочетаться, а может не сочетаться с уровнем развития его культуры. Человек высокой культуры может быть не востребован в обществе, так как оно меняет свои ориентиры и наоборот. При изменении окружающего мира изменяются отношения людей друг к другу, к обществу, к культуре, к миру. Видимо это составляет часть феноменологии трансформации менталитета коллективного субъекта.

В работе «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн (1973) пишет, что человек включен в бытие своими действиями. Каждое наличное бытие взрывается очередным действием. Эти действия, по мнению автора, порождаются самой ситуацией и потребностями человека. «Всякая ситуация по самому существу своему проблемна. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, а сама ситуация есть становление» [с.357]. Становление есть сначала нахождение в ситуации, а затем выход за ее пределы, как отрицание данного, наличного, как изменение, преобразование сущего. Из отношения человека к миру и к человечеству пишет С.Л. Рубинштейн «вытекает и отношение человека к жизни и смерти, как бытию и небытию, отношение к прошлому и будущему, и конкретно – к переходу от одного общественного строя к другому» [с. 360]. А отсюда автор делает вывод, что со сменой общественного строя новый человек порождается не автоматически, а благодаря включению человека в новые человеческие отношения, в которых он «перedefируется». Автор выводит один из параметров человеческого бытия – отношение к другому человеку. Он считает, что не ценности первичны у человека, а отношения мира и человека. Изменение, перестройка взаимоотношений человека с миром, с другими людьми, обществом ведет к переоценке ценностей – это результат диалектики жизни. *Следовательно, онтологически за проблемой трансформации менталитета открывается проблема отношения к миру и к другому человеку, к обществу.* А это определяет и смену установок, и смену типов поведения, изменение деятельности, общения.

Полагаясь на воззрения С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломов (1981) пишет, что образ жизни индивида определяется общественными отношениями. «Выполняемые индивидом социальные функции обеспечивают формирование, трансформацию и закрепление свойств, которые образуют его психологический склад. Именно в процессе «движения» индивида в системе общественных отношений происходит превращение психических функций, процессов и состояний в психологические свойства его личности» [с.10]. А, следовательно, именно общественные отношения задают вектор трансформации менталитета, например, от коллективистских свойств личности к индивидуалистическим свойствам. Система общественных отношений, как считает автор, детерминирует *субъективно-личностные отношения* людей, которые проявляются в их действиях, переживаниях, стремлениях, в понимании и оценке процессов, происходящих в обществе. «Изменение объективного положения личности в обществе необходимо требует перестройки и ее субъективных отношений. Если этого не происходит, то могут возникнуть трудности в овладении новой социальной функцией, конфликты с окружающими людьми или «внутренний разлад» [с. 109

хрестоматия]. Однако, Б.Ф.Ломов замечает, что «субъективное пространство» личности не всегда совпадает с «пространством» общественных отношений. Думается, что *трансформация менталитета, исходя из данных воззрений, заключена в смещении субъективного пространства личности относительно ее объективных отношений.*

Исходя из концепции деятельностного опосредования межличностных отношений в развитой группе (А.В. Петровского), следует, что именно разрушение деятельности (системообразующего признака коллектива) может привести к разрушению группы. Межличностные отношения в группе опосредованы содержанием и ценностями деятельности. Разрушение деятельности приводит к разрушению отношений, а следовательно и менталитета.

Группа исследователей Г.Ховстед, А.Шведер, Е.Борн (1980-1984) показали, что существует связь между ценностными ориентациями в культуре и экономической деятельностью. Следовательно, с изменениями в экономической сфере идет смена ценностных ориентаций.

Таким образом, пространство трансформации менталитета ограничено изменениями в ценностной структуре, субъектности личности, его представленности в социуме. Подобные идеи высказывали и представители психологической антропологии. Б. Рогофф, Дж. Верч, К. Треварфен, Дж. Тадж и др. Б. Рогофф и Дж. Верч писали, что между людьми в социуме существует поле равноправного понимания – межсубъективность. Авторы утверждают, что изменения в мышлении вряд ли происходят, когда имеет место диалогичная, симметричная коммуникация, скорее в конфликтной.

Параллельно с деятельностной теорией развивалась когнитивная психология, которая представляет трансформацию менталитета как трансформацию культурных моделей, схем, сценариев. Т. Шварц видит изменения как модификацию конструкторов культуры (представления о поведенческих моделях, классов событий), Р. Левин считает, что модель поведения легитимируется и получает статус правила, признаваясь всеми, оно – институциализируется. Р. Д' Андрад выделял значимые схемы – приемлемые способы интерпретации действительности, которые, теряя свою актуальность, сменяются другими. Д. Верч указывал, что в ходе трансформации изменяется поток и структура ментальных функций [Лурье].

Отдельные авторы высказывают мысли, которые объединяют когнитивный и деятельностный подходы. Э. Хатчинс пишет, что человек, вступая в отношение с внешними системами, может либо изменить ее объекты деятельности, либо корректировать свои когнитивные схемы. И здесь, по мнению автора, является проблемой анализ способов, по средствам которых корректируются контексты культуры. «В условиях социальной нестабильности модифицируется процесс социального познания, т.е. процесс конструирования образа социального мира, если учесть, что важным фактором этого процесса выступает активность субъекта, совершающего ментальную реконструкцию этого мира» [Г.М. Андреева (2000) с. 257]. Следовательно, трансформация

менталитета начинается с декатегоризации картины мира. Поскольку, как пишет К. Герген, процесс социального познания локализуется не в индивиде, а в категориях социальных отношений. В этом состоит *когнитивный аспект* трансформации менталитета.

В этой связи Дж. Уайт отдает предпочтение дискурсу, в котором проявляется субъективность представителей различных народов и конституируется социально-психологическая реальность человека. Смена социального окружения меняет дискурс. По мнению Дж. Уайта, концептуальные схемы, заключенные в дискурсе могут мотивировать других членов общества, менять их поведение.

П. Бергер, Т. Лукман (1963) понимают трансформацию субъективной реальности как альтернатию: «Наиболее важным концептуальным условием альтернатию является наличие аппарата легитимации для всего хода трансформации. Легитимироваться должна не только новая реальность, но и те стадии, с помощью которых она достигается и поддерживается, равно как и стадии покидания или отвержения всех альтернативных реальностей. Отрицающая сторона концептуальных механизмов особенно важна с точки зрения расщепления той проблемы, которая требует решения. Старая реальность, а также коллективы и значимые другие, которые ранее были ее посредниками для индивида, должна быть заново истолкована в *рамках* аппарата легитимации новой реальности. Эта реинтерпретация приносит с собой разрывы в индивидуальную биографию типа: “до Христа” и “после Христа”, “до Дамаска” и “после Дамаска”» [с. 256]. Данные тезисы формируют вопрос о том, что проходит ли менталитет на пути трансформации все этапы своего развития. Если исходить из позиции авторов, то все сопутствующие процессы идентификации со своим сообществом должны измениться, путем прохождения его в новом качестве с сопровождающей реинтерпретацией картины мира. А это сложно доказать.

Как модель трансформации менталитета может служить реальный процесс изменений на личностном уровне в ходе аккультурации переселенцев. Дж. Берри представляет это таким образом: «Изменения в поведении во множестве зафиксированы в научной литературе (Берри Дж.)⁷; они включают ценности, аттitudes, способности и мотивы. Подобные изменения определяются как поведенческие сдвиги. Например, меняются существующие идентификация и аттitudes и развиваются новые: личностная идентификация и этническая идентификация часто сдвигаются в сторону от изначальных показателей (Боски П.)⁸; появляются мысли о том, насколько (если вообще) следует участвовать в процессе аккультурации (Берри Дж., Ким У., Пауер С., Янг М., Буджаки М.)⁹; другие аттitudes (такие как межгрупповые аттitudes и жизненные предпочтения) также меняются и развиваются в процессе аккультурации.

На личностном уровне в процессе аккультурации часто проявляются социальные и психологические проблемы; они относятся к понятию аккультурационный стресс (Берри Дж., Ким У., Минде Т., Мок Д.; в других работах термин обозначается как культурный шок Фернхэм А., Бочнер С.)¹⁰» [Дж. У. Берри с.183–184].

В концепции смены ментальностей исторических эпох В.А. Шкуратов (1994) [] утверждает, что первобытность характеризуется «...психологическим укладом крестьянской (земледельческой) цивилизации» [с. 100]. «Большинство психокультурных особенностей крестьянской цивилизации» характеризуются: соединением с природой и сообразность ее ритмам, а также непосредственным общением, протяженна. Психологические основы античности В.А. Шкуратов видит в том, что урбанистический уклад «разворачивается в цивилизацию, которая врастает в деревенский мир, трансформирует его, но не сливается с ним». Городская цивилизация довольно ускоренна, взрывчата и составляет среду индивидуализированных личностей, характеризуется опосредованием коммуникации письменностью. Средневековье В.А. Шкуратов, характеризуя, опираясь на исторические исследования средневековья, при этом отмечает следующие особенности средневекового человека: эмоциональная амбивалентность, нерасчлененность эмоциональной и интеллектуальной сфер, гиперсинзетивность, господство страхов и неуверенности, конформизм, большая представленность аудиальной и кинестетической сенсорики, чем визуальной, толерантность к своим и интолерантность к чужим, персонификация природы. Эпоха нового времени – господство рациональности. Она представлена «концептуально-предметной» картиной мира. Распространены «формально-логический и технический интеллект», шизофрения, компульсивная навязчивость, сверхпедантичность. Постиндустриальная эпоха характеризуется, по мнению автора, психологическим типом массовой культуры – «рыночной личностью» (Э. Фромм). «Личность массовой культуры находится между игрой и рынком» [с. 188]. Постиндустриальная эпоха характеризуется «быстрой ментальностью», базирующейся на «медленной» ментальности.

Таким образом, опираясь на взгляды исследователя, можно выделить три основных вектора, возможно, параметров трансформации менталитета: 1) от крестьянского уклада к городскому, 2) от дописьменной к письменной ментальности, 3) от «медленной» к «быстрой» ментальности. При этом автор акцентирует внимание на том, что ментальность не следует путать с мировоззрением и идеологией, хотя не все авторы с этим согласны [].

Отдельные ученые понимают трансформацию как адаптацию. Н.В.Дмитриева (1999) выделяет следующие структурные компоненты адаптации, ведущие к положительной трансформации: 1) активационный компонент, который активизирует, преобразует и распределяет энергетические ресурсы субъекта, зависящие от индивидуально-генетических свойств нервных процессов, 2) когнитивный компонент, направленный на выработку наиболее эффективных способов переработки информации, 3) эмоциональный компонент, определяющийся динамикой эмоциональных переживаний, являющихся индикаторами эффективности адаптации, 4) мотивационно-волевые процессы, координирующие работу других компонентов [с.118]. На наш взгляд, трансформация не может быть сужена только до процесса адаптации.

В условиях неопределенности у человека изменяются социально-психологические способности и свойства человека. Они развиваются, поскольку человеку приходится перестраиваться, обогащается репертуар социальной компетентности. И это влияет на изменения менталитета. В науке явно обозначились две парадигмы в объяснении построении «образов» социального мира человека (Г. Брейквелл, Г.М. Андреева) – теория социальной идентичности и теория социальных представлений. Первая теория опирается на представление о существовании двух форм идентичности: индивидуальной и социальной. Идентификация с социальной группой рассматривается в когнитивном, ценностном и эмоциональном аспектах. Было показано учеными, что позитивная индивидуальная идентичность влияет на позитивную социальную, при этом мир воспринимается как позитивный и стабильный. Естественно, *при переменах в социуме и изменениях в индивидуальной идентичности происходит кризис в социальной идентичности, что изменяет временную и средовую идентичности.*

Теория социальных представлений повествует о том, что каждое общество в определенные исторические периоды имеет специфический набор социальных представлений, которые формируют традиционный образ мира. Кризисные изменения в обществе ведут к изменению представлений. Теория социальных представлений С. Московичи концентрируется на процессах формирования представлений, которые в итоге выступают как конструктивная материальная сила. Всевозможные изменения происходят именно на уровне представлений в обществе. Этому есть подтверждения в современных исследованиях[1].

В современной России по данным многих авторов наблюдается социальная нестабильность. Она выступает условие функционирования системы менталитета. В ситуации социальной нестабильности происходит трансформация менталитета россиян. В когнитивных направлениях психологической антропологии было показано, что люди, принадлежащие одному социальному сообществу, имеют шаблонные, типичные интерпретации психологической реальности, получившей название «базовой» (А.А. Полонников, 2001). Как пишет А. Шюц: «любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями этот опыт в форме «наличного знания» (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания» [с. 129]. Основываясь на данных схемах, субъект ориентируется в мире, он ощущает стабильность мира. Изменения в структуре базовой реальности приводит к кризисным явлениям самоопределения личности. Возникает, по мнению А.А. Полонникова, «деструкция понимания, или дезориентация» [с.15]. Возникает проблема – какие схемы брать за основу в интерпретации реальности. В такой ситуации субъект полагается на здравый смысл, опирающийся на эмпирический опыт. А поскольку идет избыток информации СМИ, то именно она становится основой интерпретации. Таким образом, вытесняются базовые схемы, заменяясь ситуативными, что ведет к трансформации менталитета.

Г.М. Андреева (2000) выделила основные феномены массового сознания переходного периода в России: слом социальных стереотипов (слом социального консенсуса), изменение шкалы ценностей, кризис идентичности [с. 261]. В меняющемся мире России появились новые реалии – рынок, предпринимательство, суверенитет, права человека, плюрализм мнений. Данные феномены, безусловно, существовали, но они были связаны с иным «буржуазным» миром и не были в фокусе внимания россиян. Большинство групп населения не готовы были к принятию данных реалий. Еще не сложились новые стереотипы восприятия обновленной картины мира, данные категории не встроились в картину мира россиян, по этому многие авторы отмечали рассогласованность, противоречивость в картине мира россиян.

Категоризация картины мира довольно устойчива. Ценности способствуют сохранению категорий. В случае ломки ценностной категории может последовать и крах самой ценности. Именно по этому ценностно-нагруженные категории «сопротивляются» противоречивой информации и преобразуются в непротиворечивую (Г.М. Андреева, 2000, с. 178). Однако обновленный мир требует признания новых систем ценностей. Поэтому в России происходит ломка иерархии ценностей. Одним из первых исследовал данный феномен И.Г. Дубов (1994), показавший, что ценность собственности пришла на смену другим ценностям в переходный период. Г.М. Андреева пишет, что с перестройкой ценностей должен возникать новый социальный консенсус, но этого не происходит, так как старый консенсус не изживает себя полностью. Так она показывает, что новая иерархия ценностей в нашей стране, скорее всего, будет исходить из приоритета духовного начала, поскольку это яркая черта менталитета россиян. Таким образом, новые ценности человека опираются на иную категоризацию.

Процесс социальной категоризации зависит от заинтересованности в субъекте. Если интерес падает, то и категоризация завершается. С. Московичи представил механизм возникновения представлений как процесс якорения – обращение внимания на объект и процесс объективации, когда понятие переводится в доступный для понимания образ. Индивид интегрирует и модифицирует в каждый момент социальные формы, созданные группой и культурой. Посредниками этого процесса выступают общественные институты и группы. Они влияют на меру и степень модификации социальных представлений (Г.М. Андреева, 2000, [с. 212]).

В социальных, когнитивных теориях «соответствия» говорится, что при угрозе разрушения картины мира, индивид приходит к селективному отбору информации, которая воссоздает соответствие представлений старых и новых. Таким образом, статика заложена в менталитете группы для сохранения стабильности восприятия мира.

Помимо имплицитных теорий личности, также в группе существуют имплицитные социальные теории – убеждения в массовом сознании относительно того, как соотносятся черты социальной среды и социальные явления (диета и здоровье, поощрение детей и их моральное

развитие, мир хорош, когда духовен и т.д.) [с. 209]. Этот процесс изменений социальных имплицитных теорий, смена иерархии ценностей, социальных представлений напрямую связан с кризисом идентичности. Г.М. Андреева выражает содержание данного феномена в том, что происходит утрата границ и ценности социальных категорий, которыми человек определяет себя и свое место в обществе [с.266]. Так для групп пенсионеров теряется смысл прожитых лет и встает явность противоречий общественных инноваций, в которых им нет места. Довольно сложна ситуация молодежи. С одной стороны, привлекает внешняя свобода социальных преобразований, а с другой стороны, трудно определиться с группой идентификации.

Можно выделить и *информационные подходы* к проблеме трансформации менталитета. В докладе на конференции «Россия в конце XX века» М. Кастельс, Э. Киселева подчеркивают: «Эта пространственно-временная организация жизни в России изменяется, но асимметрично для разных групп людей и разных местностей. Господствующие группы в России вступают в пространство потоков, где отсутствует время как таковое, что характеризует сетевое общество. Подавляющее же большинство населения, а также городов, регионов и деревень все еще живут в пространстве мест, темп в которых задается хронологическим и биологическим временем. Но наиболее важная трансформация заключается в возврате к доминированию пространства над временем (пространство жизнедеятельности было организовано вокруг исторического горизонта коммунистической утопии, так что настоящее было лишь шагом в цепи predetermined исторического развития). Наша позиция сводится к следующему: в посткоммунистической России пространство подчиняет себе время, как это случается повсюду в мире, когда формируется сетевое общество» []. А это свидетельствует о кардинальных изменениях в менталитете.

Также подобных взглядов придерживается А.П. Назаретян (2001). Он утверждает, что мы переходим к обществу сетевого партнерства. В нем правят информационные технологии и смыслы. В таком обществе преобладает «власть потоков над потоками власти» [с.20]. Язык гипертекста, как средство коммуникации, по мнению автора, обеспечивает всех культурными кодами. Если предыдущие поколения опирались на непосредственную коммуникацию, то новый вид коммуникации может свидетельствовать о новой категоризации картины мира и трансформации менталитета. Одинаковы ли изменения при трансформации менталитета в различных культурах?

Можно выделить десять особенностей, которыми культуры отличаются друг от друга: национальный характер/основная индивидуальность, восприятие, концепции времени, концепции пространства, мышление, язык, невербальная коммуникация, ценности, поведения и социальные группы и отношения (К.В. Коростелина, Г.У. Солдатова) []. Каждая из этих особенностей связана с другими и влияет на них. Каждое изменение отдельной особенности может привести к изменениям в других. Фактически, авторы обозначили те границы, в пределах которых и будет происходить трансформация менталитета: **границы на общекультурном уровне, на индивидуальном; в**

конструкте индивидуализм-коллективизм – горизонтальные и вертикальные границы, который включает параметры ментального пространства менталитета

Ученые выделяют такие условия трансформации менталитета, при которых происходит полная смена его компонентов. З.И. Левин (2001) предложил концепцию эволюции менталитета диаспоры. Автор рассматривает динамику менталитета диаспоры с системных и социокультурных позиций. Динамика менталитета диаспоры направлена, по мнению автора, на ее адаптацию к новой среде, при этом процесс заключается в «закреплении в менталитете диаспоры опыта ее адекватной реакции на воздействие среды»[1]. ««Перестройка» менталитета диаспоры принимает вид, по словам Левина, постепенного вытеснения «старых» норм и представлений, с которыми приезжает эмигрант, «новыми», присущими обществу страны-реципиента, на периферию личностного сознания и поведения, после осмысления непригодности «старого» как адаптивного механизма»[с. 103].

Динамика менталитета З.И.Левиным осознается как приумножение в нем «возможностей, обеспечивающих организацию адекватной реакции на внешние воздействия». Темпы адаптации, считает автор, определяются «численностью и плотностью» проживания иммигрантов. Поскольку консервативные механизмы сильнее у больших общин, Левин выделяет фазы развития менталитета диаспоры – становление, накопление и классификация представлений о состоянии внешней среды, стабильность и умирание. В ходе аккультурации «разрушаются элементы менталитета, которые определяют этнокультурную специфику иммигрантов». Признаком перемен в менталитете диаспоры, по мнению ученого, является «трансформация мировоззрения эмигранта»[1]. Системообразующий стержень менталитета составляют, по Левину, этностереотипы поведения и самоидентификация. Ассимиляция приводит к его утрате. Данная концепция открывает вопрос значимости личности в процессе трансформации менталитета. Рассмотрим *личностное направление* в подходах к проблеме трансформации менталитета.

Традиционно ученые обращаются к устойчивым свойствам человека, которые связаны с индивидуальным поведением. Сначала это были диспозиционные теории личности, которые за тем сменились ситуационными. Но и они мало, что открыли, поскольку знание личностных качеств и возможных сценариев ситуаций не дает возможности надежно предсказать поведение человека в изменяющихся условиях. Иное решение проблемы дают Л. Росс и Р. Нисбетт. Они полагают, что люди, презентуя себя, учитывают заинтересованность других людей в предсказуемости их поведения. Следовательно, возможно изучать групповые ожидания, чтобы предсказать поведение людей в изменяющемся социуме.

На примере адаптации мигрантов к новой социо-культурной среде было показано, что ее успех определяют: способность человека изменять свои ценностные ориентации и Я-концепции (А. Инкельс, 1983), умение находить соответствие между своими ценностями и социальной ролью (Х. Келли, 1983), принятие универсальных ценностей (Л. Колберг, 1992).

И.С. Кон пишет, что в науке остаются проблемы психологии развития человека на всем протяжении жизни. Он делает следующие выводы, проанализировав работы в данном направлении: «1) существует достаточно высокая степень постоянства личности на протяжении всей ее жизни, 2) мера этого постоянства разных личностных свойств неодинакова, 3) разным типам личности соответствуют разные типы развития, 4) тип развития личности зависит как от ее индивидуально-типологических черт, так и от многообразных исторических условий, в которых протекает ее жизнедеятельность» [с.203].

Это связано напрямую с проблемами организации Я-концепции. Маркус и Китаема (1991) выделили взаимозависимое Я-конструкта и независимое Я-конструкта. Для первого конструкта характерен акцент на уникальности и отдельности индивида, его отнесли к индивидуализму, во втором, характерен акцент на коллективном участии, его отнесли к коллективизму. Определенные менталитеты связаны с данными видами Я-конструктов, которые возможно меняются в ходе трансформации менталитета. Я-концепция изменяется в ходе кризисных воздействий жизни. Напрямую с изменением Я-концепции связаны изменения идентичности.

В докторском исследовании Н.В.Дмитриева изучала трансформации идентичности человека. Она полагает, что можно выделить синдромы трансформации идентичности, понимаемые как «комплекс органически связанных между собой признаков» [с. 110]. Признаки эти складываются из следующих показателей: 1) внутриличностные факторы (кризис идентичности, расхождение между идеальным и актуальным «Я», заниженная самооценка, импульсивность, агрессивность, пассивность, нерешительность, фиксация на проблеме, податливость, неверие в свои силы, иллюзорность целей, экстернальность), 2) социально-психологические факторы (деформация отношений со средой, межличностные конфликты, асоциальные поступки, нарушение иерархии потребностей, мотивов и ценностных ориентаций), 3) психофизиологические факторы (изменения кожных покровов, учащение дыхания), 4) патогенные факторы (горе, стресс, несчастье, потребление спиртного), 5) социокультурные факторы (дисфункциональность семьи, низкий культурный уровень) [с. 121-124]. В большей степени описанные признаки, по мнению автора, связаны с негативной трансформацией идентичности, ведущей к дезадаптации личности.

Совершенно иного взгляда придерживаются *конструктивисты*. Личность рассматривается как постоянно создаваемая и изменяемая социальная реальность. Человеческие общности рассматриваются как социальные конструкции, возникающие благодаря целенаправленным усилиям людей и социальных институтов (В.А.Тишков, 1997). Общность строится на основе общих представлений. Эти представления меняются в историко-временном и ситуативном планах.

В концепции И.М. Мирошник (2001) под трансформацией субъекта автор понимает «направленную регуляцию его психических состояний и свойств» []. Автор пишет, что «Трансформация психических состояний и свойств субъекта осуществляется в поле напряжения

необходимого (актуального, реального) – причинная детерминация, и возможного (идеального, оптимального) – целевая причина. Причем для возникновения мотивации самодвижения субъект трансформации должен осознать необходимое и возможное, то есть выразить, объективировать во внешних образах актуальное (необходимое) состояние и желаемое (возможное) состояние или свойство (образ идеальной цели). Опосредствованное объективированными образами психических состояний (свойств), осознание противоречия необходимого и возможного выступает как мотив, запускающий процесс направленной трансформации субъекта: от актуального психического состояния – к желаемому (возможному или требуемому)» [1].

Свой вариант генезиса менталитета предлагает В.И. Тюпа (2001). Исходной стадией становления ментальности является, по мнению автора роевое сознание первобытного человека – «Мы-сознание». За тем на смену ему приходит авторитарное, ролевое сознание – «Он-сознание». Эпоха Возрождения открывает возможности для конвергентного (солидарного) сознания – «Ты-сознание». В XVIII–XIX в.в. в Западной Европе установилось уединенное – «Я-сознание». В России «Я-сознание» было свойственно только интеллигенции, по словам автора, а крестьянство обладало роевым сознанием. В XX веке происходила смена авторитарного и конвергентного менталитета уединенным. Однако с ним соседствует роевое. Исследование современного менталитета дало возможность автору показать, что почти все эти векторы развития ментальности латентно присутствуют в российском обществе.

Как мы видим, личностный подход открывает множество аспектов трансформации менталитета.

Начинает постепенно формироваться и системный подход к проблеме трансформации менталитета. Т. Парсонс, Р.Ф. Бейлз, Э.А. Шилз выделили социальные системы, которые находятся в напряжении и могут менять свои состояния. Направление изменений системы задают некоторые бинарные переменные. Авторы выделяют таких пять: 1) аффективность/нейтральность, 2) специфичность/диффузность, 3) универсализм/партикуляризм, 4) аскрипция/достижение, 5) ориентация на себя/ориентация на коллектив [с. 30]. Так определяются действия человека в ситуации выбора. Закрепившиеся паттерны поведения встраиваются в систему личности. Фактически в данной схеме предлагается поведенческий репертуар субъектов социальной системы. При этом, опираясь на представления о поведенческих категориях Р.Ф. Бейлза, авторы считают, что они являются противодействующими тенденциями к восстановлению равновесия в системе. Категории Т. Парсонса определяются как средства введения в систему возмущений, приводящих к неравновесному ее состоянию [с. 41]. При всей стройности и привлекательности данных представлений, они показывают трансформацию социальных систем только на уровне поведения.

Схожие представления высказывают Л. Росс и Р. Нисбетт (2000). Они определяют культуры как «напряженные системы». Напряженность порождается: требованиями единообразия в рамках

одной системы, а также силами, действующими на каждого члена группы, что побуждает их сопротивляться этому давлению [с. 325]. Изменения происходят в напряженных системах вследствие изменений объективных давлений и посредством контактов с другими группами [с. 323]. Авторы замечают, что при этом не все аспекты культуры подвергаются изменениям, а лишь некоторые, и не всегда значительные изменения приносят большой эффект, чем незначительные. Нам представляется важным то, что авторы указывают на динамическое, системное своеобразие в процессе трансформации менталитета, что этот процесс ни в коем случае не является однозначным и линейным.

Отчасти с этой идеей мы встречаемся в уже вышеупомянутой концепции трансформации менталитета З.И. Левина. Центральной идеей которой является мысль о том, что при изменениях в общине разрушается ее главная система, триада «структура– функциональность – менталитет» [с. 61]. То есть, не только менталитет трансформируется, но и вся система, в которую он включен.

Многие авторы склоняются к тому, что в основе любых трансформаций в обществе лежит смена социальных ценностей, что обобщено в *ценностном направлении*. «Общество на каждой ступени своего развития задает развивающейся личности некоторые общие принципы восприятия и интерпретации мира, определяет значение тех или иных аспектов жизни, формирует направленность на определенные ценности» (Л.И. Анцыферова, с. 430).

А.Д. Леонтьевым (2002) было сформулировано представление о трех формах существования ценностей, переходящих одна в другую: 1) общественных идеалах - выработанных общественным сознанием и присутствующих в нем обобщенных представлениях о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) предметном воплощении этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и 3) мотивационных структурах личности («моделях должного»), побуждающих ее к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов. Эти три формы существования переходят одна в другую. Упрощенно эти переходы можно представить себе следующим образом: общественные идеалы усваиваются личностью и в качестве «моделей должного» начинают побуждать ее к активности, в процессе которой происходит их предметное воплощение; предметно же воплощенные ценности, в свою очередь, становятся основой для формулирования общественных идеалов и т.д., и т.п. по бесконечной спирали. Психологическая модель строения и функционирования мотивации человека и ее развития в процессе социогенеза, конкретизирует понимание личностных ценностей как источников индивидуальной мотивации, функционально эквивалентных потребностям. Личностные ценности формируются в процессе социогенеза, достаточно сложно взаимодействуя с потребностями [].

Схему изменений ценностей от авторитарных к демократическим и миграции групповой и социальной идентичности предлагает А.Г. Костинская (2003) Рис 2.2.1 [с. 190].

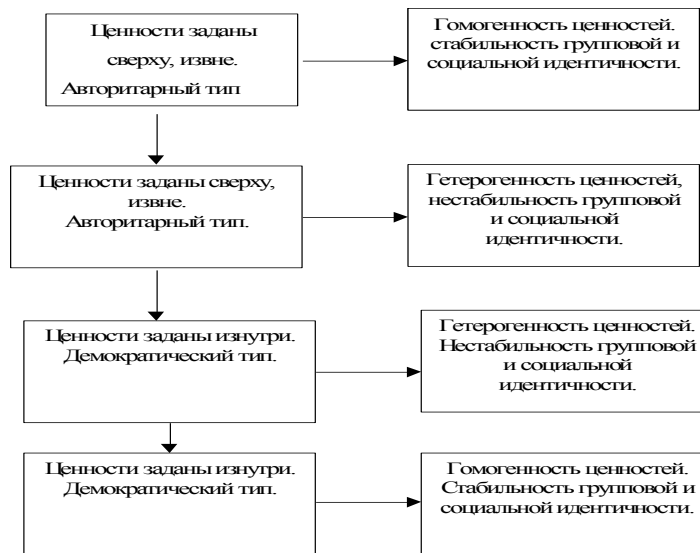

Рис. 2.2.1 Схема изменений ценностей

Как пишет автор: «Демократические ценности фактически не возможно задать извне, они могут быть изменены лишь экономическими и социально-политическим условиями, в которых они развиваются» [с. 191]. Основная идея автора заключается в том, что она предположила, что психологический механизм изменения ценностей лежит в основе «сдвига ценности на цель» [с. 192]. Аналогия заимствована автором из модели А.Н. Леонтьева сдвига мотива на цель. Цель, превращается в мотив, приобретает собственную ценность. «В процессе деятельности, по А.Н. Леонтьеву, происходит сравнение цели действий с результатом и корректировка целей...А общество в целом изменяет свои ценности через взаимодействие индивидуальных и групповых ценностей с традиционными базисными ценностями» [с. 192]. Понятно, что это *ценностный* подход в рассмотрении трансформации менталитета.

Результатом эффективного *общения* в обществе является «сдвиг, трансформация общественного сознания (новое видение и понимание, другое состояние духа – воодушевление, уверенность, уныние и т. п.), что в дальнейшем является необходимым условием перестройки социально значимого поведения» [В.М. Розин, 2003, с. 26]. Это приводит, по мнению автора, к смене культурных сценариев и схем, базисных представлений, институтов общества и функций социального организма. Автор утверждает, что со сменой семиотических процессов в каждой культуре существенно менялась «психика и телесность человека» [с. 38]. Предпосылками изменения психики исследователь считает: экстремальные обстоятельства жизни, формирование парадоксального поведения, коммуникации, смены знаков, совместной деятельности, формирование новой культуры.

Интересный подход разрабатывает Л.В.Каширина, исследуя социально-психологические состояния социальных групп []. Она определяет его как «надындивидуальное интегральное системное образование, отражающее осознание группой как социальным субъектом своей статусно-ролевой позиции в структуре общества» [с.225]. Относительно рассматриваемой проблемы

трансформации менталитета автор описывает «диссонантное» социально-психологическое состояние, которое очень близко по своему содержанию с тем, что испытывают социальные группы в переломные моменты истории. Л.В.Каширина так раскрывает его содержание: ослабляет фильтрующая роль коллективного сознания; размываются и теряются социально-психологические свойства ценностно-ориентационного стержня, социальных ожиданий, социальных установок, социальных стереотипов; в поведении доминируют межличностные отношения прямолинейно-агрессивного типа; утрачиваются свойства субъектности; экстернальный локус контроля; снижение показателя самоуважения и саморазвития; снижение мотивации к труду; выявление низкого индекса физического и психического здоровья и качества жизни [с.226]. «Интегральным критерием вектора направленности социально-психологических состояний следует считать удовлетворенность группы своим статусно-ролевым положением в обществе» [с. 226].

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что до некоторого времени трансформация менталитета представлялась учеными как смена социальных установок, смены форм поведения затем как переструктурирование иерархии ценностей, смена социальных ролей, статусов но не был описан психологический механизм трансформации. Не было ответа на вопрос – как это происходит, в каком направлении, в каком объеме, за счет чего? В этом и состоит значимость проблемы трансформации менталитета.

Как видно из изложенных представлений, ученые раскрывают различные аспекты трансформации менталитета в зависимости от предмета исследования. Получается, что изменяется все: и установки, и поведение, и черты личности, Я-концепция, ценности, представления, отношения, идентификация, способы взаимодействия и общения, временная перспектива, смыслы и др. Таким образом, феноменология изменений менталитета охватывает всего человека.

Однако современный мир, который ранее представлялся как стабильное образование, конструкт которого человек выстраивал на основе смыслов, ценностей, статусов, ролей, постепенно утрачивает свои основания. Акценты нивелируются, и нет опор для описательных моделей трансформации менталитета. Все эти исследования объединяет то, что в них менталитет представлен как некое качество социальных групп, то есть одномерно, за исключением Б.А. Душкова. Для понимания механизмов трансформации менталитета этого недостаточно. Опираясь на взгляды В.Е. Клочко [], который показал, что психология подошла к рассмотрению психологических метасистем, отойдя от исследований моносистем, можно утверждать, что, рассматривая менталитет как системное свойство человека, как самоорганизующуюся систему, мы подойдем к раскрытию механизмов его трансформации.

Выделенные ранее аспекты, подходы можно интерпретировать как различные проявления единого трансформационного механизма развития системы менталитета. И как утверждают многие авторы С.В. Лурье, А.О. Бороноев, П.И. Смирнов, О.И. Муравьева и др., ценностный аспект

менталитета наиболее разработан. Остается не раскрытым вопрос смысловой представленности менталитета. О.И. Муравьева выдвинула гипотезу о том, что «психологическое существование человека разворачивается в четырех базовых пространствах: витальном, функционально-ролевом, самоактуализационном и духовном» [с.60]. И что менталитет представлен в этих пространствах, здесь разворачивается его феноменология стабильности и изменчивости. Но, исходя из вышеизложенного видно, что на сегодня раскрыта представленность менталитета только в первых двух пространствах: витальном, как система потребностей социальной общности и функционально-ролевом, как система представлений, стереотипов и ценностей. Что касается пространства самоактуализации и духовного, пока остаются нераскрытыми характеристики менталитета в данных аспектах.

Феноменология социально-психологической изменчивости менталитета – это значимая теоретическая проблема психологии. Не возможно, рассматривая отдельные механизмы трансформации менталитета, понять целостный процесс социально-психологической изменчивости. Системный подход позволяет охватить названные феномены в целом.

Основной анализа феноменологии трансформации менталитета является представление о ситуативности условий трансформации и конструктивности, изменяемости структур менталитета. Ж. Делез писал, что социальные дисфункции креативны, они открывают новые конфигурации.

Фокус трансформации заключен в отношениях людей к миру, себе и другим людям. Это подтверждает, что одной из надсистем менталитета является система социума, в которой данные отношения складываются. Менталитет не полностью трансформируется. Наиболее подвержены трансформации динамичные составляющие менталитета.

Современные концепции трансформации менталитета опираются на положения развития и изменений культур и этносубъектов как целостности в историческом времени относительно территориальной динамики, духовных и материальных преобразований.

Авторы, занимающиеся этим вопросом, по-разному подходят к генезису менталитета. Одни – склонны преувеличивать значимость стабилизирующих факторов в социуме: архетипы, знаки, символы, смыслы, коллективизм, индивидуализм, коллективные представления. Другие – акцентируют внимание на кризисных, дестабилизирующих факторах: смена ценностей, кризис идентичности и др. Также можно выделить группу ученых, которые не склонны выделять специфичность генезиса менталитета, а опираются на общепланетарные процессы изменения социума (информационный подход), которые влияют на его частные проявления. Основными факторами генезиса здесь выступают: демографические взрывы, возрастающая сила духовного над материальным, неравновесность эволюции, смена сельского образа жизни городским, изменение качества жизни, формирование сетевой организации общества. Исходя из сетевой концепции

структуры общества, можно предположить, что трансформация менталитета, будет происходить не равномерно, хаотично и локально.

В психологии поставлена основная проблема трансформации менталитета, заключающаяся в необъяснимости психологического механизма трансформации сложного качества человека, а также нераскрытости влияния на трансформацию менталитета смены образа мира, образа жизни и смыслов жизни человека в изменяющемся мире. Практически слабо раскрыт ситуативный, конструктивистский подходы к проблеме трансформации менталитета. В науке не определены ситуации и условия, в которых наблюдаются трансформационные процессы в менталитете.

Рассмотрение трансформации менталитета как социально-психологического феномена изменчивости исходит из основных **концептуальных положений: 1) трансформация менталитета не ограничивается сменой социальных установок, поведения, деятельности, 2) трансформация сопровождается изменениями субъектности, идентификации, концепции Я, социальных категорий, значений и представлений, образа мира, изменением дискурса, когнитивных схем, изменением отношений, социальных способностей, социальных ролей, мировоззрения, коммуникации, ценностей, потерей смыслов, во внешних – этнических и социально-психологических качествах человека и внутренних – личностных качествах, 3) трансформация менталитета имеет определенную направленность и темп, 4) психологическая сущность трансформации менталитета заключается в динамике отношений человека к себе, другим, к миру, 5) трансформация системы менталитета выражается в ее структурно-функциональных и процессуальных изменениях.**

1.2.4. Феноменология трансформации менталитета коллективного субъекта и менталитета как качества человека

Феноменология изменений менталитета скрыта от прямого постижения и поэтому окутана субъективизмом в интерпретации ее причин и следствий. Проблема заключается в том, что «скачок» (А.Тоффлер), изменения, которые происходят в сознании человека в ситуации социокультурных преобразований общества, не были предметом изучения в социальных науках.

Отдельные структуры менталитета, по мнению Ф. Броделя довольно устойчивы для целых поколений. Эти отдельные структуры менталитета способны приостанавливать ход истории, мешают ей и при этом сами становятся историей. «Ментальные рамки тоже могут стать тюрьмами времени большой протяженности» [Д. Филд с. 13–14]. Автор подчеркивает некоторую инерцию структур менталитета. Этой же точки зрения придерживается И.В. Кондаков и Д.А. Горяинов. Они подчеркивают, что глубинные структуры менталитета очень стабильны в истории, поэтому объединяются собой целые исторические эпохи [с. 145].

Другие ученые считают изменчивость менталитета его сущностной характеристикой. Мы придерживаемся такой же позиции. Ф. Граус пишет: «в менталитете всегда присутствуют извечные чувства и явления (голод, любовь, гнев, печаль, боль, смерть и прочее), но наряду с ними в менталитете любой эпохи можно найти и то новое, что вызвано к жизни изменившейся исторической действительностью» [Пушкарев с.84–85]. Следовательно, менталитет подвержен изменениям в истории. Л.Н. Гумилев подчеркивает: «Так что же характерно для «русского» психологического типа: строгое собирательство или веселое, беззаботное расточительство? Видимо и то и другое, в зависимости от эпохи, то есть фазы этногенеза. Эти изменения идут неуклонно, ни будучи функционально связаны, ни с модификациями географической среды, ни со сменами общественно-экономических функций, хотя постоянно взаимодействуют и с теми и другими» [с. 432].

Существует мнение, что различные процессы менталитета обладают различной степенью изменчивости и устойчивости. Ж. Дюби определил четыре группы процессов изменчивости менталитета с учетом их длительности:

- 1) поверхностные, быстротечные, возникающие как реакция группы на действия индивида и наоборот,
- 2) плавные трансформации, средней продолжительности, согласующиеся с изменениями в экономических, политических, социальных системах,
- 3) «темницы долгого времени – ментальные структуры, не изменяющиеся со сменой поколений»,
- 4) глубинный слой, связанный с биологией человека, не изменяется или изменяется с эволюцией биологических систем [История ментальностей с. 20].

В данных представлениях изменчивость менталитета рассматривается как целостный феномен, относящийся к коллективному субъекту. Остается невыясненным, что происходит с коллективным субъектом и отдельным человеком в процессе изменения его менталитета.

Ученые представляют многочисленные модели изменений, происходящих в психологии людей различных эпох и этносов, но каждая из них акцентирует отдельные феномены данного процесса и на этой основе не возможно создать общей картины. Исследователи при этом преимущественно фиксируются на фактах изменений культурных артефактов, но не демонстрируют пути и способы трансформации. Остается открытым и вопрос выбора параметров, критериев в оценке трансформации и их обоснованность и надежность.

Определимся с понятием «трансформация» менталитета. Трансформация в широком смысле это – преобразование. От латинского *transformo* – преобразую. Следовательно, нечто преобразуется в какое-то новое качество, например, усиливается или ослабевает. Если слово разделить на две части – «trans» и «forme», то первое переводится как «сквозь, через», а другое – «форма». Тогда это

сочетание можно перевести как – «сквозь форму нечто проходящее». Действительно, менталитет, пройдя через различные средовые воздействия, может несколько изменять свою форму. В философском понимании, «форма – специфический принцип вещи, ее сущность, цель и движущая сила, таким образом, форма – актуализация материи» []. Следовательно, трансформация влияет на принцип организации системы менталитета. В науке сложились разнообразные трактовки понятия «трансформация» менталитета.

Трансформация видится как смена ментальных представлений, дискурсов определяется (М.Блок, Л.Февр, Ж. Дюби, А.Я. Гуревич, В.А. Шкуратов), как изменения в самосознании этноса (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, Ю.П. Платонов). Трансформация менталитета видится А.А. Зиновьевым как переход от недифференцированной «менталитетной сферы» к дифференцированной. Сущность трансформации менталитета может быть представлена и как процесс смены социальных установок в восприятии мира и поведения в нем. В основе смены социальных установок лежит рассогласование между мотивами и целями восприятия и взаимодействия с окружающим миром, что меняет личностный смысл деятельности, совершаемой носителями менталитета (по аналогии с А.Г. Асмоловым, 1977, З.И.Левин). Трансформация менталитета представляется как перевод информации на собственный, индивидуальный язык (В. Грулих), как процесс разрушительного влияния антропогенной среды (информационной, городской и иной) на психику групп населения (А.В. Сухарев, З.В. Сикевич), как переход ментальности народа от менее осознаваемых форм бытия к более сознательным (Б.А. Душков), как нарушение целостности Я-концепции, что нарушает отношения с Другими, в которых Я достраивает себя до целого (М.М. Бахтин), как результат конфликтных отношений между различными субкультурами (представители психологической антропологии, С.В. Лурье), смыслопередача (транслирование) субъектам трансформированных смыслов и ценностей (Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, И.Г. Дубов).

Отдельные авторы определяют «позитивную» и «негативную» трансформации. Н.В. Дмитриева (1999) в диссертационном исследовании описывает негативные и позитивные трансформации идентичности. Ядром психологического синдрома трансформации идентичности она считает психологические особенности ребенка, особенности его деятельности, психологические особенности взаимоотношений с людьми [с.110]. Идея автора состоит в том, что позитивная трансформация идентичности сопровождается адаптивным поведением, а негативная трансформация идентичности сопровождается дезадаптивным поведением человека [с.112]. В нашем исследовании мы будем касаться вопросов обоих видов трансформации, не затрагивая негативную трансформацию в патологическом плане, как это делает Н.В. Дмитриева. Как видно из вышеизложенного наблюдается многоплановость и многоаспектность определений трансформации менталитета. Отчетливо видно, что большинство авторов склонны видеть в трансформации менталитета

изменения в ментальной сфере, сфере ценностей, смыслов, мыслительных программ, в сфере субъектности.

Осмыслив имеющиеся представления о трансформации менталитета коллективного субъекта и человека, понимаем, что речь в большей мере идет о субъектности коллективного субъекта и человека как субъекта. Субъектность включает все формы активности человека и коллективного субъекта. Субъектность – «фундаментальная характеристика психического, обнаруживающая его бытийные возможности» [В.А. Татенко с. 500 у Старовойтенко]. А поскольку именно активность и ее формы подвергаются трансформации, то *трансформацию менталитета может быть представлена как образование новой субъектности коллективного субъекта в новой социокультурной ситуации развития.*

Понятие «трансформация» можно сопоставить с такими релевантными понятиями как – преобразование, деструкция, деформация, дисфункция, разрушение, изменение, дезинтеграция, ресоциализация.

Описывая аналитическую психотерапию, К. Юнг употребляет термин «трансформация» происходящую с врачом и клиентом в ходе психотерапии. К. Юнг выделил три ступени трансформации: 1) признание клиента, приводящее к разрешению сдерживаемых аффектов, 2) разъяснение переноса, позволяющее осознать суть проблемы клиентом, 3) преобразование через воспитание социальности клиента. «На отношения между врачом и пациентом воздействуют некоторые иррациональные факторы, вызывающие обоюдные *изменения (преобразования)*» [с. 32 проблемы души]. Фактически трансформация в данном контексте представляет собой переход человека от бессознательных состояний в отношении определенных сторон своей жизни к осознанным.

Е.А Климов определил виды профессионального менталитета, эмпирически установив различия в образе мира представителей различных профессий [Климов Е.А. Ведение в психологию труда. М. 1998.]. В этой связи мы можем сопоставить профессиональные трансформации с трансформацией менталитета. Когда речь идет о деформации, например, профессиональной, то авторы имеют в виду, что происходят изменения во многих социально-психологических показателях профессиональной деятельности работника: это общепсихологические структуры личности или деятельности или их отдельные компоненты.

Рассматривая профессиональные деструкции, а понятие деформации включает в себя понятие деструкции, в общем плане, Э.Ф. Зеер (1997) отмечает: «Профессиональные деструкции – это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности» []

А.К. Маркова (1997) выделяет основные тенденции развития профессиональных деструкций: отставание, замедление профессионального развития по сравнению с возрастными и социальными нормами; несформированность профессиональной деятельности; дезинтеграция профессионального развития, распад профессионального сознания и как следствие – нереалистические цели, ложные смыслы труда, профессиональные конфликты; низкая профессиональная мобильность, неумение приспосабливаться к новым условиям труда и дезадаптация; рассогласованность отдельных звеньев профессионального развития, когда одна сфера как бы забегает вперед, а другая отстает; свертывание ранее имевшихся профессиональных данных, уменьшение профессиональных способностей, ослабление профессионального мышления; искажение профессионального развития, появление ранее отсутствовавших негативных качеств, отклонения от социальных и индивидуальных норм профессионального развития, меняющих профиль личности; появление деформаций личности (например, эмоционального истощения и выгорания, а также ущербной профессиональной позиции); прекращение профессионального развития из-за профессиональных заболеваний или потери трудоспособности []. Таким образом, профессиональные деформации нарушают целостность личности; снижают ее адаптивность, устойчивость; отрицательно сказываются на продуктивности деятельности.

Одним из показателей деформации профессионала является эмоциональное сгорание. Е.Махер (1983г.) в своем обзоре обобщает перечень симптомов «эмоционального сгорания»: а) усталость, утомление, истощение, б) психосоматические недомогания, в) бессонница, г) негативное отношение к клиентам, д) негативное отношение к самой работе, е) скудость репертуара рабочих действий, ж) злоупотребления химическими агентами: табаком, кофе, алкоголем, наркотиками, з) отсутствие аппетита или, наоборот, переедание, и) негативная «Я-концепция», к) агрессивные чувства (раздражительность, напряженность, тревожность, беспокойство, взволнованность до перевозбужденности, гнев), л) упадническое настроение и связанные с ним эмоции: цинизм, пессимизм, чувство безнадежности, апатия, депрессия, чувство бессмысленности, м) переживание чувства вины. Х. Кюйнарпуу называет последние три симптома «разрушающими», а остальные – их следствиями.

С. Маслач выделила в качестве ключевых признаков синдрома «эмоционального сгорания»:
1) индивидуальный предел, «потолок» возможностей нашего эмоционального Я противостоять истощению, противодействовать «сгоранию» самосохраняясь; 2) внутренний психологический опыт, включающий чувства, установки, мотивы, ожидания; 3) негативный индивидуальный опыт, в котором сконцентрированы проблемы, дистресс, дискомфорт, дисфункции и/или их негативные последствия.

В ходе профессиональной деформации наблюдаются изменения в стереотипах и ролях специалиста. Тесная связь профессиональной роли и аттитюда зафиксирована М.П. Гомелаури

(1976). Оказалось, что при изменении роли и переходе ее на противоположную, большинство испытуемых меняло и аттитюд. Это также свидетельствует, что стабильные, укоренившиеся аттитюды становятся барьером для принятия новой роли – даже в воображаемой ситуации индивид не принимает чуждую ему позицию []. Механизм «искажения», неадекватного восприятия действительности под влиянием высокозначимых побуждений часто диагностируется в ходе диструкций, но он еще мало исследован. Одна из важных причин неадекватности состоит в том, что в состояниях сверхзначимости возникает противоречие между высокой значимостью побуждения и низкими функционально-энергетическими возможностями активного воздействия человека на действительность. По данным исследований Э.Ф. Зеера (2002), это кризис социально-профессиональной самоактуализации на стадии мастерства.

Необходимо заметить, что в ходе трансформации менталитета коллективного субъекта можно наблюдать названные выше феномены: смену социальных установок, смену ролей, изменение восприятия мира, сопротивление всему новому, эмоциональное выгорание и др. Однако данному феномену предается негативная окраска, мы же воспринимаем трансформацию менталитета как его развитие, самоактуализацию личности в новых реалиях социума, хотя и с некоторыми потерями для себя.

Вообще термин деформация пришел из кибернетики, теории систем. В этом ракурсе дисфункции системы понимаются как изменения в иерархии функций. Как сбой системы при встрече с инородным внешним сигналом. В системе менталитета также происходят дисфункциональные сбои, когда картина мира человека разрушается при встрече с иными условиями жизни. И здесь мы уже говорим и о структурных изменениях системы, когда в ходе ее развития, она переструктурирует свои отдельные блоки.

Личностные деструкции описаны в клинической психологии. А.Р. Лурия описывал определенные локализации поражения головного мозга, при которых «трансформируется» иерархия мотивов человека. Хотелось бы сразу заметить, что все-таки мы говорим о нормальном развитии человека и не касаемся вопросов психической патологии в анализе трансформационных процессов менталитета. Хотя мы встречаемся с отдельными представлениями об изменении этнической идентичности, понимаемой как этнокультурную диссоциацию, при которой наблюдаются признаки психических расстройств депрессивного спектра (А.В. Сухарев).

Важным считаем и сопоставление понятия «трансформация» с понятием «ресоциализация». Понятие было введено А. Кеннеди, Д. Кербером, обозначало «вторичное вхождение» индивида в социальную среду в результате «дефектов» социализации. Считается, что в ходе ресоциализации человек должен хорошо ориентироваться в непредвиденных социальных ситуациях.

Утверждая, что менталитет интегрируется религиозной, этнической и социальной системами, можем полагать, что изменения в этих внешних системах и изменения во внутренней организации

менталитета взаимосвязанные явления. Продукты трансформации менталитета воплощаются в феноменологии его изменений. С изменением культурного пространства изменяются значения, смыслы ценности менталитета коллективного субъекта. Однонаправленные ли их изменения? Каков объем изменений в каждом элементе системы? Какова динамика изменений данных элементов? При ответе на эти вопросы необходимо иметь в виду, что исходя из выше выдвинутой гипотезы, в нашу эпоху ведущим элементом системы менталитета являются значения, а что происходит с ценностями и смыслами? На первый взгляд, напрашивается ответ, что в силу описываемой экзистенциалистами аномии общества, нетрадиционные смыслы и ценности в «фоне» коллективного сознания. Они не оформлены в культуре и латентно декларируются, скрыты в современных текстах рекламы, статьях печати и т.д. Скорее всего, направление изменений положения ценностей и смыслов будет идти в направлении дооформления и интеграции их коллективным субъектом, переход из фона в фигуру. Объем изменений самих ценностей и смыслов заключен в полной их смене от полюса неопределенности к определенности. Динамика изменений значений, смыслов, ценностей будет включать следующие этапы: потери, поиска, оформления, понимания, принятия, отчуждения, трансляции коллективным субъектом.

Изменения в надсистемах менталитета связано с изменениями в его системе. А.Г. Асмолов отмечает: «в окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, – поле значений. Это поле значений отдельный индивид находит как вне-его-существующее – им воспринимаемое, усваиваемое, поэтому также, как то, что входит в его образ мира (А.Н. Леонтьев)» [с. 227]. Автор подчеркивает, что социальное пространство воспринимается как неизменное, пока люди не столкнутся с иным образом жизни, иным самосознанием, иными ценностными ориентациями.

Сегодня значения наиболее оформленный элемент менталитета, то есть находятся в фокусе менталитета. В этой связи интересна точка зрения В.М. Розина, который описывает причины изобретения знака. «Ситуация разрыва», преодолеваемая посредством применения знака. «Задавалось некоторое целое, понимаемое как деятельность, потом строилось рассуждение имитирующее относительно этого целого процесс (ситуацию), препятствующий нормальному функционированию деятельности, наконец, вводилось знаковое средство, позволяющее вернуться к нормальному функционированию исходной деятельности» [б с. 59]. Думаем, что и сейчас происходит «ситуация разрыва» при которой, новые реалии не могут просто так, непосредственно вписываться в образ мира, необходимы новые значения, которые бы сочетались со старыми значениями. Новые значения презентуются в символах, брендах, этикетках и т.д. Эпоха информации преумножает значения в различных формах и видах – это направление их изменений. Объем изменений заключен в том, что все аспекты жизнедеятельности человека означиваются по-новому. Но в своей динамике они не дошли до состояния перехода в личностный смысл (А.Н.

Леонтьев) и за тем в ценности. Возможно, переходный период затянулся. Сам образ коллективного субъекта меняется. Его действия и поведения атрибутированы только внешними значениями. Такова феноменология изменений внутренних элементов менталитета. Она связана с феноменологией изменений во внешних системах менталитета.

В кризисе религиозная система. М. Вебер видел предпосылку религии в проблеме смысла, который возникает из переживания «иррациональности мира» и человеческой жизни. Сегодня коллективный субъект также переживает противоречивость современного мира и поиск смысла происходит в мифах современности. «Видимые религии» (Т. Лукман) официально признанные борются с сектами. «Ныне религиозность перестала быть свойственной только церкви, «рассыпалась» по всему обществу. В семьях, коммунах, политических группах, группах общения и т.д. складываются приватизированные механизмы придания смысла. В этом выражается «невидимая религия»» [Основы религиоведения / Под ред. И.Н. Яблокова, с. 18–19]. Почему же при таком распространении религии люди не находят смыслов (Г.М. Андреева)? По мнению П. Бергера, существует «индивидуальный религиозный опыт повседневности» он основан на вере и доверии людей друг другу. Но как показывают последние исследования российского общества, в нем скорее превалирует недоверие. При таких условиях во взаимоотношениях не могут возникнуть единые смыслы коллективного субъекта.

Необходимым условием успешного социального поведения является конструктивное мышление. Смыслообразование обеспечивает саму возможность преобразования, познания и переживания реальности окружающего мира и собственного Я. Сильнейшие потрясения в современном обществе, по мнению А.Г. Асмолова (1990), Б.С. Братуся (1988), Ф.Е. Василюка (1984), могут привести к глубокой перестройке всей совокупности личностных смыслов. Поэтому сегодня, когда многими осознается противоречие между сложившимися жизненными смыслами и возможностью их реализации, привычный способ конструирования мира оказывается под угрозой.

Если учесть, что «по всем данным, кризис перехода к ценностному сознанию приходится на предпоздростковый возраст. В районе 11,5 -12 лет мир ребенка превращается в достаточно устойчивую «действительность»» [Галажинский, Клочко с.93], то можно полагаясь на наш взгляд утверждать, что подростки современного мира не транслируют ценности, а транслируют ценности нетрадиционной культуры.

Довольно в кризисной ситуации находятся этносы. Многие из них исчезают в следствии метисации народов (об этом предупреждал еще Гумилев). Этносы поглощаются глобализацией с его специфическими формами мультикультурной коммуникации, этикой. Еще Н.Я. Данилевский (1822–1885) писал: «Цивилизационный процесс развития народов заключается именно в постепенном отрешении от случайности национального, для вступления в область сущности и всеобщности – общечеловеческого» [с. 235]. Этносы носители ценностей. Специфические национальные ценности

не могут удовлетворить современную жизнь. Они вступают в противоречие с иными ценностями, поэтому направление их изменений идет к обобществлению, ассимиляции иных ценностей. Но по законам аккультурации по этим новым ценностям могут жить нормально только внуки их носителей, поэтому-то мы живем в мире с разбросом ценностей и их неопределенности.

Меняется социум, в котором множатся нетрадиционные субкультуры, вытесняющие традиционные культуры, нарушая и подрывая нормы и правила взаимодействия, статусно-ролевые отношения и способы жизнедеятельности. Субкультуры как переходная форма между диффузной группой и оформленной культурой формирует свои правила и нормы, которые довольно неустойчивы и противоречивы. В ситуации социальных изменений произошли, по мнению К.А. Абульхановой (1997), глубокие и массовые деструкции индивидуального сознания, ломка соотношения эмпирического и теоретического [с. 8]. Отдельные феномены трансформации менталитета на уровне системы человека и мира описаны в отдельных работах. Социально-психологическими феноменами трансформации российского менталитета могут выступать следующие явления, происходящие с жителями постсоветского пространства России – деперсонализация, деиндивидуализация, деперсонификация отношения к миру, снижение толерантности к себе и к миру, социальная ориентация направлена во вне (Г.М. Андреева, Б.С. Братусь, И.Б. Котова, В.А. Лабунская, Т.П. Скрипкина, А.В. Иващенко, В.С. Аганов, И.В. Барышникова и др.). Рассмотрим данные феномены.

«Если единство и целостность Я разрушается, то наблюдается болезненное функционирование личности: нарушаются способности прогнозировать, управлять своим поведением, предвидеть оценки окружающих, точно оценивать себя, корректировать неадекватное представление о себе. Расстройство Я приводит к деперсонализации» [Иващенко]. Деперсонализация выражается в том, что индивидуальности отторгают социальные нормы и ценности.

Это, по мнению В.А. Лабунской, приводит «к тому, что индивид в определенных жизненных условиях (например, в ситуации «встречи с иным») может не переживать своей отдельности от других, соответственно личной ответственности. Но самое главное заключается в том, что данные явления приводят к поведению, ориентированному не на постижение своих и чужих смыслов и ценностей, своей и чужой культуры, истории, а на присвоение или отвержение внешних атрибутов (одежда, некоторые способы обращения, элементы образа жизни и т.д.). Данный вывод подтверждается наблюдаемым усилением роли внешних компонентов в структуре стереотипов поведения, сужением их репертуара. Деиндивидуализированное, деперсонализированное отношение к себе и к другим – это феномен, результирующий влияние единого социо-культурно-психологического пространства общения, нацеленный на нивелирование индивидуальности, этнической специфичности. Данный феномен, объединяющий представителей различных групп,

проживающих на территории России и СНГ, имеет огромный потенциал разрушения отношений, возникновения интолерантного общения. «Сила» деиндивидуализации в том, что переживающий ее человек отрицает, обесценивает мысли, чувства, желания, интересы, ожидания другого. Другой человек воспринимается как объект, требующий воздействия, поэтому не вырабатываются навыки аргументации своего поведения в общении, принятия решений в процессе взаимодействия и т.д.» [].

Деперсонафикация заключается в том, что человек обвиняет в своих неурядицах, связанных с быстро меняющейся средой, только внешние объекты. Также отметим, что человек обезличивает свое общение, он не выражает на прямую свои желания – «Я желаю», а опирается на авторитеты, на абстрактных субъектов – «Кто-то это делает, они говорят».

Но самым главным является дезинтеграция личностей, то есть не принятие вкладов других людей и как следствие личная закрытость. В.А. Лабунская подчеркивает, что: «Интериоризация отношений «игнорирования» другого неизбежно приводит к недоверию самому себе, к боязни собственных личностных проявлений, что в свою очередь является основой для формирования деструктивных, интолерантных форм поведения» [].

Это подтверждают исследования В.Н. Павленко, Н.Н.Корж, в которых показана тенденция снижения уровня социальной идентичности, сопровождающейся гиперперсонализацией и десоциализацией. Люди все больше ориентированы на собственную систему ценностей, убеждений и отторгают внешние социальные представления []. В.В.Муратов интерпретирует такую индивидуалистическую тенденцию как защитный механизм от общественной деперсонализации, когда личностные отношения движутся к безличным. Во многом авторы объясняют данные социально-психологические явления доминированием в обществе материально ориентированных установок, приводящее к обесцениванию личности [с.41].

М.Р. Битянова пишет: «В тревожные дни личной и общенародной судьбы потребность в подтверждении возрастает. Можно честно, без каких-либо натяжек утверждать, что сегодня вся наша страна, все мы нуждаемся в значительном объеме подтверждения» []. Там же автор поясняет, что «Подтверждающая позиция – это позиция самораскрытия, обеспечивающая партнеру по общению подлинное чувство сопереживания, понимания, а следовательно, и подтверждения» [].

Там же: «Некоторые авторы указывают также на такую социально-психологическую особенность постсоветского человека, как заниженная самооценка, ощущение бессилия, которые являются, как известно, факторами возникновения эмоционально-насыщенного общения. С точки зрения теории фрустрации, агрессивное, деструктивное поведение возникает в связи с постоянной неудовлетворенностью базовых социальных потребностей, сопровождаемой постоянным переживанием чувства неудачи. Фрустрированный человек – озлоблен, агрессивен и жесток, поэтому становится «средством» организации конфликтных отношений и, в целом, нетолерантного общения.

Кроме вышеобозначенных социально-психологических особенностей, ряд авторов отмечают фрагментарность, стереотипность мышления, порожденные как информационной изоляцией, так и избыточностью информации в последнее время. Данные явления не способствуют видению фактов, общественных процессов в единстве их положительных и отрицательных черт, приводят к однозначным оценкам, к разделению на друзей и врагов. В практическом взаимодействии эти параметры мышления проявляются в поиске врагов, «наших» и «не наших», в создании единственной идеализированной модели действительности. Понятно, что такого рода идеализации и выступают одной из причин возникновения интолерантного общения» [].

Указанные выше особенности современного россиянина указывают, прежде всего, на трансформационные процессы, происходящие в российском менталитете.

А.В. Сухарев отмечает: «Субъективное восприятие и переживание человеком изменений в климато-географических условиях его жизни (в связи с миграциями, нарушением экологических условий, урбанизации), в социо-культурной сфере (в связи с миграциями, развитием средств массовых коммуникаций и информации, культурным обменом, свободой вероисповедования, плюрализмом ценностей и т. д.) и в сфере биолого-морфотипической (метисации с представителями других рас, изменение типа питания, появление экзотических инфекций и др.) сопровождается определенными психическими проявлениями» []. Как указывает автор в современном мире наблюдается большое распространение депрессивных расстройств, что ведет к искаженному восприятию окружающего мира и деструктивным формам поведения в нем, характеризующих начальный этап адаптации человека к изменениям. Это также характеризует трансформацию менталитета человека.

Ученые предполагают, что возникающая в условиях трансформации социальной системы и модернизации российского менталитета неопределенность (энтропия) сознания личности, утрата ее самоидентичности во многих случаях выступают как латентный стресс-фактор, провоцирующий девиантное поведение, дисфункции социальных ролей, психосоматические и нервно-психические заболевания (И.М. Мирошник, 1998).

Исследования, проведенные в лаборатории психологии личности ИП РАН, подтвердили, что «личность и ее сознание оказались в состоянии полной неопределенности как своей социальной позиции и жизненной перспективы, так и происходящего в социуме в целом» (К.А. Абульханова, 1999).

Данная неопределенность обусловлена ценностно-нормативным кризисом. «Кризис выражается не только и не столько в отсутствии социальных норм и ценностей, сколько в том, что сегодня они не образуют четко структурированных нормативных моделей. В итоге, переходя на новый этап социализации, человек оказывается не только на традиционном для данного этапа «перекрестке» социальных выборов, но и в ситуации, когда установленные на нем общественные

«светофоры» дают противоречивую информацию, а то и не работают вовсе» [Е.П.Белинская, 2001, с.30].

В нашем исследовании мы будем исходить из того, что трансформация менталитета многоуровневый процесс, который влечет за собой определенные дисфункции, которые приводят к перестройке функционально-структурных элементов сложной системы менталитета. Это является следствием изменений в религиозных, этнических и социально-психологических параметрах среды, что отражается на особенностях субъектности человека.

Что же происходит с человеком? Какова феноменология менталитета как сложного качества человека? Возможно, деформируется личность. Но в каком плане: биологическом, социальном, культурном, психологическом? На каких уровнях – бессознательном, эмоциональном, когнитивном, поведенческом, отношенческом?

Естественно на бессознательном уровне. Психологи давно установили, что с начала должны произойти изменения на символическом уровне, на уровне архетипа, чтобы это повлекло за собой изменения на более высоких уровнях личности (З. Фрейд, К. Юнг). Г. Хайдеггер утверждал, что мы видим вещи в свете уже знакомого нам и, следовательно, некогда не остаемся без предпосылок. Человек может ослабить и переформировать предположения, которыми обладал до настоящего времени. Благодаря этому мы изменяем сами себя, так как, не только формируем явные гипотезы о себе самих, но и формируем неявные базисные предпосылки о том, что «мы есть», которые не осознаем [История философии. С. 755].

За тем на аффективном уровне происходят также изменения. Яркое выражение эмоций, почти экстазическое, которое раньше было табуировано, кроме праздников, похорон, празднований победы, стало повседневным делом. Мы сейчас слышим «громкие» дела, публичные концерты на больших площадях, наблюдаем футбольные массовки и т.д. Бесконечные концерты и громкие юбилей-шоу как средство PR отвечают запросам публики. Происходит обнажение «Я», которое ярко позиционируется, что является проявлением индивидуализма. Тихие мелодрамы не в почете, значимы суровые разборки и кровавый криминал, подкрепляемый эротикой и гастрономическими изысками. В моде яркая мебель, яркая одежда, выделяющиеся архитектурные решения, что может свидетельствовать о безудержной экспрессивности современной личности. Обнаженность чувств, в которых ограничен репертуар до самых примитивных, забирает энергию на внешнее выражение и не остается ее для глубины чувств.

На когнитивном уровне. Повальное увлечение компьютерными играми, формирующими стратегическое мышление. Сужение образа мира до обыденных проблем. Преобладание дивергентного, управленческого и практического стилей мышления. Иная категоризация социального образа мира.

На поведенческом уровне преобладают сценарии конкуренции, насилия до полного безразличия. Иные ритмы жизни образа жизни. На отношенческом уровне преобладает интолерантность.

«Internet — средство трансформации и личности как индивидуальной характеристики, и личности как социокультурного и исторического феномена... Такие атрибуты личности, как стабильная самоидентификация, индивидуальный стиль исполнения социальных ролей («творческая индивидуальность») активными пользователями Internet утрачиваются; сознательно или неосознанно ими формируется размытая или изменчивая идентичность. Виртуализируется не только общество, но и порожденная им личность» [Д.В. Иванов с.62].

Таким образом, рамки феноменологии изменений менталитета коллективного субъекта представлены трансформацией значений, смыслов и ценностей. Заключается она в особенностях соотношения данных элементов между собой по степени подчинения, оформленности/неоформленности, проявленности/непроявленности, осознанности/неосознанности коллективным субъектом, встроенности в структуру идентификации/отчужденности от человека. Эти изменения детерминированы изменениями во внешних системах менталитета: религия, этнос, социум. В которых в свою очередь, происходят трансформации по следующим направлениям – разрушения их институтов, утратой их функциональных основ, переструктурируются их коллективные субъекты.

Границы феноменологии трансформации менталитета как сложного качества человека и атрибута коллективного субъекта заключены в своеобразии форм его самоорганизации. То есть, начальные или первичные внешние и внутренние воздействия, которые запускают механизмы первичной трансформации надсистем менталитета и его элементов организации приводят ко вторичной трансформации его структурных компонентов. Это приводит к активизации системной детерминации всей системы менталитета. Уже не элементы и компоненты, а функциональные и структурные взаимосвязи воздействуют на реорганизацию менталитета уже на уровне личности.

Человек как целостная система и часть коллективного субъекта выступает субъектом и объектом трансформации менталитета.

Определения трансформации менталитета очень разнородны и сосредоточены на различных аспектах этого сложного феномена. Понятие возникло как объяснительное и остается предельно общим. Трансформацию менталитета необходимо рассмотреть с нескольких аспектов: структурно-функционального, процессуального, предметного, личностного, субъектного. Остается в тени содержательный аспект проблемы.

Выводы:

1. Феноменология трансформации менталитета связана с доминированием/субдоминированием надсистем менталитета – религия, этнос, социум. Может создаться впечатление, что именно надсистемами менталитета порождается его феноменология. Мы рассматриваем менталитет как целостную систему, поэтому только посредством менталитета как психологической системы во взаимодействии всех составляющих его системы рождается его феноменология. В различные исторические эпохи, в разных регионах превалирует какая-либо одна из надсистем менталитета, либо религия, либо этнос, либо социум или их сочетание. Они будут задавать форму менталитета и особенности его транслирования, трансформации.

2. Миф, описанный в книге и лежащий на полке, не рождает архетипы. Архетипы начинают «жить», когда коллективный субъект посредством взаимодействий включает мифы в свое пространство жизнедеятельности. Система религии связана с архетипами менталитета. Архетипы – это древние «прообразы» коллективного бессознательного коллективного субъекта. Каждый коллективный субъект предполагает свои специфические системы архетипов. Реконструируя архаический образ мира, ценности, смыслы и значения коллективного субъекта, можно воссоздать его образ жизни. На основании чего можно передать особенности менталитета прошлого. Религиозная мифология позволяет выделить основные темы и воссоздать архетипы коллективного субъекта прошлого. Религиозная система претерпела существенные изменения в своих институтах, канонах, что привело к исчезновению религиозного менталитета. Страны, в которых осталась религия как доминирующая система управления, их коллективные субъекты живут согласно архетипам.

2. Архетипы на сегодня являются единственной бессознательной основой менталитета, которая выделяется учеными. Архетипы менталитета, как утверждает большинство ученых, практически не изменяются в процессе трансформации менталитета. По результатам исследования на выборке 350 чел., представителей армянской, еврейской и русской национальностей было выявлено, что различные национальные группы предполагают определенную систему архетипов. Вытесненные архетипы, на наш взгляд, отражают истинную картину архетипов национальной группы, именно они задают потребностную направленность группы. Презентируемые архетипы – это желаемый образ национальной группы. Именно система архетипов по мнению ученых, определяет облик этноса.

3. Система этноса возникает в определенный исторический период жизни коллективных субъектов. Она расширяет возможности духовного и материального взаимодействия людей и подготавливает общность к более развитым формам социальности. Система этноса характеризуется биологическими, географическими, экономическими, культурными особенностями. Ряд современных исследований показывают тесную связь системы этноса и менталитета. Менталитет как носитель когнитивной составляющей системы этноса, может выступать атрибутом этничности.

Этнический менталитет господствует в период доминирования этнической системы и определяет этническую идентификацию человека. Значения, смыслы и ценности менталитета человека заключены в этнические рамки. При субдоминировании этнической системы менталитет переходит на иные базовые основания (например, социальные).

4. В периоды доминирования социальной системы имеет большую значимость профессиональная, половая, статусная, ролевая идентификация, чем религиозная или этническая. Наблюдается появление нетрадиционных субкультур и различных социальных движений. В этой ситуации менталитет становится атрибутом социальности и мы сталкиваемся с профессиональным менталитетом, ролевым, статусным. Социальная система определяет социально принятые значения, смыслы и ценности.

5. Сегодня надсистемы менталитета в кризисе. Религия перевоплощается в бытовые формы, этнос теряет свои защитные функции, социум сменяет социальные категории, перестраивает систему ценностей. Система менталитета сегодня характеризуется как обладающая кризисными чертами (В.С. Сикевич, К. Касьянова). Эта проблематика нашла свое отражение в современных психологических исследованиях.

6. На протяжении последних лет в психологических исследованиях сложились следующие основные направления в рассмотрении изменчивости менталитета: ценностный, личностный, когнитивный, поведенческий и информационный. Пробивает себе дорогу системный подход (Б.А. Душков, В.Е. Ключко, Галажинский). Трансформация менталитета не ограничивается сменой социальных установок (Ф. Клакхон и Ф. Стродбек), поведения (Дж. Берри), деятельности (А.В. Петровский). Она сопровождается изменениями субъектности, идентификации, Я-концепции (А.Инкельс, Маркус, Китаёма), социальных категорий (Г. Брейквелл, Г.М. Андреева), значений и представлений (Д. Верч С. Московичи), образа мира (С.В. Лурье), изменением дискурса (Р. Д' Андрад, Дж. Уайт), когнитивных схем (Т. Шварц, Э. Хатчинс), изменением отношений, социальных способностей, социальных ролей (Х.Келли), мировоззрения, коммуникации (М. Кастельс, Э. Киселева А.П. Назаретян), ценностей (Г.Ховстед, А.Шведер, Е.Борн, Д.А. Леонтьев, И.Г. Дубов), потерей смыслов, во внешних – этнических и социально-психологических качествах человека и внутренних – личностных качествах, звкрепление адаптивных реакций (З.И. Левин), развитием и становлением человека (В.П. Зинченко). Если рассматривать указанные подходы как дополняющие друг друга, то можно прийти к выводу о том, что они демонстрируют целостность системы менталитета и наличие в ней интегральных качеств, возникновение которых можно оценить как проявление самоорганизации, хотя авторы практически не пользуются этим понятием, а потому и не пытаются распространить на феномены изменчивости менталитета известные науке принципы самоорганизации. В основном исследователи акцентировали внимание на различных структурных, содержательных компонентах менталитета.

7. Осмыслив имеющиеся представления о трансформации менталитета коллективного субъекта и человека, понимаем, что речь в большей мере идет о субъектности коллективного субъекта и человека как субъекта. Так как субъектность проявляется в активности преобразования жизненного мира человека и коллективного субъекта, то изменение субъектности означает направленность трансформации этого жизненного мира. Мы полагаем, что за этим преобразованием стоит трансформация образа мира, который детерминирует этот процесс и сам испытывает влияние от этих преобразований. Трансформация менталитета проявляется на уровне человека и коллективного субъекта в виде изменения субъектности. На уровне человека в виде следующих феноменов – деперсонализации, деперсонификации, деиндивидуализация, десоциализации, интолерантности, обезличивании отношений, сужении поведенческого репертуара, которые также можно отнести к субъектности (В.А. Лабунская, Т.П. Скрипкина), заниженная самооценка, ощущение бессилия, фрагментарность, стереотипность мышления, дисфункции социальных ролей, ценностно-нормативный кризис (А.А. Бодалев, Е.П. Белинская, И.М. Мирошник, А.В. Сухарев). Сложность и многоплановость феноменологии трансформации системы менталитета стимулирует постановку вопроса о методологии его изучения.

1.3. Методология исследования трансформации менталитета

1.3.1. Предпосылки становления идей трансформации менталитета

Теоретическо-методологическая предпосылка проблемы трансформации менталитета представляет собой научную рефлексию категориального строя или эпохи или образа мира народов, проживающих в определенные исторические периоды, предложенную К.Д. Кавелиным и Г.Г. Шпетом. Как анализирует В.Ф. Петренко: «в исторической антропологии историк основывается на собственных представлениях о той или иной эпохе и, будучи проникнутым ее духом и ее менталитетом (т.е. являясь ее гражданином «не по крови, а по духу»), стремится отрефлексировать ее категориальный строй, обращаясь к собственному историческому сознанию» [Основы психосемантики, с. 381]. Таким образом, исследователь выступает и в лице субъекта и объекта исследования. Это так называемая понимающая методология, лежащая в основе гуманитарной парадигмы неклассической психологии [].

В психологической антропологии России в 40–ых г. XIX века. К.Д. Кавелин писал, что в научном исследовании народов следует стремиться к определению характера народа в целом, путем изучения его отдельных психологических свойств в их взаимосвязанности. Народ считал он, «представляет собой такое же единое органическое существо, как и отдельный человек. Начинайте исследовать его отдельные нравы, обычаи, понятия и остановитесь на этом, вы ничего не узнаете. Умейте взглянуть на них в их взаимной связи, в их отношении к целому народному организму и вы подметите особенности, отличающие один народ от другого» []. Данный подход К.Д. Кавелина может считаться общеметодологическим в рассмотрении истоков российского менталитета и его трансформации. Фактически автор призывает к системному представлению об изменчивости народного духа.

Г.Г. Шпет одним из первых в России в 1919 году обосновал положение о том, что этническая психология должна быть описательной, а не объяснительной наукой, устанавливающей абстрактные законы психологии» []. Предметом описания, классификации и систематизации является по Г.Г. Шпету, «типические коллективные переживания». Они объективны, поскольку являются выражениями «объективной текущей обстановки, условием своего бытия, само это бытие»[].

Здесь Г.Г. Шпет радикально выступает против подхода В. Вундта, который, по его мнению, «описывает «народный дух» и не идет дальше построения типических структур», объяснения их расовой биологией, антропологией, историей, а не психологией. Оценивая вклад Г.Г. Шпета в развитие учения о российском менталитете, отметим, что предметом исследования выступает «типическое общее в их переживании» как «отклик» на происходящее перед их (человеком) глазами, умами и сердцем» []. Определившись с предметом, автор указывает на выделение метода, способствующего уяснению природы предмета. Г.Г. Шпет показывает, что главным методом должно быть *описание*, целью которого является классификация и систематизация, а не объяснение. Однако

– это не исключает возможности изучения последовательного развития и генезиса социально-психологических явлений. Эти положения Г.Г. Шпет выводит, опираясь на В. Дильтея. «Если какой-либо народ под влиянием, например, религиозной пропаганды усваивает новый ряд привычных реакций на явления природы или собственного быта, мы должны проследить последовательность в перемене его «настроений» и «мнений», но объяснять их «развитием души» народа или «задатков», «сил», «способностей» и т.п.» [].

Также Г.Г. Шпет указывал, что необходимо различать объяснение индивидуальное, к которым относится – генетическое, биологическое, расовое, антропологическое и объяснение коллективное, в основу которого материалисты кладут экономический материализм, что, по мнению автора, ошибочно. Автор акцентирует внимание на том, что значения, предметное содержание продуктов культуры являет собой коллективную природу, раскрытие которой – есть основная задача. Таким образом, переживания – это «репрезентанты всей реагирующей группы» – «духовного уклада», «типа эпохи, народа». При этом «развитие духа» «объясняется» его историей. Следовательно, если мы в своем исследовании определяем менталитет как атрибут коллективного субъекта, то очень важным представляется раскрытие феноменологии того «коллективного», что объединяет, соотносит и совмещает структурную и функциональную, операциональную целостность системы менталитета. К. Маркс в свое время писал, что для самоопределения человека необходим Другой или «чужой» по Г. Зиммелю. То есть, чтобы менталитет трансформировался, достраивался необходим иной мир. Так рождается идея «совмещенности» системы менталитета. Совмещенности коллективного субъекта и иного. Тема эта на сегодня слабо разработана. Она имплицитно представлена в работах психологов по вопросам коллективного субъекта, совокупного субъекта, совместной деятельности []. Свой вариант открытой, совмещенной системы как совместной мыслительной деятельности описывает А.К. Белоусова. Она полагает, что совместная мыслительная деятельность имеет «совмещенный сектор жизненных миров участников» [с. 97]. Там же «В плане сознания общие участки реальности и действительности проецируются в виде общих участков совмещенных предметных, ценностно-смысловых содержаний сознания» []. Поскольку менталитет и есть то пространство, где сходятся воедино ценностно-смысловые составляющие коллективного субъекта, то менталитет может быть представлен как совмещенная система. Но совмещенная система менталитета не может быть представлена только описательными методами.

Обобщая выше изложенное возможно заключить, что поставленный в середине XX века русскими этнопсихологами вопрос о методе, которым необходимо исследовать феномен российского менталитета, актуален и в наше время. Г.М. Андреева пишет: «Необходим поиск новых принципиальных подходов к анализу социально-психологических феноменов в изменяющемся мире, новой стратегии социально-психологических исследований» [].

1.3.2. Противоречия в методологических подходах к проблеме трансформации менталитета

Современные исследования социальной философии в основном посвящены проблеме осмысления социокультурного кризиса в России. Намети́лась большая потребность в «философском осмыслении бытия» (В.С. Степин). Многие авторы отмечают ярко выраженную методологическую направленность данных работ. Главный вывод, который делают философы, что для изучения кризисных явлений, к которым мы относим трансформации менталитета, необходима разработка новых методологий (И.А. Гобозов, П.С. Гуревич, Ю.Н. Караулов, Е.Н. Моцелков, В.С. Степин и др.). Основным противоречием проблемы трансформации менталитета выступает несоответствие между методологией классической науки и предметом исследования – процессы изменения менталитета. Методология науки классической рациональности ориентирует исследователей в большей мере на изучение статичных составляющих трансформации менталитета. Исследователями остаются неохваченными процессы и механизмы трансформации менталитета в ситуации социокультурного кризиса. Рассмотрим имеющиеся на сегодня противоречия в методологии исследования изменяемых феноменов.

Прежде всего, философские модели, построенные в стабильные периоды развития общества, становятся «беспомощными», неадекватными к кризисным феноменам. Поскольку они фиксируют вход и выход системы в кризисе, но остается невыясненным, что происходит внутри «черного ящика». Я. Вальсинер пишет: «мы зачастую превращаем феномены становления в феномены существования, рассматривая то, что возникает, как уже существующее, а не еще только становящееся» [с. 38]. Человек до кризиса с его свойствами, чертами, способностями, отношениями изменился во временной перспективе общественного развития. Постепенно гуманисты ввели измерения самореализации человека, его дальнейшего развития, позволяющие выйти за рамки общественного пространства. Но феномен самореализации довольно слабо разработан. Исследования проблемы кризисов развития человека в основном коснулись возрастных кризисов. Недостаточно исследований открывающих, что происходит с человеком в переломные, социокультурные периоды. А тем более изучение коллективного субъекта в кризисе осуществлялось преимущественно в рамках социальной, этнической и исторической психологии, как проблема групповых конфликтов. Межгрупповые взаимодействия довольно плодотворно изучались в социальной психологии, но опять на основе конфликтных моделей, в континууме взаимодействия кооперация–конфликт. Конфликтной модели недостаточно для прояснения закономерностей изменения психологии человека в периоды кризисного развития общества. Все-таки сегодня наиболее актуальны проблемы психологии неопределенности, проблемы выбора. **«Социальная нестабильность** – это не просто эквивалент быстрых и радикальных социальных изменений, но возможная рассогласованность их, т.е. смена направления и темпа изменений, несовпадение меры

радикальности их в различных сферах общества (экономике, политике, культуре, формах человеческих отношений)» [Г.М. Андреева с. 257]. В гуманитарных науках еще не разработана методология изучения нестабильно развивающихся систем.

Ситуация исследования отягощена еще и тем, что сам исследователь является субъектом переломных общественных катаклизмов. Все уже стали участниками социокультурного кризиса, поэтому ученый видит только отдельные феномены кризиса и трансформации менталитета. Анализ кризиса сам в кризисе. Наблюдается нарушение самоидентификации личности (В.А. Ядов, Л.Г. Ионин, Г.М. Андреева). Происходит по Л.Е. Бляхеру «раздвоение философа»: социальный мыслитель и конкретное эмпирическое «Я» [с. 52]. Это требует от исследователей саморефлексии исследовательской позиции. Ее можно осуществить только из «точки вневходимости». Это является довольно сложной проблемой. Трудно оценивать трансформацию менталитета, являясь ее носителем и подвергаясь изменениям под влиянием социокультурного кризиса. Тогда можно факторы, обуславливающие трансформацию менталитета, путают с ее следствиями, а в объяснительные модели встраиваются эвристики.

Также в науке утвердилось тотальное влияние принципа детерминизма. Исследователями ищутся внешние и внутренние причины изменений. Принцип детерминизма, подвергаемый критике со стороны многих исследователей, позволял выделять закономерности развития процессов, вписанных в естественный ход событий. Сегодня разрушаются традиции в стране, опровергая концепции линейного развития общества. Традиционный менталитет отходит в общественный фон. Отказ от детерминизма демонстрирует М.М. Бахтин: «Поэтому в романе Достоевского нет причинности, нет генезиса, нет объяснений из прошлого, из влияний среды, воспитания и пр. Каждый поступок героя весь в настоящем и в этом отношении не предопределен; он мыслится и изображается автором как свободный» [Бахтин с. 41]. Свободная позиция автора позволяет объективно подойти к проблеме трансформации менталитета. Но свобода многими авторами трактовалась как монологичное изложение фактов.

Концепции в основном характеризовались монологичностью, что затрудняло понимание природы человека в кризисе. Исследователи соединяли идеи в сознании. «Поэтому не жизнь идеи в одиноком сознании и не взаимоотношения идей, а взаимодействие сознаний в сфере идей (но не только идей) изображал Достоевский» [Бахтин с. 43]. Но для этого необходимо изменить свою авторскую позицию. М.М. Бахтин поясняет: «самосознание как художественная доминанта в построении образа героя предполагает и радикально новую авторскую позицию по отношению к изображаемому человеку. Повторяем, дело идет не об открытии каких-то новых черт или новых типов человека, которые могли бы быть открыты, увидены и изображены при обычном монологическом художественном подходе к человеку, то есть без радикального изменения авторской позиции. Нет, дело идет именно об открытии такого нового целостного аспекта человека –

«личности» (Аскольдов) или «человека в человеке» (Достоевский), – которое возможно только при подходе к человеку с соответственно новой и целостной же авторской позиции» []. Позиция эта заключается в том, что видится не отдельный человек с его функциями, состояниями, процессами, а как целостная система Человек–Мир. Эта система открывает горизонты изучения таких сложных качеств человека как менталитет. Мир открывает возможность жизни многим менталитетам.

В предшествующих философских концепциях Мир един и неделим, он существует независимо от Я. В современных концепциях Мир – множественен и связан с Я. М.М. Бахтин открывает «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» в романах Ф.М. Достоевского [с.4]. Таким образом, многомерность мира соприкасается с многомерностью мира человека. Очень много возможных миров. Я. Хинтикка выделяет характеристики возможного мира: 1) он не включает отношения истинности и ложности; 2) контрфактичность; 3) особенная временная перспектива – прошедшее может стать настоящим и будущим. «В каждом явлении настоящего увидеть след прошлого, вершину современности или тенденцию будущего; вследствие этого ничто не располагалось для него (Достоевского) в одной экстенсивной плоскости. ... была основная тенденция его видения и понимания мира» [Бахтин с. 39]. Мышление человека так устроено, что для понимания явления, он фиксируется на чем-либо одном. Это одно и должно стать множеством миров.

Человек в стабильное время заключен на своих житейских проблемах. Гетерогенность мира для человека обнаруживается только тогда, когда привычный ход событий для человека нарушается, например в кризисе. Мои и чужие смыслы при этом сталкиваются в ходе коммуникации.

Коммуникативная ориентация является характерной для философии XX века (). «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [Бахтин]. Сегодня коммуникация понимается не только как коммуникация человека с человеком, а, прежде всего, как коммуникация человека и Мира. М.М. Бахтин описал онтологию коммуникации. «Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» (Бахтин). Что же происходит с коммуникацией в ситуации неопределенности? «Кризисная коммуникация» осталась неизученной в науке.

Центральной проблемой в этом ключе стала проблема ценностно-смыслового ядра человека, насколько оно подвержено изменениям в кризисе. В относительно стабильные времена концепция смыслов опиралась на то, что приватные и официальные смыслы совпадают, что характеризует по М.М. Бахтину «линейные высказывания». Далее идет «орнаментальный» тип высказываний, когда Я уникально. Но эта форма переходная и Я находит способы понимания других. Если во мне не победит скепсис. Под действием самоиронии разрушается ценностная система. Возникает третий

тип высказываний – кризисный. Эта коммуникация как поиск, в ходе которой становится социальная реальность [с. 73–74]. «Его герой все знает и все видит с самого начала. Поэтому-то так обычны заявления героев (или рассказчика о героях) после катастрофы, что они уже все заранее знали и все предвидели. «Герой наш вскрикнул и схватил себя за голову. Увы! Он это давно уже предчувствовал». Так кончается «Двойник». «Человек из подполья» постоянно подчеркивает, что он все знал и все предвидел. «Я все видел сам, все мое отчаянье стояло на виду!» – восклицает герой «Кроткой». Правда, как мы сейчас увидим, очень часто герой скрывает от себя то, что он знает, и делает вид перед самим собою, что он не видит того, что на самом деле все время стоит перед его глазами. Но в этом случае отмечаемая нами особенность выступает только еще резче» [Бахтин]. «Его герой все знает и все видит с самого начала. Поэтому-то так обычны заявления героев (или рассказчика о героях) после катастрофы, что они уже все заранее знали и все предвидели. То есть смыслы себя и Другого раскрываются перед человеком в кризисной коммуникации. Человек все знает, утверждает М.К. Мамардашвили, только чтобы понять нечто, необходимо войти в особое состояние, из которого станет все ясно. Это особое состояние приходит в ситуации переживаемого кризиса.

Методологические подходы к проблеме психологии кризисных состояний довольно приблизительно разработаны в науке. Остается в тени как ребенок, взрослый проходят через кризисные этапы развития в возрастном плане и в плане переживания социокультурных кризисов. Все концепции социализации были построены на том предположении, что культурный опыт направлен или опосредованно транслируется поколениям. Однако, механизмы социализации нарушаются в связи с кризисным развитием общества, культуры в целом. Теперь только сам человек решает, интересно ли ему то, что ему транслируют. Опираясь только на внутреннее, неофициальное мнение, человек интегрирует опыт. Если человек интегрирует опыт целиком без изменений, он выступает в качестве объекта.

В своем большинстве был распространен объектный подход к психологическим феноменам. «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы» [Бахтин]. Но очень сложно, исследуя феномены в естественно-научном ключе, не воспринимать их как объекты.

Образы как единицы сознания замыкались учеными только в субъекте. Сейчас представляется актуальным вынесение образов (образов мира, образов жизни) за рамки субъекта в мир. То есть назрела необходимость описания, исследования того пространства, которое соединяет человека и мир, в котором и разворачивается субъектность субъекта, в одной из ее форм менталитете.

Довольно сложной проблемой является выделение самого менталитета как качества коллективного субъекта, а именно скольких субъектов один менталитет может объединить. Идея выделения менталитета целых эпох внесла некоторую неразбериху в данный вопрос, объединив миллионы совершенно различных по религиозным, этническим, социальным, экономическим, политическим и др. признакам людей. Культура объединяет людей, но люди остаются разными по многим характеристикам. Таким образом, необходимо определиться с критериями, со степенью гомогенности группы, чтобы она была признана как выражающая один менталитет. А отсюда будет становиться ясным, насколько однообразно будет происходить трансформация менталитета в группе людей, объединенных одним менталитетом?

Обобщая вышеизложенное, перечислим основные методологические ограничения в изучении изменяемых явлений. К ним отнесены: перенос моделей описания развития явлений в стабильные периоды на кризисные явления; трудность преодоления субъективности ученого к описываемым явлениям, который находится в кризисной ситуации развития общества; сильное влияние линейного детерминизма на построение концепций развития; монологичность авторской позиции ученого; человек понимался как закрытая система; Мир как конструкт представлялся неизменным; не изученность феномена кризисной коммуникации; трудности выявления границ изменяемых явлений.

Поставленные проблемы усложняют процесс исследования трансформаций менталитета, но вносят ясность в нашу исследовательскую позицию.

1.3.3. Методология «масочности» в рассмотрении изменяющихся явлений

На сегодня в философии можно выделить несколько оснований для методологии исследования изменяемых объектов.

Первый вид заключается в том, что исследователь постулирует некоторую систему аксиом, исходя из которых, он рассматривает изучаемое явление. Если эти аксиомы будут отвергнуты оппонентами, то акт коммуникации ученых не состоится. Такое философствование будет принято, если автор воспринимается как пророк. Но если эти аксиомы созданы в период кризиса, то они не могут объективно описывать кризис.

Второй вариант методологии характерен для исследователя, который принимает определенную политическую позицию. Но эта методология объективна до тех пор, пока партия, к которой принадлежит исследователь, занимает определенную оппозицию. Если эта партия заняла ведущие высоты, то она становится единственным носителем, как она полагает правильных воззрений. Это заслоняет сущность кризиса от исследователя.

Третий вариант позиции исследователя заключается в его способности выйти за границы происходящего. Этот вид философствования К. Маркс назвал «самоиронией», Г. Зиммель «позиция

чужака», М.М. Бахтин «участное сознание». Сходные мысли встречаем и в работах Л.С. Выготского. Он характеризовал путь к овладению научными идеями следующим образом: «надо подняться над их фактическим содержанием и испытать их принципиальную природу. Но для этого нужно иметь точку опоры вне этих идей. Стоя на почве этих же идей обеими ногами, оперируя добытыми при их помощи понятиями, невозможно стать вне их» [психология развития человека, с. 87]. Таким образом, речь опять идет о «внеаходимости» исследователя в решении проблем. Однако для этого, считает Л.С. Выготский, необходимо иметь «собственную систему принципов» «В ситуации социального хаоса философу самому необходим Другой, по отношению к которому он мог бы самоопределиться..... «реальный Другой» в хаосе – проблема, должен возникнуть «искусственный Другой», смоделированный философом» [Бляхер с. 82].

Опираясь на вышеизложенное в изучении трансформации менталитета, может использоваться следующая методология «внеаходимости» (Дж. Верч, Л.Е. Бляхер, П.Г. Щедровицкий) – философ разделяет себя на: 1) участника кризисных событий, который переживает по этому поводу; 2) «маску», мнение которой должна отличаться от апологетической; 3) и самого философа, создающего маску. Это можно проиллюстрировать подобной позицией Ф.М. Достоевского, анализируемой М.М. Бахтиным: «Повсюду – пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев. Повсюду – определенная совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному. Предметом авторских устремлений вовсе не является эта совокупность идей сама по себе, как что-то нейтральное и себе тождественное. Нет, предметом является как раз проведение темы по многим и разным голосам, принципиальная, так сказать, неотменимая многоголосость и разноголосость ее. Самая расстановка голосов и их взаимодействие и важны Достоевскому» []. Данную методологию думается логично применить к рассмотрению проблемы трансформации менталитета.

Относительно рассматриваемой проблемы, мы полагаем, что в качестве первой позиции может выступать обывательская точка зрения автора, исследователя, который включен в контексты изменяемых социокультурных условий жизнедеятельности. Второй, «масочной» позицией может выступать синергетика (С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий) как антипод апологетической классической психологии. Синергетика как дисциплина, изучающая развитие сложных систем, по-новому подходит к принципу детерминизма. Во-первых, ставится под сомнение линейная закономерность жизнедеятельности систем любой природы. Во-вторых, системы признаются открытыми, постоянно изменяемыми образованиями. В-третьих, самоорганизация системы, понимаемая как непрерывный поток трансформаций системы под воздействием различных факторов, приводит к появлению новообразований. Эти новообразования сами могут выступать сложными организациями. В этой связи и менталитет может рассматриваться как открытая,

сложная, самоорганизующаяся система. Что противостоит классическому взгляду на менталитет как неизменяемой, закрытой системы. Факторы, обуславливающие развитие системы менталитета, рассматриваются с позиции синергетики не как независимые внешние и внутренние образования, а как система факторов. Система факторов, оказывая влияние на систему менталитета, не является простой суммой факторов, а является некоторым новым интегратором, который стимулирует систему порождать новые качества.

Третьей позицией может являться метасистемный подход В.Е. Ключко, которой позволяет определить менталитет как самоорганизующуюся, психологическую систему и перейти к проблемам ее трансформации. С позиции В.Е. Ключко психологические системы не просто развиваются, а «становятся». Если источником развития являются противоречия, то источником становления является соответствие системы и элементов среды. В этом положении скрыты основания для определения совмещенности системы менталитета, в которой совмещены надсистемы, подсистемы и система менталитета и многомерный мир. Реализация новой системной позиции, должно позволить обнаружить в процессах трансформации системы менталитета форму ее самоорганизации и выделить механизмы системной детерминации. В таком аспекте и рассмотрим теоретико-методологические основания исследования менталитета как самоорганизующейся системы.

1.3.4. Теоретико-методологические основания исследования менталитета как самоорганизующейся психологической системы

Рассмотрение вопроса возникновения проблемы трансформации менталитета в психологии показывает, что сам термин «менталитет» возник в начале XX века. И именно в начале XX века впервые естественно-научная картина мира в психологии пошатнулась благодаря работам феноменологов и экзистенциалистов, что можно отнести к началу смены ее научной парадигмы. Менталитет как сложное системное качество человека и атрибут коллективного субъекта не может быть в достаточной мере осознано в рамках классической психологии.

«Сущность переживаемого психологией момента в том, что ранее степень ее системности обеспечивал предмет, в основе которого никогда не лежала та система, которая действительно была бы открыта в среду, нуждалась в ней как источнике внутреннего порядка, находилась бы с ней в постоянном избирательном обмене. Место предмета науки всегда занимали подсистемы – явления, которые, как теперь становится понятно, играют определенную роль в самоорганизации человека как психологической системы, но сами не являются суверенными открытыми системами. Поэтому ни душа, ни сознание, ни психика, ни субъективное отражение, к которому они, так или иначе, сводились, обеспечить системность науки не могли. Происходящий парадигмальный сдвиг на самом деле настолько серьезен, что он действительно может выступить как основная характеристика современного этапа развития науки» [Ключко Ежегодник].

Следовательно, возникновение проблемы трансформации менталитета в психологии обусловлено не только социальными изменениями в обществе, но и глубокими теоретико-методологическими сдвигами в психологической науке. Особенности трансформации менталитета не могут быть целостно описаны с позиций традиционной науки. Поскольку она предлагает выводить свойства объектов, раскладывая его на части. Свойства целого выводятся из свойств частей. Однако, при переходе с микроскопического уровня на макроскопический сложных систем открываются новые свойства системы, отсутствующие на микроскопическом уровне (Г. Хакен). В науке не сложились методы способные фиксировать влияние макроскопического уровня на микроскопический и обратно в сложных системах.

Наметившийся «парадигмальный сдвиг» в психологии открывает возможности для нового описания изменяемых, системных качеств человека. Его характеризуют следующие положения: выход за дуалистический анализ явлений, характеризующихся многомерностью; плюрализм теоретических посылок; параллелизм существования понимающего и объяснительного методов.

«Под парадигмой, — писал Т. Кун – я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения». Из этих моделей, по мнению Т. Куна возникают конкретные традиции того или иного направления в исследовании. Парадигмы, по словам Т. Куна являются источником методов, проблемных ситуаций, стандартов решения проблем, принятых в тех или иных сообществах ученых. Более низким уровнем организации научного познания, по сравнению с парадигмой, является научная теория. Каждая теория создается в рамках той или иной парадигмы. Теории, существующие в рамках различных парадигм, не сопоставимы. Поэтому одна и та же теория не может входить в разные парадигмы без предварительного ее серьезного переосмысления. А это означает, что при смене парадигм невозможно осуществить преемственность теорий.

Парадигма как привычный стиль мышления расшатывается, и на каком-то этапе наступает кризис основных исходных понятий в данной науке. Кун описывает этот кризис как с содержательной стороны развития науки (несоответствие новых методик старым), так и с эмоционально-волевой (утрата доверия к исходным принципам действующей парадигмы со стороны значительной части научного сообщества). И в переходе к новой парадигме действуют те же факторы. А.Ю. Мацкевич подмечает, что о ставшем или становящемся подходе можно говорить только тогда, когда объявлены и обоснованы его принципиальные отличия от иного подхода хотя бы в одном из трех эпистемологических пространств: в парадигме (онтологические картины, схемы и описания объектов); в синтагме (способы и методы доказательства, аргументации, языки описания, объяснения и понимания); в прагматике (цели, ценности, задачи, предписания, разрешенные и запрещенные формы употребления элементов синтагмы и парадигмы) [].

Проследим путь развития научной картины мира, который покажет, какие изменения произошли в научных подходах к психическим феноменам по трем указанным А.Ю. Мацкевичем критериям. *Классическая картина мира* была оформлена в Новое время. Основные положения были сформулированы Р.Декартом. Ученые исходили из того, что мир предсказуем и в нем правят причинно следственные связи. Познав логические законы изучения явления, можно объяснить любое явление. Практика выступает критерием истины. Все объекты разложимы на более мелкие единицы, которые могут объединяться в классы. Исследователи искали строгую иерархию в простых закрытых системах и причины, обуславливающие их развитие. Каждая теория должна быть выстроена строго в рамках устоявшихся, принятых научным сообществом подходов. *Неклассическая картина мира* зародилась также давно, но оформилась она с выходом работ Э. Гуссерля. Она представлена в работах Л.С. Выготского, Л.Я. Дорфмана Основными положениями, которые вписываются в рамки неклассической картины мира следующие: все процессы в мире подчинены случайностям, помимо причинно-следственных связей выделены структурные связи, смысловые, синхронные, энергетические. Системы, которые являются объектом исследования сложные, поэтому необходимо применять феноменологические методы исследования. От изучения субъектов, некоторые авторы предлагают перейти к изучению объектов, которые наделены психическими свойствами, в силу влияния на них субъекта. А также изучать не сами объекты, а отношения между субъектом и объектом. Теории признаются спекулятивными, утверждается множественность интерпретаций. Большую роль в анализе феноменов отдается ситуации. *Постнеклассическая картина мира* имеет глубокие корни в древних рукописях и воплощается в рамках психосинергетики. В ней признается, что мир – это сеть саморазвивающихся и открытых систем, в которой правит хаос. Но в этом хаосе можно выделить и особым образом организованный порядок. Анализируются национальные картины мира и стиль мышления ученых в зависимости от него. Наблюдается сближение американского, западного и восточного способов мышления. Все теории признаются равнозначными, согласованными. Операции со смысловыми контекстами лежат в основе научного метода. Душа выдвигается в качестве объекта исследования. Необходимо признать, что в современной психологии неклассические, постнеклассические картины мира только оформляются.

Как отмечают ученые, в XX в. цикл жизни любого научного подхода сокращается. Новые открытия укладываются в годы жизни человека. Это обстоятельство требует от ученого навыков методологической рефлексии, которую необходимо осуществить в короткие сроки.

В этой связи, следствием гуманитаризации психологического познания становится заметным выход науки за пределы классической психологии, ограничивающей свой предмет эмпирическим определением психики как отражения реальности в качестве условия адаптации человека к ней. За рамки категории отражения психологию выводит развитие теории активности (Э.Б. Ахназаров, 2002; В.Ф. Петренко, 2002). Функционирование познавательных процессов определяется не столько

параметрами «объективной реальности», но и целеполаганием субъекта (В.П. Серкин, Ю.К. Стрелков, 2002). Эта попытка преодоления ограниченности классической парадигмы приводит к смене парадигмальных ориентиров, к постановке новых теоретических проблем. В. В. Давыдов наиболее острой из них считает проблему саморазвития человека (1998), что, на наш взгляд, является результатом реализации человеком своих возможностей и прироста потенций в процессах самореализации. Постепенный отход от европейской традиции, центральной фигурой которой является познающий индивид, а не человек со всей уникальностью его «витальной онтологии» (С.Л. Рубинштейн), не «бытийствующий человек» (В.И. Слободчиков) способствует формированию новых подходов в психологии. В отечественной философской традиции сложилось понимание человека как многомерного явления (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, М.М. Бахтин). В отечественной психологической традиции давно вызревают идеи о многомерности психологической онтологии (Б.Г.Ананьев, С.Л.Выготский, А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн, Б.Ф.Ломов), получившие развитие в трудах современных ученых (исследования К.А.Абульхановой-Славской, А.Г.Асмолова, Т.Н. Березина, Б.С.Братуся, А.В.Брушлинского, Ф.Е. Василюка, В.В.Давыдова, Л.И. Дорфмана, Г.В.Залевского, В.П.Зинченко, В.Е.Клочко, А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева, А.Б.Орлова, А.А.Пузыря, В.М.Розина, В.В.Рубцова, В.И.Слободчикова, Д.И.Фельдштейна). Следовательно, уже в лоне классической психологии зарождаются основы постнеклассической. Это же относится и к методам исследования.

Многие ученые констатируют (А.А. Калмыков, В.Е. Клочко, А.В. Юревич и др.) о «парадигмальном сдвиге» в психологии. В.Е. Клочко отмечает, что «Аристотелевское мышление остается преобладающим и сегодня» [с.32]. Однако его сменяет галилеевское мышление (первый системный уровень), которое в свою очередь снимается метасистемным. Идея заимствована из статьи К.Левина, который делает вывод, что в целом в психологии преобладает «аристотелевский» способ мышления. Одним из ограничений такого варианта развития науки является неспособность построить модели уникальных случаев с использованием понятийного аппарата и статистических методов проверки, разработанных для общих законов. Единичное при аристотелевском способе мышления всегда сводится к типичному.

С позиций аристотелевского мышления в психологии изучались познавательные процессы индивида, предметом науки являлась психика. Апогеем развития научной мысли стало диалектическое мышление. Диалектическое мышление предполагает рассмотрение предметов познания в развитии, самодвижении, изменении. Правильность понимания вещи, с позиций диалектики, заключена во всестороннем рассмотрении ее внутренних и внешних сторон, связей, отношений. В основу положен принцип объективного отражения окружающего мира, критерием истины выступает практический опыт. Опираясь на диалектический метод были построены теория деятельности, теория научения, теория функциональных систем и др.

За тем, выстроив структурные основания психики, ученые стали обнаруживать сверхчувствительные качества человека, которые нельзя было познать посредством изучения психики, а только через взаимодействие с иными феноменами. Возникла феноменология с ее созерцательным подходом к явлениям. Многие ученые не приняли эту сложную методологию, оставшись в научно-естественных границах. Тогда в качестве выхода на научную сцену вышла идея метасистем – сверхсложных систем. В ней психические явления уже проявлялись в различных плоскостях, которые строились по своим специфическим законам, но которые были порождены взаимодействиями в многомерном мире человека. Сама же система стала обладать качеством самоорганизации, самодвижению, самодетерминации. Метасистемное мышление предполагает рассмотрение недоступных непосредственному опыту качеств сложных систем. Здесь опытной проверке подвергаются не метакачества, они недоступны, а процессы взаимодействия систем, которые порождают данные качества. Отсюда как следствие – экспериментальный метод вытесняет феноменологический. Основываясь на метасистемном мышлении, построены некоторые теории личности, отдельные концепции мышления, концепции экзистенциальной психологии и др.

Современный метасистемный способ познания психологических явлений опирается на ряд инновационных идей, которые утверждаются в науке. Среди идей, претендующих на парадигмальный уровень, можно привести следующие:

- придание миру статуса субъекта,
- признание онтологичности множественности реальностей,
- представление о разуме человека как системном свойстве мироздания,
- непредсказуемость действительности, торжество хаоса,
- представление о реальности как со-бытийности человека и мира [с. 12 Калмыков].

Цели, ценности и задачи науки стали более человеческими. Нравственные вопросы незримо вошли в физические формулы и философские концепции, антропологизация науки наблюдается в последние десятилетия. «В психологии происходит переход от парадигмы отражения (психика как субъективное отражение объективной реальности) к парадигме порождения многомерного мира человека, понимаемого в качестве наиболее концентрированного показателя становления и функционирования собственно человеческого в человеке» (В.Е.Клочко).

Метасистематика появилась как результат инициативного исследования автономных и автоматических устройств, эвристических методов решения творческих задач, проблем программирования, увлечения идеями создания искусственного интеллекта и попыток переосмыслить идеи Станислава Лема, Томаса Куна и многих других известных мыслителей. Данные изменения касаются и психологии, в которой, по мнению многих исследователей, произошло появление интерпретационной парадигмы параллельно с нормативной. Новая парадигма открыла возможности для исследования социально-психологических особенностей человека как

творца своей социальной реальности []. Ж.-П. Сартр связал бытие с человеком: «бытие-в-себе», «бытие-для-себя». Основным тезисом Ж.-П. Сартра является существование предшествует сущности. «Человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется» [с. 322]. Выбирая себя, по мнению автора, мы выбираем и всех людей, поэтому мы сами ответственны за наши выборы, мы сами выбираем наше бытие. «Человек есть не что иное, как ряд его поступков, что он есть сумма, организация, совокупность отношений, из которых составляются эти поступки» [с. 332]. Проблема человека, таким образом, приобрел онтологический статус.

Сегодня этот онтологический статус приобретает новые очертания. А. Маслоу писал: «Я думаю, что сейчас у нас есть возможность приступить к формированию нового взгляда на человеческую природу как целостную, единую, сложную психическую систему» [с. 230]. «Новый взгляд на человека как самоорганизующуюся психологическую систему позволяет сформировать новые представления о механизмах его развития, становления, деформации, распада» (В.Е.Ключко,2001).

Таким образом, в современной психологии достраивается онтологическая картина мира человека. Следовательно, меняются представления на процессы трансформации менталитета человека. Метасистемный подход расширяет исследовательские возможности рассмотрения трансформации менталитета. Данный подход раскрывает межуровневые отношения между компонентами, конструктами и элементами менталитета и механизмы порождения новообразований благодаря взаимодействию с другими системами. Менталитет с метасистемных позиций становится открытой, самоорганизованной системой. Становлению *постнеклассического, системного* подхода к *менталитету* способствует развитие научного знания, выражающееся в следующих положениях:

Во-первых, в том, что проблема динамики менталитета проникает во многие разделы науки. Социология выделяет менталитет в качестве метрики цивилизационного развития. Историческая наука уделяет большое внимание рассмотрению менталитетов представителей различных эпох. Этнопсихология признает своим предметом изучения – менталитет. Статистика озадачена вопросами поиска квантификаторов, которые могли бы объективно описать ментальные структуры, соотнести с формальными моделями. Менеджмент исследует влияние и совместимость различных управленческих моделей с этническим менталитетом. Политология разрабатывает различные системы урегулирования политических конфликтов, учитывающих менталитет регионов. Тем более проблематика менталитета особенно остро стоит на современном этапе в науке в связи с функциональным кризисом, который в чем-то обусловлен трансформацией менталитета. Таким образом, проблема динамики менталитета обретает статус общей проблемы. Проблема динамики менталитета выдвигается в центр науки.

Во-вторых, возрастает дифференциация научного изучения проблемы динамики менталитета. На сегодня менталитет выделяют на уровне отдельной личности, поколений, семьи,

профессиональной группы, обществ, этносов, социума в целом, исторических эпох и так далее. Это задает многоаспектность изучения менталитета. Различные разделы науки работают над множеством аспектов динамики менталитета. Актуальной стала проблема выявления структуры менталитета, его функций, выделение свойств, специфики менталитета, его транслирования. Сама проблема динамики менталитета многосторонне рассматривается, как процессы формирования, трансформации, стабилизации менталитета.

В-третьих, в том, что обнаруживается тенденция междисциплинарности в изучении динамики менталитета. Это означает, по мнению Б.Г. Ананьева, «объединение различных наук, аспектов и методов исследования в различные комплексные системы» []. Что приводит к построению «синтетических» характеристик (Б.Г. Ананьев) динамики менталитета. Так история и психология рассматривают менталитет народов различных эпох, единым биографическим методом, выделяя коллективные представления и описывая их генезис. Социология и психология объединяют свои усилия в изучении последствий трансформации менталитета на общество, при этом психология использует социологические опросы. Экономика и психология изучают процессы глобализации и их связь с изменением менталитета, опираясь на психологические опросы и экономическую статистику.

В-четвертых, становление новой психологической парадигмы обусловлено тем, что развивается понятийный аппарат проблемы менталитета. Начало положено Платоном, который «развлек» идеи в мировом духе. За тем «дух народа», коллективные представления, коллективное бессознательное, ментальность и наконец менталитет.

В-пятых, развивается типология менталитета. Менталитет выделяется на различных уровнях, в зависимости от субъектов исторического процесса (субъекты, группы, общество, государство, социум, эпоха). Менталитет выделен: городской, провинциальный. Динамические процессы менталитета будут иметь свое своеобразие в зависимости от субъекта.

В-шестых, целая научная эпоха изучения общественного сознания и национального характера, во многом себя исчерпала, поэтому необходимо было появление нового феномена, который бы связал традиции народа и коллективные представления с меняющимся социумом, его культурой, им оказался менталитет.

Исходя из этого, мы можем, представить менталитет как метасистемное качество человека. А отсюда должна меняться методология постановки и решения проблемы трансформации менталитета. Ученые применяют методы моделирования психической реальности. Модели строятся, исходя из целостного интегрального конструкта (Артемьева, 1999). По этому, происходит развитие новой моделирующей парадигмы в психологии наряду с развиваемой аналитической парадигмой (Е.Ю. Артемьева, 1987; В.П.Серкин. В.Е.Сиротский, 1990). Сложные системы стоят в центре изучения синергетики.

Синергетика приобрела в последние годы широкую популярность в гуманитарных науках. Обозначилась линия синергетических исследований и в психологии (С.В.Харитонов, С.В.Крылов, О.В.Митина, А.О.Прохоров, И.Н.Трофимова, А.А.Митькин и др.). Паттерны синергетического мышления кардинально отличаются от классического научного мышления. Классическое мышление, по мнению Е.Н.Князевой, характеризуют следующие признаки: хаос признается деструкцией, случайности считаются второстепенными, неравновесность и неустойчивость становятся неприятностями, развитие представляет собой линейный, поступательный, безальтернативный процесс, связи характеризуются причинно-следственной зависимостью, развитие становится предсказуемым [с.104-105].

Синергетика позволяет преодолеть жесткий детерминизм в интерпретации психики человека. Дискуссии о пересмотре принципа детерминизма проходили в 60-е годы, что было обусловлено влиянием кибернетики на исследования в области гуманитарных наук. В этом смысле репрезентативной для этого исторического периода является работа Е.В. Шороховой, в которой она четко высказывается относительно того, что «жестко детерминированными являются лишь врожденные безусловные реакции, некоторые натуральные условные рефлексy, системы автоматизированных условнорефлекторных актов, сложившихся в динамический стереотип, навыки как автоматизированные системы реакций» (Шорохова Е.В., 1969). Автор называет эти ситуации исключением, поскольку психология, по ее мнению, имеет дело с вероятностными ситуациями. Предлагается введение термина психосинергетика (Крылов, 1998).

По мнению Г.А Ковалева (1993), в отличие от позитивистской парадигмы, опирающейся на жесткий детерминизм, синергетика изучает сложные, открытые системы. Данные системы представляются как саморегулирующиеся, самоорганизованные, которые открыто взаимодействуют с внешней средой. Другой особенностью данных систем является гибкость и недетерминированность иерархии структурных элементов [с.15]. Так же автор, подчеркивает, что синергетика открывает новый взгляд на принцип детерминизма, который во взаимодействии сложных систем допускает равновероятность необходимого и случайного, что лежит в основе процесса развития систем. Системы проходят точки бифуркации на границе равновесного и неравновесного состояний. Г.А. Ковалев пишет: «Если следовать логике и категориям теории систем, то можно говорить, что наше общество накануне перестройки достигло той точки бифуркации, выход из которой должен направить его на новый путь прогрессивного развития» [с.15].

Трансформацию менталитета теперь можно описать, опираясь на принципы синергетики. Как отмечает Е.Н.Князева: «Но особо ценно то, что синергетика может ставить перед психологами, когнитологами, эпистемологами новые, нестандартные вопросы, открывающие перспективные шаги исследований в специальных областях» [с. 92]. Этот процесс обусловлен тем, что психологическое

знание выходит на многомерные рубежи описания и познания сложных сверхчувственных качеств психики человека. И это обуславливает новый взгляд на феноменологию трансформации менталитета, которую нельзя многосторонне раскрыть с позиции линейного детерминизма, поскольку это приводит к ограничению феноменологического поля явления. Выделенные ранее подходы и направления акцентировали определенные стороны трансформации менталитета, но это не привело к системному взгляду на данное явление, однако была создана база для интеграции данных.

Менталитет мы понимаем как сложное качество человека, совмещенную систему коллективного субъекта. «Однако, для определения понятия «совмещенная психологическая система», введенного еще Л.С. Выготским, но до сих пор так и не обретшего конкретного психологического статуса, необходимо выйти на уровень новой методологии, более глубокой, чем классическая, основывающейся на принципе отражения. С нашей точки зрения, именно опора на принцип отражения стала причиной того, что понятие «совмещенная психологическая система» так и не заняло соответствующего места в категориальном аппарате науки» [Белоусова автореферат с.14].

После того как отечественная психология отошла от марксистско-ленинской методологии, многие ученые отнесли это явление к кризису психологии. Выход из кризиса стали искать в новых подходах к методологии (М.С. Гусельцева, П.А.Мясоед, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, А.В. Юревич и др.). А.В. Юревич провозглашает методологический либерализм в психологии. По мнению автора, психология уже научилась добывать знания, теперь необходимо ей научиться правильно их анализировать и оформлять []. Но, по мнению М.С. Гусельцевой: «...искать методологические основания следует в философии и культуре» []. Автор показывает, что отечественная психология проходит «синтетический вектор историко-научного развития...»[], когда происходит «интеграция всего диапазона исследований» []. Для автора выбор наукой методологии задается тем, как представлен мир в отечественной ментальности. Если мир представлен гетерогенно, мозаично, с большой долей неопределенности, то наиболее подходящей методологией выступает плюралистическая методология.

Современная психология, по мнению М.С. Гусельцевой, представляет собой «постнеклассическую организацию научного знания» с «постмодернистским духом методологии». В.С. Степин пишет, что постнеклассическая наука представляет собой тип научной рациональности, объединяющей науки о природе и духе. М.С. Гусельцева утверждает, что «принципиальным отличием постнеклассической науки от неклассической является ее чувствительность к контекстам, повышенная рефлексивность, учитывающая соотношенность получаемых знаний о мире не только с особенностями деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. С организационной же стороны постнеклассическая наука характеризуется ростом междисциплинарных исследований,

поскольку ее объекты по преимуществу представляют собой сложные саморазвивающиеся системы» []. П.А.Мясоедов показывает в анализе постнеклассического стиля теоретизирования, что «не само по себе психическое, а человек становится центром, целью и ценностью психологического познания» [с.16]. При этом решение основной проблемы психологии – «внутреннего и внешнего» применяется всеобщий монистический принцип. Постмодернистская методология предполагает метафоричность дискурса, синкретичность мысли, творчество терминов, стирает грани между вещами, старым и новым, низом и верхом, делает акцент на тексте.

Данная методология, по мнению В.Е. Ключко (2004) отражает все более системное переопределение предмета науки. Автор пишет: «психология обнаруживает в человеке такие многомерные пространства, с которыми ни одна наука до сих пор не сталкивалась» [с. 31]. И лишь метосистемное мышление открыло возможности для исследования сверхчувственных качеств, порожденных самой системой, обеспечивающих ее самоорганизацию. «Существуют же они как качества элементов, образующих ментальное пространство человека, чем последние и отличаются от прочих элементов среды» [с. 33].

Схожие взгляды высказывает и В.Ф. Петренко, который применил синергетическую модель самоорганизации общественного сознания для изучения динамики политического менталитета [(б)].

Сегодня одной из передовых психологических теорий, применяющих постнеклассическую методологию науки, синергетику является теория психологических систем В.Е. Ключко. **Понимая менталитет как сложную, совмещенную психологическую систему, полагаем, что теоретико-методологическим основанием рассмотрения проблемы трансформации менталитета, может стать теория психологических систем (ТПС) В.Е. Ключко.**

Для более глубокого понимания приложимости теории психологических систем В.Е. Ключко к решению проблемы трансформации менталитета рассмотрим основные ее положения и прокомментируем их:

«1. Принцип ограничения взаимодействий является в ТПС общим и базовым. Взаимодействуют только **соответствующие** друг другу противоположности. Таким образом, «психика рассматривается не как отражение объективного мира», но как инструмент, позволяющий человеку выделять из мира то, что соответствует ему в данный момент» []. В менталитете имеют соответствие образ мира и образ жизни. При трансформации менталитета изменяется только актуальная часть образа мира, то, что не соответствует измененному образу жизни коллективного субъекта. Таки образом, система менталитета не деформируется целиком.

2. «Закон **ограничения взаимодействия**, но если уж оно произошло, то происходит не только **отображение**, но и **порождение - взаимопроникновение и взаимопереход**». Обретение «объективным миром» субъективных измерений, ориентируясь на которые человек оказывается способным выделить то, что соответствует ему, то есть то, что несет на себе его субъективность,

является необходимым условием для выполнения психикой ее главной функции - быть аппаратом избирательности, «решетом, процеживающим мир» (Л.С. Выготский)» []. Трансформируясь, система менталитета приобретает новые значения в образе мира. Новые значения предметов придают новые смыслы и ценности образу жизни человека, что порождает новые формы субъектности коллективного субъекта. В новых условиях, по мнению В.Е. Ключко принцип отражения переходит в **принцип порождения**, заложенный А.Н. Леонтьевым. Суть принципа заключается в способности психологических систем порождать новообразования, которые превращают саморегулирующуюся систему в самоорганизующуюся [с. 70]. Эти новообразования не схожи с двумя противоположностями, которые ее породили. Основной детерминцией самопорождения выступает системная детерминация, включающая внутренние и внешние условия, их взаимосвязь со структурными и функциональными сдвигами в организации системы. Изменяемая реальность рождает новую картину мира, новые смыслы, новые ценности и меняет образ жизни человека, который является фундаментом человека. «Сегодняшний день научной психологии характеризуется новым переходом – от гомеостаза (саморегуляция) к гомеорезу (самоорганизация), сопровождающимся поиском системы, изучение которой позволит объяснить гетеростаз (сверхадаптивное, свободное, надсистемное трансцендентальное в поведении человека) (В.Е. Ключко, 1991, В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, 2000)» [Галажинский дисс. с. 82].

3. «Принцип **системного детерминизма**, на который опирается ТПС, снимает проблему первичности внешнего или внутреннего» []. Ни один фактор внешний или внутренний не определяет трансформацию менталитета, только система таких факторов. Принцип системной детерминации не приходит в психологию из синергетики, как считает Э.В. Галажинский. Этот принцип рождается в недрах принципа детерминизма в самой психологии в силу растущей системной организации психологии [с. 141].

4. «**Эмоционально-установочный комплекс**» (эмус), обеспечивающий единство человека, ситуации и деятельности в ней в целостной психологической системе, определяет «устойчивую подвижность» деятельности в периоды ее трансформации. Этот принцип был уже неоднократно проверен в экспериментальной обстановке и в реальной жизнедеятельности. В ТПС эмоции понимаются, как то, что обеспечивает отражение смыслов и ценностей как особых (системных, то есть «сверхчувственных» качеств предметов, их психологических качеств). Без такого допущения «смысловой и системный» характер сознания, на который указывал еще Л.С. Выготский, объяснить было бы совершенно невозможно. Если мир человека не имеет системных и смысловых характеристик, то и сознание, как системный и смысловой образ мира, невозможно. «Каков мир человека, таково и его сознание» При таком понимании сознание обретает характеристики поля в его функции дальнего действия» (В.Е.Ключко, О.Б.Шепшенко «Системная детерминация профессиональных установок в реальной жизнедеятельности» -ИНТЕРНЕТ) []. Одним из

механизмов сохранения целостности менталитета как системы является эмоционально-установочный комплекс. Каждая новая ситуация коллективным субъектом осмысливается и благодаря эмоционально-установочному комплексу оценивается как негативная или позитивная, что направляет процесс переструктурирования или сохранения в прежнем виде деятельности коллективным субъектом. Следовательно, эмоционально-установочный комплекс выступает одним из механизмов изменений менталитета.

Данные принципы теории психологических систем можно определить как частную методологию проблемы трансформации системы менталитета.

Таким образом, полагаясь на теорию психологических систем, можно реализовать постнеклассическую методологию в анализе процесса трансформации менталитета как самоорганизованной совмещенной системы. В схеме описания ментальных структур. В способах и методах аргументации трансформационного механизма. В целях и ценностях, принципах способов рассуждения. Трансформация менталитета сложный феномен, изучение которого требует применения постмодернистской системной методологии. Поскольку, сам менталитет как система является частью большой системы человека, культуры, социума. При этом получается, что систем менталитета трансформируется в рамках своей структуры и ее функциональных связей, под влиянием системных факторов и сам менталитет трансформирует некоторые внешние объекты, которые меняют социальную действительность как систему более высокого уровня.

Рассмотрев особенности системного подхода к менталитету, можем заключить, что методология его также имеет междисциплинарный характер. Как отмечает А.В. Юревич: «Любой психологический феномен практически невозможно объяснить подведением под какой-либо один общий закон, а, как правило, приходится прибегать к их комбинации» []. Динамика менталитета очень сложный объект, имеющий неограниченную степень свободы. «Возрастание свободы означает, во-первых, возрастание количества влияющих на изучаемые объекты факторов и, соответственно, необходимость привлечения большего количества законов для их объяснения, во-вторых, большую вероятность отклонения каждого конкретного объекта от общих закономерностей» [Юревич А. В.].

Обратимся к *основным общеметодологическим принципам*, из которых исходим, конструируя концепцию трансформации менталитета как самоорганизующейся, совмещенной системы человека и коллективного субъекта. *Рассмотрим следующие принципы: целостности, развития, историзма и социально-психологической специфичности, системной детерминации.*

Принцип целостности имеет очень древние корни. Еще древние философы утверждали, что мир космоса и человека едины и подчинены единым законам «Логоса». Понятие «холизм» введено Я. Смэтсом. Идее холизма противостоит идея элементаризма. Как пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер: «Сторонники холистического положения утверждают: человеческая природа такова, что поведение

можно объяснить только путем изучения индивида как единого целого. Элементалистическая позиция, наоборот, предполагает, что природа человека и поведения как ее результат могут быть объяснены только путем исследования каждого фундаментального аспекта поведения отдельно, независимо от остальных» []. Идея единения всего живого на Земле переросла в идею системности. Все процессы и состояния психики целостны и построены по единым принципам своей системы. Менталитет – продукт коллективного субъекта. Его можно выделить лишь потому, что менталитет целостен. Хотя, возможно, объяснить это свойством человеческого восприятия – оформлять образы в законченные формы. Российский менталитет – целостный психологический феномен. А это означает, что все его проявления, динамика подчинены законам целого, структуре совмещенной системе менталитета. Российские архетипы направляют потребности россиян. Потребности задают установки, которые способствуют построению картины мира и программ поведения в нем. Любые трансформации менталитета будут отражаться на всей его структуре. Рассмотрение психики человека – разбитой на отдельные части, приводит, по мнению авторов, к пустому абстрагированию. Однако, элементалисты правы в том, что научный подход должен опираться на проверяемые и элементалистические представления. Можно, полагать, что разработка любой теории начинается с элементарных представлений, а заканчивается целостным подходом, обобщающий предшествующий опыт.

Принцип развития, положенный еще Дж. Локком, с этого периода начинает признаваться психологией. «Любое явление, рассматриваемое психологом, может получить адекватное объяснение, если оно становится предметом изучения в его развитии» (А.В. Петровский).

Как пишет Ю.П. Платонов: «В мировой этнологии принято выделять два вида этнических процессов: этноэволюционные и этнотрансформационные (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев). Процесс называется *этноэволюционным* в том случае, когда при изменении отдельных компонентов этнос или какая-либо его группа, тем не менее, остаются самими собой, то есть их этническое самосознание не изменяется; при *этнотрансформационном* процессе самосознание изменяется и этническая принадлежность человека становится иной» []. Предположительно, трудно согласиться с автором, что трансформационные процессы имеют такую силу, в работе постараемся показать границы трансформации.

Менталитет как сложная психологическая система развивается и становится, а следовательно, видоизменяется, самоорганизуется. Поскольку в российской общности: сменяются поколения, меняются условия жизни, формы государственности, экономические системы, это не может не сказаться на развитии российского менталитета. Менталитет как сложное системное образование человека и коллективного субъекта видоизменяется, приобретая кризисную форму. По всей видимости, системообразующие компоненты менталитета практически не подвержены изменениям, а второстепенные – разительно изменяются. На этом основании, полагаем, что менталитет не

видоизменяется, а трансформируется. Если исходить из того, что менталитет является системой, то можно полагать, что его новообразования будут эволюционировать систему менталитета. Очевидно, что менталитет крайне сложно переходит в новую форму, так провинциальный менталитет практически не преобразуется в городской. Будут меняться внешние атрибуты – этикет, образ жизни, внешние предметы, но архетипы, ценностные установки остаются неизменными. Это выражается в том, что провинциалы, добившись успеха в городской жизни, пытаются себе вернуть сельские условия, например, дворик с садиком.

А.А. Зиновьев представляет процесс развития следующим образом: «Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем иногда так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою – противоположными. Они взаимосвязаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества» [].

Принцип историзма сильнее других принципов приближает нас к вопросу о сущности трансформации менталитета. Л.С. Выготский пояснял, что «изучать исторически что-либо – значит изучать в движении» [Т. 3. с. 62]. В социологическом словаре Коллинза «историзм» как общенаучный метод определяется как «подход к пониманию истории, подчеркивающий уникальность каждой эпохи, в которой любую ситуацию или период можно понять только в собственных условиях» []. По мнению В.Ф. Коломейцева, в основе методологического принципа историзма лежит «универсальный научный подход, сопряженный со способностью мыслить категориями времени, места и причинности» []. Отсюда следует, что закономерности развития российского менталитета заданы определенными историческими условиями. Исторический анализ предполагает рассмотреть все социокультурные и социально-психологические факторы: потребности общественной практики, идеолого-политические влияния, воздействия НТП, особенностей духовной системы общества, влияющие на динамику российского менталитета. По мнению Б.Г. Ананьева, «личность – общественный индивид, объект и субъект исторического процесса» []. Данный принцип ориентирует исследователей соотносить конструируемую форму российского менталитета с анализом процесса его развития в истории. Принцип историзма – это подход к российскому менталитету как развивающемуся во времени явлению. Отсюда, возможно, трансформацию менталитета наблюдать на разных исторических этапах развития и в конкретной исторической действительности постиндустриального российского государства найти основную логику развития российского менталитета.

Однако в науке продолжается спор о субъективности исторического познания, начатый В. Дильтеем, Т. Риккертотом, К. Поппером []. Б. Кроче писал в 1968 году: «Факт является историческим в той мере, в какой мы о нем думаем, а с другой стороны, ничего не существует вне мысли» []. Ученые утверждали, что история конструирована самими историками. Следовательно, важны концептуальные представления исследователя в установлении исторического факта, его персоны. Нам представляется данное положение достаточно необходимым, поскольку очевидно исключительно российский менталитет исследователя будет наиболее объективен к фактологии российского менталитета. «Цель науки, – писал Л. Ранке – не работа над частностями, не констатирование того, чем явления различаются друг от друга, а того, что их связывает между собой; другими словами – приведение бесчисленного множества фактов, которые мы наблюдаем, как в природе, так и в истории, в систему общих понятий» []. Исторический метод, по мнению В.Ф. Коломейцева, совпадает с общим методом научного исследования, который Ф. Энгельс определил как: «Единичность, особенность, всеобщность – вот те три определения, в которых движется все «Учение о понятии» [].

Принцип социально-психологической специфичности связан тесно с предыдущим принципом, поскольку именно историческая ситуация и история народа определяют специфику менталитета его динамику. Сущность принципа социально-психологической специфичности состоит в том, что специфичность российского менталитета задает специфика социальной общности, которая существует в очень конкретных социально-психологических условиях, обусловленных экономическими, политическими и духовными факторами. Это, в свою очередь, будет определять социально-психологическую специфичность трансформации российского менталитета. «Формирование и развитие личности определено совокупностью условий социального существования в данную историческую эпоху. Личность – объект многих экономических, политических, правовых, моральных и других воздействий на человека общества в данный момент его исторического развития, следовательно, на данной стадии развития, данной общественно-исторической формации, в определенной стране с ее национальным составом», – писал Б.Г. Ананьев []. Таким образом, специфичность, описываемая в энциклопедии как «относящийся к виду; свойственный только данному предмету, обособленный отличительный» [], понимается нами как, указывающая, именно, на российский вариант развития менталитета и его трансформацию.

Принцип системной детерминации является основополагающим принципом всей науки. Одной из главных задач данного исследования является выявление системных психологических детерминант трансформации российского менталитета.

В исследовании будем описывать внешние и внутренние детерминанты. К внешним детерминантам относим психологическую среду, психологическое поле, в котором проявляется российский менталитет. Это – переживание, отношение человека к изменениям, происходящим в

обществе. А к внутренним детерминантам относим несовпадение поступающей информации и образа мира, которая сложилась в актуальном менталитете и система архетипов. Единство внешних и внутренних детерминант, которые сходятся в системной детерминации определяют трансформацию ментальности. Я и Мир как живая система задают системную детерминацию в целом развития данной системы.

Отметим, что принцип детерминизма оспаривается многими учеными. Он исходит из парадигмы отражения психики и не позволяет решить проблему трансформации менталитета, его саморазвития. Системную детерминацию описал в психологии впервые Б.Ф. Ломов. Э.В. Галажинский пишет: «под системной детерминацией до сих пор часто понимают наиболее полный учет всех возможных детерминантов, обуславливающих возникновение, становление и развитие некоего явления» [с.136]. Исходя из историко-системного подхода В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский утверждает, что Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев понимали под системной детерминацией «множественность детерминационных воздействий», это было обусловлено тем, что в психологии предметом являлась психика. «Следующее понимание системной детерминации адекватно переходу науки на уровень ее существования в виде совокупности моносистем (психология личности, психология деятельности и т.д.). Здесь понимание системной детерминации связано с выделением системы и изучением взаимодействий внутри системы» [с. 139 Галажинский]. В такой науке предметом выступает человек как открытая самоорганизующаяся система (В.Е. Ключко).

В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский представляют системную детерминацию как рождение во взаимодействии субъекта и объекта сверхчувственной реальности, которая характеризует всю систему и является многомерной [с. 66]. При этом авторы отмечают, что «становясь суверенной личностью, обладающей всей полнотой координат многомерного мира, человек получает возможность менять образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее развитие собственного мира» [с. 67].

Проиллюстрировать это можно цитатой А.А. Зиновьева: «А в случае сложных исторических событий, представляющих собою совпадение и переплетение многих миллионов и миллиардов событий в пространстве и времени, понятие причинно-следственных отношений вообще теряет смысл. В таких случаях имеет место переплетение бесчисленных причинно-следственных рядов. Одни из этих рядов не зависят друг от друга, другие сходятся, третьи расходятся, четвертые затухают, пятые зарождаются и т.д. Индивидуальное историческое совпадение их в некотором пространственно-временном объеме само не есть причинно-следственный ряд, подобный входящим в него рядам, и не есть ни причина чего-то и ни следствие чего-то просто в силу определения. Если социальный объект разрушается внешними силами, но сохраняются образовывавшие его люди и условия их выживания, то из остатков объекта в случае надобности возникает новый объект, максимально близкий по социальному качеству к разрушенному. Происходит это в силу законов

регенерации, о которых я упоминал мельком выше: люди восстанавливают то, чему обучены, что способны делать» [].

Методологические проблемы напрямую связаны с методическими проблемами исследования трансформации менталитета. По мнению Г.М.Андреевой (1999) психология больших групп больше всего отражает социологические аспекты социальной психологии. По этому, на сегодня в изучении феноменов больших групп применяют социологические, этнографические и психологические методы. При этом автор подчеркивает, что нельзя упускать социальный контекст, в котором феномены больших групп формируются. Наибольшее распространение получил сравнительный метод.

Основным методом, который поможет решить проблему раскрытия механизмов трансформации менталитета является метод реконструкции феноменов данного процесса. Поскольку можно воспроизвести менталитеты прошлых десятилетий и настоящего времени, но не известно, что находится в промежутках между ними. При этом мы будем исходить из теоретико-методологического основания теории самоорганизованных психологических систем В.Е. Ключко.

Трансформационные процессы менталитета можно изучать опосредованно через трансформации других образований. Это уже использовали А.М.Эткинд (1984) описывая трансформации эмоций через трансформации когнитивного образа, Д.А. Леонтьев (1988) изучая трансформации смыслов, Л.Я. Дорфман (1997) измеряя материальные модели эмоциональных представлений через трансформации музыкальных текстов, А.К. Белоусова (2002), исследуя самоорганизацию совместной мыслительной деятельности через трансформации ценностно-смысловой ситуации.

Что касается экспериментальной части работы, то мы исходили из экспериментального плана ex–post–facto (В.Н.Дружинин, 2003). Который предполагает, что менталитет определенных групп уже сложился, и они будут сравниваться с группами, у которых новый менталитет только формируется.

Выводы:

1. Теоретико-методологической предпосылкой становления представлений об изменении менталитета явилась понимающая методология исследователей XIX века, когда ученый выступает и субъектом и объектом исследования.

2. Поставленный в середине XX века вопрос о ведущей методологии в исследовании менталитета, не потерял свою актуальность. Основными ограничениями классической методологии рассмотрения изменяемых феноменов в философии выражались в следующем: монологичность авторской позиции, линейный детерминизм, объектный подход к явлениям, закрытость вопросов кризисной коммуникации, представление о линейном транслировании опыта и т.д. Это и определило

постановку задачи – построения новой методологии изучения изменяемых феноменов. Одним из вариантов такой методологии является «масочная» методология, позволяющая подойти к проблеме трансформации менталитета с трех позиций: стороннего наблюдателя, участника событий, синергетики, теории психологических систем В.Е. Ключко. Таким образом, данная методология предполагает «внезаходимость» исследователя относительно рассматриваемых проблем.

3. Основным методом в классической методологии признавалось описание феноменов, опирающееся на классификацию и систематизацию. Современная наука переходит к постмодернистской методологии, основанной на контекстах, характеризующаяся междисциплинарностью, метафоричностью дискурса, актуальностью не классификаций, а сетей и др. однако новая методология не в достаточной степени операционализирована, что затрудняет ее использование. Эти новые методологические основания отвечают становлению менталистской парадигмы (Б.С. Гершунский).

4. Развитие современной научной мысли позволяет выделить становление новой менталистской парадигмы, которая обосновывается тем, что проблема динамики менталитета проникает во все области знания, возрастает научная дифференциация изучения динамики менталитета, развивается интеграция знаний развития менталитета, развивается понятийный аппарат.

5. Основным теоретико-методологическим основанием проблемы трансформации менталитета выступает ТПС В.Е. Ключко. Данная теория опирается на следующие представления: представление о человеке как многоуровневой системе (уровень телесности, личностный и психологический); представление о взаимодействии человека и мира результатом чего является возникновение новообразований, заключенных в многомерности психологического мира человека (А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев), при этом уровень телесности живет по принципу гомеостаза, уровень личности существует по принципу гетеростаза, психологический уровень определяет принцип гомеореза (В.Е. Ключко, 2000); представление о том, что сложные качества человека выявляются при взаимодействии других систем; представление о том, что сущностными для человека выступают отношения: к себе, к другим, к миру.

Это позволяет сформулировать основные общеметодологические принципы концепции трансформации менталитета: принцип целостности, принцип развития, принцип историзма, принцип социально-психологической специфичности и принцип системного детерминизма. И также можно сформулировать частные методологические принципы теории психологических систем: ограниченного взаимодействия, заключающийся в том, что взаимодействуют соответствующие надсистемы, системы и подсистем менталитета; порождающего взаимодействия системы менталитета, когда трансформация системы менталитета будет продуцировать новообразования,

развивающие систему человека и мира; интегративного механизма эмоционально-установочного комплекса, который сохраняет целостность организации совмещенной системы менталитета.

Изложив основные методологические принципы в исследовании самоорганизации системы менталитета, можем переходить к вопросу непосредственного описания системы менталитета.

2. Организация менталитета как совмещенной психологической системы

2.1. Менталитет – совмещенная психологическая система

Закономерности трансформации менталитета, пространства его феноменологии обусловлены системной детерминацией. И для их описания необходимо обратиться к системе самого менталитета и внешним системам, определяющим его функционирование.

Укрепившийся со второй половины XX века системный подход признает, что любой объект научного исследования может быть рассмотрен как особая система [Садовский]. Полагая, что менталитет система, основной акцент в исследовании будет сделан на анализе целостных интегративных свойств менталитета как объекта и выявлены его различные связи и структуры. Существует большое разнообразие форм анализа системности и велика сложность системных методов исследования. Учитывая, что предметом исследования для нас выступают процессы трансформации системы менталитета, то будем исходить из системного подхода, раскрывающего особенности динамических систем [В.Н. Костюк]. Поскольку менталитет является конструктом, а к описанию сложных объектов ученые применяют системный анализ, то и для описания менталитета используем системный анализ.

Определимся с понятием «система» менталитета. Прежде всего, наиболее большое распространение получило представление о системе как множестве взаимосвязанных элементов, выступающем как определенное целое []. Включая в систему менталитета различные элементы: установки, стереотипы, ценности и др., многие авторы упрощают представления о системе менталитета. В этом случае не возможно определить конечное число элементов, которые может включать система менталитета. А, включая в менталитет все большее число элементов, совершенно размывается тот основополагающий принцип, который и будет держать данную систему как целое образование.

Однако можно выделить преимущества определения системы менталитета как множества, которое учитывает каждый элемент системы, определяется его место в целом. Так система архетипов как одна из составляющих системы менталитета определена на глубинных уровнях менталитета и выполняет базовую, стабилизирующую и сохраняющую функции культурной памяти социокультурной группы. Еще важным преимуществом данного аспекта рассмотрения системы менталитета является то, что свойства менталитета как целого определяются не только свойствами входящих в него элементов, сколько свойствами его организации, интегративными связями. Следовательно, между составляющими элементами системы менталитета существуют связи, особенные взаимодействия. Так образ мира системы менталитета задает определенные ценностные ориентации группы и наоборот, ценности корректируют входящую информацию в ходе построения образа мира.

Существуют взгляды, которые понимают систему менталитета как неделимую, не имеющую частей целостность [В.А. Шкуратов]. В данном случае система менталитета действует как один единый объект, взаимодействуя сам с собой и окружающим миром. Данный взгляд затрудняет понимание связей системы менталитета с другими психическими явлениями, но акцентирует вопросы существования менталитета в сложной окружающей среде. Также такое понимание затрудняет возможности анализа изменений структурных элементов системы менталитета, при его изменении, поскольку ее нет. Между такими крайними позициями в определении системы менталитета имеются промежуточные подходы.

М. Месарович [Садовский] определяет систему как отношение, определенное на множествах значений атрибутов рассматриваемых объектов. Применение отношенческого подхода к описанию взаимосвязей элементов системы менталитета довольно актуально и прогрессивно. Система менталитета отражает отношения группы к иным группам, качества которых подвергаются анализу, интерпретации и принятию или отторжению в ходе взаимодействия. Восточный менталитет определяют неповторимые аксиомы [] в жизни человека: уважение старших, второстепенная позиция женщин, воинственность, протяженность времени и т.д. Данные аксиомы и есть система отношений к миру, что весьма напоминает позиции по Э.Берну – я + мир +, я – мир – и другие []. Таким образом, вся система менталитета выражает определенные отношения к миру. Данной позиции противостоит А. Энгайл, который пишет о бинарности отношений как системы. Мы полагаем, что такой подход является неправомерным, поскольку система может иметь неограниченное число отношений. Хотя автор сам себе противоречит, поскольку полагает, что система как целостность включает неопределенное число элементов, следовательно, не только бинарные отношения могут быть, но и множественные. Таким образом, мы опять пришли к вопросу множественности системы.

Ряд авторов не принимают идею системы как множества. Э.Р. Раннап и Ю.А. Шредер утверждают, что поскольку элементы системы не даны заранее для системы, то система строит свои элементы в процессе членения, а отсюда следует, что система это не простое множество элементов. Каждая система допускает свое членение элементов. Система, таким образом, – это класс множеств. С данной позицией соглашается большинство авторов. Менталитет как система может включать следующие множества: компоненты, конструкты, элементы. Опираясь на представления В.Н. Садовского, система как класс множеств, включает разные подклассы, с набором соответствий для каждой пары множеств, взятых как из одного подкласса, так и из разных подклассов [с.105]. Репертуары поведения группы ограничиваются определенным образом жизни. Например, сельские жители здороваются с каждым прохожим, а городские – полагают, что это проявление навязчивости. В науке были выделены различные типы плотности связей множеств элементов – прямая, непосредственная, опосредованная, косвенная, обратная, параллельная и т.д. Так в определенных

ситуациях мы можем наблюдать поведение представителей группы, заданное его диспозициями, что можно характеризовать как прямую связь. В некоторых ситуациях заданных случайными, трудно вычленимыми факторами, можно наблюдать обратную связь между элементами системы (поведение – диспозиции).

В литературе встречаются подходы к системе, отражающие ее динамику. В.Н. Волкова представляет систему следующим образом:

$$S_{\text{def}} = \langle Z, \text{STR}, \text{TECH}, \text{COND} \rangle,$$

где $Z = \{z\}$ – совокупность и структура целей;

$\text{STR} = \{\text{STR}_{\text{пр}}, \text{STR}_{\text{орг}}, \dots\}$ – совокупность структур, реализующих цели; $\text{STR}_{\text{пр}}$ – производственная, $\text{STR}_{\text{орг}}$ – организационная и т.п

$\text{TECH} = \{\text{meth}, \text{means}, \text{alg}, \dots\}$ – совокупность технологий (методы *meth*, средства *means*, алгоритмы *alg* и т.п.), реализующих систему;

$\text{COND} = \{\varphi_{\text{ex}}, \varphi_{\text{in}}\}$ – условия существования системы, т.е. факторы влияющие на создание и функционирование (φ_{ex} – внешние, φ_{in} – внутренние) [с.19].

Представив менталитет как данный вид системы, возникает вопрос – какова *цель* менталитета как системы, очевидно поддержание определенной специфичности в проявлениях, понимании и видении мира человеком и коллективным субъектом. Данная специфичность может быть обеспечена определенным согласованием между структурами системы менталитета. Менталитет включает следующие структуры: архетипы, стереотипы восприятия, стили мышления, стереотипы поведения, образ мира, образ жизни. Поиск соответствия может стать одной из тех технологий, которая реализует систему. Условия существования менталитета – это реальность мира, которую способен выделять индивидуальный и коллективный субъект в реализации проекта своей жизни и превратить в действительность, встроившись в него. Условием порождения системы менталитета является «коллективность». Именно индивидуальный и коллективный субъект, проявляя и направляя, свою субъектность, в процессе взаимодействия с другими субъектами и миром, может породить менталитет. Таким образом, менталитет – это психологическая система.

Менталитет является продуктом целостной системы человека и коллективного субъекта и проявляется в различных сферах бытия человека и его групп, из этого может следовать, что менталитет – сложная система. Менталитет как сложная психологическая система обладает самодетерминацией. Сущностной характеристикой человека В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев считают «субъективный мир». Он определяет специфику человека и обуславливает его поведение. Мы понимаем менталитет как систему, которая выступает подсистемой человека как открытой, самоорганизующейся системой. Человек как система обладает способностью к инициативному, надситуативному, внеадаптивному поведению, а именно самоорганизации. Поэтому и менталитету как психологической системе, обусловленной системной детерминацией, присущи данные

характеристики, что определяет ее самоорганизацию. Но ни самим по себе, а как подсистемы человека. «Подчеркнем еще раз, самостоятельность имеет только человек, а его подсистемы являются не чем иным, как тем, что обеспечивает этот выход, обуславливает качественные особенности его (степень открытости, например), направленность и избирательность взаимодействия со средой» [с. 140 Галажинский дисс.].

Область проявления системы менталитета достаточно обширна, начиная от бессознательных составляющих психики отдельного человека, до сложных процессов коллективного субъекта. Поэтому мы определяем целостное пространство бытия менталитета. В науке приняты следующие аспекты системного описания явлений [В.А.Ганзен]:

- 1) Субстанционально-атрибутивный;
- 2) Функционально-структурный;
- 3) Стато-кинетический;
- 4) Активно-реактивный;
- 5) Эволюционно-экологический.

Будем придерживаться данных воззрений. Субстанцией менталитета является часть общественного сознания. Пространство сознания В.А.Ганзен, Л.А.Гостев (1993) разделяют на следующие **субстраты**: супраментальное, отвечающее за многообразие проявлений глобального сознания; ментальное, отвечающее за процессы познания мира, осмысления и вербализации; физическое, отвечающее за функционирование организма; витальное, отвечающее за чувственное и эмоциональное. Исходя из данной схемы описания индивидуального сознания [], менталитет относится к актуальному, ментальному сознанию. Он представлен ментальным субстратом. **Атрибутом** ментального является мирозерцание – осмысление и вербализация. Носителем менталитета является индивидуальный и коллективный субъект. Атрибутом супраментального является надсознание с носителем – индивидуальность, витального – самосознание с носителем личности, физического атрибут – подсознание с носителем индивидом. Следовательно, схема носителей такова: индивидуальность, индивид, личность и субъект. Из этой схемы следует, что менталитет с его носителем субъектом более позднее эволюционное образование. А это может означать, что менталитет не простая система, а самоорганизующаяся, так как только на более поздних ступенях развития человечества возникают сложные образования. Также менталитет в своих проявлениях образует пространство менталитета. Исходя из вышеизложенного, можно полагать, что пространство менталитета находится между физическим, витальным и супраментальными пространствами. Эти пространства проникают друг в друга.

Области проявления данных пространств является жизнь человека, человеческого общества. Общество главный ведущий институт проявлений менталитета, объединяющий людей. Также значимым институтом менталитета являются религиозные институты. Они представляют собой

самую первую форму разделения людей по религиозным основаниям. Именно они породил деление людей на кланы, касты и в итоге на этносы. Этнос еще один институт, объединяющий людей по этническим признакам, которые выражаются в менталитете. Другие социальные объединения, которые мы обобщили понятием социум, также являются институтом менталитета. Объединенные в данных институтах субъекты проявляют в общении, деятельности и жизнедеятельности характерные религиозные, национально-психологические и социально-психологические особенности, которые являются закрепленными, доминирующими в различных этносах и социальных группах.

Субъектами менталитета выступают устоявшиеся социальные большие группы. Временные объединения, субкультуры не порождают менталитет, поскольку у них нет сильного социального ядра, они временны. Они являются промежуточным звеном от небольших социальных групп до больших социальных групп.

Обобщая теоретические исследования многих авторов [], возможно следующим образом определить место менталитета среди иных психологических явлений, положение системы менталитета пограничное между надсистемами религиозных особенностей, национально-психологических особенностей и социально-психологических особенностей. Сам менталитет является надсистемой образа мира (объединение религиозного образа мира, национального и социального образа мира) и образа жизни. Менталитет выступает подсистемой системы человека, слоем обыденного сознания.

Менталитет как атрибут коллективного субъекта имеет «границы, которые образуют объекты для данного субъекта, при этом границы объектов могут изменяться по отношению к субъекту, образуя и обеспечивая реальное поле его жизнедеятельности» [И.Г. Петров с. 116]. Поле жизнедеятельности коллективного субъекта многослойно и включает поле менталитета, ограниченное в пространстве менталитета.

Поле менталитета граничит между мифологическим полем, «этническим полем индивида» (Л.Н. Гумилев) и социальным полем (К.Левин). Мифологическое поле объединяет домыслы, мифы различных народов (А.М. Лобок). Этническое поле по Л.Н. Гумилеву – это поле активности и поведения членов этнической группы. Социальное поле по К. Левину содержит события прошлого, настоящего и будущего. Э.В. Сайко определяет Социальное как «Субстанция–Субъект–Социум в качестве носителя социальной эволюции» [с. 40]. Т.е. культурные константы накладываются на социальные нормы, совмещаются.

Мы, полагаясь на теорию психологических систем В.Е. Ключко, определяем ведущей закономерностью **становления системы** менталитета – **соответствие** ее составляющих. Таким образом, система менталитета находит соответствие между своей организацией и внешним миром. Соответствие находит выражение в совмещении психологической системы менталитета.

Как пишет Д.М. Жилин, «чтобы совокупность стала системой, у нее должно возникнуть интегративное свойство» [с. 83]. В.П. Серкин утверждает, что системное качество присуще системе в целом, но не свойственно отдельно ни одному из входящих в нее элементов. Различные авторы выделяют данное свойство исходя из различных критериев. Полагаясь на феноменологию менталитета можно предположить, что **интегративным свойством системы менталитета является совмещение внешней информации и культурного образа мира и образа жизни**. На входе системы менталитета образ мира человека, на выходе – образ жизни, все культурные артефакты социальной группы, объединяющей коллективного субъекта.

В современном толковом словаре русского языка слово «совместить» означает достичь совпадения во всех точках при наложении. От этого слова и происходит однокоренное слово «совмещенный». Слово же «совместный» означает осуществляемый вместе с кем-, чем-либо, общий. Видим, что понятия эти разнятся. В нашем психологическом понимании совмещение не бывает полным в силу того, что объекты, субъекты не могут быть полностью идентичными друг другу, иначе тогда стираются все грани различий взаимодействия.

«Общая психологическая ситуация представляет собой совмещение ценностных, смысловых, предметных содержаний общего участка реальности и действительности, являющегося актуальным совмещенным сектором жизненного мира участников» [Белоусова с.97] совместной мыслительной деятельности. Такое представление совмещенности мы берем за основу. Однако, мы попытаемся его расширить. **Совмещенность менталитета может выступать и как свойство менталитета, и как процесс и как состояние**. Совмещенность возникает в системе менталитета в ситуации, когда организуется совместный процесс коллективного субъекта с кем-либо. Совмещенность присуща и структуре менталитета, когда совмещаются ее компоненты, конструкты и элементы. В этом случае, совмещенность является свойством менталитета. Но при этом хотим отметить, что это **совмещение не строго фиксирует положение совмещающихся элементов. Допуская матричную структуру менталитета, предполагаем, что элементы данной матрицы могут соединяться на разных уровнях в различных сочетаниях, нарушая какие бы то ни было субординационные связи**. Когда речь идет о процессе совмещения, то понятно, что человек не сразу входит в состояние совмещения, он проходит, проживает определенные этапы. Совмещенность как состояние переживается субъектами как чувство единения, общности мыслей и чувств. Когда человек, принадлежащий какой-либо группе, чувствует привязанность к ней, может быть даже преданность, его переполняет чувство единения с группой, то в этом случае мы говорим о совмещенности как о состоянии.

Данное интегральное свойство менталитета, исходя из его структуры, предполагает **шесть форм совмещенности менталитета**. Формы совмещенности менталитета: 1) на уровне надсистем, 2) на уровне динамических и статических компонентов менталитета, 3) на уровне конструктов

менталитета, 4) на уровне элементов – значения, смыслы, ценности, 5) на уровне подсистем, 6) на уровне всех форм совмещения.

Надсистемами менталитета является система религии, этноса и социума. Влияние этих надсистем на жизнедеятельность коллективного субъекта различно. В процессе развития коллективного субъекта эти системы являются то доминантными, то субдоминантными. Когда надсистема находится в доминантной позиции, она структурирует определенные значения, смыслы и ценности в ментальном пространстве менталитета. Что и является **первой формой совмещения** этих элементов в менталитете на уровне надсистем. **Второй формой совмещения** является совмещение показателей динамических и статических составляющих компонентов менталитета. Например, в когнитивном компоненте менталитета статичной составляющей являются стили мышления, динамичной составляющей являются значения образа мира коллективного субъекта. Изменения в значениях образа мира приводят в активность определенные стили мышления. Совмещение их различно в менталитетах многообразных коллективных субъектов.

Третьей формой совмещения является определенное сочетание конструкторов менталитета, которое тесно связано с предыдущими двумя формами. Когда коллективный субъект имеет коллективистическую направленность, то это определяет совмещение следующих конструкторов: этические нормы коллективности с приоритетом группы над личностью; временной перспективой на прошлое; коммуникация построена на конформизме; рисковость средняя; преобладает контекстность в интерпретации явлений; стремление к коллективным достижениям.

Наконец **четвертой формой совмещения** является совмещение пространства, времени, значений, смыслов, ценностей отдельных субъектов, определяющих свой менталитет. В данной форме совмещения преобладание определенных элементов менталитета определяется большинством субъектов. Данное совмещение элементов менталитета позволяет выделять группы населения, которые по-разному оценивают мир. Это наглядно демонстрируют исследования В.Ф. Петренко. Он выделил, например, четыре типа групп людей, которые оценивали отношение к настоящему и прошлому России [с. 390–391]. Именно в этих типах можно выделить определенные совмещения значений, смыслов, ценностей, в определенных временных и пространственных рамках. Противники реформ характеризуются категоризацией мира, исходящих из понятий всеобщей справедливости и равенства. Смыслы свои определяют как цели построения светлого будущего. Негативно оценивают настоящие реформы в стране, как разрушающие. В системе ценностей этих людей преобладают ценности семьи, дружбы, единства с обществом.

Пятая форма совмещения – это сочетание определенного образа мира и образа жизни коллективного субъекта. Сочетание их производится посредством менталитета. Образ мира и образ жизни совмещены между собой с системой менталитетом. Образ мира входит в когнитивный компонент менталитета и одновременно выступает его подсистемой. Образ жизни совмещает в себе

менталитет. «Входя составной частью в образ жизни, менталитет в его означенном нами смысле как бы достраивает этот образ жизни в качестве совокупного материально-духовного образования» [Егоров В.В. с. 60]. В диссертации Ю.В. Ключко показано как взаимовлияют друг на друга, совмещаются образ жизни человека и его ценностно-смысловая составляющая образа мира [с.21].

Шестая форма совмещения представляет собой совмещение всех этих форм между собой в менталитете, по принципу системной детерминации и построению структуры матрицы.

Таким образом, **совмещенность представляет собой системное единство составляющих системы менталитета, а именно структурную и функциональную их согласованность в определенных временных, пространственных и ситуативных рамках.**

В качестве совмещенности менталитета соединились особенности его как совмещенной системы – динамичность, самоорганизация и целеустремленность. Динамичность отражается в самой возможности совмещать, а именно переструктурировать составляющие, образовывать различные конфигурации и сочетания элементов, компонентов, конструктов. Самоорганизация в совмещенности отражается в том, что при переструктурировании составляющих менталитета меняется не только структура, функциональные связи в системе менталитета, но и вся его организация на уровне надсистем, подсистем и внутренней системы. Целеустремленность совмещенной системы менталитета заключается в том, что он направлен на одну цель приведения метасистемы менталитета как совмещенной из неравновесного состояния, когда организация его нарушена, в равновесное состояние. Исследователи показывают [], что системы в большей мере пребывают в неравновесном состоянии, и кратковременно находятся в равновесном.

Проживание людей на одной территории, национальная принадлежность, общее пространство взаимодействия, общие жизненные ситуации объединяют людей по признаку менталитета. Какова основа этого совмещения? Что объединяет людей? Можно выделить единение на основе духовного и бытийного единения. Менталитет – это еще одна форма со-бытия людей. Менталитет как совмещенная психологическая система совмещает со-бытия каждого ее носителя с другими. Этому мы находим подтверждение в классических работах. «М. Хайдеггер однажды заметил, что человек есть не только «бытие-в-мире» (*Das-sein-Welt*), но что он, главным образом, есть «бытие-с-другими» (*Mit-anderen-Sein*). Общительность, общность являются сущностным атрибутом человека. Он по самой своей природе есть «бытие-для-других»» [Слободчиков, Исаев с. 12]. Ж.-П. Сартр пишет: «Другой необходим для моего существования, также как, впрочем, как и для моего самопознания...открывается целый мир, который мы называем intersубъективностью. В этом мире человек и решает, чем является он и чем являются другие» [с. 334]. М.М. Бахтин видел единство на основе единой истины: «единая истина требует множественности сознаний, что она принципиально не вместима в пределы одного сознания, что она, так сказать, по природе с о б ы т и й н а и рождается в точке соприкосновения разных сознаний» [с. 63]. А. Маслоу выделял «потребность в

сопричастности, включающей в себя потребность в общности, во взаимозависимости, в семье, в дружбе, в братстве» [с. 245]. В.Е. Ключко полагает, что человек как психологическая система «выступает не в противопоставление объективному миру, а в единстве с ним, в своей продленности в ту часть этого мира, которая им «освоена», т.е. имеет для него значение, смысл, ценность» [(с) с. 109].

В этом заключается существование менталитета как совмещенной системы – это совместное со-бытие в мире с другими и с миром. А.Н. Леонтьев выводил возникновение сознания из совместной деятельности людей. Совместная деятельность, в которой совмещаются цели, мотивы, действия и ее результаты не может быть просто отнесена к совмещенности людей посредством менталитета. Не всегда деятельность объединяет пенсионеров, молодежь, этносы, религиозные группы, которые являются носителями менталитета. Хотя в любой системе можно выделить цель [], но будет ли это цель системы менталитета, а не, например, цель системы этноса. Поэтому, опираясь на идею о совмещенном бытии, мы полагаем, что именно значения, смыслы и ценности и будут выступать совмещающим началом в менталитете. Именно объединение людей на основе единых значений, смыслов и ценностей будет позволять нам выделять у данного коллективного субъекта менталитет как совмещенную систему. При чем объединение значений, смыслов, ценностей не будет никогда полным. Как известно из исследований [] смысловые поля никогда полностью не совпадают у партнеров по общению. Тоже можно сказать и о ценностях и значениях. Иначе мы нивелировали бы индивидуальность людей. Однако многое в них у представителей одного менталитета совпадает.

Для доказательства данного положения о совмещенности в менталитете коллективного субъекта значений, смыслов и ценностей будем опираться на работы современных исследований.

Обратимся к анализу значений В.П. Зинченко []. Все виды значений связаны друг с другом. Наиболее ранние образовались операциональные значения, которые связаны с биодинамической тканью движений, действий. Предметные значения появились позже и связаны с чувственной тканью образов. Самые поздние образования – это вербальные значения.

В монографии О.А. Корнилова [] показано, что все вербальные значения хранятся в виде матриц языка в национальных языковых картинах мира. Языковая картина мира «всегда субъективна, ...фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка» [с.15]. Языковая картина мира «воспроизводит в коллективном сознании языкового социума обиходного, приблизительного представления о той или иной части окружающего мира» [с. 42]. Фундаментальные знания по медицине, математике, ботанике и др. были изложены на латинском языке, но постепенно, по мнению О.А. Корнилова получили свои национальные эквиваленты. Языковые воплощения тех или иных значений имеют яркую национальную выразительность. «Эксплицированность в каждом

конкретном термине одной из всех возможных характеристик научного понятия – это проявление национального способа видения мира» [с. 49]. Так автор предлагает многочисленные примеры таких переносов научных понятий в национальный обиход – «жук (1) (насекомое) → жук (2) (ловкий человек, плут)» [с. 53].

«Мы проникаем в образ мышления нации, в ее способ видения мира, понимаем особенности менталитета носителей данной культуры и данного языка, только познав план содержания этого языка» [с. 78]. Если в российской культуре медведь ассоциируется с умением найти мед, то с позиции лингвистики это означает, что «лексические значения слов, называющих этих животных, включают в себя эту информацию» [с. 84], т.е. медведь ведает, где находится мед. Это элемент языка получил название в науке коннотативный элемент значения слова. Именно он и труден для познания иностранцев.

В языковых значениях отражаются различные отношения, принятые в национальной группе. О.А. Корнилов приводит пример, что на Кубе молодые моряки в слове море используют артикль мужского рода, а пожилые моряки артикль женского рода, поскольку для молодых море – это опасный противник, для пожилых – море это источник жизни. Таким образом, для автора языковые картины мира, значения, которые в них воплощены, являются производными национального менталитета. «Обрастая значениями языка, расширение или сужение первоначальной невербализованной идеи – вот та печать, которую язык накладывает на мышление» [с. 121]. Различные группы, коллективные субъекты имеют специфический набор вербальных значений.

Вербальные значения связаны со смыслами (А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко). «Смысл по своей природе комплиментарен: он всегда смысл чего-то: образа, действия, значения, жизни...Из них он извлекается или в них вкладывается» [с.24]. «Сознание есть не только знание, но и отношение» [В.П. Зинченко с. 22]. Именно благодаря значениям и смыслам сознание индивидуальное приобщено к общественному сознанию, к культуре. В.П. Зинченко отмечает, что существует избыточное поле значений и избыточное поле смыслов. «Именно в месте встречи процессов означения смыслов и осмысления значений рождаются со-значения (термин Г.Г. Шпета)» [с. 23]. А из этого следует, что в акте общения происходит рождение близких по значению смыслов и близких по смыслу значений, которые и есть совмещенное пространство менталитета. В действиях, образах, значениях культура встречается с коллективным субъектом, который придает им смысл в контекстах транскомуникации.

Связующим началом для бытийного и рефлексивного слоев сознания, по мнению В.П. Зинченко является «социальное (совокупное) предметное действие», в котором заложен культурно-исторический генетический код. «Эта же общность лежит в основе взаимных трансформаций компонентов (образующих) сознание не только в пределах каждого слоя, но и между слоями» [с.28].

«Мир человеческих ценностей, переживаний, эмоций, аффектов соотносим со смыслом как следующей образующей рефлексивного слоя» [с. 28]. Действительно объединяющим, совмещающим элементом менталитета являются ценности коллективного субъекта. Они выступают сначала как индивидуальные ценности, но, постепенно совмещаясь, образуют «ценностно-ориентационное единство» по А.В. Петровскому []. Однако заметим, что такое единство ценностей, которое основано на совпадении оценок, позиций и ценностей, А.В. Петровский описывал для коллектива. Можем ли мы переносить данный феномен на коллективный субъект менталитета, а именно большие социальные группы? Думаем, что возможно, поскольку в большой группе все равно выделяются небольшие группы, которые определяют данное ценностное единство и несут его остальным членом большой группы. Таков путь трансляции ценностей.

Таким образом, в системе менталитета как совмещенной системе можно выделить зоны совмещения значений, смыслов и ценностей. **В силу того, что пространство проявления менталитета неоднородно, поскольку представлено различными менталитетами, то будут выделяться области пресечений и не пересечений значений, смыслов и ценностей представителей различных менталитетов. Также в самих системах ценностей, смыслов и значений будут актуализированы области, востребованные коллективным субъектом и не востребованные.**

Менталитет как совмещенная («утроенная») система находится между тремя **внешними системами**: религии, этничности и социума, совмещая их. То есть, он лежит на пересечении этих трех систем, полностью не встраиваясь ни в одну, ни в другую. Но объединившись менталитет, религию, этничность и социум также составляют систему более высокого порядка. Опираясь на воззрения А.И. Умова [Проблемы методологии системного исследования, 1970, с.41], который выводит, что одни и те же вещи могут образовывать систему при одних отношениях и свойствах и не образовывать ее при других. Данное свойство системы получило название – относительность системы. А отсюда можно сформулировать *гипотезу: предполагаем, что в различные пространственно-временные перспективы развития коллективного субъекта в проявлениях менталитета превалирует, то внешняя система религии, то внешняя система этноса, то превалирует внешняя социальная система, когда национальность чаще нивелируется в силу мультикультурности современных обществ, что по особому совмещает ценности, смыслы и значения в структуре менталитета.* То есть каждый раз менталитет поворачивается, то одной, то другой гранью в развитии коллективного субъекта.

Религиозные составляющие – это те верования, которые приняты определенной группой людей. Люди наделяли предметы особыми магическими свойствами. Создавались мифы о богах, героях и др. Это структурировало их жизнь, восприятие мира, задавало перспективы жизни.

Национально-психологические особенности – это проявления этничности в психологии определенных групп людей. В.Г. Крысько, А.А. Деркач выделяют: когнитивные, мотивационные, эмоциональные, коммуникативные и др. национально-психологические особенности []. Они влияют на менталитет, подчеркивая его национальное своеобразие. Если мы акцентируем этничность в психологии человека и его поступках, то говорим о проявлениях этнического менталитета. Он выражается в этническом своеобразии менталитета: в этническом образе мира, этническом образе жизни, этническом своеобразии коммуникации, характерном для группы стиле мышления и системе архетипов (отношение богов и матери, отца, правителей, героев и др.).

Социально-психологические особенности личности в группе определяются (Г.М. Андреева, М.Р. Битянова, Н.Н. Богомолова и др.): статусом, позициями в общении, ролью, стилем взаимодействия, стереотипами восприятия, социальными установками и другими, безусловно, эти особенности также в свою очередь обуславливают социальный образ мира, социальный образ жизни, стили коммуникации и систему архетипов (социальную иерархию архетипов) в менталитете. Это микроуровень анализа менталитета. На макроуровне можно выделить социально-психологические особенности коллективного субъекта (социальную группу со всеми ее социальными атрибутами). Коллективный субъект в определенное историческое время имеет определенный социальный статус в обществе среди других коллективных субъектов, позицию в определенных вопросах, играет определенные социальные роли в социальных процессах, характеризуется преобладающими стилями коммуникации, влияющими на их образ мира и образ жизни, стили мышления и фиксированную систему архетипов.

Каждая из перечисленных надсистем менталитета порождает в менталитете систему значений, смыслов и ценностей, которые отражаются в специфичных образах мира и воплощаются в специфичном образе жизни. Значения, смыслы ценности составляют ментальное пространство, которое выделяется при совмещении религиозного, этнического и социального полей.

Внутреннее совмещение менталитета заключено в приведении в соответствие подсистем образа мира, образа жизни и его надсистем религиозных, социальных, этнических групп. Образ жизни имеет следующие показатели: условия социальной жизнедеятельности людей, социально-психологические характеристики жизнедеятельности, отношения субъектов образа жизни к условиям и характеру своей жизнедеятельности [Ануфриева, Головаха]. Образ мира представляет собой образы ценностно-смысловых структур коллективного субъекта, представления о мире и мира и образы ситуаций и особенностей поведения в них. Условия социальной жизнедеятельности людей в нетрансформированном менталитете сочетаются с образами ситуаций периферии образа мира. Социально-психологические характеристики жизнедеятельности сочетаются с представлениями образа жизни. Отношения субъектов образа жизни к его составляющим сочетаются

с ценностно-смысловыми составляющими образа мира, влияющими на оценки и интерпретации человека. Нарушение данных совмещений, соответствий ведет к трансформации менталитета.

В этой связи, исходя из положения о том, что системообразующим фактором менталитета является основная функция системы, выполняемая в ее надсистемах [], то проявляются три функции. В системе религии порождаются объяснительные модели мира, задается ценностная направленность коллективного субъекта. Со стороны системы этноса – это функция сохранения его целостности, а именно, этнозащитная (защита ценностей). Со стороны социума – это функции самоподачи в социальный мир (социальная активность, презентация своих ценностей), конформность с группой (с групповыми ценностями). Следовательно, системообразующий фактор менталитета определяется в рамках интерпретационно-направляющей функции, этнозащитной функции и функции социальной активности, а также конформности. Исходя из этого, намечаются три вектора функционирования менталитета: направленность, активность и сохранение. Таким образом, системообразующей функцией системы менталитета в процессе его становления является функция **приведения в соответствие ценностно-смысловых составляющих религиозной, этнической или социальной систем.**

Происходит это посредством компонентов, конструкторов и элементов системы менталитета. Они как структуры менталитета особым образом выстраиваются. Конструкторы и компоненты менталитета находятся в определенном совмещении, которое может менять свою конфигурацию, что приводит в движение ценности, смыслы и значения в менталитете.

Эти структурные совмещения менталитета задаются, прежде всего, совмещением людей в процессе взаимодействия. Люди, образующие коллективный субъект, взаимодействуют как партнеры, как участники равноправного диалога. Роль этого взаимодействия, диалога - формирование общности коллективного субъекта, некоего единства, которое имеет основную функцию - развивающую. Общность есть то, «что развивается и развивает» (В.И. Слободчиков). Результатом этого единения, общности коллективного субъекта, строящейся во взаимодействии людей, является «организованное и дифференцированное целое» (Б.Ф. Ломов), «общий фонд ценностей» (Л.И. Анцыферова), «производство индивидами их общего» (А.В. Петровский), «превращение состояний в их общее достояние» (М.С. Каган), «идеальный продукт взаимных усилий» (К.А. Абульханова-Славская).

Это дает нам возможность полагать, что результатом взаимодействия является «новая реальность, новая онтология совместного бытия двух противоположных начал в едином» [Клочко (а); с.141], своеобразная реальность, являющаяся неким общим пространством для взаимодействующих сторон. Принимая за системообразующий фактор менталитета общности коллективного субъекта как системы **совмещенность**, полагаем, что она представляет трехэтапный процесс: 1) представление, «обналичивание», презентация ценностно-смысловых компонентов; 2)

согласованность ценностно-смысловых компонентов жизненных миров коллективного субъекта; 3) интеграция ценностно-смысловых компонентов.

В процессе взаимодействия члены общности коллективного субъекта обнаруживают свои ценностно-смысловые составляющие в поступках, целях, мотивах деятельности, оценках, интерпретациях и др. Для объединения людей в единую общность с единым менталитетом, необходимо единение значений, смыслов, ценностей и общих деятельностей. Т. е. согласованность и интеграция их как согласованных.

В качестве механизма согласования ценностно-смысловых составляющих жизненных миров членов общины, определяющей становление единой системы ценностей, следует рассматривать встречно протекающие между людьми процессы: персонализации как процесс трансляции ценностно-смысловых характеристик того, что составляет пространство собственного жизненного мира, и персонификации как процесс порождения личностных ценностей за счет проникновения к смыслам и ценностям другого человека [Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, А.К. Белоусова]. Так возникает совмещенность менталитет как состояния.

Рассмотрев менталитет как совмещенную систему с различных точек зрения, можно переходить к рассмотрению к различным уровням ее описания. В.Н. Садовский считает, что для любой исследуемой системы минимально требуются три разных уровня ее описания: с точки зрения ее внешних целостных свойств, с точки зрения ее внутреннего строения и вклада ее компонентов в формирование целостных свойств системы, с точки зрения понимания данной системы как подсистемы более широкой системы [с. 105].

2.2. Структура менталитета

Менталитет как сложная, самоорганизующаяся, совмещенная система может быть изучен с помощью теории моделирования и системного анализа. Модель – это описание системы, разрабатываемой на основе теоретических законов и принципов изучаемой предметной области. Система рассматривается как нечто, состоящее из множества взаимосвязанных элементов, объединенных для выполнения определенной функции. Процесс моделирования начинается с определения цели разработки модели, на основе которой затем устанавливаются границы системы и необходимый уровень детализации моделируемых процессов. А.И. Богданов в числе первых применил методы системного анализа к сфере идеального. «И любой продукт духовного творчества, – писал он, – научная теория, поэтическое произведение, система правовых или нравственных норм имеет свою архитектуру, представляет расчлененную совокупность частей, выполняющих различные функции, взаимно дополняя друг друга» [с. 303].

Уже в школе «Анналов» были предприняты попытки выделения структуры менталитета. Ж. Дюби выделял глубинные биологические уровни структуры менталитета. Следующий уровень

составляют базовые представления и формы поведения, характерные для определенных исторических эпох и неизменяемые от поколения к поколению. Поверхностный уровень менталитета составляет процессы, изменяющиеся от поколения к поколению [Ж.Дюби с.20]. Можно констатировать, что в структуре менталитета выделяли уровни по степени их изменчивости, представленности в них биологического и социального, глубины и поверхностности расположения структур.

Проблема выделения структуры менталитета остается нерешенной, поскольку нет инструментария, который бы позволил это сделать с достаточной степенью точности. Структура менталитета является внутренней стороной организации (Г.А. Югай) совмещенной системы менталитета. Богатейшая феноменология проявления менталитета приоткрывает его сложную структуру и в поведенческом, и когнитивном, и эмоциональном аспектах. Большинство авторов считают главными составляющими системы менталитета когнитивные. Также авторы сходятся во мнениях, что в системе менталитета можно выделить ценностно-смысловое ядро.

Растет число работ, в которых предлагаются различные точки зрения на структуру системы менталитета. «Менталитет (ментальность)..., – пишет Ю.М. Каньгин, – это структура, склад души человека, этноса, социума, соотношение ее элементов и состояние последних» [Споры о главном с. 58]. В диссертации Т. М. Поплавской [] менталитет представлен как многоуровневое образование, элементами которого являются: понимание, интуиция, ментальное сознание, ментальные структуры. Фактически менталитет представлен как уровни мышления, что не совсем правомочно. И.В. Мостовая, А.П. Скорик системообразующим фактором системы менталитета считают архетипы. В структуре менталитета они выделяют четыре уровня: 1) партикулярная структура, нерелексируемое массовое бессознательное, 2) духовная самость общественных групп, релексируемая, 3) социальный отклик на политику, власть, государство, 4) этнокультурная ориентация, национальная идея []. Каждый из этих уровней задает совокупность архетипов социальной общности. Вряд ли бессознательные образы архетипов могут являться системообразующим фактором менталитета, скорее они выступают единицами, далее не расчленяемыми, в системе менталитета. Р.З. Зулкарнаева также включает в структуру менталитета систему архетипов и конструктов []. Правда не понятно как они связаны между собой эти две разные составляющие менталитета.

О.Г. Усенко выделил следующие структурные компоненты менталитета: парадигмы сознания (концепция мироздания, набор фундаментальных ценностей, представление об истине, системы универсальных бинарных оппозиций) – ядро менталитета, картина мира, стиль мышления, кодекс поведения []. Вызывает вопросы два компонента – парадигмы сознания и картина мира. По тем показателям, который выделил автор, они идентичны.

Р.А. Додонов (1999) определяет несколько уровней структуры этнического менталитета: 1) низший – психоэнергетический (поле), здесь фиксируется количество психо-эмоциональной-умственной энергии, которая необходима для решения текущих задач; 2) бессознательный, состоящий из несколько уровней: архетипный (образы), этнический, расовый, общечеловеческий; 3) высший – мыслительный, логический (понятия). «Эти уровни объединяются общим механизмом ретрансляции из поколения в поколение информации о наиболее оптимальных приемах решения стандартных задач, встающих перед членами коллектива» []. Следовательно, системообразующим элементом данной структуры автора являются приемы мышления этноса. В исследовании нами были обнаружены различные приемы мышления у представителей национальных групп, однако соотношение этих приемов было различно []. Следовательно, соотношение, совмещение элементов системы менталитета является системообразующим. Н.С. Южалина подчеркивает, что менталитет синкретичен, многоуровневый феномен.

Приведенные взгляды демонстрируют, что можно определить различные классификационные признаки построения структуры менталитета: статика-динамика, бессознательное-осознаваемое, внешнее-внутреннее и т.д.

Если определять менталитет как слой общественного, бытового, коллективного сознания, то можно обратиться к классикам, рассматривая его структуру. А.Н. Леонтьев выделил три образующих сознания: чувственную ткань образа (чувственные впечатления, чувственные образы), значение и смысл. А.Н. Леонтьев подчеркивал, что с изменением чувственной ткани, не затрагивает картину мира, но может утрачиваться ощущение реальности, объективности мира, его внеположенности. Переводя на слой менталитета, его можно представить как совокупность отраженных в образе мира образов, значений и смыслов представителей определенной культуры. В.П. Зинченко, основываясь на работах А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, Н.А. Бернштейна, выделял двухуровневую структуру сознания. «Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смыслы» [с.23]. Рефлексивный слой связан с миром ценностей по В.П. Зинченко. Ценности – высшей формы ориентации жизни человека. Поэтому в системе менталитета отражаются в образе мира значения, смыслы и ценности социальной группы.

А.Ю. Агафонов полагает, что сознание имеет текстовое, матричное строение. «Текст – это структурированное смысловое содержание» [с.113]. А В.И Кабрин представляет менталитет как «многоуровневую матрицу многообразных эйдосов разных качеств и масштабов» [с. 15]. Таким образом, **структура менталитета представляет собой матрицу, в которой происходит наложение системы его компонентов, конструктов и элементов.**

Таким образом, очевидно, что могут быть различные классификационные основания выделения структуры менталитета: уровневая, компонентная, послойная, структурная, функциональная и др.

В базовой структуре менталитета выделяем:

– **компоненты менталитета** – глубинный (архетипы), эмоциональный (эмоции и чувства), когнитивный (образ мира, стили мышления), поведенческий (программы поведения),

Если исходить из уровней системы общения Б.Ф. Ломова, то можно предполагать, что уровень компонентов менталитета – это **макроуровень**. Он определяет связь менталитета с общественными отношениями и общественными институтами. То есть изменения в общественных институтах и общественных отношениях возможно будут вносить коррективы в данные компоненты. Уровень конструктов возможно представить **мезауровнем**. Из этого следует, что выделенные конструкты связаны с конкретными жизненными ситуациями. Ситуации могут оцениваться с точки зрения своей темы и предмета. Они также меняются по мере социальных преобразований в обществе, что вносит коррективы в конструкты. **Микроуровень** менталитета представлен элементами – значения, смыслы и ценности. Критерии, которые входят в оценку конструктов, характеризуются динамикой и цикличностью. Задаются критерии значениями, смыслами и ценностями – элементами системы менталитета.

– **конструкты менталитета**: 1) этический (мера зла, мера добра, мера справедливости), 2) временной (прошлое, настоящее, будущее), 3) пространственный (обширное, сжатое, нулевое), 4) рисковости (активная стратегия, пассивная стратегия, уход), 5) коммуникативный (установка на себя, установка на людей, установка от людей), 6) интеллектуальный (креативность, контекстность, рациональность), 7) гедонизма (физиологическое удовольствие, духовное удовольствие, материальное удовольствие), 8) определенности (социальный порядок, социальный хаос, промежуточное звено), 9) достижения (успех, боязнь неудачи, неуспех).

– **элементы менталитета** – пространство, время, значения, смыслы, ценности. «Элемент – неделимый компонент системы при данном способе расчленения» [Блауберг, Юдин]. Исходя из концепции В.Е. Ключко, также полагаем, что значения, смыслы и ценности являются пятым, шестым и седьмым, помимо с одномерным временем и трехмерным пространством, измерением образа мира. «Они характеризуют предметы, включенные в мир человека, и являются качествами самих предметов» [Галажинский дисс. с. 79]. В.Е. Ключко (1998) с позиции теории психологических систем понимает человека как сложную систему. «Многомерный мир человека понимается в теории психологических систем как особое пространство, формирующееся и усложняющееся по мере обретения им новых координат» [с. 68]. По мнению автора, по мере развития человека объективная реальность превращается в предметный мир, за тем переходит в реальность, наполненную смыслами, а за тем в действительность, опирающуюся на ценностные координаты. В этом, по словам

В.Е. Ключко заключается психологическая онтология [с. 69]. Ценности, смыслы и значения находятся в системном, функциональном и структурном согласовании.

Предполагаем, что именно эти элементы являются системообразующими в становлении системы менталитета. Именно они определяют сочетание, совмещение конструктов и компонентов менталитета.

Послойная структура менталитета:

Бытийный слой, включающий действия, образы, значения менталитета. **Рефлексивный слой** менталитета, включающий смыслы и ценности.

Центральной составляющей менталитет выступает образ мира коллективного субъекта. Образ мира является и компонентой менталитета, и объединяет его конструкты, и объединяет его элементы, и соотносит слои структуры менталитета. Образ мира – это область, в которой заключены все начала менталитета. Код матричной структуры менталитета скрыт в образе мира.

Структура компонентов менталитета представим в следующем виде: «глубинный» компонент менталитета – система архетипов; когнитивный компонент – образ мира и способы мышления коллективного субъекта (параметры – информационное содержание, временная перспектива, центр - периферия); эмоциональный компонент – оценки, взгляды, нормы, умонастроения, эмоции, чувства (параметры направленность, интенсивность); поведенческий компонент – программы поведения (параметры объективные, ситуативные). В предыдущих исследованиях мы понимали более широко структурные основания менталитета, сегодня обозначили наиболее представленные, вероятные. Каждый из компонентов связан с образом мира и образом жизни коллективного субъекта. Образ мира и образ жизни коллективного субъекта представляют собой подсистемы менталитета. В работе [] представлена структура менталитета.

Рассмотрим каждый компонент системы менталитета отдельно. Компонент системы, по данным Д.М. Жилина, это один из объектов системы, осуществляющий некие преобразования входов в выходы []. Глубинный компонент представлен системой архетипов, у которых на входе вся бессознательная информация, а на выходе направленность личности. Эмоциональный компонент – на входе имеет информацию о простейших эмоциях в данной ситуации, на выходе придает культурно специфическую оценку ситуации. Когнитивный компонент сличает входящую информацию с представлениями в культурной картине мира, а на выходе – интерпретирует информацию, исходя из культурных категорий. Поведенческий компонент принимает команды от высших центров и стереотипизирует поведенческие программы, полагаясь на культурные нормы. Таким образом, каждый компонент выполняет свою специфическую функцию, которая позволяет интегрировать все компоненты менталитета в единую систему.

Каждый из этих компонентов имеет бессознательный и сознательный уровни. Опираясь на работы авторов теории систем [И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, В.Н. Костюк], можно полагать, что структуру менталитета представляют законы и различные особенности взаимосвязей состояний его системы, ее уровни, связи между различными подсистемами и параметрами, все стационарные состояния системы. Система менталитета обладает устойчивыми и неустойчивыми структурными и стационарными состояниями. С позиции синергетики [Костюк с.62] стационарное состояние в пространстве соответствует аттрактору, который притягивает к себе соседние траектории пространства и гасит малые возмущения системы, его еще называют – точкой равновесия.

Динамические связи в структуре менталитета обеспечивают его свойства. Свойства системы определяются, по мнению В.Н. Садовского, свойствами его структуры, интегративными связями [с. 18].

В качестве основных характеристик системы выделяются: целостность, структурность, иерархичность, взаимообусловленность системы и среды, множественность описания. Однако важно понять, в чем особенность психологических систем. Ученые считают, что психологические системы характеризуются такими специфическими особенностями, как **динамичность, самоорганизация и целеустремленность**. Динамичность менталитета заключается в том, что могут изменяться его совмещения, что приводит к структурным и функциональным изменениям менталитета. Самоорганизация менталитета выражается в достраивании его сложной совмещенной организации в ходе различных трансформаций. Целеустремленность совмещенной системы менталитета выражается в том, что он развивается в ходе последовательных трансформаций, выводя коллективный субъект в мир культуры, а за тем и в сам мир.

Основываясь на источники, описывающие разнообразные характеристики и свойства систем, можно выделить следующие **свойства** менталитета: **полифоничность и целостность, протяженность и нелинейность, толерантность и неопределенность, прерывность и открытость**.

Рассмотрим каждое из свойств. Поскольку субъектом российского менталитета являются представители различных этносов, конфессий, социальных групп, то возможно, выделить такое свойство как **полифоничность** системы менталитета. В образе мира российского менталитета заключены различные системы значений, смыслов и ценностей. Различные конфигурации совмещения этих элементов рожают различные формы менталитета.

Полифоничность может быть *имитационной*, когда россияне подражают некоторому видению мира. *Контрастная* полифоничность, иначе, соединение контрастных представлений о мире и *присоединительную*, когда россиянин присоединяется к чьему-либо взгляду. *Индифферентная* –

безразличность во взглядах. Полифония системы менталитета, чтобы не развалиться должна сохранять свою целостность.

Целостность системы менталитета заключается в том, что все компоненты, конструкты, элементы, надсистемы, подсистемы менталитета совмещены в целостную организацию. Подчинены общему принципу взаимодействия его элементов – менталесообразности, основанной на согласованности ее составляющих, в соответствии с системой архетипов. Целостность такой сложной организации системы менталитета задается ее протяженностью.

По всей видимости, *протяженность* системы менталитета заключена в возможностях его пространственно-временной представленности в мире. Философы, историки наблюдают, что россияне довольно долго воспринимают все возможные нововведения и долго адаптируются к ним. Некоторые исследователи связывают это с территориальной протяженностью России. Протяженность также можно усматривать и во временной протяженности существования различных форм менталитета. Однако, протяженность эта не линейна.

Нелинейность еще одно свойство менталитета. Невозможно установить прямую связь между проявлениями менталитета. Менталитет фиксируется «здесь и теперь». «Система не линейна, если в разное время, при разных внешних воздействиях ее поведение определяется различными законами» [Костюк с.74]. Как было показано, в различные исторические периоды, то система религии, то этноса, то социальная система определяют особенности совмещения составляющих организации системы менталитета. Нелинейные системы, по мнению В.Н. Костюк, характеризуются следующими свойствами: имеют множество устойчивых и неустойчивых состояний, тесно взаимодействуют со своими подсистемами, имеют несколько ветвей эволюции (одно и тоже стационарное состояние при одних условиях устойчиво, а при других нет).

«Самоорганизация возникает из хаотичных состояний, которые содержат в себе неопределенности» [с. 34 Г. Хакен]. *Неопределенность* менталитета обусловлена тем, что не возможно однозначно предсказать дальнейшее развитие системы. «Изменяющаяся система характеризуется набором потенциальных структур, находящихся между собой в отношении альтернативности» [с. 77 В.Н. Костюк].

В неустойчивых динамических системах возникают случайные поведения траекторий. *Прерывность* вытекает из предыдущих свойств и представляет собой феномен, заключающийся в том, что стадии относительной стабильности существования менталитета сменяются нестабильными.

Открытость позволяет системе менталитета быть креативной системой, открытой для развития, трансформации и равновесия.

Центральной проблемой изменяющихся систем является определение равновесных конфигураций и степени их устойчивости.

Толерантность, возможно, понять как свойство устойчивости структуры менталитета. Как известно, менталитет непосредственно не поддается внешним изменениям. Поскольку в основе механизма функционирования его лежит эмоционально-установочный комплекс, который оберегает систему от разрушений.

Заметим, что перечисленные свойства можно представить как бинарные пары. Так полифоничность противостоит целостность, протяженность – нелинейности, толерантность – неопределенности, прерывность – открытости. Такая двойственность свойств менталитета россиян подтверждает утверждение М. Бубера, что двойственность человеческой души является «фундаментальным фактом динамики психической жизни» []. Предполагаем, что в этой двойственности свойств менталитета заложена возможность его трансформации, например, переход в кризисные формы.

Рассмотрим основные **формы** российского менталитета. Можно выделить различные критерии классификации форм.

Поскольку мы исходим из тезиса о том, что менталитет выступает совмещенной системой, совмещающей образ мира и образ жизни, надсистемами которой являются системы религиозных, национально-психологических особенностей и социально-психологических особенностей религиозных, этнических, социальной группы, то оснований для выделения видов менталитета может быть несколько. Можно выделить менталитеты, на основе территориальных различий социальных групп в рамках национально-психологической системы: восточный, западный, азиатский, российский, американский, африканский, австралийский. Основываясь на критерии религиозных различий, выделяем: исламский, буддийский, православный, католический, иудейский менталитеты. Также придерживаясь того же принципа, можно определить менталитет земледельческих культур, культур скотоводства и др. Это более грубая классификация, основанная на внешней детерминации существования менталитета.

В социально–психологической системе Г. Триандис, Г.Ховстед, Китаяма и Маркус, В. Штефан, Т.Г. Стефаненко и др. определили следующие критерии культур: коллективизм/индивидуализм, дистанция власти, маскулинность/феминность, отношение к неопределенности, сложность/простота, взаимозависимость/взаимонезависимость концепции Я, степень толерантности к отклонениям от принятых в культуре норм, оценка природы человека как хорошей/дурной/смешанной, эмоциональный контроль, допустимость эмоциональности, проксемические дистанции, высокая контекстность/низкая контекстность, дихотомия человек/природа, ориентация во времени, предпочитаемая активность, соотношение стыда/вины. Фактически авторы представляют критерии категоризации образа мира представителей определенного менталитета. Они могут служить в силу своей универсальности в форме определенных сочетаний основанием для определения вида менталитета в рамках социально-психологической системы. К примеру, менталитет

коллективистской, сложной, феминной культуры, с короткой дистанцией власти, взаимозависимой культуры, высококонтекстной и т.д. Это внешние детерминации существования менталитета.

Известен также *кризисный и стабильный* менталитет. Система менталитета меняет со временем свои свойства с ходом изменения социальных условий. Предполагаем, что *в современных нестабильных социальных условиях менталитет укрепляет следующие свойства: полифоничность, нелинейность, неопределенность и прерывность*. А это оказывает влияние на смену пространственно-временных координат, значений, смыслов, ценностей в психологическом пространстве менталитета. Что находит отдельное свое подтверждение в исследованиях специалистов-психологов.

Если за основу принять составляющую – индивид-общество, то выделяем: *индивидуальный и общественный* российский менталитет. Пространство объективации менталитета задает – *провинциальный, городской* российские менталитеты. Если рассматривать историческую ретроспективу, полагаясь на периодику Н.А. Бердяева, то определяем: менталитет Киевской Руси, менталитет Татарского ига, менталитет России московской, России петровской, менталитет России советской, менталитет перестройки, постсоветский менталитет. Можно выделить менталитет *кризисный и стабильный*, в зависимости от общественных процессов.

Ю. Поляков, описывая массовые миграции российского народа, выделяет его *экстенсивный* менталитет, по всей видимости, это предполагает наличие *интенсивного* менталитета. Свою типологию «базовых менталитетов» предлагает В.Е. Семенов: православно-российский и другие конфессиональные его разновидности, криминально-мафиозный, коллективистско-социалистический, индивидуалистско-капиталистический, мозаично-конформистский []. Как полагает автор в России сосуществуют различные формы менталитета. Мы полагаем, что в зависимости от того, какая из надсистем системы менталитета находится в доминантном состоянии, то соответствующая ей форма менталитет будет преобладать.

А.А. Зиновьев отмечает: «Объекты могут быть сходны по форме, но различны по содержанию, – одна и та же форма может выражать различное содержание. Отношение содержания и формы характеризуется степенью соответствия. Эта степень заключена в пределах от полного несоответствия до полного соответствия. Со временем она меняется. Может форма отставать от содержания. Может, наоборот, содержание отставать от формы. Имеет силу социальный закон тенденции к установлению их адекватности, т.е. более или менее нормальной степени соответствия. В процессе жизни объекта возможно доминирование того или другого компонента пары над другим. Форма может устаревать. Старая форма «сбрасывается», уступая место новой, соответствующей новому содержанию»[].

Очевидно, что свойства и формы менталитета задаются его психологической структурой и функциональными связями в его системе.

Функциональную связь мы понимаем как соответствие параметров надсистем и подсистем менталитета его системе и внутри системы менталитета, как соответствие параметров его компонентов, конструктов, элементов. При этом, полагаем, что в системе менталитета между его составляющими существует функциональная детерминация. Как пишет В.П. Огородников: «функциональная детерминация фиксирует простой факт, что ни один материальный процесс не происходит в абсолютной изоляции, а связан и зависит от параллельно протекающих процессов» [с. 90].

Функционирование сложной ментальной структуры определяется следующими **функциональными связями**: образ реальности, задаваемый значениями и смыслами (В.Е. Ключко), который складывается при взаимодействии с окружающей действительностью, соотносится с тем образом мира, который есть у каждого человека. Сравнение происходит на уровне категорий, которые маркируют действительность в сознании, на уровне значений, смыслов, ценностей, принятых большинством социальной группы человека. Если никаких расхождений при оценивании не происходит, то человек поступает согласно стереотипизированным программам поведения, в соответствии с ценностями, что вводит человека в мир действительности (В.Е. Ключко). Если на лицо расхождение в категоризации мира, то включаются защитные программы.

Данная функциональная модель отражает **функции системы** менталитета, определяющие реальность и построение жизненного мира человеком, определяем следующие: категоризация, предание смыслов, оценка социальной ситуации, стереотипизация восприятия, соотнесение с культурным образом мира, принятие ценностей культуры, построение программ поведения. Мы исходим из представлений В.Е. Ключко, В.П.Серкина, полагающих, что реальность есть не только «объективно существующая данность», а прежде всего процесс, на который человек влияет своими действиями, преобразуя и проектируя действительность.

Также можно выделить функции менталитета по отношению к реализации в жизненном мире человека:

Защитная функция предполагает устойчивость границ менталитета как системы, несущей информацию о менталесообразности.

Конструктивная функция выполняет задачу определения пространства проявления менталитета, модусы существования.

Организирующая функция задает традиции народа и его видение картины мира.

Адаптивная функция приспособливает менталитет к новым условиям.

Интегративная функция соединяет все компоненты менталитета и объединяет их на основе интегративного свойства.

Все эти функции объединены одной из важнейших характеристик системы менталитета ее синкретизм, он отмечается многими авторами [О. Буховец (Сокращенная стенограмма), Г.В. Митина

и др.]. Объясняют это исследователи тем, что, несмотря на исторические изменения, у россиян преобладает специфическое отношение к власти, к образованным людям и т.д. То есть, отношенческие доминанты, порождаемые системой менталитета неизменны.

Основным принципом структурной организации менталитета полагаем принцип – менталесообразности, понимаемый как «сообраз» менталитету, самоподобность, «согласно архетипу» менталитета. Что является новым взглядом в представлениях о менталитете.

Структуру менталитета можем представить в следующем виде схемы¹.

Рассмотрим отдельно структурные составляющие системы менталитета и реализующиеся в них ее свойства и функции.

2.2.1. Компоненты менталитета

Опираясь на описанную многоплановую феноменологию менталитета, выделяем в его структуре компоненты. Представленные ниже компоненты менталитета описываются с позиции их стационарного состояния.

«Глубинный» компонент менталитета

Центральным компонентом менталитета, по мнению многих авторов А.П. Бутенко, Ю.В. Колесниченко, И.Г. Дубову, Р.З. Зулькарнаевой, Н.С. Южалиной является коллективное бессознательное, архетипы. Довольно сложно соединять современные и классические аналитические идеи. Однако изложим некоторые основные положения анализа К. Юнга, которые позволяют нам их использование. К. Юнг исходил из того, что является установленным фактом, что бытие имеет единство с общей бессознательностью [с. 143 проблемы души]. При этом, он полагал, что существует «согласование нашего мышления с первообразами бессознательного, порождающими любую мысль, над разгадкой которой постоянно бьется наше сознание» [с. 202 проблемы души]. Следовательно, глубинный компонент, по сути, не совсем является компонентом, он как некий фон пронизывает всю психику человека. С позиции автора, ребенок в своем развитии находится в бессознательном, в подростковом возрасте у него «просыпается» сознание, в старости опять человек переходит к бессознательному. В детстве «могущественным прообразом является мать». «По мере того как развивающееся сознание становится способным познавать, важность родительской личности тает. Но место отца начинает занимать человеческое общество, место матери – семья» [с. 142 проблемы души]. Родительские архетипы по мере зрелости отходят на задний план, выступают новые архетипы, связанные с родом, нацией, церковью.

Коллективное бессознательное представляет по Г. Юнгу «множество временно затемненных мыслей, впечатлений, образов, которые продолжают влиять на наше сознание» и что «помимо воспоминаний из бессознательного могут возникать совершенно новые мысли и творческие идеи» [с. 203]. В бессознательном существуют символы, которые являются ментальными формами,

следующими из первобытных, врожденных и унаследованных источников человеческого разума. Юнг дал определение понятию «архетип» – «архаические остатки» или «первобытные образы». Архетип не является «унаследованными представлениями», по мнению автора, тогда бы человек их мог сознательно воспринимать, архетип – это «инстинктивный вектор», но не физиологический инстинкт, а инстинкт в символических образах, возникающих в фантазии. Символы, составляющие архетип, имеют не индивидуальную природу, а коллективную, отсюда Юнг выделил коллективное бессознательное. «Жизнь коллективного бессознательного преднаходится в догматических архетипических представлениях и безостановочно протекает в ритуалах и символике» [, с. 95]. Архетипы имеют собственную побудительную специфическую энергию. «История архетипического характера есть и у общественных комплексов» [, с. 95]. Архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их. Таким образом, бессознательную основу менталитета составляют примитивные влечения, образы и впечатления, вытесненные из реальной жизни, и система архетипов. Коллективное бессознательное – это «природный образ мира, слитый и сконцентрированный из опыта миллионов лет. Эти образы являются всего лишь исходным материалом, который для своего осмысления еще требует сознательного перевода на язык соответствующего времени» []. Таким образом, в силу своей природы архетипы составляют бессознательную основу менталитета.

Юнгом были выделены следующие основные архетипы: «Тень» – воплощение темного в человеке, «Персона» – социальная роль, которую человек играет в обществе, «Самость» – центр целостности человека, «Анима» – воплощение женского начала в человеке и «Анимус» – мужское начало, «Мудрец» – воплощение мудрости, смыслов жизни человека. Исходя из данной системы архетипов, видно, что они охватывают многие аспекты жизнедеятельности коллективного субъекта. Н.С. Южалина выделила универсальные и этнические архетипы. Универсальные архетипы включают выделенные Г. Юнгом и архетипы укрощения огня, хаоса, творения, смены поколений, «золотого века» и др. Этнические архетипы, по мнению автора, отражают особенности мировоззрения, национального характера, исторической судьбы, художественного творчества и т.д. [с. 59-60] этнической группы.

Предполагаем, что архетипы каждого коллективного субъекта имеют некоторую иерархию. Следовательно, каждый коллективный субъект характеризуется определенными ведущими архетипами. Каждый коллективный субъект несет свою специфическую совокупность архетипов, которые на бессознательном уровне определяют доминирующие потребности представителей этноса. Потребности предполагают иерархию мотивов представителей коллективного субъекта, которая задает определенную направленность на личностном уровне представителей социальной общности.

Анализируя вышеизложенное, мы можем утверждать, что *скрытой, бессознательной основой менталитета является система архетипов в тесной связи с доминирующими потребностями данной группы.*

Когнитивный компонент менталитета

Содержание понятие «ментальность», как это вытекает из этимологии слова, заключается в когнитивной сфере и определяется, прежде всего, теми знаниями и представлениями, которыми владеет изучаемый коллективный субъект.

На заре развития этнопсихологии ученые выделяли знания и представления как дифференцирующие элементы культуры. Каждый народ рождает свои, специфические идеи (А. Бастиан). До тех пор, пока народ живет обособленно, его идеи остаются неизменными. Как только происходит внедрение новой культуры, идеи обогащаются, а культура развивается. Э. Дюркгейм полагал, что коллективное сознание народа выражается в коллективных представлениях. Коллективные представления объединяют: религиозные верования, мифы, нормы морали и права. Коллективные представления созданы этнической группой и являются различными сторонами его восприятия мира. Понятие «коллективные представления» прочно укрепились в науке.

Л. Леви-Брюля [1, с. 32] писал, что любую культуру можно охарактеризовать через совокупность существующих в ней общих взглядов, или «*коллективных представлений*». Коллективные представления, например, европейца относятся к трем различным сферам: интеллектуальной, двигательной, эмоциональной. Представления первобытных людей характеризуются «дологичностью», чувства и образы в них неразделимы. Многие этнопсихологи критиковали работы Л. Леви-Брюля. Ф. Боас пояснял, что на основании одних только коллективных представлений нельзя судить о мыслительных процессах народа. В нашем контексте представляется важным выделение «коллективных представлений», поскольку является очевидным, что отношения и значимость «коллективных представлений», а также смыслы, которые им приписываются, отличаются в разных этносах. С. Московичи считает, что представления являются ведущей характеристикой общественного и индивидуального сознания.

В ряде зарубежных исследований эмпирически подтверждено, что в культурах существует устойчивая связь между понятиями [Malt, Rosch & Mervis], также показаны особенности их группировки [Atran & Medin], автоматическая активизация понятий [Bargh], их доступность [Higgins].

Современные эмпирические исследования российского менталитета (М. И. Воловиковой, Л. Л. Гренковой, Н. Л. Смирновой, В. В. Знакова, И. А. Джидарьян) наглядно демонстрируют различные *смыслы*, которые вкладывают отдельные слои россиян в такие коллективные представления, как: правда, ложь, счастье, право, умный человек, порядочный человек и др. [].

Коллективные представления, понятия, значения и смыслы коллективного субъекта объединены в его образ мира, или картину мира. Р. Редфилд утверждал, что невозможно обнаружить единой, общенациональной «картины мира». По мнению автора, можно определить картину мира для традиции «школ и храмов» и для традиции «деревенской общины». Р. Редфилд, изучая картины мира различных народов, в итоге пришел к выводу, что это всего лишь научный, абстрактный инструмент, с помощью которого возможно сравнивать культуры.

Понятие «образа мира» введено в отечественную психологическую лексику в 70-е годы (А. Н. Леонтьев, В. Ф. Петренко, В. В. Петухов, С. Д. Смирнов и др.). А. Н. Леонтьев описал первым этот психологический феномен. Становление образа мира у человека, на его взгляд, есть переход за пределы «непосредственно чувственной картинки» к системе значений. «В образ, картину мира входит не изображение, а изображенное (изображенность, отраженность открывает рефлексия)» [с. 261]. То есть в картине мира содержатся те представления, которые представители этноса уже отрефлексовали, и некоторые из этих представлений перешли в бессознательную форму. С. Д. Смирнов (1985) представляет послойную структуру образа мира. Ядерные слои представлены системой общественно выработанными и культурно закрепленными значениями. Поверхностные структуры образа мира – «чувственно оформленная картина внешнего мира» [с. 150].

В. Г. Панов [] считает, что в картине мира выражена внутренняя, содержательная сторона миропонимания, свойственная данному народу на определенном этапе его исторического развития. Содержательная, смысловая сторона наглядных картин мира, по мнению автора, имеет «концептуальный, парадигмальный, диахронный характер». Структурное сходство наглядных картин объясняется автором схематизмом рассудка, подчиняющегося требованиям логических конструкций. Эта логическая схема представляет собой категориальную сетку, которая вносит порядок в субъективное осознание мира, позволяет создать наглядную картину мира как систему, характеризующуюся упорядоченной ценностью. Особый интерес представляет концепция Г. Д. Гачева [], выстраивающая национальный образ мира, сущность которого составляют: особенности окружающей среды, национальный характер, склад мышления. Склад мышления автор конструирует, исходя из научных парадигм, имеющих место на заре национальных наук. Г. Д. Гачев предполагает, что эти ранние парадигмы очень связаны с национально-культурными ценностями.

А. Я. Гуревич [] пишет, что картина мира – лишь возможность, мера овладения ею зависит от конкретных условий и индивидуальных качеств человека, и она присутствует в его сознании и подсознании, проявляясь в его поведении независимо от того, в какой мере он знает о ее существовании. «Даже не имея представления о ней, индивид руководствуется ею в своих мыслях и делах и не может не руководствоваться ею, как не может не дышать» [с. 534]. Все социальное и культурное поведение, весь культурный облик людей – членов общества определяется этой «латентной и спонтанно обнаруживающейся картиной мира», заложенной в их сознание социально-

культурной традицией и неприметно для них самих видоизменяемой ими в процессе общественной практики. В. Ф. Петренко [] представляет «картину мира субъекта, сотканной из отдельных лоскутов содержания индивидуального сознания». Систему представлений субъекта или группы субъектов В. Ф. Петренко называет «ментальным пространством» [, с. 20-21].

Иной точки зрения придерживаются В. В. Столин, А. П. Наминач [, с. 33]. В кросс-культурном исследовании они подтвердили интернациональность образа мира и обосновали наличие базисной структуры образа мира. Структура состоит, по их мнению, из трех основных измерений: 1) мера выраженности общечеловеческих ценностей - добра; 2) мера выраженности угрожающей опасной силы – зла; 3) мера выраженности одиночества, безнадежности и слабости – смерти.

С иных позиций в образе мира коллективного субъекта мы выделяем образ себя (коллективного субъекта), образ иных коллективных субъектов и образ предметного мира. Отсюда следует, что не все составляющие образа мира гомогенны, а значит, принадлежат какому-либо отдельному менталитету, а только часть. Большую часть составляющих образа мира являют собой гетерогенные, общекультурные элементы. Это можно обосновать с позиции теории психологических систем В.Е. Ключко и теории диалогичности сознания М.М. Бахтина. Поскольку коллективный субъект представляет часть психологической системы человека и мира, то он порождает как специфические проявления, так и общекультурные, завязанные на единении мира и человека. Менталитет, порождаемый коллективным субъектом, порождается исключительно в диалоге, в коллективном взаимодействии, поэтому в нем есть общая и специфические части.

Интеллектуальные ограничения, представленные в верованиях и знаниях, составляют представления, смыслах об окружающем мире, которые являются ядром менталитета, задавая вкупе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, характеризующих данную этническую группу. А ценности закрепляют способы мышления в культуре. Таким образом, не только в системе знаний и представлений культуры представлен менталитет, но и в способах познания мира.

К. Леви-Стросс считал, что принципы работы разума одинаковы во всех культурах и во все исторические эпохи. Научные системы мышления в культурах являются различными стратегиями, при помощи которых человек рационально постигает природу. Все стратегии направлены на получение объективного знания о мире, упорядочивают, классифицируют и систематизируют информацию [, с. 39]. Леви-Стросс полагал, что основное различие заключается в используемом в мышлении материале, в частности, в тех признаках, на основе которых создаются категории. Безусловно, если культуры отличаются представлениями о мире, то они и основания для категоризации выбирают отличные. Л. С. Выготский и А. Р. Лурия раскрыли и обосновали в своих работах общественно-исторический характер мыслительных процессов. «Стоит общественно-историческим условиям измениться, чтобы изменились и особенности познавательных процессов»

(например, способ формирования понятий и решение вербальных силлогизмов)» [, с. 124]. Позже исследователи выделили изменения контекстов культур, которые приводят к изменению культурных составляющих (Poortinga,1992) []. Следовательно, культурные контексты задают и способы мышления.

Г. Виткин приводит факты, свидетельствующие о том, что в племенах, занимающихся охотой, больше лиц с полнезависимым стилем мышления, а в племенах, занимающихся сельским хозяйством, преобладают лица с полезависимым стилем мышления. И. Гальтунг описал четыре культурно обусловленных интеллектуальных стиля: саксонский, тевтонский, галльский и японский. А.А. Алексеев и Л.А. Громова обнаружили на американской и российской выборке испытуемых разную частоту встречаемости синтетического, аналитического, прагматического, идеалистического и реалистического стилей мышления [И.П. Шкуратова 8 томов].

Стиль мышления может выступать совокупностью способов познания мира. Исходя из анализа становления идей стиля мышления А.К. Белоусовой, стили мышления сначала рассматривались в рамках исследования когнитивных стилей. Когнитивный стиль определяется D. Child как «устойчивые индивидуальные различия в способах организации и переработки информации и приобретаемого опыта» [, с. 35]. Д. Брунер утверждает, что те мыслительные стратегии, которыми пользуется человек, – «продукты интериоризации символических систем, имеющихся в данной культуре» []. В. М. Смирнов считает, что когнитивный стиль – это «зафиксированный на некотором типе когнитивных задач относительно устойчивый, выработанный индивидом способ организации внимания, не жестко обусловленный темпераментом» []. Данные определения понятия «стиль мышления» основаны на работах в русле индивидуальной психологии. Поэтому не все стилевые характеристики войдут в состав общекультурного стиля. Однако очевидна тесная связь между ними.

Э. И. Маствилискер и Г. Е. Дикопольская показали в своей работе, что дети дошкольного возраста, обученные двум разным стилям решения задач и в одинаковой степени овладевшие ими, в ситуации выбора предпочитают пользоваться стилем, соответствующим их типологическим особенностям. Следовательно, «формирование индивидуального стиля – это не только сознательный отбор системы способов действия, соответствующих требованиям задачи и возможностям человека, но и бессознательное приспособление их к своим возможностям» []. А возможности, на наш взгляд, задаются не только индивидуально-психологическими особенностями индивида, но и той культурной средой, в которой ребенок воспитывался и обучался, его менталитетом.

Согласно точке зрения А. Г. Асмолова, когнитивные стили относятся к биологическим свойствам индивида, предпосылкам развития личности. «Войдут же или не войдут эти индивидные предпосылки стиля в формируемый в онтогенезе стиль индивидуальности, зависит от того, соответствуют ли эти предпосылки заданным и присваиваемым в процессе интериоризации

социотипическим шаблонам данной культуры или расходятся с этими шаблонами»[, с. 120]. Следовательно, культура имеет некоторые эталоны, критерии, которые будут определять, закрепятся ли данные способы мышления в менталитет данной этнической группы.

Не нужно забывать и о ситуативных характеристиках среды, которые могут задавать стиль мышления. А. Холодная, опираясь на взгляды К. Стил, определяющего когнитивный стиль как особую интеллектуальную способность, пишет, что «когнитивный стиль характеризует индивидуальные различия в особенностях построения ментального образа ситуации, степени сформированности механизмов метакогнитивной регуляции интеллектуальной деятельности» [, с. 22]. Это близко к идее антиципации (предвосхищения), разрабатываемой в монографии Е. А. Сергиенко, то есть в менталитете содержится система предвосхищения, которая определит выбор стиля мышления.

Г. А. Борулава определяет когнитивные стили, исходя из своеобразия процессов получения, переработки и интерпретации информации об окружающей действительности. Эмпирически автором выявлены деятельностные и эмоциональные индивидуальные познавательные стратегии []. Предположительно, на этой основе можно выделить деятельностную и эмоциональную ментальность народов. То есть можно выделить народы, которые в своих мыслительных стратегиях опираются на цели деятельности, а другие – на эмоциональную предпочтительность деятельности.

В. М. Аллахвердов, отталкиваясь от понятий когнитивной психологии, определяет когнитивный стиль как «совокупность критериев предпочтения» личности для построения своего образа мира []. Таким образом, когнитивный стиль отличается от познавательного стиля тем, что имеет отношение «к психическим механизмам переработки информации в процессе познавательного образа», а познавательный стиль «процесс отражения действительности в индивидуальном сознании в виде познавательного образа» [Холодная с. 17].

Теория стилей мышления Р. Дж. Стернберга основана на определении стиля мышления как предпочитаемого способа использования имеющихся способностей. Люди с различными стилями мышления предпочитают использовать разные методы для реализации своих способностей.

На наш взгляд, это определение стиля мышления наиболее точно отражает связь системы знаний народа, стиля мышления и менталитета, поскольку базой когнитивного компонента менталитета является система представлений и знаний об окружающем мире (образ мира народа), а стиль мышления народа определяет критерии предпочтения некоторых знаний другим. Из вышеизложенного следует, что стилевые характеристики мыслительной деятельности связаны не только с индивидуальными особенностями человека, но и с культурным своеобразием его группы.

На взаимосвязь стиля мышления и менталитета существуют различные взгляды. Многие определения понятия «менталитет» напрямую указывают на их взаимосвязь. Приведем некоторые из них: «совокупность манер поведения, мышления, суждения о чем-либо, моральные установки, склад

мышления» (Большая Энциклопедия Ларусса) [С. 6834]; «Ментальность – это наличие у людей того или иного общества определенного умственного инструментария, психологической оснастки, которая дает им возможность по своему воспринимать и осознавать мир и самих себя» (Л.И. Сименникова) [С. 37.]; «обобщение всех характеристик, отличающих ум» (Дж. Чаплин) [С. 25]; «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов» (Ребер А.) [с. 454].

Возможно сходство корня – лат. *mentis* в словах мышление и менталитет побуждает авторов объединять понятия. С другой стороны, очевидно, что менталитет задает направленность в работе мышления представителей определенной культурной общности. Как пишет Л.Н. Пушкарев: «различия между мышлением и менталитетом, достаточно тонкие – и вместе с тем весьма существенные, ...мышление – это познание мира, а менталитет – это манера мышления, его склад, его особенности, его своеобразие» []. Предполагаем, что стиль мышления входит в когнитивный компонент менталитета.

На сегодняшний день является актуальным сравнивать западные и восточные стили мышления [В.К. Шабельников]. «Типичное отличие западных и восточных теорий - это атомизм и холизм. Для западного человека, претендующего на свою субъектность, атомизм дает уверенность во власти над миром. Восточному человеку странно исходить в понимании природы из отдельных маленьких элементов. Он всегда ощущает присутствие невидимого целого, к чему он причастен. Глупо верить в изначальную самоорганизованность отдельного элемента мира» []. Основания автора заключены в положении о том, что строение социальных систем и деятельности очень разные в восточных и западных странах, а образ мира формируется благодаря деятельности в определенных социальных рамках, а мышление развивается как способ решения противоречий, возникающих в системе образа мира.

Однако наступление XXI века изменило ситуацию. По мнению И.П. Шкуратовой: «Нивелирование национальных различий в предпочтении тех или других стилей, благодаря широким межкультурным обменам и включению разных народов в единое информационное пространство. Индивидуальные особенности поведения человека в большей мере обусловлены местом его проживания и культурной средой, чем его национальность. Эта закономерность достаточно четко прослеживалась и в прошлом, но сейчас благодаря широкомасштабному взаимопроникновению культур, стала очевидной. Стиль мышления ученого является результатом его социализации в рамках научной школы, а не национальной принадлежности» [с. 468].

А.К. Белоусова определяет стиль мышления как регулятор мышления. В совместной мыслительной деятельности участники выполняют функции: генерации идей, отбора информации, оценки, смыслопередачи и реализации. Эти функции и выступают характеристиками стилей мышления (управленческого, критического, практического, инициативного) []. Возникает вопрос:

если в культурах различаются образы мира, представления, отличны ли и стили мышления в зависимости от культурной принадлежности этносубъектов?

Решение данного вопроса и стимулировало проведение исследования особенностей менталитета и стилей мышления русских и армян Юга России. В проведении исследования принимала участие студентка А.В. Бородина. Использовались: методика исследования, методика «Стили мышления» (А.К. Белоусовой), культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова).

Выборка испытуемых была представлена сотрудниками различных учреждений в количестве 108 человек в возрасте от 25 до 35 лет: русские (30 женщин и 25 мужчин) и армяне (28 женщин и 25 мужчин) (май – июнь 2005 г.).

Методика культурно-ценностный дифференциал измеряет групповые ценностные ориентации: на группу, на власть, друг на друга и на социальные изменения. Она включает 4 шкалы: 1) Ориентация на группу – ориентация на себя; 2) Открытость переменам – сопротивление переменам; 3) Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия; 4) Сильный социальный контроль – слабый социальный контроль. Эти параметры относятся к конструкту коллективизм/индивидуализм.

Используя методику, мы не полагались только на первичные статистики, выраженность параметров индивидуализма-коллективизма в %. Нами был проведен анализ результатов с использованием факторного анализа.

Рассмотрим результаты исследования. По полученной факторной матрице, которая включала 10 факторов, была проанализирована оценка вклада каждого фактора в общую дисперсию. Было выявлено, что вклад 5 факторов составляют около 91%. Поэтому в последующей операции вращения факторов по методу варимакс были выбраны 5 факторов.

Рассмотрим результаты для группы русских.

Фактор 1 *холодность* коррелирует со следующими переменными: закрытость ($r = -0,54$), агрессивность ($-0,50$), разрушение традиций ($0,61$), холодность ($0,72$), сердечность ($-0,64$). Фактор 2 *индивидуализм*: самостоятельность ($0,66$), устремленность в будущее ($0,59$), соперничество ($0,69$). Фактор 3 *склонность к риску*: склонность к риску ($0,68$). Фактор 4 *своеволие*: своеволие ($0,69$). Фактор 5 *подчиненность*: взаимовыручка ($-0,73$), замкнутость ($0,80$), подчинение ($0,65$).

В группе русских, как мы видим, преобладает холодный эмоциональный фон. Большое устремление в будущее, разрушение традиций, ориентация на себя, а не на группу, также высоко соперничество, что свидетельствует о возможно высокой мотивации достижения. При этом выявлена склонность к риску, сочетаемая с осторожностью, а недоверие власти с дисциплинированностью.

Рассмотрим результаты в группе армян.

В группе преобладает ориентация на группу, взаимовыручка ($r = 0,65$), верность традициям (0,70). При этом отмечается, что преобладают как подчинение групповым нормам (0,49), так и самостоятельность (0,52). В группе русских преобладает самостоятельность.

В ориентациях на изменения наблюдаются: большая открытость (0,52), устремленность в будущее (0,66) наравне с устремленностью в прошлое (0,70). То есть в группе армян наблюдаем как большое почтение истории страны, так и надежды на новое. В группе русских мы наблюдаем неприятие прошлого. Также у армян уравниваются склонность к риску (0,54) и осторожность (0,69). В группе русских риск преобладает.

В ориентациях на взаимодействие: в группе армян преобладает миролюбие (0,74) и сердечность (0,68). Интересно, что уступчивость (0,57) и соперничество (0,55) также уравниваются.

В ориентациях на социальный контроль: преобладает дисциплинированность (0,77) и законопослушность (0,69), уважение власти (0,59). В группе русских – неприятие власти.

Меньше всего расхождений между группами по шкале направленность на взаимодействие.

По результатам методики «Стили мышления» видно, что в группе русских преобладает инициативный стиль мышления (80%). В группе армян этот стиль мышления находится на последнем месте (55%), но преобладающим является практический стиль (75%). Управленческий стиль мышления получил равное распределение, как в первой, так и во второй группах (70%). Так же в группе армян выделяется критический стиль мышления (70%), а в группе русских этот показатель низкий (45%).

Частично первая методика подтверждает результаты второй. Инициативный стиль у русской группы коррелирует с рисковостью (0,42), самостоятельностью (0,51), что присуще индивидуализму. Практический стиль мышления в группе армян коррелировал с уступчивостью (0,33), верностью традициям (0,50), коллективистической ценностной ориентацией.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что *система значений, коллективные представления, смыслы, заключенные в образе мира и стиль мышления представляют собой когнитивный компонент системы менталитета.*

Эмоциональный компонент менталитета

Эмоциональный компонент менталитета представляет собой совокупность эмоциональных оценок окружающего мира. Все отношения человека к себе, к другим людям и к миру в целом окрашены настроением и эмоциональным отношением.

Как известно из многочисленных источников (В. С. Агеев, В. Н. Панферов, У. Фризен, П. Экман и др.), культурные различия наблюдаются: во-первых, в причинном объяснении эмоций для представителей различных этнических групп [Kemper], во-вторых, в особых правилах, регламентирующих те или иные эмоциональные проявления, в-третьих, в определении тех ситуаций, в которых приемлемо проявлять эмоции. Неслучайно англичане определяются другими народами

как эмоционально «холодные», итальянцы – как веселые люди, евреи – как хитрые, а испанцы – как «жесткие».

Репертуар эмоциональных проявлений широко представлен во всех культурах, но объяснения причин эмоций разнятся. Безусловно, на это влияют и картина мира и ценности различных народов, заключенные в менталитете. Если молчание у шведов является признаком природной угрюмости, то молчание у японцев может быть выражением целой фразы. Молчание у русских в ответе на вопрос может быть расценено как упрямство. Кросс-культурные исследования К. Э. Изарда (1971) показали, что радость является наиболее понятной эмоцией для европейских народов в оценке эмоциональных состояний лиц на фотографиях, а стыд – самой непонятной, исключение составляют показатели группы греческих испытуемых. Наиболее устрашающей для японцев была эмоция стыда.

В каждой культуре свои правила проявления эмоций [Edelmann]. Японцы должны сдерживать негативные эмоции и в основном выражать радость, приветливость к собеседнику. В российской культуре принято явно выражать эмоции, настроение. Для китайцев характерно намеренное завышение позитивной оценки своей жизни. Подавление эмоций у итальянцев интерпретируется как лицемерие. С правилами проявления эмоций связаны и ситуации, в которых происходит культурное закрепление эмоциональных выражений.

В различных культурах приняты различные ситуативные нормы выражения эмоций [Keller, Edelstein, Fang]. Большинство этносов разделяют проявление эмоций – в семейном кругу, с друзьями, на работе. Французы обязательно чувственно выражают свое отношение к различным собеседникам, что у многих представителей других народов может вызвать понимание этого как особого отношения к себе лично. Французы, обязательно описывая что-либо, придают этому описанию возвышенный характер. Немцы выражают эмоции, строго исходя из контекста ситуации.

По данным J.R. Averill (1968), японцы, выражая скорбь по умершим родственникам, улыбаются на людях, поскольку в японской культуре не принято обременять своими проблемами других людей. У кавказских народов скорбь выражается очень ярко и открыто. В исследовании J. Block (1957) было показано, что показатели горя и чувства вины у американцев значимо коррелировали, а у норвежцев – не было обнаружено такой взаимосвязи. К. Клакхон (1998) обращает внимание на то, что именно для российской культуры идет большое полагание на моральные выборы. Поэтому наказание должно следовать за проступком в воспитании детей. Так формируются страх у ребенка и взывания к совести.

Эмоции, по мнению В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, «составляют центральное звено механизма, переводящего «мир в себе» (без человека, до человека) в реальный, предметный мир, в котором человек живет и действует, в мир, соответствующий человеку, имеющий ценностно-смысловые характеристики, что и позволяет человеку действовать в нем, понимая смысл и ценность собственных действий. Эмоции не устанавливают соответствие мира человеку. Они фиксируют это

соответствие, а потому и входят в число причин, обеспечивающих избирательное взаимодействие человека с миром. С этой позиции можно объяснить, почему эмоции обладают прогностическими возможностями (предвосхищение) и репрезентирующими функциями по отношению к сознанию» [с.117].

Таким образом, эмоциональный компонент менталитета направляет и побуждает восприятие, мышление и поведение этносубъектов и является дифференцирующим признаком отличия одного менталитета от другого.

Поведенческий компонент менталитета

Социальная психология предоставляет обширный исследовательский материал по вопросам социальной регламентации поведения людей (Г. М. Андреева, М. И. Бобнева, Н. М. Лебедева, А. Гоштаутас, Г. Триандис, Г. Хофстед, Т. Шибутани, В. А. Ядов, и др.). Широко представлены в печати различные объяснительные модели поведения человека: диспозиционные, влияние установки, ситуации, когнитивные, социально нормативные. Когда мы полагаем, что менталитет определяет поведение человека, то объяснительные контексты здесь также могут быть различными.

Опираясь на социальные установки и стереотипы восприятия, поведения, определенные общности людей выстраивают программу поведения. Человек не осознает, что он живет по какой-то, сложенной не им, программе. Как только индивидуум обращает свое внимание на такое положение его ценностных ориентаций, то чаще всего закладывается основа поломки этой жесткой программы. Поддерживая ценности своей группы, человек всегда осуществляет соглашение, по мнению Т. Шибутани [с.211].

Соглашение осуществляется как внешнее – между субъектами общения, так и внутреннее – между субличностями. Субличность строится на основе потребности целостной личности [с. 44]. Когда ребенок просит прощения у матери за совершенный поступок, он осуществляет первое общественное соглашение в своей жизни. Усваивая цепочки таких соглашений, норм поведения, ребенок «вживается» в ментальность группы.

М. И. Бобнева [] пишет, что **социальные нормы** отражают отношения ряда социальных общностей. Они проявляются в образе жизни членов общности и выполняют социально-психологическую функцию нормативной ориентации, нормативной регуляции отношений и взаимодействий между членами общности. «Структура общения членов общности обуславливает характер и содержание отношений и взаимодействий между членами общности, их отношение к членам других культурных общностей, к миру, к природе. В социальных отношениях и взаимодействии человек всегда выступает носителем норм. Позиция человека в системе общественных отношений является его «нормативным статусом». Позиция определяет систему ценностей» [с. 310]. Нормы имеют две функции, по мнению исследовательницы: 1) обеспечение членов эталонами отношений; 2) стабилизация, интеграция отношений в социуме.

Культурные формы поведения обеспечиваются и регламентируются в системе социально-культурных норм. «При осуществлении регламентирующих воздействий социальные нормы сами выступают в роли и внешних и внутренних факторов регуляции поведения. Будучи усвоенными, интериоризированными, превратились в факторы внутреннего мира человека, социальные нормы воздействуют на поведение через систему внутренних факторов регуляции – самосознание, самооценку, мотивационную систему, понимание и установки» [, с. 310]. Таким образом, основу социально-культурных норм, по М. И. Бобневой, составляют мотивационная направленность человека, социальные установки и самосознание.

По данным Н. М. Лебедевой (1999), нормы включают в себя: общую оценку образа поведения, который принят в этнической группе; принятые интерпретации данного поведения; систему санкций на отклоняющееся поведение. По построению норм поведения культуры можно разделить на: открытые (Гонконг, Таиланд) и закрытые (Япония, Греция), индивидуалистические (США, Англия, Франция) и коллективистские (Россия, Япония, Арабские эмираты); маскулинные (Австралия, Германия, Ирландия, Япония) и феминные (Дания, США, Канада, Россия) (Г. Триандис, Г. Хофстед).

В закрытых культурах более поощряются строгие нормы и правила поведения, конформность. Открытые культуры способствуют формированию раскрепощенного поведения. В индивидуалистических культурах в оценке поведения этносубъекты полагаются на норму справедливости, а коллективистские культуры признают в большей степени норму равенства. По данным исследований О. Николаева, В. В. Знакова (1997), в российской, коллективистской культуре существует разграничение понятий «закон» и «мораль» []. В западных, индивидуалистических культурах эти понятия слиты воедино. Исследователь С. Тинг-Томи показал, что в индивидуалистических культурах принята норма добровольности в выборе взаимности, а в коллективистских – норма обязательной взаимности в отношениях [].

Социальные нормы, фиксирующие особенности менталитета социальной общности, задаются системой доминирующих в большой социальной группе мотивов, детерминированных существующей иерархией ценностей, отражающих некоторые единые для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности и интересы. Наличие надиндивидуальных ценностей позволяет личности в ходе развития выработать для себя их индивидуальную иерархию, пользуясь наборами уже созданных и одобряемых в данной культуре базовых ценностей.

Исследования [] показывают, что система индивидуальных ценностей складывается, как правило, уже к окончанию средней школы. Присущий представителям любой общности набор базовых ценностей может меняться в ходе исторического развития, он относителен. По данным эмпирических исследований, в феминных культурах отношения строятся на обмене духовными ценностями, а в маскулинных культурах – на обмене материальными ценностями. В

индивидуалистических культурах этносубъекты в ценностных ориентациях больше направлены на себя, а в коллективистских культурах – на коллективные ценности [].

Основываясь на данных сравнительных исследований, можно заключить, что менталитет наиболее отчетливо проявляется в *типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь в поведенческих нормах, стереотипах поведения, которые регламентируются принятыми культурными нормами, правилами, смыслами и ценностями.*

Таким образом, поведенческий компонент менталитета представлен программами поведения субъектов. Основу поведенческих программ составляют поведенческие стереотипы. Компоненты менталитета находятся в тесной взаимосвязи с конструктами.

2.2.2. Конструкты менталитета

Представление о конструктах было введено Дж. Келли. Он выделил личностные конструкты. «Конструкт – это то, чем два или несколько объектов сходны между собой и, следовательно, отличны от третьего объекта или нескольких других объектов» []. Дж. Келли эмпирически установил, что у каждого человека собственная система конструктов. Но он и также полагал, что представители определенных культур схожим образом интерпретируют свой опыт: «Если человек интерпретирует опыт в какой-то мере подобно тому, как это делает другой человек, то его психические процессы подобны психическим процессам другого человека» [].

Г.М. Андреевой, рассматривает термин «социальный консенсус», определяемый как «принятые образцы толкования явлений в той или иной культуре, в том или ином типе общества, какой-либо его части» [психол. соц. познания с. 163].

Менталитет направляет и управляет способами восприятия, интерпретации мира субъектами различных культур. По мнению Ф. Селлина, ментальность – это «наполненные глубоким смыслом структуры коллективного объяснения действительности» [Огурцов с. 52]. Способ восприятия и познания мира – это некоторые правила, на основе которых субъекты сегментируют объекты мира. В различных жизненных ситуациях субъекты менталитета видят содержание ситуации под определенным углом зрения. Опираясь на положения психологии социального познания, известно, что люди оценивают жизненные ситуации, исходя из конкретных позиций, например, личной выгоды, справедливости, степени рациональности и др. Это позволило нам гипотетически выделить конструкты оценки жизненных ситуаций.

Конструкт мы понимаем как некоторое представление о значимости тех или иных жизненных ситуаций, основание классификации ситуаций, которое выступает критерием способа восприятия мира субъектами менталитета.

Конструкты были нами выведены на гипотетическом основании как наиболее значимые аспекты жизнедеятельности коллективного субъекта. При этом мы опирались на исследования Ф.

Клакхона и Ф. Стродбека [], которые эмпирически установили, что наиболее актуальными являются следующие проблемы у представителей различных культур: проблемы человеческой природы, отношения человека к природе, ко времени, деятельности, друг к другу. Также полагались на исследования С. Шварца [], который выделил универсальные руководящие принципы жизни в 20 культурах: самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижение, власть, безопасность, конформность, традиции, щедрость, универсализм.

Предполагаем, что у субъектов менталитета возможны следующие базовые конструкты и их критерии:

- 1) этический конструкт – критерии: мера добра, мера зла, мера справедливости,
- 2) конструкт временной – прошлое, настоящее, будущее,
- 3) пространственный конструкт – обширное, сжатое, нулевое,
- 4) конструкт рисковости – активность, пассивность, уход,
- 5) конструкт коммуникативный – установка на себя, на людей, от людей,
- 6) интеллектуальный конструкт – креативность, контекстность, рациональность
- 7) конструкт гедонизма – физическое, духовное и материальное удовольствие,
- 8) конструкт определенности – порядок, промежуточный, хаос,
- 9) конструкт достижений – успех, боязнь неудачи, неуспех.

Этический конструкт актуален для любого коллективного субъекта менталитета как задающий морально-нравственные границы поступков человека. Пространство и время основной конструкт оценки жизнедеятельности человека. Рисковый конструкт актуален для современной жизни коллективного субъекта, поскольку степень рисковости увеличилась в последнее время. Коммуникативный конструкт актуален, поскольку событие коллективного субъекта и рождается в пространстве коммуникации. Интеллектуальный конструкт как носитель интеллектуальных программ коллективного субъекта. Конструкт гедонизма в большей степени связан с удовлетворением потребностей коллективного субъекта. Конструкт определенности связан определенностями, упорядоченностью в жизнедеятельности коллективно субъекта. Конструкт достижений связан с оценками результативности деятельности коллективного субъекта. Данные конструкты укладываются в парадигму жизни коллективного субъекта, в которой можно выделить – отношения, общение, деятельность и субъекты.

Сочетание различных параметров конструктов менталитета определяют направленность в компонентах менталитета и задают определенное содержание его структуры.

Многообразие конструктов и их параметров решает принципиально вопрос о динамике конструктов, по всей видимости, они взаимозаменяемы, просто изменяемы.

Г.М. Андреева полагает, что слом старого консенсуса недостаточен для его изменения, необходима договоренность по поводу употребления тех или иных понятий. Следовательно,

необходима коммуникация. И здесь она полагается на дискурс-анализ Р. Харе. Дискурс как рассуждение по поводу проблемы и выступает необходимым условием смены социального консенсуса.

Активность конструкта задается системами ценностей, смыслов и значений, которые представлены в актуальном поле коллективных субъектов. Приоритетными оказываются сочетания, конфигурации конструктов, которые адекватнее социокультурной ситуации. Но данные изменения говорят об оперативных изменениях в менталитете. Но сложные, кризисные ситуации, которые вызывают рассогласование в ценностно-смысловой структуре ментального пространства, порождают новые конфигурации конструктов, выходящих за границы возможного менталитета. Эти новые конфигурации конструктов выступают как более вариативные в ситуации столкновения коллективного субъекта с незнакомыми, незафиксированными в памяти его культуры и истории проблемами, доминирующие в рамках той или иной эпохи.

Выводы:

1. Мы определили менталитет как самоорганизующуюся, совмещенную психологическую систему. Совмещенность системы менталитета мы выводим из положения В.Е. Ключко о том, что в процессе своего становления система человека приходит в соответствие миру. Самоорганизация системы менталитета обусловлена системной детерминацией ее проявлений.

2. В исследованиях К. Арнхольда, Ф. Грауса, Г. Телленбаха, И.В. Мостовой, А.Г. Скорик, А.П. Огурцова, подчеркивается, что менталитет является системой. В базовой структуре менталитета выделяем: 1) опираясь на феноменологию, компоненты менталитета – глубинный (архетипы, потребности), эмоциональный (эмоции и чувства), когнитивный (образ мира (значения, коллективные представления, смыслы, ценности), стили мышления), поведенческий (программы поведения). 2) полагаясь на эмпирические исследования Ф. Клакхона и Ф. Стробека, С. Шварца, выделяем конструкты менталитета: этический (мера зла, мера добра, мера справедливости), временной (прошлое, настоящее, будущее), пространственный (обширное, сжатое, нулевое), рисковости (активная стратегия, пассивная стратегия, уход), коммуникативный (установка на себя, установка на людей, установка от людей), интеллектуальный (креативность, контекстность, рациональность), гедонизма (физиологическое удовольствие, духовное удовольствие, материальное удовольствие), определенности (социальный порядок, социальный хаос, промежуточное звено), достижения (успех, боязнь неудачи, неуспех). 3) элементы менталитета – пространство, время, значения, смыслы, ценности. Опираясь на концепцию В.Е. Ключко, можем утверждать, что значения, смыслы и ценности являются пятым, шестым и седьмым, помимо с одномерным временем и трехмерным пространством, измерением образа мира.

3. Функции системы менталитета, определяющие реальность и построение жизненного мира человеком, определяем следующие: категоризация, формирование смыслов, оценка социальной

ситуации, соотношение со стереотипами восприятия, с культурным образом мира, принятие ценностей культуры, построение программ поведения. Функции менталитета по отношению к реализации в жизненном мире человека полагаем следующие: защитная, конструктивная, организующая, адаптивная, интегративная.

Системообразующей функцией системы менталитета является функция приведения в соответствие ценностно-смысловых составляющих религиозной, этнической или социальной систем. Полагаем, что процессуальность совмещенности включает в себя следующие составляющие: 1. представление, «обналичивание», презентация ценностно-смысловых компонентов; 2. согласованность ценностно-смысловых компонентов жизненных миров коллективного субъекта; 3. интеграция ценностно-смысловых компонентов.

4. Основным принципом организации менталитета полагаем принцип – менталесообразности (Б.С. Гершунский), понимаемый как «сообраз» менталитету, самоподобность, «согласно архетипу» менталитета. Центральной составляющей, ядром менталитета выступает образ мира коллективного субъекта. Образ мира является и компонентом менталитета, и объединяет его конструкты, и объединяет его элементы, и соотносит слои структуры менталитета. Образ мира – это область, в которой заключены все начала менталитета, это «мозг» менталитета. Код матричной структуры менталитета скрыт в образе мира.

5. Из общей теории систем следует, что специфическими особенностями системы менталитета являются: динамичность, самоорганизация и целеустремленность. Исходя из теории психологических систем, свойствами системы менталитета выступают следующие: полифоничность и целостность, протяженность и нелинейность, толерантность и неопределенность, прерывность и открытость. В современных нестабильных социальных условиях менталитет укрепляет следующие свойства: полифоничность, нелинейность, неопределенность и прерывность.

2.3. Ментальное пространство совмещенной системы менталитета

2.3.1. Координаты ментального пространства

Тема пространственной презентации социума и отдельного человека обсуждается во многих работах: «Социальное пространство» и его морфология (Ю.А. Левада и соавт., П. Бурдые), «Геометрия социального пространства» (А.А. Давыдов), «Социальное поле» (Б. Хансен), «Социология пространства» (А.Ф. Филиппов) и др. На сегодня выделяются понятия – «ментальное пространство», «психологическое пространство», «социальное пространство», «субъективное пространство», «пространство изменчивости», «пространство взаимодействия», «жизненное пространство» и др..

Понятие «психологическое пространство» относительно недавно вошло в обиход психологов. Дж. Гибсон впервые описал не физическое пространство, а пространство, которое живые существа конструируют в своем восприятии, в его свойствах и отношениях. По Дж. Гибсону пространство представляет собой пространство «возможностей действовать» []. Реальное пространство никто и не видит. Пространство, его свойства всегда являются отраженными качествами, психологически наполненными человеческими значениями, смыслами и ценностями.

Ученые описывают различные виды социальных и психологических пространств посредством инструмента формализации геометрических пространств. Сразу выявляется, что существует два психологических пространства: пространство взаимодействия между субъектами, субъектами и культурой и пространство внутреннее, многомерное, психологическое пространство человека. Х. Хекхаузен, анализируя теорию поля К. Левина, писал: «наблюдая поведение людей в различных ситуациях, Левин стремился выявить психологическую структуру окружающего мира как пространства действия. Ему удалось установить примечательные различия между психологической и географической структурой мира, особенно если последняя описывается в евклидовой системе координат» []. «Психологическое пространство, или поле, состоит из различных областей, которые структурируют не пространство в собственном (географическом) смысле слова, а психологически возможные действия и события. Часть из таких областей соответствует возможным позитивным и негативным событиям целевые регионы с позитивной валентностью и регионы опасности с негативной валентностью. Остальные области представляют инструментальные возможности действия, использование которых приближает к целевому региону или отдаляет от региона опасности. Они имеют, таким образом, значение средства действия. В одной из областей модели окружения находится сам субъект, представляемый точкой или кружком. Чтобы достичь целевого региона с позитивной валентностью, субъект должен одну за другой «перебрать» все области, лежащие между ним и целевым объектом, преодолеть их в действии» [Хекхаузен]. Таким образом, в данном контексте психологическое пространство понимается как возможность реализации потребностей человека, осуществления взаимодействий с миром. Такой тип психологического пространства реализует поведенческие программы коллективного субъекта. И такое пространство корректнее было бы именовать социально-психологическим. Отметим, что психологическое пространство не имеет четких границ между разными субъектами и объектами. Предполагаем, что оно имеет различные объемы. Структурирование границ пространства определяются отношениями человека к миру.

«Психологическое пространство это своеобразная ментальная карта реальности, в ее пространственном аспекте. Это система ориентиров, с помощью которых человек определяет местонахождение предметов, их тождественность или не тождественность по отношению друг к другу и, самое главное, определяет свое место и значение среди других явлений бытия» [А.А.

Калмыков, с. 43]. Психологическое пространство – это пространство, ограниченное в многомерном мире человека. Психологические пространства являются «мерностями» многомерного мира.

Иногда пространства называют мирами. А. Маслоу выделял «мир естественный и мир психического; мир упрямых фактов и мир желаний, надежд, страхов, эмоций; мир, который живет по не психическим законам и мир, который живет по психическим законам» [с. 342]. Многомерный мир человека есть то, что располагается между субъективной и объективной реальностями (А.Н. Леонтьев). Этот мир не рождается в человеке, он им создается, конструируется самостоятельно или совместно с психологом. Многомерный мир человека скрыт от самого человека для того, чтобы обеспечить ему возможность видеть мир отдельно от себя. Л.Я. Дорфман под многомерностью понимает: «множественность и разнопорядковость «пересечений» индивидуальности и объектов мира при их взаимодействиях» [с. 94].

По всей видимости, у каждого человека его психологическое пространство будет представлено субъективным пространством. Б.Ф. Ломов все субъективные отношения личности представляет в виде «субъективного пространства» личности. Его измерения представлены различными сферами отношений. А.Г. Асмолов описывает социальное пространство, в котором личность через совместную деятельность приобщает общественно-исторический опыт. В этой связи Л.Н.Гумилев выделял этническое поле: «Этническое поле не сосредотачивается в телах ребенка или матери, а проявляется между ними. Ребенок устанавливает связь с матерью... входит в ее этническое поле, которое потом лишь модифицирует вследствие общения с отцом, родными и другими детьми и всем народом. Но поле в начале жизни слабо и если ребенка поместить в иную этническую среду, перестроится именно оно, а не темперамент, способности и возможности» [с. 313]. Очевидно наличие различных видов психологических пространств.

В теории самопричинности личности В.А. Петровский пишет, что именно Э.В. Ильенковым русским философом был поставлен вопрос о пространственном существовании личности. В.А. Петровский употребляет термины «психологические измерения», «пространство» личности, и таких он выделяет три: индивидуальное, интериндивидуальное пространство, интраиндивидуальное пространство [теоретическая психология]. В первом, личность погружена в пространство индивидуальной жизни. Во втором, все взаимодействия личности в группе. В третьем, отражены вклады личности в других людей. Думается, что еще можно выделить пространство взаимодействия человека и культуры. В.Э. Чудновский пишет, что личность в своем жизненном пространстве реализует свои смыслы жизни.

В.М. Розин считает [с. 104], что в связи с кризисными явлениями в культуре ученые принимают принцип «личностной относительности». Суть его заключается в том, что в действительности можно выделить «социэталный» и «витальный» планы. Социэталный план включает объединение людей во всех сферах общества. Эта реальность общезначима для всех людей. Витальный план специфичен для каждого человека. Здесь человек реализует свой

индивидуальный путь в жизни. В этом смысле индивидуальные мировидения существуют в витальном плане в виде представлений, а в социальном плане они существуют как культурные или психические феномены.

Таким образом, авторы констатируют наличие многих мерностей внутреннего мира человека. Следовательно, у психологического пространства можно выделить некоторые координаты.

Т.Н.Берзина, анализируя многочисленные работы, заключает, что существует принцип подобия психики и мира, при этом, поскольку доказано в естественных науках, что мир многомерен, то и психика, которая его отражает многомерна. Автор опирается на такие положения как то, что человеческий организм обладает некой избыточностью возможностей по отношению к выполняемым функциям, так же избыточностью степеней свободы кинестетических цепей человеческого тела [с. 275]. «Внутренний мир личности как многомерное пространственно-временное образование, которое одновременно существует и внутри человека и вне его, благодаря наличию во внутреннем мире человека дополнительных пространственно-подобных и временно-подобных измерений» [с.345]. «Идеальные психические объекты располагаются в пространстве большей мерности (т.е. сдвинуты по четвертой координате), вместо трех обычных координат в нашем мире мы воспринимаем лишь их проекции» [с.310]. Следовательно, внутреннее пространство имеет не только пространственно-временные мерности, но и дополнительные измерения «отраженных в форме чувственных образов»[с.282]. Е.И. Головаха утверждает, что временные и пространственные перспективы позволяют человеку освоить часть социального пространства.

Менталитет как совмещенная система, совмещающая различные организационные составляющие имеет пространство данных совмещений. Его мы будем называть вслед за В.Е. Ключко, «ментальным пространством». Пространство совмещений составляющих менталитета определяем «ментальным», поскольку оно связано напрямую с когнитивными процессами в образе мира коллективного субъекта.

Менталитет погружен в ментальное пространство (В.Е. Ключко, В.Ф. Петренко), которое находится на пересечении витального, этнического, религиозного и социального полей человека. Также ментальное пространство находится между субъектом и объектом, и, по словам автора, поэтому «трансубъективно» (Д.Н.Узнадзе, В.П. Зинченко). В.П.Зинченко писал, что «объективный мир не станет миром человеческим, пока не войдет в континуум «бытие-сознание» в мир человеческой деятельности» (с.349). Как нечто вне-данное формируется оно в «транскоммуникации» (В.И. Кабрин), представляющей собой «межличностные взаимодействия и взаимодействия человека и культуры» (с.31, Сборник Кабрина).

Полагаясь на эту идею автора, предполагаем, что бытие менталитета разворачивается, «продлевается» в мир именно в ментальном пространстве в ходе взаимодействия людей, взаимодействия групп и взаимодействия с их культурой и с миром. Взаимодействие человека и мира

мы понимаем как процесс совмещения в ментальном пространстве витального, социального, религиозного, этнического полей человека и коллективного субъекта. В ходе этого совмещения порождаются новые пересечения этих полей. При этом исходим из представлений В.Е. Ключко о новом подходе к содержанию предмета психологии – психике, не только как к отражению субъективного мира, а как к порождению новой реальности. При этом, субъективное и объективное выступает не в качестве научных абстракций, а как живой системы взаимопереходов. Эти взаимопереходы порождают многомерные качества мира человека, одним из которых является сам менталитет. Менталитет как сложное качество человек и атрибут коллективного субъекта может быть обнаружен только по мере домысливания через другие системы (общественное сознание, этничность, социальные явления), а не посредством чувственного опыта.

Просмотрев работы по проблеме психологического пространства, видно, что она далека от своего завершения, но уже сейчас можно полагать, что ментальное пространство как очевидно один из видов психологических пространств, представляет собой пространство, имеющее координаты пространственные, временные, значений, смыслов, ценностей. Человеку, чтобы жить «необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии)» [А. Маслоу с. 251]. **Ядро ментального пространства включает в себя неповторимые конфигурации значений, смыслов и ценностей, заключенных в менталитете.** Конфигурации, сочетания названных элементов менталитета, соответствуют определенному образу мира и образу жизни коллективного субъекта, связанных с системами религии, этноса и социума в определенном пространстве и времени. Конфигурации, сочетания различных конструктов структуры системы менталитета, при помощи которых коллективный субъект воспринимает, оценивает и понимает окружающую действительность.

Выделяясь в психологическом пространстве коллективного субъекта, ментальное пространство имеет свои координаты: пространство, время, значения, представления, смыслы, ценности. Данные координаты указывают на границы ментального пространства и области совмещения для данного коллективного субъекта как носителя определенного менталитета. В различных культурах можно выделить различные конфигурации, сочетания координат ментального пространства. Определенное соотношение времени и пространства в сочетании с группоцентрическими ценностями, смыслами коллективного творчества, значений коллективного субъекта могут характеризовать менталитет коллективистической культуры. По этому выявленные Г. Хофстедом и Г. Триандисом метрики культур, могут одновременно выступать параметрами определенных сочетаний координат ментального пространства совмещенной системы менталитета. Координаты ментального пространства заданы параметрами – коллективизм/индивидуализм, дистанция власти, феминность/маскулинность, избегание к неопределенности, открытость/закрытость, простота/сложность. Образ мира и образ жизни коллективного субъекта,

построенные на основе его значений, смыслов и ценностей, находят соответствие посредством сочетаний координат ментального пространства.

2.3.2. Пространство и время системы менталитета

В динамических, самоорганизующихся системах существует «внутреннее время» (И. Пригожин), отличное от астрономического времени. «Чем сильнее неравновесное состояние системы, тем быстрее оно протекает» [с. 35 В.Н. Костюк]. В.Н. Костюк пишет, что каждый тип изменяющейся системы имеет свое специфическое пространство и время. Они порождаются случайным поведением траекторий развития системы. «Глобальное поведение системы существенно изменяет самый смысл пространства и времени» [с. 117 И. Пригожин]. Исходя из этих положений, можно полагать, что система менталитета как самоорганизующаяся система обладает своими пространственно-временными координатами в ментальном пространстве.

Проблема психологии пространства и психологического времени человека, как отмечает, например, Г. М. Андреева, имеет давнюю традицию изучения в психологии. Ее можно встретить как «временная перспектива личности» (К. Левин), «временной кругозор» (П.Фресс), «концепция времени личности в масштабах ее жизни» (А.А.Кроник), «временная перспектива» (К.А. Абульханова), пространственно-временная структура жизненных миров человека (Ф.Е. Василюк), пространственно-временной, образный континуум (Т.Н. Березина), «временной структуры опыта» (Ю.К. Стрелков) и т.д. Безусловно, «осознание времени своего существования — важное дополнение к осознанию собственной идентичности» (Г. М. Андреева, 1997, с. 162). Оно, реализуясь через осмысление человеком своего психологического времени во взаимосвязи с социальным временем, временем эпохи, «порождает некоторую Концепцию Времени, свойственную каждой личности» [там же, с. 163]. Специалисты NLP выделяют концепцию времени, присущую и большим группам.

К.А. Абульханова пишет, что деятельность человека создает пространственно-временную определенность объективно разобобщенным объектам [психол и сознание с. 68]. Л.М. Веккер рассматривает пространственно-временные отношения как обязательные для всех видов психических процессов. Учеными подмечено, что временные отношения выражаются в языке через пространственные термины: «до перестройки, после перестройки». И клинические исследования Л.П. Гримака подтверждают наличие внутреннего пространства человека: «в нем запечатляются и моделируются пространственные аспекты внешней жизнедеятельности организма» [с. 88]. Стрессовые воздействия приводят у некоторых больных к изменению топологии пространства. Признавая бытийность «пространственно-временного континуума» человека и коллективного субъекта, рассмотрим его составляющие.

Экзистенциальные психологи определяют пространство как особенность, общую для всех вещей, возможность их взаимодействия [Мерло-Монти с. 312]. Т.Н. Березина полагает, что

внутреннее пространство – это форма существования внутренних, чувственных образов [Т.Н. Березина с. 34]. Подмечая при этом, что одно и другое имеют феноменологическую независимость. Р.М. Грановская отмечает, что: «образ представляет собой субъективную форму объекта, он порождение внутреннего мира данного человека. Уже в процессе формирования образа на него воздействуют установки, интересы, потребности и мотивы личности, определяя его уникальность, в особенности эмоциональной окраски» [с. 30]. Поэтому Т.Н. Березина делает вывод: «внутреннее пространство не является отражением пространства внешнего, а представляет собой сложное личностное образование, где наряду с психически преобразованным образом, в гораздо большей степени представлен субъект» [с. 43]. Самым важным является то, что субъект воспринимает в большей степени только самое актуальное [стратегия ж. Абульханова с. 161].

Коллективный субъект имеет свою пространственную определенность. Она является образом пространства жизнедеятельности коллективного субъекта. Значимые события коллективного субъекта пространственно представлены, привязаны к определенным местам. События, проживаемые коллективным субъектом, запечатлеваются в его коллективной памяти *Значения, смыслы и ценности содержательно маркируют события жизнедеятельности коллективного субъекта в пространственной перспективе.*

Вторая составляющая интегративного интрапсихического пространственно-временного континуума является внутреннее время (И. Пригожин). Время с общенаучной позиции выступает длительностью и последовательностью событий. К.А. Абульханова определила концепцию личностной организации времени. Личность способна творить время. Любое, изучаемое время является частично и психологическим, помимо биологического, химического, физического и др. видов времени [с. 62]. Время «воплощается в структурах внутреннего пространства уже потому, что большинство вторичных образов относятся или к нашему прошлому или будущему» [с. 64]. Время как процесс и результат жизнедеятельности коллективного субъекта проявляется в пространственных характеристиках.

В пространственно-временном континууме пространство и время взаимно влияют друг на друга. В.П. Зинченко, Н.Д. Гордеева в процессе формирования образов выявили трансформацию временных характеристик движения в их пространственный слепок [с. 195]. Учеными зафиксированы факты изменения течения времени в необычных состояниях сознания, в ситуациях повышенного риска [Базылевич, Маршаник], к которым можно отнести социокультурные изменения в нашей стране.

Однако, Т.Н. Березина, К.А. Абульханова ввели понятие «плотности временного переживания». Темпоральное переживание с малой плотностью характеризуется субъективным ощущением ускорения или замедления времени; со средней плотностью характеризуется субъективным ощущением ускорения или замедления времени и ускорением мышления;

темпоральное переживание с высокой плотностью – предыдущие две характеристики и ускорение активности внешнего плана [с. 218]. Т.Н. Березиной эмпирически установлено, что в юности у человека имеется темпоральное переживание малой плотности с ощущением ускорения времени. В пожилом возрасте – ощущения времени замедляются, но плотность увеличивается. Также ею было выявлено, что жители мегаполисов (г. Москва) имеют большую замедленность времени, но с большей плотностью, чем жители маленьких городов Севера и Юга. Следовательно, изменения характеристик пространственно-временного континуума в ментальном пространстве менталитета будут неоднородными в различных регионах нашей страны, у различных возрастных групп.

Нам думается, что конфигурации структурных составляющих менталитета будут влиять на пространственное расположение координат ментального пространства менталитета.

Таким образом, выступая координатами ментального пространства менталитета, пространство и время участвуют в его трансформационных процессах.

2.3.3. Поле значений менталитета

Система значений выступает одной из координат ментального пространства совмещенной системы менталитета.

Л.С. Выготский в культурно-исторической теории постулировал, что по мере развития человека в истории происходит активное изменение его природы, поведения (натуральные формы переходят в культурные) и это происходит посредством процесса «сигнификации». «Сигнификация есть создание и употребление знаков, т.е. искусственных сигналов» [с. 286]. Он определяет, что «знак первоначально выступает в поведении ребенка как средство социальной связи, как функция интерпсихическая; становясь затем средством овладения собственным поведением, он лишь переносит социальное отношение к субъекту внутрь личности» [с. 1092]. Благодаря этому человек необходимо подчиняется общественным требованиям. «Новому типу поведения должен соответствовать новый регулятивный принцип поведения. Мы находим его в социальной детерминации поведения, осуществляющейся с помощью знаков» [Выготский с. 288]. В экспериментах ученый показал, что в зависимости от изменения знака в поведении изменяется и сама структура всего процесса [с. 325]. Изменяется она в направлении большей дифференциации частей, благодаря этому вся операция в целом приобретает новый характер и значение. Нам представляется, что здесь возможно, провести аналогию с трансформационными процессами менталитета на уровне системы значений. А именно, изменение культуры порождает новые знаки, которые встраиваются в систему человека, начинают порождать новые значения, смыслы, которые теперь управляют поведением коллективного субъекта. Основным механизмом модификации и трансформации функций самой личности Л.С. Выготский видит в «подражании и разделении функций». То есть все происходит в процессе общения людей, и здесь мы подходим к

представлениям о значениях высказываний человека не самого по себе («буквальное значение»), а высказываниях «неравнодушных» к другому высказыванию (М.М. Бахтин, 1986). М.М. Бахтин писал, что, подбирая слова для высказывания, мы берем их из типичных высказываний других, принадлежащих одному жанру. «Жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам и, следовательно, и некоторым типическим контактам значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах» [с. 458]. Таким образом, значение всегда включено в определенный контекст и принадлежит определенному жанру, всегда диалогично по своей природе.

В значении фиксируются существенные свойства объекта. А.Н. Леонтьев определил такие функции значения, как ««означения», то есть предметного отнесения...другую...функцию, которая, несомненно, является более древней по своему происхождению, обозначим как функцию «выражения», выражения какого-либо состояния» [Лекции с. 85]. Что М.М. Бахтин называл экспрессией жанра. Следовательно, значения обозначают конкретные объекты и выражают отношение к ним субъекта. Б.Ф. Ломов писал, что: «психологическую основу отражения внешнего мира человеком составляют его природные особенности, социальный и индивидуальный опыт, организованные в системы семантик, которые детерминируют избирательность, гибкость и многообразие способов этого отражения» [с. 325]. Автор выделил три вида систем семантик, определяющих избирательность отражения мира: 1) ситуативная семантика (значения элементов ситуации обусловлены целью, требованиями деятельности), 2) семантики общечеловеческих значений, норм (нормы общественного поведения, общепринятые значения объектов), 3) индивидуальные семантики (определяемые способностями, интересами, личным опытом) [с. 321–323]. Это подтверждает его тезис о том, что значения, как и, что они обозначают, обусловлено контекстом их употреблений и целями употребления. А контексты и цели употребления значений задаются коллективным субъектом особенностями его общения и деятельности.

Отсюда значения В.Ф. Петренко называет превращенными формами деятельности. Поэтому с появлением новых форм деятельности формируются в культуре и новые «фигуры сознания» (В.Ф. Петренко) и значения. При этом хотим отметить, что значение обладает не только отдельное слово, а целостное высказывание (Л. Витгенштейн). Целостные высказывания обрамлены в определенный смысловой контекст, который задается ментальным пространством (Б.М. Величковский). Следовательно, не всегда меняется форма значения высказывания в истории, а меняются контексты понимания этого значения и цели их употребления. Фактически меняются смыслы значений. П. Рикер писал, что один и тот же текст имеет несколько смыслов. Это он назвал «текстуальной полисемией», при этом смыслы наслаиваются друг на друга. Возможно, в различные периоды социокультурного развития общества определенные смыслы являются более актуальными, востребованными и находятся на верхних слоях, чем другие, более глубинные. Они и определяют,

какие высказывания, значения будут актуальны в дискурсах коллективного субъекта. «Значения, смыслы, ценности как субъективные координаты мира человека, переносят человека в узкий слой настоящего» [Галажинский дисс. с. 73]. Значения как координаты ментального пространства находятся в связанном виде в виде высказываний, представлений и текстов

Ментальное пространство В.Ф. Петренко понимает как систему представлений. Можно выделить религиозное ментальное пространство, в нем определен определенный класс значений. В ментальном пространстве этноса другой класс, в социальном ментальном пространстве третий и т.д. «Общекультурное ментальное пространство как совокупность значений, образов, символов общественного сознания в той или иной степени полноты присваивается конкретным субъектом и, преломляясь через его систему ценностей, через его мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл, задающий отношение субъекта к этой реальности и определяющий использование данного ментального пространства как исторической метафоры для категоризации последующих эпох» [В.Ф. Петренко с.22].

Сегодня мы наблюдаем засилье информации в мире. Поэтому уже встречаются ситуации, когда не деятельность задает контексты и цели употребления значений коллективным субъектом, а наоборот, потоки информации, конгломерат текстов, значений. «Люди действуют, используя информацию, а коммуникационные потоки не только не поглощаются как ресурс деятельности, подобно сырьевым или энергетическим ресурсам, а напротив умножаются и ускоряются. Это происходит потому, что информация не столько ресурс, сколько стимул (мотив) деятельности. *Итак, информация — это коммуникация, операция трансляции символов, побуждающая к действию*» [Д.В. Иванов с.12].

В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский полагают, что значения означают предметы и позволяют человеку наравне со смыслами принять предметный мир как реальность. Реальность при этом, «переживается как нечто соответствующее актуальным потребностям и возможностям» [с. 89 там же]. Поэтому не случайно при изменении мира, смене его значений, которые человек не сразу осознает, реальность исчезает. И важно отметить, что эта реальность в силу диалогичности значений всегда сопряжена с другими субъектами.

По мнению Ж. Бодрийера в современном мире происходит экспансия знаковых форм. Так он доказывает неподлинность мира, отрывающего человека от подлинной реальности. Современный знак создает ложные потребности, следовательно, создает референта и значения. Человек отражает не реальность, а означаемое, «симулякр». Симулякр – это «точная копия, оригинал которой никогда не существовал» [по истории философии с. 546]. Так формируется целая система знаков, которая живет своей самостоятельной жизнью. С точки зрения Ж. Бодрийера, знаки преобразуют действительность – детство, пол, смерть, безумие, невежество, идеологию, философию. Все это превращается в симуляции. Мир симулякров хочет быть реальнее реального мира, поэтому автор

назвал современный мир гиперреальностью. В таком мире разрушаются отличия Другого, он разрушается как естественное. «Виртуальное казино симулирует соревнование партнеров по игре. Виртуальный взлом симулирует нарушение прав собственности вкладчиков банка. Виртуальный приход симулирует воспитание пастырем смиренной паствы. Столь интенсивное в последние годы использование технологий виртуальной реальности имеет социальный смысл — замещение социальной реальности ее компьютерными симуляциями» [Д.В. Иванов с.14].

Еще одна проблема, с которой сталкиваются исследователи, является, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, феномен ускорения обновления «общедоступного и релевантного для всех знания» и медленное обновление «специфически–ролевого знания», что тормозит общую концепцию реальности в современном обществе [с. 592]. Из этого следует, что в современном мире общечеловеческие значения превалируют над социально-специфическими (профессиональными, статусными, институциональными). Изменение в координате значений ментального пространства связаны с изменениями смыслов коллективного субъекта.

2.3.4. Смысловое оформление менталитета

А.Н. Леонтьев писал, что значения, к которым человек изначально равнодушен, встраиваются в его систему сознания только благодаря «пристрастности», когда они превратятся «в значение для субъекта», приобретут личностный смысл [Лекции по общей психологии, с. 103]. Личностный смысл связывает значения «с реальностью самой его жизни в этом мире. Смысл и создает пристрастность человеческого сознания» [там же]. Возникающие на поверхности переживания, по мнению ученого, «сигнализируют о личностном смысле событий» [с.104], заставляют его остановиться и вдуматься в свою систему ценностей или пересмотреть ее. С данных позиций смысл выступает механизмом обращения к ценностям, связующим значения и ценности. При этом необходимо отметить, что смысл никогда не бывает завершенным как значение. «Смысл, т.о. определяется более широким контекстом, чем значение» [Леонтьев Д.А. с. 11]. «Смыслы обнаруживаются, а не придумываются» [В. Франкл с. 292].

Поскольку мы пишем о коллективном субъекте как носителе менталитета, то важно понять, как взаимодействуют смыслы в коллективе. М.М. Бахтин писал, что «встречающиеся в культуре смыслы не могут не соприкоснуться. Актуализироваться смысл может, только соприкоснувшись с другими смыслами» [с. 350]. П. Рикер писал, что герменевтика является «пониманием самого себя через понимание другого» [с. 25]. Это происходит в процессе общения, взаимодействия людей, при встрече их со-бытия.

Обратимся к рассуждениям М.Р.Гинзбурга, который выделяет «жизненное поле личности», представляющее собой «совокупность индивидуальных ценностей и смыслов и пространства

реального действия – актуального и потенциального, охватывающего прошлое, настоящее и будущее [с. 46]. В качестве структурного компонента психологического настоящего автор выделяет «ценностно-смысловое ядро», как поле существования познания [с. 48]. В ходе самоопределения человек, по мнению М.Р. Гинзбурга, присваивает выработанные обществом ценности, и в случае успешного самоопределения человек усваивает широкий спектр ценностей, а в случае неуспеха, узкий. При этом человек осмысливает собственную жизнь в случае успешной самореализации, а в случае неуспешной, не осмысливает. Хотя хотелось бы отметить, что еще В. Франкл обнаружил потерю смыслов у успешных бизнесменов и приобретение смыслов у узников тюрьмы смертников Сан-Квентин. Следовательно, нельзя проводить однозначную связь между успехом и неуспехом в процессе обретения смыслов. Также М.Р. Гинзбург обращается к такой характеристике ценностно-смыслового ядра как «экзистенциальная ориентация». В этой связи, либо человек обращается к осмыслению экзистенциальных проблем и имеет референтную группу по данным вопросам и это позитивно, а если нет, то это, отрицательно сказывается на жизни в целом.

«Базовые смысловые точки отсчета определяют для человека степень ценности тех или иных вещей, санкционируют мир его предпочтений, предопределяют характер его поступков в тех или иных ситуациях» [А.М. Лобок, 1997, с.91]. «Смыслы являются общими. Никто не может жить осмысленно в изоляции. Общность смысла характеризует все реальности без исключения. Любая смысловая структура является совместным способом понимания» [Леонтьев Д.А. Феникс, 1964. с. 13].

«Функция коммуникативных абстракций, коими являются значения, заключается в том, что посредством активации значений в голове партнера (достигаемой в свою очередь, через активацию программы построения и посылку некоторых физических объектов-посредников, называемых *знаками*), можно ему *намекнуть* на какие-то иные, специфические, ситуативно значимые образы – *смыслы*. Тем самым реализуется возможность для членов одного коллектива «достраивать», расширять индивидуальные практические классификации, прибегая к использованию опыта других членов коллектива, то есть субъектно расширять субъективные смыслы» [И.Г. Петров с. 126]. Следовательно, автор придерживается позиции расширения субъектности, за счет расширения репертуара смыслов посредством партнеров по коммуникации. Предшествует этому состояние «полисемической и смысловой неопределенности», которая требует своего разрешения.

Смену ценностных ориентаций предваряет смыслоумирание старых смыслов и рождение новых. Данный феномен рассмотрен В.Е. Ключко (1999), А.К. Белоусовой(2002). Так в совместной мыслительной деятельности один партнер посредством смыслопередачи «снижает значимость новых предметов и способствует образованию их новых психологических качеств» (А.К.Белоусова, с. 214).

В. Франкл писал, что «смысл объективен, по меньшей мере постольку, поскольку его можно «найти», но нельзя дать» [с.116]. То есть смыслы могут родиться и не могут быть переданы, но возможно «смыслопередачу» можно понимать, как рождение своего смысла у партнера по взаимодействию под влиянием принятия смысла другого. «Человек постигает смыслы другого человека и формирует адекватные...смыслы» (А.К.Белоусова, с.72). В данной концепции основным источником трансформаций является смыслопередача.

Смыслы, которые передает человек объектам культуры, определяют образ жизни человека, но, по мнению Ю.В. Ключко и образ жизни передает смысл человеческой жизни. «Смыслы выступают как *метаориентир*ы в характеристике субъекта» [И.Г. Петров с. 113].

В.С. Степин пишет, что каждый тип культуры предполагает специфический для нее категориальный строй сознания [с.13]. Начинающиеся под влиянием новых социальных потребностей преобразования категориальных смыслов в различных областях культуры неизбежно влияют на другие преобразования. Е.Ю.Артемьева (1999) установила, что в ситуации «первовосприятия» нового объекта его генерализированный смысл настраивает сенсорную систему, изучающую объект. «Далее принимается решение о том, является ли «новый» смысл конфликтным по отношению к ядерной системе смыслов и если является, то конфликт разрешается на основании информации об успешности деятельности, в которой он возник. И в случае неадекватности «старого» смысла перестраивается сам ядерная структура» [с.204]. Таким образом, в основе механизма смены смыслов полагается процесс сортировки данных, описанный еще в механизмах функционирования памяти (информационный подход).

По мнению Е.В. Субботского смыслы изменяются тогда, когда изменяется позиция личности во взаимоотношении с другими в определенной ситуации. По Д.А. Леонтьеву смыслы изменяются и порождаются в деятельности. Он, опираясь на понятие Мамардашвили «превращенной формы», определяет смысловые структуры, которые объединяются в смысловые системы, превращенными формами жизненных отношений [с. 126].

Позиция субъекта определена в пространственно-временном континууме, что ограничивает его точку зрения, по мнению И.Г. Петрова [с. 128]. Он выделяет в точке зрения: целевую компоненту, знание, объективную область ее устремлений. Именно в точке зрения смыслы соединяются с ценностными ориентациями субъекта.

В свое время Э. Гуссерль ввел понятие аналогизирующая аппрезентация, в основе которой лежит пассивный ассоциативный синтез. В его протекании человек сначала воспринимает тело Другого аналогично своему, а за тем дорисовывает психологию Другого, полагая, что она схожа с его собственной. То есть возникает смысловая пара, «единство схожести». «Именно изменчивость

опыта позволяет нам мысленно перенестись из точки «здесь» в «точку там», в центр чужой самости» [История философии Кохановский с. 401]. Так происходит понимание другого и в этом суть изменчивости опыта. В этой изменчивости опыта по Э. Гуссерлю заключена изменчивость смыслов человека.

В рассматриваемом контексте важно понять, опираясь на взгляды В. Франкла, что при исчезновении традиций приходят в упадок ценности, но жизнь не теряет осмысленности, «уникальные смыслы остаются незатронутыми» [с. 295]. Но вместе с тем, если по В.Е Ключко смыслы, как и значения, передают миру статус реального, то при потере смыслов, что сейчас фиксируется многими исследователями, мир также теряет реальность.

2.3.5. Ценности и менталитет: границы и единство

Рассмотрим ценности человека как одну из координат ментального пространства. Человеческие ценности характеризуются следующими основными признаками: 1) общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; 2) все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в разной степени; 3) ценности организованы в системы; 4) истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности; 5) влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения (Д.А.Леонтьев, 2002).

Определимся с понятием «ценности». Ч.Моррис различал ценности оперативные (действенные) и сознаваемые, не пользуясь понятием «ценностные ориентации», К. Клакхон же определяет ценности как аспект мотивации, а ценностные ориентации – как определенные концепции. М. Рокич называет убеждения, диагностируемые с помощью его известного метода прямого ранжирования, ценностями. М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные и инструментальные. Д.А.Леонтьев обращает внимание на то, что имеют место быть: ценностные ориентации, ценностные представления, ценностные стереотипы и ценностные идеалы. Взаимоотношения между ними неоднозначны и на сегодня слабо изучены. Автор пишет: «Признание ценностей реально действующими имманентными регуляторами деятельности индивидов, которые оказывают влияние на поведение независимо от их отражения в сознании, не отрицает существования не совпадающих с ними как по содержанию, так и по психологической природе сознательных убеждений или представлений субъекта о собственных ценностях» [А.Д.Леонтьев, 2002]. Таким образом, может возникать противоречие между ценностями, которые встроены в мотивационную сферу и ценностными представлениями, включенными в картину мира человека. М.С. Яницкий пишет, что «система ценностных ориентаций является одним из

важнейших компонентов структуры личности. Занимая пограничное положение между ее мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов» [с. 45].

Как показывают многие эмпирические исследования [], в современном социуме меняются ценностно-смысловые основания жизни. Создается впечатление, что ценности, вообще, довольно подвижные образования. «Ценности выступают точкой отсчета, от которой и начинается движение новообразований, трансформации деятельности и преобразования системы» (А.К. Белоусова, с. 329, 2002). Поскольку современная социальная реальность довольно изменчива, то возникают вопросы: Существуют ли вообще устойчивые ценности? Сколько времени они устойчивы? Соответствуют ли ценности каждой психологической ситуации? М. Шелер полагал, что предпочтение ценностей – это механизм оценивания. «Переживание определенной ценности включает переживание того, что она выше какой-то другой» [В. Франкл с. 290]. Ценности, передаваемые моральными, этическими традициями и нормами, включаются в процесс принятия решения в различных жизненных ситуациях. Различные культурные основания принятия решений определяют, какие ценности будут предпочтительными в их иерархии. Следовательно, не сами ценности, а их культурная предпочтительная иерархия будет определять выборы человека, как представителя определенной культуры.

«В рамках новой парадигмы можно утверждать, что ценности не усваиваются, они превращаются в одно из измерений многомерного мира человека, превращая его в жизненный мир как пространство для реализации актуальных потребностей и возможностей человека. Переходя из своей надличной, идеальной формы, ценности обнаруживают себя в структуре жизненного мира как особое внечувственное качество предметов и явлений, составляющих жизненный мир. Это и обеспечивает устойчивость его во времени, стабильность, которую не могут нарушить индивидуальные смыслы, формирующиеся в ответ на ситуативно актуализирующиеся потребности.

Ценности, с этой точки зрения, превращают жизненный мир личности в действительность – устойчивое, переживаемое как реальность существующее «здесь и сейчас» пространство, сближающее человека с другими людьми в силу определенной тождественности их миров, которая определяется источником, из которого вычерпываются ценности. Этим источником является культура как совокупный общественный продукт исторического развития цивилизации» [Галажинский Ключко с. 92]. Опираясь на воззрения В.Е. Ключко, следует, что, встречаясь друг с другом, люди ощущают единство, когда их ценностные составляющие тождественны. Однако смыслы могут быть у данных людей и не тождественными. Очевидно, многое зависит от жизненного опыта человека.

«Ригидность на самом деле указывает на соотношение смысла и ценности того, что включает в себя наличная ситуация, с имеющимся опытом поведения в аналогичных ситуациях, встречавшихся в прошлом. Без такого допущения необходимым образом возникает разрыв между

ценностными и смысловыми координатами многомерного мира человека и тем, как человек осознает ценность и смысл собственных действий в нем» (Э.В. Галажинский, 2001). Очевидно, смысл ценности приобретается тогда, когда происходит совпадение ценностей и ценностных представлений.

В ходе формирования социальной идентичности в подростковом возрасте происходит становление ценностных оснований личности. Каждый возрастной кризис развития вносит коррективы в ценностно-смысловую структуру личности, поскольку кризисы способствуют выходу человека за свои границы включенности в психологическую ситуацию. «По мере взросления личности все большее влияние на формирование ее ценностной системы оказывает осознание собственной принадлежности к тем или иным большим социокультурным группам – этносу, классу, конфессии, общественно-политическим движениям» (Яницкий, с. 79). Кризисные явления в социальной структуре общества, вносящие изменения в социально-психологические параметры среды, оказывают влияние на ценностно-смысловую систему человека. Следовательно, если воспринимать трансформационные изменения в обществе как кризисные, иногда шоковые, то, очевидно, что происходит перестройка ценностей.

Это наглядно демонстрирует исследование Д.А. Леонтьева. У студентов в 1984-1986 гг. ценностные идеалы были далеки от ценностных ориентаций и ценностных стереотипов, конституирующих соответственно Я-реальное и Я-демонстрируемое. У студентов 1996-97 гг. они, напротив, связаны с последними. При этом у мужчин, у которых идеалы разных полов независимы друг от друга (в отличие от женщин, у которых нет четкого разделения), представления об «идеале-мужчине» связаны с ценностными ориентациями, т.е. с представлением о самом себе, и не связаны с ценностными стереотипами, те с представлениями о социальных ожиданиях, предъявляемых к ним. У женщин же представления о «своем» идеале, т.е. идеале-женщине, не связаны с их ценностными ориентациями, т.е. носят подчеркнуто абстрактный, собственно «идеальный» характер. Это позволило предположить автору, что ценностные ориентации мужчин характеризуются устремленностью к идеалам, выступают как еще не реализованные цели или ориентиры, задающие вектор развития личности, в то время как у женщин ценностные ориентации носят более заземленный, прагматичный характер (Леонтьев Д.А., 2002, б).

«Объективные ценности становятся конкретными обязанностями, «отливаются» в форму ежедневных требований и индивидуально-личных жизненных задач. Ценности, лежащие в основе этих задач, могут быть достигнуты, очевидно, только через их решение» [В. Франкл с. 171]. «Система ценностных ориентаций определяет жизненную перспективу, «вектор» развития личности, являясь важнейшим внутренним его источником и механизмом» [М.С.Яницкий, 2000, с. 34]. По мнению Д.А. Леонтьева [сборник таганрогская конференция] ценности должны дорасти до личностных оснований, структур, чтобы направлять человеком изнутри, а не из вне.

М.С.Яницкий полагает, что по отношению к взрослым людям, система ценностей которых в основном сформировалась, далее происходит ее индивидуальное развитие и изменение. Однако, мы в своем исследовании хотим показать общие изменения в структуре ценностей современников.

В теории психологических систем описан механизм смены ценностей. «Если согласиться с тем, что эмоции отражают смысл и ценность явлений и целостных ситуаций, а это одно из главных положений теории психологических систем (1991), (1999), то придется согласиться и с тем, что отбор схем поведения из опыта должен опосредоваться эмоциями, через которые и осуществляется внутрисистемная связь предметов, имеющих актуальный смысл и ценность, с соответствующим им опытом поведения. Имеются основания для такого утверждения. В частности, в рамках ТПС показано, что, разделение эмоциональной и установочной активности теряет смысл, поскольку та и другая есть только проявление единого механизма, обеспечивающего устойчивость и подвижность, избирательность и направленность деятельности. Этот механизм был выделен в экспериментах, в единый эмоционально-установочный комплекс – «эмуc» (В.Е.Клочко, 1972, 1998). Считается, что эмоции при этом выполняют и основную функцию системообразования, удерживая систему от распада. Иными словами, когда сознание отделяет Я от не-Я, эмоции продолжают удерживать их единство. Таким образом, в норме эмоции не искажают действительность, привнося в нее субъективность. Они нейтрализуют осевшую на предметах субъективность, обеспечивая реалистичность бытия» (Э.В.Галажинский, 2001). Невозможно переоценить сам факт признания того пишет Г.М.Андреева, что «...именно через установки в социальное познание включается эмоциональный компонент, что зафиксировано также в исследованиях роли настроения при познании социальных объектов» [].

В 1990 г. Н.И. Лапин провел исследование ценностей россиян по методике, созданной совместно с В.Ю Копыловой []. В результате они получили следующие результаты, что на первых местах стоят такие ценности как законность (инструментальная ценность) и терминальные: общение, семья, нравственность, работа, жизнь человека и свобода. Из них ценности общения, семья, нравственность и работа являются универсальными ценностями, а жизнь и свобода – современные ценности. Традиционные ценности (самопожертвование, традиционность, вольность) не попали на первые позиции. Исследователи установили, что современные ценности занимают верхнее и среднее положение в иерархии распространенности ценностей в российском обществе. Универсальные ценности расположены в верхней и нижней частях рангового ряда. А ценности, принадлежащие традиционной цивилизации, находятся в нижней его половине, но не в самом низу. При этом они опирались на представления В.А. Ядова и его коллег. В 70-е гг. XX века они установили, что инструментальные ценности имеют устойчивое ядро и периферию. В «ядро» тогда вошли такие ценности как мир и хорошая обстановка в стране, семья, работа, здоровье, жизнь, полная удовольствий. На «периферии» оказались: жизненная мудрость, красота, любовь, свобода,

творчество и др. []]. Н.И. Лапин полагает, что на "дестабилизационной стадии" кризиса преобладают ценности, которые он отнес к универсальным, общечеловеческим, принадлежащим различным типам цивилизаций (ценности семьи, нравственности, общения). Они играют двойственную роль между дифференциацией и интеграцией. На второй конфликтной стадии интегративная функция перевешивает, и в ядро системы ценностей входят ценности свободы и жизни человека, что свидетельствует о современных интегрирующих тенденциях. Мы придерживаемся точки зрения, что ценности невозможно четко закрепить к подвидам традиционным, универсальным и современным. Одна и та же ценность как инструментальная, так и терминальная может относиться к различным из представленных подвидам в зависимости от исторического периода, уже не говоря о смысловой нагрузке ценностей..

В эмпирическом исследовании смены ценностей современного российского общества [] Н.А. Журавлева получила следующие результаты: 1) возрастание значимости прагматических ценностей (эффективность в делах перемещается с 13-го на 7-е место, предприимчивость - с 6 на 3 место), ценности ответственности - с 9-го на 5-е место, образованности - со 2-го на 1-е место, а терминальная ценность здоровья устойчиво занимает 1-е место). 2) стабильное снижение значимости этической ценности воспитанности: с 9-го она переместилась на 14-е место, ценности личностного развития (мудрости: с 9-го на устойчивое 10-е место, самоконтроля: с 5-го на 9-е место), жизнерадостности: с 8-го на 10-е место и независимости: с 4-го на 6-е место.

Выделена также группа тенденций, более жестко связанных с социально-экономическими условиями. После острых социально-экономических кризисов (после 1992/93 г. - в 1994 г. и после 1998 г. - в 1999 г.) динамика ценностных ориентаций личности происходила по следующим направлениям: 1) возрастала значимость эффективности в делах: с 13-го на 8-е место, свободы: с 8-го на 6-е место, ценностей духовного развития (мудрости: с 10-го на 9-е место, творчества: с 13-го на 10-е место), жизнерадостности: с 10-го на 8-е место; 2) снижалась значимость этических ценностей (честности: с 1-го на 3-е место, воспитанности: с 9-го на 13-е место), профессиональной самореализации (работы: с 4-го на 8-е место) и общения с друзьями: с 5-го на 6-е место. Другими словами, выявлены два комплекса ведущих терминальных и инструментальных ценностей, значимость которых разнонаправленно изменялась в условиях ухудшения социально-экономических условий жизнедеятельности и в условиях относительной их стабилизации []].

Как отмечает И.Г. Яковенко, при явной вестернизации российского общества, наблюдается рост антизападнических настроений [а]. Это подтверждает наличие противоречий в системе ценностей, поскольку ожидаемые ценностные ориентации не совпадают с демонстрируемыми.

В исследованиях Н.М.Лебедевой, В.Н.Павленко отмечается выраженная тенденция к сохранению таких базовых ценностей русской культуры – коллективизм, феминность, а также возникновение новых ценностей – индивидуализм, маскулинность, амбициозность, мотивация достижения []. В последних социологических исследованиях показано, что имеют место три группы ценностного сознания: индивидуалистическая система ценностей (20–22%), традиционная система (45–47%), противоречивые ценности (30–35%) [М.П. Мчедлов с. 80].

«Развитие системы ценностных ориентаций более точно может быть представлено не как последовательное ступенчатое прохождение тех или иных стадий и уровней, а как параллельное протекание ряда циклических процессов» [М.С. Яницкий, 2000, с. 59].

В своем исследовании мы предполагаем, что в современной России традиционные ценности (традиционные, значит, присущие определенному периоду времени – это несколько расходятся с понятием традиционные ценности у В.А. Ядова) сменяются инновационными. Трансформация ценностей происходит следующая: Табл. 4.4.1.

Таблица 4.4.1.

Сравнение традиционных и инновационных ценностей

№	Традиционные ценности	Инновационные ценности
1.	Социальные группы ориентируются на будущее	Социальные группы ориентируются на настоящее
2.	Ведущее поколение – люди зрелого возраста	Ведущее поколение – молодежь
3.	Приветствуется консерватизм, следование традициям	Приветствуется прогресс, противление традициям
4.	Преобладающие деловые отношения – неформальные, на основе сотрудничества	Преобладающие деловые отношения – прагматичные, конкурентные
5.	Обучение на основе опыта	Обучение на основе активного эксперимента
6.	Поддерживается расширенная семья	Преимущественно нуклеарная семья
7.	Строгая дифференциация по половому признаку	Нестрогая дифференциация по половому признаку

Как видно из таблицы, ценностные основания образа жизни современников меняются: во временной направленности с будущего на настоящее, с иерархии поколений к центрации поколений на себе, с традиционализма к инновациям, с более теплых отношений к формальным, к сворачиванию института семьи, к стиранию половых привилегий и различий.

По данным С.Г. Климовой, В.В. Муратова, индивидуалистические тенденции в российском обществе приводят к тенденции сиюминутного удовлетворения витальных потребностей и фрустрации потребностей духовных, что приводит к потере смысла жизни и смысла самоактуализации []. Мы предполагаем, что пенсионеры как люди представители прошлой эпохи обладают смыслами, которые не соответствуют нарождающимся новым ценностям. Поэтому их смыслы будут умирать. Очевидно, возможно говорить о *поколенческом ценностно-смысловом диссонансе*. Поколение молодежи рождает смыслы, соответствующие ценностям современной эпохи. Возникает вопрос – почему пенсионеры не хотят (или не могут) рождать новые смыслы, а пытаются найти соответствие старых смыслов новым социальным реалиям?

Как утверждает М.К. Мамардашвили (1995), истина всегда рядом с человеком, но чтобы она открылась необходимо войти в особое состояние, из которого эта истина откроется. Возможно, пенсионеры, находясь в тяжело переживаемом состоянии потери ориентиров прошлого, не могут освободиться от тревоги, иногда злобы, что препятствует их инсайту. Ю.В. Ключко в своем диссертационном исследовании касается вопроса смыслообразования. Она констатирует, что поставленный вопрос П.А.Флоренским о поиске критериев различения объектов культуры, которые он считал необходимо искать за ее пределами, возможно решить если проанализировать, как самоорганизуется человек, не адаптируясь, а переконструируя собственный жизненный мир [с.32]. «Трансформация образа жизни начнется с решения ценностно-смысловых задач, с внутренней духовной работы по определению (переопределению) высших смыслов собственной жизни» [с.21]. При этом произойдет либо развитие человека, либо его физическое и «социальное» умирание. Самым важным он считаем, то, что ценности превращают реальный мир в действительный (В.Е. Ключко), и при перестройке системы ценностей у человека, он теряет свою действительность. А следовательно, не актуализируются потребности в саморазвитии и самореализации.

Выводы.

1. Совмещенная система менталитета имеет области совмещения своих структурных и организационных составляющих, которая располагается в ментальном пространстве. Ментальное пространство является видом психологического пространства и находится на пересечении религиозного, этнического и социального пространств многомерного мира.

2. Ментальное пространство имеет координаты ментального пространства (области определенности): значения, смыслы, ценности, трехмерное пространство и время.

3. Значения как координаты ментального пространства находятся в связанном виде в виде высказываний, представлений и текстов. Они могут изменять свои контексты в ходе социокультурных преобразований. Смыслы, которые порождают контексты, могут менять свое местоположение в семиотических слоях в зависимости от востребованности в обществе коллективным субъектом. Значения и смыслы, совмещаясь, рожают новую психологическую реальность коллективного субъекта и человека.

4. Ценности связывают коллективного субъекта с миром культуры. Это положение указывает на то, что ценности находятся, скорее всего, на границе между менталитетом и культурой, но и входят в слой ментального пространства совмещенной системы менталитета. Ценностно-смысловые изменения лежат в основе трансформации менталитета социальной общности. Предположительно, сначала изменяются ценностные идеалы, за тем меняются ценностные представления, а уже в конце идет смена иерархии ценностей и ценностных ориентаций. При чем, действует следующее правило, если ценность лежит в пространстве возможного, возможное Я, то она имеет смысл, реальное Я, если находится в зоне невозможного, то смысл теряется. Обнаружены следующие тенденции

изменений ценностей: смена иерархии, образование новых ценностей и противоречия между ценностями.

5. Именно механизм смыслопостижения является универсальным в обнаружении новых смыслов, порождении ценностей и новых значений, даже если свобода человека чрезвычайно ограничена. А механизм «эмус» – эмоционально-установочный комплекс способствует сохранению системы значений, смыслов и ценностей.

6. Образ мира и образ жизни коллективного субъекта, построенные на основе его значений, смыслов и ценностей, находят соответствие посредством сочетаний координат ментального пространства.

2.4. Самоорганизация системы менталитета

2.4.1. Детерминация и вероятность самоорганизации системы менталитета

Самоорганизация – центральное понятие науки синергетики. «Мы называем систему самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру» [Хакен.а 1991. с. 28-29]. Под специфическим воздействием понимается то, к которому система адаптирована. При самоорганизации на систему действуют неспецифические воздействия. Самоорганизация возникает из хаотических состояний, содержащих неопределенности, сложной системы (Г. Хакен, 1980). Когда изменяются внешние параметры системы, старые равновесные конфигурации становятся неустойчивыми, что может породить новообразования [с.34]. Г. Хакен различает организацию, которая регулируется извне и самоорганизацию, которая регулируется внутренними системными упорядочивающими воздействиями [с.226]. Феноменология менталитета демонстрирует, что более интенсивные внешние воздействия приводят к качественно новому поведению его системы. При этом происходят процессы, которые приближаются к нелинейным и менталитет из достаточно закрытой системы переходит к максимальной открытости для внешних воздействий. Ученые брюссельской научной школы под руководством И. Пригожина разработали теорию необратимости процессов в открытых неравновесных системах. Согласно ей сложные нелинейные системы имеют ряд черт. Автономность – независимость от начальных данных системы, независимость от краевых условий. Резонансное возбуждение – существование определенной области параметров или стадия, где нелинейная система особенно чувствительна к воздействиям, согласованным с ее внутренними свойствами [с.5]. «В галилеевском мышлении сверхчувственные качества открываются в системе, в более высоком по уровню мышлении (метасистемном – авторская вставка) на первый план выходят сверхчувственные качества второго порядка, которые системой порождаются. На основе порождения таких качеств система оказывается способной к самопорождению» [Галажинский,

Ключко с.33]. А из данного положения следует, что, находясь в ментальном пространстве, менталитет в процессе трансформации не напрямую подчиняется ни логике объективной среды (перестройка экономической, политической и социальной систем), ни логике коллективного субъекта как его носителя (статус пенсионеров в обществе, национально-психологические особенности россиян), «а подчиняется логике самоорганизации человека как открытой системы» [с.34].

«Целостное взаимодействие пространственно-временных и информационно-энергетических составляющих дает нам формообразующее и смысловое наполнение процессов самоорганизации систем любого уровня» [Ю.Н. Белокопытов, с. 125]. Таким образом, менталитет как сложная нелинейная система в процессе своего саморазвития, довольно, автономна и устойчива, что может определить ее как самоорганизованную систему. Одним из первых описал динамику политического менталитета как процесс самоорганизации Б.Ф. Петренко [Петренко, Митина с. 122]. «Теории аттракторов и катастроф правомерно использовать для описания функционирования общественного сознания» [с. 129]. Была разработана математическая модель изучения динамики политического сознания, единицами которой выступили политические установки. Фактически была открыта дорога для дальнейших исследований.

Сегодня выделяют «самоорганизацию в режиме бытия» – процесс поддержания системы в определенных границах постоянства и «самоорганизацию в режиме становления» [Буданов, с. 91]. В.Г. Буданов выделяет 5 принципов становления системы: нелинейность, неустойчивость, незамкнутость (открытость), динамическая иерархичность, наблюдаемость [с. 87].

Нелинейность в становлении системы заключается в том, что результаты суммы его причин не равны сумме результатов причин. Неустойчивость системы видится в возрастании отклонений от ее программы. Открытость состоит в возможных взаимодействиях системы во вне. Динамическая иерархичность представляет собой череду возникновений и исчезновений во взаимодействии трех иерархичных уровней системы. Наблюдаемость – это относительность становления и бытия системы к окну наблюдения за ними [с. 92].

Мы предполагаем, что самоорганизация становления системы менталитета включает три параллельных процесса: 1) самодетерминация коллективного субъекта (переживание собственной возможности (В.А. Петровский), выдвижение новой цели); 2) расширение возможностей (саморазвитие коллективно субъекта в мир, ценностно-смысловая и пространственно-временная его определенность); 3) порождение новообразований (переход в новое качество организации системы менталитета коллективного субъекта).

Представители определенного менталитета склонны поступать согласно национальным нормам, даже если они противоречат здравому смыслу. Однако происходят даже самые незначительные события, и менталитет может меняться. «Сегодня ясно, что в эволюции сложных систем основная

роль принадлежит неравновесности и неустойчивости, одна из причин этого возникновение «динамического хаоса» в системе» [Костюк с. 9]. Ученые отмечают, что разнонаправленность и конфликтность эволюции систем является значимой характеристикой всего мира.

В неустойчивых динамических системах происходит случайное поведение траекторий (И. Пригожин, 1985). Ученые пытаются объяснить изменения, происходящие в менталитете, при социально–политическом кризисе. Однако это сделать довольно сложно, поскольку в основе таких объяснительных схем положен линейный детерминизм – общение, поведение индивида и групп определяется общественными отношениями. То есть, смена общественных отношений меняет социальные отношения людей и отчасти это так. Однако, ситуационные концепции, показали, что многообразие ситуаций нарушает привычное линейное детерминирование систем (Л. Росс, Р. Нисбетт). «Даже наиболее увлеченные исследователи, работающие в рамках вышеупомянутых традиций (возможные–Я) (наше пояснение), не дают нам никакого повода ожидать, что поведение конкретного (не экстремального) индивида в конкретной ситуации будет когда-либо высоко предсказуемо» (Л.Росс, Р.Нисбетт, с. 276). Как пишет В.П. Иванов [], для субъективности невозможно указать совокупность порождающих ее внешних причин, условий, обстоятельств, ибо ее природа и специфическое отличие от других явлений объективного мира состоят именно в *отношении* к ним, ко всему внешнему; *ее специфика состоит в самопричинности, в самообусловленности.*

Таким образом, сегодня непросто основываться на детерминации, легче полагаться на вероятности в объяснении причин самоорганизации менталитета. «Любое описание системы, претерпевающей бифуркацию, включает и детерминистический и вероятностный элементы» (И.Пригожин, с.119). Бифуркации происходят при некотором критическом значении параметра нового решения системы. При чем флуктуации окружающей среды могут воздействовать на бифуркации и породить новые неравновесные переходы в системе. Как отмечают И. Пригожин и И. Стенгерс (1986) переход через бифуркацию такой же случайный процесс, как бросание монет [с.236]. Следовательно, можно описать возможные детерминанты самоорганизации менталитета, основываясь на историческом опыте и попытаться смоделировать его вероятностные причины. **Самоорганизация системы менталитета заключается во временной, пространственной, функциональной и структурной ее самоопределенности.** Трансформацию совмещенной системы менталитета понимаем как вид ее самоорганизации. При этом происходит «смена качеств, присущих ее потенциальной структуре, актуализация новых стационарных состояний» [с. 86 В.Н. Костюк] в системном пространстве и времени.

Понимая трансформацию менталитета как разновидность самоорганизации его системы, выделим детерминанты самоорганизации менталитета коллективного субъекта. С точки зрения общественных областей знания большое внимание было уделено внешним и внутренним детерминантам развития менталитета народов – это материальный базис, социум, культура, общественные движения, революции, катастрофы, элита и др. Однако, как отмечает В.П. Огородников, отношения связи нельзя путать с отношениями причинности []. Социокультурные изменения находятся в связи с трансформацией менталитета, но не в причинных отношениях. Причинные отношения скрыты в самоорганизации системы менталитета.

В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев представляют ретроспективу различных подходов в психологии к проблеме детерминации психического развития:

1. Натурализм – психика человека имеет двойную одновременно действующую причинную детерминацию: в своих качествах и проявлениях она есть результат организменных, биогенетических преобразований, а в своих функциях есть следствие приспособления индивида к природной и социальной среде.

2. Социоморфизм – Общий смысл развития в данной парадигме - это *социализация индивида, формирование* («отливка») внутреннего мира человека по определенной, социально заданной норме, образцу или мерке. Индивид лишь овладевает, присваивает вне его лежащую «общественную природу», свои сущностные силы, которые уже опредмечены в социальном устройстве мира.

3. Базовые процессы развития в парадигме гносеологизма – *взаимодействие и отражение*; в расширяющемся взаимодействии субъекта и объекта отражается структура последнего, а в соответствии с ней складывается новое и совершенствуется уже возникшее в психологическом строе индивида. Объект не причина психологической структуры и не ее следствие; они изоморфны (взаимооднозначно отображают друг друга) и параллельны.

4. Культурализм – личностное начало встраивается в царство природного и социального мира как транссубъективное, как производное от исторического взаимодействия и суммирования деятельностей бесчисленных исторических субъектов; оно представляет собой в высшей степени сложную совокупность общественно-исторических норм и ценностей человеческого общежития, фиксированных в живых образах культуры - в произведениях, традициях, ритуалах, обычаях.

5. Теологизм – практика веры, деятельность спасения и процесс преображения в христианском мировоззрении являются смыслом и деятельными формами становления и развития «собственно человеческого в человеке».

6. Становящийся антропологизм, в рамках которого рассматривается *саморазвитие*: как фундаментальной способности человека становиться и быть подлинным субъектом своей собственной жизни; способности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования [].

В рассмотрении детерминаций трансформации менталитета можно выделить все эти виды, поскольку менталитет целостная, сложная самоорганизующаяся система. Мы будем придерживаться последнего подхода, опираясь на теорию психологических систем В.Е. Ключко. Системный подход В.Е. Ключко открывает две детерминанты, которые, по его мнению, мало изучены современной психологией – это социальная и психологическая. Человечество, по мнению автора, перешло от нормативной детерминанты потребностей к сверхнормативной детерминанте возможностей. Поэтому не идеология управляет жизнью человека, а психология (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов). «Экономика, социология, менталитет новой эпохи становятся другими и требуют людей, которые соответствовали бы новым требованиям» [Ключко, с. 37].

По мнению Е.П.Белинской (2001), представляет большой интерес «вопрос о возможных способах, факторах и агентах субъективной стабилизации объективной нестабильности» [с. 31]. Психологическим источником трансформации менталитета является основное противоречие развития российского менталитета. Основными особенностями российского менталитета являются: неопределенность идентичности россиян, неотрефлексированность, интолерантность в отношениях между россиянами и неприятие общественных норм и ценностей. Новые условия жизни российского общества требуют от россиян – четкой определенности в индивидуалистской

позиции, толерантности, гибкости в межличностных и деловых отношениях, а также высокой гражданственности. Как отмечает В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, «постоянное противоречие между образом жизни и качеством многомерного мира, перманентный дисбаланс между ними – вот где лежит источник развития человека» [с. 84]. Столкновение старого образа жизни и нового образа мира заставляет человека перестраивать жизнь, поскольку новый образ жизни не может соответствовать старому образу мира.

Некоторыми исследователями отмечается следующая тенденция – сохранение стабильного образа социального мира, несмотря на микро- и макросоциальные изменения [В.Н.Слущкий, 1993; Е.П.Белинская, 2001]. Такое рассогласование индивида и требований общества является основным источником социальной динамики по Х. Абельс (1999).

Таким образом, *противоречие между личностными особенностями россиян, обусловленными культурными стереотипами восприятия, отношения, взаимодействия с миром, и несоответствующими им внешними условиями, являются одними из источников трансформации российского менталитета.*

Как пишет Е.Б. Старовойтенко, что индивиды обладают различным потенциалом самодетерминации. Самодетерминация воплощается во внутреннюю свободу, если социальный мир, обращенный к личности, устроен разумно и справедливо, если здорово ее тело, если есть возможности для творчества и достижения могут транслироваться в социум. Если воздействия социума на личность агрессивны и разрушительны, если ее действия направлены только на удовлетворение сиюминутных потребностей, то самодетерминация личности затруднена [с. 476].

Современный социум развивается на фоне переходного периода смены традиционного общества рыночным. Характеристики рыночного общества выделены в науке (В.И. Антонюк, В.Г. Бабаков, И.В. Блауберг, А.А. Игнатъев, и др.). Рыночное общество характеризуется социальной неоднородностью. В традиционном обществе все члены равнофункциональны, а при рынке существует уникальность профессиональных и социальных функций. В современном обществе отсутствует алгоритм регулирующего поведения людей. Рынок фиксирует цели человека, оставляя свободу форм поведения. В традиционном обществе традиции фиксирует способ поведения, оставляя открытыми цели. Традиционная культура поощряет репродуктивное поведение, рыночная – инновационное поведение (новые товары, новые стратегии, новые ценности). Рыночное общество преодолевает ритуализацию и мифологизацию. Рынок ускоряет темпы социальной жизни и факторы динамизма. Меняются социальные институты, социальные структуры, система ценностей, типы личности. Но поскольку общество не может, так быстро измениться, то сейчас, по мнению авторов, мы переживаем переходный этап. А переходный этап характеризуется: многоукладностью, отсутствием целостности, принципиальной изменчивостью, неустойчивостью социальных структур, проявляется групповой эгоизм, равнодушие к иным группам. Данная объективная социальная ситуация является основой для трансформации менталитета.

Другие авторы подчеркивают техногенность современной цивилизации в сравнении с традиционной []. «В ее развитии решающую роль играет постоянный поиск и применение новых

технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций» [Степин]. По мнению В.С. Степина, консерватизм традиционных цивилизаций отличается от быстроты динамизма техногенной цивилизации. Особенности техногенной цивилизации заключаются в следующем: представление о человеке как деятельностном существе, которое противостоит природе и предназначение которого состоит в преобразовании природы и подчинении ее своей власти; ценность преобразующей, креативной деятельности присуща только техногенной цивилизации; цель преобразования мира, обеспечение власти человека над природой и социальными объектами, ставшими предметом социальных технологий; понимание природы как живого организма, малой частичкой которого является человек; утверждается в качестве ценностного приоритета идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности, обладая равными правами с другими, в противовес к традиционной культуре, в которой человек занимает место в иерархии касты клана; ценность инноваций и прогресса; научная рациональность в этом типе культуры выступает доминантой в системе человеческого знания, оказывает активное воздействие на все другие его формы, социальные объекты; человек становятся объектами технологического манипулирования. «Тип научной рациональности сегодня изменяется, но сама рациональность остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога» [Степин]. Таковы положения и состояния современного социума по оценкам различных специалистов. Исходя из вышеизложенного, можно вычленил следующие, основные ожидания социума от современного человека, независимо от возраста:

- Индивидуализм в ценностных ориентациях,
- уникальный профессионализм,
- физическая выносливость,
- мобильность,
- выполнения большего объема работы за короткий промежуток времени,
- эгоизм,
- нечувствительность к другим,
- рациональность,
- прагматизм.

Не все группы населения готовы к принятию данных ожиданий, поэтому можно утверждать, что определенная часть будет воспринимать их как враждебные, угрожающие и будут вступать с социумом в конфликтные взаимоотношения.

Как пишут И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов (2002): «Внешний мир вещей, освоенный человеком, постепенно начинает исчезать, становясь из объектного субъектным» []. Следовательно, человек перестает замечать привычное окружение, когда же среда видоизменяется, то человек чувствует ее чуждость, объектность. В этом проявляются законы восприятия человека и законы объективации установки. Изменчивость среды наиболее значимой будет в следующих основных сферах жизни человека (пространство изменений) – это профессиональная, семейная, межличностных контактов. Предметами изменений будут следующие: цели взаимодействия, нормы и правила общения, приоритет ролей, репертуары участников, мотивация. Пространство изменений очень расширено от предметного окружения до отношений между людьми, стратегий взаимодействия.

Направленность изменений заключается в следующем – субъекты менталитета переходят от коллективизма к индивидуализму в своих ценностных ориентациях, уменьшается дистанция власти, происходит интенсивная феминизация, усиливается нетерпимость к неопределенности.

С позиции системного подхода, детерминация психических явлений имеет системный характер. То есть она включает внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредствующие звенья. Мы выделили следующие виды детерминации менталитета, входящие в системную детерминацию: *внешнюю, внутреннюю, детерминацию целью, детерминацию взаимодействием субъектов социальных групп, вероятностную*. Этот список можно продолжить, но в нашем аспекте данные виды детерминации самоорганизации системы менталитета наиболее значимы.

Системная детерминация трансформации менталитета.

Системная детерминация, по мнению В.П. Огородникова, это «активная сторона» взаимодействия между системой и ее элементами []. В системе менталитета традиционные виды надсистемы связаны с определенными, традиционными компонентами менталитета, которые в свою очередь переплетены с определенными конструктами и элементами и имеют выход на подсистемы. Как только доминирующая надсистема менталитета переходит в субдоминантное состояние, то это приводит в движение в его компонентах, конструктах и элементах и подсистемах. Движение приводит к смене в содержании элементов менталитета, которые перестроят все компоненты, конструкты и подсистемы. Таким образом, система действует на ее элементы и элементы действуют на систему. По словам В.П. Огородникова, «системная детерминация выступает как взаимная детерминация» [с. 100]. Собственно на этом основана целостность системы менталитета, которая препятствует ее разрушению. У системы менталитета существует определенная возможность к

изменению ее элементов, что способствует ее развитию. Также разрушению препятствует и обратная связь, благодаря которой составляющие системы менталитета получают информацию об изменениях в ее надсистемах, подсистемах. И тогда каждый из элементов системы менталитета определяет становление и существование ее других элементов, в чем заключается функциональная детерминация развития системы менталитета. Функциональная детерминация, таким образом, входит в системную детерминацию [В.П. Огородников].

«Системная детерминация предполагает, что во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная, т.е. характеризующая всю систему, продуктом функционирования которой она является, «удвоенная», поскольку является качественно новым образованием, не сводимым ни к субъективному, ни к объективному. Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя (самодетерминация) и реализовывать свои возможности» [Клочко, Галажинский с. 64].

По мнению Э.В. Галажинского системная детерминация исследуемой системы «может быть понята только через выявление того, как она взаимодействует (с другими системами В.И.) внутри объединяющей их системы (человека В.И.), в силу чего она оказывается способной сохранить свою целостность» [с.140].

Мы исходим из концепции В.Е. Клочко о «продленности человека в мир», по этому рассматриваем целостную систему человека и мира. Следовательно, именно в этой системе заключено рассогласование, которое приводит к системному детерминированию процесса трансформации менталитета как самоорганизацию его системы.

Исходя из представлений о системной детерминации В.Е. Клочко, можно полагать, что «причинная детерминация» трансформации менталитета заключается в рассогласовании соответствия между образом мира и образом жизни коллективного субъекта. Автор выделил инспирирующую и обуславливающую детерминации. «Инспирирующая, запускающая детерминация» трансформации менталитета может заключаться в переструктурировании ментального пространства напрямую связанного с образом мира. «Обуславливающая детерминация» связана с изменением конфигураций конструкторов и компонентов менталитета как способ разрешения внутрисистемного противоречия менталитета.

Если понимать систему человека не только как отдельного человека, а продленного в мир, то трансформируется вся система продления в мир. **Основное системное противоречие, происходящее при трансформации менталитета, заключается в том, что при несоответствии мира и человека, последний теряет ориентиры, способность самодетерминироваться.**

Это обусловлено в первую очередь *внешней детерминацией*. Внешняя детерминация самоорганизации менталитета прежде всего обусловлена изменениями в ее надсистемах – религии, этноса и социума.

Окружающая среда содержит внешние детерминанты трансформации менталитета как его самоорганизации. К ним относятся:

- *сдвиги в политическом строе страны,*
- *переструктурирование экономики,*
- *реорганизация социальной структуры общества,*
- *образование нового образа жизни,*
- *формирование новых критериев качества жизни,*
- *культурные стереотипы восприятия прошлого, настоящего, будущего,*
- *новые ожидания социума от человека.*

В.Е. Ключко пишет: «Только становясь внутренним содержанием человека как психологической системы, внешнее оказывается действительно «внешним» (не-Я) для восприятия человека, его сознания, его Я» [Ключко Галажинский с. 66].

По всей видимости, наиболее значимыми параметрами детерминант будут следующие – изменчивость среды, интенсивность и скорость изменчивости, пространство изменчивости, направление изменчивости.

По данным Р.А. Додонова (1999): «на состояние этнической ментальности воздействует целый ряд факторов, как природного, так и социального характера, которые находят закрепление в этническом генофонде и проявляются в особенностях коллективной психики. Среди них: географическая среда; специфика хозяйственной деятельности; ритм, темп, образ жизни; психоэнергетические особенности этноса, пассионарность; социальная история; специфика intersубъективных коммуникаций, в т.ч. язык; – особенности духовной жизни, включая религию; оптимальный тип саморегуляции общности и т.д.» []. Именно эти факторы, на взгляд автора, являются факторами изменения этнического менталитета. Ситуацию состояния менталитета в кризисные периоды жизни общества автор описывает, опираясь на взгляды Е.А. Донченко (1994): «Этническая ментальность играет здесь роль некоего «исторического тормоза», постоянно воспроизводя в кризисных ситуациях опыт решения (а, скорее всего – отсутствие этого опыта) навалившихся проблем» [].

Изменения в национально-психологических особенностях представителей определенных общностей и изменения в социально-психологических качествах личности, отражающих изменение всей системы. По словам А.Г. Асмолова, «в схеме системной детерминации развития личности выделяют три следующих момента: индивидуальные свойства как предпосылки развития личности,

социально-исторический образ жизни как источник развития личности и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в системе общественных отношений» [с.170].

В сложной, нестабильной обстановке развития культур наблюдается, по мнению многих ученых, кризисное развитие этносов. С одной стороны, всеобщая глобализация всех сфер жизни общества подавляет этничность, нивелируя ее. С другой стороны, этносы подчеркивают свою исключительность.

Нам представляется, что **основными критериями кризисного развития этносов является потеря их основных функций: адаптации, защиты и интеграции.**

Как показывают многочисленные исследования, адаптивные функции этнических групп ослабевают. Этносубъекты с трудом приспосабливаются к новым условиям нестабильного социума. Среди иммигрантов большой процент людей с психическими заболеваниями и правонарушителей.

Защитные функции этноса еще сохранены, но они по большей части действуют в закрытых обществах. А если общество открыто, то молодежь очень быстро аккультурируется. Например, как замечает А. Н. Мещеряков, японцы, которые традиционно едят морепродукты, благополучно переходят на животное мясо.

Интегративные функции этноса теряют свои информационные барьеры. Этносубъекты принимают такое большое количество информации, которую не могут ассимилировать. Происходит культурное обезличивание этносубъектов.

Очевидно, что само проявление «этнического парадокса», о котором пишут специалисты, является кризисной вехой развития этносов планеты. И прежде всего, это касается самой сути этносов его менталитета.

Также трансформация менталитета обусловлена изменениями в социально-психологических параметрах социальной среды. Е.П. Белинская выделяет следующие социальные изменения в российском обществе:

На уровне общества:

- – изменение форм социальной организации посредством силы;
- – резкое усиление социальной стратификации (по этническому критерию и материальной обеспеченности);
- – данная стратификация переживается субъектами как кризис ценностей и идеалов;

На уровне группы:

- – возрастание числа неопределенных социальных ситуаций и повышение их вариативности;
- – отсутствие нормативных предписаний относительно деятельности в такой ситуации;
- – появление новых социальных деятельностей и социальных ролей;
- – расширение репертуара социальных норм, которые могут быть противоречивыми;

На личностном уровне:

- – нарушение временной перспективы;
- – повышенная тревожность;
- – актуализация специфических защит;
- – усложнение ситуации социального выбора;
- – невозможность прогнозирования своей судьбы;
- – отсутствие внешних ориентиров социального самоопределения заставляет опираться на внутренние ориентиры (систему персональных ценностей, «идеальное Я», идентичность) [с.279].

Надсистема религии претерпела также изменения. Многие религиозные институты изменяют свою деятельность. Люди меняют свои религиозные взгляды. Религия перестает быть интимным делом. Ж.Т. Тощенко установил следующие противоречия, парадоксы религиозности в нашей стране: признавая себя православными, граждане не считают себя «верующими»; расцвет религиозных институтов породил раскольнические настроения внутри них; демонстрация религиозности со стороны бизнесменов и бывших атеистов; чрезмерное отстаивание узкорелигиозных воззрений приводит к вражде, нетерпимости [с. 275]. Таким образом, надсистемы менталитета утрачивают свои первозданные функции в современной ситуации социокультурного кризиса, что внешне детерминирует изменения в менталитете коллективного субъекта.

Внутренние психологические детерминанты самоорганизации менталитета. Восприятие внешней ситуации как изменяемой, интерес к новому, мотивация к изменениям, направленность на самоактуализацию и самореализацию в новых условиях.

На них будут оказывать влияние:

Индивидуальные свойства

- возраст,
- пол,
- темперамент.

Индивидуально-типологические свойства

- самооценка,
- уровень самоактуализации,
- психологический возраст,
- соотношение Я-идеального и Я-реального,
- ведущие потребности,
- тип межличностных отношений,
- мотивация,
- тип поведения в стрессовых ситуациях.

Направленность личности

- ценностные ориентации,
- смыслы жизни,
- интересы,
- идеалы,

- убеждения.

Внутренние психологические детерминанты трансформации менталитета, конечно же связаны с субъектностью личности, «как свойством самодетерминации его бытия в мире» (В.А. Петровский, 1993). «Внутренняя, исходящая от самого субъекта детерминация, оказывает наибольшее давление в силу его свободы, самоидентификации, т.е. утверждения себя в мире в той или иной историко–социальной роли» [И.Г. Петров с. 119].

Сами виды детерминации делятся на: детерминацию прошлым – причинно-следственную детерминацию, актуальную детерминацию и детерминацию будущим – целевую [Э.В. Сайко]. Описав внутреннюю детерминацию менталитета, необходимо перейти к **детерминации целью**. Целью трансформации менталитета является, прежде всего, поиск и установление соответствия между образом мира и образом жизни человека. Именно с установлением данного соответствия человек может выйти за границы своей самости и у него запустятся процессы самореализации, индивидуализации.

Детерминация взаимодействием субъектов социальных групп также можно выделить в трансформации менталитета. Именно социальные ожидания, статусно-ролевые изменения групп молодежи и групп пенсионеров при взаимодействии в ходе меняющегося образа жизни приводят к трансформации менталитета.

Рассмотрев различные виды детерминации самоорганизации менталитета, можно отметить, что применяемые объяснительные схемы сопоставимы с имеющимися в науке концепциями социальной атрибуции, социальных представлений, деятельностной концепцией и др. Однако опыт показывает, что не на все виды ситуаций они действуют, распространяемы. При переходе от равновесной области к неравновесной законы детерминации утрачивают универсальность и «обретают сильнейшую зависимость от типа нелинейности системы» [Пригожин, Стенгерс, с. 241].

Вероятностная детерминация трансформации менталитета как самоорганизации его структуры на новом качественном уровне. Открытые, нелинейные системы характеризуются «забыванием» начальных данных и при этом происходит выход на новое решение, которое получило название «автомодельное» [Курдюмов, Малинецкий, Потапов, с. 7]. Это является признаком уменьшения числа степеней свободы и выделения нескольких основных параметров порядка, к которым подстраиваются все остальные, что свидетельствует о возникновении упорядоченности в системе или самоорганизации [с.10].

Группы могут увеличить или уменьшить разнообразие вариантов, доступных выбору ее членов (Р. Акофф, Ф. Эмери). Выборы имеют вероятность, то есть выбор, осуществляется согласно привычным способам жизнедеятельности, принятым в группе, или согласно близости вкусов, интересов ее членов. Выборы отличны по эффективности – насколько эффективны способы действия. Результаты выбора могут быть оценены по возможности их реализации, при этом важно соотношение вероятных и возможных результатов [с.207]. Так же можно оценить удельную

ценность результатов выборов. По всей видимости, возможности выборов членами группы должны уменьшаться по мере того, как система менталитета переходит в новое качество. Когда выборы совершены, остается их реализовать. Реализация и будет выступать той стабилизирующей основой, которая ограничит дальнейшее изменение системы, перераспределит энергию системы. В этом и заключается вероятностная детерминация трансформации менталитета.

Система детерминаций входит в механизмы трансформации системы менталитета.

2.4.2. Механизмы трансформации менталитета

Механизмы трансформации менталитета представляют собой систему механизмов. Прежде всего, выделяем механизмы трансформации, связанные с субъектностью субъектов трансформации менталитета:

- механизмы трансформации субъектности человека,
- механизмы трансформации субъектности коллективного субъекта.

Если рассматривать механизмы трансформации исходя из системной организации менталитета, то можно выделить:

- механизмы трансформации надсистем менталитета,
- механизмы трансформации системы менталитета,
- механизмы трансформации подсистем менталитета.

Исходя из структурной организации менталитета, то можно определить:

- механизмы трансформации компонентов менталитета
- механизмы трансформации конструктов менталитета
- механизмы трансформации ментального пространства менталитета
 - механизмы трансформации конфигураций менталитета
 - механизмы трансформации элементов менталитета
- механизмы трансформации структурных, функциональных связей всех систем менталитета

Предполагаем, что у перечисленных механизмов есть нечто общее.

«Сколько–нибудь жесткой и определенной схемы эволюции не существует», – писали в начале 90-ых И. Пригожин и И. Стенгерс []. Опираясь на данное положение, хотели бы отразить специфичность механизмов трансформации менталитета.

Исходя из представлений о развитии динамических систем, полагаем, что структура изменяющейся системы менталитета содержит несколько аттракторов (точек равновесия). Сильные внешние воздействия (экономические, географические, политические, социальные, гомогенность национальной среды и др.) или неустойчивость стационарного состояния (кризисный менталитет) могут заставить систему менталитета эволюционировать к другому аттрактору. *К аттракторам*

можно отнести этнические темы, ценности, образ, картину мира, социальные представления, культурные аксиомы. Вокруг данных точек, центров и происходит движение составляющих менталитета. Так, если центрами являются коллективистические и индивидуалистические аксиомы, то потенциально существует возможность сменить одно на другое в ходе трансформации менталитета. При этом происходит смена качеств, присущих ее потенциальной структуре, актуализация новых стационарных состояний этой структуры, существующих лишь потенциально [Костюк с.86]. Здесь проявляет себя закон сохранения – неизменность потенциальной структуры, позволяющей различным актуализациям системы быть выражением одной и той же потенциальной сущности [там же, с. 86]. Когда значения параметров области неустойчивого поведения системы менталитета достигают критических, пороговых пределов, то достаточно малых воздействий на систему, чтобы они скачком перешли из неустойчивого состояния в устойчивое. В нашем контексте значения, смыслы и ценности не принимают критических значений, однако они перестают соответствовать тому образу жизни коллективного субъекта, который приходит на смену традиционному.

«Все их нарушения, с чего бы они ни начинались, происходят «между» – в том многомерном мире человека, где сливается субъективное и объективное, порождая психологическое пространство, которое так сложно определить и закрепить адекватным понятием, способным уловить состоявшийся взаимопереход противоположностей и порождение особого слоя, где сознание и бытие выступают в нерасторжимом единстве и не имеют однозначных причинно-следственных связей - бытие в такой же степени определяет сознание, как и наоборот» [Галажинский, Ключко с. 80].

Процессы, происходящие в менталитете в условиях социокультурного кризиса можно с содержательной стороны описать как механизмы его трансформации. В психологии еще не сложилось единого представления о психологических механизмах изменений различных объектов. Г. Ле Бон писал, что новые идеи становятся доступны толпе только, когда они проникнут в область бессознательного и станут чувством, но для этого необходимо много времени [с. 36].

Данную проблематику раскрывали в своих работах: Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, а продолжили Д.А. Леонтьев, В.В. Соболевников, В.С. Агеев, Л.И. Анцыферова, М.С. Яницкий, А.П. Назаретян, В.Е. Ключко, А.К. Белоусова и др.

Механизмы изменений психологических явлений рассматривали первоначально в рамках решения проблемы адаптации. Ж. Пиаже (1969) адаптацию рассматривает как единство или уравнивание двух противоположных процессов – аккомодации (включение объектов в схемы поведения субъекта) и ассимиляции (модификация действия субъекта, направленного на объект). То есть Ж. Пиаже считал, что «психическая жизнь» начинается тогда, когда «ассимиляция включает объекты в формы своей собственной деятельности» [с. 61]. G. Breakwell помимо ассимиляции и аккомодации выделял еще и оценивание как механизм трансформации идентичности.

Идея приспособления организма к среде, лежит в основе многих концепций изменения менталитета. Этот функциональный взгляд достаточно односторонен. Приспособление как синтез аккомодации и ассимиляции лишь одна из функций сложного предъявления организма в среде. Идею взаимодействия объекта с субъектом необходимо было дополнить идеей взаимодействия субъекта с субъектом. Л.С. Выготский видел механизм развития в сломе старой социальной ситуации под воздействием несоответствующих ей новообразований и построении новой. «Сущность культурного развития состоит в столкновении развитых, культурных форм поведения, с которыми встречается ребенок, с примитивными формами, которые характеризуют его собственное поведение» [Выготский с. 346]. Ученый пишет, что все, что применяли к ребенку из вне, становится его достоянием и он применяет это сам к себе. «Таким образом, подражание и разделение функций между людьми – основной механизм модификации и трансформации функций самой личности» [там же с. 353]. Эта прогрессивная идея сегодня является особенно актуальной. Основным механизмом, который выделен учеными – это «перенесение внутрь» (Л.С. Выготский). Что весьма схоже с понятием «интериоризации».

А.Н. Леонтьев (1983) утверждал, что «интериоризация – это не просто минус чего-то, это не только вхождение вовнутрь, так сказать. Это и обязательная трансформация. Процесс не может сохраниться, не меняя свою форму. Он меняется» [Лекции с. 373]. Он описывает образ мира как продукт трансформации чувственных образов сознания в значения и смыслы. Эту мысль мы находим у А.Г. Асмолова, который, анализируя скачок внутрь в работах Л.С. Выготского, пишет: «когда мы переходим от речи к мысли, вот этот прыжок в иное пространство – это как трансгалактический переход. При этом меняется размерность. Мы от последовательной логики переходим к симультанным мирам» [Асмолов (а) с. 23]. Нам думается, что *изменения размерности психологического пространства и есть процесс трансформации.*

Описывая составляющие, последствия или причины процесса трансформации авторы фрагментарно указывают содержание механизмов. Одну из попыток описания содержания процесса трансформации мыслительной деятельности предпринял В.Е. Ключко (1991), в которой механизм описан со всей полнотой. «Этот процесс трансформации является сложным, противоречивым процессом, происходящим на уровне всей психологической системы, и выступает как ее перестройка» [с. 208 диссертация]. Таким образом, автор, понимая человека как психологическую систему, пишет, что благодаря трансформации изменяется весь человек. Далее автор поясняет: «Прежний эмоционально-установочный комплекс, являющийся и причиной и результатом функционирования и самоорганизации психологической системы начинает распадаться. Распадается он прежде всего за счет эмоционального компонента этого единства, который как бы вытесняется; уходит из комплекса, подавляется более значимыми эмоциональными сигналами, проще говоря, происходит обесценивание действий, элементов ситуации, а затем и самой деятельности.

Деятельность теряет свое значение, обесмысливается» [там же]. *В основе данного распада мы полагаем, что лежат рассогласования/согласования в функциональных связях пространственно-временного, ценностно-смыслового единства психологической ситуации актуальной области образа мира менталитета человека и коллективного субъекта. И в след за О.К. Тихомировым [], полагаем, что происходит сворачивание значений и смыслов и переструктурирование ценностной системы.*

В.Е. Ключко (1991) вывел следующие виды трансформации деятельности: 1) более значимый объект для человека инициирует мыслительную деятельность; 2) обнаружение познавательного противоречия, которое стимулирует поиск путей снятия противоречия; 3) внешнее прекращение мыслительной деятельности; 4) обесценивается и обесмысливается ситуация [с. 211–212]. Механизмами трансформации совместной мыслительной деятельности выступают процессы целеобразования, мотивообразование, мотивоумирание, целеумирание, смыслообразование, смыслопередача и смыслоумирание (А.К. Белоусова, 2002. с. 214–215).

Д.А.Леонтьев (1999) определяет следующие психологические механизмы порождения смысла: замыкание жизненных отношений, индукция смысла, идентификация, инсайт, столкновение смыслов, полагание смысла. Личностный смысл представляется автором как элемент системы смысловой регуляции жизнедеятельности. Осуществляется она посредством двух механизмов: эмоциональная индикация и трансформация образа. «Трансформации, о которых идет речь, представляют собой структурирование образов целостной ситуации, в которой одни объекты и явления выступают на передний план, другие, напротив, затушевываются; меняются субъективные связи между элементами ситуации и искажаются отдельные соотношения (пространственные, временные и др.)» [с. 170]. Это очень близко к представлениям гештальт-психологов о выделении новой фигуры на фоне и уход в фон старой фигуры.

Так Д.Б. Даненова (2001) психологическим механизмом трансформации образа жизни и образа мира считает актом объективации в сознании происходящих изменений, требующих коррекции в сложившейся совокупности деятельностей и перестройки ценностно-смысловых составляющих образа мира человека. Ю.В. Ключко (2002) механизмом трансформации образа жизни считает вписывание в образ жизни явлений. М.С. Яницкий (2003) основным механизмом трансформации системы ценностей человека считает интернализацию, при которой происходит расширение смысловых границ субъективной реальности и создаются условия самостоятельного выбора высших ценностей. А.П. Назаретян, ссылаясь на теорию Дж. Девиса, предлагает механизм изменений, заключающийся в том, что неудовлетворенные ожидания в обществе приводят к фрустрации людей. У них усиливаются аффективные состояния, усиливающие механизм эмоционального заражения, «уплощающего» образ мира, примитивизирующего мышление и деятельность коллективного

субъекта, приводящие иногда к беспорядкам, несанкционированным выступлениям [Агрессивная толпа с. 188].

В целом авторы представляют механизмы изменений как систему условий, способов и средств распада, преобразования, изменения объектов и прежде всего их функциональных связей. При этом, увеличиваются возможности систем за счет встраивания в них новых структур или модификации старых. Преимущественно авторы полагают в основу адаптивные модели изменений личности.

Психологический механизм адаптации определяется как индивидуальный тип реагирования на нарушения сбалансированности в системе человек – среда, обусловленные усилением или ослаблением тех или иных личностных черт и поведенческих реакций (М.С. Яницкий, 2000, с. 62). Возможно, они объединяются в «этнические защитно-адаптивные комплексы» (А.А. Налчаджян, 2000, с. 175). По мнению автора, они становятся устойчивыми блоками этнического характера, закрепляясь в памяти, они воспроизводятся при встрече с трудными условиями. А.А. Налчаджян описывает следующие механизмы этнозащиты: проекция, рационализация, отрицание, символизация, сублимация, регрессия и др. Таким образом, существуют индивидуальные механизмы изменения и общие, характерные для определенных групп населения и между ними существует определенное сходство. Одним из важнейших факторов, запускающих механизмы изменений, является стремление избегать тревоги, возникающей при социально-психологических изменениях среды.

А.Ю. Агафонов, представляя сознание как текст, полагает, что текст может сохраниться только в процессе его изменения. «Изменение текста – это изменение характера связей между организующими его смыслами, а также изменение мнемических контекстов, задающих семантическую канву интерпретаций» [с. 114]. В основе лежит смыслопорождающий механизм. Если нечто теряет новизну и перестает наполняться новыми смыслами, следовательно, перестает пониматься, то смысл из сознания исчезает, по мнению автора. Мы полагаем, что ничего из психики никуда не исчезает, оно переходит в фоновые области в модифицированной форме.

Социально-психологическая изменчивость – характеристика жизни человека. Она проходит несколько психологических аспектов жизни: построение образа, картины мира, адаптацию, стереотипность поведения, формирование отношения к миру, социальную идентификацию, социализацию и индивидуализацию. Очевидно, что существуют уровни механизмов трансформации.

Трансформация системы менталитета как феномен, зависящий от социально-психологической изменчивости, характеризуют флуктуации в ментальной репрезентации и ментальной презентации человека. Трансформация менталитета происходит сообразно процессам реальности, задействуя изменения системы значений, смыслов и сообразно действительности, задействуя изменения системы ценностей. Таким образом, трансформацию менталитета можно представить как процессы, встроенные в личностное развитие человека при взаимодействии его с социумом. Если в ходе адаптации и социализации происходит транслирование менталитета [], то трансформация менталитета происходит, по всей видимости, на этапе индивидуализации личности. Этот вывод мы делаем, полагаясь на представления Л.С. Выготского, который индивидуальное обозначил как

«высшую форму социальности». В.Е. Ключко определил, что «социальное в человеке – это и есть личностное в нем, представленное определенным уровнем организации человека как системы» [с. 54 диссертация]. Личность, по мнению автора, наследует социальное в процессе индивидуализации. По мнению Е.П. Белинской (2001), на определенных этапах социализации человек создает новые области социальной практики, строит не существовавшие ранее социальные общности, которые она называет социальным творчеством. «Речь идет о производстве нового социального пространства, несколько парадоксальным образом ненормированного в момент своего становления» [с.30].

Подтверждение этому мы находим в работах С.Г.Якобсона. Он отмечает, что «судя по материалам исследований, и семья, и школа, и ближайшее социальное окружение, и массовые коммуникации (радио, телевидение и т.д.), взятые по отдельности, влияют на возникновение важных и характерных свойств личности (известные привычки и представления о вещах и социальных явлениях, определенный круг жизненных ценностей, некоторые социальные установки и т.д.), но не порождают стержневые, фундаментальные черты личности» [с.147]. Автор утверждает, что их порождают не отдельные факторы, а их система, преломленная через свойства и особенности растущей личности.

Индивидуализация понимается по-разному учеными. Г. Олпорт видит в ней постоянное становление, К. Роджерс – внутренний рост или развитие, В. Франкл – осуществление личностного смысла, А. Маслоу – самоактуализацию, Б.Ф. Ломов – это фундаментальный феномен общественного развития, в котором личность приобретает большую самостоятельность и автономность, А.Г. Асмолов – механизм интериоризации, М.С. Яницкий – процесс выработки автономной системы ценностей, при этом достигается баланс внешнего и внутреннего.

Таким образом, именно в процессе индивидуализации человек отделяется от общества и становится автономным. «По мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют все внешние причины, влияния и т.д.» [А.В.Брушлинский, 1991, с. 5].

Так общественный менталитет трансформируется в индивидуальные формы менталитета. И если при этом трансформируется общественный менталитет, то трансформируется и индивидуальный. Но очевидно, что если у пенсионеров уже сложился индивидуальный менталитет, то он может вступить в противоречие с новым общественным менталитетом. А у молодежи только происходит процесс индивидуализации индивидуального менталитета, но уже на основе вновь формирующегося общественного менталитета.

В ходе трансформации системы менталитета процесс индивидуализации затормаживается (ограничены выборы) в силу основного противоречия его системы (рассогласования между миром и человеком). И это открывает возможность для транслирования инновационного

менталитета подростками и трансформации менталитета молодежью, отличного от традиционного, становящегося на основе отторжения традиционного менталитета.

Макроуровень закономерностей трансформации менталитета – это изменения в его надсистемах религии, этноса и социума. Основные психологические механизмы трансформации менталитета в личностном пространстве взаимодействия человека и социума (**мезауровень закономерностей трансформации менталитета**) являются следующие: смыслопорождения, оценивание, суггестия, интеграция, транслирование, идентификация, персонификация, эмпатия, смыслопередача, категоризация, интериоризация/экстериоризация, легитимизация. Однако хотим отметить, что это разноуровневые механизмы. Сложная система менталитета не может трансформироваться по средствам одного механизма, существует целый комплекс таких механизмов. В ходе трансформации менталитета действует целая система механизмов. Ведущим механизмом трансформации является механизм устранения рассогласования системы менталитета. Мы полагаем, что возможно выделить механизмы, которые отвечают за связь менталитета с другими системами (**коммуникативные**). К ним относятся: суггестия, транслирование, интериоризация/экстериоризация, смыслопередача, легитимизация.

Механизмы: смыслопорождения, оценивания, интеграция, категоризация, идентификация, персонификации, эмпатии, смыслопередачи направлены на принятие, понимание и усвоение полученной информации в ходе трансформации – это **механизмы содержательные**, отвечающие за вписывание (А.Н. Леонтьев) информации в систему менталитета. Это внешне ориентированные и внутренне ориентированные механизмы – таков критерий их отличия.

Рассмотрим особенности трансформации ядерных составляющих совмещенной системы менталитета коллективного субъекта. Ядро системы менталитета функционирует по **принципу согласования/рассогласования**. Согласованное состояние, в котором достигнуто системное единство системы менталитета, заключено в том, что система значений функционирует в согласованности с контекстами (системой смыслов), которые в свою очередь, согласованы, приведены в соответствие с системой ценностей коллективного субъекта, при согласованности пространственных и временных координат. В состоянии рассогласования значение не находит своего контекста, появляются новые контексты, несоответствующие традиционной системе ценностей.

Если исходить из того, что менталитет сложная, нелинейная система, то на **микроуровне** можно следующим образом описать механизм его трансформации: система менталитета переходит в неустойчивое состояние, которое является результатом флуктуации, локализованной в небольшой части системы, затем распространяется и приводит к новому макроскопическому состоянию. Как отмечают И. Пригожин и И. Стенгерс (1986), когда возникает новая структура в результате флуктуации, то это происходит постепенно, поскольку новая структура не может

поглотить начальное состояние. «Она должна сначала установиться в некоторой конечной области и лишь затем распространиться и «заполнить» все пространство» [с.248]. Этот механизм получил название нуклеации. Результатом данного процесса является установление нового определенного режима флуктуации, и система подчиняется новому «синтаксису» [с.251]. При этом действует закон, что новых структур может образоваться определенное предельное количество, которое согласуется с внутренними свойствами системы [Пригожин, Малинецкий, Потапов, с. 10].

Приведем иллюстративный пример, подтверждающий принцип согласования/рассогласования. Интерпретация понятия «справедливости» согласуется с российским традиционным контекстом: «всем поровну, без обмана, правильно». Фразеологизмы, которые отражают смысл российской интерпретации понятия «справедливость» следующие: «отдать справедливость – оценить по заслугам, в полной мере», «поступит по справедливости – признать за кем-нибудь какие-либо достоинства». Такие смыслы понятия согласуются с системой ценностей россиян, которые имеют группоориентированную направленность [], то есть главными ценностями являются ценности группы, которые противоречат индивидуалистической направленности. Современные представления, связанные со справедливостью указывают на приоритеты законной справедливости, справедливость оценивается по ситуации и исходя из материального достатка сторон. Следовательно, понятие справедливость приобретает новый контекст, новые смыслы и находит соответствующие ему ценности.

Опишем гипотетическое действие системы механизмов трансформации менталитета. При этом будем опираться на представления В.Е. Ключко: «есть строгая иерархия и субординация в становлении многомерного мира человека, возникновении системных качеств предметов, составляющих мир. Иными словами, субъективное проникает в объективное и оседает на нем в определенной последовательности, обеспечивая его новые измерения, а значит, и новые уровни сознания» [Галажинский, Ключко с. 82]. Предположительно модель трансформации менталитета такова: хаос окружающего мира не подкрепляется объяснительными моделями в образе мира коллективного субъекта, что вызывает у отдельных членов общности чувство потерянности, тревоги. Программы жизнедеятельности образа жизни также наталкиваются на препятствие, выражающееся в их несоответствии требованиям окружающей действительности. Рассогласование образа мира и образа жизни стимулирует процесс смыслоумирания, сворачивания традиционных оснований жизни у субъектов, что ведет к разрушению иерархии системы ценностей. Строится новый установочный комплекс, подкрепляющий деятельность. Это тяжело отражается на состоянии большинства членов общностей, и может приводить к распаду коллективного субъекта. Однако отдельные ее члены постепенно начинают высказывать инновационные идеи в плане новой

категоризации и оценки окружения и начинают реализовать новые стратегии жизни, которые открывают большие возможности в реализации потенциала человека в нестабильной ситуации. Инновационные представления направленно и не направленно транслируются членам общности. Они по-разному эмоционально воспринимаются, оцениваются людьми, расшатывая старые установки и стереотипы, кто-то их игнорирует. Экспериментально было доказано (Е.Ю.Артемьева, 1980), что сначала образы воспринимаются при недифференцированном целостном семантическом эмоциональном оценивании и лишь позднее происходит категориально-понятийная репрезентация объектов. Это вносит изменения в систему смыслов жизни человека. Новые смыслы через смыслопередачу интегрируются участниками общения. «Изолированные оценки не являются смыслами; смыслами они становятся, будучи интегрированы субъектом в образ, картину мира, себя и своей жизнедеятельности, найдя в ней свое место» [Д.А.Леонтьев, Психология смысла, с. 142]. «Далее принимается решение о том, является ли «новый» смысл конфликтным по отношению к ядерной системе смыслов и если является, то конфликт разрешается на основании информации об успешности деятельности, в которой он возник, и в случае неадекватности «старого» смысла перестраивается сама ядерная структура» [Е.Ю.Артемьева, 1999, с.204]. Это по-новому выстраивает систему ценностей коллективного субъекта. Переструктурированная система ценностей интегрируется и нарушает идентификацию личности в Я-концепции. Люди идентифицируются с новыми ролями, позициями. Рождаются новые коллективные субъекты, основания единения которых изменяются.

Под Я-концепцией понимают динамическую систему образов, схем, теорий человека о себе, ответственную за осмысление и организацию опыта, переживаний, мыслей и действий (Бернс, 1986). В ходе социальных изменений происходят трансформации в организации, дифференциации и усложнении Я-схемы. А.Н.Славская показала в своем исследовании, что «основное противоречие в российском общественном сознании еще преобладает старое умозрительное представление об общем благе и свободе, а в индивидуальном – понимание собственной ущербности, невозможности проявить себя, непризнание личности другими людьми и ненадежность межличностных отношений» [с. 19]. Таким образом, старые формы традиционного мышления вступили в противоречие с новыми условиями социума.

В исследовании Д. Графимова и Г. Триандиса (1991) установлено, что вероятность поиска информации по индивидуалистической самопрезентации после обращения к индивидуалистической самопрезентации выше, вероятности поиска информации по коллективной. Отсюда можно провести аналогию с российской действительностью – современный социум предъявляет людям индивидуалистические ожидания, следовательно, граждане будут инициировать индивидуалистические стратегии жизни, которые вписываются в схему-Я. Это в свою очередь будет инициировать следующие защитные стратегии Я-концепции: самоутверждение в тех областях, где

можно проявить инициативу и выделиться из общей среды; самоверификация – поиск людей, которые одобряют индивидуалистическую направленность; самопрезентация себя как успешного, смотрящего в будущее.

Обобщая вышесказанное можно заключить, что **ведущим механизмом трансформации является механизм устранения рассогласования/согласования функциональных связей в системе менталитета.**

Таким образом, в ходе трансформации менталитета происходит трансформация образов социальной действительности при эмоциональной индикации социальных экспектаций социальной группы, с которой человек себя идентифицирует.

2.4.3. Концепция трансформации совмещенной системы менталитета как процесс его самоорганизации

Предметом данной концепции является процесс трансформации системы менталитета, объектом выступает система менталитета человека и коллективного субъекта. Концепция построена на положении о совмещенности системы менталитета и трансформации этого совмещения в определенном социокультурном контексте как формы ее самоорганизации.

Современные данные позволяют утверждать, что психические явления многомерны и включены в многоуровневую систему психических явлений (Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, А.Р. Лурия, Б.Ф. Ломов, В.Е. Ключко). Определив менталитет как системное качество человека и атрибут коллективного субъекта, можно утверждать, что оно является **полисистемным**. То есть, оно определяется не одной биологической и социальной системами, а и многими другими (общественными, культурными, экономическими, политическими и др.). И эта полисистемная определенность менталитета определяет единство человека как субъекта познания, деятельности и общения.

Введем **рабочее определение трансформации совмещенной системы менталитета – это вид ее самоорганизации, процесс рассогласования функциональных связей пространственно-временного, ценностно-смыслового ядра ментального пространства совмещенной системы менталитета, приводящий к замещению традиционных значений, смыслов на инновационные и переструктурированию системы ценностей, определяющий изменения его организации и изменениям субъектности его носителя.**

Трансформацию менталитета как процесс самоорганизации его системы рассмотрим с нескольких аспектов:

1. Темпорального хронотопа динамики менталитета.
2. Организационного изменения менталитета.
3. Изменения менталитета как атрибута коллективного субъекта, как качества человека.

Начнем с описания хронотопа трансформации менталитета. Полисистемность менталитета способствует тому, что необходимо ввести особый способ анализа его динамики. Как мы отмечали выше, специфика динамики менталитета не всегда совпадает с динамикой исторических эпох, т.е. внутренние, структурно-функциональные особенности менталитета задают специфику этапности его динамики. На сегодня наиболее удачной моделью описания и подсчета размерности этапов развития в условиях неопределенности является «фрактальная модель» []. По этому она и была применена в определении размерности этапов развития менталитета.

Б. Мандельброт ввел термин «фрактал», (от латинского слова «fractus» – дробный, фрагментированный), система которая самоподобна в своих составляющих элементах, основываясь на теории фрактальной (дробной) размерности Безиковича-Хаусдорфа, предложенной в 1919 году. Размерность Безиковича-Хаусдорфа совпадает с евклидовой для регулярных геометрических объектов (для кривых, поверхностей и тел, изучаемых в современном учебнике евклидовой геометрии). Размерность Безиковича-Хаусдорфа странного аттрактора Лоренца больше двух, но меньше трех: аттрактор Лоренца уже не гладкая поверхность, но еще не объемное тело. Многие авторы (Х.–О. Пайтген, Э. Петерс, Ю.А. Данилов, Ю.Н. Белокопытов и др.) утверждают, что фракталы позволят глубже понять язык самоорганизации структуры системы.

Представление о менталитете как фрактальной системе имплицитно было представлено и в ранних работах психологов, историков. Однако применение математических моделей, а тем более геометрии, в психологии всегда сопровождается множеством нареканий. Китайские мудрецы учили, что в мире постоянно наблюдаются 64 основные ситуации. Они знали о циклах с периодами 3, 9, 18, 27 и 30 лет. О. Шпенглер писал о циклах с периодами в 50, 300 и 1000 лет. Сейчас широко известен и достаточно хорошо изучен ряд «именных» циклов – длинные волны Н. Кондратьева (≈ 56 лет), циклы С. Кузнецова (15-25 лет), Р. Батра (≈ 30 лет), А. Чижевского (≈ 11 лет), Клинберга (45-48 лет) и др. В неживой природе и в окружающей человека биосфере насчитывается более 100 различных ритмов и периодов. К.Р. Поппер первым написал, что именно древнегреческий философ Платон первым ввел метод геометрических пропорций в космологию, астрономию, в котором космический порядок подчинен геометрическому порядку.

И.В. Николаев, Т.А. Воронина предлагают свой подход к временной структуре исторических событий: «со временем продолжительность фазы исторического развития (они исходят из 8-ми фазного цикла) систематически уменьшается (в 2 раза). Для Киевской Руси (период 573–1245 гг.) длительность фазы составляла 96 лет. (Указаны годы начал I–VIII фаз.) Для Московского государства (период 1341–1677) она равна 48 лет, для Всероссийской империи (1725–1893) - 24 года, для Советского периода (1917- 2001) – 12 лет» [].

И.А. Кучин, И.А. Лебедев применили теорию фракталов к социальным процессам и показали, что: «Мы старались обосновать три тезиса:

- каждый 4-х фазный цикл социального развития (например, К-волна) имеет свое характерное (эффективное) содержание, которым отличается от 4-х фазного цикла следующего этапа развития;
- распространение волновых (квазипериодических) процессов в обществе имеет пространственную составляющую. Картина распространения новаций в социуме («волны прогресса») напоминает картину распространения автоволн термического синтеза и других неравновесных явлений в неоднородных активных средах;
- в силу этого социум можно рассматривать как протяженный пространственно – временной фрактал, где основным носителем активности («горючим материалом» среды) является сознание человека» [].

Фрактальная теория применена Ф.Н. Рянским [] к описанию естественной истории как совокупность вложенных друг в друга циклов, отражающих присущую природе ритмику. Цикл, во временном измерении, описывается промежутком между двумя кульминациями (пароксизмами) активности явления. Ф.Н. Рянский выделяет 19 рангов кульминаций явления, при этом 1-му рангу соответствуют максимальные, а 19-му – минимальные кульминации. 19 ранг описывается периодом 12 лет, 1 – 4,6 млрд. лет (возраст планеты Земля) и 0 – 13,9 млрд. лет (возраст видимой части Вселенной).

В.А. Осипов применяет фрактальную теорию к этносоциальным процессам: «В качестве примера факторизации можно рассмотреть «советский» период истории России, учитывая взгляд на него автора, как попытку этногенеза. *Данный цикл начался с революции 1905 г. и продолжается по сей час.* Добавляя к исходной дате 12 лет (19 ранг), получаем 1917 год (завершение скрытого подъема), 1929 г. (завершение подъема, начало акматической минифазы), 1941 и 1953 гг. (начало минифазы надлома), 1965 (конец надлома, начало инерционной минифазы), 1977 и 1989 гг. (конец инерционной и переход в минифазу обскурации), 2001 и 2013 г. (конец минифазы обскурации), 2025 и 2037 гг. (мемориальная минифаза, соответственно периоды регенерации и реликта)» []. Данные подходы используют несколько грубое приложение фракталов. Некоторые авторы утверждают, что в большинстве научных дисциплин нет надежных фрактальных концептуальных моделей. Тем не менее, попытаемся использовать теорию фракталов для описания процесса трансформации системы менталитета. Попытки применения фрактального анализа встречаются в физике, биологии, экономике. В психологии появляются первые работы, прилагающие фрактальную модель к психологическим процессам (Ю.Н. Белокопытов). Автор отмечает, что «анalogии моделей фрактального роста можно перенести на психологические структуры различного уровня: мозг, личность, большие и малые группы в процессе самоорганизации» [с. 119]. Теоретики фракталов исходят из тезиса о том, что природа не упорядочена, она избегает равновесия, эволюционирует. Э. Петерс пишет, что «сложные системы, подмножеством которых являются системы хаотические, способны адаптироваться к изменениям в окружающей среде в процессе своей эволюции во

времени. Такие процессы отличаются долговременной устойчивостью. Однако условиями этой устойчивости является неопределенность в кратковременной перспективе» [с. 8]. Описанные выше феномены менталитета подтверждают принадлежность менталитета фрактальным закономерностям. Система является фрактальной, когда внутри каждой формы существуют формы поменьше, подобные большой форме.

Это свойство самоподобия является характеристикой нелинейных динамических систем [с.24]. Возможно, что в менталитете архетипы являются уменьшенными «формами», образами, которые подобны всему менталитету (большой форме). Сложностью системы обусловлен тот факт, что, различаясь в деталях (компоненты менталитета), они подобны в принципе. Это означает, что они локально случайны, но глобально детерминированы (Э. Петерс). Менталитет обладает «долговременной памятью», иницируя определенные события, субъекты менталитета определяют психологию поколений, при этом события могут повторяться в новом качестве и влияют на жизнь народа бесконечное время. По мнению Э. Петерса, люди реагируют на информацию не линейно [с.57]. За этим скрывается влияние прошлого на будущее. В нелинейных динамических системах случайность и необходимость сосуществуют. Случай в сочетании с детерминированностью создает статистический порядок. Комбинация локальной случайности и глобального порядка порождает процессы, которые более устойчивы по отношению к окружающим условиям. Очевидно, этим можно объяснить такую устойчивость менталитета к глобальным преобразованиям мира. Фрактальные временные ряды имеют статистическое самоподобие во времени. В нормальном распределении большие изменения случаются по причине большого количества малых изменений. Данного воззрения и мы придерживались, ранее описывая процесс трансформации менталитета []. Во фрактальном распределении большие перемены происходят как следствие малого количества больших изменений¹. Действительно, *менталитет не может измениться, только лишь под*

¹ Херст показал, что большинство естественных явлений (речные стоки, температура, осадки, солнечные пятна) следуют «смещенному случайному блужданию» – тренду с шумом [с.86]. Сила тренда и уровень шума могут быть оценены тем, как изменяется нормированный размах со временем, или, другими словами, насколько величина N превосходит 0,5.

$$X_{t,n} = \sum(e_t - M_N), \quad (1)$$

где $X_{t,n}$ – накопленное отклонение за N периодов, e_t – приток в году, M_N – среднее e_t за N периодов.

Если ряд случайный, размах будет увеличиваться пропорционально корню квадратному из t . Это правило $T^{1/2}$. Для калибровки этих временных измерений Херст ввел безразмерное отношение посредством деления размаха на стандартное отклонение наблюдений. Этот способ анализа стал называться методом нормирования размаха (R/S – анализ).

Тогда размах становится разностью между \max и \min уровнями, достигнутыми в формуле (1).

$$R = \max(X_{t,N}) - \min(X_{t,N}), \quad (2)$$

где R – размах отклонения X , $\max(X)$ – максимальное значение для X , $\min(X)$ – минимальное значение для X .

Для сравнения различных типов временных рядов Херст разделил этот размах на стандартные отклонения исходных наблюдений. Этот «нормированный размах» [с. 87] должен увеличиваться со временем. Херст ввел соотношение:

$$R/S = (a * N)H, \quad (3)$$

где N – число наблюдений, a – константа, H – показатель Херста. если ряд случайно блуждает, то $H = 0,5$. Другими словами, размах накопленных отношений должен увеличиваться пропорционально $\sqrt{2}$ из времени N . На многих

влиянием перемены места жительства народа или ассимиляции в иные культуры. Менталитет трансформируется под влиянием кризисных глобальных изменений в обществе.

Если представить менталитет как многоуровневую, самоподобную, нелинейную систему, состоящую из различных кластеров (компонентов), то можно гипотетически ожидать наличия фрактальных свойств у ее структуры. Самым интересным выводом, который выходит из закона «расстояния между максимумами временного ряда», заключается в том, что «закон распределения событий не зависит от характера самого случайного ряда». «Таким образом, получает объяснение сходство рядов самой различной природы, так как исследователи определили взаимосвязь между характеристиками их структур, а не между двумя рядами... режим случайных колебаний, его циклическую структуру не определяет какой-либо механизм» [Белокопытов, с. 122].

Можно ли из этого сделать вывод, что трансформация менталитета подчиняется случайным законам? В науке данное явление получило название «флуктуации» – случайные, непредсказуемые изменения свойств сложной системы. Действует «механизм ритмической смены состояний системы. Он переключает только на строго определенные формы структур» [печат. по Белокопытову, с. 123]. То есть, все определяют законы взаимосвязей в геометрических формах, которые повторяются в малых формах. Обобщая вышеизложенное, мы полагаем, что модель фрактала может выступать объективным инструментом расчета хронотопа менталитета.

В своем исследовании мы покажем, что структурные и функциональные изменения в системе менталитета произошли приблизительно за 40 лет (период с 1970 по 2006 гг.). Возможно, хронотоп российского менталитета и составляет 40 лет.

примерах Херст получил $H > 0,50$. По мнению Херста это означало, что наблюдения не являются независимыми, то есть каждое наблюдение несет память о всех предшествующих событиях [с. 88].

Влияние настоящего на будущее может быть выражено корреляционным соотношением:

$$C = 2^{2H} - 1, \quad (4)$$

где C – мера корреляции, H – показатель Херста.

Зависимость Херста означает, что сегодняшнее событие всегда продолжает влиять на будущее, и это влияние никогда не может быть устранено. Если $0 \leq H < 0,5$, то такой тип системы демонстрирует рост в предыдущий период, и скорее всего в следующем периоде начнется спад. Это антиперсистентный ряд. Чем ближе H к 0, тем ближе C к $-0,5$ или отрицательной корреляции. такой ряд более изменчив, или волатилен, чем ряд случайный, так как состоит из частных реверсов. при $0,5 < H < 1$ имеем персистентные или трендоустойчивые ряды. Трендоустойчивость увеличивается при приближении H к 1 [с.89].

Фрактальное распределение – это функция плотности вероятности, формула:

$$f = cn^d, \quad (5)$$

где f – плотность распределения, n – число релевантных кластеров, d – фрактальная размерность.

Данная функция статистически самоподобна; это означает, что в различных интервалах времени статистические характеристики остаются одинаковыми. Такое свойство системы получило название персистентности. Если в некоторый характерный период времени эволюции системы ее поведение имело определенный тренд, то вероятное его сохранение в последующий период будет соответствовать свойству персистентности. Персистентный временной ряд представляет собой обобщение броуновского движения как смещенного случайного блуждания [Петерс].

Относительно менталитета, в качестве тренда выступают некие устоявшиеся паттерны восприятия, понимания мира и паттерны поведения субъектов менталитета. Эти паттерны повторяемы из поколения в поколение.

В статье [Коханенко, Рудый] была доказана теорема, которая показывает, что если поведение фрактала персистентно, то его размерность удовлетворяет неравенству $-2 < d < -1$; при антиперсистентном поведении фрактала его размерность меньше -2 .

Обратимся теперь к описанию организационных изменений менталитета. Описав совмещенную систему менталитета, мы показали, что она самоорганизована. По мнению В.Е. Ключко, Э.В. Галажинского, психологическая наука перешла на новый уровень системного переопределения своего предмета, при этом открывается метасистема, по отношению к которой, изолированные до сих пор моносистемы (деятельность, личность, сознание, менталитет и др.) могут быть определены как подсистемы, т.е. элементы моносистемы [с.46]. Рассогласование в совмещенностях систем менталитета на уровне его надсистем, самой системы и подсистем характеризует процесс трансформации.

Системообразующий фактор менталитета реализуется в трех надсистемах менталитета религиозной, этнической и социальной. Таким образом, три надсистемы определяют менталитет, именно в них начинается процесс трансформации менталитета. В надсистемах менталитета происходят различные рассогласования.

По последним данным, изменения в религиях связано в упрощении некоторых культов, с новыми прочтениями некоторых положений учений – это позитивные трансформации религиозной системы. Растворение религии в жизни человека, отделение религии от государства, предание ей второстепенного значения, разрушение ценностей – это деструктивные трансформации религии.

Можно охарактеризовать следующие позитивные трансформации в этничности: рост самосознания этноса (претензия на автономность, независимость, определение своего специфического пути развития, политическая, экономическая активность и др.), изменение демографической структуры этноса, усиление этнозащитных, интеграционных функций, укрепление этнических традиций и обычаев. Деструктивная трансформация: дезинтеграция внутри этноса, демографический спад, ассимиляция иных традиций и обычаев, исчезновение родного языка, исчезновение внешних знаков и символов культуры, смена религии или преобладающее влияние иной религии, смена форм хозяйствования, изменение позиций женщин и мужчин в семье, новые отношения с детьми и др. Данные изменения приводят к трансформации образа мира этноса и образа жизни, изменению коммуникативных стилей, перераспределению соотношения стилей мышления.

Тоже относится и к социально-психологическим изменениям. По данным (Г.М.Андреевой) можно выделить следующие социально-психологические изменения на уровне личности: изменения статуса, ролей, восприятия социума и стереотипов поведения и др. На макроуровне представляется возможным определить следующие социально-психологические изменения: степень конфликтности между группами, конкуренцию, смену статуса и позиций, ролей в отношениях между социальными группами. Конечно, это влияет на категоризацию социального образа мира, ее изменения. По данным Н.М. Лебедевой, в современном российском обществе уменьшается значимость глобальных социальных категорий, связанных с представлениями поколений, (гражданских, идеологических и др.) и увеличивается значимость конкретных, реальных категорий (пол, возраст, профессия, уровень

доходов и др.) []. С.А. Литвина, О.И. Муравьева (2004) показали, что более молодые люди менее склонны демонстрировать патерналистскую установку по отношению к политической власти, чем люди более старшего возраста []. В исследованиях американских ученых продемонстрировано, что установки зрелых людей сформировались в молодости при социализме и не претерпели изменений. Д.А. Леонтьев (2004) провел сравнение «старого» и «нового» мышления поколений. В «старом» мире стабильность первична и абсолютна, в «новом» мире изменение и движение первичны. В ценностном аспекте «старое» мышление призывает к ценностному единообразию, а «новое» – к плюрализму возможных ценностных идеалов []. Это вносит перемены в социальный образ жизни группы – меняются стратегии жизни. Иные стратегии становятся приоритетными, перестраивается система ценностей и смыслов, традиций (забвение старых и образование новых). Все это вехи трансформации менталитета.

Деструктивная трансформация разрушает надсистемы и систему менталитета. Конструктивная трансформация видоизменяет надсистемы и систему менталитета. Деструктивную и конструктивную трансформации можно представить как элементы самоорганизации системы менталитета.

В процессе самоорганизации менталитета в фокусе образа мира каждый раз оказывается различный структурный элемент менталитета, то значения, то смыслы, то ценности. В силу их глубокой взаимосвязи и совмещенности при трансформации каждого из этих элементов трансформируется весь менталитет, т.е. меняется его организация. Так осуществляется трансформация менталитета как вид самоорганизации.

Когда мы рассматриваем вопрос трансформации менталитета, то встает проблема внутренних противоречий системы менталитета. Известно, что противоречия являются двигателем развития системы. Как пишет Д.М. Жилин, противоречия бывают *структурные*, связанные с потоком ресурсов между объектами, дезорганизующими систему. Также выделяют *функциональные* противоречия, которые представляют собой разнонаправленные причинно-следственные связи между объектами, стремящимися уничтожить друг друга []. Очевидно, что система менталитета отторгает какие-то свои элементы, т.е. функциональные противоречия приводят к структурным. Каковы психологические основания такого отторжения?

Системная детерминация трансформации менталитета задается системными связями и отношениями всей ее целой системой. Внешние системы менталитета – религия, этнос, социум стимулируют в системе менталитета определенный набор системных связей между ценностями, смыслами и значениями. Эти элементы системы менталитета связаны с конструктами менталитета (этическим, временным, пространственным, коммуникативным, интеллектуальным, рисковым, определенным, достижения, гедонизма), которые выстраиваются в определенные конфигурации в

ментальном пространстве. Ментальное пространство является сечением, которое встраивается в систему компонентов (глубинный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий).

Описав структуру системы менталитета, мы делаем предположение, что в каждом компоненте данной структуры есть статичная и динамичная части. Так в глубинном компоненте – система архетипов практически неизменна, а система потребностей меняется. В когнитивном компоненте – образ мира относительно изменяется, а стили мышления постоянны, меняется только их иерархия. В эмоциональном – чувства – неустойчивы, отношения, смыслы, ценности – более стабильны. В поведенческом компоненте – стереотипы и нормы поведения – наиболее изменчивы. Именно динамические части больше всего подвержены изменениям в ходе трансформации организации менталитета.

Опираясь на данное допущение, можно представить трансформацию менталитета россиян в исторической перспективе табл. 1.

Таблица 1

Компоненты менталитета	Исторические этапы		
	Советский период	Период перестройки	Период стабилизации в России
1. Глубинный компонент	Ведущие архетипы: Созидатель Дурак	Ведущие архетипы: Правитель Дурак	Ведущие архетипы: Воин Дурак
2. Когнитивный компонент	Образ мира Мы – Советский народ Стиль мышления – идеалистический, догматический.	Образ мира Мы – русские достойны большого Стиль мышления – аналитический, критический.	Образ мира Мы – заложники раздела собственности Стиль мышления – прагматический, реалистический.
3. Эмоциональный компонент (чувства, отношения)	Нормы – нравственность, сотрудничество Отношение «Мы» Ценности: справедливость, любовь, дружба, коллективный труд.	Нормы – демократия, плюрализм Отношение «Мы» – «Вы» Ценности: разрушение, самобытность, самостоятельность.	Нормы – нарушение всех норм Отношение «Я» – «Ты» Ценности: деньги, сила, власть.
4. Поведенческий компонент	Поведение определено коллективными, групповыми нормами.	Провокация, отрицание всех норм.	От полного ничего не делания до «работоголии»

Система компонентов перестраивает свои динамические части, влияющие на статические. Компоненты определяют изменения в подсистемах менталитета образе жизни и образе мира. В образе жизни становятся приоритетными определенные стили жизни, адекватные действительности. Таким образом, образ жизни приходит в соответствие с образом мира коллективного субъекта. Система менталитета развивается.

Мы рассматриваем трансформацию менталитета через динамику «ментального пространства» (В.Е. Ключко, 2002). Ментальное пространство выступает тем феноменом, который в своей динамике объединяет составляющие менталитета и раскрывает психологический механизм его трансформации. Ментальное пространство, по мнению В.Е. Ключко, является переходной формой между Духом и Материей, которое трансубъективно, формируется посредством транскоммуникации («межличностные взаимодействия и взаимодействия человека с культурой») [с.

31]). Ментальное пространство имеет следующие координаты: пространственные, временные, значения, смыслы и ценности. Именно посредством них можно фиксировать трансформационные изменения менталитета. В образ мира вводятся новые значения, которые определяются с новыми контекстами (системой смыслов). Новые смыслы являются теми новообразованиями, которые само порождает система менталитета. Рожденные смыслы в итоге передаются, транслируются другим членам сообщества. Таким образом, транслирование измененного менталитета происходит посредством смыслопередачи. Эта идея была подсказана нам концептуальным подходом А.К. Белоусовой, который раскрывает процесс передачи смыслов партнерам совместной мыслительной деятельности []. Новые смыслы могут быть представлены в пространство мира посредством ценностей. Поэтому следующий шаг – это переструктурирование системы ценностей.

Фокусом самоорганизации человека является согласованность его ценностно-смысловой составляющей менталитета, направляющей, организующей, активирующей его жизнедеятельность.

Рассогласование/согласование ценностно-смысловых составляющих менталитета приводит к трансформации единой ценностно-смысловой системы, ее дезинтеграции. Если системообразующей функцией менталитета выступает приведение в соответствие его ценностно-смысловой системы, то при рассогласовании/согласовании составляющих менталитета, его системообразующая функция теряет свою интегрирующую силу. Возможно, совмещение структуры менталитета разрушается и религиозное, национальное и социальное пространства искажаются и дистанцируются. Образ мира и образ жизни коллективного субъекта приходят в не соответствие друг другу. Это, безусловно, отражается в первую очередь на потере религиозной веры, этнической идентичности и превалировании социальных форм идентичности, что и наблюдается во многом в современной жизненной ситуации российских граждан. Данное состояние можно охарактеризовать как **деструктивная трансформация менталитета.**

Рассмотрим данное представление более детально в отношении менталитета коллективного субъекта. Поскольку самоорганизация это, прежде всего, некоторая переструктуризация элементов системы и поиск соответствий в системы и ее надсистемами. В этой связи в процессе самоорганизации создаются неосознанно коллективным субъектом ситуации, которые в глазах воспринимающего субъекта могут выглядеть, как обусловленные внешней средой, но на самом деле они являются производными человека, группы людей. Об этом писал еще К. Ясперс. Эти ситуации могут входить в противоречие с ожиданиями общества, тогда на лицо кризисные явления, а могут и соответствовать им. В этих ситуациях и рождаются новообразования в системе менталитета. Сами ситуации это центральная часть образа мира (О.М. Краснорядцева). Мы представляем, что данные ситуации создают периферию образа мира. Всякая ситуация это привнесение отдельными

субъектами каких-либо новых атрибутов жизни. Сначала люди не принимают такие элементы нового образа жизни как отсутствие очередей в магазине, широкий ассортимент товаров и услуг, введение пластиковых карт, введение новых правил делового общения и др., а за тем начинают возмущаться при их отсутствии. Эти новые элементы культуры и коммуникации встраиваются в образ мира людей как значимые атрибуты, а за тем, и вписываются в новый образ жизни как новые программы взаимодействия с этими предметами и людьми. Новые элементы культуры воплощаются в новых значениях, смыслах и ценностях, которые вытесняют предыдущие.

В ходе трансформации менталитета привносится новая информация. Как отмечает В.Е. Ключко, однако необходимо нечто, что бы упорядочивало внешнюю хаотическую информацию, подчеркивая, что этим вопросом задавался и К. Ясперс. Причиной взаимодействия субъекта и объекта по В.Е. Ключко является принцип соответствия. Взаимодействие порождает новые формы. **Закон ограничения взаимодействий**, в который входит принцип соответствия, останавливает мир от хаоса форм.

Следовательно, можно выделить ситуации, когда образ мира соответствует образу жизни и ситуации, когда образ мира не соответствует образу жизни. Поскольку каждый образ мира и образ жизни соответствует определенному менталитету коллективного субъекта, то трансформация менталитета приводит к нарушению баланса соответствия.

Таким образом, порождая определенные ситуации, менталитет трансформирует свою форму. Количество форм не может быть бесконечным и механизм ограничения, задаваемый религиозными, социально-психологическими и национально-психологическими особенностями образа мира и жизни, формирует определенную форму. В соответствии с этой формой, происходит перестройка элементов ситуации и наполнение их новым содержанием, что ведет к перестройке периферии менталитета. При этом глубинное, архетипическое ядро остается неизменным, можно предположить, что ядро приспособливается к новой форме, новой периферии.

Социальная нестабильность как особая социально-психологическая ситуация ведет к *структурно-функциональным изменениям менталитета (макроскопический уровень закономерностей трансформации менталитета)*. Поскольку мы полагали, что особенности трансформации менталитета можно обнаружить только при взаимодействии его с другими системами, то отсюда следует изменчивость менталитета обусловлена изменчивостью религиозных особенностей, социально-психологических качеств личности (социально-психологические способности, свойства) и национально-психологическими особенностями (мотивационно-фоновые, интеллектуально-познавательные, эмоционально-волевые, коммуникативно-поведенческие). Статика и динамика компонентов менталитета в условиях неопределенности была прослежена на основании внешних наблюдений за происходящими событиями в социуме последних десятилетий в России.

«Под развитием понимаются устойчивые изменения качественного состояния системы, связанные с переходом к новому уровню целостности и сохранением их эволюционных возможностей» [с. 40 А.М. Миклин, В.А. Подольский]. В данной концепции состояние системы менталитета можно фиксировать устойчивыми позициями координат ментального пространства (пространство, время, ценности, смыслы, значения). Смена координат и отражает динамику развития системы менталитета. Чередование их системы менталитета показывает направленность ее развития. «Существование запретов и ограничений развития факторами, обуславливающими «канализованность», то есть определенное направление пути процесса развития» [с. 93 там же].

В этом и заключается **модель самоорганизации менталитета.**

Представители определенных больших социальных групп имеют объяснительные модели, с помощью которых они оценивают окружающий мир. Эти модели закрепляются в образе мира посредством традиции. В ней фиксируются стереотипы поведения в трудных ситуациях, которые одобряются большинством социальной группы и поощряются в подрастающем поколении. Они классифицируют трудные и простые ситуации; формы действия в них; качества, которые необходимо в себе обнаруживать и закреплять; отношение человека с другими людьми, которые необходимо поддерживать, а какие отклонять; должен ли он проявлять самостоятельность или опираться на помощь других; как оценивать ситуацию и людей, по каким параметрам; сдерживать или проявлять эмоции; каким ценностям придерживаться; каким образом организовывать совместное сотрудничество и др. Это рамки социально-психологического контекста культуры, в которой человек себя определяет, заключенный в образе мира.

Большая часть исследователей, центрирована на вопросах защитно-адаптивных механизмов (С.В. Лурье, А.А. Налчяджян, З.В. Сикевич, Б.А. Душков и др.). Мы предполагаем, что это неоправданное акцентирование защитных проблем зиждется на адаптивных моделях культуры. В дополнение к этому предлагаем не адаптивную, а самоорганизующуюся модель трансформации менталитета в культуре. Мы считаем, что защитная функция менталитета занимает высокое положение в иерархии функций, но не ведущее. По мнению С.В. Лурье, все защитные механизмы «маркируются и вписываются в иерархию бытия» [с.582].

Описанная модель восприятия, оценивания, понимания мира и поведения в мире также маркируется посредством традиции, воспитания, обучения и вписывается в образ мира и образ жизни поколений. С.В. Лурье представила специфические и неспецифические защитные механизмы. Специфические защитные механизмы – это то, какие ситуации представляют угрозу и уже известные способы как с ними справляться. По аналогии представим механизмы самоорганизации системы менталитета. **К специфическим защитным механизмам можно отнести адаптивную функцию образа мира как базы для объяснения людьми мира, себя и других. Неспецифические механизмы самоорганизации – трансформация системы менталитета, приводящая к**

новообразованиям, развивающим систему человек и мир. Люди не осознают образ мира. Попытка его рационализации открывает его разрозненность, внелогичность. Образ мира быстро меняется, но в заданных пределах, заданных защитными механизмами. При этом ядерные составляющие неизменны, поэтому мир нам не кажется распавшимся на несвязные элементы. «Защитный барьер стоит перед внешней реальностью и структурообразующими моментами этнического бессознательного, культурными константами» [с. 584]. Иначе ядерные составляющие образа мира будут подвергнуты критике, поэтому они не доступны. Но они в виде определенных представлений и норм помогают человеку ориентироваться в окружающей действительности. Однако механизмы самоорганизации «подсказывает», в каком направлении меняться образу мира и образу жизни.

Ядерные составляющие образа мира – это пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие менталитета. Периферия образа мира – это обобщенные сценарии действия и образы ситуации, в которой они реализуются. Образ мира играет две центральные функции: 1) ориентации, нацеливания человека в жизни и отторжения искажения чужеродной информации; 2) поддержание соответствия образа мира образу жизни, выравнивания их. Принятый и утвержденный менталитетом образ мира и образ жизни коллективного субъекта можно назвать традиционным, закрепленного посредством традиций. Вновь созданный образ мира и образ жизни назовем инновационным.

В обществе присутствует множество менталитетов (поколений, национальный, городской, провинциальный, профессиональный и др.), поскольку это разнообразие усиливает защиту общества от разрушений и одновременно заключает в себе потенциал ее саморазвития, изменения и конфликта, как причина изменений, трансформаций. Таким образом, существуют и различные образы мира и образы жизни в обществе. С.В. Лурье считает, что существует особый механизм «уравновешивания» искажений в рамках одного образа мира искажениями в рамках другого образа мира, направляемый адаптационной потребностью и потребностью в выражении основных смыслов культуры. Опираясь на воззрения В.Е. Ключко, полагаем, что не только механизм уравновешивания искажений присутствует в системе механизмов трансформации образов мира, но и механизм ограничения взаимодействий, предполагающий сдерживание самоорганизации систем. Таким образом, при взаимодействии образов мира различных коллективных субъектов, они взаимовлияют друг на друга. Принцип соответствия упорядочивает образы мира и образы жизни различных менталитетов в обществе.

В конфликтных ситуациях, а также ситуациях самопрезентации коллективной (взаимозависимой или взаимонезависимой) концепции Я каждая группа отстаивает свой социальный статус в обществе. Свои статусы они закрепляют либо посредством законов идеологии или религии и инкультурируются в ходе социализации, в процессе транслирования менталитета. Кто-то из них

выступает в роли жертвы, подчиняющегося, кто-то в роли разрушителя, звезды, кто-то выступает в роли посредника. Помимо традиционных отношений в культуре существуют еще и люди, которые самостоятельно определяют себя в своих жизненных нормативах, ценностях. Это «пассионарии» по Л.Н. Гумилеву, люди, обладающие личностным сознанием по С.В. Лурье. Мы считаем, что они обладатели инновационного мышления, менталитета. Увеличение таких людей в обществе – это признак кризисных явлений в социуме, поскольку они нарушают традиции, разрушают традиционный образ мира. По мнению С.В.Лурье «формирование личностного сознания представляет собой трансформацию деятельности психологических защитных механизмов человека. Происходит оно через серию малых пограничных ситуаций, которые образно можно представить себе как кратковременную приостановку деятельности защитных механизмов» [с. 592]. Нам думается, что здесь еще участвуют механизмы самоорганизации, порождающие новые смыслы бытия, которые вытесняют традиционные. Они возникают в результате случайного потока мыслительных озарений. По сути – это социальное творчество, когда человек может воспринять в реальности какие-либо новые ракурсы, отличающиеся от старых. При этом происходит переструктурирование ситуации в образе мира. Этот новый опыт шокирует, поражает человека, удивляет и придает в силу своей необычности эмоциональную окраску содержанию ситуации, что фиксирует ее элементы в памяти человека.

«Эмоции отражают не отношения, не предметы (в их физических параметрах), а смыслы и ценности этих предметов как особых их (предметов) системных сверхчувственных качеств, формирующихся при взаимодействии психологической системы с амодальным миром. Потому эмоции и «отвечают» за содержание того, что попадает в сознание, сами оставаясь на поверхности сознания» [Клочко, Галажинский, с. 75].

С этого начинается ревизия укрепившихся культурных констант (по С.В. Лурье). Поскольку новая ситуация, порождает новые значения окружающей действительности, новые смыслы, которые не стыкуются с традиционными способами жизни. Эти изменения находят поддержку среди других членов группы, что постепенно расшатывает традиционный менталитет. Но период нахождения параллельно традиционных и инновационных смыслов занимает приличное время, поскольку это способствует сохранению целостности социума. Общество своими нормативами сдерживает эти процессы, охраняя ядерные структуры образа мира и укрепившиеся способы жизни образа жизни. Однако механизмы трансформации набирают энергию для реализации своих механизмов, при этом растет напряжение в отношениях между людьми. Но образ жизни уже меняется, поддерживаемый внешними атрибутами новых способов жизни меняющегося социума.

Таким образом, часть людей, примерно, 25 % придерживается традиционных ценностей и смыслов, 25% – это люди инноваторы, 50% – это люди, колеблющиеся между двумя этими социальными полюсами. Напряжение возрастает, когда одна из полярных сторон начинает себя

активно позиционировать и привлекает на свою сторону людей из группы колеблющихся. По словам С.В. Лурье «инструментом функционального отреагирования напряжения» является «смута», в психологической терминологии – «конфликт», как следствие поляризации социальных групп. При этом проявляются все признаки кризиса социума: кризис идентичности, потеря смыслов, отторжение традиционной системы ценностей (Г.М. Андреева), интолерантность в отношениях (А.Г. Асмолов) и др. Конфликт открывает нарушение соотношения образа мира и образа жизни групп населения. Механизм соответствия дает сбой. Наступает вакуум, пустота, которые тяжело эмоционально переживаются группами населения. Объяснительные модели, используемые людьми, остаются временно традиционными, что ярко выражается в распространенных поговорках относительно происходящих перемен: «Хотели как лучше, получилось как всегда», «Не битьем, так катаньем», «Страна дураков», «Российский менталитет» и др. И отчасти – это верно, поскольку процессы трансформации, происходящие в психологии людей, специфически российские.

Параллельно данным процессам происходят изменения в этническом поле. Основными критериями кризисного развития этноса является утрата его основных функций: адаптации, защиты, интеграции. Как показывают многочисленные исследования, адаптивные функции этнических групп ослабевают. Этносубъекты с трудом приспосабливаются к новым условиям нестабильного социума. Среди иммигрантов высок процент людей с психическими заболеваниями, правонарушителей. Защитные функции сохранены в закрытых обществах. А если общество открыто, то молодежь очень быстро аккультурируется. Интегративные функции этноса теряют свои информационные барьеры. Этносубъекты принимают большое количество информации, которую не могут ассимилировать. Происходит культурное обезличивание этносубъектов. Защитные функции этносов ослабевают в силу мультикультурности мира, они не выдерживают натиск извне. Сама жизнь навязывает открытые стратегии сотрудничества, препятствующие сохранению этнического единства. Это повышает этническую напряженность. Как пишет А.А.Налчаджян, на Западе агрессивное поведение в этнических конфликтах «принимает форму терроризма и направляется против правительства, а на Востоке агрессивность направляется на членов враждебной этнической группы» [с. 346, 347]. Основной гипотезой автора является представление о переходе внешней агрессии во внутреннюю, если что-то препятствует ее внешней реализации и наоборот.

Постепенно инновационные идеи, представления укрепляются посредством эмоционально-установочного комплекса. И у субъектов социальных групп возникает ощущение, что они так всегда чувствовали, мыслили и поступали и ситуации становятся стандартными, не угрожающими. Выстраивается новая реальность, которая кажется, что была всегда таковой. Это период стабилизации – стабильная ситуация, сопровождающаяся падением напряжения в отношениях между людьми. Опять предположительно – 15% сопротивляются инновациям, 5% – ищут новые пути, 70% – приняли новые условия жизни. Здесь можно определить несколько стратегий жизни, которые

саморазвивают социум в новых условиях: консерватизм пассивный и активный; инновация пассивная и активная; наблюдательская. Окружающие объекты, субъекты и предметы наделяются новой субъективностью, которая отличается от традиционной, тем, что она опирается на новый менталитет, с новыми значениями предметов, объектов, ситуаций образа мира, с новыми смыслами образа жизни и с новой иерархией ценностей, объединяющей всю систему.

«Однако неизменными остаются общие характеристики культурных констант, модус их взаимосвязи и баланс между «источником добра» и «источником зла», а также основные парадигмы, и «образы себя», включающие представления о коллективе, способном совершать действия и о принципе действия людей в мире» [с. 597, С.В. Лурье]. Происходит это, по мнению автора, когда образ мира утрачивает свои адаптивные свойства и когда общество сменяет свои ценностные доминанты. Мы предполагаем, что это следствие процесса трансформации системы менталитета. Образ мира не может утратить свои адаптивные свойства, именно благодаря им, он выживает. А смена ценностных доминант входит в комплекс изменений координат ментального пространства наряду с: пространственно-временными, смысловыми и координатами значений.

Мы согласны с автором, что баланс и модус взаимосвязи культурных констант остается прежним, но содержание все-таки приходит иное. Сегодня все то, что раньше считалось неприличным, социальным злом, СМИ выставляется и культивируется как норма жизни. Таким образом, рамки добра и зла расширились. Что касается основных парадигм, то наше исследование [] показало, что в обществе происходит переориентация с горизонтального коллективизма на вертикальный, и даже есть тенденции к горизонтальному индивидуализму. Это кардинально меняет образ Я групп населения и их стереотипы и ценности поведения. Также меняет образ Мы. Намечается новый образ Они. Если это индивидуализм, образ Мы представлен характерными чертами: независимое «Я», тревожность по поводу когнитивной несогласованности, направленность на себя, учитывают особенности личности и ситуацию, стремятся изменить окружающих, превалируют индивидуальные ценности, независимость от авторитетов, направленность на социальные изменения, иерархия, большая эмоциональная дистанция, обособленность, уверенность в себе, гедонизм, поверхностная привязанность к группе, включенность в неограниченное число групп, неконформизм в отношениях и т.д.

Проведя обширное исследование, Г. Триандис (1995) пришел к выводу, что каждое общество обладает своим доминирующим типом горизонтального и вертикального индивидуализма и коллективизма [с. 79]. Основным критерием разделения является равенство в отношениях между членами группы или жесткая иерархия. Далее автор углубил анализ культур, выделив аллоцентриков и идиоцентриков. *Аллоцентрики* опираются при принятии решений на другие мнения и внешние факторы, а *идиоцентрики* концентрированы на внутренних процессах [с. 80]. Г. Триандис отмечает, что ситуация может менять соотношение коллективизма и индивидуализма в культуре.

Так всевозможные экстремальные ситуации приводят к тому, что идиоцентрики активизируют аллоцентрические установки. Ситуации, требующие сотрудничества, согласия, активизируют горизонтальные установки. Следовательно, конструкт может меняться под влиянием ситуации, но не кардинально.

Как показывают зарубежные исследования, в зависимости от культурной принадлежности позиции «Я» будут формироваться либо сцепленными с «Мы» преимущественно для коллективистских культур, либо отдельными от «Мы» для индивидуалистических культур. Позиции «Я» и «Мы» противопоставляются позиции «Они». Таким образом, получается что культуры с взаимозависимой концепцией «Я» противостоят позиции «Они» и миру в целом. Культуры с независимой концепцией «Я» более спокойны в отношениях к «Они» и весь мир, но напряжены в отношении позиции «Мы».

И в этом выражается механизм самоорганизации системы менталитета, поскольку проступающий индивидуализм противоречит защитно-адаптивной функции российского социума, ориентированного на коллективизм. «Это и позволяет нам представить человека как сложную самоорганизующуюся психологическую систему, производящую новообразования указанной «совмещенной» природы и опирающуюся на них в своем самодвижении, самодетерминации.

Таким образом, собственно психологическая онтология порождается не человеком, не его сознанием, а целостной психологической системой, центром которой является человек. Именно она обеспечивает возможность возникновения и функционирования сознания, являясь первичным по отношению к нему, но вторичной по отношению к амодальному миру [В.Е. Ключко, Галажинский, с.71].

В период трансформации менталитета социальные группы обладают различными образами мира, образами жизни. Следует выделить основные показатели расхождений между менталитетом социальных групп по: конструкту индивидуализм-коллективизм, патернализму, стилю мышления, ценностным ориентациям, идентификации, стилю взаимоотношений, социальному статусу. Именно расхождение и столкновение ценностных ориентаций социальной группы лежит в основе социального конфликта. Но конфликт является предзнаменованием укрепления новой системы ценностей. Постепенно новые ценности встраиваются в образ мира поколений. Это придает новые смыслы и значения оцениваемым объектам окружающего мира. А именно определяются новые приоритеты в направленности личности. Что меняет иерархию мотивов жизни. Социальные группы ожидают нового поведения от своих членов. Это определяет выборы человека. Человек идентифицируется с принятыми личностными качествами, принимает особую систему коммуникаций и принятые оценки ситуаций. С.В.Лурье пишет, что каждая социальная группа играет свою, определенную роль в связи с ценностными доминантами в рамках культурной «темы» [с.610]. По этому со сменой ценностей происходит смена ролей в социуме.

Следовательно, новообразования трансформации менталитета – это новые представления и их значения в образе мира, новые составляющие образа жизни – новые соотношения стилей мышления у поколений (преобладание прагматизма и рационализма), приоритетность новых форм коммуникации, новых видов деятельности, новые смыслы жизни, новых ролей, которые стимулированы новыми совмещениями в системе менталитета.

«Если трансформация деятельности детерминируется новообразованиями, что и предполагает наша гипотеза, то различная деятельность в одной предметной среде будет создавать различные условия для собственной трансформации, поскольку будет создавать разные психологические ситуации, т.е. каждый раз менять значение и смысл элементов ситуации как новообразований деятельности» [там же, с. 113].

Э.В. Сайко утверждает, что: «именно в особых, ситуативно возникающих условиях *настоящего* может сформироваться актуальность детерминации разрыва старых связей в осуществляющемся процессе и как момент процесса в разрешении его противоречий» [с. 37].

Чтобы понять содержание новообразований как следствий трансформации менталитета, необходимо рассмотреть жизненные ситуации традиционного менталитета и ситуации инновационного менталитета.

Составляющими ситуации приняты следующие: окружающая среда и ее характеристики, человек и его характеристики как участника ситуации (активность, переживания, поведение), характеристики взаимодействия человека и ситуации []. Сопоставим характеристики стабильной и изменяемой среды существования менталитета Табл..2.

Таблица 2

Сопоставление характеристик традиционной и инновационной ситуаций

Составляющие ситуации	Традиционная ситуация	Инновационная ситуация
Окружающая среда	Традиционные знаки и символы	Новые знаки и символы
	Стабильна	Изменяема
	Время имеет обычные характеристики	Время субъективно ускорено
	Пространство определено	Пространство сжимается, игнорируется
Характеристики человека в ситуации	Потребности в зоне удовлетворенности	Потребности не удовлетворены
	Пассивен	Активен
	Эмоциональная стабильность	Эмоциональная нестабильность
	Переживание благополучия, гармонии	Переживание тревожности, дисгармоничности
Характеристики взаимодействия человека и ситуации	Стратегии человека и условия среды подобны	Стратегии человека и условия среды в резонансе, иногда в конфликте
	Среда несет радость человеку	Среда несет угрозу человеку
	Человек и среда на равных	Среда давит над человеком
	Человек принимает культурно-закрепленные стили жизни	Человек выбирает наиболее приемлемые стили жизни

Как видно из таблицы рассмотрены три составляющие ситуации: характеристики самой среды, характеристики человека в ситуации и характеристики взаимодействия человека и ситуации. Окружающая среда традиционной ситуации стабильна в психологическом плане. Отчасти данная

стабильность задается культурным контекстом, когда у человека существуют культурно-закрепленные сценарии жизни, которым он обязан придерживаться. В традиционной среде обозначены традиционные знаки и символы в языке, общении, в деятельности. Инновационная среда вводит новые символы и знаки. Человеку необходимо время на их интерпретацию, их понимание и самое важное, принятие. Стабильность жизни в рамках традиции задает определенные правила временной перспективы (сколько времени уделять работе, досугу, общению и др.). Современные временные перспективы расширяют рамки, человек самостоятельно выбирает время для различных сфер жизни. В традиционных ситуациях люди ведут более пространственно заданный образ жизни. Современные условия требуют мобильности.

Меняются в современном мире и характеристики человека в ситуации. В традиционной ситуации человек меньше тревожится, более удовлетворены его потребности в самореализации. Поскольку рамки самореализации в традиционной среде заданы (человек – честный, ответственный труженик). В инновационной ситуации самореализация становится делом добровольным и границы ее не заданы. Это стимулирует тревожность и переживания. Данные изменения стимулируют перемены в характеристиках взаимодействия человека и среды. Традиционная среда гарантировала человеку благополучие при выполнении всех жизненных предписаний. В инновационных условиях среда давит над человеком. Взаимодействия больше содержит элементов непредсказуемости, что порождает чаще конфликтное взаимодействие человека и среды.

В силу ускорения темпов жизни люди все меньше уделяют внимание мелочам. Во многих сферах вырабатываются общие стандарты во всем, которые служат ориентирами движения человека.

Важной вехой современного процесса трансформации менталитета является изменение формальных параметров ситуации: растет количество ситуаций, ускоряется их протекание, сокращается длительность протекания ситуации, человек проходит через большее количество ситуаций за единицу времени. Э. Тоффлер обращает внимание на то, что: «Сейчас (по сравнению с жизнью в менее быстро меняющемся обществе) больше ситуаций проходят через этот канал (канал опыта) в любой данный интервал времени, и это обуславливает глубокие трансформации в психологии человека» [с.46]. Это в свою очередь увеличивает число ролей, увеличивает количество выборов, требует большего сосредоточения внимания, увеличивает временную занятость в общем, но меньшую временную занятость на каждой ситуации и повышает чувство усиления сложности жизни. Человек не успевает глубоко фиксироваться на каждой ситуации, отсюда возникает чувство неудовлетворенности и незавершенности. Очевидно, эффект незавершенности действия Б. Зейгарник нашел свое отражение в данном феномене.

Предлагаемые в таблице характеристики ситуации, отражают измененные ценности, смыслы и значения, цели, мотивы, ее элементов для человека как новообразования трансформации менталитета.

На наш взгляд, представленная трансформация российского менталитета, возможно, может определить степень принятия изменений в обществе россиянами, то есть, чем система менталитета устойчивей, тем легче, происходит принятие общественных изменений, человек меньше тревожиться. Чем система менталитета кризиснее, тем человек не приемлет изменения, теряет внутреннюю опору.

Принятие человеком изменений в обществе включает в себя:

- 1) чувство неопределенности, тревожности;
- 2) объяснение ситуации неопределенности;
- 3) определение ситуации как нестабильной;
- 4) бессознательный поиск стабилизационного начала;
- 5) эксперимент;
- 6) опора на менталитет.

Рассмотрев трансформацию системы менталитета как процесс его самоорганизации с нескольких аспектов, можем заключить, что с позиции темпоральности хронотопа динамики менталитета он представляет собой фрактальную систему. С позиции организации менталитета в ходе трансформации менталитета наблюдается его центрированность изменений в образе мира. Множественность вариантов изменений гарантирует нелинейность изменения менталитета и его диффузность.

Таким образом, выявлены системные закономерности трансформации российского менталитета: нелинейность, фрактальность, центрированность, диффузность;

2.4.4. Новообразования трансформации менталитета как вида его самоорганизации

Системы, в которых спонтанно или вынужденно возникают новые структуры, получили название диссипативные [Пригожин, Костюк].

Ученым с позиций системного подхода удалось выявить условия образования новых структур:

- открытость системы,
- внешние воздействия должны превысить критические,
- диссипация (диффузия, микроскопический хаос) в системе [Костюк, с.138].

В.Н. Костюк отмечает: «В динамических системах в широком смысле в условиях сильной неравновесности и интенсивного обмена энергией и веществом со средой локально возникают уменьшения энтропии и организующая роль хаоса, что ведет к возникновению (актуализации) новых структур на основе самоорганизации» [с. 144–145].

Полагаясь на феноменологию трансформации менталитета, можно представить два вида новообразований трансформации системы менталитета: 1) новообразования на уровне целостной системы менталитета и 2) новообразования как новые проявления субъектности коллективного субъекта и человека.

Отсюда можно полагать, что новообразованиями трансформации менталитета будут новые формы совместности. В нашем контексте новые виды совмещенности организации системы менталитета на уровне надсистем, структуры системы, подсистем. То есть, изменения, происходящие в религиозной, этнической и социальной надсистемах менталитета. Изменения в ценностно-смысловом ядре системы менталитета и изменения в образе мира и образе жизни поколений. Все эти изменения в свою очередь выявляются в новых формах субъектности коллективного субъекта и отдельного человека. В концепции И.Г. Петрова именно эмоции являются «органом» субъекта и субъектных новообразований [с. 119]. Эмоциональные состояния, по мнению автора, являются «интегративной оценкой» существования субъекта, они регулируют жизнедеятельность, направляют и детерминируют бытие субъекта. «Со-бытие и есть то, что развивается, результатом развития чего оказывается та или иная форма субъективности. Соответственно, сам ход развития в таком случае состоит в возникновении, преобразовании и смене одних форм совместности (единства, со-бытия) другими формами – более сложными и более высокого уровня развития» [Слободчиков, Исаев с. 15]. Новая субъектность выражается, на наш взгляд, в новых интерпретациях мира и новых поступках, которые отличны от традиционных. Чтобы изменились интерпретации необходимо, чтобы поменялись критерии оценивания мира. Чтобы поменялись поступки необходимо изменение намерений, мотивации.

В своем исследовании мы придерживаемся *релятивистского* подхода к проблеме. Релятивизм стремится интерпретировать любую культурную модель как наполненную собственным внутренним смыслом, предполагает ее равноценность другим культурам (А. Шведер, Е. Борн, 1982). Данный подход полагает, что если мы раскроем характеристики личности, которые характерны для россиян, то пойдем, какая концепция взаимоотношений человека и общества лежит в основе культуры.

Остается вопрос – менталитет всех ли групп субъектов общества подвержен трансформации? Очевидно, есть группы, менталитет которых не трансформируется. Какие группы? Субъектами трансформации российского менталитета являются: *базовый тип личности россиян*, с позиции этнопсихологии, определенные *страты общества*, с позиции социологии, и *группы субъектов*, входящие в них, с психологической точки зрения. «Акты взаимодействия человека с миром не просто информируют субъекта, но и трансформируют его. В этих случаях сворачивается не телесная конструкция, а вынесенная вовне когнитивная активность» [И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов (2002)]. Согласно А.Ш. Тхостову (1994) окружающая среда через законы и запреты формирует конфигурацию «культурного тела» личности, который не совпадает с контурами «Я». «Общество определяет «ландшафт» культурного тела» []. Мы отождествляем «культурное тело» с общественным, коллективным субъектом.

Поскольку по данным статистиков: «Около 80% российского рынка алкогольной продукции составляют напитки свыше 28%, при этом водка занимает 95% от общего объема рынка крепких

алкогольных напитков» [В.Н. Федосеев], можно утверждать, что наблюдается большая степень алкоголизации населения. Это явление можно объяснить не только законами рынка, но и доминирующей в российском обществе базовым типом личности. На наш взгляд ею является *оральный тип личности*. Как известно, в российских семьях доминирует мать. В такой ситуации ребенком тяжело переживаются по Э. Эриксону кризис 2–3 лет. Суть его составляет дилемма автономность-зависимость. Если мать ругает ребенка, то он осознает себя как не очень значимым человеком, если гиперопекает, то Я-центр вселенной. Отсюда возникает не возможность дифференциации ситуаций, когда я ценен, когда нет. Таким образом, жизнь превращается в поиск подтверждения нереализованной своей значимости перед матерью и проецирование ее на все сферы значимых отношений с людьми. Алкоголь частично позволяет – компенсировать подтверждение своей значимости, избегать вину и стыд. Оральная фиксация по З. Фрейду – поглощение как удовольствие, очевидно, поэтому россияне много пьют, едят, гуляют, празднуют. В деловой культуре это проявляется в неорганизованности, непунктуальности, необязательности. Деловые сделки происходят в банях, саунах, ресторанах. В общении это проявляется в том, что партнер по общению полностью «поглощается», пространство его проявлений сокращается. Западные партнеры отмечают неделикатность, прямолинейность, низкую рефлексивность в общении у россиян. Главным в оральном, российском, базовом типе личности является нарушение потребностной сферы, что выражается в особенности российского менталитета в отказе от желаний, для избегания фрустрации. Во что трансформируется оральный тип? Возможно, он определится со своими потребностями и станет зрелым типом этноса.

Ментальность стран различна, но менталитет един. Во многих исследованиях [А.А. Бодалев], показано, что «Я-человека коллективиста и альтруиста было обнаружено у 90% представителей старшего поколения россиян, и одновременно у 70% обследованных молодых наших сограждан Я по своим основным характеристикам оказалось индивидуалистическим». Может ли это свидетельствовать, что формируется новый общественный, коллективный субъект в российской действительности? Какой в таком случае был предыдущий субъект? По данным исследований – это был коллективист, открытый, патерналист.

Исходя из этого и выше предложенных характеристик российского менталитета, какая конструируется концепция взаимоотношения человека и общества российской культуры? Предположительно можно сказать, что, скорее всего, молодежь будет придерживаться идеоцентрической концепции, а старшее поколение социоцентрической. Причем у молодежи будет презентироваться частная Я-концепция, а у пенсионеров коллективная Я-концепция (Г. Триандис, 1989). Очевидно, что это отражение трансформационных процессов, которые произошли в Я-концепции российских граждан.

В бытии трансформации менталитета выделяем несколько модусов (состояний), которые являются *мерой данной трансформации*.

Модус отношений «Я-Я»

«Я-концепция интегрирует обособленные характеристики личности. Это переживаемая, субъективно значимая для человека система дифференцируемых представлений о самом себе, обеспечивающая внутреннюю определенность и относительную устойчивость его действий, отношений и поведения, на ее основе он строит свое взаимодействие с окружающим миром» [Иващенко].

К.К. Касьянова аргументированно доказывает, что в отличие от американского коллективизма, наш – тяготеет подсознательно к «соборности» (высший уровень единомыслия) []. А поскольку это так, то наша Я-концепция должна быть взаимозависимой.

Взаимозависимое Я диагностировала на выборке жителей Юга России, исходя из особенностей общения, М.Т. Ногерова (1997) [].

Можно предположить, что в процессе трансформации менталитета происходит некоторая дезинтеграция Я-концепции личности. Опираясь на представления Д.А. Леонтьева (1993) о «Я» человека, возможно выявить следующие изменения в нем. Автор выделяет телесное, физическое Я. Переживания своего тела обычно позитивно, если у человека все хорошо в жизни, а в минуты вдохновения, телесность переживается как комфортность и воздушность, невесомость. Если человек переживает кризис, то на уровне тела он реагирует различными болезнями и недомоганиями.

Социально-ролевое Я при трансформации менталитета претерпевает изменения в том смысле, что человек осваивает новые социальные роли и расстается со старыми ролями.

Психологическое Я, включающее самовосприятие мотивов, потребностей, способностей. При трансформации менталитета происходит переориентация мотивов, потребностей, способностей к новым условиям среды.

Четвертая грань по Д.А. Леонтьеву, это ощущение Я как активного, свободного и ответственного. В кризисе человек ощущает себя объектом злой внешней воли. Когда адаптируется, то человек ощущает себя субъектом своей судьбы и окружающий мир не несет угрозы.

Последнее, Я – это смысл, ради которого человек живет и активно действует. Современный социум характеризуется проявлениями потери смыслов. Поскольку «Смыслообразование – процесс опредмечивания потребностей, в результате которого предмет становится мотивом деятельности, приобретая определенный смысл» [Иващенко], то возможно предполагать, что в ситуациях кризисных человек либо не определен со своими потребностями, либо у него не выделен объект

опредмечивания. Наблюдается [] большая активность субъектов России в поисках смысла существования.

Модус отношений «Я-Ты»

При встрече с новыми средовыми условиями, человек, не зная как приспособиться к ним, не может удовлетворить полноценно свои социальные и другие потребности, определиться с жизненными смыслами, социальной идентичностью, то есть разрушает свою целостность. Это создает бесконечную цепь напряжений в организме и фрустрирует человека. Одним из способов разрешения внутренних коллизий является «встреча» с другим субъектом. М. Бубер писал, что исцеление человека происходит через встречу. Г.П. Щедровицкий (1995) дополняет, что человек достраивает себя до целого через других.

Самым главным в отношении «Я-Ты» является трансформация взаимодействия между людьми, принятия субъектности другого. Исходя из концепции В.А. Петровского (1993) гласящей, что «человек имеет свое бытие в другом человеке, – «инобытийствует» в нем, – и через свою идеальную представленность и продолженность в другом человеке развивается как личность» [], можно заключить, что трансформация происходит именно в «инобытии» личности. Когда люди взаимодействуют друг с другом в семье, на работе, в учебе, в дружественной группе, то у них рождаются и развиваются основные личностные феномены: персонализация, событийная общность, референтность, субъективность, личностные смыслы, самосознание, модели жизнедеятельности, концепция «Я», авторитет, идеальная представленность партнера в сознании другого и т. д. (И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов) Следовательно, именно в этих феноменах происходит трансформация менталитета человека.

Модус отношений «Я-Мы»

Здесь самым главным является активная включенность в общественную жизнь, при яркой индивидуальности каждого. В российском менталитете наблюдается большая слитность Я и Мы, как коррелятов коллективистской культуры. Думается, что в период трансформации менталитета Я сильно дистанцируется от Мы.

«В итоге, мы являемся свидетелями исторической отмены: история исчезла, настоящее является единственным временем. Прежде время истории, время производства являлось источником организации и контроля пространства. Теперь же существует новое пространство, пространство потоков, пространство, переопределяющее понятие расстояния в России и устанавливающее различные временные режимы для жителей двух форм пространства, что структурирует жизнь в параллельных универсумах. Жизненные практики людей, живущих в этих двух пространственно-временных режимах, становятся все более различными и даже несоприкасающимися, поскольку они

протекают в различных измерениях социального гиперпространства» [М. Кастельс, Э. Киселева, 2000].

Необходимо отметить, что эмпирически это подтверждает К.А. Абульханова, показав как разнятся социальные представления предпринимателей, студентов, ученых, пенсионеров, рабочих в едином российском пространстве [].

Модус отношений «Я-Они»

По всей видимости, это социоцентрический модус. Во время серьезных социальных катаклизмов россияне становятся более обращенными на свои нужды. Становятся более идеоцентристами, чем аллоцентристами, менее толерантными.

При этом при трансформации менталитета может меняться отношение к Они. Теперь в роли Они могут выступать другие социальные группы. Изменение менталитета приводит к новому определению Они.

Модусами бытия трансформации менталитета или мерой, способом трансформации являются: отношения «Я-Я», «Я-Ты», «Я-Мы» и «Я-Они». В ходе трансформации менталитета в отношении Я-Я теряются смыслы человеческого существования. В отношении Я-Ты другой сначала выключается из субъективного плана, а затем вновь в новом качестве презентуется в нем. В отношениях Я-Мы люди дистанцируются друг от друга. В отношениях Я-Они изменяется ориентация на мнение другого, обнаруживается индифферентное отношение к взглядам других.

Выводы:

1. Самоорганизация системы менталитета заключается во временной, пространственной, функциональной и структурной ее самоопределенности (Г. Хакен, И. Пригожин). Трансформацию менталитета рассматриваем как вид самоорганизации его совмещенной системы. Психологическим источником трансформации менталитета является основное противоречие развития российского менталитета. Противоречие между личностными особенностями россиян, обусловленные культурными стереотипами восприятия, отношения, взаимодействия с миром, и несоответствующими им внешними условиями, могут служить источником трансформации российского менталитета. Рассогласования элементов системы человека и мира системно детерминирует процесс трансформации менталитета.

2. Мы выделили следующие виды системной детерминации самоорганизации менталитета: внешнюю, внутреннюю, детерминацию целью, детерминацию взаимодействием субъектов социальных групп, вероятностную. Основное противоречие психологической системы, происходящее при трансформации менталитета, заключается в том, что при несоответствии мира и человека последний теряет ориентиры, способность самодетерминироваться. При

трансформации менталитета процесс индивидуализации затормаживается в силу основного противоречия его системы.

3. В ходе трансформации менталитета действует целая система механизмов. Ведущим механизмом трансформации является механизм устранения рассогласования системы менталитета. Мы полагаем, что возможно выделить механизмы, которые отвечают за связь менталитета с другими системами (коммуникативные). К ним относятся: суггестия, транслирование, интериоризация/экстериоризация, смыслопередача, легитимизация. Механизмы: смыслопорождения, оценивания, интеграция, категоризация, идентификация, персонификации, эмпатии, смыслопередачи направлены на принятие, понимание и усвоение полученной информации в ходе трансформации – это механизмы содержательные, отвечающие за вписывание (А.Н. Леонтьев) информации в систему менталитета. Это внешне ориентированные и внутренне ориентированные механизмы – таков критерий их отличия.

4. В процессе самоорганизации менталитета в фокусе каждый раз оказывается различный структурный элемент менталитета, то значения, то смыслы, то ценности. В силу их глубокой взаимосвязи и совмещенности при трансформации каждого из этих элементов трансформируется весь менталитет, т.е. меняется его организация. Так осуществляется трансформация менталитета как форма самоорганизации. Фокусом самоорганизации человека является согласованность его ценностно-смысловой составляющей менталитета, направляющей, организующей, активирующей его жизнедеятельность. Рассогласование ценностно-смысловых составляющих менталитета приводит к трансформации единой ценностно-смысловой системы, ее дезинтеграции. Если системообразующей функцией менталитета выступает приведение в соответствие его ценностно-смысловой системы субъектов, то при рассогласовании составляющих менталитета, его системообразующая функция теряет свою интегрирующую силу. Можно представить, что при этом совмещение структуры менталитета разрушается и религиозное, национальное и социальное пространства искажаются и дистанцируются. Образ мира и образ жизни коллективного субъекта не соответствуют друг другу.

5. При этом можно выделить два вида трансформации: деструктивную и конструктивную. Деструктивная трансформация разрушает надсистемы и систему менталитета. Конструктивная трансформация видоизменяет и развивает надсистемы и систему менталитета. Деструктивную и конструктивную трансформации можно представить как формы самоорганизации системы менталитета. Специфические механизмы самоорганизации – это те способы самореализации в ситуации, которые требуют принятия неординарных решений. К специфическим защитным механизмам можно отнести адаптивную функцию образа мира как базы для объяснения людьми мира, себя и других. Неспецифические механизмы самоорганизации – трансформация системы менталитета, приводящая к новообразованиям,

развивающим систему человек и мир. Выявлены системные закономерности трансформации российского менталитета: нелинейность, фрактальность, центрированность, диффузность.

6. Результатом трансформации менталитета как вида его самоорганизации являются новообразования его системы. С позиции системного подхода выявлены условия образования новых структур: открытость системы, внешние воздействия должны превысить критические, микроскопический хаос в системе. Отсюда можно полагать, что новообразованиями трансформации менталитета являются новые формы совместности. В нашем контексте новые виды совмещенности организации системы менталитета на уровне надсистем, структуры системы, подсистем. Полагаясь на феноменологию трансформации менталитета, можно представить два вида новообразований трансформации системы менталитета: 1) новообразования на уровне целостной системы менталитета (появление новых форм совмещённости структурных составляющих менталитета) и 2) новообразования как новые проявления субъектности коллективного субъекта и человека, которые проявляются в новых формах отношений человека и мира, т.е. системы отношений «Я-Я», «Я-Ты», «Я-Мы» и «Я-Они».

7. Человек и коллективный субъект как целостные системы выступают субъектами трансформации менталитета. Предметом трансформации менталитета являются его системные свойства с внешними и внутренними системами и отношения коллективного субъекта с иными субъектами и отношения человека к миру, к себе и другим людям. Субъектами трансформации российского менталитета являются россияне. Предметом трансформации российского менталитета являются отношения россиян к себе, к другим людям, миру и обществу. Объектами трансформации менталитета являются: составляющие менталитета – ценности, смыслы россиян, сфера познания и поведения их в мире.

8. Концепция трансформации совмещенной системы менталитета заключается в следующем: в различные пространственно-временные перспективы развития коллективного субъекта доминирует какая-либо одна из надсистем менталитета, либо религия, либо этнос, либо социум или их сочетание, что приводит к определенным сдвигам в совмещении в подсистемах менталитета. Они будут задавать, определенное ценностно-смысловое единство образа мира менталитета коллективного субъекта и особенности его транслирования, трансформации. В центральной части образа мира интегрируются новые значения, смыслы и иерархия ценностей, не противоречащие архетипам коллективного субъекта, находящие поддержку у субъектов. На периферии образа мира меняется структура нестабильной ситуации, в которой находится коллективный субъект и его отношение к ней. Перестройка образа мира приводит в соответствие его образу жизни коллективного субъекта, что переводит систему менталитета в стабильное состояние.

3. Динамика трансформации менталитета коллективного субъекта

3.1. Виды трансформации менталитета коллективного субъекта

3.1.1. Трансформация пространственно-временных координат образа мира

Трансформация пространственно-временных отношений в социуме в переходный период стала популярной проблемой социально-психологических исследований (А.Б. Ковельман, Ю. Кобищанов). «Национальные картины мира» и их пространственно-временные континуумы отражены в работах многих ученых (Ф. Бродель, Д.С. Лихачев, Г.Д. Гачев, Г. Кушнер, Е.В. Петровская, А.Н. Мещеряков). Трансформация пространственно-временных координат ментального пространства человека на современном этапе приобретает ясные очертания. Время ускоряет субъективно свое движение, плотность времени растет, виртуальные реальности могут исключать координату времени из психологического пространства.

Ф. Бродель представил свой образ исторического процесса, в котором представлены три вида времени: «время большой протяженности», в котором представлено «царство обычая»; «время средней протяженности», в котором представлено «царство рынка»; «краткое» время, в котором представлено «царство политики» [печатается по Д. Филд с. 14]. Фактически мы видим трансформацию от времени большой протяженности к краткому времени, что является важным для рассматриваемого вопроса.

Интересным представляется анализ М.Р. Гинзбурга работ, посвященных временной определенности человека. Обобщая работы Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, автор делает выводы, что «человек является двойственным, духовно-материальным, бесконечно-конечным, вневременно-временным существом» [с.45]. Особенно автор акцентирует внимание на разделении М.М. Бахтиным временного будущего и смыслового и взаимовлиянии их друг на друга. Опираясь на данные представления, М.Р. Гинзбург представляет психологическое прошлое как итог реализации возрастных задач человеком, психологическое настоящее как самопознание (плотное–разряженное, экзистенциальноориентированное – экзистенциально неориентированное) и самореализацию (широкую–ограниченную, творческую–репродуктивную), психологическое будущее как обеспечение смысловой (притягательной–отталкивающей, определенной–неопределенной) и временной (структурированной–неструктурированной, долговременной–кратковременной) перспективы [с.46].

Проблема психологического времени человека всегда рассматривалась с точки зрения «жизненного пути» — субъективной событийной концентрации тех или иных его этапов, переживания определенных, нормативно заданных, периодов развития, осознания преодоления тех

или иных социальных препятствий и т.п. Акцент ставился на осознании событий, объективно происходящих или же оцениваемых как таковые.

Е.П. Белинская опираясь на концепцию М. Синнирелла (M. Cinnirella, 1998), пишет, что «желание реализовать то или иное «возможное Я» актуализирует у человека представления о возможных стратегиях достижения определенной социальной идентичности (для того, чтобы «быть успешным» можно «стать студентом такого-то вуза»), и наоборот — представления о необходимости реализации той или иной возможной социальной идентичности может изменить содержание «возможного Я» («быть студентом такого-то вуза» значит, «возможно, стать успешным»). В итоге, взятые в своей мотивирующей функции, «возможное Я» влияет на большинство элементов достигнутой социальной идентичности, а возможная социальная идентичность — на содержание Я-реального» [].

Динамику возможной социальной идентичности можно описать, опираясь на положение концепции Тэджфела-Тэрнера о стремлении человека к поддержанию позитивной социальной идентичности. «Синнирелла постулирует наличие желания поддерживать положительные образы прошлого и будущего ин-группы, сохраняя тем самым определенное содержание возможной социальной идентичности. Наконец, согласно Синнирелла, существование и «возможного Я» и «возможной социальной идентичности» культурально обусловлено: в индивидуалистических культурах максимально выражены «возможные Я», а в коллективистических — возможные социальные идентичности. Согласно Фрезеру, индивидуальные и групповые предпочтения в выборе того или иного «вектора времени» также заданы культурально, через специфику доминирующих верований, и в конечном итоге обуславливают, так сказать, эффективность той или иной модели культуры. Так причины победы христианства над язычеством Фрезер связывал с преобладанием в первом «вектора будущего» — вера в «светлое завтра» загробного мира оказалась сильнее языческого «культа предков» [Белинская].

Интересные результаты получила Ю.А. Васильева при изучении смысловой сферы личности у молодых людей. Она показала, что лицам с социально-неадаптивными формами поведения присуща аморфность временной перспективы, большая обращенность в прошлое, центрированность на настоящем и меньшая направленность в будущее по сравнению со своими сверстниками []. Сокращение временной перспективы, ограничение ее настоящим моментом обнаруживается и у лиц в ситуациях хронического стресса, вызванного тяжелыми соматическими заболеваниями [Муладжанова]. Следовательно, помимо культурного своеобразия, во многом временные перспективы личности определяет ее направленность и внутриличностные типологические особенности.

В последние годы в отечественной психологии усилиями К.А. Абульхановой-Славской, В.И.Ковалева, Л.Кублицкене, В.Ф.Серенковой, В.Э.Чудновский, Е.П. Быкова и др. активно

разрабатывается личностно-временная проблематика. В концепциях, развивающих данное направление, психологами вводится понятие «личностное время», под которым понимается психотемпоральная организация взрослой личностью своего сознания и самосознания, поведения и деятельности в процессе осуществления взрослым человеком его индивидуальной и групповой жизнедеятельности и общения, как сложное развивающиеся целостное образование – способ жизни» [Ковалев].

Предполагается, что личностное время выступает как последовательный синтез психических времен: субъективно переживаемого или времени переживания, происходящего на подсознательном уровне; перцептуального времени – времени созерцаний и впечатлений, происходящего на частично осознаваемом уровне; функционального времени или времени действия, часто происходящего на подсознательном уровне; рефлексивного времени или времени размышлений, происходящего в сознаваемо-дискурсивной форме; и креативного времени или времени творения – озарения, вдохновения, происходящего на надсознательном уровне [Ковалев].

Принадлежность времени субъекту предполагает активное использование и распределение своего физического времени. В связи с чем, К.А. Абульханова-Славская выделяет стратегии рациональной организации времени – стратегии «активного учета» социальных нормативов времени и стратегии «пассивного приноравливания» к внешним временным требованиям. *Для определения истинных критериев личностной организации времени вводится понятие своевременность, что понимается как способ разрешения противоречий между социальным и личностным временем, способ приведения в соответствие внешних и внутренних условий жизни.* Опять сталкиваемся с принципом соответствия, но теперь на уровне временной определенности личности.

Можно выделить различные стили или стратегии жизни в их связи с осознанием времени. Например, типы личности, более включенные в социальную динамику, находятся в более прямых, жестких временных связях с социальными условиями. Они живут преимущественно в сфере общественно необходимого времени, от них требуется определенная производительность труда, определенная скорость. Одновременно они пользуются всеми ценностями общественного времени, они в меньшей степени являются субъектами собственной жизни, распределителями ее времени. Типы личности, слабо включенные в социальные процессы, не осознающие свободное время как ценность, как правило, наиболее статичны, поскольку не знают, чем это время заполнить. Свободное время людьми этого типа осознается как личностная ценность, но не присваивается ими как ценность [Абульханова].

Таким образом, в регуляции времени жизни прослеживаются различные личностные способы, которые определяются характером соотношения индивидуально-личностного и общественного времен. По мнению В.И.Ковалева, специфическим психологическим механизмом, с помощью которого личность осуществляет субъективную регуляцию времени, выступает «индивидуальная

временная транспектива». Это понятие означает сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее, т. е. способность обозрения индивидом течения времени собственной жизни в любом его направлении, возможность взаимоотношения прошлого, будущего и настоящего и связывания этих временных компонентов человеческой жизни в его сознании и подсознании. Временная транспектива – это и субъективно данное в самосознании образование, и особый психологический механизм. Ключевыми понятиями, раскрывающими суть транспективы, являются «чувственно-мысленный обзор», а также «субъективно-ценностное обобщение и отношение» личности к жизни, возникающее в ходе жизнедеятельности [В.И.Ковалев].

В зависимости от характера и направленности жизнедеятельности человека В.И. Ковалев, по критериям ситуативности-продолжительности и активности-пассивности, выделил четыре основных типа личностной организации времени и отношения к нему: обыденный, функционально-действенный, созерцательно-рефлексивный и созидательно-преобразующий способы жизни личности [].

Так люди, ведущие обыденный способ жизни, характеризуются социальной пассивностью, ситуативной зависимостью от обстоятельств, импульсивностью и непосредственностью реагирования, узостью социальных связей, поверхностным, статичным, стереотипным, односторонним, неосознаваемым характером отражения действительности, суженностью временного кругозора. Представители функционально-действенного способа жизни – энергичные натуры с жестким рационалистическим восприятием окружающего мира и трезвым рассудочным прагматическим стилем мышления. Временной кругозор узок, ограничен и свернут. По существу, такие люди живут в основном заботами и делами настоящего и ближайшего будущего, а их более отдаленные временные перспективы жизни чаще носят утилитарный характер. Людям созерцательно-рефлексивного способа жизни свойственно обостренное восприятие и тонкое осознание огромной сложности, противоречивости и изменчивости процессов жизни в природе, других людях, их общностях, в самих себе. Внешней активности они предпочитают углубленное размышление и рефлексю. Для таких личностей социальная ситуация в настоящем нередко теряет свою значимость. В их транспективе на равных правах представлено личное и культурно-историческое прошлое и будущее. Высший по уровню тип личностной организации представлен, по мнению автора, гуманистическим созидательно-преобразующим отношением ко времени, которое выражается в соответствующем способе жизни. Его отличительные особенности: глубокое, разностороннее и реалистичное осознание сложных и противоречивых процессов жизни, развитое чувство текущего времени, созидательно-преобразующая активность в процессе осуществления собственной жизнедеятельности, ее продуктивность и плодотворность, одним из условий которой является оптимальное распределение и использование времени для различных дел, широкая временная транспектива [Ковалев].

Л. Кублицкене представила многообразие форм личностной организации времени через выявление способов организации деятельности. Изучая соотношение субъективного и объективного времени, она пришла к выводу, что личностная организация времени целостно может быть изучена в единстве трех основных ее структурных компонентов – переживание, осознание и временная организация деятельности. Временная организация деятельности, по мнению автора, является ведущей составляющей. Л. Кублицкене считает, что индивидуальное многообразие способов временной организации деятельности личностью может быть отражено типологически в шести типах: «оптимальный», «дефицитный», «спокойный», «исполнительный», «тревожный», «неоптимальный» [Кублицкене].

Проблема личностной организации времени, проблема жизненного пути тесным образом связаны с особенностями планирования личностью времени своей жизни. В.Ф. Серенкова также сочла возможным представить индивидуальное многообразие способов планирования личностью времени типологически: прогнозирующе-оптимальный тип характеризуется сочетаемостью краткосрочного планирования и планирования времени на отдаленное будущее; однонаправленно-оптимальный тип также обнаруживает взаимосвязь между планированием ближайшего и отдаленного будущего, но с преобладанием ориентации на одну, уже выбранную, структуру плана; у представителей прогнозирующе-неоптимального типа, с одной стороны, отсутствует сочетаемость планирования времени на «актуальный» период и на отдаленное будущее, а с другой – проявляется стремление к установлению определенной зависимости в границах плана на неопределенный промежуток времени; у однонаправленно-неоптимального типа преобладает планирование времени на «актуальный» период, без создания планов на отдаленное будущее; ситуативно-стихийный тип характеризуется пассивной позицией по отношению к планированию времени [Серенкова].

Работы многих исследователей показывают, что наблюдается не столько стремление к подтверждению позитивной социальной идентичности, сколько стремление к поддержанию стабильной идентичности в целом. В этой связи Е.П. Белинская ставит очень важные вопросы — каким образом интерференция различных групповых стандартов (норм, стереотипов, прототипов), в «поле» влияния которых оказывает человек в силу принадлежности к огромному числу больших и малых социальных групп, обуславливает выбор им той или иной временной ориентации? о существовании возможной социальной идентичности?

Свое решение вопроса предлагает В.Э. Чудновский, выделивший 4 варианта жизненного пути, полученные сочетаниями двух вариантов «построения» судьбы человека – объективно-предопределенной и субъективно-преобразующей: 1) быстрый взлет, в конце ожидания не оправдываются, 2) бессмысленная растрата времени вначале, медленное продвижение, ускорение, скачек, расцвет, 3) растрата времени на всем протяжении жизни, подчиненность устоявшемуся образу жизни, неспособность выйти за его рамки, 4) оптимальное использование «жизненного

пространства», расцвет дарований, продуктивная деятельность [с.9]. «Одной из составляющих адекватного отношения к собственной судьбе у человека – его способность «выстраивать» перспективу своей жизни, обращаясь к своему будущему, овладевая им» [там же, с.9]. Очевидно, что владение временной перспективой связано у человека с его мотивацией, уверенностью в себе, а главное системой ценностей и смыслов.

В диссертационном исследовании Е.Б. Быковой (2002) показано, что образ будущего в Я-концепции детерминирует изменения и развитие личности и связан с психологическими особенностями личности и его половой принадлежностью. «Для девушек характерно более активное, целеустремленное отношение к будущему, наличие конкретных социально одобряемых целей – создание семьи, реализация роли матери. Для юношей характерно более созерцательное и оценочное отношение к будущему, присутствие в нем духовных ценностей» [с. 154]. При этом автор выявила, что люди с высокими показателями по аффертоимии (ф.А, в 16 факторном представлении Кетелла) оценивают будущее как спокойное, приятное, яркое, люди с преобладанием ответственности, совестливости (ф.Г) связывают будущее с нравственными ценностями, люди с преобладанием мягкосердечия (ф.И) видят будущее эмоционально насыщенным, материально благополучным [с. 155].

Таким образом, в науке оформился типологический подход к решению проблемы изменений пространственно-временных координат ментального пространства менталитета. *В процессе социокультурных изменений трансформируются актуальные категории в системе значений образов времени (прошлого, настоящего, будущего) и пространства (там, здесь, протяженность, сжатость, удаленность, близость, параллельность).*

Свое видение представляет Е.В. Некрасова. Она выделяет пространственно-временные характеристики жизненного мира человека, называемые «хронотопическими». «Известно, что эмоциональная насыщенность деятельности меняет субъективное восприятие времени, эмоции же есть механизм отражения ценностей и смыслов (В.Е. Ключко). Отсюда – значимость определения того, как влияют ценностно-смысловые характеристики пространства на 1) субъективную шкалу отсчета времени, 2) переживание пространства как реальности, 3) интеграцию прошлого и будущего в настоящем, их динамическую, ситуативную «упаковку» [с. 12]. Следовательно, с позиции автора, на пространственно-временную определенность влияют ценностно-смысловые отношения человека к миру. И со сменой последних, изменяются пространственно-временные характеристики.

По данным Т.Н. Березиной (2003) внутренний мир человека как психологическое пространство имеет пространственно-временной, образный континуум []. Она пишет, что «важнейшими темпоральными составляющими человеческой индивидуальности является собственная жизнь человека, проходящая во времени (жизненный путь) в его деятельности. Как показало исследование в структуре пространственно-временного образного континуума воплощено

представления индивида о его жизненном пути (прошлом, настоящем и будущем), включающем его отношение к жизни, также ряд его организационно-деятельностных характеристик» [с. 344].

К.В. Александрова, исследуя подростков, показала, что те, кто ориентирован на прошлое, обладают более длительной временной перспективой, с позитивной эмоциональной окраской и более реалистичны. Подростки, ориентированные на настоящее, обладают более временной перспективой, меньше склонны к структурности восприятия событий и менее реалистично воспринимают события [с. 66].

Л.Е. Бляхер показывает, что вектор времени в периоды «социального хаоса» становится «инверсионным: прошлое переносится в будущее и даже оформляется как идеал-симулякр» [с. 111]. Личные ожидания и проекты соотносятся с тем, что могло бы быть, если бы не изменения в социуме. Отсюда возникает у человека ощущение «безвременья». Безвременье понимают как отсутствие временных рамок, ориентируясь на которые человек выстраивает свою пространственно-временную перспективу.

З.И. Рябикина, П.Ю. Бякова описали феномен «темпорального давления» в ситуациях навязывания структурирования времени человека и обнаружили, что следствием этого является: разрушение внутриличностной синхронности внутриличностных процессов; прерывание личностнозначимых действий, следствием чего являются утомляемость, раздражительность; остановка личностного времени; жизнь в «безвременье» [с. 279].

Мы предполагаем, что определенные слои населения имеют ориентацию на прошлое (пенсионеры) и ориентацию на настоящее (молодежь), имеют либо пассивную, либо активную временную перспективы.

Временная перспектива связана с пространственной бытийностью деятельности человека, объединенные в пространственно-временной континуумом. В пределах этого континуума происходят изменения параметров пространства и времени у человека в изменяющемся мире. В исследованиях давно показано влияние пространственных условий на деятельность человека [Хейдментс]. Пространственный контакт М. Хейдментс определяет как формальную связность/отдаленность людей. «С субъективной стороны пространственный контакт можно определить как осознанное присутствие другого человека» [Хейдментс с. 130]. Различные виды деятельности требуют различных пространственных контактов. Формы регуляции пространственного контакта – дистанция связана с особенностями коммуникации в различных культурах (И.Т. Холл, А. Альтман и др.). Если меняются условия и особенности коммуникации в современном мире, то очевидно может измениться и дистанция. Оптимальная дистанция зависит, по данным исследователей, от характера взаимоотношений между людьми и от внешней ситуации. Если сегодня наблюдаются интолерантные установки в общении людей, то их оптимальная дистанция явно должна увеличиваться. Это также отражается и на персонализации пространства

(территориальности) (А. Альтман). Исследователями А.Альтманом, С. Алкайн выявлены были семьи с открытостью и открытостью территорий. Сегодня в России все виды территориальности как еще одной формы регуляции пространственного контакта, довольно жестко ограничивается правами собственности отдельных субъектов. Можно ожидать, что территории будут характеризоваться большей закрытостью и иметь характерные «знаки» маркирующие ее (А. Соммер). А также категории, которые обозначают образ среды, в которой живет человек, меняются при изменяемых условиях (М. Черноушек), а отсюда, изменяется «средовая идентичность» (Г.М. Андреева) коллективного субъекта. Г.М. Андреева пишет о феномене разрушения средовой идентичности, когда человек не хочет принимать новые территориальные изменения [психолог позн. с. 204]. Территориальность связана и со статусом субъекта. Поскольку статус пожилых людей в обществе на сегодня несколько ниже, чем молодежи, то территориальная ограниченность пенсионеров будет выше.

З.И. Рябикина рассматривает пространственную представленность личности в связи с ее смысловыми содержаниями: «Личность и среда – сложные, системные, взаимоотношенные феномены, обуславливающие бытие. Бытие рассматривается нами как процесс воплощения личностного содержания в фактах средовых преобразований. Аутентичное бытие - это процесс переструктурирования среды в соответствие со структурой личностных смыслов» [а. с.605]. Очевидно, что в ходе социокультурных преобразований в обществе меняется пространственная среда. Тогда может возникать «неаутентичное бытие» личности. «Неаутентичное бытие - воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных личностью социальных предписаний, что создает иллюзию адекватного поведения, но таковым по сути не является, так как связано с разрывом, отсутствием содержательной связи между способами поведения и глубинными ядерными образованиями личности. Таким образом, подобное поведение выглядит адекватным по отношению к среде, но не является адекватным выражением внутреннего мира личности» [там же с.605].

Со сменой исторических эпох, сменой типа культуры, общими социокультурными изменениями у человека могут измениться пространственно-временные координаты образа мира. А это означает, что человек воспринимает новую реальность мира, строит новую действительность с новыми пространственно-временными координатами, новыми ценностно-смысловыми основаниями. Ученые установили, что человек стремится к стабильной временной идентичности и приводит в соответствие социальное и личное время. В периоды «безвременья» наблюдается инверсия восприятия времени, так пенсионеры в будущем видят прошлое, а молодежь в настоящее упаковывает будущее.

В общем, у населения в условиях социокультурных изменений субъективно временные рамки сокращаются (требование социума), но растет их плотность, пространственные рамки расширяются,

то есть человек большие пространства может увидеть на экране компьютера, однако в социальном пространстве увеличивается дистанция между людьми.

3.1.2. Изменение показателей образа мира поколений

Предполагаем, что ядро ментального пространства составляет образ мира, в котором происходит движение новых категорий от периферии к центру и обратно. Это позволяет сканировать категории и интегрировать их или отторгать.

Необходимо заметить, что до сих пор существует понятийная путаница в терминах «картина мира» и «образ мира». К. Юнг полагает, что образ мира бессознателен и вечен, а картина мира сознательна и сиюминутна [с. 240].

Картина мира и образ мира это разные уровни анализа субъективной модели мира, создаваемой представителями различных групп. Образ мира – это некая проекция мира, это глубинный каркас, формируемый в бессознательном человека, а картина мира – это ситуативная, временная проекция мира, формируемая сознанием. Анализируя работы авторов по данному вопросу, будем употреблять авторские термины и «картину мира» и «образ мира». В подходах к образу мира наблюдается несколько тенденций рассмотрения данного образования с иерархических, структурных, динамических, ситуативных позиций.

М. Хайдеггер анализирует два понятия «мир» и «картина мира». Под миром автор понимает и природу, и космос, и историю, и мирооснову. «При слове «картина» мы думаем прежде всего об отображении чего-либо. Мы мыслим тут сам мир, мировое сущее в целом в его определяющей и обязательной для нас истине. Картина означает здесь не усиленную копию, а то, что слышится в обороте речи «мы составили себе картину чего-либо». Имеется в виду: само дело предстало перед нами так, как оно для нас обстоит» [с. 102–104]. «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, **не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина.** Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего. Напротив, везде, где сущее *не* истолковывается в этом смысле, не может и мир войти в картину, не может быть картины мира» [там же]. Далее М. Хайдеггер рассуждает в том смысле, что именно время делает сущее представленным. Он пишет: «Не картина мира превращается из прежней средневековой в новоевропейскую, а мир вообще становится картиной, и этим знаменуется существо Нового времени» [там же]. Быть сущим в Средневековье значит принадлежать к определенной иерархической ступени сотворенного бытия Богом.

«Основной процесс Нового времени есть покорение мира как картины. Слово «картина» означает теперь: конструктор определяющего представления. Человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму. Поскольку эта позиция

обеспечивается, артикулируется и выражается как мировоззрение,...» [Там же с.106]. В данном рассуждении автор раскрывает сущностные основания картины мира, которая представляет собой процесс представления, и осмысливания мира и которая задает направления мышления человека. М. Хайдеггер считает, что человек изображает мир как картину, понимает его как картину, сам мир превращается в картину и покорение мира осуществляется как покорение картины. С этого момента автор считает человек становится субъектом истории: «чем объективнее становится объект, тем субъективнее, т. е. выпуклее, выдвигает себя субъект...» [с.227].

Об образе мира К. Юнг пишет: «представление, которое складывается у нас о мире, является образом того, что мы называем миром. Именно на этот образ, исходя из его особенностей, мы ориентируемся в нашем приспособлении... это происходит бессознательно» [с. 223 проблемы души]. К. Юнг пишет, что, создавая образ мира, человек изменяет и самого себя.

Понятие «образа мира» имплицитно было представлено и в работах С.Л. Рубинштейна. Автор выделил разные ипостаси, которые можно отнести к образу мира: человек и вселенная, человек и природа, человек и мир (мир людей), человек и действительность (сфера фактического и проблематичного), жизнь человека [с. 320]. С.Л. Рубинштейн, открывая панораму образа мира, показывает его многоаспектность, проблематичность и подвижность. Становление образа мира у человека, на взгляд А.Н. Леонтьева, есть переход за пределы «непосредственно чувственной картинки» к системе значений. «В образ, картину мира входит не изображение, а изображенное (изображенность, отраженность открывает рефлексия)» [с. 261]. «Обращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о *пятом квазиизмерении*, в котором открывается человеку объективный мир. Это – *смысловое поле, система значений*» [с.253].

«Когда я говорю о том, что всякое актуальное, т. е. сейчас воздействующее на перцептирующие системы, свойство «вписывается» в образ мира, то это не пустое, а очень содержательное положение; это значит, что:

(1) граница предмета устанавливается на предмете, т. е. отделение его происходит не на чувствилище, а на пересечениях зрительных осей. Поэтому при использовании зонда происходит сдвиг чувствилища (При ощупывании зондом некоего объекта чувствилище перемещается с руки на кончик зонда. Чувствительность там... Я могу перестать ощупывать зондом этот предмет чуть-чуть продвинуть руку по зонду. И тогда чувствилище возвращается на пальцы, а кончик зонда теряет свою чувствительность.) Это значит, что не существует *объективации ощущений, восприятий!* За критикой «объективации», т. е. отнесения вторичных признаков к реальному миру, лежит критика субъективно-идеалистических концепций. Иначе говоря, я стою на том, что *не восприятие полагает себя в предмете, а предмет – через деятельность – полагает себя в образе. Восприятие и есть его «субъективное полагание». (Полагание для субъекта!);*

(2) вписывание в образ мира выражает также то, что предмет не складывается из «сторон»; он выступает для нас как *единое непрерывное: прерывность есть лишь его момент («Эффект туннеля»: когда нечто прерывает свое движение и, как следствие своего воздействия, оно не прерывает своего бытия для меня)*. Возникает явление «ядра» предмета. Это явление и выражает *предметность* восприятия. Процессы восприятия подчиняются этому ядру. Психологическое доказательство: а) в гениальном наблюдении Г. Гельмгольца: «не все, что дано в ощущении, входит в «образ представления» (равносильно падению субъективного идеализма в стиле Иоганнеса Мюллера); б) в явлении прибавок к псевдоскопическому образу (я вижу грани, идущие от подвешенной в пространстве плоскости) и в опытах с инверсией, с адаптацией к оптически искаженному миру» [с. 261]. Как показал А.Н.Леонтьев, объект не может стать предметом восприятия, не вписавшись в образ мира.

В классических работах А.Н. Леонтьева показано, что предметная деятельность человека порождает чувственные образы, которые «означаются» и в качестве значений составляют сознание. «В значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Деятельность. Сознание. Личность с. 135]. Значения фиксируются в языке и «приобретают квазисамостоятельное существование в качестве объективных идеальных явлений» [там же].

К значениям относят не только когниции, но и эмоции, поскольку человек воспринимает информацию по большей части эмоционально (S. Fiske, S. Tajlor) [].

То есть, в образе мира содержатся те значения, представления, которые коллективный субъект уже отрефлектировал, и некоторые из этих представлений перешли в бессознательную форму. «...Каждый объект я постигаю как звено в системе того, что есть я сам, – коротко говоря, что в одном и том же сознании я имею и «Я», и мир...» [М.К. Мамардашвили, 1993, с. 267].

Большой интерес вызывают представления о структуре образа мира.

В.В.Петухов (1984) пишет, что поверхностные структуры – представления о мире, а глубинная ядерная структура – представления мира. Главной идеей С.Д.Смирнова является положение, что образ мир существует априорно у человека. Очевидно, что он трансформируется и перестраивается и достраивается в человека под воздействием внешних факторов.

Центр образа мира, как отмечают ряд ученых, имеет свойство актуализированной реальности, а периферия носит потенциальный характер. Установочно-эмоциональный комплекс фиксирует все, что происходило с человеком. «Происходит эмоциональное закрепление восприятия вещей, связывание их с ситуационно-зависимыми смыслами, привносимыми человеком. Иными словами всякое пространство содержит в себе не только то, что в нем находится в данный момент, но и то,

что в нем происходило когда-то или в похожем пространстве, а также то, что может произойти » [Кузьмин].

К. К. Клакхон (1960) американский антрополог предполагает, что взрослая личность как архитектурная целостность имеет «нуклеарную» и «периферийную» области. «Изменение в нуклеарной области, даже не значительные сами по себе, всегда видоизменяют внутреннюю политику индивида и необходимо принадлежат выбору «или-или». Изменения в периферийных областях могут быть чисто количественными и возникать, не вызывая изменений иных личностных черт. Прохождение основных стадий (оральной, анальной, генитальной) требует изменения в нуклеарной области, однако существуют и такие поверхностные адаптации к статусу и роли, которых ожидает каждая культура от личности данного возраста, пола рода занятий.

Чаще всего периферийными оказываются те области, где существует относительная свобода адаптации»[с. 241]. Следовательно, автор представляет трансформацию менталитета, выделяя в личности некоторые области, которые в силу своих адаптивных функций более или менее подвергаются изменениям.

В структуру образа мира входит психологическая ситуация, составляющая активную и актуальную часть образа мира (О.М. Краснорядцева, 1997).

Заслуживает внимания, в этой связи, концепция С.В. Лурье (1997,2003) «центральной зоны» культуры [], аналогия с представлениями Э. Шилз о «центре общества». Центр определяет совокупность ценностей и верований, которые составляют природу сакрального для каждой культуры, ее менталитета. Этот стержень уникален и является выражением некоего общего содержания. Содержанием центральной зоны этнической культуры являются этнические константы, лежащие в бессознательном слое психики и включающие в себя следующее содержание: 1) локализация источника зла (образ врага); 2) локализация источника добра (образ себя, образ покровителя); 3) представление о способе действия, при котором добро побеждает зло [с. 43]. Препятствуют разрушению этих констант картины мира этноса защитные барьеры. Изменение картины мира происходит по двум причинам: 1) в следствии утраты адаптивных свойств картины мира, 2) при смене обществом ценностных доминант. «При изменении картины мира происходит новый трансфер культурных констант и кристаллизация новой модификации традиции вокруг новых значимых объектов» [с. 597].

Т. Шварц видит культуру как совокупность конструктов – представлений о поведенческих моделях и классах событий, которые могут реструктурироваться под влиянием внешних воздействий, например, конфликта.

С. Милграм представляет ментальные картины, который он считает, существуют как универсальные, так и индивидуальные, зависящие от личной истории человека и социального статуса.

Исходя из представлений когнитивных психологов, предполагаем, что картина мира представлена когнитивными схемами. Схема – это когнитивная структура, в которой представлены обобщенные знания и характеристики объектов, об отношениях между этими характеристиками (Augoustino, Walker, 1995). Д. Рамелхарт и Д. Норманн описали три модели изменения схем при столкновении с новой противоречащей информацией: бухгалтерская – изменения происходят постепенно по мере поступления информации, конверсионная – повышение порога несогласованности информации вносит существенные изменения, выделение подтипов – новая информация включается в имеющуюся, как подтип иерархически. Такое представление о динамике схем скорее говорит о модальности процессов (сильные – слабые, существенные – несущественные и др.), но не раскрывает содержательно-структурные изменения. Обратимся к типологии схем.

В литературе представлены пять типов схем, которые могут выступать структурными элементами картины мира: личностные (знания о личностных чертах и связи между ними), ролевые (предписания и ожидания по поводу поведения), схемы самости (знания о себе), событийные (последовательность действий и событий), схемы, свободные от содержания (каузальная атрибуция, когнитивный диссонанс, сбалансированные отношения) (Ж.-Ф. Лейенс, Б. Дарден, 2001). Рассмотрим, что происходит в данных схемах при трансформации менталитета. Можно предположить, что при изменениях в менталитете в личностной схеме россиян, например, появляется такая черта как успешность, которая ранее не была популярна. В ролевых схемах меняются ожидания людей относительно ролевых функций, например, принятие конкуренции между сотрудниками. При этом меняются схемы самости, в процессе мотивирования себя на большие достижения в идеальном Я. Событийные схемы, также изменяются. Появляется множество социальных страхов, социальная незащищенность – это уже готовый сценарий для многих людей. Ранее события для большинства граждан России основывались на гарантированности со стороны государства, а теперь часто человек должен заботиться о себе сам. Происходит ли смена оснований каузальной атрибуции? Известно, что, объясняя поступки людей, представители индивидуалистических культур склонны опираться на личностные качества человека, а в коллективистских культурах – на ситуацию. Вопрос остается открытым.

Е.Ю.Артемова (1999) выделяет перцептивный мир, содержащий предсмыслы, семантический слой, содержащий собственно смыслы и глубинный слой, составляющий личностные смыслы.

Д.А.Леонтьев (1999) предлагает структуру сознания, в которой первой подсистемой является образ мира, второй подсистемой выступают механизмы построения образа мира, третья подсистема осуществляет соотнесение образа мира со смысловой сферой личности, четвертая

подсистема связывает личность с сознанием, пятая подсистема – рефлексия – произвольное манипулирование образами в поле сознания [с. 143–144].

Следовательно, образ, картина мира является ядром и подсистемой менталитета, которая участвует в сканировании, оценивании окружающего мира и выступает ядром ментального пространства, содержащим критерии норм, принятых в культуре, относительно которых данные функции реализуются.

Исследователи предлагают различные представления о процессах изменения образа мира. К Юнг утверждал, что «образ мира может меняться все время так же, как все время может меняться наше мнение о нас самих» [с. 224]. «В структуре актуального образа мира выделяется активная (ценностно-смысловая структура психологической ситуации) и потенциально активная область, которая состоит из двух частей: первая ее часть состоит из новообразований, не соответствующих актуальной деятельности, а потому лишняя для нее; вторая часть включает в себя область действительности, смыслы и ценности которой еще не определены человеком, но составляют ту потенциальную реальность (область возможных смыслов), которая переходит в действительность при открытии соответствия человеку» (А.К. Белоусова, с. 324, 2002). **Полагаясь на данные измышления, следует, что трансформация менталитета касается именно потенциально активной части образа мира. В ней и происходит переосмысливание и переоценивание психологической ситуации, ведущие к построению актуально-активной части образа мира, информация которой попадает из периферии в центральные зоны.**

По всей видимости, представление об иерархической структуре образа мира во многом обусловлены системным взглядом на данный предмет, но скорее всего, образ мира и картина мира имеют сетевую структуру, хотя это существенно затрудняет ее анализ. Таким образом, можно заключить словами А.А.Леонтьева (2003): «образ мира, как он понимается сегодня психологами, – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающиеся сознательной рефлексии» [с.268]. «Движение сознания в образе мира имеет не планиметрический, а стереометрический характер» [с/269]. Автор выделяет «ситуативные фрагменты» в образе мира, в которых «высвечивается» отдельный предмет. Также автор пишет, что существуют наравне с индивидуальными, и «инвариантные» образы мира, в которых описываются общие черты в видении мира различными людьми. Образ мира с данных позиций служит ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в нем.

Аналогичные представления реализуются В.П.Серкиным (2004). Он рассматривает образ мира как «брамфатуру» (совокупность всех пронизывающих друг друга слоев реальности) – модельный конструкт. Образ мира автор представляет как многомерную сферу, которая структурирована: 1) *по уровням функционирования форм значений в деятельности* (три основные

подсистемы: мотивационная, целевая, ситуационная); 2) *по уровням обобщения* (три основные подсистемы: синкретическая, комплексная, понятийная) [с. 130]. Схему функционирования образа мира автор видит как схему переработки чувственной ткани и схему информационно-целевого обслуживания образа жизни [с. 136]. При этом В.П.Серкин отмечает, что образ мира как продукт сознания получается благодаря «постоянной трансформации чувственных образов сознания в значения и смыслы» [с. 64].

Обобщая вышесказанное, можно полагать, что образ мира представляет собой психологический конструкт. Он имеет сложную уровневую структуру, которые можно оценивать с позиции ее содержания (представления, оценки, значения, смыслы), с позиции ее динамики как движение от периферии ее составляющих к центру и наоборот. Также образ мира можно представить как продукт деятельности человека, как результат освоения окружающей среды, ее восприятие, понимание и осмысливание. Основной единицей образа мира является психологическая ситуация, в которой находится человек или в которых он находился в прошлом. В основе ситуации лежат когнитивные схемы как структуры ее познания. Каждый человек имеет свой индивидуальный образ мира, но который вписан в общий образ мира, присущей его социальной общности. Думается, что поколения обладают своим специфическим образом мира.

«Характер теоретических образов определяется особенностями базового разрушения внешних оснований деятельности. Образы формируются как органы стабилизации схем деятельности (П.Я.Гальперин). При теоретизировании ведущим моментом является либо стабильность, либо внутренняя нестабильность социальных систем, детерминирующих организацию деятельности. Деятельность человека разворачивается как процесс в интерпсихическом пространстве социальной системы (Л.С.Выготский). Логика и структура деятельности задаются этим пространством, отражают особенности его организации. Строение социальных систем и деятельности очень разные в восточных и западных странах» [В.А. Шабельников Психологическое осмысление теорий: западный и восточный взгляд. Институт развития личности РАО, доклад 20 фев. 1998].

Углубившись в проблему построения структуры образа мира, ученые оставляют в тени вопрос о выделении параметров измерения образа мира.

Образ мира является ядром ментального пространства изменений менталитета. На основании сделанных выводов, возможно предположить наличие следующих параметров оценки образа мира: представления, направленность, подвижность, уровень абстрагирования, положение Я, отражение в нем стиля мышления, отвлеченность изображения, составляющие актуального изображения, уровень сложности.

По данным Н.М.Лебедевой, в современном российском обществе уменьшается значимость глобальных социальных категорий (гражданских, идеологических и др.) и увеличивается

значимость конкретных, реальных категорий (пол, возраст, профессия, уровень доходов и др.) []. И другие авторы [] констатируют различные изменения в современном образе мира по сравнению с традиционным.

Опираясь на эмпирические исследования составляющих образ мира [] можно представить образ традиционной картины мира и инновационной следующим Табл. 4.1.1.

Таблица 4.1.1.

Сравнение показателей образа мира у молодежи и пенсионеров

№	Показатели	Образ мира пенсионеров (традиционный)	Образ мира молодежи (инновационный)
1.	Направленность ценностных ориентаций	Коллективизм	Индивидуализм
2.	Особенности абстрагирования	Абстракция	Конкретика
3.	Динамика образов	Статика	Динамика
4.	Персонализация образа Я	Представленность своего Я сильная	Представленность своего Я слабая
5.	Степень рационализации мышления	Малая рациональность	Высокая рациональность
6.	Тематика изображения	Изображение ближайшего окружения, нормативная	Нормативная, нестандартная
7.	Уровень сложности	Менее сложная	Менее сложная

В таблице показатель ценностные ориентации имеет два полюса: коллективизм и индивидуализм. Поскольку пенсионеры являются представителями традиционного менталитета, то им присущ коллективизм, а молодежи, отторгающей некоторые традиции коллективизма, индивидуализм. Показатель конкретность – абстрактность образа мира является отражением приоритетности восприятия мира поколениями как некой абстракции или конкретики. Абстрактность восприятия предполагает некоторую приблизительность и неясность перспектив мира. Динамика образа мира может служить индикатором восприятия мира как изменяемого или неизменяемого. Показатель представленности в образе мира своего Я говорит о личных вкладах в мир. По последним данным в ходе общения наблюдается его деперсонализация особенно среди молодежи. Предположительно деперсонализация будет отражена и в образе мира у молодежи. Также в образе мира будет отражаться высокая рационализация мышления, которая наблюдается в современном мире как общая тенденция. Тематика изображения очевидно наиболее ситуативный показатель среди других, но все-таки предполагаем, более нормативные образы у пенсионеров и ненормативные, нестандартные у молодежи. По параметру сложность можно предположить, что у пенсионеров менее дифференцирован образ мира, ограниченный нормативными рамками, а у молодежи он менее дифференцирован в силу молодости.

Мир изобилует очень многими образами и картинами мира, например профессиональная картина мира (Е.А.Климов, 1995) и др. В данном сравнении картин мира мы исходим из критерия классификации – различия менталитета пенсионеров и молодежи. Возможно, эти картины мира пересекаются с возрастными картинами мира, но при этом, мы предполагаем, что они отличаются. Картина мира менталитета различных слоев, групп населения является более обобщенной.

Ядром менталитета является образ мира, картина мира тех значений и представлений, которые закреплены нормативно в определенной группе. Образ мира человека имеет иерархическую структуру. Центр образа мира выполняет статичную, стабилизирующую и конституирующую функции. Периферия всегда подвижна, изменяема. Диалектика противоречий периферии и центра образа мира задает динамику процессов трансформации менталитета. Ментальное пространство выступает полем феноменологии изменчивости менталитета (*микроскопический уровень закономерностей трансформации менталитета*). Ядро ментального пространства составляет образ мира, в котором происходит движение новых категорий от периферии к центру и обратно. Это позволяет сканировать категории и интегрировать их или отторгать. Трансформация значений в образе мира, по мнению ряда ученых, происходит посредством влияния эмоционально-установочного комплекса. «Эмоциональные состояния способны трансформировать психический образ и, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, нарушать его предметную логику, а значит, и трансформировать его значение...» [Петренко Основы психосемантики, с. 39].

3.1.3. Смена образа жизни коллективного субъекта

Категория «образ жизни» используется и разрабатывается на сегодняшний день в разных науках, а поэтому имеет полидисциплинарный характер. Поиск психологического смысла категории «образ жизни» привел к пониманию того, что образ жизни является функциональной психологической системой, объединяющей в себе смысловые и потребностно-мотивационные образования, систему индивидуальных идеалов и жизненных ценностей, психологических установок (Л.С.Выготский, В.П.Зинченко, В.Е.Ключко, А.Н.Леонтьев, М.К.Мамардашвили, С.Л. Рубинштейн, В.И.Слободчиков, А.Г. Асмолов и т.д.).

В.П. Зинченко (1983) отмечает, что теоретическое осмысление понятия «образа мира» у А.Н. Леонтьева (1983) происходило через категорию «образ жизни». Разрабатывая представления об образе мира, А.Н. Леонтьев исходил из деятельностной методологии. Образ жизни понимался как совокупность деятельностей человека как интегративной характеристики активности (В.П.Серкин, 2001). Система свойств личности, ее субъективных отношений к обществу, к другим людям, деятельности, самому себе, постоянно реализующихся в общественном поведении, закреплены в образе жизни [В.Н. Мясищев, с. 94]. Б.Г. Ананьев утверждал, что образование личностных свойств человека связано с современным для данного общества и народа укладом жизни, с историей общественного, особенно культурного, политического и правового развития, определившего становление современного образа жизни [с.181]. Как соучастник исторических событий «личность характеризуется определенной глубиной осознания и переживания исторического процесса, «чувством истории»» [с. 321].

«Образ жизни приводит к коренной перестройке закономерностей историко-эволюционного процесса» [А.Г. Асмолов, с. 223]. В философских источниках понятие «образ жизни» определяется как типичные для данного общества виды жизнедеятельности. А.Г. Асмолов показывает, что с темой образа жизни тесно соприкасается определяемая Л.С. Выготским тема «социальной ситуации развития». Понимает ее Л.С. Выготский как условие развития деятельности человека. Введенное А.Г. Асмоловым понятие «социально-исторического образа жизни», расширяет контекст представлений об условиях развития человека, соединяя «оси исторического времени жизни личности и оси социального пространства ее жизни» [с. 225].

С позиции теории психологических систем (В.Е.Клочко, О.М. Краснорядцевой) категория «образ жизни», с одной стороны, напрямую связана с ценностно-смысловым аспектом бытия, а с другой стороны, с избирательностью сознания. Изменение образа жизни рассматривается не как эффект процесса адаптации, понимаемой как проявление приспособительного поведения, но прежде всего как аспект функционирования человека в качестве открытой системы - открытость человека в мир предполагает изменение образа жизни как эффект, как следствие этой открытости.

В качестве системообразующей индивидуальной характеристики человека как открытой системы рассматривается континуум «ригидность-флексibilität» (Г.В.Залевский, 1993; Э.В.Галажинский, 1996; Т.Г. Бохан, 1997; В.Н.Петрова, 1998; Ю.В.Клочко, 2002; и др.). Психическая ригидность определяется Г.В.Залевским как трудность коррекции программы поведения в целом или ее отдельных элементов в связи с объективной необходимостью и разной степенью осознания и принятия этой необходимости. Как показывает клиническая практика (и экспериментально-психологические исследования) психическая ригидность проявляется в фиксированных формах поведения (Н.А. Бохан., В.Г.Морогин, Т.Е. Левицкая, Е.А.Рождественская). Ригидность - центральное звено в структуре готовности к изменению образа жизни (Ю.В.Клочко). «Континуум («ригидность-флексibilität») интерпретируется нами как общесистемный конструкт – будучи самым глубоким и основополагающим (по отношению к другим психологическим феноменам), он оказывается и самой общей характеристикой меры открытости системы, показателем ее самоорганизации, проявлением которой, как мы настаиваем, и является самореализация» (Э.В.Галажинский, 2001).

«Человек, опираясь на собственные рефлексивные возможности, способен оценить обстоятельства жизни и собственную жизнедеятельность, свой образ жизни и стать в позицию субъекта активной коррекции того и другого, но именно это потребует от него колоссальных усилий и энергии, активности, - потому, что в естественном состоянии все это является различными проявлениями единого - самоорганизующейся открытой психологической системы. Более того, ригидность, с нашей точки зрения, и является тем общесистемным свойством, которое может не только блокировать выход человека за пределы устоявшихся поведенческих схем, но и за пределы

жизненных обстоятельств, деятельность в которых предполагает трансформацию фиксированных форм поведения. Она, тем самым, может блокировать и сам вывод в сознание определенных жизненных обстоятельств, которые связаны с неудачами реализации в них стереотипов, сложившихся в других обстоятельствах, а кроме того, блокировать в сознании и те обстоятельства, которые связаны с открывающимися возможностями выхода за пределы требований ситуации – туда, где наиболее явно заявляет о себе самореализация» (Э.В.Галажинский, 2001). На этом основании автор предлагает типологию закрытого-открытого способа жизни.

«Наиболее сложным для человека эпохи социальных перемен является решение задачи планирования своей деятельности в социальной сфере...., ибо сегодня оно требует учета направления и темпов изменения социальной реальности, а также высокой личной толерантности к неопределенности» [Е.П.Белинская, 2001, с. 31].

Многие исследователи утверждают, что именно возрастные кризисные периоды легко выявляют различные формы отклонений в психическом развитии и в здоровье, что может рассматриваться как следствие невозможности перестройки личности в новых обстоятельствах; неспособности к самокоррекции поведения, направленной на использование образовавшихся психических и физических возможностей в качестве ресурсов, позволяющих справляться с новыми возрастными задачами, вписывать это новое в сложившиеся поведенческие структуры, преломлять в них, что и обуславливает трансформацию всего образа жизни.

Н.А. Логинова доказывает, что образ жизни человека складывается в определенных исторических условиях на основе материального производства и включает в себя деятельность людей по преобразованию этих условий [с. 239]. Благодаря образу жизни общество влияет на формирование психического склада людей. «Субъективная сторона изменений в среде, то есть изменений в их значении для развития личности, фиксируется в понятии «социальная ситуация развития»» [с. 239]. Структура, основные моменты жизненного пути изменяются от поколения к поколению, что влечет за собой различия в психологическом облике разных поколений [с. 239]. По мнению автора, индивидуальное развитие человека зависит от принадлежности к поколению. События среды вносят различные изменения в ход жизни человека, но только отношение человека к событию определяет степень его значимости. Н.А. Логинова представляет следующую последовательность изменений в жизни человека: события-впечатления изменяют скачкообразно сферу ценностей, которая ведет к поступкам человека изменяющих объективное течение событий жизни. Последствиями событий для человека являются психические состояния, которые влияют на взаимодействие человека с новыми обстоятельствами.

В исследованиях 70-80-х гг. авторы выводили образ жизни людей из способа их деятельности, основу которого составляла система ценностей (Г.Л. Смирнов, Г.В. Папаян) []. На этом основании были выведены типы личности, преобладающие в различных поколениях,

характерные для определенного исторического периода. Были выявлены социальные типы личности, характерные для эпохи социализма. Первый тип был ориентирован на идеалы: труда, многодетной семьи и умеренного потребления материальных благ. Другой тип, который был распространен в наиболее молодых группах, это тип, который сочетает в себе ориентацию на карьеру, индивидуализм и потребление [Папаян с. 117]. Очевидно, выборы людей эпохи социализма колебались между поведенческими стереотипами этих двух типов личности и предпочтения отдавались первому типу. Современная ситуация открыла пространство для второго типа личности.

Е.Н. Данилова в своем исследовании (1993-1998) отмечает, что «конфигурации идентичностей связаны с ориентацией на определенные адаптационные стратегии, которые, в свою очередь, у различных социальных групп выражены в разной мере. Именно жизненные стратегии дифференцируют российское население: выживание или стремление к достижениям. В этой плоскости происходит формирование новых социальных идентичностей через соотнесение с «проигравшими» или «выигравшими» в ходе реформ. Первая тенденция прослеживается у тех, кто испытывает трудности самоопределения и адаптации к новым условиям и обращается за поддержкой в советское прошлое. В их «мы-концепцию» неизменно входит категория «советские люди». Другая стратегия характерна для тех, кто вполне адаптировался к переменам, проявляет активность и стремление к успеху, живет настоящим».

Там же: «Один из основных элементов нормативной базы недавнего советского общества заключался в соблюдении принципа похожести, который был освящен государственной программой «построения общества социальной однородности». Метафорой бытия советского человека многие исследователи считают его универсальную «простоту». Это и ориентации на массовое усреднение, и отвержение элитарности, и привычка довольствоваться малыми радостями. Феномен «простого» советского человека рассматривали Ю.А. Левада и соавторы []. Результаты исследования, когда почти 2 тысячи респондентов попросили ответить на вопрос «Кто я?», показали, что люди отвечали: «я — обычный человек, средний человек, скромная, обыкновенная, как все, стараюсь не выделяться, средних способностей, я — добрый, средний во всех отношениях»»[].

«Согласно нашим данным, начиная с 1994 года, наметилась тенденция увеличения доли тех, кто придерживается принципа «жить как все, не высовываться» — с 56% до 68% в 1998 году. При этом не установлено значимых различий по статусу: среди руководителей и специалистов ориентация на упомянутый принцип распространена так же, как и среди тех, кто занимает более низкие ступени на стратификационной лестнице. Невысокую приверженность данной установке демонстрируют предприниматели, но минимально приемлема подобная стратегия жизни для молодых» (Ю.А.Левада). С 1998 года автор считает, что для россиян характерно более

рационализированное восприятие своего места в социальном пространстве, в частности, в системе имущественной дифференциации.

В.Е. Ключко пишет: «соответствие является причиной взаимодействия; принцип соответствия лежит в основе закона ограничения взаимодействий, на котором держится весь миропорядок. Взаимодействия обладают порождающим эффектом, и если бы не было того, что их ограничивает, мы постоянно сталкивались бы со стихией формообразования» [Ежегодник]. «Что порождается во взаимодействии соответствующих противоположностей, становится внутренним содержанием системы, делает систему более сложно организованной, в связи с чем новые элементы безразличной «среды» становятся соответствующими системе, обуславливая возможность взаимодействия ее с ними, т.е. превращаются в условия и предпосылки дальнейшего движения системы» [там же]. Исходя из данного положения, следует, что образ мира должен соответствовать образу жизни коллективного субъекта.

Образ жизни видится В.П.Серкиным (2001) как надсистема образа мира. Он представляет следующую структуру образа жизни: 1) уровень сознания (субъективность пространства и времени); 2) уровень коммуникации (конвенциональность пространства и времени); 3) уровень действия (конструирования пространства и времени). Структура образа жизни детерминирована и образом мира, и планом реальных взаимодействий и, детерминирует развитие образа мира субъекта [с.153]. Думается, что именно по данным структурным линиям и идет трансформация образа жизни.

Обобщая вышеизложенное, предполагаем, что образ жизни это часть «жизненного мира» коллективного субъекта и человека, в которой он реализует свою активность, согласно имеющимся у него способам жизнедеятельности.

Проявления изменения образа жизни выделила Ю.В.Ключко (2002), проанализировав многие исследования: изменение социальной ситуации развития личности; изменение ролей, которые человеку приходится играть; перемена круга лиц, включенных во взаимодействие с человеком; развитие неврозов, депрессивных состояний; деформация круга решений проблем и возможности принятия решений; существенные изменения в образе Я человека; потеря старой и обретение новой идентичности; перестройка системы личностных смыслов и ценностей; актуализация защитных механизмов и др. [с.15]. Во-первых, автор поясняет, что существует вынужденная и естественная смена образа жизни, во-вторых, эмпирически можно установить легкость и трудность вхождения человека в новый образ жизни. В этой связи она изучает феномен «готовности к изменению образа жизни», указывающий на индивидуальные особенности человека, обеспечивающие его устойчивость в условиях разрешения постоянно воспроизводимого

противоречия между образом жизни и образом мира [с.6]. При этом, именно параметр образа жизни – ригидность «отвечает за трудность перестройки сложившихся жизненных стереотипов, релевантных всей системе» [с.8]. В феномене смены образа жизни важную роль играет согласованность осознаваемых (интернальность) человеком новых условий жизни с неосознаваемыми или частично осознаваемыми (экстернальность) жизненными стереотипами и сложившимися схемами поведения. Механизмом трансформации образа жизни человека является «вписывание» в образ жизни явления, считает Ю.В.Клочко. «Однако вписываться в образ жизни может не всякое, а только соответствующее его базальным основаниям» [с.58].

Установив в нашем исследовании [], что основными социальными **институтами трансляции менталитета** являются *семья, профессиональная среда и ближайшее окружение человека*, а по последним данным и институт СМИ, то можем утверждать, что они являются **основными институтами трансформации образа жизни как подсистемы** менталитета, т.е., детерминируют данную трансформацию. Поскольку человек отождествляет себя с данными референтными группами, составляющими основу рассматриваемых социальных институтов, то они влияют на него в большей мере. Именно в данных референтных группах человек воспримет изменения, происходящие в менталитете, и будет чувствовать объектность, отчужденность в отношениях. Ряд авторов демонстрируют изменения в процессе социализации, заданные современной социальной ситуацией (Ю.Е.Алешина, А.С.Волович, 1991; В.А.Ядов, 1993; Е.П.Авдудевская, С.А.Баклушинский, 1995; С.А.Баклушинский, Н.Г.Орлова, 1998; И.С.Кон, 1999; Е.П.Белинская, И.В.Куликова, 2000 и др). Рассмотрим изменения, происходящие в группах социальных институтов.

В *профессиональной сфере* от людей требуется высокий профессионализм, быстрота адаптации в новых рабочих условиях, высокая обучаемость, в случаях переквалификации, высокая коммуникабельность. Также работодатель требует от работника – мобильность, активности, дисциплинированности, затрату больших эмоциональных и физических сил. Все эти условия во многом не схожи с прошлой российской действительностью, когда можно было быть средним профессионалом, сидеть на одном и том же месте долгие годы, мало чего делать и уйти на заслуженный отдых. Мобильность работника, частая смена работ ранее не приветствовались, сегодня наоборот. Раньше целью трудовой деятельности было повышение благосостояния всего государства, теперь приоритет частных целей. Если ранее в интересы начальника производства была включена заинтересованность в работнике, интерес к его частной жизни, то теперь современный руководитель в большей мере использует персонал, манипулирует им.

В *семейной сфере* в настоящее время семья не должна быть обязательной в жизни людей, а если она и есть, то отношения дистанцированы между супругами, каждый озабочен своим личностным ростом, дети не обязательны или ограничено их предполагаемое количество. Занятость родителей максимальна, заботы по уходу за детьми перекладываются на гувернанток, школу, институт. «Современная социальная динамика отражается...и в «ломке» социокультурных стереотипов возможных позиционных отношений взрослого и ребенка. Последняя на более конкретном уровне может выражаться как противоречивость требований, предъявляемых социальным миром ребенку: *во-первых*, как противоречивость требований одного взрослого, *во-вторых*, как противоречивость требований разных субъектов взрослого мира» [Е.П.Белинская, 2001, с.31]. Сегодня одной из целей иметь семью может быть продвижение по службе или элемент самоутверждения. Российский менталитет вышел из значимости семьи как социального института, когда был приоритет интимности, доверительности в общении. Уходят семейные праздники и традиции. Как отмечается в исследовании [Е.П.Белинская, 2001, с.284] наметились два пути социализации подростков в кризисной ситуации: 1) значимость группы подростков, которая становится единственным источником формирования Я-концепции; 2) значимость семьи, когда родительские установки и представления становятся источниками формирования Я-концепции.

В концепции виртуального общества Д.В. Иванов пишет: «О виртуализации семейных институтов свидетельствует и увеличение числа рождений детей, чьи родители не находятся в браке (табл. 4).

Таблица 4.

Родительство вне брака

Год	1970	1980	1990	1995
Доля рождений вне брака, %	10.6	10.8	14.6	21.1

Составлено по: Е. И.Иванова, Л. Р. Михеева. Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. 1999. № 6.» [с.89]

Дружественные связи также претерпели трансформацию. Они теперь больше похожи на дружбу, основанную на деловой полезности, чем личной симпатии. Психологические факторы выбора «значимых людей» больше основываются не на духовной близости. Как известно российская культура опирается на значимость межличностных контактов. Сократилось количество друзей, время встреч. Отношения более дистанцированные, холодные. Эту тенденцию подтверждает исследование Н.А.Журавлевой, которое показало, что в российском обществе наиболее устойчивыми среди ведущих ценностей являются ценности отношений личности с самым ближайшим социальным окружением (семья, любовь, терпимость) и ценность уверенности в себе. В свою очередь, наиболее динамичными являются ориентации личности на ценности отношений с

представителями дальнего социального окружения (честность и друзья), ценность эффективности в делах, а также ориентации на самоутверждение (свободу, независимость) [].

СМИ (печать, радио, телевидение, Интернет) также является важным институтом изменений психологии современного человека. Как показывают исследования каналы активного, самостоятельного освоения информации вытесняются пассивными, интерпретационными. По данным Н.Н.Богомолова, 1991, С.Б.Цымбаленко, А.В.Шарикова, С.Н.Щеглова, 1999; В.С.Собкина, 2000, 80% подростков предпочитают смотреть телевизор, чем общаться со сверстниками, около 60% информации подростки черпают из СМИ. Интернет открыл новые возможности для человека: увеличился объем информации, скорость ее нахождения и доступности, а также, по мнению Е.П.Белинской, 2001, открылись новые возможности для персонализации [с.260].

Изменения эти произошли очень быстро, лавинообразно. Энергетика изменений очень сильная. Г.М.Головина установила четыре стиля поведения современного человека: авантюрный, творческий, конформный, обывательский. Не думаем, что они присущи только россиянам, скорее это внеисторические типы, они были всегда. В переходную эпоху социум призывает к авантурным и творческим стратегиям, именно они помогают выжить, об этом еще писал Л.Н.Гумилев.

Представим изменения в образе жизни россиян и соотнесем их с изменениями в образе, картине мира Табл. 5.

Таблица 5

Соотнесение параметров образа, картины мира и образа жизни пенсионеров и молодежи

№	Образ жизни	№	Образ, картина мира
	<i>Пенсионеры</i>		<i>Пенсионеры</i>
1	Пассивность, малые изменения	1	Следование традициям
2	Малая компетентность	2	Интуитивизм
3	Идеализм	3	Отношения Я и Другие
4	Осторожность, адаптивность	4	Стабильная среда
	<i>Молодежь</i>		<i>Молодежь</i>
1	Активность, множество изменений	1	Нарушение традиций
2	Высокая компетентность	2	Рационализм
3	Прагматизм	3	Отношения Я и Другие
4	Рисковость, самореализация	4	Экстремальная среда

Как видно из таблицы образ жизни пенсионеров отличается от образа жизни молодежи. Пенсионеры следуют традициям, нацелены на адаптацию, а не на изменения среды. В их образе, картине мира преобладает восприятие среды как стабильной. Отсюда они придерживаются более теплых отношений, идеализируя отношения. Для них существует устоявшаяся точка зрения на отдельные аспекты жизни. В группе молодежи преобладает восприятие окружающей среды как нестабильной, поэтому они готовы меняться, быть активными и мобильными. В отношениях они

более прагматичны, цели их более рациональны. Социальная среда им предъявляет требования большей компетентности.

Многие авторы отмечают появление новых форм социальности – движение зеленых, антиглобалисты и др., что требует изменения образа жизни человека. «Новый социальный проект должен включать следующие фундаментальные идеи: безопасное развитие человечества, создание условий, допускающих сосуществование и взаимодействие разных стилей и форм индивидуальной и групповой жизни, согласование всех форм индивидуальной и групповой жизни, согласование всех форм индивидуальной и общественной жизни с требованиями, идущими со стороны Социума» [Розин, с.26].

По мнению В.М.Розина, современному человеку «необходимо строить новый образ себя, который бы включал идею Культуры и Других как равноценные в отношении к идее Я» [с.26]. Аналогичные идеи высказывают Ясвин и Дерябо в концепции экологии сознания.

Ученые показывают в своих исследованиях, что мы являемся свидетелями изменения образа жизни современного российского социума. А также, что образ жизни является источником развития человека. Конструкт ригидность-флексibilität (Г.В.Залевский, 1993, Э.В. Галажинский, 2001, В.Е.Клочко, 2001) является параметром готовности к изменчивости образа жизни человека, его саморазвития. Изменения в образе жизни проявляются в трех сферах: семья, дружественные связи, работа. Субъектами образа жизни являются поколения людей. Что происходит в пространстве взаимодействия поколений?

3.1.4. Модификация межпоколенной связи в ходе трансформации менталитета

Трансформация менталитета влияет на перемены в межпоколенных связях, которые выступают основными путями трансляции информации основным группам населения.

«Личность, как мы хорошо знаем, не только продукт истории, но и участник ее движения, объект и субъект современности...Формирование общности поколения зависит от системы общественного воспитания. Принадлежность к определенному поколению всегда является важной характеристикой личности» [Ананьев, с. 322]. Определимся с понятием «поколение». И.С. Кон выделил четыре позиции в отношении данного понятия: 1) современники, родившиеся примерно в одно и то же время, 2) ступень в происхождении от общего предка (сын, внук, правнук), 3) отрезок времени от рождения родителей до рождения их детей, 4) общность жизненного опыта и переживания современников [б с. 109]. Мы бы объединили первое и последние дефиниции, поскольку считаем их наиболее существенными. Л.Н. Коган определяет поколение как «объективно-сложившуюся социально-демографическую общность представителей данного класса (при социализме – всего общества) которая характеризуется: а) общими, типичными для данного класса жизненными условиями формирования личности, б) едиными задачами по сохранению или изменению этих

условий в своей практической деятельности, в) общностью доминирующих возрастных, социально-психологических и нравственных черт» [с. 73]. В 80-х годах, когда проводилось исследование Л.Н. Коганом, признавалось наличие классов в России. Сегодня ученые констатируют, что на смену классам пришли слои населения. Очевидно, что данное ученым определение переносится на слои населения. Г.Л. Смирнов выделил пять поколений со времени Октябрьской революции 1917 г. до 50 гг. XX века. Можно было бы продолжить список поколений: 6 поколение – это 60 гг. рождения, 7 – 70 гг., 8 – 80 гг., 9 – 90 гг. XX века и 10 – 10 гг. XXI века.

К. Маркс, Ф. Энгельс писали, что «поколение с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [с. 45 Т. 3]. Следовательно, именно изменение деятельности поколения ведет к трансформации его менталитета и изменению межпоколенной связи.

В исследовании мы придерживались теории М. Боуена об отрицательном влиянии на жизнь поколений прерывания вертикальных связей в семье []. Автор подчеркивает позитивное влияние на жизнь молодого поколения передачи опыта старшего поколения в виде нравственных ценностей и образцов поведения. Это наглядно демонстрируют в своем исследовании К.Бейкер, Ю.Б. Гипшенрейтер, анализируя влияние сталинских репрессий конца 30-х г.г. на жизнь трех поколений [].

Современные исследования показывают, что удлинился период жизни людей, удвоилась пора зрелости человека, что привело к возникновению нового поколения – молодежи. Они достигли зрелости физической, но не достигли зрелости социальной. Поколение молодежи мало предсказуемо. Поколение пожилых людей наиболее стабильно. Молодежь меняет структуру социальных связей, создавая собственные [О.Н. Козлова]. По мнению ученых, молодежь характеризуется инструментальным отношением к людям, работе, браку, образованию. Также им присуща деградация вербальной культуры, обусловленная новыми средствами коммуникации (ИНТЕРНЕТ, сотовые телефоны), упрощение текстов, используемых в образовательных процессах и т.д.

В отечественной психологии накоплено достаточное количество эмпирических данных, раскрывающих отдельные изменения менталитета субъектов России. В них показано, что произошли изменения в темпе и ритме, образа жизни россиян. Традиционные ценности пенсионеров сменяются нетрадиционными у молодежи. Это может свидетельствовать, что молодежь ориентирована не в прошлое, а в будущее. Исходя из представлений М. Мид, можно заключить, что современная молодежная культура имеет *конфигуративный* вид, переходящий в *префигуративный*.

Также исследования показывают, что молодежь не считается с авторитетами, не имеет нормативных рамок, воспринимает полноту свободы жизни как данность, как природное, естественное состояние.

Основная ориентация молодежи на свои достижения, мнения и вкусы. Эту индивидуалистскую направленность в свое время выделял Х. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс», описывая современные

тенденции в психологии человека XX века в Европе. Центральной особенностью современников автор считал не способность выйти за свои границы в постижении другого. А отсюда он отмечал низкий уровень культуры («где нет норм, нет и культуры»), когда заурядность провозглашает право на себя. Современная цивилизация, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, становится все сложнее и современник не может с ними справиться.

Возникает противоречие между большой мотивацией достижения решить проблемы и отсутствие внутренних психологических средств их решить. Поэтому такое большое увлечение экстримом у современной молодежи, это выход накопившейся энергии, не имеющей реализации. Как отмечает С.П. Капица, что современный человек не готов к таким быстрым изменениям в его жизни. Современный мир молодым человеком воспринимается как данность, плохо зная историю, он не видит каким трудом она построена и поэтому не испытывает благодарности и не признает никаких обязанностей. Американские и российские социологи показывают в своих исследованиях, что на этом фоне мы являемся свидетелями обострения проблемы взаимоотношений между поколениями, меняется характер наследования традиций, меняются общественные нормы. В прошлом основным источником связи между поколениями была вербальная культура. Однако, как констатируют специалисты, современная молодежь меньше читает, хуже пишет, затрудняется выделить главную мысль текстов, а это приводит к вакууму знаний традиционных литературных источников, носителей культурного достояния. Сужается и пространство использования традиционных средств коммуникации. Таким образом, поколения замыкаются на общении в кругу сверстников. «Разрастания разделенности формирует новую позицию по отношению к иным («чужим») поколениям. Каждое поколение все более склоняется к наблюдению, к исполнению функции экспертов, к взаимной экспертизе», – пишет О.Н. Козлова [с. 140]. Психологически всякое оценивание приводит к напряжению отношений между поколениями.

Сегодня в науке накоплен достаточный эмпирический материал, который свидетельствует о многоплановых изменениях социально-психологических показателей у представителей различных поколений. В.Н. Шубкин пишет, что молодежь в кризисном обществе проявляет неверие в возможность решения социально-политических вопросов, проявляет отчуждение от труда, имеет разочарование в демократии, более жестоки, прагматичны, циничны, более лживы, беспощадны к слабым [с. 58]. К.А. Абульханова (1999 г.) показывает в своих исследованиях, что у современной молодежи наблюдается исчезновение подлинной идентичности с самим собой и ценности самовыражения []. А.А. Волочков, Е.Г. Ермоленко (2004 г.) установили преобладание у студенческой молодежи типа ценностной направленности личности характеризующейся экзистенциальным эскапизмом, избеганием активной жизненной позиции []. В.М. Утенков, А.С. Закалин (2002) изучали политическое сознание студентов IV–V курса Московского

государственного открытого педагогического университета []. Интерес к политике у 35%, изредко вызывает интерес 60%. Наиболее привлекательным в нашем современном обществе явились: изобилие товаров и услуг – 56%, свобода личности – 51%, свобода идейного выбора – 33%. Наименее привлекательными явились – свобода политических выборов – 14%, свобода предпринимательства – 32%. Наиболее тревожит: коррупция госчиновников – 62%, экономическая нестабильность – 60%, рост цен, инфляция – 44%, обнищание людей – 43%, духовный упадок – 27%. Отметим улучшение материального положения за последние 5 лет – 40%, считают, что все без изменений – 24%, что все ухудшилось – 30%.

В исследовании С.В. Климовой образцов и идеалов любви, проведенного в Саратовском государственном техническом университете [] показано, что: в ситуации любви для девушек важно взаимопонимание – 37, 54%. Взаимоуважение отметили – 21, 34% девушек. 61, 31% юношей не считают значимость взаимопонимания в отношениях. Идеал отношений складывается из следующего – женщина должна возбуждать в мужчине чувство любви и сохранять его любовь к ней в семье, мужчина должен быть внимательным к женщине как своей партнерше и обеспечивать экономический статус [с. 288]. Ю.А. Зубок представляет результаты исследования риска в социальном развитии молодежи. Автор отмечает, что риск становится значимым признаком современных обществ и молодежь готова преодолевать состояния неопределенности и воспроизводить риск. Предлагаем таблицу данных, приводимых исследователем Табл. 5.4.1. [с.156].

Таблица 5.4.1.

Связь ориентаций на стабильность и на риск с оценкой возможностей самореализации.

Направленность ориентаций	Оценка возможностей					
	Найти работу	повысить квалификацию	повысить зарплату	сделать карьеру	защитить права	заняться бизнесом
На надежность спокойствие	3,94	4,49	3,55	3,60	3,97	2,40
На изменение и риск	4,30	4,77	4,06	3,92	4,40	3,20

Из таблицы видно, что молодежь, имеющая ориентацию на риск, больше может себя реализовать в современном обществе.

В российском обществе, по мнению автора, отмечается деформация ценностно-нормативной системы. По данным исследования молодежь, ориентированная на стабильность, придерживается традиционных ценностей и норм: 1. интересная работа, 2. семья, домашний уют, 3. материальный успех, 4. знания, профессионализм, 5. стабильность в обществе, 6. свобода выбора, 7. порядочность и т.д.

Молодежь, ориентированная на риск, имеет следующее распределение ценностей: 1. знания, профессионализм, 2/3. интересная работа, 4. свобода выбора, 5. стабильность в обществе, 6. семья, домашний уют, 7. предприимчивость и риск [с. 158].

По данным автора в 1999 году, респонденты, имеющие позитивную идентичность составляют 42,2%, не имеющих определенной идентификации – 7,5%, склонные к деликвентной идентификации – 12,3% [с. 161].

И.А. Зеленов (2000) доказала гипотезу о том, что в России группы прокоммунистическими политическими ориентациями характерен коллективизм, а для групп с реформаторскими политическими ориентирами свойственен индивидуализм. Коллективистам свойственен пессимизм, у реформаторов выше политическая активность. Автор выявил, что для политического сознания россиян характерна трехмерная модель политической ориентации: F1 – консерватизм, F2 – реформаторство, F3 – демократия. Исследование показало, что россияне пренебрежительно относятся к демократии в политике, пессимизм в оценке будущих событий, высокая персонафицированность общественно-политического мышления (вера в президента, а не в политические институты). Консерватизм мышления обратно коррелировал с общественно-политической активностью. Оказалось, что чем старше респонденты, тем была выше степень интериоризации им политических ориентиров, навязанных ему советской системой. Возраст положительно коррелировал с государственно-социалистическим консерватизмом, великодержавным национализмом.

Смену ценностных ориентаций диагностировал М.С. Яницкий (2000) у групп пенсионеров и молодежи []. Группа молодежи гораздо чаще ориентировалась на ценности социализации и индивидуализации, а пенсионеры преимущественно ориентировались на ценности адаптации. Схожие результаты получены А.П. Вардомацким []. Межпоколенные различия он объясняет тем, что современная молодежь находится в более материально благополучных условиях, чем пенсионеры, молодые годы которых пришлось на Великую отечественную войну.

Н.В. Поправко опубликовал результаты исследования профессионально-коммуникативной среды молодежи 2003-2004 гг. [] основными характерными чертами явились следующие:

- ориентация на поддержку друзей, родственников, знакомых и абсолютное элиминирование официальных структур – общество, людей, Родины,
- преобладание материально-карьерных целей, прагматических ценностей,
- самостоятельность, решительность, устремленность к карьерному росту,
- планируется в ближайшем будущем не профессия, а привлекательная статусная позиция,
- жизнеопределение связывается с удачливостью, единовременным прорывом,
- социальный инфантилизм, высокая степень неопределенности и напряжение.

Автор делает вывод о том, что меняются пространственно-временные перспективы жизненного пространства молодежи.

С.А. Литвина, О.И. Муравьева (2004) сравнили установки на патернализм у молодежи и зрелых людей. В результате показали, что более молодые люди менее склонны демонстрировать патерналистскую установку по отношению к политической власти, чем люди более старшего возраста, состоящих в браке и имеющих детей, а также средний уровень образования. Опираясь на исследования американских ученых, исследователи доказывают, что установки зрелых людей сформировались в молодости при социализме и не претерпели изменений.

Д.А. Леонтьев (2004) проводит сравнение «старого» и «нового» мышления. В «старом» мире стабильность первична и абсолютна, в «новом» мире изменение и движение первичны. В ценностном аспекте «старое» мышление призывает к ценностному единообразию, а «новое» – к плюрализму возможных ценностных идеалов. «Новое» мировоззрение системно, включает исключения из правил, то есть гибко, то «старое» – фрагментарно и полярно, а также трансформирует новую информацию, а не меняется само. При этом, автор замечает, что в «старом» мышлении дела расходятся с мыслями. в «новом» мышлении человек больше опирается на личный опыт.

Е.С. Жерихов показал в исследовании, что социальная адаптация пожилых людей зависит от общих условий социальной ситуации: социальные потери, сужение круга общения, увеличение свободного времени, кризис социальных ценностей и идеалов советского общества, при котором прошла большая часть их жизни. В ходе исследования был обнаружен высокий уровень ролевой адаптации, то есть соответствие тем ожиданиям, которые имеются о пожилых людях в нашем обществе и у них самих. Низким оказался показатель переживания трудностей ими современной социальной ситуации. Изучение такого критерия социальной адаптации пожилых людей как приспособления к самому процессу старения (сужение круга интересов, снижение активности и др.) показало, что большинство респондентов присвоили себе в роль «хороших», «достойных людей», которые прожили «достойную жизнь», имеют богатый опыт. Пожилые люди определяли себе как личность, а не как члена группы. Так, в классификации «Я сам» у большинства опрошенных преобладают такие характеристики как интересы, увлечения, черты характера, их мироощущение, особенности поведения. Это свидетельствует о высоком уровне позитивности личностной идентификации опрошенных пожилых людей, что чрезвычайно важно для ситуации социальной нестабильности. Таким образом, было обнаружено, что социальная адаптация исследованных пожилых людей осуществляется за счет включения защитных механизмов: нарастание позитивной личностной идентичности (приписывание себе положительных качеств

личности), замыкание интересов на проблемах узкого социального пространства (инкорпорация) [].

Данные особенности открываются и в исследовании А.Н.Журавлевой: наибольшей устойчивостью характеризуется структура ценностных ориентаций работников открытых акционерных обществ (бывшие крупные государственные предприятия) и предпринимателей, а также двух возрастных групп: 46-55 лет и 36-45 лет. Наиболее динамичной в условиях социально-экономических изменений является структура жизненных ценностей старших школьников. В большой степени связанной с социально-экономическими изменениями является и структура жизненных ценностей личности в возрасте 26-35 лет, которая претерпела наиболее значительные изменения в изучавшийся исторический период. До 1999 г. чрезвычайно динамичной была структура ценностных ориентаций военнослужащих, экономическое положение которых оставалось неустойчивым, а в 1997-2001 гг. - ценностное сознание студентов, что связано, скорее всего, с внедрением массового платного образования [].

Обнаружив индивидуалистические тенденции самоидентификации, многие авторы подчеркивают, что эта тенденция пагубно сказывается на межпоколенных взаимосвязях. И.Климов, С.Г.Климова, В.В.Муратов констатируют, что другой человек перестает быть абсолютной ценностью, окружающая среда воспринимается как враждебная, наблюдается кризис идентичности, кризис общения. Социальный круг самоидентификации уменьшается до малых групп [].Закрытость поколений является значимым параметром трансформации менталитета.

Яковенко И.Г. отмечает, что советская идентичность, которая была структурирована вокруг религиозно переживаемой идеологии, сменяется идентичностью, которая может структурироваться вокруг «ценностей секулярного государства», ценностей гражданской нации [с. 36]. «Люди экзистенциально связанные с опытом пребывания в традиционном мире, перемещаются в старшие возрастные группы, утрачивают социальные позиции, все менее определяют параметры социальной и культурной жизни» [с.36]. Наблюдается независимость поколений, молодые люди полагаются только на себя.

Важным показателем межпоколенных отношений является противоречие, заключающееся в том, что при неуклонном старении общества, статус групп молодежи намного выше статуса группы пенсионеров в обществе. Так характерной особенностью современных организаций является то, что на важные посты выдвигаются молодые сотрудники, в рекламах по предложению вакантных мест предпочтение отдается молодым. Таким образом, рынок труда разделяет поколения.

По мнению Б.С. Братуся (1993), в советской культуре преобладали группоцентрические тенденции, для которых было характерно превознесение своих групп и поругание чужих. Поскольку автор считает, что установки не сменяются так быстро, то и сегодня наблюдается группоцентризм, но его объектом выступает либо нация, город, группа, а не классы. И это привело к их большей ограниченности, агрессивности и безнравственности. «Таким образом, нельзя не признать существование государственно-политического аспекта проблемы старости, обусловленного тем местом, которое в данный исторический период в конкретном государстве занимает старшее поколение, степенью активности и эффективности его участия в общественном развитии» (Т.Н. Волкова, 2005, с. 120).

Данные исследования показывают степень расхождения между субкультурой молодежи и людей зрелого возраста по таким критериям как: конструкт индивидуализм-коллективизм, патернализм, стиль мышления, ценностные ориентации, идентификация, стили взаимоотношений, статусно-ролевые отношения, социальные установки к себе, другим, к жизни, стереотипы поведения и др. Также ученые описывают явления дистанцирования поколений, замыкания на своей субкультуре.

Выводы:

1. Пространственно-временные координаты образа мира формируются в ходе жизненного пути человека. Человек обладает «концепцией времени и пространства», которая обусловлена индивидуальными особенностями и культурным своеобразием. Социокультурные изменения влияют на сокращение временной перспективы, но удлиняют отдельные промежутки времени, что влияет на восприятие пространства. К негативным последствиям «темпорального давления» относятся: безвременье, незаконченность планируемого, аритмия синхронности действий, остановка личного времени. Определенные слои населения имеют ориентацию на прошлое (пенсионеры) и ориентацию на настоящее (молодежь), имеют либо пассивную, либо активную временную перспективы. Степень владения пространственно-временной перспективой определяется системой ценностно-смысловых оснований жизни. Они взаимовлияют друг на друга. Если сегодня наблюдаются интолерантные установки в общении людей, то их оптимальная дистанция явно должна увеличиваться. Сегодня в России все виды территориальности как еще одной формы регуляции пространственного контакта, довольно жестко ограничивается правами собственности отдельных субъектов. Можно ожидать, что территории будут характеризоваться большей закрытостью и иметь характерные «знаки» маркирующие ее. Разрушается средовая идентичность, когда человек не может смириться с потерей персональной территории. Поскольку статус пожилых людей в обществе на сегодня несколько ниже, чем молодежи, то территориальная ограниченность пенсионеров будет выше.

Со сменой исторических эпох, сменой типа культуры у человека могут измениться пространственно-временные координаты образа мира. А это означает, что человек воспринимает новую реальность мира, строит новую действительность с новыми пространственно-временными координатами, новыми ценностно-смысловыми основаниями. Субъективно это выражено в том, что временные рамки сокращаются (требование социума), а пространственные рамки расширяются, но плотность временных отрезков растет, то есть человек большие пространства может увидеть на экране компьютера, однако в социальном пространстве увеличивается дистанция между людьми. В группе пенсионеров стремление в будущее наполнено образами прошлого, а в группе пенсионеров настоящее заполнено образами будущего.

2. Ядром менталитета является образ мира, картина мира тех значений и представлений, которые закреплены нормативно в определенной группе. Образ, картина мира является подсистемой менталитета, которая участвует в сканировании, оценивании окружающего мира и выступает тем критерием нормы, принятым в культуре, относительно которого данные функции соотносятся. Образ мира человека имеет иерархическую структуру. Центр образа мира выполняет статичную, стабилизирующую и конституирующую функции. В структуру образа мира входит психологическая ситуация, составляющая активную и актуальную часть образа мира (. Периферия всегда подвижна, изменяема. Диалектика противоречий периферии и центра образа мира задает динамику процессов трансформации менталитета. Ментальное пространство выступает полем феноменологии изменчивости менталитета. В ментальном пространстве образа мира происходит движение новых категорий от периферии к центру и обратно. Полагаясь на представления А.К. Белоусовой о потенциальной области образа мира ценностей и смыслов, следует, что трансформация менталитета касается именно потенциально активной части образа мира. В ней и происходит переосмысливание и переоценивание психологической ситуации, ведущие к построению актуально-активной части образа мира, информация которой попадает из периферии в центральные зоны. Это позволяет сканировать категории и интегрировать их или отторгать. Трансформация значений в образе мира, по мнению, происходит посредством влияния эмоционально-установочного комплекса.

3. В отечественной психологии накоплено достаточное количество эмпирических данных, раскрывающих отдельные изменения менталитета субъектов России. Изменения в образе мира и образе жизни поколений изменяет их вертикальные связи, что отрицательно сказывается на их отношениях. В них показано, что произошли изменения в образе жизни россиян. Традиционные ценности пенсионеров сменяются нетрадиционными у молодежи. Это может свидетельствовать, что молодежь ориентирована не в прошлое, а в будущее. Также исследования показывают, что молодежь не считается с авторитетами, не имеет нормативных рамок, воспринимает полноту свободы жизни как данность, как природное, естественное состояние. Основная ориентация

молодежи на свои достижения, мнения и вкусы, которую можно охарактеризовать как индивидуалистскую тенденцию в психологии человека XXI века. Можно заключить, что современная молодежная культура имеет конфигуративный вид, переходящий в префигуративный. Пенсионеры становятся несколько ниже в своем социальном статусе, но возрастает их численность, они склонны к стабильности, к ценностно-смысловому единообразию, образ их мыслей фрагментарен и полярен. Современная цивилизация становится все сложнее и современник не может с ними справиться. Возникает противоречие между большой мотивацией достижения решить проблемы и отсутствием внутренних психологических средств их решить. Поэтому такое увлечение экстримом, по мнению многих авторов, это выход накопившейся энергии, не имеющей выхода. Поколения замыкаются на себе, наблюдается «группоцентризм».

4. Отечественные исследования показывают степень расхождения между субкультурой молодежи и людей зрелого возраста по таким критериям как: конструкт индивидуализм-коллективизм, патернализм, стиль мышления, ценностные ориентации, идентификация, стили взаимоотношений, статусно-ролевые отношения, социальные установки к себе, другим, к жизни, стереотипы поведения и др. Динамика трансформации менталитета коллективного субъекта заключена в изменениях координат ментального пространства образа мира, в изменении параметров образа жизни, в нарушении соответствия образа мира и образа жизни поколений, что ведет к нарушениям межпоколенных связей. Межпоколенные связи характеризуются ценностно-смысловыми расхождениями, что противопоставляет традиционный и инновационный менталитеты.

3.2. «Потеря» традиционной субъектности человека – центральный феномен трансформации менталитета

3.2.1. Традиционная субъектность, основные характеристики

Субъектность является центральным качеством субъекта. «Субъект – это сознательно действующее лицо, субъект как жизни вообще, так, в частности, и познания, осознания мира и самого себя как сознательного существа, осознающего мир» [Л.С. Рубинштейн с. 352]. «Субъект – носитель активности, деятель, преследующий свои субъектные и субъективные смыслы» [с. 112 И.Г. Петров]. Субъект, по мнению И.Г. Петрова, осознает себя лишь в «превращенной, несубъективной форме – форме объекта» [с.116]. Объект – это аспект действительности, который может восприниматься и осознаваться. В.Е. Ключко утверждает, что мир ценностей открывает нам действительность. Следовательно, субъект осознает себя посредством ценностного отношения к

объектам. Выстраивая границы между объектом и субъектом, субъект может их менять, «образуя и обеспечивая реальное поле его жизнедеятельности» [Петров с. 116].

Культуры, цивилизации приписывают субъектам определенные атрибуты, создавая различные формы объективного «мира природы и цивилизации, субъективные отношения» [с.117]. В этих отношениях рождается субъектность. По мере жизнедеятельности внешний мир «растворяется в субъекте» и граница субъектности между субъектом и миром увеличивается. Она приобретает определенные характеристики. С самой общей, психологической – точки зрения субъективная реальность есть наиболее абстрактное выражение способа существования и принципа организации человеческой реальности (по словам С. Л. Франка, как непосредственного самобытия человека). Этот всеобщий способ и фундаментальный принцип – субъективность (по-русски – самость) – обнаруживает себя в главной способности человека: способности ***превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования***, что и позволяет ему быть (становиться) действительным субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни» [Слободчиков, Исаев с. 12].

Обратимся к характеристикам субъекта. В комментариях К.А. Абульхановой–Славской к онтологической концепции С.Л. Рубинштейна выделены качества, модальностей человека как субъекта, выражающих сущность и способ его существования [С.Л. Рубинштейн с. 407]:

«а) способность к самодетерминации, самоопределению, самосовершенствованию, саморазвитию;

б) способность сознания человека и идеальной репрезентации всего бытия и одновременно к выявлению в нем непосредственно значимого для человека; способность человека благодаря сознанию «отделиться» от бытия, чтобы затем с ним соотноситься;

в) фундаментальности взаимосвязей людей, их общности («мы») и этничности их взаимоотношений;

г) способности к творческой деятельности;

д) качества субъекта жизни как процесса самореализации и становления и способности личности сохранить определенность, свою сущность во время и во взаимодействии с обстоятельствами, изменяя и совершенствуя ее».

Характеристики субъекта по И.Г. Петрову [с. 112].

- 1) свобода выдвижения альтернатив, свободой выбора решений и их принятия,
- 2) исполнение свободного волеизволения,
- 3) рефлексия исполненного,
- 4) преобразование реальной действительности,
- 5) саморазвитие, самоактуализация, самореализация,
- 6) смыслы и осмысленность этих характеристик.

К.А. Абульханва–Славская понимает личность как субъект «как возможность самодетерминации ее проявлений, поступков и т.д.» [с. 443 (г)]. Она выделила три вектора жизни личности как субъекта: 1) способ **самовыражения**, 2) способ **самореализации в жизни** и в социальной действительности через ее организацию и самоорганизацию, 3) способ **развития** и саморазвития как индивидуальности, идущих по восходящей [с. 442 (г)].

Обобщая вышеизложенное, можно определить следующие характеристики субъектности субъекта: самодетерминация, саморазвитие, самоактуализация, самовыражение, самореализация. Относительно коллективного субъекта, можем полагать, что его субъектность реализуется в процессе:

1. самодетерминации как способности и возможности коллективного субъекта определять цели своего саморазвития, учитывая ценности и предвидеть результаты;
2. саморазвития как возможности коллективного субъекта определять перспективы развития каждого своего члена и возможности выбора способов развития; В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский полагают, что: «Увеличивая свои возможности в процессах самореализации, человек не только сохраняет свою незавершенность, но и увеличивает ее, тем самым, удерживая свое жизненное пространство как поле, в которое постоянно проектируются его возможности, в котором он сталкивается с самим собой завтрашним» [с. 96].
3. самоактуализации как возможности коллективного субъекта развиваться и преобразовывать действительность согласно актуальным потребностям, актуальной ситуации, актуальным ценностно-смысловым основаниям;
4. самовыражение как возможность коллективного субъекта неповторимым определенным образом продляться в мир культуры и мир через способы развития, способы взаимодействия с миром, способы преобразования предметного мира;
5. самореализации как способность и возможность коллективного субъекта организовывать действительность и себя соответственно этой организации.

Представленные характеристики и характеризуют субъектность субъекта деятельности, познания и жизни. Субъект, который придерживается норм и правил определенной культурной традиции обладает **традиционной субъектностью**. Это значит, что такая субъектность строится, исходя из групповых норм и правил []. У такого субъекта преобладают социоцентрические установки, межличностная коммуникация и взаимозависимая Я-концепция, большая направленность на коллектив, в интерпретации учитывает контекст, он стремится изменить себя ради окружающих. Главными ценностями в традиционной культуре являются: ценности коллектива и ценности авторитета. В поведении преобладает установка на равенство, небольшая социальная дистанция к группе, поощряется высокая коммуникабельность, установка на то, чтобы не быть обузой группе, наблюдается включенность в ограниченное число групп, конформизм, авторитаризм,

поддерживается статусность, закрепощенность. Не приветствуются споры внутри группы, поощряется жертвенность ради группы, в отношениях приоритет скромности, взаимозависимости, строгое выполнение статусных, ролевых правил, соподчинение, наблюдается, а иногда культивируется враждебность к «чужому». В традиционных коллективах субъекты мало проявляют социальную леность, склонны к косвенным намекам, не прямой коммуникации. В конфликтной ситуации представители меньше конфронтируют, проявляют сотрудничество, поддержку, используют интеграцию и компромиссы. Конечно это усредненный психологический портрет субъектов традиции, однако он отражает общие тенденции в психологии субъектов традиционных культур.

Субъектность такого субъекта имеет яркие черты, которые мы определили как традиционная субъектность, т.е. субъектность, разворачивающаяся в рамках традиционной культуры. Хотя многие авторы связывают субъекта с проявлением свободы своей самореализации, самоактуализации и саморазвития, не тронутого никакими рамками. Однако, если считать свободу конституирующим понятием субъекта, необходимо напомнить, что в зависимости от культурного контекста понятие «свобода» будет наполнена совершенно разными смыслами. Коллективистические культуры ограничивают свободу человека рамками статусов, социальных положений, правилами группового взаимодействия. Индивидуалистические культуры склонны подчеркивать прерогативу личных свобод, но они также ограничены гражданскими обязанностями.

Сегодня уже имеются различные описания традиционных менталитетов. Например, С.Ф. Гребенниченко описала компоненты «менталитета селянства» 1920–30-х и 1980–90-х гг. К ним относятся: 1) религиозность, 2) патриотизм, 3) традиционная деятельно-трудовая замкнутость на свой внутренний мир, 4) стремление к знанию о внешнем мире за пределами своего «деревенского» микросоциума, 5) рассматривание села, общины или кооператива первичной ячейкой государства, 6) стремление к повседневной изобретательности, 7) иждивенчество и инфантилизм «постоянной» части сельских жителей, как общепринятая норма, 8) идея бытового равенства, круговая порука и завистливость, как наиболее частое ее проявление, 9) восприятие центрами власти как высшей интеллектуальной инстанции, 10) традиции веры в справедливость действий центральной власти [с. 409–410]. Нам представляется, что как раз здесь представлены характеристики традиционной субъектности селян: самодетерминация построена на нормах и правилах общины, саморазвитие деятельно-трудовое, цель которого поддержание жизнедеятельности общины, самоактуализация бытовая, самовыражение через изобретательство и выход в мир, самореализация через преданность общине.

При социокультурных изменениях особенно резких **«сужается граница субъектности»** (И.Г. Петров). Основной проблемой современного мира по данным многих психотерапевтов является давление на человека не проблем сдерживания инстинктов, а проблем со свободой. Возможности

человека возросли, и он не знает, что он хочет (В. Франкл, И. Ялом). В традиционной культуре жизненные программы были заданы и, что делать, было понятно, но в этом и заключалось ограничение. Мы полагаем, что субъекты традиционных культур будут ограничены в реализации своей субъектности. При столкновении с новыми жизненными условиями, где необходимо проявлять себя без каких-либо ограничений, субъекты не могут сразу осознать, что же для них лучше. И. Ялом пишет, что сегодня «изменилась картина психопатологии...пациент жалуется, что в его жизни «чего-то недостает»...наша базовая природа не изменилась; можно сказать, что сегодня, с ликвидацией маскировавших свободу атрибутов, с упразднением налагаемых извне структур, мы стали ближе, чем когда-либо, к переживанию экзистенциальных фактов жизни. Но мы не подготовлены; нагрузка оказывается слишком велика; тревога мощно требует разрядки, и мы, индивидуально и социально, вовлекаемся в неистовый поиск защиты от свободы» [с. 251–252]. В этой связи можно предполагать, что в современных условиях у субъекта существует проблема реализации своей субъектности, но обусловленная не внешними традиционными запретами, а «конечными факторами» бытия человека в мире [И. Ялом с. 12]. К конечным факторам бытия человека экзистенциалисты относят – смерть, свобода, изоляция, бессмысленность. Получается, что традиция защищала человека от решения этих экзистенциальных проблем. Экзистенциальные психологи и философы предлагают несколько выходов в решении экзистенциальных проблем: деятельность во благо кого-то, творчество, самореализация, гедонистическое отношение к жизни, поиск смыслов во внешнем мире. Хотелось бы заметить, что эти выходы и предлагали традиционные культуры, только во благо традициям. Очевидно, *реализуя субъектность, коллективный субъект встречает очевидные препятствия, преодолевая их субъект продвигается в развитии своей субъектности.*

«Субъектность – это главное образующее человека как субъекта познания и действия» [Сайко с. 22]. Исходя из перечисленных характеристик субъектности, предполагаем, что традиционная субъектность ограничена в реализации своих характеристик традициями, нормами и правилами. Субъектность включает все формы активности человека и коллективного субъекта. А поскольку именно активность и ее формы подвергаются трансформации, то трансформация менталитета может быть представлена как образование новой субъектности коллективного субъекта в новой социокультурной ситуации развития. Представленные характеристики субъектности и претерпели, на наш взгляд, изменения в связи с переориентацией современного мира.

3.2.2. «Потеря» традиционной субъектности в условиях социокультурного кризиса

«Потерю» традиционной субъектности мы понимаем как временную потерю социальных ориентиров для реализации субъектности, приводящую к переориентации характеристик традиционной субъектности человека в современном мире. Первоначально традиционная

субъектность формируется в предыдущие исторические периоды и именно в них начинает разрушаться традиционная субъектность. Еще Г. Ле Бон писал, что новые «идеи» не могут завоевать «организованную толпу», пока не умрут старые «идеи». По мнению О.Ю. Яхшиян пишет, что в XVIII в. произошел «социокультурный раскол», заключающийся в том, что «в среде господствующего класса прижились и культивировались ценностные ориентиры, чуждые традиционным, которых придерживались крестьяне» [Сокращенная стенограмма с.376]. Это повлияло на качественное изменение менталитета господствующего класса. Следовательно, уже с XVIII в. можно говорить о возможности «потери субъектности» господствующим классом.

Старые, традиционные «идеи» не умирают сразу, а это происходит постепенно. Начиная с 1984 года в СССР мало уже, кто верил в светлое будущее социализма. Многие традиционные праздники социализма не воспринимались в серьез, как и символы эпохи. Мещанские, частнособственнические ценности постепенно завоевывали субъектов СССР, о чем свидетельствуют публикации []. Такая характеристика субъектности как осмысленность жизнедеятельности субъектов СССР открывала ложность и ханжество руководителей, занимаемых важные посты. Уже не могли существовать смыслы победы коммунизма, если весь коммунизм заключался в обмане людей. Следующая возникла проблема свободного волеизволения. Особенно наглядно это продемонстрировала Афганская война. Принуждение молодых призывников в участии в боевых действиях не могло не вызвать недовольство людей режимом. Труд, который декларировался как главная ценность строителя коммунизма, терял свое значение, поскольку он не приносил реального удовлетворения многим работникам. Г.В. Митина показала в своем исследовании, что ценность «традиции» утрачена, это прослеживается даже в результатах опросов старшего поколения. «Традиционный способ поведения сегодня уже не является символом групповой солидарности, выражением единых ценностей и гарантией выживания» [с. 114]. Таким образом, мы видим, что традиционные характеристики субъектности постепенно разрушались. Рассмотрим эти проблемы более содержательно.

Первоначально в культурах с устоявшимися традициями, поведенческими сценариями человеку было более ясно, как реализовать свой «личный проект» (Ж.-П. Сартр). Традиции задавали социально-психологические ориентиры потребностей, создания, реализации, оценки и рефлексии личного проекта. С.М. Поздеева выделила основные признаки традиционного общества: господство традиций, цикличность развития, доминирование власти коллектива, особенную форму социального времени, господство мифов и религиозных представлений, отношения по типу господства и подчинения, система взаимных обязанностей, низкая мобильность. Традиционное общество строится на амбивалентных ценностных ориентациях: Мы–Они, стыд–вина, эгалитаризм–иерархия, Основными добродетелями в среде традиционного общества выступают: благородство, смелость, справедливость, честь, щедрость, гордость и др. Труд ради накопления осуждается [].

С уходом традиций, исчезают традиционные, социальные ориентиры. Человеку необходимо самому создавать их, но при этом надо иметь критерии для создания самих ориентиров. Эта задача превращается в «дурную бесконечность», которая может породить чувство отчаяния в человеке. «Потеря» традиций связана с тем, что в культуре, которую с позиции классических теорий представляли как устойчивую систему с явным центром и периферией, наблюдается децентрация. «Центр» культуры составляют «культурные константы» (С.В. Лурье) – обобщенные, коллективные сценарии. Эти константы становятся блуждающими и ситуативными, а порой и разрушаются. ««Центр», меняя свое положение в зависимости от ситуации, «закручивает» вокруг себя социальное пространство всякий раз заново» [с. 78 Л.Е. Бляхер]. По мнению Э. Гидденса, В.В. Волкова маргинальные практики переместились в центр культуры.

В таком социуме свобода не имеет границ, пространства свободы пересекают друг друга, много свобод. В традиционной культуре свобода была ограничена необходимостью и была подконтрольна групповым нормам. Теперь сам человек выстраивает границы своей свободы. В такой ситуации с множественными разрешениями затруднен процесс принятия решения. Человек, оставшийся в пространстве традиционной психологии, ищет внешние ориентиры, поддерживающие критерии правильности принятия решения. А человека, принимающего решения на основе внутренних интернальных концептов, человек традиции оценивает как реактивного, безудержного. Эти два типа человека живут, сосуществуют в современном пространстве.

Однако, чтобы человек мог принимать решения на основе внутренних, независимых концептов, необходима развитая рефлексия, которая является центральной характеристикой субъекта определенного менталитета. Если в мире традиционной культуры, устоявшейся психологии форма, правила и рамки рефлексии задавались обществом, то теперь каждый имеет свою рефлексию, определяемую его точкой зрения, ожиданиями, притязаниями, позицией, жизненным проектом.

В традиционном Мире сам Мир и Я были рядоположенными. В современных концепциях (конструктивизм) Я и Мир конструируются параллельно. В последних философских работах (В.С. Барулин) полагается, что Я и Мир подобны и структурно, и функционально, и онтологически. Хотя, мысль, конечно, рождена в древней восточной философии (философия Дао). Мир и Я предстают не статично, а постоянно меняются и реструктурируются (К. Бергер, Т. Луман, Э Гидденс, У. Бек, Л.Г. Ионин, В.В. Волков и др.).

Если ранее преобразование мира и себя для субъекта имело четкие ориентиры в сторону прогресса, то теперь не понятно с каких позиций, критериев оценивать выбранный путь, стратегию жизни. Теряются ориентиры – куда бы человек не двигался, разрушая или созидая. Все входит в пространство жизни, все возможно. В традиционной культуре непредсказуемость, бесшабашность могли восприниматься негативно и интерпретироваться как личностная ущербность. В современной мультикультурности – это все возможность себя реализовать, даже в искаженной, эпотажной форме.

В этом заложена онтологическая непредсказуемость мира, мира человека. Задачей современного человека является научиться принимать непредсказуемость мира, подготовиться к ней. Отсюда идея «общества риска» (У. Бек). Человек как субъект современного общества должен быть компетентным в стратегиях совладающего, преодолевающего поведения. Таким образом, характеристика «преобразование реальности субъекта» трансформируется в характеристику преодоления реальности посредством преодолевающего поведения и в этом может реализоваться его творческий потенциал. Многие отмечают, что главная задача современного человека – это выжить.

Само общество, по мнению У. Бека, потеряло свои определяющие «категории», размытость социальных категорий констатирует Г.М. Андреева, Е.П. Белинская. Поэтому общество теперь просто называют «современность». Главной категорией современности называют «неопределенность». С позиций Г. Триандиса, Г. Ховстеда культуры делятся на переносящие, толерантные к ситуации неопределенности и интолерантные к неопределенности. Что же будут делать субъекты интолерантные к неопределенности? По мнению В. Вельш, такие субъекты будут искать внутренние, «имманентные опоры для доопределения мира, например «имманентные схемы» []. Однако, это одна из форм защиты (психоанализ), избегания (гештальт-подход) – интеллектуализирование. Очевидно одно, что субъектам таких культур будет чрезвычайно тяжело справиться с принятием хаоса. Что наглядно показывают события во Франции, в ситуации массового вандализма в декабре 2005 года.

«Пока общественное устройство воспринимается как нечто самоочевидное и естественное, защищающее меня...от ошибки, случайности и т.д., наличие социальных «табу» не тяготит членов общества. Но с наполнением исторических изменений они все более стесняют инициативу людей и вызывают недовольство. Вспомним «большой бунт» 1968 г. Во Франции, движение хиппи и битников и т.д.» [с. 91 Л.Е. Бляхер]. Этому способствуют, по мнению Л.Е. Бляхера, Д.В. Иванова, смена и рост новых общественных практик в обращении с деньгами (безналичный расчет), в трудовых отношениях (нанять на работу по Интернету), в обращении с информацией, с еще не произведенными товарами, в доверии к невидимым специалистам, в обращениях со знанием и т.д.. Современный мир характеризуется невидимыми сетями информации, что разрушает видимость, целостность образа мира субъекта. Такой мир со скрытыми коммуникациями и сетями информации безличен. Общество в таком мире К. Поппер назвал «абстрактным обществом». Сегодня можно переписываться в Интернете с невидимым собеседником, который может создать себе виртуальный облик. Такое обезличенное общение теряет смысл продолженности своей субъектности в Другом.

В чем тогда будет саморазвиваться, самоактуализироваться и самореализовываться современный человек, подтверждая свою субъектность в мире, если весь мир, общество и Другой являются абстракциями? Ранее в традиционных культурах были объединяющие образы жизни. Сегодня они распались на индивидуальные «стили жизни» (Л.Г. Ионин, К.А. Абульханова-

Славская). Чтобы сформировать свой стиль субъекту культуры необходимо опереться на «экспертов», которые знают, что и как делать (Э. Гидденс). Такие эксперты обладают «социальным знанием» и могут переструктурировать неопределенные параметры ситуации в определенные. К ним можно отнести в Западном мире психотерапевтов, личных врачей, адвокатов, юристов, банкиров и т.д. Сегодня цель реализации субъективности как преобразования жизнедеятельности в мире трансформируется в преодоление жизнедеятельности в изменяющемся мире, при условии его принятия.

В стабильных условиях все субъектные характеристики имеют смысл. В ситуации «социального хаоса» (Л.Е. Бляхер), неопределенности, неравновесности характеристики традиционной субъектности теряют смысл для человека. Они становятся невостребованными. Неудовлетворенными становятся экзистенциальные потребности (в любви, в ответственности, в существовании, в преодолении одиночества, преодолении страха смерти и т.д.). Это ведет к чувству пустоты. В. Франкл назвал такое состояние человека «экзистенциальным вакуумом» [с. 24].

Самым важным в экзистенциальном вакууме является то, что Я не понимаю насколько Я важен и понятен Другому. Это ведет к дезинтеграции Я-концепции и к утрате самоидентификации. Поэтому человек все меньше может реализовать свое Я для себя и для Другого. Остается непонятным – кто Я? Теряет смысл существование для себя и для Других, которые не понимают и не принимают меня. Система ценностей становится подвижной. Стандарты и нормы поведения теряют смысл, нивелируются. Сегодняшнее становится неподлинным.

Я-концепция включает в себя социальную и приватную идентификацию. Поскольку социум теряет свои категориальные ориентиры, то социальная идентификация скорее неопределенна, чем определена, что показано во многих работах (Г.М. Андреева). А приватная идентичность напрямую связана с отношениями к Другому, а поскольку отношения не ясны, то и приватная идентичность остается недоконструированной. В такой ситуации неопределенности человек может воспользоваться несколькими копингстратегиями. Наиболее значимой может быть стратегия – постановки цели. Именно в достижении этой цели, пусть даже и небольшой, можно осмыслить свои отношения с другими и построить социальные ориентиры для своего жизненного пространства, объединить вокруг себя единомышленников, хотя бы не надолго. В эти мгновения можно оставаться подлинным.

Традиционные культуры стимулируют открытость и большую публичность своего Я, что помогало человеку подстраиваться к типичному в обществе. Современность наоборот провоцирует человека к закрытости («синдром улитки»). «Синдром улитки» заключается в подавлении публичного Я приватным. Закрываясь, человек стремится сохранить свое Я. По всей видимости, наличие в обществе типического, сохраняет и личное. Уходит из жизни типическое вместе с традициями и будоражит личное. Также приватность наблюдается в социальных группах. Группы

пытаются сохранить срок своей жизнедеятельности только «капсулированием» (В.С. Мухина). В таких группах повышается внешняя агрессия, за счет подавления внутригрупповой агрессии (А.А. Налчаджян). Не всегда это сохраняет целостность группе.

Общество постепенно привыкает к временным «групповым солидарностям», которые, по взаимодействував, быстро исчезают. Это нарушает образование цепей привязанности, не успевают образоваться дружественные пары. Однако Л.Е. Бляхер утверждает, что и такие временные, «виртуальные страты», такой «виртуальный социум» позволяет субъекту воссоздать интересубъективную реальность, наглядность социального мира, образ мира и начать в нем жить [с. 133].

Все эти новые вехи нетрадиционной субъектности довольно сильно напоминают особенности карнавальная культуры, описанной М.М. Бахтиным: «Карнавальная же жизнь – это жизнь, выведенная из своей обычной колеи, в какой-то мере «жизнь наизнанку», «мир наоборот» («monde a l'envers»). Законы, запреты и ограничения, определявшие строй и порядок обычной, то есть внекарнавальная, жизни, на время карнавала отменяются: отменяется прежде всего иерархический строй и все связанные с ним формы страха, благоговения, пиетета, этикета и т.п., то есть все то, что определяется социально-иерархическим и всяким иным (в том числе и возрастным) неравенством людей. Отменяется всякая дистанция между людьми, и вступает в силу особая карнавальная категория – вольный фамильярный контакт между людьми» [Бахтин].

Присутствуют ли в таком виртуальном мире конституирующие менталитет ценности, смыслы, значения? По мнению ученых [], в хаотическом социуме отсутствуют ценности, их предмет, но их заменяют представления о ценностях. Смысл ценностей не утерян, он активно позиционируется. Оборачиваясь к традиционным ценностям, социум пытается сохранить свое идейное единство. «Транслируется смысл, которому приписывается ценность: в этой «маске» смысл и является сознанию» [с. 137 Бляхер]. Значение становится «кодом» смысла. Следовательно, благодаря трансформации субъектности человека в менталитете формируются ценностные представления, смыслы и коды. Но это скорее уже виртуальный менталитет.

«Человек рождается как возможность (стать человеком), он живет как осуществление этой возможности, он умирает, когда такой возможности не остается. Жизнь есть постоянно идущий процесс человекообразования. Когда будущее начинает сокращаться, сжиматься до настоящего, наступает распад психологической системы. Неизлечимая болезнь, старость, медикаментозная деформация многомерного мира (наркотики и т.д.), меняющиеся значения, смыслы, ценности как субъективные координаты мира человека, переносящие человека в узкий слой настоящего (здесь и сейчас), – все это не признаки распада психологической системы – это распад» [Галажинский, Ключко с. 74].

Таким образом, хаотический мир нарушил определенность целей, этапности, способов реализации субъективности субъекта; центр культуры стал блуждающим; границы свободы нарушились; исчезли внешние критерии оценки, рефлексии мира; мир стал опутанным информационными сетями; происходит виртуализация общества; налицо временность групповых образований. **«Потеря» традиционной субъектности человека, коллективного субъекта включает: утрату традиций, традиционных социальных категорий, утрату идентификации социальной и индивидуальной, потерю границ жизненного пространства, утрату ориентиров саморазвития, распадение образа мира, потерю смыслов, подвижность ценностной иерархии, значения становятся ведущей системой, возрастание депривации, стремление к закрытости, приватности жизни, принятие временности групповых образований, акцентирование способов принятия изменений мира.**

4.3. Специфика национально-психологических особенностей россиян и динамические процессы менталитета

На примере национально-психологических особенностей (проявлений национальной психики (В.Г. Крысько)) россиян хотели бы раскрыть феномен «потери» традиционной субъектности россиян как одной из форм трансформации менталитета.

Хотелось бы начать данный параграф с цитаты русского философа И.А. Ильина, который довольно лаконично излагает основную идею, которая была положена в основу рассмотрения вопроса динамики «русской души» еще на заре науки и которой придерживались такие известные ученые как Н.Я. Данилевский, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, А.С. Хомяков и др.

И.А. Ильин писал, что «самобытность русского народа выражается в его особливом и своеобразном духовном акте. Под «актом» надо разуметь внутренний строй и уклад человека: его способ чувствовать, созерцать, думать, желать и действовать... Русский национальный акт сложился под влиянием четырех великих факторов: природа (континентальность, равнина, климат, почва), славяновской души, особой веры и исторического развития (государственность, войны, территориальные размеры, многонациональность, хозяйство, образование, техника, культура)» []. Заметим, что основная тенденция данного подхода и сейчас осталась неизменной.

Прежде всего, отметим, что в современной науке существуют две точки зрения на российский этнос:

1. Этнос россиян имеет очень древние корни. Данная точка зрения наводит на мысль о древности формирования интегративных характеристик менталитета, также о степени их устойчивости и инертности.

2. Российский этнос относительно других, довольно, молодой. Если придерживаться данной точки зрения, то очевидно, что характеристики менталитета не так устойчивы и необходим малый период их изменчивости.

Мы придерживаемся первой точки зрения, но она показывает возможность «затухания» развития такого старого этноса россиян или возможной его модификации, трансформации. В науке выделены критерии, по которым возможно оценить этнос:

1. Природно-географический. Авторы исходят из положения, что своеобразие ландшафта определяют психологические особенности народов, населяющего его. А.В. Сухарев и др. исследователи экспериментально доказали, что смена исконного ландшафта разрушительно влияет на психику человека. Очевидно ландшафт России довольно изменен, следовательно изменены некоторые интегральные характеристики менталитета.

2. Национально-этническое своеобразие российского менталитета. Этносы, составляющие социальную общность, определяют специфичность российского менталитета, на всех уровнях проявления психики: восприятие, мышление, мотивация, эмоции и чувства, поведения и другие. По-прежнему национальный состав России многообразен, т.е. в данном аспекте ничего не изменилось.

3. Политико-правовое своеобразие российского менталитета. Становление российской государственности, формирование гражданского общества – это те аспекты, которые связаны с психологическими проблемами власти, ответственности, общественной целесообразности, формирующие российский менталитет. Это кардинальный поворот развития России. Это определяет иные требования к гражданской позиции россиян, следовательно, все особенности, связанные с данным аспектом меняются.

4. Экономическое своеобразие. Экономическая сфера жизни российского общества, которая является фундаментом, на котором разворачивается богатое своеобразие различных видов отношений между россиянами, формируемые менталитетом, видоизменилась. Отсюда и те характеристики менталитета, которые отвечают за данные аспекты трансформируются.

5. Научное своеобразие. Самобытность становления российской науки представляет особенности выражения специфически российского способа мышления и теоретического обобщения. В этой связи также наблюдаются изменения.

6. Бытовое познание. Со сменой образа жизни россияне иначе осуществляют категоризацию окружающей картины мира.

7. Духовно-религиозное своеобразие российского менталитета. Особенности становления верования в российском обществе. Происходит психологическое наполнение религиозных догм.

8. Нравственно-этическое своеобразие. Укрепление нравственного императива россиян, его динамика. По данным многочисленных исследований планка нравственного императива упала, но также человек живет по правде, а не по закону, верит во всеобщую справедливость.

9. Психолингвистическое своеобразие. Язык как носитель культурных, ментальных кодов этноса. Текст как носитель контекстовой информации, определяемой когнитивными схемами этноса. Языковая грамотность россиян значительно снижена. Превалируют нецензурные обороты речи. Эпистолярный жанр заменяется деловой перепиской. Описав, данные критерии, можно заключить, что действительно, происходят явно наблюдаемые изменения интегральных характеристик менталитета россиян.

Динамика российского менталитета обусловлена внешними и внутренними факторами. К внешним факторам относятся социо-культурные, к внутренним факторам – национально-психологические особенности россиян или более раннее понятие – «национальный характер». Обратимся к описанию механизма закрепления национального характера, описанного А.А. Зиновьевым. Автор пишет, что характер народа формируется и развивается путем внешнего поощрения одних прирожденных способностей людей и препятствования другим. Характер народа не есть всего лишь сумма различных признаков, случайно собранных вместе в силу исторических условий его бытия. Характер народа есть единый комплекс взаимосвязанных признаков, из него нельзя ничего удалить и прибавить не нарушив его структуру. Народы изменяются, по мнению автора, исторически, но в рамках одного и того же типа характера и на его основе. Характер народа устойчив. Характер целого народа складывается как развитие природных качеств его представителей. Одновременно происходит формирование психологического типа отдельных членов объединения, становящихся носителями и хранителями характера объединения как целого.

«В достаточно долго живущем народе складывается механизм сохранения его характера и передачи из поколения в поколение, – механизм социальной наследственности... Но когда речь идет о большом числе людей и большом числе их свойств, причем применительно к существующим условиям и в множестве поколений, то срабатывает механизм социальной наследственности, являющийся важнейшим элементом механизма самосохранения народа. Этот механизм консервативен. Сложившись, он вынуждает народ приспособлять сами условия жизни к своему характеру. Если нарушаются границы адекватности характера народа условиям его существования, наступает кризисная ситуация, упадок народа и даже гибель» []. Хотелось бы заметить, что данный механизм довольно схож с процессом формирования менталитета.

Таким образом, как утверждает автор, национально-психологические особенности россиян практически не меняются с ходом развития российского общества. А как было нами показано ранее [], национально-психологические особенности определяют этнический менталитет. Отсюда мы выдвигаем *гипотезу, что специфика изменений национально-психологических особенностей*

задает один из векторов трансформации менталитета. То есть, происходит интеграция российских национально-психологических особенностей и российского менталитета. Поэтому-то, на наш взгляд, происходит взаимоподмена проявлений данных двух феноменов в научной литературе.

В исследовании мы хотели обосновать, что *своеобразие российского национального характера составляет одну из сторон специфики развития этнического менталитета россиян.* Поэтому обратимся к многочисленным описаниям, исследованиям и иллюстрациям, повествующим и раскрывающим этническую неповторимость характера российского народа и его влияние на динамические процессы российского менталитета.

Особенности российского менталитета, были описаны одним из первых Геродотом, посетившим Юг России. Он описал жизненный уклад и психологию скифских и сарматских племен, живших у низовьев Днепра и Дона. «Я не знаю, – пишет Геродот, людей более мудрых, чем скифы. Так как кто же из других народов придумал то, что они: изобрели складные шатры, это помогало быть более собранными в сражениях» (цитата из Нечволодова А.).

«Геродот очень высоко ставил скифов среди остальных народов за их душевное благородство, разум, отвагу, искусное ведение сельского хозяйства и отличное понимание военного дела. Он называл их справедливейшими». Также Геродот ставил им в заслугу, что они и были приветливы с иностранцами, но ничего у них не перенимали, а держались своих «обычаев и старины». Главные упреки, которые Геродот делал скифам – это пагубная страсть к раздорам между собой и невоздержанностью от употребления вина. Особенно уважалась в скифах их беспредельная преданность близким себе людям, вождям, родным, но и тем, с кем они побратались» [].

Арабские писатели в 1 веке н. э. пишут, что «руссы мужественны и храбры, любят опрятность в одежде, оказывают почет и обращаются хорошо с чужестранцами», «ростом они высоки, красивы и смелы в нападении». «Руссы очень любили своих жен, взамен этого и жены платили мужьям большой верностью» (Ахлид-Эль-Катиб).

Ахмед Ибн-Фалдан, который в 921–922 гг. вместе с посольством багдадского халифа посетил царя волжских булгар, проехав перед тем и по русским владениям. Книга, которую написал Ибн-Фалдан, – бесценный источник по истории дохристианской Руси [Демин, Ковалевский].

Плиний Старший – один из самых беспристрастных ученых сообщил в «Естественной истории» (IV, 26): «За этими [Рипейскими] горами, по ту сторону Аквилона [Северный ветер – синоним Борея – счастливый народ (если можно этому верить), который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным

климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. После вкушения пищи и легких наслаждений старости с какой-нибудь скалы они бросаются в море. Это – самый счастливый род погребения... Нельзя сомневаться в существовании этого народа» [Демин,Макушев].

Наш российский историк А. Нечволодов так описывает взаимное уважение русскими друг друга, несмотря на разность занятий, «все считались равными братьями, и каждое сословие уважало другое». «На Западе, рыцарем мог быть только человек высшего сословия... У нас же богатырями могли быть люди всех сословий, но зато они должны были заслужить это звание своей личной доблестью» []. Следовательно, в основе российского архетипа лежит равенство между людьми и доблесть.

Также автор подчеркивает, что между русскими предками установилась простота отношений: «князья, бояре, дружинники, простые крестьяне – все говорят друг с другом вежливо, но просто как с родными; старшие по летам называются дедушками и батюшками; равные – братьями, а младшие – детками, ребятами и племянниками...Этого ни в одной другой стране нет и никогда не бывало» []. Таким образом, *простота* лежит в основе российского архетипа.

А. Нечволодов показал в своем исследовании, что русские люди, несмотря на большую жестокость нравов, господствующую в древние времена, «никогда не доходили до зверств в обращении со своими пленными, как Греки и Римляне». Это указывает, по мнению автора, на большую сердечную доброту». «Русская гордость, никогда не прощавшая обид, нанесенных кому-либо из своих..., также должна быть признана одним из лучших их свойств».

Раздоры между племенами исследователь объясняет излишним свободолобием и нежеланием подчинять свое мнение мнению других. А. Нечволодов показывает, что во время неудач русских вождей, князей русские люди не отворачивались от них, а собирались с силами, жертвовали всем ради общей победы. Это понимается автором как благородство народа и истинное величие духа. Это можно объяснить *коллективизмом* российского народа.

Особо автор отмечает «высокие душевные свойства наших предков при восприятии ими христовой веры» на примере подвижников и великомучеников на Руси, глубокого проникновения главной христианской добродетели – *смирения*.

Как пишет историк: «Конечно, такое полное и глубокое усвоение истин Христова Учения могло быть только у людей с возвышенными душами, т. к. Святая православная Вера наша не есть удел рассудка и его мудрствований, а *постигается исключительно благоговейным сердцем и душой*, способной проникнуться пониманием высокого подвига нашего спасителя и его Божественного происхождения» [].

А. Нечволодов акцентировал внимание на самых значимых особенностях национального характера предков россиян, которые могут составить основания архетипов россиян и в этом аспекте представляют научную ценность.

Описательные данные, представленные А. Нечволодовым в 1813 году возможно сопоставить с эмпирическими исследованиями З.В. Сикевич в 1999 году. Ученая представила в своем исследовании «образы национального характера русских. Ей удалось выявить следующие 10 модальных стереотипов русских, как индикаторов их национального характера, в порядке предпочтительности: добрый, терпеливый, гостеприимный, трудолюбивый, ленивый, дружелюбный, широта души, патриот, доверчивый, открытый. В свою очередь, *данные стереотипы и национально-психологические особенности определяют отношение россиян к себе, миру, другим людям. Если они не изменились и за 200 лет, то можно предположить, что и не изменилось отношение к миру, а если и изменилось, то в отдельных направлениях.*

Представляет интерес, что выявление русских черт и их трансформация, на основании наблюдений и анализа исторических источников А. Нечволодовым, совпадают с современными социологическими данными. Это может служить доказательством того, что черты национального характера слабо подвержены изменениям. По мнению З.В. Сикевич, сталкиваются два образа загадочной «русской души» – мифический, основанный на исторических и литературных источниках и аналитический, основанный на эмпирических социологических и психологических данных. Автор предполагает, что истина кроется в интеграции двух подходов.

Что бы укрепиться в вышеизложенных положениях рассмотрим более подробно содержательное наполнение национально-психологических особенностей россиян. Особое внимание российскому менталитету уделяли русские философы-славянофилы: П.А. Флоренский, В.Н. Лосский, С.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др. (XIX-XX века). Н.А. Бердяев обращает внимание на трудности определения национального типа, народной индивидуальности. При этом, если исходить из объяснительной парадигмы, мы не можем брать за основу положения русских философов, так как они не исследовали российский менталитет объективными методами. Однако, принимая понимающую парадигму, можем допустить некоторый элемент объективности в осмыслении российского менталитета. Прежде всего, русскими философами была заложена традиция и многие умозаключения подтвердились в наши дни экспериментально.

Одной из особенностей, выделяемых философами, было наличие **противоречивости** русского характера. Объяснялось это прежде всего тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский. По мнению Н.А. Бердяева русский народ не был более народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности. Он считал, что «два противоположных

начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисийская стихия и аскетически-монашеское православное». Можно открыть «противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность, жестокость. Склонность к насилию и в тоже время человечность, доброта, мягкость, обрядоверие и искание правды и индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм, самохвальство и универсализм, всечеловечность, мессианская религиозность и внешнее благочестие, искание бога и воинствующее безбожие, смирение и наглость; рабство и бунт». Н.А. Бердяев считал необходимым признать характерным свойством русской истории, что «в ней долгое время силы русского народа оставались, как бы, в потенциальном, не актуализированном состоянии. Русский народ был подавлен огромной тратой сил, которой требовали размеры русского государства» [].

Немецкий философ В. Шубарт пишет: «Русской душе чужда срединность. У русского нет амортизирующей средней части, соединяющего звена между двумя крайностями. В русском человеке контрасты – один к другому впритык, и их жестокое трение распирает душу до ран. Тут грубость рядом с нежностью сердца, жестокость рядом с сентиментальностью, чувственность рядом с аскезой, греховность рядом со святостью» [].

Один из видных журналистов прошлого века Марков определил характер русской культуры как «подростковый». В некотором роде это справедливо, так как и подростку, русскому народу свойственно впадать в крайности, юношеский максимализм, а также дух противоречия.

Британский антрополог Д. Горер выдвинул «пеленочную» гипотезу русского национального характера, подтверждающую умозаключения русских философов. Д. Горер связал традицию тугого пеленания русских младенцев с определенными аспектами русского национального характера. Многие русские, по его мнению, испытывают сильные душевные порывы и короткие всплески социальной активности в промежутках долгих периодов депрессии и «самопонимания». Автор отметил формальное сходство культурных моделей поведения в разных сферах жизни: тугое пеленание – один из способов общения родителей с детьми, в котором осуществляется передача смысла – необходимость сильного внешнего авторитета. Это может объяснить, в некотором смысле, автократическую политическую систему в России (царизм, сталинизм) (Kaplan 1961) и наличие маниакально-депрессивной базовой личностной структуры взрослых русских.

Э. Эриксон утверждает, что тугое пеленание «получило усиление» именно в России. В русской культуре он выделяет несколько паттернов, имеющих одинаковую форму – чередование полной пассивности и бурной эмоциональной разрядки. На формирование личности русского человека оказал влияние ритм крестьянской жизни в холодном климате – смена бездеятельности в зимнее время на активность весны, лета, осени.

По мнению американских антропологов, личность русских характеризует: теплота, человечность, сильная зависимость, стремление к социальному присоединению, лабильность

(эмоционально нестабильная), сильная недисциплинированность, необходимость наличия подчинения властному авторитету (В. Kaplan, К. Клакхон). Описанный феномен раздвоенности, а точнее сказать полярности русского национального характера или совокупности русских национальных черт, прежде всего, связан с полярностью свойств российского менталитета, как было показано ранее. Во-вторых, порождает научную проблему невыясненности природы феномена полярности. В своем исследовании мы показали, что национальный характер и менталитет нельзя отождествлять. Менталитет проявляется в национальном характере, составляет его типологическую основу. Характер выражает несколько направлений отношения общности к себе самой и окружающей действительности, задаются они системой социальных установок, лежащих в основе менталитета и определяющих стереотипность поведения в общности. Разнообразие стереотипов задаются когнициями и потребностями, определенными в менталитете общности. На наш взгляд, двойственность менталитета русского человека заключается в том, что внутри происходит диссонанс между интуитивной, иррациональной позицией, полагающейся на чувства и необходимостью действовать строго рационально в конкретной ситуации. Что выражается в том, что русский человек долго принимает и переживает ситуацию, внутри происходит борьба, осуществляется трудность выбора, а за тем импульсивно действует по принципу «авось пронесет», «как-нибудь уляжется». Поэтому внешнему наблюдателю русский характер предстает, как основательный и фундаментальный и вместе с тем непредсказуемым в образе «загадочной русской души».

М. Бубер утверждает, что двойственность человеческой души является «фундаментальным фактом динамики психической жизни». «Человек переживает полноту своей действительности «возможностей как живую субстанцию, устремленную к двум полюсам; он переживает свой внутренний путь как странствие от одного перепутья к другому...» М. Бубер классифицирует 3 типа принятия решения и отношения к ним человека: «Выбор на перепутье может восприниматься как личное решение, или как внешняя необходимость, или просто как случай». Человек стремится освободиться от раздвоенности. В российском менталитете очевидно коллективизм является выходом из ситуации, а полагание на индивидуальность ведет к депрессиям, как ярко описал Ф. М. Достоевский в своих произведениях. Видится, что полагаться «на авось» в российском менталитете, также тождественно надежде на материальный мир как проекции коллективного сознания. М. Бубер пишет: **«Расщеплено субъективное, а расщепление внешнего мира – лишь символ раздвоенности»** [].

С одной стороны – это есть гармония души, творческое приспособление к действительности, некоторая компенсация, с другой стороны, психический мир в принципе бинарен, это способ оценивания внешнего и внутреннего мира.

С проблемой бинарности русского менталитета связана проблема определения характеристик описывающих **систему когниций**, лежащих в основе **ментальности** россиян.

Н.А. Бердяев предполагает, что российское мышление имеет склонность к тоталитарным учениям и тоталитарным мирозерцаниям. Но в тоже время указывает на глубоко заложенную свободу духа в русском народе даже большую, чем у западных народов.

А.М. Горький замечал: «Мы русские, по преимуществу талантливы, но ленивы умом» []. Многими исследователями отмечается масштабность мышления русских. Данное явление можно вывести из того, какие теории и концепции внесли русские ученые в мировую науку (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, В.И. Вернадский и др.). М.Г. Ярошевский писал: «Описанные теории дают возможность выделить несколько основных свойств, характерных для большинства отечественных психологических концепций. К этим свойствам относятся антропологизм российской науки, ее стремление все исторические и социальные изменения рассматривать с точки зрения человека, его практической пользы» [].

В.В. Розанов (1856 — 1919) считал русский «трепет к звездам» чертой, ничего не имеющей общего с христианским миропредставлением («О звездном небе ничего нет в Евангелии»). Истоки русского народного космизма следует искать в Египте и Вавилонии: именно отсюда проистекают звезды на темно-синих куполах некоторых русских храмов, а также подвешенные лампы, имитирующие «висящие» звезды древневосточных святилищ [Демин].

В становлении российского мыслительного склада сыграли большую роль природно-географические условия российского государства. С.М. Соловьев отмечал, что «Природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, которое оказывает она на характер народа». Если природный ландшафт очень суров, как это наблюдаем в России, то он требует от человека постоянного приложения умственных и физических сил для выживания, что, в свою очередь, формирует определенный устойчивый к трудностям национальный характер. С.М. Соловьев подчеркивает: «Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели;» []. Из данной цитаты следует, что автор обосновывает природными условиями такие национальные черты русских, как – трудолюбие, постоянство, целеустремленность, размеренность.

Вместе с тем В.О. Ключевский отмечает, что сложные природно-климатические условия приучили «великоросса зорко следить за природой, смотреть в оба, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться в воду, не поискать броду, развивало в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями...»[]. «Природа Великороссии часто смеется над самым осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову выбрать самое, что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить

счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» []. Исходя из данного умозаключения, возможно полагать, что экспериментирование является яркой чертой россиян.

И.А. Ильин [] утверждал, что русскому мышлению присущи: «силы сердца, созерцания, совести и свободы». Это созвучно рассуждениям К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, В.И. Киреевского []. В начале века не удовлетворяли западные мыслительные тенденции в русской науке, отражающие «формальное и логическое», что по мнению современных ученых, определяется как «невроз своеобразия» (В.А. Шкуратов) [], поиск самобытного чисто русского исследования (М.Г. Ярошевский) [], объясняемый фундаментальными различиями западного и российского менталитетов, противопоставление в менталитете духовного и нравственного материальному и практическому.

Полагаясь на этноцентризм, А.В. Лубский, заключает, что неотъемлемой чертой российского образа мышления является мессианство.

Перечислим основные **априорные представления**, составляющие основу российской ментальности, закрепленные в языке. За основу возьмем исследование В.В. Колесова []. В центре русского менталитета стоит не идея или факт, а дело, реализуемое в вещи; мышление – «проект дела» (Н. Федоров); внутреннее понимание (оценка дела с нравственных позиций) выше внешнего знания; красота важнее пользы; качество дела важнее, чем количество; «жизнь по мечте»; «правда выше истины» (правда одухотворена); вера в авторитет, а не в науку; целостность и системность мышления; во времени важна не последовательность формально равноценного, а иерархия равнозначного; диалектика развития важнее идеи о материальности мира; идеал не в будущем, а существует с нами, его необходимо отыскать.

Если обратиться к культурным синдромам Г. Триандиса [], то по признаку **когнитивная простота-сложность**, мы бы отнесли Россию к сложной культуре. Определяет Г. Триандис данный показатель, во-первых, по отношению людей ко времени, если люди скупуплезны во времени, то это признак сложности. Российский человек несколько пренебрежителен во времени, но измеряет ожидание в минутах. Также россияне по преимуществу полезависимы, поскольку, по Г. Триандису относятся к земледельческим народам. Поскольку россиянам присущ коллективизм, предполагаем, что сильно будут развиты тенденции огруппления мышления. Исходя из исследований Г. Хофстеда [], существует значимая корреляция между валовым национальным продуктом на душу населения и выраженностью индивидуализма. Считается, что финансовое благополучие ведет к социальной и психологической независимости граждан. Россия пока находится в экономическом кризисе, поэтому тенденции к независимости слабы.

В своем исследовании [] мы показали, что российское мышление характеризует малая тенденция избегания неопределенности и преимущественно дивергентный тип мышления. Дивергентное мышление по Д. Колбе и Дж.Р. Бейкеру, характеризуется лучшим использованием

конкретного опыта и обдуманного наблюдения, рассматриванием конкретных ситуаций с различных точек зрения, хуже представлено в нем абстрактная концептуализация и активное экспериментирование [].

Со стилями мышления и когнициями россиян напрямую связана **потребностно-ценностная основа** российского менталитета.

К. Касьянова показала в своем исследовании [], что у россиян преобладают шкалы – конкурентность, целеустремленность, деловая установка. В.В. Кочетков интерпретирует данные результаты, как наличие в российском менталитете «большую волю и упорядоченность» [], а также предпочтение ценностно-рациональной модели поведения. Однако последняя особенность может вызвать не согласие со стороны исследователей. Автор поясняет: «Как только на горизонте появляется возможность реализации ценностно-рациональной модели, русский с готовностью откладывает свои планы и всякие «житейские попечения», он чувствует, что вот наступил момент, и он может, наконец, сделать «настоящее дело», то дело, из которого он лично никакой непосредственной выгоды не извлечет» [с. 85-86]. Необходимо заметить, что данная тенденция как раз характеризует ценностно-иррациональную модель с позиций западных стереотипов.

По мнению З.В. Сикевич, в массовом сознании россиян большую роль играют модальные ценности, которые препятствуют его разрушению. Проводя контент-анализ ценностей массового сознания россиян [], исследователь выделила следующие модальные ценности: **эгалитаризм, патернализм и этатизм.**

Эгалитаризм выражается в предпочтении равенства «в бедности» – «неравенству в богатстве». Поэтому насаждение идеалов «богатой жизни» воспринимается многими россиянами как «бесчеловечный путь к неравенству». Патернализм – ожидание отеческой заботы от государства. Автор видит в этом проявление роли ребенка, которую играли до старости советские люди. Фактически, вопрос стоит о социальной ответственности россиян, будут ли они брать ее на себя, перейдет ли ребенок во взрослую роль. Этатизм – особое ценностное отношение к российской державности. Эта ценность помогает, по мнению автора, консолидировать силы россиян против внешнего западного врага и обретать чувство гордости за российское государство. Такая основа модальных ценностей, по словам З.В. Сикевич, плохо принимает трансформацию привычной повседневности.

А.В. Лубский пишет, что важным элементом российского типа культуры является также правовой нигилизм и государственный пейитет, этатизм, отождествляющий власть и авторитет, патернализм как самоограничение потребности политической свободы и чувства политической ответственности.

Что могло повлиять на становление данных ценностей россиян?

Учитывая бескрайние пространства России, которые, опираясь на взгляды многих мыслителей, служили препятствием духовного и материального развития страны. Это бескрайнее пространство накладывало отпечаток на социальное мироощущение народа, рождало чувство безнадежности: «До Бога высоко, до царя далеко». Значит, справедливость не найдешь. И довольно характерной является запись англичанина Дж. Флетчера (XVI век): «Чрезвычайны притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, мешают их вовсе желания заниматься своими промыслами, ибо тот, кто зажиточнее, тот в большей находится опасности не только своего имущества, но и самой жизни... Вот почему народ, хотя и способный ко всякому труду, предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем, кроме дневного пропитания» [].

В.К. Кантор отмечал, что географическая протяженность и безразмерность державы сказались на духовном развитии ее жителей, сообщая народу, с одной стороны удаль и размах, с другой – «обезможивание» его стремления и препятствуя реализации возможностей.

Важным представляется, как отмечает В.О. Ключевский: «Он (великоросс) вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии» []. Иллюстрацией может служить известное произведение «Левша». Когда простой мастер Левша не мог понять выгодную сторону своего дарования, иначе представлял свою жизнь, в отличие от западного и умер в безвестности.

Характерной чертой россиян является **осмысление пути России**. В России давно закрепились общегосударственная ценность – обретение своего пути. Л.П. Карсавин писал: «Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному. Оно одинаково ясно и на высотах религиозности, и в низинах нигилизма, именно у нас на Руси не равнодушного, а воинствующего, не скептического, а религиозного и даже фанатического. Русский человек не может существовать без абсолютного идеала...» [].

Как пишет Н.М. Карамзин: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием» []. Спор начатый еще в XIX веке о выборе пути развития российского государства актуален и до настоящего. Часть мыслителей прославляла западный стиль правления, часть – считала, что Россия должна формировать собственную государственность, отличную от Запада. Таким образом, важной ценностью россиян выступает **русская самобытность**. И.А. Ильин подчеркивает: «Мы призваны творить свое и по-своему: русское, по-русски.» []. Н.А. Бердяев отмечает: «бесконечное искание..., абсолютной божественной правды и спасения для всего мира» у россиян и видит в этом предназначение России.

Ю.В. Тихонравов пишет, что «В России коммунистические влияния столкнулись с инерцией совсем иных императивов и представлений, восходящих к восточному христианству, а именно – к православию. Благодаря этому европейский коммунизм, переселившийся на русскую почву, впитал в себя специфические для этой почвы ценности - максимализм, коллективизм, предпочтение духовным ценностям перед материальными и т. п.» [].

В исследовании К. Касьяновой экспериментально подтверждены, некоторые идеи, высказанные ранее. Автор проанализировала ценности – терпение, страдание, смирение, которые, по мнению автора, определяют внутреннее устройство души русской, в противовес внешним проявлениям души. Приводя слова Еп. Феофана: «Дело – не главное в жизни, главное – настроение сердца, и Богу обращенное, К. Касьянова отмечает, что труд в системе русских ценностей имеет подчиненное значение и его невозможно перевести в другой разряд, не порушив всей системы. Таким образом, автор, высказывает ценную мысль о том, что переструктурирование российских ценностей приведет к глобальным изменениям в российской душе. «Терпение для нас – не способ достигнуть лучшего удела, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу других, мира вообще – это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения» (К. Касьянова 1994) []. Возможно предположить, что ценность терпения восходит к истокам православия, в частности традициям старчества, направленного на закалку души, аскетичности, сдержанности, отказа от удовольствий жизни.

Интерес представляют положения, объясняющие, почему на киевской России не прижилось рыцарство. Н.А. Бердяев объясняет тем, что главными героями того времени были св. Борис и Глеб, которых объединила не идея героизма, а идея жертвы. «Опращение и уничтожение – русские черты» []. В. А. Шкуратов подчеркивает, что российским идеалом является – святость. В истории русские люди принимают смерть бесстрашно и безропотно. Это отличает нас от западного идеала святости. Мы бесконечно прощаем. Данное явление выходи из начального двуверия россиян (язычество и христианство).

Центральный духовный догмат - признание искусственного значения распятия Христа. Церковь – продолжающаяся жизнь Христа и восприятие церковных таинств – реальное общение с благодатью Христа. Выдерживание религиозного аскетизма приводит к нравственному самоусовершенствованию личности, воссоединяющейся с Богом в результате умерщвления плоти. Русский народ, по мнению Н.А. Бердяева, не был народом культуры, как народы Западной Европы, он был более «народом откровений и вдохновений». Н.А. Бердяев придерживается позиции в объяснении позднего просвещения России, заключающейся в том, что перевод Священного Писания Кириллом и Мефодием на славянский язык был тормозящим интеграцию внешней и внутренней культуры. Произошел разрыв, по мнению автора, с греческим и латинским языком. Церковно-

славянский язык стал единственным языком духовенства, интеллигенции были не нужны греческий и латинский языки.

Сегодня в 2002 году в европейских вузах изучают латынь, которая является основой образованности. В наших вузах, только в медицинских, в филологических изучают латынь, следовательно, разрыв культур ощущается и теперь.

В.О. Ключевский писал, что государство крепло в России, а народ хирел, поскольку необходимо было овладевать русскими пространствами и охранять их от набегов соседей []. В XVIII веке масонство – было единственным духовно-общественным движением. Религиозно-этическое движение было характерно для пробуждения русской мысли. По мнению многих философов, в России нравственность преобладала над интеллектом.

Таким образом, полагаясь на выше изложенное, возможно сделать вывод, что русские философы и историки заложили концептуальные подходы к рассмотрению феномена российского менталитета. С позиции динамического подхода сложившиеся российские ментальные структуры оставались на протяжении веков практически неизменными. Основные положения мыслителей можно резюмировать так: 1) в основе русского менталитета лежит синтез основных языческих и христианских идей; 2) русская ментальность (стиль мышления) не рациональна по своей сути; 3) основная российская установка – превосходство духовного над материальным; 4) метод постижения русской души и характера – метод «вживания в душу России».

Современные представления о российском менталитете удивительным образом схожи с предыдущими. Коснемся вопроса типичной российской личности.

В типологической модели личности Б.С. Братуся проводятся описательные характеристики **психологических типов личности** в русской, советской и западноевропейской культурах, тип перестроечной личности. Исходя из доминирующего способа отношения к себе и другим людям, Б.С. Братусь предлагает четыре основных уровня в структуре личности: эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный и духовно-эсхатологический. Русскую культуру он характеризует как среду формирования личности духовно-эсхатологического уровня, а западноевропейскую – как формирующую личность просоциального типа. Типу перестроечной личности, по мнению Б.С. Братуся, свойственно переходное потребностно-мотивационное состояние: есть желание, но нет предмета, ему отвечающего. Очень важно, считает автор, не ошибаться в выборе этого «предмета», определяя ход развития России, и советует, по примеру Толстого «брать выше», ибо жизнь «снесет»: «...для достижения реального и возможного необходимо стремиться к идеальному и невозможному» [].

Историки А.Н. Маркова, Е.М. Скворцова, И.А. Андреева пишут, что российский тип характеризует «устремленность к абсолютному и забвение конкретного, максимализм, способность «усваивать черты любого национального типа», отталкивание от стяжательства и индивидуализма на

массовом уровне. В силу этого все формы бытия в России оказываются относительными, явления зачастую не совпадают с их общественным восприятием. Человек здесь, как нигде, действует непредсказуемо и даже вопреки своим интересам. Принимая заимствования, Россия всегда отвергала понятие развития «как преимущественно научно-технического, материального, постоянного наращивания массы товаров и услуг... (О.А. Платонов) []».

А.А. Зиновьев так описывает россиян: «Основной российский народ – русские – обладал качествами, которые, с одной стороны, делали сильную диктаторскую власть необходимой для его выживания, а с другой стороны – делали эту власть возможной. Перечислю эти качества. Слабая способность к самоорганизации и самодисциплине. Склонность к коллективизму, к покорности перед властями, к лени. Способность легко поддаваться влиянию демагогов и проходимцев. Способность переносить трудности и жить на низком уровне. Терпеливость. Гостеприимность. Чрезмерная психическая гибкость, доходящая до угодничества и хамелеонства. Слабая бережливость. Неуважение своих соотечественников, преклонение перед всем иностранным. Взгляд на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат своих усилий, инициативы и риска. Вследствие своего характера русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе с другими народами за лучшие социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а, наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию. Он никогда всерьез не восставал против глумления над ним, исходившего от представителей других народов, позволяя им при этом безбедно жить за его счет» []».

К.К. Касьянова эмпирическим путем выводит, что российская модальная личность является «культурным эпилептоидом». Ему присущи: инерционность установок, терпение, совесть, мягкость, социальная интровертированность, феминность, депрессивность, стремление к уединению, ритуализм [с. 155].

По мнению ростовских культурологов [], «доминантой» российского типа является ее «интровертный характер». В терминологии Г. Триандиса [] – закрытая культура, которую характеризует недоступность ненормативного поведения; компенсацией выступает уход в мир искусства, музыки, фантазий; людям присущи чувства тревоги, угрозы; культурная гомогенность.

А.В. Лубский описывает российскую культуру как открытую для внешних воздействий, она внутренне к ним не восприимчива в силу выработанного веками «культурного иммунитета» и «подозрительного» отношения к другим, чуждым ей культурам. Что, с точки зрения этнопсихологии, является проявлением этноцентризма (Н.М. Лебедева). Г.Г. Шпет видит в этом проявление «устойчивости «диспозиций» (приобретенных в коллективном опыте), постоянстве выработавшихся «внутренних установок», коллективной «апперцепции» []».

Характерным признаком российского типа культуры, по мнению А.В. Лубского, является монументализм, склонность к грандиозным формам культурного самовыражения. Также автор отмечает, что российской культуре присущ иррационализм, выражающийся в непредсказуемости и непознаваемости русской души. Все эти отличительные черты российского типа культуры, пишет автор, характерны как для дивергентной, так и конвергентной ее субкультур, но проявляются они на этом уровне в особой, специфической для каждой субкультуре форме. Конвергентная, западная, субкультура ориентируется на личность, дивергентная, почвенническая, – на общество. Конвергентная культура рассматривает человека как цель общественного бытия, дивергентная – как средство общественного развития. Поэтому, по мнению А.В. Лубского, конвергентная культура ориентирована на свободу личности, а дивергентная – на деперсонализацию личности, на «патронимию» государства.

По мнению Ю.А. Васильчука [], возможно выделить в российском обществе несколько образов человека. «Экономический человек», нацеленный на полезность и эффективность действий в материальном мире. «Социологический человек» – несет любовь людям, получает признание общества (М. Вебер, К. Бруннер).

«Альтернативный человек», погруженный в информационный мир, живущий своим индивидуальным признанием. «Отчужденный человек» – у него размыты социальные роли, переменчиво настроение, он восстает против традиций.

По высказываниям Н.М. Лебедевой русскую культуру причисляют к **культурам коллективистского типа**. Проведенные с 1994 по 1995 годы исследования русских диаспор в странах ближнего зарубежья показали, что при контакте с культурами коллективистского типа (Казахстан, Узбекистан, Азербайджан) русские отмечают у себя черты, свойственные представителям индивидуалистического типа культур: сдержанность, холодность, разобщенность и др. При контакте с культурами индивидуалистического типа (Балтия) они, напротив, отмечают у себя черты коллективизма: гостеприимство, общительность, жертвенность и др. Однако, заключает Н.М. Лебедева, несмотря на такую «ситуативность» ценности традиционно русской культуры располагаются ближе к полюсу коллективистски-ориентированных культур.

Результаты исследования К.В. Коростелиной (2003), полученные с помощью методики определения субъективного индивидуализма- коллективизма Г. Триандиса показали следующее:

Славяне: индивидуализм 55%, коллективизм 45%. Крымские татары: индивидуализм: 28%, коллективизм: 72% []. Результаты диагностики размерности «вектор опосредования» показали, что у славян, как и предполагалось, выявилось преобладание размерности «деятельностной детерминации межличностных отношений» (69%). У крымских татар по предварительным данным резко преобладает детерминированность деятельности межличностными отношениями.

Группа исследователей под руководством А.Г. Шмелева провела эксперимент по Д. Пибоди межнационального восприятия, на основе семантического шкалирования. Большинство Экспериментальной группы приписывают русскому – негибкость 3,3 балла; переменчивость – 4,3; заторможенность – 0,6; импульсивность – 1,0; непрактичность – 1,6; принципиальность – 0,2; неуверенность – 0,7; инертный – 0,5. По мнению исследователей, данные внутренние группы обнаруживают высокую согласованность с объективными этнопсихологическими данными. Они подтверждают наличие противоречивых черт в русском характере. На основании результатов исследований был составлен характерологический портрет типичного русского. Русский – открытый, щедрый, бесшабашный, приятный, прощающий. Непрактичный, доверчивый, миролюбивый, смелый, сотрудничающий, бестактный, импульсивный. Уступая другим по уровню боевитости и рационального самоконтроля, русские продолжают надеяться на компенсацию высокими нравственными качествами – добротой, сочувствием, эмоциональным откликом. Это соответствует данным о повышении потребности у русских в эмоциональном контакте – доверительном общении.

Со времени Великой Отечественной войны представление о русском менталитете у немцев весьма устойчиво, отмечает А.Г. Здравомыслов. Для русских характерно, согласно данному стереотипу: эмоциональная насыщенность внутренней жизни, стремление к крайностям, слабо развитый самоконтроль над поступками, преобладание общих подходов к рассмотрению и решению любых проблем, недостаток рационализма, отсутствие нормативности в поведении, преклонение перед силой, выносливость и способность к преодолению трудностей, жертвенность и готовность к страданию, растворение личности в некотором «коллективном «МЫ»», цивилизационная детскость и др..

В середине 80–ых годов у европейцев существовал стереотип русского – серьезный, твердый, трудолюбивый, уверенный.

Результаты ряда исследований показали, что русские судят о русских как о людях с низким уровнем рационального самоконтроля и самоуверенности, хотя при этом самим себе они приписывают данные черты в меньшей степени, чем стереотипизированному образу типичного русского. Стереотип русского в представлениях самих русских лежит ближе к представлениям импульсивных народов, в стиле жизни, которой сохранились элементы деревенской, сельско-патриархальной культуры.

К. Касьянова, В.В. Кочетков пишут, что русскую культуру характеризует диффузное общение (по дихотомии Т. Parsons, 1978), заключающее в себе выбор близких людей не по принципу конкретных деловых целей, а исходя из общих отношений как к личности []. Что сочетается с данными Н.Г. Козина, который выделяет в российском менталитете – доверчивость и внушаемость [].

Б.А. Душков (2002) определил 18 особенностей российского менталитета, основываясь на работах русских философов и современных исследованиях. Перечислим их: готовность ассимилировать извне, открытость; коллективизм и общинность; преобладание нравственных ценностей над правовыми; крайности и противоречия; преобладание интуиции над логикой и ортодоксия; патриотизм; преобладание индивидуально-личностных отношений над формальными; преобладание аффилиативной мотивации над достиженческой; диффузное общение; пессимизм; пиетет перед иностранцами; терпение к страданиям; «культурная амнезия»; отношение к власти отрицательное; независимое отношение к собственности; не дорожат временем [].

Каким же образом перечисленные выше характеристики определяют вектор трансформации в динамических процессах российского менталитета? Некоторые из характеристик кардинально изменяются, а некоторые остаются прежними табл. 3.2.1. Как видно из таблицы, изменения менталитета касаются отношений к миру, когнитивных, ценностных и поведенческих составляющих.

Таблица 3.2.1.

Особенности трансформации российского менталитета

№	Интегральные характеристики менталитета	Содержание характеристик	Векторы трансформации
1	«Поляризованность»	Совмещение противоположных черт: деспотизма и анархизма, жестокости и доброты, национализма и универсализма и др.	Усиление поляризации, разнонаправленность
2	Коллективизм	Это внутреннее единение людей на основе любви, равноправии и общности духа.	коллективизм и индивидуализм
3	Когнитивная сложность	Россияне обладают сложной структурированностью образа, картины мира, что во многом отражено в полифоничности русского языка, самобытности российских традиций.	российским студентам свойственно дивергентное мышление, то есть опора на конкретный опыт и отстраненное наблюдение и не хватает стремления к эксперименту и концептуализации.
4	Преобладание нравственного императива над рациональным	Что «душа» важнее «тела» – признавалось Н.К. Михайловским (1877), Н.А. Бердяевым (1946), В.С. Соловьевым (1895)	Сегодня сквозь духовные ценности все явственнее проглядывают материальные, но все равно, российское предпринимательство пока еще воспринимается как криминальное, а деньги признаются социальным злом (Г.В. Турецкая, 1998; З.В. Сикевич, 1999).
5	«Долгая ментальность»	Россияне очень долго принимают все новое, о чем свидетельствует историческая ситуация с принятием государственных реформ С.М. Соловьев, 1851; В.О. Ключевский, 1882; Г.Д. Гачев, 1993), В.А. Шкуратов (1994)	Россиян можно разделить на следующие группы: принимающих изменения, не принимающих, равнодушных.
6	Патернализм (З.В. Сикевич, 1999)	Ожидание отеческой заботы от государства, царя, президента, начальника.	Неверие в государство, интернальность
7	Низкая тенденция избегания неопределенности (Г. Хофстед, 1980)	Преобладания мотивации избегания неудачи, над мотивацией достижения в деятельности россиян.	Повышается мотивация достижения (В.В. Кочетков)
8	Упиваться своими горестями, жаловаться	Проекция своих неудач на других	Подчеркивание успешности своей при неуспешности государства
9	«Жизнь по мечте» (Н.Ф. Федоров, 1906), а не ориентация на успех	«В российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал», - пишет К.А.	Жизнь, направленная на счастье

		Абульханова (1997).	
10	Не достаточная индивидуализированность и оторефлексированность отношений между людьми, В.А. Шкуратов, 2002	Деперсонализация, деиндивидуализация отношений между людьми	Интолерантность в отношениях между людьми (В.А. Лабунская, 2003)
11	Толерантность проявляется к физическому дискомфорту и интолерантность к иным мнениям.	Возможность долго терпеть физический дискомфорт и не возможность принятия другого, иного	Интолерантность к физическому дискомфорту
12	Доверие и недоверие	Открытый людям и миру	Некоторая настороженность, низкое доверие к миру, тревожность
13	Справедливость и эгалитаризм	Все уравниены в правах на собственность	Индивидуализация прав на собственность
14	В деле важен процесс	Увлеченность процессуальными сторонами дела и общением в делах	В деле важен результат

Указанные в таблице векторы трансформации менталитета, определяются изменениями в надсистеме этноса. Определенные закономерности изменений в этничности современной эпохи обозначены многими авторами: «в ходе развития этноса природно-ландшафтные маркеры этноса уступают место маркерам социальным. Конечно, это вовсе не означает, что окружающая среда перестает оказывать влияние на этническое сознание. Речь идет об обогащении и расширении сферы, маркируемой этническим сознанием. Этносознание обогатилось чертами правового сознания, такими как целостность, гласность, оперативность и коллективность в принятии решений» [И.И. Маремшаова, 2002].

«С конца 80-х – начала 90-х годов в нашей стране начался процесс глубокой социальной и культурной трансформации. Кардинально менялись не только экономические основы общества, но и отношение к этническим ценностям, которые определяют современное состояние этничности этноса. Последнее, в свою очередь определяется двумя разнонаправленными процессами. С одной стороны наблюдается откат от традиционных норм поведения, общения и жизнеустройства, ведущее свое начало со времени воинствующего коммунизма. С другой стороны, наметилось стремление к возрождению традиционных ценностей, посредством усиленной пропаганды и внедрения в жизнь традиций и обычаев предков. Важно подчеркнуть, что стремление это носит характер внутренней потребности самого этноса, т.е. это не навязанное извне мнение, а осознание народом того, что утрата национального стержня ведет не только к потере национального лица, но и к спонтанному переструктурированию, распаду и исчезновению народа» [И.И. Маремшаова, 2002].

Таким образом, показано, что с одной стороны, в нашей стране идет потеря традиционной субъектности, а с другой стороны, в отдельных национальных группах идет процесс центрирования на традиционной субъектности. Это указывает на некоторую поляризацию в обществе.

Выводы:

1) Традиционный менталитет мы понимаем как форму традиционной субъектности коллективного субъекта. Субъектность определяем как способность и возможность субъекта «превращать

собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования» (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев). На основании исследований Л.С. Рубинштейна, И.Г. Петрова, К.А. Абульхановой–Славской определяем характеристики субъектности: самодетерминация, саморазвитие, самоактуализация, самовыражение, самореализации. Исходя из перечисленных характеристик субъектности, предполагаем, что традиционная субъектность ограничена в реализации своих характеристик традициями, нормами и правилами. Реализуя субъектность, коллективный субъект встречает очевидные препятствия, преодолевая их субъект продвигается в развитии своей субъектности. Субъектность включает все формы активности человека и коллективного субъекта. А поскольку именно активность и ее формы подвергаются трансформации, то трансформацию менталитета может быть представлена как образование новой субъектности коллективного субъекта в новой социокультурной ситуации развития. Представленные характеристики субъектности и претерпели, на наш взгляд, изменениям в связи с переориентацией современного мира. Хаотический, изменяемый мир приводит к «потере» традиционной субъектности. «Потеря» традиционной субъектности человека – центральный феномен трансформации менталитета. «Потеря» традиционной субъектности человека, коллективного субъекта включает: утрату традиций, традиционных социальных категорий, утрату идентификации социальной и индивидуальной, потерю границ жизненного пространства, утрату ориентиров саморазвития, распадение образа мира, потерю смыслов, подвижность ценностной иерархии, значения становятся ведущей системой, возрастание депривации, стремление к закрытости, приватности жизни, принятие временности групповых образований.

2) Сравнивая психологические особенности россиян столетней давности, возможно утверждать, что они не изменились по основным позициям. Возможно, трансформации поддается иерархия национальных особенностей их представленность у различных слоев населения. Следовательно, и ментальные структуры устойчивы на протяжении указанного времени. Национально-психологические особенности выступают внешней системой, по отношению к которой, во-первых, выстраиваются структурные элементы менталитета, во-вторых, обнаруживаются свойства менталитета как открытой, самоорганизующейся системы. Было показано, что национально-психологические особенности задают особые тенденции в трансформации российского менталитета. На основании современных исследований российского менталитета, можно выделить следующие тренды (направленность изменений) его трансформации: ведущий – отношений и зависимые от него – ценностно-смысловой, когнитивный и поведенческий. Изменилась иерархия ценностей, мотивация изменилась, отношение к государству, индивидуализация отношения к собственности, процессуальные составляющие в общении перестраиваются на целевые, результативные, наблюдается закрытость частной жизни, конвергентное мышление переходит в дивергентное, отношения между людьми стали более дистанцированными, прагматичными.

4. Российский менталитет в условиях социокультурного кризиса

4.1. Формы менталитета и особенности социокультурного кризиса в России

К началу XXI века на планете Земля произошло качественное изменение условий духовной и материальной жизни человечества, как на уровне цивилизации, так и на уровне отдельного человека. Начиная с XVII по XX происходило масштабное историческое «изменение природы политического сознания и социальной идентификации» (Д. Белл) [], носившего характер перехода от религии к идеологии. С начала религия стала частным делом каждого человека, затем можно было выбирать наиболее близкую по духу религию, после этого государства Западной Европы вытеснили религию идеологией и лишь на Востоке, религия осталась формой управляющей государством, в России государственность осталась неразвита, а идеологию сменили кризисные формы менталитета. Естественно, что такие движения в социуме не могли не сказаться на психологии народов – начиная с середины XX века в менталитете происходили трансформационные процессы, которые перешли уже в XXI век. *Векторы трансформации системы менталитета имеют следующие направления – 1) информационное, связанное с изменениями в значениях, 2) смысловое и 3) ценностное.*

Доминирующим типом человеческой цивилизации в разных государствах стала информационная цивилизация (Е. Мосуда, 1945). Ее главными характеристиками являются: объединение общества единой информационной сетью, внедрение новых информационных технологий (компьютерной техники, системы телекоммуникационных связей), занятость более 50 % трудоспособного населения в сфере информационной деятельности, автоматизация и роботизация производства и управления, ускорение ритма жизни. Это отразилось на изменении информации транслируемой менталитетами народов мира. Ранее мышление народов опиралось на народный язык, национальную картину мира, теперь публика, мало читающая классику, часто довольствуется картинками из ИНТЕРНЕТа и короткими, кричащими фразами рекламных роликов. Информация становится самостоятельной сферой, влияющей на психологию народов.

Россия эпохи постиндустриализации охвачена мировыми цивилизационными процессами. Сетевое общество, формируемое информацией, постепенно зарождается в России. М. Кастельс, Э. Киселева пишут: «генезис сетевого общества в значительной степени обусловлен ходом истории, а именно тем обстоятельством, что в начале 70-х годов в мире параллельно протекали три важнейших, независимых друг от друга процесса: информационно-технологическая революция; культурные и социальные движения 60—70-х годов» []. Там же: «сетевое общество характеризуется одновременной трансформацией экономики, труда и занятости, культуры, политики, государственных институтов и в конечном счете пространства и времени» []. Новые

информационные и коммуникационные технологии создают новую реальность, которая наполнена нетрадиционными значениями. Это изменяет особенности отношения людей друг к другу, к миру в целом и это сказывается на их менталитете.

По данным И.Ф. Кэфели: «Происходящие в российской действительности цивилизационные сдвиги характеризуются регрессивными тенденциями практически во всех сферах культурной жизни. С 1985 г. по 1995 г. сократились расходы на развитие народного хозяйства в целом в 10,6 раза, на социально-культурную сферу – в 6 раз, на науку – в 17,6 раза. В середине 90-х гг. Россия находилась на 55-м месте в мире по производимому валовому внутреннему продукту»[1]. А это обостряет внутригосударственные отношения россиян, обостряются различные конфликты, усиливаются интолерантные тенденции, изменяется социальный и политический менталитет.

В области экономики наблюдается отказ от массового производства, сформированного в конце XIX начале XX века (Ф. Тейлор, А. Файоль, Г. Форд, А. Слоун) и осуществляет переход к щадящему производству (рачительному) (У.Э. Деминг). Данный тип производства отличается индивидуальной направленностью, гуманизацией производственных отношений, ориентацией на качество продукта и услуг (Г. Горфинкель, А. Гоулднер, П. Сорокин), формированием культуры организации (У.Э. Деминг, Ю.П. Адлер, С.Я. Борисов, В.Л. Шпер). Трансформация производства, форм србственности и производственных отношений ведут к трансформации экономического менталитета. Возрастает значимость учета российского менталитета в деятельности организаций и поиска способов его управления. Одним из значимых парадоксов современного управленческого процесса является, по мнению Л. Фаткина (2001), – парадокс российского менталитета. Сущность его заключается в том, что западные модели управления не приживаются в России из-за этноисторических и этнопсихологических особенностей российского менталитета.

В политической сфере, войдя в новое тысячелетие, Россия сделала выбор, определившись с либерально-демократическим общественно-государственным устройством. Путь к правовому государству и гражданскому обществу оказался затруднительным. В силу недовольства масс населения сложившимся постперестроечным состоянием российского общества, инерционных процессов, происходящих в менталитете, сформированном ранее. Для России XX век характеризовался насильственным преобразованием полуфеодального, крестьянского капитализма в социализм. Далее следовал период всенародного терпения и смирения, сменившийся новым взрывом государственных перемен, породивших новый политический менталитет. Сегодня политическая власть основывается и осуществляется путем управления информационными ресурсами и информационными потоками. Люди превращаются в объект направленной обработки. Менталитет россиян, оказывается, структурирован определенными рекламными утверждениями: «Возьми от жизни все!», «Ты этого достоин!», «Без денег счастливым всегда можно стать» и другие, которые во многом влияют на поведение людей. Как пишет А. Швейцер: «Личность и идеи попадают под власть

институтов общества, вместо того, чтобы оказывать влияние на них и поддерживать в них живое начало» [].

Россия всегда отличалась амбивалентным отношением к власти, тяжело принимала реформы государства. Следовательно, политические круги нуждаются в информации о специфике российского менталитета, чтобы построить реальное гражданское общество. «Сейчас, - пишет С.Л. Кропотков, – открылась редкая, но чрезвычайно ценная возможность получить настоящее оппозирование общества государству со взаимным уважением своих полюсов» [мат.по толерант].

В сфере науки, по мнению М.Г. Ярошевского, А.В. Юревича и А.Г. Аллахвердяна, «современная российская наука совершила крутой вираж, сменив космическую траекторию развития на политическую»[]. Признаками современной науки выступают – приоритет общественных наук над естественными, преобладание среди общественных дисциплин экономики и политологии, доминирования прикладных технологий над познавательными-теоретическими. «Нашу политическую элиту интересует лишь та наука, - пишут авторы, – которая способна зондировать (и зомбировать) общественное мнение, готовить и проводить избирательные кампании, а экономическую элиту – в основном отбор кадров и маркетинговые исследования»[].

Таким образом, наука испытывает, так называемый, «функциональный кризис», выражающийся в том, что функции науки советского общества (оборонная, идеологическая, престижная) не востребованы, а рыночная функция не обретаема, ввиду специфического характера отечественного рынка и при этом наблюдается «вакуум» социальной функции современной науки.

Этот вакуум компенсируется повышенным интересом общества к психологии. По мнению А.Г. Асмолова, происходит проникновение психологии в другие сферы науки и социальной практики. «Там, где экономика проигрывает, мы строим российскую реальность на основе идеи рационального человека, создаем экономические законы рационального человека» []. Следовательно, конструируется новая российская ментальность, с новой ценностной структурой. По всей видимости, именно прагматическая функция науки будет востребована в XXI веке.

В социально-психологической сфере российского общества также произошли изменения. Увеличились, по мнению социологов, количество социальных контактов и движений, наблюдается частый поиск и смена работы, определяемый, как динамизм современной российской личности, стремящейся к инновациям, поиску оригинальных решений жизненных проблем. (Р. Лифтон) По мнению О.Н. Козловой [], стиль современного человека характеризуется деловитостью, работа и отдых превращается в «делание дел». Как характеризует Ф. Джеймсон, доминирующим вариантом «homo» является – «organisationis homo», с ведущей чертой – прагматизмом.

Повышение уровня социально-экономического развития ведет к нарастанию индивидуальных проблем, воспринимаемых как большее усложнение цивилизации, и невозможность также быстро их разрешить. Для современности характерно пренебрежение культурой, возникшее в результате

прагматизма и иллюзии о полной адекватности естественнонаучной картины мира тому миру, в котором существует человек.

Изменился образ жизни людей в условиях урбанизации, миграции сельского населения в города. «Промышленно-технологическое» общество не может предложить людям высокого смысла жизни, что привело, по мнению экзистенциалистов, к нарушениям во всех человеческих отношениях. Октябрьский переворот и сталинский режим утвердили в России крестьянский менталитет, довольно протяженный, созерцающий и природосообразный. Информационная цивилизация внесла свои коррективы в него. Прежде всего, как отмечает И.В. Бестужев-Лада, наша цивилизация перешла к городскому образу жизни. Следовательно, российский, провинциальный менталитет трансформировался в городской.

Изменились способы и формы восприятия человеком действительности, восприятие стало полифоничным, многомерным. Таким образом, потоки информации, воздействующие на человека, усилились, и повысилась стрессогенность жизненных ситуаций. К. Хорни описывает современную личность XX века как тревожную, не доверяющую, в постоянном поиске не удовлетворяющей любви, жажды власти и соперничества []. По мнению А.В. Сухарева, кризис россиян на уровне психики переживается личностью как рассогласование в когнитивной и аффективной сферах []. Ж.Т. Тощенко определяет современного человека как парадоксального, глубоко фрустрированного, в котором соединяются все противоречия современного мира []. Интересным представляется то, что российские граждане обвиняют в своих бедах государство и российский менталитет. Г.М. Андреева видит особенности современного российского общества в глобальной ломке социальных стереотипов, в изменении системы ценностей, торжестве концепции всеобщего потребления, кризисе идентичности []. И это, по мнению ученой, признаки социальной нестабильности общества.

Системный кризис коснулся и российского суперэтноса – второй раз в истории XX века происходит национальное разъединение русских. «Системный социокультурный кризис советского общества стал следствием возросшей потребности людей самим обустроить свою жизнь. Немедленно последовала социокультурная катастрофа: Распад СССР» [Зулькарнаева с. 82].

Первый раз от революционных перемен эмигрировало свыше 2 млн. человек, после развала СССР в странах ближнего зарубежья оказалось в 15 раз больше соотечественников. Почти десять лет не прекращаясь, ведутся внутригосударственные национальные войны. Ученые определяют это явление как «рост этничности». Это является однозначной вехой трансформационных процессов в менталитете россиян. А. Furnham, S. Vochneg ввели в науку понятие «культурного шока», понимаемый как шок от нового мира и возможное следствие этого негативное отношение к своей культуре []. Н.А. Лебедева пишет, что современная наука направляет свои силы на поиски путей или средств и условий формирования «позитивной» этнической идентичности. Одним из выходов из данной ситуации А.А. Сусоколов видит в росте этничности []. А.В. Авксентьев также отмечает, что

мы являемся свидетелями «этнического возрождения», сущность которого заключается «в возрождении интереса и этнической стороне жизни». Причины автор видит в психологической реакции на «унифицирующее воздействие цивилизации, возрастающее число межэтнических и межкультурных контактов» [].

Современные, цивилизационные процессы, с которыми сталкивается человек, давят над ним и защитным механизмом психики, удерживающим ее от разрушения, может, выступать этническая идентичность и менталитет. По мнению И. Ялома, человеку важна определенность, «переживание реальности, видимости вещей», важны внутренние и внешние опоры []. Сегодня ответственность современного россиянина возрастает, поскольку он не может быть достаточно защищен в государстве, переживающем трудности развития и может полагаться только на себя.

«Любая эпоха может в принципе рассматриваться как переходная, все зависит от выбранной исследователем системы отсчета» [М. Блюменкранц, 2004, с. 181]. Современный человек, по мнению М. Блюменкранца, находится в ином хронотопе, в иной исторической парадигме, но по инерции продолжает пользоваться традиционными координатами самоидентификации. «По сути же мы живем в полном информационном хаосе, симулирующем наличие исторического космоса. Все эти бесчисленные события не выстраиваются для нас в осмысленный ряд, и по большей части оставляют нас совершенно безучастными. Мир для нас так же мозаичен и фрагментарен, как мозаично и фрагментарно наше существование в нем [там же, с. 182]. Философ утверждает, что современный человек ограничен малым временем, малым пространством и с помощью Интернета может погрузиться в любую эпоху, любую галактику. А это означает, что человек теряет историческое пространство, снимает с себя духовную ответственность, принимает множественность смыслов. Такая внеисторичность может уничтожить идею Вечности человечества. Если нет ничего стабильного, то какие менталитеты рождаются вновь и существуют параллельно?

А. Зиновьев одним из первых определил новые черты менталитета: «В истории менталитетной сферы можно различить два периода. В первый период менталитетная сфера так или иначе считалась с природными свойствами ментального аппарата людей, приспособлялась к ним. Во второй период она достигла таких масштабов и изобрела такие средства производства, хранения и распространения менталитета людей, а также средства воздействия на менталитет людей, что отношение ее к последнему изменилось на противоположное: она стала приспособлять менталитетные способности людей к своим интересам - к производимой ею менталитетной продукции. Производство этой продукции стало происходить по законам коммунального и делового аспектов, причем в значительной мере независимо от законов менталитетного аспекта жизни людей. Предложение этой продукции стало доминировать над спросом - стало формировать ее потребителей. Тут, пожалуй, мало сказать, что наступила новая эпоха в истории менталитетной сферы. Тут следует говорить о новой эпохе в менталитетной культуре человечества» [].

Перестройка открыла новый этап в развитии России. Началась эпоха гласности, прекращения холодной войны, перестройки хозяйства и становления новых форм менталитета россиян. Русская культура позади, отрицается все советское. «Перестройка ускорила переход России в постмодерн: она открыла шлюзы для западной культуры» [Т.П. Матяш // Культурология]. Культура запада не встретила отпора, поскольку Россия перестала быть христианско-православной, а раскрепощенное от религии сознание не видит и не чувствует опасностей этого. Перестройка началась с дискредитации советской истории (принижена великая держава, опрощена цена великой победы и т. д.). Стало обще приемлемым отрицание советских ценностей, установок, которые лежали в основе советского менталитета. Игра становится мировоззренческой доминантой. Все оборачивается игрой: бизнес, коммерция, политика, отношения между полами, людьми. Игровые автоматы являются хорошим уходом от реальности. Данная психологическая атмосфера игры позволяет менее обостренно чувствовать душевные переживания, связанные с трансформацией менталитета.

Можем проследить отдельное влияние Запада на следующие основные идеи россиян в менталитете: коллективизма, идеализма, поиски правды и счастья, культ «юродивости», неприхотливости, увлечение процессом, а не результатом дел, расточительность. Можем констатировать, что коллективизм постепенно заменяется индивидуализмом, хотя постоянные природные и технические катаклизмы несколько сплачивает народ вокруг проблем борьбы со стихиями. Рационализм пока не может заменить повсеместный иррационализм, но в отношениях между людьми и в деловых отношениях уже проявляется. Ориентация на счастье, пока не включает ориентацию на успех. Демонстрация хорошего положения дел, свойственная человеку Запада, не может перекрыть самоистязание россиянина. Функциональное отношение к предметам постепенно внедряется в российскую жизнь, сопровождаясь культом вещей. Равенство мужчин и женщин еще нерешенная проблема. Западная конкретность решаемых задач, пока не приживается, поскольку мы мыслим масштабно, упуская мелочи. Аккуратность и бережливость, также еще пока не освоены. Г. Ле Бон писал: «Приобретение прочно сложенной коллективной души представляет известного народа эпогей его величия. Разложение этой души означает всегда час ее падения. Вмешательство чужеземных элементов составляет одно из наиболее вероятных средств достигнуть этого разложения» []. Как видим разложение российского менталитета происходит частичное, то есть он трансформируется.

А.А. Зиновьев утверждает, что разложение менталитета началось за долго до перестройки, в недрах социализма, иллюстрируя это следующим: «Попытка навязать всему обществу коллективный труд как высшую жизненную ценность имела некоторый успех, пока страна была бедной, общий жизненный уровень был низкий, материальные контрасты были сравнительно слабыми, а новые условия труда для многих были благом сравнительно с прошлым. По мере повышения жизненного

уровня, роста образованности и культуры и более резкого расслоения общества стала формироваться новая система ценностей, оттеснившая ценности труда и коллективной жизни на задний план. Плюс к тому многие люди часто видели, что гораздо большего жизненного успеха добиваются не за счет героического труда и бескорыстного служения обществу, а за счет иных качеств - подхалимства, карьеризма, обмана, демагогии, жульничества, очковтирательства и прочих морально порицавшихся феноменов поведения. Была фальсифицирована сама система оценки качеств работников и вознаграждения лучших, так что лучшие отбирались с учетом качеств, мало общего имевших с реальными трудовыми и коллективистскими качествами людей. В результате верх взяла система ценностей, разрушавшая официально навязываемую, но исключая возможность ее открытого признания, – система ценностей, официально осуждавшаяся как аморальная и преступная» [].

Основным тезисом, из которого мы исходим, является следующий – российский менталитет опосредованно связан с социальной, политической, экономической сферами жизни общества и поддерживает их. Российский менталитет проявляет свои особенности во всех этих сферах общества и трансформируется в новые формы, опираясь на них. Выделить трансформируемые формы менталитета удастся благодаря анализу изменений содержательных составляющих менталитета в них.

На сегодняшний день российское общество по праву может именоваться постиндустриальным обществом с преобладанием рыночной экономики. Концепция постиндустриального общества разрабатывалась Д. Беллом, Д. Гэлбрайтом, З. Бжезинским, О. Тоффлером, Ж. Фурастье и др. Согласно этой концепции выделяются 3 этапа истории общества: доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный. Становление постиндустриального общества характеризуется переходом от товаропроизводящей к обслуживающей экономике, сменой классового деления профессиональным, занятие теоретическими знаниями центрального места в обществе, созданием новой интеллектуальной технологии и введением планирования и контроля над технологическими изменениями. По мнению Д. Белла, место класса капиталистов занимает правящая элита, отличающаяся уровнем образования и знания. Место конфликта собственности, труда и капитала занимает борьба знания и некомпетентности. Главное в экономике равновесие и стабильность, а не материальный прогресс. Возникает большая армия людей занятых в бизнесе. Ученые пишут о наличии особой формы менталитета экономической. Однако, экономическая нестабильность в России и жестокие условия конкуренции ведут к тому, что увеличилась смертность мужчин. Экономическая активность населения становится непредсказуемой, поскольку на российском рынке отсутствуют легитимные «правила игры». «Современные исследования также подтверждают, что в период депрессии в стратегии экономического поведения русского населения преобладают не защитные формы – надежда на помощь других, а мобилизация личных ресурсов, желание и поиски способов «крутиться»» пишет Н.В.Чернина [по Климовой].

А. Горц полагал, что культ труда заменяется этикой сотрудничества, самоопределения творческих начал. Данное представление о постиндустриальном обществе позаимствовано из БСЭ [].

С точки зрения всемирно-исторических ступеней развития субъекта труда, свободная индивидуальность – третий исторический этап развития субъекта труда. Изменение собственности, развитие форм всеобщего труда, сдвиг трудовых мотивов на приоритет творческих начал самореализации человека – социально-экономическая основа развития свободной индивидуальности. *Следовательно, в ценностно-смысловом ядре экономического менталитета происходит переориентация экономической деятельности, заданной реализацией товаров на ориентацию заданную потребностями клиента (Деминг).*

В социальной сфере также наблюдаются изменения в конце XX века, начало XXI. Снижение социального значения классов. Противостояние отношений классовой принадлежности и личной независимости. Рост социального веса средних слоев. Пограничных, маргинальных, малых групп и других объединений. Возрастание интенсивности социальной стратификации и мобильности в обществе. По мнению В.А. Ядова: «Советское общество в его классической фазе тоталитаризма напоминало традиционное в главном своем качестве – бессубъектности индивида. Социальная идентичность отождествлялась ... с государственно-гражданской». Там же «Сегодня Россия переживает становление новой Социальной субъектности» [].

Современное общество характеризуется как «массовое общество». «Через институты всеобщей занятости, всеобщего избирательного права, всеобщего образования, всеобщей воинской повинности, всеобщего медицинского и пенсионного страхования и т.п. большинство людей вовлекается в сферу социального обеспечения–контроля, где стираются, становятся несущественными сословные и классовые различия и формируется однородная в отношении прав и обязанностей масса. Масса дифференцируется на слои, в зависимости от уровня дохода, потребления, образования, квалификации, и др. Социальный статус индивида определяется не принадлежностью его к общности — клану, классу или сословию (предписываемый статус), а является результатом индивидуальной оценки его качеств и деятельности по универсальным критериям (достижимый статус)» [Д.В. Иванов с. 21].

Как пишет С.В. Климова, «в современных условиях достижение успеха в общественной сфере осложняется отсутствием у большинства населения необходимых для этого социальных позиций, которые были монополизированы номенклатурой» [с. 290].

Антропологические сдвиги, характеризующие современное общество, представлены дистанцированием человека от социальных общностей, переходом от «жесткой» зависимости индивида от класса к вариативным, по мнению В.С. Барулина, эластичным связям индивида и общности, к «слабым взаимодействиям», усилили роли личностного выбора в социальной

идентификации человека. На смену классовому менталитету пришел этнический менталитет и менталитет больших социальных групп (движение феминисток, защитников природы, гомосексуалистов и др.).

Яркой особенностью современности является наличие масс. Различные трактовки масс были даны Г. Ле Боном, З. Фрейдом, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Каннети и др., но все сходятся в одном – XX век характеризуется «восстанием масс». Масса – «толпа одиноких», совокупность «массовых» индивидов, которых отличает тяга к экстремальным ситуациям и повышенная агрессивность. Психология масс выражается в массовых явлениях: открытое выражение мнения («выступления, демонстрации, процессы), действия, совершаемые в бессознательном страхе (паника, массовый психоз), утрата естественного чувства права (ограбления, насилия, способность воодушевляться (массовая эйфория)» [Краткая философская энциклопедия]. *Следовательно, в ценностно-смысловом ядре социального менталитета происходит переориентация на новую стратификацию общества, новые отношения между слоями населения.*

Следующей характеристикой постиндустриального российского общества является – развитие политической сферы. Как пишет Б.С. Гершунский: «Российский социум на протяжении всей своей многовековой истории неизменно испытывал прессинг державной парадигмы оправдания любых территориальных экспансий государственной целесообразностью экспансивного развития» []. В нашей стране политика внедряется во все сферы общества. С одной стороны, политические институты очень развились и являются еще одним условием развития и творчества россиян, а с другой стороны, являются инструментом «закабаления» масс.

А.А. Зиновьев отмечает: «В прошлом в России, когда было слабо развито образование и светская культура, церковь была подчинена государству, была государственной. Она выполняла роль идеологической сферы, последняя была слабо развита и составляла одну из функций церкви» []. В советской России носительницей менталитета являлась сфера воспитания. Теперь, когда система воспитания в кризисе, многие возлагают функцию идеологии на религию, но все же менталитет масс формирует средства массовой информации, которые держат в своих руках государство. Тоталитарный стиль власти в России сменился на демократический. Хотя условия демократии таковы в нашей стране, что демократия декларируется властью народа, но фактически политику определяют «сильные мира сего». Хотя такая тенденция наблюдается во всех демократических странах. Многие политические фигуры навязываются государством. Если определить элиту как государственную силу, то навязывается особый политический менталитет.

Как показало исследование А.Н. Славской: «у российской личности нет позитивной гражданской основы для борьбы за свои права... Личность осознает несоответствие прав Декларации своей жизни, в которой она переживает много несправедливости. Здесь проявляется оценочный механизм интерпретирования, приводящего к отрицательному выводу, и происходит еще

большее дистанцирование» от общества [с. 19]. Это эмоциональное ограничение правовых представлений, по мнению исследователя, проявляется в чувстве обиды, ущемленного самолюбия, уверенности в невозможности добиться справедливости. *Следовательно, в ценностно-смысловом ядре политического менталитета отражено большое размежевание государства и коллективных субъектов.*

В психологической сфере наблюдается, по мнению К.А. Абульхановой (1999) [], тенденция к «блокированию сознанием участия личности в жизни общества», в силу большой устремленности на достижение индивидуального материального благополучия, что способствует обострению чувства одиночества. В современном российском обществе личность пытается, как пишет автор, тщетно связать свои потребности со своими способностями, поскольку личность направлена не на развитие способностей, а на успешность деятельности, следовательно, становится заложником успеха и меняет в корне свой способ жизни. Это приводит современную личность к состоянию растерянности, отчаяния. К.А. Абульханова замечает, что при этом «личность, не знавшая вкуса состояния психологического комфорта, с исторически привычными прототипом страдания и терпения, по-видимому, иначе переживает трудности и разрешает их иными ресурсами» []. А это приводит к потере смысла жизни. Одним из выходов из создавшейся ситуации К.А. Абульханова видит в «превращении ценностей в саму жизнь, сохранение их начинает составлять ее смысл» [Абульханова К. А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения]. Для этого автор выделяет два пути: душевный и духовный. Душевный путь предполагает переживания, которые будут «актуализировать личностные и коллективные бессознательные силы и глубинного российского архетипа» []. Духовный путь предполагает «расширение личностного пространства», путь «следования традициям русской культуры».

Это не может ни сказаться на духовной сфере российского общества. Человек поворачивается к собственной духовности. Растет раскованность, критически-аналитическое отношение к обществу, «внутренний плюрализм» при принятии решений. Человек разобщается, разрываются социокультурные связи и традиции. Формируются новые традиции в семьях, на предприятиях, в обществе в целом.

Обнищание большинства россиян привело к обнищанию духовному. Растет функциональная неграмотность, мало читается отечественной, художественной литературы. Данная литература является носителем значений, смыслов и ценностей отечественного менталитета. Молодежь постепенно утрачивает российский менталитет и приобретает менталитет кризисный, переходный. Кризисный менталитет принимает очень быстро значение гастрономических и сексуальных потребностей, культивируемых средствами массовой информации. Кризисный менталитет опустошает когнитивные программы менталитета, которые становятся открытыми для любой легко усвояемой информации. Телевидение пропагандирует власть денег и силы. Как отмечает Б.С.

Братусь, с помощью средств массовой информации навязываются не реальные предметы, а формируется потребность, квазипотребность, иллюзия потребности в нем, чтобы человек сам искал, стремился, навязывался этому предмету. Происходит это потому, что множество россиян в стране переживает чувство пустоты одиночество, покинутость, неудовлетворенность, жажду внутренней жизни, целостности. Эти переживания есть результат распада структуры российского менталитета. Фактически происходит вытеснение исконно российских ценностей и замена их инновационными или виртуальными. Это является основанием для трансформации российского менталитета. Таким образом, изменения в обществе приводят к кризисному менталитету, который дотрансформируется благодаря изменениям в системе ценностей. *Следовательно, в ценностно-смысловом ядре кризисного менталитета отражена потеря смыслов, идентичности россиян, разрушение традиционных ценностей.*

Обратившись к системе менталитета, видно, что трансформация происходит благодаря рассогласованию между ее структурными элементами: глубинным и когнитивным компонентами, аффективными и поведенческими. Сущность рассогласования заключается в том, что менталитет включает общую часть и специфическую, которые взаимодействуют. Специфическая часть формирует новые формы менталитета, но в пределах допустимого общей части. Содержащиеся в менталитете динамическая и статическая части, между которыми и происходят основные противоречия, являются наиболее простыми элементами системы менталитета. Наиболее устойчивой является система архетипов, а динамической система потребностей. В когнитивном компоненте наиболее устойчивы стили мышления, а изменчива картина, образ мира мира. В поведенческом компоненте стереотипы поведения наиболее устойчивые, а мотивы поведения – подвижная часть.

Если принять трансформацию российского менталитета и образование его новых форм как сложившийся факт, то остается выяснить, что происходит с психологией россиян не рождается ли новый этнос или коллективный субъект. А если остается старый этнос, то какие новые связи в менталитете сдерживают его распад. По данным К.А. Абульхановой, «в экспериментальных условиях актуализируются самые значимые ценности – такими оказываются вера в Россию и ценность своей идентичности с ней, укорененности в ней, потребность в любви, близких, семье» []. В исследованиях Н.И. Лапина [] показано, что в России каждые четыре года возрастает ценность семьи, общения и любви. С.С. Бубнова показала, что в среде молодежи потребность в общении вышла на первое место [].

Объединяющим началом в России может стать общенациональная идея, которая выражается в идеологемах и установках, носящих ценностный характер для большинства россиян. И.Г. Дубов и Т.Б. Затылкина в исследовании современной общенациональной идеи в России показали, что наибольший рейтинг среди опрошенных россиян получили высказывания, связанные с проблемами

сосредоточения на внутренних проблемах государства и наведения порядка в стране []. Но, как отмечают авторы, высказывания приобретающие популярность еще не стали объединяющей общенациональной идеей. Для этого необходимо, по мнению авторов: равное разделение данных идей всеми слоями общества; высокий мотивационный потенциал этих идей; желание элиты внедрять их в массовое сознание. Сравнивая состояния культуры до и после антропогенных кризисов, А.П. Назаретян (2001) замечает, что «успешное преодоление кризиса каждый раз обеспечивалось комплексом сопряженных изменений по следующим параметрам:

- Возрастала удельная продуктивность технологий – объем полезного продукта на единицу вещественных и энергетических затрат. Это типичный признак перехода от экстенсивного к интенсивному развитию: при монотонном увеличении массы потребляемых ресурсов эффективность их использования снижается [Люри И.Д., 1994], а более совершенные технологии обеспечивают «рост КПД общественного производства или, что то же самое, уменьшение приведенных энергозатрат на единицу общественного продукта» [Голубев В.С., Шаповалова Н.С., 1995, с.69].

- Расширялась групповая идентификация, усложнялись организационные связи и росла внутренняя диверсификация общества. Как внутреннее разнообразие влияет на удельную эффективность производства, ссылаясь на работу выдающегося экономиста и социолога Ф. Хайека [1992]. Отмечена зависимость от этого параметра экологической и геополитической устойчивости общества. Все это частные выражения общесистемного закона Эшби.

- Увеличивалась информационная емкость мышления – когнитивная сложность, охват отражаемых зависимостей и т. д.

- Совершенствовались приемы межгруппового и внутригруппового компромисса – система культурных ценностей, мораль, право, методы социальной эксплуатации, цели и формы ведения войны; в итоге политические задачи, как и хозяйственные, могли решаться ценой относительно меньших разрушений.

- Тем самым складывались условия для нового роста населения, а также социальных потребностей и притязаний, и... начиналась дорога к следующему эволюционному кризису» []. Таким образом, ученые придерживаются различных точек зрения на проблему возрождения России: традиционного, призывающего возродить былые, национальные традиции и инновационного, формирующего модели компетентности и ответственности в решении различных проблем.

Социокультурный кризис в России выразился в кардинальных изменениях в сферах общества: экономической, политической, духовной, социальной, культурной, научной и др. Это стимулировало наполнение новым содержанием форм менталитета (политического, экономического, социального, этнического, религиозного, кризисного и др.). Наполнение новым содержанием форм российского менталитета задается внешними импульсами (изменения в обществе) и внутренними (организация

менталитета). Трансформация российского менталитета задана спецификой самоорганизации системы менталитета. В своей динамике развития российский менталитет «впитывает» в свой каркас воздействия внешних условий, задает движению характерную интенсивность, насыщенность, скорость и модальность. Между традиционной формой менталитета и новой есть переходные формы менталитета.

4.2. Провинциальный менталитет основные показатели

Последнее время стали распространяться исследования провинциального менталитета, заданные самарской школой психологов. Они работают над проблемами выявления сущности провинциального менталитета и поиска методологии его изучения.

«Провинциализм – не просто факт проживания вне столицы, но синдром маргинальности от принадлежности двум культурным средам» [Шкуратов с.4 Провинциальная ментальность]. Автор имеет в виду под двумя культурными средами – центр и периферию. Провинциал, по мнению В.А. Шкуратова, испытывает к столице «влечение и неприязнь» и он не полностью слит с нормативной культурой. Провинциалы не полностью слиты с нормативной культурой. Характерной чертой провинциала является его наделенность «провинциальным комплексом». Он включает в себя: самонадеянность, внутреннюю несвободу, нарушенность диалога со столицей. «Элементарная внегосударственная образованность закрепляла провинциальную ментальность в качестве особого слоя русской культуры» [с.5]. В силу неразвитости инфраструктуры прагматические установки, либерализация нравов идут медленнее в провинции, что способствует сохранению традиции, некоторому консерватизму. По данным различных исследователей, в провинции отчетливее проявляются черты русского характера, например, такие как открытость, душевность, радушие, веселость, беззаботность. Провинциальную душу называют «ребяческой» и главной особенностью ее является вера в свои идеалы. Исходя из выше изложенного, можно полагать, что **провинциальная ментальность предположительно является переходной формой менталитета между традиционным и инновационным менталитетом.**

С.А. Исупов, Э.Ю. Старателев понимают «провинциальность/непровинциальность» интеллектуала как способ использования им знания, почерпнутого из пространства культурно-интеллектуальной традиции» [с.13]. Существует точка зрения, что провинциализм – это миф. А.В. Качкин, Т.Б. Ткаченко определили следующие мифы провинциализма:

1) миф «местечковости», провинциал обладает местечковой идентичностью, проявляющейся в особенностях поведения людей, проживающих в данной местности, способе миропонимания, мышления, эмоционального склада, включенности в культуру [с. 16].

2) противопоставление центра (столицы) и периферии. Традиционно центр подчиняет периферию и обделяет ее материальными благами. Центр помимо местечковой идентичности обладает державной идентичностью.

3) стремление провинциала, попав в столицу, сохранить провинциализм.

Сам провинциализм проявляется в сфере созидательной творческой деятельности, полагают авторы. При этом провинция самоограничивает себя. Провинциал считает, что он «не способен сотворить что-либо, выходящее за рамки данного сообщества» [с. 17].

Провинциализм становится явным, когда сталкиваются две противоположные культуры городская и сельская, когда сельские жители едут в город и наоборот городские жители приезжают в деревню. Ученые выделили яркие черты провинциала–крестьянина – сметливость, расчет, недоверие к не знакомому потребность все перепроверять. Г.С. Сухобская определяет провинциализм как «определенную самобытность видения человеком окружающего мира» [с. 30]. Р.Ф. Ихсанов определяет провинциальность как ценность или чувство собственной несостоятельности.

Это связано с особенностями и мышления провинциала. Г.С. Сухобская выделяет особенности склада ума провинциала. Он заключается в некоторой наивности суждений, непредвзятость позиций, гибкость и восприимчивость к окружающему миру. При этом отмечается «оскудение провинции в связи с тем, что там стали исчезать крупные очаги культуры и истории (вместе с библиотеками, архивами, художественными галереями и т.п.)» [с. 30]. Провинциализм отторгается городскими жителями, как далекий от прагматизма и холодности в отношениях.

Н.А. Чуранова и П.Ю. Сысоев определяют отличительные признаки «мировосприятия провинциала. Одним из самых ярких признаков является «нерасчлененность» восприятие церковной традиции»[с. 31]. Провинциал не отделяет форму и содержание традиции. Особо отличается отношение к чуду. Чудо рассматривается как физическая реальность.

Система ценностей провинциалов ориентирована на природу, человека, человеческие отношения, вещи, знания, на власть, право, на традиции, веру, религию (Э.Я. Дмитриева). Менталитет провинциала имеет в определенные периоды доминирующую парадигму, опирающуюся на сеть непосредственных систематических личных контактов, заполненных советами, секретами, бытовыми навыками. Эмоциональный фон располагает к сопереживанию [с. 40].

Подчеркивается во многих работах, что провинциальность открыта для иных культур, иной самобытности. Шутки, юмор позволяют снять межэтническое напряжение в отношениях различных этносов в одном провинциальном пространстве. «удержание в сознании разных традиций развивается ассоциативное мышление, способность сопрягать мысли, отчуждать свое и осваивать чужое, не отвергая, а творчески воспринимая» [с. 41].

Образ жизни провинциала характеризуется открытостью для всех частной жизни, осторожность поступков из боязни осуждения, у них развито чувство долга. И.А. Иванников

подразделяет провинциалов на пассивных и активных в жизненной позиции. Пассивные не нарушают жизнь традиций. Активные подражают столичному образу жизни, склонны к маргинализации. Столичные люди в моральном отношении более раскрепощены, безответственны, более образованы и информированы.

Особенности языковой, провинциальной ментальности выделил в русской поэзии на рубеже XIX–XX вв. А.В. Минченков: 1) приоритет гражданских, политических идей над идеями искусства. Это может свидетельствовать о высокой гражданской позиции провинциальных поэтов; 2) следование русской традиции. Очевидно влияние русского образа мира на интерпретацию действительности; 3) приоритет временных ценностей (социальных, гражданских, идейных, моральных) над онтологическими; 4) поэтический популизм, возможно, это следование традициям подчинения большинству, «что бы всем было понятно».

Психологический портрет провинциала отражает традиционную субъектность, которая меняет сегодня свои формы. Если понимать Запад как центр, а Россию как периферию, то можно в этом усматривать провинциализм России «как уменьшенной модели большого общества» [А.В. Качкин, Т.Б. Ткаченко с. 17]. Именно в провинциях начинают свою деятельность в XIX веке российские интеллигенты.

К. Акопян исследовал особенности российской интеллигенции в сравнении с западной и отмечал, что российским свойственно «нетерпение к одиночеству, стремление к объединению, беспочвенность, нигилизм, жизнь русского интеллигента «сплошное неблагополучие»». «Русский интеллигент понимает свободу как нечто неограниченное и обретаемое не по правилам, а в результате волевого, решительного действия» [].

Е.С. Элбакян, обобщив работы отечественных ученых, выделила следующие черты российской интеллигенции:

1. скептицизм, в силу неустойчивости группового мировоззрения);
2. социальное дистанцирование от других социальных слоев;
3. потеря самоидентификации на современном этапе, поскольку происходит колебание рамок идентификации, изменились коллективные символы и авторитеты, сузилось пространственно-временное поле идентификации;
4. «нормативное бунтарство»;
5. элитарная идеология и психология;
6. лишена практицизма, поскольку интеллигенция уходит в мир отвлеченных идей и утопических проектов;
7. политическое отчуждение;
8. двойственное отношение к народу: от народолюбия до элитарности;

9. вина перед народом, оборачивающаяся либо просвещением, либо революционно-освободительной борьбой [с. 82–85]. Ж.Т. Тощенко определил следующие характеристики интеллигенции: знание и активная его передача, служение нравственным идеям, стремление быть примером, искреннее желание служить не только своему народу [312–313]. В этом проявляется и российская провинциальность. А.В. Брушлинский подмечал, что «Для российской ментальности свойственно единство (но не тождество) общероссийского и регионального унастроений. Последнее часто называют еще провинциализм» [Российская ментальность с. 40].

Г.В. Акопов, Т.В. Иванова, анализируя понятие «провинциальность», полагают, что «мерой провинциальности может выступать субъективная составляющая историко-психологического времени, заключающаяся в количестве психологически значимых событий в единицу времени» [с. 54]. То есть при всей условности понятия, сама «провинциальность» может иметь пространственно-временное измерение.

Современное российское общество переживает трудные времена кризиса социальной идентичности граждан. Этот факт установлен многочисленными исследованиями отечественных психологов.

В. А. Ядов, М. Ф. Черныш, Ю. Л. Качанов, Н. А. Шматко показывают в своих исследованиях, что в условиях экономического, политического и социально-психологического кризисов россияне неоднозначно приспосабливаются к меняющейся действительности. Получили распространение следующие формы идентификации – профессионально-производственная, политико-идеологическая, предпринимательская и национальная. Здесь авторы выделяют две тенденции: либо происходит усиление уже имеющейся идентификации, либо идентификация продвигается в сторону успешных групп личностей.

Исследование этнической идентичности является сложной научной проблемой, поскольку в этнопсихологии не выявлены четкие параметры ее измерения и очень сложно отличить реальную этническую идентичность этносубъектов от декларируемой.

Просматривая различные этнопсихологические исследования, мы замечаем, что авторы повторяются в выборе одних и тех же параметров, исследуя самосознание и этническую идентичность, менталитет, национальный характер. Очевидным является то, что это будут внешние параметры. Ставя предметом исследования этническую идентичность, мы выделили следующие параметры: степень осознанности, оценочное отношение к идентичности и специфика интроектов и проекций, лежащих в основе идентичности. Это во многом откроет особенности провинциального менталитета молодежи Юга России.

Мы провели опрос студентов вузов Ростова-на-Дону (ИУБиП, РААИ, РВВКИУ) – 180 человек, 79 юношей и 101 девушка, в возрасте от 17 до 25 лет. Нас интересовали следующие вопросы: осознанность этнической идентичности для данной группы опрашиваемых, позитивные и

негативные оценки идентичности и интеграция значимых качеств национального характера, интегрируемых в этнической идентичности. В работе был использован опросник на выявление отношения к своей национальной принадлежности (приложение 2).

Статистическая обработка данных позволила выявить следующие результаты. Возрастное осознание своей национальной принадлежности связывалось со следующими периодами в группе девушек: от 4 до 6 лет – большинство опрошенных – 46 человек, от 7 до 8 лет – меньшая часть – 35, от 9 до 12 лет – еще меньше – 20 человек. В группе юношей: от 12 до 19 лет – 25 человек, от 7 до 10 лет – 20, от 3 до 6 лет – 14 человек.

Данное распределение результатов в группе девушек полностью подтверждает исследования Ж. Пиаже в этом вопросе. В мужской группе результаты указывают что, возможно, мальчики позже осознают свою национальную принадлежность.

На следующем этапе мы выяснили, с какими положительными и негативными образами связана этническая идентичность. Наиболее часто встречающимися в группе девушек и юношей выборами были следующие (табл. 1):

Таблица 1

Частотные показатели положительных образов этнической идентичности

№	Позитивные образы, связанные с национальной принадлежностью в группе девушек	Частота встречаемости выбора	Позитивные образы, связанные с национальной принадлежностью в группе юношей	Частота
1	Русская земля, поля, леса, цветы, природа	30	Нет никаких ассоциаций	26
2	Родственники, отец, мать, бабушка, родные	26	История, научные открытия, достижения	25
3	Россия	24	Победы в различных свершениях народа	23
4	Обычаи, праздники, традиции	24	Великие полководцы и правители	22
5	Культура, язык, уроки русского языка, Пушкин А. С., Толстой Л. Н.	23	Россия, держава, империя, страна, родина	20
6	Города России, родной город	12	Пельмени, рыба, пиво, водка	19
7	Особенности русских людей	12	Праздники, традиции, обычаи	14
8	История России	10	Русские люди, сила, дружба	12
9	Национальная кухня	9	Храмы, религия	10

Таким образом, из приведенных данных видно, что позитивные образы национальной идентичности россиянок связаны с Российской землей, родственниками и государством – Россия. Данные образы являются характерными для российского менталитета, отраженными в этнической идентичности. Нас заинтересовало то, что в данных результатах не отражено активное начало в данных образах, больше созерцательного отношения. В основном это неодушевленные образы, только в двух позициях выступают люди. Возможно, это отражает уровни объектного отношения к национальной принадлежности.

Как видно, большое внимание мужчины уделяют деятельному началу в своих образах. Затем в списке встречаются известные персоналии, некое отражение архетипа «Героя». После этого наиболее частым выбором был образ страны. Далее видны уже отношения с другими людьми и

знаменитая российская, праздная душа. Интересно, что именно в мужской группе выделяются религиозные образы, чего не было в женской группе.

Негативную окраску в группе девушек и юношей получили следующие образы этнической идентичности:

Таблица 2

Частотные показатели негативных образов этнической идентичности

№	Негативные образы, связанные с национальной принадлежностью в группе девушек	Частота встречаемости выбора	Негативные образы, связанные с национальной принадлежностью в группе юношей	Частота
	Нет отрицательного отношения	32	Нет ни каких ассоциаций	35
	Гражданские войны, война в Чечне	21	Войны: 1812 года, ВОВ - 1941, войны в Афганистане и Чечне	28
	Пьянство	16	Упадок экономики, науки, армии, не умелое распоряжение ресурсами	25
	Бездействие, лень	15	Воровство, бандитизм	23
	Бедность, бомжи, калеки	13	Репрессии, Сталин, Ленин, Берия	20

Первые позиции в табл. 2, как видно, относятся к отсутствию выборов. Отсутствие отрицательных образов у опрашиваемых может свидетельствовать о травмирующих моментах в жизни или о закреплённом в культуре запрете на обсуждение подобных тем.

Отрицательные образы ассоциировались в основном с войной. Понятны тревоги опрашиваемых относительно военных действий в стране, поскольку это связано с сохранением рода. Осознание негативной стороны пьянства связано со страхами за здоровье людей. Значимым представляется осознание национальной черты – бездейственности, особенно для молодежи, которая относится к наиболее активной группе общества. Негативные выборы относительно бедности и ее негативной стороны, по всей видимости, – это вытесненный страх бедности в молодежной среде.

Юноши были очень конкретны в своих ответах, в сравнении с девушками. Данные результаты отражают довольно объективное представление об истории страны и проблемах современной России.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что данные образы отражают наличную ситуацию в стране. Следовательно, их можно отнести к ситуативной части этнической идентичности опрашиваемых.

Теперь отразим результаты, полученные в опросе относительно национальных черт нации, с которыми идентифицируют себя респонденты. Среди положительных черт наиболее часто встречающимися были следующие (табл. 3):

Предпочитаемые положительные национальные черты, связанные с этнической идентичностью

№	Положительные национальные черты в группе девушек	Частота встречаемости выбора	Положительные национальные черты в группе юношей	Частота
1	Отзывчивость	44	Доброта	32
2	Доброта	42	Щедрость	20
3	Душевность	20	Гостеприимство	19
4	Гостеприимство	19	Мужество	18
5	Жизнерадостность	18	Любовь к родине	10
6	Щедрость	16	Ответственность	9
7	Общительность	15	Терпение	8
8	Широта души	15	Широта души	8
9	Патриотизм	12	Веселость	8
10	Доверчивость	12	Простота	8
11	Ум	11	Ум	8
12	Способность быстро мобилизоваться	10		
13	Внешняя красота	9		

Обратим внимание на то, что наиболее предпочитаемыми для девушек являются качества, связанные с душевностью, душой человека это особенно показательно для российского менталитета, где превалирует духовное начало. Для юношей душевные качества на первых позициях, затем идут деятельные качества – ответственность, терпение. Возможно, данные черты являются социально желательными в российском социуме для женского и мужского типов поведения.

Среди отрицательных черт наиболее значимыми явились такие из них (табл. 4):

Таблица 4

Отвергаемые негативные национальные черты, связанные с этнической идентичностью

№	Отрицательные национальные черты в группе девушек	Частота встречаемости выбора	Отрицательные национальные черты в группе юношей	Частота
1	Пьянство	40	Лень	30
2	Злоба	40	Пьянство	29
3	Лень	40	Нет отрицательных черт	29
4	Зависть	14	Доверчивость	18
5	Жадность	13	Злоба	15
6	Расхлябанность	9	Простодушие	14

Сравнивая результаты с результатами опроса студентов таблица 3, 4, видим, что ушли из идентификационного репертуара такие качества как трудолюбие, скромность,

Здесь возможно провести очень смелую, психологическую аналогию о плате за все в жизни. В данном случае за душевность россияне платят пьянством, его результатом является озлобленность и как следствие – лень.

Очевидно, что именно с данными позитивными и негативными чертами опрашиваемые себя идентифицируют. Важно отметить, что данная группа опрашиваемых перечислила традиционные российские черты. Следовательно, можно заключить, что национальные черты выступают устоявшейся, статической частью национальной идентификации.

Сравним наше исследование с исследованием, проведенным с 1960 по 1975 годы среди молодых рабочих 750 человек [Квасов с. 29]. Им задавали вопрос «Что Вы больше всего цените в людях?». Ответы представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты опроса молодых рабочих

№	Что ценят в людях	частота	Что не нравится в людях	частота
1	Трудолюбие	77.1	Моральная распушенность	73.8
2	Доброта	73.8	Пьянство	71.7
3	Скромность	67.3	Равнодушие	67.7
4	Высокая культура	58.5	Невежество	62.2
5	Образование	48.9	Эгоизм	62.1
6	Преданность общему делу	47.7	Неискренность	60.1
7	Принципиальность	45.2	Хулиганство	57.5
8			Бюрократия	46.3

Как видим, из репертуара идентификационных качеств за 40 лет ушли такие качества как трудолюбие, скромность, преданность общему делу. Среди негативных качеств много традиционных. Однако в последних данных (Таблица 4) умалчиваются такие негативные качества как невежество, эгоизм, бюрократия. Уже из данных предварительных результатов видно, что со временем у коллективных субъектов поменялось ментальное пространство, из которого черпаются критерии их идентификационных качеств.

Значимым вопросом для исследования самоидентификации является вопрос о степени ее осознанности. На вопрос о том, какую роль национальная принадлежность играет в жизни человека, фиксировались ответы: «важно», «не важно», «безразлично». В результате среди студентов оказались безразличными – 12 и у девушек и у юношей, те, кто совсем об этом не думает, – 10 (девушки) и 6 (юноши). Возможно, неосознанность значимости национальной принадлежности связана как с вытесняемыми личностными проблемами, так и с неразвитой степенью рефлексии. Также были выявлены студенты, которые отметили значимость национальной принадлежности, но не объяснили почему – 18.

Наиболее значимыми объяснениями важности национальной принадлежности для жизни явились:

- 1) сохранение национальной культуры, поддержание традиций, сохранение праздников – 23;
- 2) зависимость от религиозных установок – 18;
- 3) знание истории – 18;
- 4) сохранение родословной – 17;
- 5) наличие различий между народами – 16;

б) значимость межэтнических контактов – 13.

Предполагаем, что такое распределение ответов может говорить о хорошей степени осознанности национальной принадлежности респондентами. То есть широта понимаемых контекстов проблематики национальной принадлежности достаточна для того, чтобы мы могли сделать вывод об осознанности опрашиваемыми своей национальной принадлежности.

Несколько участников опроса отметили, что сама постановка вопроса может стать предпосылкой конфликтной ситуации, однако они не аргументировали свои ответы (девушки). Несколько юношей подчеркнули превосходство именно русской национальности. Также выделились те, кто считает, что этот выбор определяет место проживания человека, то есть ситуация - 14.

Среди респондентов, отметивших незначимость национальной принадлежности в жизни, приводили следующие аргументы: равенство всех народов – 20 и, главное, быть человеком – 20 выборов. Респонденты, которые выбрали данную позицию, но не аргументировали ее, – 20 выборов. Среди других объяснений был большой разброс – все народы равны перед Богом, так как все мы люди, нация не сказывается на поведении.

В данной части опроса студенты были едины в общей установке на равенство всех наций, что является позитивным в формировании личности.

Основываясь на концептуальных и эмпирических данных, можем предположить, что в идентификации этносубъектов обозначается несколько компонентов:

- 1) статический – черты, с которыми себя идентифицирует человек и которые отвергает;
- 2) динамический – степень самосознания этносубъектом своей национальной принадлежности – высокую, среднюю, низкую и индифферентную;
- 3) ситуативный – сферы жизни, с которыми связаны проявления этнической идентичности.

Данная структура является гипотетичной и требует дальнейшей экспериментальной проверки.

В результате проведенного нами исследования в Ростове-на-Дону среди молодежи ведущих вузов показано, что:

- мальчики позже, чем девочки, осознают свою национальную принадлежность;
- черты характера, с которыми идентифицируют себя респонденты: доброта, гостеприимство, душевная щедрость. Они являются типичными для российского национального характера;
- основными сферами жизни, с которыми респонденты связывают свою национальную идентичность: российская природа, Россия, ее история, родственники, что может свидетельствовать о провинциальности;
- выделение значимости национальной принадлежности в жизни респондентов объяснялась ими как необходимость сохранения национальной культуры.

Это может свидетельствовать о достаточной степени осознанности этнической идентичности. Однако, она не подкреплена во вне, в силу определенной «вестернизации» общества России. В этом заключается рассогласование образа реальности, связанного со смыслами и значениями и образа действительности молодежи.

4.3. Дилемма смены ценностей у российских субъектов

Ценности составляют элемент системы менталитета, причем, по мнению Г.В. Митиной, динамический. Исходя из структурной позиции, следует, что социальные структуры подпитывают систему ценностей, которая всегда находится в соответствии с ними. Поэтому ряд ученых предполагают, что поскольку в России произошли смена формы собственности, сменилась вся социальная структура общества, то, по всей видимости, поскольку ценности связывают человека и социальную систему, это разрушило исходные, традиционные ценности. Другие утверждают, что традиционные ценности и помогают человеку преодолеть социокультурный кризис и никакие новые ценности не родились. На лицо дилемма.

М.М. Бахтин писал: «Человек однажды действительно утвердит все ценности культуры и теперь является связанным ими [...]. Практически этот акт первичного решения, утверждения ценностей, конечно, лежит за границей каждого живого сознания, всякое живое культурное сознание уже преднаходит культурные ценности как данные ему, вся его активность сводится к признанию их для себя» [с. 108].

Многие авторы (А.А. Кара-Мурза, А.С. Панарин, М.К. Пантин, U. Kim) отмечают изменения ценностей внутри поколений. В России имели место несколько систем ценностей при социализме: ценности, поддерживаемые идеологией социализма, ценности мещан, торгашей, ценности диссидентов, религиозные, православные ценности и ценности других национальных групп. Титульными ценностями были первые ценности.

В ситуации кризиса в России разрушаются традиционные для этого периода основы социалистического государства. Это приводит к тому, что исчезают государственные категории, на их место приходят традиционные российские категории (история, земля, обычаи и др.). Это, по мнению Л.Д. Гудкова, этап развития российской нации, которая была слабо развита. Приходят «общинные» ценности на фоне локальности. Ценности уменьшаются, «сжимаются» масштабы идентификации, характеризующиеся обращением к маленьким «корпоративным» образованиям в сравнении с общегосударственными образованиями» [с. 88 Зулькарнаева].

В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз выделили три варианта существования ценностных систем в России: 1) сохранение прежних ценностей, 2) расстройство индивидуальных ценностных систем, 3)

развитие ценностной системы благодаря адаптации к социокультурным изменениям [с. 98]. Таким образом, наблюдается две тенденции в динамике ценностей россиян – это сохранение традиционных ценностей и одновременно разрушение их. В этом выражается рассогласование внутри ценностной системы менталитета.

Социологи выделяют шесть социальных слоев в России: политическая и экономическая элита; крупные и средние предприниматели; мелкие предприниматели, рабочая элита, военнослужащие и высшая интеллигенция; массовая интеллигенция, индустриальные рабочие, крестьяне; городские неквалифицированные рабочие и младший обслуживающий персонал; полукриминальное «социальное дно». Объединение в слои основано на единении политических и экономических установок, притязаний, ориентаций, готовности к определенным социальным действиям, отношений и ценностей. Важно отметить, что идентификация со слоем основывается не на экономической идентификации, а через ценности и ощущения себя россиянином (Тихонова Н.Е.). В 1999–2002 г.г. россияне идентифицировались с семьей, сверстниками, поколением, земляками. Это базисные общности, которые обеспечивают первичные потребности в защите, общении и самоутверждении [Г.В. Митина]. Сегодня приоритетными являются этнические, профессиональные и статусные общности. Нижние позиции в выборах субъектов занимают политические общности. Кризис идентичности становится основополагающим, по мнению исследователей (Н.П. Федотова, Г.В. Митина). Г.В. Митина полагает, что кризис идентичности выражается в кризисе субъектности. «С 1985 года наша страна несколько раз изменила название, свои территориальные границы, поменяла государственные символы» [с. 74] – это усилило дестабилизирующие силы в обществе. Поэтому, на ее взгляд, формируемые идентификации предполагают множественность и ситуативность. Наиболее устойчивы и стабильны «архаические» идентичности повседневности, наиболее неустойчивы и изменчивы новые идентичности [с. 101–102]. Изменения происходят и в мотивации поведения субъектов. Мотивация социального поведения переходит с внешних акцентов (статус и группа) к внутренним акцентам (ценности и культура). Из этого Тихонова Н.Е. делает вывод о том, что кризис ценностей у россиян не произошел. Ю.А. Левада пишет, что никакого нового человека мы не видим, «который был бы свободен от своих советских корней и рамок» [с. 14]. Более того, нормативные и ценностные структуры являются условием социального выживания в кризисе для большинства.

По данным социологов в 1970 году доминировали ценности «укрепления обороны», что отличало коллективистическим ценностям того периода. Большинство авторов утверждают, что на смену коллективистическим ценностям пришли индивидуалистические []. Р.З. Зулкарнаева призывает не путать коллективизм советского периода с «российской «общинностью». Б.Г. Капустин, И.М. Клямкин определяют коллективизм как «форму уравнилительной организации бытия автоматизированный и аполитичных индивидов» [с. 73-74]. Г.Г. Дилигенский утверждает, что

советское общество самое индивидуалистическое в мире. Поскольку, по мнению ученого, в эпоху сталинизма были ликвидированы самые главные основы общинности – взаимоподдержка, то человек остался один на один с государством. Хотя тогда непонятно как же остались живы многие узники сталинских лагерей и какой ценой была выиграна Вторая мировая война. Именно в хрущевскую оттепель начался индивидуализм в России. И.М. Клямкин утверждает, что это был индивидуализм не западного толка, который основан на производстве. Это был потребительский индивидуализм. В западном варианте индивидуализма яркие личности ищут единомышленников и формируют ассоциации и корпорации. В российском индивидуализме все строится на семейных отношениях, выборы партнеров по общению осуществляются исходя из досуга, дружественных связей. Б.В. Дубин зарегистрировал приоритет семьи и дружбы в ценностных ориентациях россиян []. М.В. Удальцова, Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина выявили приоритетные ценности россиян: семьи, здоровья, материального благополучия и постоянной работы []. В этом, по мнению Р.З. Зилькарнаевой, проявляется установка на социальную ограниченность, закрытость россиян. И только труд связывают людей с «большим обществом». А труд имеет цель у россиян удовлетворения потребностей нужд самого работника и его семьи (пассивно-гедонистические ценности) [Магун с. 142]. Эта ценность слабо коррелирует с мобильностью, самореализацией, социальной активностью.

Существуют довольно радикальные точки зрения, в частности Е. Гонтмахер полагает, что современный тип поведения россиян характеризуется следующими чертами: озлобленностью, немотивированностью, асоциальностью, люмпенизированнойностью []. Что способствует, по мнению Ж.Т. Тощенко, изменению отношения к власти, лишь 20% россиян поддерживают власть, к государству (неверие ему) и тенденция движения от коллективизма к индивидуализму [].

Вместе с тем, И.И. Лапин считает, что в российском социуме увеличилась распространенность ценностей: свободы, независимости, инициативности и уменьшилось распространение ценностей самопожертвования, следования традициям, вольность [].

Таким образом, на постсоветском пространстве преобладают индивидуалистические ценности. Относительно дилеммы, мы полагаем, что система ценностей переструктурировалась. Таким образом, на постсоветском пространстве начинают появляться индивидуалистические ценностные ориентации, наряду с иными ценностными системами.

4.4. Соотношение индивидуализма и коллективизма в ценностных ориентациях молодежи и пенсионеров

Предпосылки построения конструкта коллективизм/индивидуализм лежат в основе теоретических изысканий философов, социологов (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ф. Знанецкий и др.) в вопросах динамики культур. Авторами утверждалось, что по мере развития цивилизации сельский,

общинный, коллективистский образ жизни сменяется городским, общественным, индивидуалистским. Это вносит изменения в мышление, ценности и установки людей.

В современной западной культурной психологии конструкт построен на основе представлений об этносубъекте и особенностях его самоопределения и принятия норм, ценностей этносреды.

Исходным положением является то, что *Я-концепция этносубъекта выступает опосредствующим фактором воздействия культуры на психологические процессы* [1, с.528]. Поэтому, содержательное наполнение конструкта преломляется через представления о концепции Я в различных культурах.

Начало было положено исследованиями Брунера (1977), Г. Хофстеда (1980), Г. Хофстеда, Шведера, Борна (1984), которые эмпирически установили, что культуры различаются особенностями мировоззрения: 1. Коллективистское, социоцентрическое, межличностное и взаимозависимое; 2. Индивидуалистическое, эгоцентрическое, личностное, независимое.

Сначала факторы коллективизм и индивидуализм читались как противоположности, позже ученые пришли к выводу, что это полярности одного конструкта (Лейнг, Бонд, 1989), влияющие на Я-концепцию [].

Маркус и Китаема (1991) выделили взаимозависимое Я-конструкта и независимое Я-конструкта. Для первого конструкта характерен акцент на уникальности и отдельности индивида, его отнесли к индивидуализму, во втором, характерен акцент на коллективном участии, его отнесли к коллективизму[].

Конструкт коллективизм/индивидуализм был отнесен Г. Триандисом (1994) к культурным синдромам, которые он понимал как «общепринятую систему убеждений, установок, Я-определений, норм, ролей и ценностей, объединенных какой-либо темой» [2, с. 87]. Подобная идея уже выдвигалась в психологической антропологии. В середине XX века Р. Бенедикт установила, что каждая культура имеет «уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые объединены культурной темой (этносом)» [3, с.53]. Однако автор утверждала, что культура, реализуя определенные социальные модели, не оставляет пространства для иных. Г. Триандис статистически установил, что в одной культуре могут сосуществовать как коллективистские, так и индивидуалистские модели, но процентное соотношений одной из них будет всегда преобладать.

Широкое применение конструктов показало, что виды коллективизма и индивидуализма отличаются в различных культурах.

Проведя обширное исследование, Г. Триандис (1995) пришел к выводу, что каждое общество обладает своим доминирующим типом горизонтального и вертикального индивидуализма и коллективизма [4, с. 79]. Основным критерием разделения является равенство в отношениях между членами группы или жесткая иерархия. Далее автор углубил анализ культур, выделив аллоцентриков

и идиоцентриков. *Аллоцентрики* опираются при принятии решений на другие мнения и внешние факторы (Греция), а *идиоцентрики* концентрированы на внутренних процессах США [5, с. 80].

За последние десятилетия конструкт обогатился содержанием и уже Милз, Кларк (1982) определили 4 критерия конструкта коллективизм/индивидуализм: 1) независимое и взаимозависимое «Я»; 2) приоритет личных или групповых целей; 3) нормы и установки группового поведения; 4) особенности общественных отношений и обменов [].

На сегодня таких критериев выделено гораздо больше. Мы попытались объединить критерии конструкта, выделяя их из имеющихся работ, табл. 1. Определенные критерии влияют на формирование личности в культуре, поэтому сама модель личности в культуре становится критерием конструкта.

Таблица 7.2.1

Критерии конструкта коллективизм/индивидуализм

№	Критерии	Признаки конструкта	
		Коллективизм	Индивидуализм
1	концепция «Я»	взаимозависимое «Я», не тревожит когнитивная несогласованность	независимое «Я», тревожит когнитивная несогласованность
2	Направленность	на коллектив, учитывают контекст, стремятся изменить себя ради окружающих	На себя, учитывают особенности личности и ситуацию, стремятся изменить окружающих
3	ценностные ориентации	ценности коллектива, ориентация на авторитеты, на традиционные ценности	индивидуальные ценности, независимость от авторитетов, на социальные изменения
4	установки	равенство, небольшая дистанция к группе, высокая коммуникабельность, взаимозависимость, уверенность в себе (не быть обузой группе), включенность в ограниченное число групп, конформизм, авторитаризм (вертикальный коллективизм), статусность или нет	иерархия, большая эмоциональная дистанция, обособленность, уверенность в себе, гедонизм, поверхностная привязанность к группе, включенность в неограниченное число групп, статусность или нет, неконформизм
5	Нормы	закрепощенность, не приветствуются споры внутри группы, жертвенность ради группы, приоритет скромности	раскованность, приветствуются споры внутри группы, жертвенность не приветствуется, подчеркивают высокое мнение о себе
6	Правила общения	Строгое выполнение статусных, ролевых правил	Свобода в правилах, смешение ролей
7	Система отношений	соподчинение, враждебность к «чужому», мало проявляют социальную леность	дистанцирование, равные отношения и со «своими» и с «чужими», чаще проявляют социальную леность
8	стратегии общения	компромисс, целостность семьи, косвенные намеки, непрямая коммуникация	конкуренция, соперничество, допускают прямую коммуникацию
8	Стили взаимодействия	сотрудничество, поддержка, в конфликтной ситуации меньше конфронтируют, используют интеграцию и компромиссы [Ohbuchi & Tedeschi]	Равные отношения, в конфликтной ситуации чаще используют конфронтацию, соперничают, агрессивность
9	модель личности включает	Экстраверсия-интроверсия Уживчивость. Конформность Эмоц. стабильность, инфантильно-романтическое самопринятие (для россиян) Открытость Лицо, Для восточных культур Гармония }	Экстраверсия-интроверсия Уживчивость. Конформность Эмоц. стабильность Открытость

В таблице не указаны такие значимые критерии как система представлений и специфичность логики. Что касается представлений, то пока не выявлены те ключевые понятия, которые в него должны войти. Возможно это представления: о справедливости [Miller], смерти, жизни, нравственности, гендерные представления и др. Быть может, значимость понятия будет также определяться культурными границами. Действительно, как было установлено, в Китае справедливость – это исполнение своих обязанностей в соответствии со своим статусом (вертикальный коллективизм), в России – справедливость – это когда все имеют все поровну (горизонтальный коллективизм), в США – это когда все уравниены в правах (горизонтальный индивидуализм), во Франции – это универсальная установка, связанная с личным выбором (вертикальный индивидуализм).

Если говорить о логике, то причинно-следственная западная логика кардинально отличается от восточной [Lloyd, Peng, Zhang], а российская логика всегда начинается с отрицания. Однако, пока мало, что-либо мы можем о них сказать.

Й. Кашима (1998) доказал, что имеет смысл рассматривать коллективизм и индивидуализм как различные культурные паттерны [a]. Мы выделяем в них психологические компоненты. При этом, они могут быть противоположностями, но не обязательно содержать бинарное, одинаковое число элементов. Так восточное понятие «лица» не актуально в западной культуре.

Безусловно, самым важным вопросом в изучаемом конструкте является – степень его изменчивости.

Г. Триандис отмечает, что ситуация может менять соотношение коллективизма и индивидуализма в культуре. Так всевозможные экстремальные ситуации приводят к тому, что идиоцентрики активизируют аллоцентрические установки [b]. Ситуации, требующие сотрудничества, согласия, активизируют горизонтальные установки. Следовательно, конструкт может меняться под влиянием ситуации, но не кардинально.

В русской философии полагается, что российский народ имеет коллективистские корни и практически не изменил их за последние столетия. Н.А. Бердяев подмечал, что русский народ всегда любил жить «в тепле коллектива». И.А. Ильин писал, что наш девиз: «один за всех, все за одного». К.Н. Леонтьев подчеркивал: у россиян силен «наш сельский поземельный мир». А.С. Хомяков выделял главной нравственной целью – достижение того, чтобы «силы каждого принадлежали всем и силы всех каждому». Л.Н. Гумилев установил, что природные условия Евразии способствовали объединению людей, а не обособлению, однако ученые подчеркивали своеобразие коллективизма России. В.К. Кантор писал, что русским реалиям присущи – «склонность к стихийности, бунту, нигилизм, произвол и т. п.». В.С. Соловьев подчеркивал, что эта особенность заложена еще в родоплеменном строе: «неспособность к единству, порядку и организации» были отличительными

свойствами славянского племени. Следовательно, можно заключить, что коллективизм в западном понимании, отличается от российского коллективизма, поскольку построен не на организационном, а на духовном единстве.

Однако, современные психологические исследования показывают, что со сменой экономического и политического строя происходит трансформация менталитета россиян в конце XX века []. Исходя из этого, можно предположить, что меняется и коллективизм россиян.

Необходимо отметить, что в отечественной науке мало работ, посвященных эмпирическому исследованию конструкта коллективизм/индивидуализм на российской выборке. Можно отметить работы следующих авторов, которые исследуют его отдельные аспекты: К.А. Абульханова, Е.Е. Будалина, К.К. Касьянова, К.В. Коростелина, Н.М. Лебедева, М.Т. Ногерова, Г.У. Солдатова, Ю.Н. Толстова и др. Анализ отечественных работ приводит к следующему.

Ю.Н. Толстова пишет, что коллективизм стоит понимать с российских позиций как умение сочувствовать [7].

Этому требованию уже отвечают исследователи. К.К. Касьянова еще в 1982 году доказывает, что в отличие от американского коллективизма, наш – тяготеет подсознательно к «соборности» (высший уровень единомыслия). А поскольку это так, то наша Я-концепция должна быть взаимозависимой [8, с. 155].

Взаимозависимое Я диагностировала на выборке жителей Юга России, исходя из особенностей общения, М.Т. Ногерова (1997) в своем диссертационном исследовании [9].

Неоднородность распространения отдельных параметров коллективизма и индивидуализма в различных субкультурах россиян была показана в исследовании К.А. Абульхановой (1997) [10]. А.А. Бодалев (2002), пишет, что «Я-человека коллективиста и альтруиста было обнаружено у 90% представителей старшего поколения россиян, и одновременно у 7% обследованных молодых наших сограждан Я по своим основным характеристикам оказалось индивидуалистическим» [11, с.15].

По высказываниям Н.М. Лебедевой (1999) заключает, что несмотря на «ситуативность» ценности традиционно русской культуры, которая зависит от особенностей этнического окружения, располагаются ближе к полюсу коллективистски-ориентированных культур [12].

К.В. Коростелина с помощью методики культурно-ценностного дифференциала выявила, что славянская группа ориентирована на группу, открыта переменам, направлена на взаимодействие, характеризуется слабым социальным контролем. Это позволило автору сделать вывод, что славянской группе свойственна идеоцентричность. Хотелось бы заметить, что выборка испытуемых была очень смешанных возрастов от 19 до 49 лет [13].

Аналогичную работу проделала Е.Е. Будалина (2003). Она отнесла русских к коллективистской культуре, но показала, что пермяки относят русских к индивидуалистам, которые

характеризовались по данным исследования: открытостью переменам, устремленностью в будущее, склонностью к риску[14].

Исходя из выше изложенного, можно заключить, что конструкт неоднозначно представлен в различных субкультурах общества. Также, можно отметить, что субъективное восприятие конструкта относительно в рамках одной культуры. Следовательно, в российских исследованиях еще не до конца операционализирован конструкт коллективизм/индивидуализм. Однако, ряд ученых утверждают, что российская культура имеет ярко выраженный коллективистский характер, с некоторыми тенденциями к индивидуализму.

Провели в 2003 году эмпирическое исследование, предварительное исследование II этап, в котором доказывали *гипотезу, заключающуюся в том, что российский вертикальный коллективизм трансформировался в горизонтальный индивидуализм и современная южно-российская молодежь проявляет горизонтальный индивидуализм (делают акцент на уникальности каждого человека, но при равенстве всех), а пенсионеры горизонтальный коллективизм.* При этом опирались на указанные в таблице 1 критерии конструкта. Это определило выбор методики: культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) [Психолог. помощь с. 207].

Методика Культурно-ценностный дифференциал включает 4 шкалы: 1) Ориентация на группу – ориентация на себя; 2) Открытость переменам – сопротивление переменам; 3) Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия; 4) Сильный социальный контроль – слабый социальный контроль. Как было показано выше, эти параметры относятся к конструкту коллективизм/индивидуализм.

Используя методику, мы не полагались только на первичные статистики, как осуществила обработку К.В. Коростелина (выраженность параметров индивидуализма-коллективизма в %). Нами был проведен анализ результатов с использованием корреляционного и факторного анализа.

Выборка испытуемых была представлена студентами РААИ, ИУБиП, РВВКИУ в количестве 345 человек (200 девушек и 145 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет и пенсионерами 250 человек (150 женщин и 100 мужчин) в возрасте от 55 до 76 лет (октябрь-ноябрь 2003 г.).

Рассмотрим результаты исследования.

Статистическая обработка выявила следующие значимые связи между параметрами, табл. 2.

Положительные корреляции между параметрами

Параметры	Значение корреляции	Отнесение к конструкту
Уступчивость–миролюбие	0,2678	Коллективизм
Разрушение традиций–разобщенность	0,2629	Индивидуализм
Холодность–разобщенность	0,2525	Индивидуализм
Уважение власти–законопослушность	0,3148	Коллективизм
Уступчивость–миролюбие	0,2678	Коллективизм
сердечность–открытость	0,3559	Коллективизм
сердечность–миролюбие	0,3531	Коллективизм
разобщенность–открытость	0,2629	Индивидуализм
агрессивность–открытость	0,2979	Индивидуализм
Разрушение традиций–холодность	0,3317	Индивидуализм
устремленность в будущее–самостоятельность	0,2492	Индивидуализм
Соперничество–самостоятельность	0,2578	Индивидуализм
Агрессия–холодность	0,3167	Индивидуализм
Разрушение традиций–анархия	0,3184	Индивидуализм
Соперничество–замкнутость	0,2429	Индивидуализм
Агрессия–анархия	0,2428	Индивидуализм
Разрушение традиций–агрессия	0,2979	Индивидуализм
сердечность–верность традициям	0,3269	Коллективизм
Верность традициям–миролюбие	0,2095	Коллективизм
Холодность–открытость	0,3316	Индивидуализм

Результат показывает, что искомые конструкты на данной выборке возможно выделить и преобладает явно индивидуализм. Полагаясь на связность параметров, видим, что с ростом разрушения традиций возрастает анархия, разобщенность и агрессия. Однако, открытость присуща как коллективизму, так и индивидуализму.

Также, чем больше в российском обществе устремленность в будущее, тем больше соперничество, соперничество порождает самостоятельность и замкнутость. Верность традициям ведет к миролюбию.

После качественного анализа матрица подверглась факторному анализу. По полученной факторной матрице, которая включала 28 факторов, была проанализирована оценка вклада каждого фактора в общую дисперсию. Было выявлено, что вклад 10 факторов составляют около 91%. Поэтому в последующей операции вращения факторов по методу варимакс были выбраны 10 факторов.

Для группы мужчин.

Фактор 1 *традиционализм* коррелирует со следующими переменными: устремленность в прошлое ($r = 0,56$), подчинение ($0,61$), профессия ($-0,70$), возраст ($-0,72$).

Фактор 2 *разрушение традиций*: разрушение традиций ($0,76$), приверженность традициям ($-0,62$).

Фактор 3 *открытость*: взаимовыручка ($0,53$), открытость ($0,59$), склонность к риску ($0,58$).

Фактор 4 *недоверие власти*: недоверие власти (0,75).

Фактор 5 *миролюбие*: уступчивость (0,70), миролюбие (0,65).

Фактор 6 *индивидуализм*: самостоятельность (0,6), устремленность в будущее (0,69), соперничество (0,61).

Фактор 7 *дисциплинированность*: замкнутость (-0,56), дисциплинированность (0,75).

Таким образом, в группе мужчин прослеживаются: ориентация на группу (подчинение и взаимовыручка), что свидетельствует о горизонтальном коллективизме и толерантности. С другой стороны тенденции к разрушению традиций, открытость переменам, склонность к риску свидетельствует о индивидуализме. Выявилось также недоверие к авторитетам и своеволие. Уступчивость может свидетельствовать о низкой мотивации достижения.

Для группы женщин:

Фактор 1 *холодность* коррелирует со следующими переменными: закрытость ($r = -0,54$), агрессивность (-0,50), разрушение традиций (0,61), холодность (0,72), сердечность (-0,64).

Фактор 2 *индивидуализм*: самостоятельность (0,66), устремленность в будущее (0,59), соперничество (0,69).

Фактор 3 *осторожность*: законопослушность (0,67), осторожность (0,73).

Фактор 4 *своеволие*: своеволие (0,69).

Фактор 5 *возраст*: возраст (0,73).

Фактор 6 *замкнутость*: взаимовыручка (-0,73), замкнутость (0,80).

Фактор 7 *подчиненность*: национальность (0,76), подчинение (0,65).

Фактор 8 *устремленность в прошлое*: устремленность в прошлое (0,78).

Фактор 9 *склонность к риску*: склонность к риску (0,68).

Фактор 10 *дисциплинированность*: дисциплинированность (0,69).

В женской группе, как мы видим, преобладает холодный эмоциональный фон. Большое устремление в будущее, разрушение традиций. В отличие от группы мужчин ориентация на себя, а не на группу, также высоко соперничество, что свидетельствует о возможно высокой мотивации достижения. При этом в женской группе склонность к риску сочетается с осторожностью, а недоверие власти с дисциплинированностью.

Рассмотрим результаты в группе пенсионеров.

В группе пенсионеров преобладает ориентация на группу, взаимовыручка ($r = 0,65$), верность традициям (0,70). При этом отмечается, что преобладают как подчинение групповым нормам (0,49), так и самостоятельность(0,52). В группе студентов преобладает самостоятельность.

В ориентациях на изменения наблюдаются: большая открытость (0,52), устремленность в будущее (0,66) наравне с устремленностью в прошлое(0,70). То есть в группе пенсионеров наблюдаем как большое почтение истории страны, так и надежды на новое. В группе студентов мы наблюдаем непринятие прошлого. Также у пенсионеров уравниваются склонность к риску (0,54) и осторожность (0,69). В группе молодежи риск преобладает.

В ориентациях на взаимодействие: в группе пенсионеров преобладает миролюбие (0,74) и сердечность (0,68). Интересно, что уступчивость (0,57) и соперничество (0,55) также уравниваются. Соперничество люди прошлого поколения определяют как соревновательность, которая была характерна для эпохи социализма.

В ориентациях на социальный контроль: преобладает дисциплинированность (0,77) и законопослушность (0,69), уважение власти (0,59). В группе студентов – непринятие власти.

Общие данные для обеих групп.

Согласно наибольшему факторному весу *фактор 1* можно назвать фактором – *душевность*. С ним наиболее положительно коррелируют такие переменные: сердечность (0,664), уступчивость(0,633), миролюбие(0,630), открытость(0, 597). И отрицательно коррелирует – холодность(-0,432).

Фактор 2 – разобщенность. С данным фактором положительно коррелирует: разобщенность(0,555), разрушение традиций(0,750), холодность(0, 484), агрессивность(0,425), отрицательно коррелирует – верность традициям(-0,602).

Фактор 3 – самостоятельность(0,644).

Фактор 4 – индивидуализм. Он представлен следующими параметрами: пол (0,878), устремленность в будущее(0,709), соперничество(0,632), осторожность(0,403).

Фактор 5 – недоверие к власти. С ним положительно коррелируют: недоверие к власти(0,786), отрицательно коррелирует: уважение власти(-0,778), законопослушность(-0,48).

Фактор 6 – традиционализм. Он представлен: подчинением(0,552), устремленностью в прошлое(0,504), агрессивностью(0,374), национальностью(0,577).

Фактор 7 – коллективизм. Он представлен параметрами: взаимовыручка(0,615), дисциплинированность(0,402), осторожность(-0,352).

Фактор 8 – своеволие, его представляет своеволие(0,751).

Фактор 9 свободолюбие. Он представлен такими характеристиками: своеволие(0,751), дисциплинированность(-0,582), законопослушность(-0,361), склонность к риску(0,594), анархия(0,391).

Фактор 10 – анархия. Он представлен следующими характеристиками: анархия(0,407), возраст(0,818).

Меньше всего расхождений между группой студентов и пенсионеров по шкале направленность на взаимодействие. Это может свидетельствовать, что среди данных групп наиболее распространены горизонтальные особенности конструкта. Отношение ко власти свидетельствует о том, что среди групп нет иерархичности, следовательно отсутствуют вертикальные тенденции.

Выводы:

1) Социокультурный кризис в России выразился в кардинальных изменениях в сферах общества: экономической, политической, духовной, социальной, культурной, научной и др. Это стимулировало наполнение новым содержанием форм менталитета (политического, экономического, социального, этнического, религиозного др.). Следовательно, в ценностно-смысловом ядре экономического менталитета произошла переориентация экономической деятельности, заданной реализацией товаров на ориентацию заданную потребностями клиента (Деминг). В ценностно-смысловом ядре социального менталитета происходит переориентация на новую стратификацию общества, новые отношения между слоями населения, политического менталитета отражено большое размежевание государства и коллективных субъектов, в ценностно-смысловом ядре кризисного менталитета отражена потеря смыслов, идентичности россиян, разрушение традиционных ценностей. Наполнение новым содержанием форм российского менталитета задается внешними импульсами (изменения в обществе) и внутренними (организация менталитета). Трансформация российского менталитета задана спецификой самоорганизации системы менталитета. В своей динамике развития российский менталитет «впитывает» в свой каркас воздействия внешних условий, задает движению характерную интенсивность, насыщенность, скорость и модальность. Ученые придерживаются различных точек зрения на проблему возрождения России: традиционного, призывающего возродить былые, национальные традиции и инновационного, формирующего модели компетентности и ответственности в решении различных проблем. Между традиционной формой менталитета и новой есть переходные формы менталитета. Провинциальная ментальность предположительно является переходной формой менталитета между традиционным и инновационным менталитетом. Характерной чертой провинциала является его наделенность «провинциальным комплексом» (В.А. Шкуратов С.А. Исупов, Э.Ю. Старателев А.В. Качкин, Т.Б. Ткаченко Г.С. Сухобская Г.В. Акопов, Т.В. Иванова). Психологический портрет провинциала отражает традиционную субъектность, которая меняет сегодня свои формы. Система ценностей провинциалов ориентирована на природу, человека, человеческие отношения, вещи, знания, на власть, право, на традиции, веру, религию (Э.Я. Дмитриева).

2) Провинциальная идентификация обнаружена в результате проведенного опроса в Ростове-на-Дону среди молодежи ведущих вузов (180 чел.) показано, что: мальчики позже, чем девочки,

осознают свою национальную принадлежность; черты характера, с которыми идентифицируют себя респонденты: доброта, гостеприимство, душевная щедрость. Они являются типичными для российского национального характера; основными сферами жизни, с которыми респонденты связывают свою национальную идентичность: российская природа, Россия, ее история, родственники, что может свидетельствовать о провинциальности; выделение значимости национальной принадлежности в жизни респондентов объяснялась ими как необходимость сохранения национальной культуры. Это может свидетельствовать о достаточной степени осознанности этнической идентичности.

3) Сегодня встает проблема – действительно ли меняются ценности россиян или нет. Мы придерживаемся позиции, что ценности не меняются, меняется их иерархия в системе менталитета. В связи с этим провели исследование ценностных ориентаций молодежи и пенсионеров посредством конструкта коллективизм/индивидуализм. Конструкт коллективизм/индивидуализм является интегральной составляющей культуры. Его критериями выступают: нормы, правила, установки общения, направленности личности, особенности активности, концепции личности, культурные представления, концепция-Я, особая логика. С позиции отечественных исследователей конструкт коллективизм/индивидуализм – это описательно-эмпирическая модель направленности, активности и самоопределения этносубъектов. Если западный конструкт строится, полагаясь на основополагающий критерий – целевые установки (на группу и на себя), то отечественный конструкт строится, исходя из критерия ценностей сопричастности/отделенности. У студенческой молодежи Ростова-на-Дону представлены следующие параметры конструкта индивидуализм/коллективизм: душевность, разобщенность, самостоятельность, индивидуализм, недоверие к власти, традиционализм, коллективизм, соеволье, свободолюбие, анархия. То есть, явное тяготение к индивидуализму. Присутствие коллективистских начал и отсутствие иерархичности может свидетельствовать о том, что мы имеем дело с *горизонтальным индивидуализмом*, что подтверждает гипотезу. Женская группа характеризуется: холодностью, соперничеством, склонностью к риску – возможно, это образ молодой россиянки, вступающей в эпоху индивидуализма. А группа мужчин колеблется между индивидуализмом и коллективизмом и проявляет: миролюбие, дисциплинированность. В группе пенсионеров выявлен конструкт *горизонтального коллективизма*, характеризующегося: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью и уважением власти. Пилотажное исследование культурно-ценностного дифференциала поколений подвело нас к более детальному исследованию составляющих трансформации системы менталитета поколений.

5. Эмпирическое исследование феноменов трансформации южно-российского менталитета

5.1. Методические основания исследования конструкта менталитета

В науке мы часто наблюдаем, что слабо разработанные конструкты, реализуясь в рабочие модели, достаточно основательно прорабатываются эмпирически. Учитывая, что мы предложили свое видение структуры менталитета, можно будет пытаться эмпирически ее проработать. Скорее всего, разработка теории менталитета будет идти параллельно ее эмпирическому подтверждению.

Социология предлагает палитру социологических методов исследования проявлений менталитета: опросы, анкетирование, анализ продуктов деятельности общественных групп и интервью. Но как отмечает З.В. Сикевич – фиксируется внешний слой проявлений, а остается не раскрытой сущность динамики менталитета []. Нам представляется, что социологи работают над социологическим аспектом изучения феномена менталитета. Они исследуют социальные стереотипы восприятия, фиксированные в общественном мнении. Нельзя сказать, что это не может изучать психолог. Однако интерпретационные схемы, на которые психологи опираются в объяснении полученных в ходе исследований данных, несколько иные, чем используют социологи. Социологи исходят из общественных систем, которые определяют особенности менталитета социальных слоев. Преимущественной схемой исследования менталитета являлось выделение феноменов, в которых он проявляется, их описание и исследование по отдельности. Это объяснялось слабой методической проработанностью феномена.

Сегодня можно говорить о более продвинутой интегрирующей силе проработанности феномена. Сущность феномена менталитета, как утверждают ряд авторов [], заключена в том образе, картине мира, типе мышления, стереотипах поведения, которые присущи определенной социальной группе. В науке сегодня предлагается различный методический инструментарий исследования составляющих менталитета, используемый О.В. Митиной, В.Ф. Петренко, К.А. Абульхановой-Славской, В.И. Тюпой З.В. Сикевич, К. Касьяновой, В.А. Шкуратовым, В.А. Кольцовой, И.Р. Федорковой и др. В основном – это авторские опросники, методы семантического дифференциала, проективные методики, психолого-историческая реконструкция. Я. Вальсинер замечает что, для того, чтобы не нарушать стройность генетического методического исследования, необходимо, во-первых, изучать индивидуальные случаи, как целостную систему с ее взаимодействиями со средой; во-вторых, показывать индивидуальные различия внутри сравниваемых больших выборок, а не только их сравнение; в-третьих, применение метода рейтинговых шкал, которые отображают несколько альтернатив ответов испытуемого [с.46].

Раскроем несколько методических оснований данной схемы исследования менталитета. Данный методический подход лежит на стыке гуманитарной и естественно-научной парадигм. Он выводится из работ неклассической культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Л.С. Выготский соединил генетический и экспериментальный методы. «Пользуясь методикой двойной стимуляции, мы можем предъявлять испытуемому задачи, рассчитанные на неодинаковые фазы развития, и вызвать у него в сокращенном виде те процессы овладения ими, которые позволяют в эксперименте проследить последовательные этапы психического развития» [2005. с. 1117]. Данную методику Л.С. Выготский называет «объективирующей», поскольку она позволяет открыть внутренние, недоступные прямому наблюдению психологические приемы и структуры. Культура выступает идеальной формой, которой овладевает человек. Идеальные формы, в которых воплощаются аффективно-смысловые образования, существуют объективно вне человека. На входе психологической системы натуральная форма на выходе культурная. Предлагаемой методической схемой можно было бы воспользоваться. Однако это требует проведения эксперимента, позволяющего замерить начальное состояние менталитета различных групп населения и после определенного исторического события. Это довольно длительный лонгитюд, требующий вовлечения в него большого числа исследователей.

Следующее методическое направление формируют Г.Г. Дилигенский, Г.М. Андреева, Т.Г. Стефаненко и др., воссоздавая «психологический облик» больших социальных групп. Они исходят из естественно-научной парадигмы классической психологии. Менталитет Г.М. Андреевой понимается как интегральная характеристика культуры, включающая сходные для ее представителей способы восприятия мира, сходный образ мыслей, специфические образцы поведения. Такое понимание менталитета относится к характеристике большой социальной группы [с. 158]. Методическое направление, изучающее большие социальные группы, исходит из того, что «посредствующим звеном между экономическим развитием и историей культуры в широком смысле этого слова являются обусловленные социально-экономическим развитием изменения в психологии людей. Эти изменения очевидны, прежде всего не как индивидуальные изменения в установках, взглядах, интересах каждой отдельной личности, но именно как изменения, характерные для больших групп» [Соц. псих. Г.М. Андреева с. 154]. Отсюда следует, что только «часть» психологии личности «входит» в психологию группы [с. 156]. Следовательно, для изучения изменений в психологии больших социальных групп, исследуют нравы, обычаи, продукты деятельности, язык, социальные представления. При этом используют методы смежных наук: этнографии, социологии, лингвистики, истории. Такие исследования получают статус междисциплинарных, комплексных.

Психосемантические методы. Они приложимы ко всем элементам и структурам менталитета. Разработанные шкалы оценки позволяют вычленивать различные оценки, отражающие содержание феноменов менталитета. Основание представлено естественно-научным психосемантическим

направлением. Ученые исследуют категориальный строй сознания посредством методов психосемантики (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко). Исходя из данных представлений, следует, что операциональной моделью сознания и образа мира выступают многомерные семантические пространства [с.380]. Данная методология сформировалась в рамках естественно-научной парадигмы на стыке классической и неклассической психологии. Психосемантическое методическое направление, широко представленное многими учеными [Е.Ю.Артемьева, В.Ф. Петренко, О.В. Митина, Серкин]. Основной метод моделирования позволяет воссоздавать многомерные семантические пространства сознания, в которых базисные категории являются координатными осями, анализируемые объекты координатными точками. Размерность семантического пространства отражает сложность сознания, мощность категорий-факторов – субъективную значимость для респондентов. Размещение объектов фиксирует представления респондента о нем. В.Ф. Петренко пишет, что «анализ трансформации семантических пространств позволяет описать динамику менталитета индивидуального и общественного сознания», что наглядно демонстрируют ряд опубликованных работ []. Но сами исследователи выделяют ряд ограничений данных методов, главным из которых является то, что исследуется активно употребляемые категории сознания, часто не осознаваемые, «не в акте рефлексии или самосознания» [с.380].

Четвертое методическое основание исследование менталитета предполагает различные виды реконструкции. В.М. Розин рассматривает «генетическую реконструкцию» [б с. 46]. Чтобы понять природу личности различных эпох В.М. Розин предлагает: а) опираться на исторические факты и исторические материалы, б) формулирование гипотез о становлении и развитии изучаемого объекта. Н.А. Хренов использует циклическую методологию, применяемую А. Тойнби. В рамках данной методологии выделяются циклы развития феномена, внутри цикла выделяются социально-психологические состояния, актуализируемые в продуктах деятельности человека, которые подвергаются анализу [а с. 6].

Мы в своем исследовании попытались соединить интерпретационные методы (анализ текстов) с диагностическими, естественно-научными методами, предполагая, при этом, что они могут дополнить друг друга. Мы определили менталитет как слой общественного сознания, самоорганизованную, совмещенную систему коллективного субъекта. Опираясь на взгляды В.Е. Ключко, выделяем в ментальном пространстве менталитета координаты – значения, смыслы и ценности, особым образом совмещенные. Эти значения образа мира, смыслы, ценности образа жизни и стали переменными в эксперименте.

В качестве **объекта исследования** выступили представители четырех возрастных групп поколений: подростки (1990–95 гг. рождения) 310 чел., молодежь (1980–85 гг.р.) 592 чел., люди зрелого возраста (1960–65 гг.р.) 74 чел. и пенсионеры (1940–1945 гг.р.) 384 чел. Мы полагаемся на воззрения Г.Л. Смирнова, считающего, что поколения объединены «общностью опыта,

переживаний, создающих идейно-психологическое, нравственное единство» [с. 342]. Молодежь и подростки – одно поколение, пенсионеры и люди зрелого возраста – это другое поколение. Это основные, экспериментальные группы. Также в эксперименте использовались данные исследований 70–80-х гг. социологов, психологов, в которых объектами исследований выступали подростки, молодежь пенсионеры. Эти группы выступали контрольными группами. Хотя, это и не были представители Юга России, но приведенные данные показывают, что отраженные тенденции были характерны для всей России. Опираясь на типологию поколений Г.Л. Смирнова [], мы проводим сравнение 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 поколений.

Задача эмпирического исследования заключалась в том, что мы искали рассогласования/согласования в функциональных связях пространственно-временных, ценностно-смысловых составляющих менталитета представителей трех поколений Ростова-на-Дону под воздействием социокультурного кризиса. Это экспериментальный план ex-post-facto []. Исследуются показатели менталитета поколений, на которые уже воздействовали политические, экономические и социальные изменения в стране и возможно они претерпели трансформации.

Метод, используемый в исследовании, поперечных срезов – группы испытуемых разного возраста исследуются одновременно.

Исследование включало три этапа:

I этап – изучение проявления конструкта коллективизм/индивидуализм в ценностных ориентациях поколений;

II этап – исследование согласований/рассогласований категорий образа жизни и образа мира поколений;

III этап – исследование согласований/рассогласований смыслов и ценностей поколений.

Гипотеза I этапа состояла в том, что *под воздействием внешних социокультурных факторов и внутренних социально-психологических факторов (индикаторов социальной изменчивости) трансформируется российский менталитет поколений Юга России (от постфигуративной культуры к кофигуративной культуре, от коллективизма к индивидуализму, от аллоцентризма к идиоцентризму, от пространственной определенности к временной)*. Гипотеза, как мы видели, получила свое подтверждение, в группе пенсионеров мы выделили все признаки горизонтального коллективизма, а в группе молодежи признаки горизонтального индивидуализма, с явным преобладанием у мужчин.

Гипотезы II этапа: *Образ мира и образ жизни поколений имеют области рассогласования/согласования, как следствия трансформации менталитета в условиях социокультурных изменений.*

Поколения пенсионеров, подростков и молодежи имеют единое ядро образа мира менталитета; менталитеты названных субкультур имеют отличия вне указанного ядра на

периферии менталитета, не только потому, что они относятся к различным субкультурам российского общества, а также потому, что менталитет пенсионеров представляет менталитет людей социального иного строя, который трансформировался в ходе социально-политических и экономических преобразований в России.

Гипотеза III этапа: В ядре менталитета поколений наблюдается рассогласование/согласование функциональных связей трех систем менталитета: ценностей, смыслов, значений, как следствие социокультурных изменений в обществе.

Мы исходили из положения, заключающегося в том, что процесс трансформации совмещенной системы менталитета поколений, заключается в рассогласовании/согласовании функциональных связей его совмещенных ценностно-смысловых составляющих. Поколения выступают коллективным субъектом, которые обладают специфичным менталитетом.

Учитывая, что ядром системы менталитета является образ мира, и что образ мира имеет периферические и ядерные составляющие, а также, что образ мира связан с образом жизни, то можем выделить следующие параметры эмпирического исследования совмещенной системы менталитета: показатели образа жизни, образа мира, ценностные ориентации, смыслы, значения.

В качестве **гипотез эмпирического** исследования мы выдвинули следующие:

- 1) Оценка образа жизни поколениями будет статистически значимо отличаться по параметрам: цели жизни, интересы, круг знакомых, достижения, трудности.
- 2) Образ мира будет включать у поколений, как области пересечений, так и рассогласующиеся области.
- 3) В ценностных ориентациях поколения будут отличны по определенным ценностным ориентациям, но также будут иметь совпадающие ценностные ориентации.
- 4) Смысловое наполнение значений и ценностей у поколений будут значимо отличаться.
- 5) Между поколениями будут зарегистрированы интолерантные отношения, также будут расхождения в толерантном отношении к различным сторонам жизни.

Опираясь на данные предположения, можем предложить следующую схему эмпирического исследования российского менталитета представителей столицы Юга России (на примере жителей Ростова-на-Дону различной возрастной, профессиональной и национальной принадлежности):

1. Исследование оценок образа жизни. Использовался метод свободного описания на заданную тему «Моя жизнь сегодня». Метод свободного описания относится к праксиметрическим методам, используется для выявления первичных данных. Испытуемым предлагалось описать своими словами, как они представляют свою настоящую жизнь, какими они видят свои цели, планы, трудности, препятствия. К полученным данным применялся контент-анализ для качественно-количественного сравнительного описания текстов с целью выявления целевых, оценочных, смысловых категорий образа жизни настоящего.

2. Исследование категорий ядерного слоя образа мира, которые представлены теми значениями, заключенными в ментальности социальной группы с использованием методики семантического дифференциала (25 шкал). Семантический дифференциал основан на базе 25 двухполюсных шкал прилагательных – антонимов, позволяющих оценить эмоционально-оценочные смыслы, представленного образа мира.

Исследование категорий периферийного слоя образа мира, который представлен образами проекциями образа себя, других и окружающего, посредством проективной методики «Картина мира» (Е.С. Романова). Проекция образы относились к различным категориям образа мира.

Полученные данные подвергались кластеризации и факторизации, что позволило выделить обобщенные категории образа мира и описать его содержание через обобщенные категориально-факторы.

3. Исследование ценностного содержания менталитета посредством методик «Ценностные ориентации» М. Рокича сравнивались ранги, присвоенные терминальным и инструментальным ценностям группами поколений, методики культурно-ценностного дифференциала (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова). Культурно-ценностный дифференциал включает четыре шкалы: 1) Ориентация на группу – ориентация на себя; 2) Открытость переменам – сопротивление переменам; 3) Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия; 4) Сильный социальный контроль – слабый социальный контроль. Эти параметры относятся к конструкту коллективизм/индивидуализм и могут демонстрировать выборы респондентов относительно коллективистических и индивидуалистических ценностных ориентаций. Результаты подвергались факторному анализу. Факторы свидетельствуют о преобладании параметров коллективизма/индивидуализма в ценностных ориентациях различных группах.

4. Исследование жизненных смыслов Методика определения жизненных смыслов (В.Ю. Котляков). В методике содержатся 8 категорий жизненных смыслов: альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, самореализации, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные. Выбор испытуемым категорий смыслов демонстрирует его ориентиры в жизни.

5. Исследование стилей мышления Сравнительный анализ представителей различных национальных групп по доминированию стилей мышления. Методика определения стилей мышления (А.К. Белоусова). Стиль мышления регулятор мышления и способ познания мира. В совместной мыслительной деятельности участники выполняют функции: генерации идей, отбора информации, оценки, смыслопередачи и реализации. Эти функции и выступают характеристиками стилей мышления (управленческого, критического, практического, инициативный).

7. Исследование межпоколенческой интолерантности в общении. Позволяет выявить по каким показателям поколения расходятся в своих отношениях. Методика исследования различных видов

толерантности (В.С. Магун, М.С. Жамкочъян, М.М. Магура), методика «Представления человека о себе и других людях» (Т. Лири).

8. Полученные данные сопоставляются категории-факторы образа мира, образа жизни, смыслы, ценностные ориентации и определяется степень рассогласования/согласования ценностно-смысловых составляющих менталитета названных групп. Поскольку мы исходим из предположения, что рассогласование ценностно-смысловых составляющих менталитета приводит к трансформации единой ценностно-смысловой системы, ее дезинтеграции. Если системообразующей функцией менталитета выступает привидение в соответствие его ценностно-смысловой системы, то при рассогласовании составляющих менталитета, его системообразующая функция теряет свою интегрирующую силу. Степень рассогласования системных элементов менталитета статистически проверялась по непараметрическому критерию Н Крускала–Уоллиса основан на том принципе, что чем меньше взаимопересечений выборок, тем выше уровень значимости критерия Н. Критерий U Вилконсона–Манна–Уитни позволит сопоставить выборки составляющих менталитета у разных поколений.

5.2. Категории образа жизни поколений

Респонденты, представленные группой подростков, молодежи и пенсионеров предоставили описания своей жизни по следующим категориям: определение понятия «жизнь», цели жизни, интересы, круг знакомых, трудности, с которыми сталкиваются в жизни, предмет гордости за свою жизнь. Указанные категории, на наш взгляд, наиболее полно оценивают жизнь респондентов.

В исследовании принимали участие 456 чел. – 160 подростков средних школ, 135 студентов вузов, 155 пенсионеров (май 2004 г.). Таким образом, анализировалось 456 текстов, содержащих 76608 слов.

В группе подростков:

Определение жизни	% появления в группе
Самое ценное	51.25
Очень интересное	49.75
Линия времени	22.6
Приключения	13.8
Игра	10.3
Любовь и дружба	5.8

Как видим, в оценках жизни подростков не наблюдается конкретности, преобладают гиперболизированные оценки «очень», «самое», связанное с ценностями и интересами подростков. Меньшая часть респондентов отмечают игровую, приключенческую сторону жизни, что соответствует возрастным их особенностям.

Цель жизни	% появления в группе
Успешно окончить школу	37.5
Получить работу	37.5
Поступить в вуз	12.6
Создать семью	12.5
Добиться определенного положения, статуса в обществе	11
Добиться успеха	10.3
Любить и быть любимым	4.6

Таким образом, как видно из таблицы основными целями современного подростка являются окончание школы, а не получение знаний. Также значимым является для подростков получение работы, поступить в вуз и создать семью. Сравним данные результаты с исследованием М.Х. Титмы [с.59]. Он исследовал в 1973 году жизненные ориентиры старших подростков более 1000 человек. Высокие значения получили ориентиры на общественную деятельность (факторный вес 0.55), на получение профессии (0.45), на увлечения (0.35), на спортивные занятия (0.30), на общение в малых группах (0.28), на любовь (0.26), на потребление культуры (0.26) []. Как видим, ориентиры на общественную деятельность уже в 2005 году не отмечается, однако получает определенный вес приобретение статуса в обществе. Для подтверждения значимости несовпадений между двумя выборками применили непараметрический критерий U. Он оказался $U=9$, меньше критического для $p=0.05$ ($U=11$), но больше критического для $p=0.01$ ($U=6$). Следовательно, на уровне $\alpha=0.05$ принимается статистическая гипотеза о различии двух выборок целей подростков 80-х г. XX в. и 10-х г. XXI в.

Заметим, что раньше ученики в своих школьных сочинениях писали об успешном окончании школы, приписывая «на пятерки и четверки». Сегодня современные школьники скорее подразумевают договоренность с учителями об оценках. Также обратим внимание, что вторую позицию занимают высказывание о получении работы. Не пишут «устроиться на работу», а именно получить. Как отмечается в исследовании [Г.В.Жарков] 74.6% молодых людей не сами ищут работу, а надеются на родителей, знакомых, полагаются на их выбор. Важным представляется и стремление добиться успеха, статуса, положения в обществе. Социальное расслоение в обществе обостряет желания попасть в разряд значимых, важных людей. Остаются и традиционные стремления к любви, семье. Что находит отклик в традиционных ценностях менталитета россиян. Интересно сравнить эти данные с исследованием Е.А.Шумилина []. Он исследовал в 1982 году 1600 московских школьников из них считают, что в выборе профессии им помогли родители 30% и школа 8%. Как видим роль участия родителей в судьбе старшеклассников возросла за 20 с лишним лет.

Следующим исследовалась направленность жизненных целей.

Направленность целей жизни	% появления в группе
Будущее	65
Настоящее	24
Прошлое	11

Как видим большинство подростков нацелены на будущее.

Интересы	% появления в группе
Общение	50
Музыка	50
Активный отдых	43.2
Чтение	31.25
Компьютерные игры	12.5
Рисование	6.25

В исследовании М.А. Меньшиковой показано, что у десятиклассников центральной части России, Украины, Белоруссии, Якутии 70-ых гг. были очень широкие интересы. В ее опросе школьники назвали 24 различных видов спорта, кино (70%), музыку (60%), театр (49%), пение (41%), танцы (36%), живопись (30%) [с.92].

Интересы подростков в сравнении с предыдущей эпохой довольно-таки сузились. Ушел спорт, дома пионеров, клубы. Пока еще в лидерах чтение. Хотя количество читающих людей в России снижается. Общение как ведущая деятельность подросткового возраста по-прежнему актуальна. Однако степень агрессивности, интолерантности возросла, в сравнении с предыдущим историческим периодом.

Круг знакомств	% появления в группе
Друзья	37.5
Родственники	18.5
Одноклассники	12.7
Люди различного возраста	10.1

Круг знакомых подростков не изменился по сравнению с прошлым. Важным представляется, что в круг знакомых вошли родственники. В этом возрасте значимы дружественные связи, но без родителей эти связи не будут внесены в разряд значимых.

Трудности в жизни	% появления в группе
Нет трудностей	56.25
Семейные	12.5
Учеба	6.25
Ссора с друзьями	6.25
Поиск подходящего тебе человека	6

Подростки, по всей видимости, вытесняют свои трудности или намеренно скрывают их. Важно, что учеба внесена в разряд трудностей. Это сочетается с целями жизни. Семейные трудности по большей части связаны с трудностями сепарации от родительской опеки. Трудности с идентификацией связаны с проблемами и со сверстниками. То есть все эти трудности из настоящей жизни подростков и не связаны с прошлыми событиями.

Предмет гордости	% появления в группе
Друзья	50.9
Семья	43.75
Любовь	12.6
Нет	18.5

Предметом гордости подростков является их круг друзей, семья. То есть на первом месте у них человеческие отношения. К сожалению, к этому не прибавились какие-либо достижения в спорте, учебе, труде. Это исчезло вместе с эпохой социализма.

В группе молодежи:

Определение жизни	% появления в группе
Отрезок времени от рождения до смерти	26.7
Это чудо, драгоценный дар	13.3
Дается один раз в жизни, надо постараться прожить достойно	13.3
Бег с препятствиями	10
Наше существование в целом	10
Сложная штука	6.6
Миг, который стремительно пролетает	3.3
Динамика, активность, движение	3.3
Чистый лист	3.2

По сравнению с подростками в оценках жизни молодежи уже наблюдаются более конкретные категории. Однако также преобладает образность в описании. Отмечается мимолетность жизни, сложность, наличие препятствий, динамичность, необходимость активности.

Цели жизни	% появления в группе
Учеба, образование	23.3
Высокооплачиваемая работа и карьера	21.7
Материальное благополучие	18.6
Семья	11.7
Дети	8.3
Значимость, самостоятельность, полезность, самореализация	5
Счастье	3.3
Машина	1.6
Стать мудрой женщиной	1.6

Прожить жизнь так, чтобы не пожалеть о случившемся	1.6
Музыка	1.6
Удовольствия	1.6

Цели жизни молодежи остаются в рамках традиционных ценностей – образование, работа, семья. Однако появляются некоторые дополнения, такие как карьера, материальное благополучие, высокооплачиваемая работа. То есть, явный крен в сторону материальной стороны жизни. Что не присуще было традиционному менталитету эпохи социализма. В исследовании [Титма М.Х.] показано, что среди жизненных ориентиров молодежи 1973 года были выделены следующие: ориентиры на увлечения (факторный вес 0.82), на любовь (0.76), на общественную деятельность (0.73), на потребление культуры (0.67), на развлечения (0.54), на массовые коммуникации (0.47), на друзей (0.40).

В нашем исследовании 2005 года показано, что на периферию ушло счастье, увлечения как цель жизни. Не актуальны и цели, связанные с общественными достижениями, что ранее декларировалось в эпоху застоя. Обратившись к исследованию 1968 года [Иконникова С.И.], проведенного институтом общественного мнения газеты «Комсомольская правда», отметим, что среди целей жизни юноши и девушки (17446 человек) отметили: служить народу, приносить пользу Родине – 33,5%, стать первоклассным специалистом – 33,1%, стать всесторонне развитым человеком – 15,5%. Как видим в процессе трансформации менталитета за 37 лет служение народу и Родине не стало целью жизни, всестороннее развитие перешло в разряд получения образования, получение специальности трансформировалось в карьерную успешность.

Следующим исследовалась направленность жизненных целей.

Направленность целей жизни	% появления в группе
Будущее	42
Настоящее	53
Прошлое	5

Как видим большинство студентов нацелены на настоящее.

Интересы	% появления в группе
Чтение книг	13
Игра на музыкальных инструментах	6.5
Работа	6.5
Спорт	6.5
Общение с друзьями	6.5
Чтение романов	4.3
Чтение литературы по психологии	4.3
Слушать музыку	4.3
Обучение	4.3
Активный отдых	4.3
Компьютер	4.3

Смотреть исторические фильмы и передачи	2.2
Играть в карты	2.2
Вождение автомобиля	2.2
Рыбалка, природа	2.2
Личный дневник	2.2

Широк круг интересов молодежи. Примечательно, что и работа попала в разряд интересов. Будем не забывать, что респондентами выступила студенческая молодежь, у которой в приоритете чтение, компьютеры, музыка и др.

Круг знакомых	% появления в группе
Друзья	27.3
Большой и разнообразный круг знакомых	21.2
Коллеги по работе и учебе	18.1
Противоположный пол	16.3
Узкий круг знакомых	13.8

Круг знакомых молодежи характеризуется разнообразием и широтой. Наблюдается большая избирательность и дифференцированность выборов знакомых.

Проблемы и трудности	% появления в группе
Учеба	13.5
Материальное положение	8.1
Справиться с собой, лень	8.1
Разрешаю самостоятельно по мере поступления	8.1
Семья	5.4
В личной жизни	5.4
Враги	5.4
Жадность, эгоизм, гнев	2.7
Жизнь не справедлива	2.7
Трудностей много и они еще с возрастом прибавляются	2.7
Нет трудностей	2.7
Непостоянство, динамичность, скоротечность жизни	2.6
Нехватка времени	2

Студенческая молодежь большинство своих проблем связывает с настоящим временем, учебой. Проблемы связаны с задолженностями, ленью, накопившимися делами. Это указано в текстах самоотчетов. И опять в разряд трудностей попали материальные проблемы. У студентов в большом почете свободные деньги, все стремятся ими обладать. Трудности молодежи связаны с настоящим временем.

Предмет гордости	% появления в группе
Семья, родители	14.3
Профессия, работа	8.2
Горжусь собой	8.2

Нечем гордиться	6.2
Самосовершенство, самоконтроль, справедливость	6.2
Гордость мешает во взаимоотношениях	2
Горжусь тем, что живу на Земле	2

На первом месте, по-прежнему семейные, личные отношения. Однако появляются как достижения выбор профессии и любимая работа. Однако не указываются конкретные свершения, достижения. В исследовании [Иконниковой С.И] указывается, что в 1968 году 82,1% опрошенных связывали цель своей жизни с напряженной, трудовой жизнью. Труд и знания рассматривались большинством как главное условие жизнеспособности, ценности личности.

В группе пенсионеров:

Определение жизни	% появления в группе
Работа	53.85
Дети, семья	53.85
Пенсия	23.18
Жизнь как бесценный дар	15.38

Категории пенсионеров в описании жизни очень конкретны и персонифицированы в сравнении с молодежью и подростками. Указаны определенные сферы – работа, семья, пенсия. Жизнь оценивается как бесценный дар, поскольку многие пенсионеры отметили, что, несмотря на все невзгоды в жизни, дожили до пенсионного возраста.

Цели жизни	% появления в группе
Вырастить детей	38.46
Благоустройство жилья	30.77
Работа	23.07
Жить	23.07
Внуки	16

В фокусе целей жизни пенсионеров традиционные цели – благополучие детей. Важным представляется, что на первом месте стоит благоустройство жилья. Не маловажное место занимает работа. Современному пенсионеру приходится много работать, чтобы поддержать благополучие материальное свое и детей. Неработающему пенсионеру приходится очень трудно в борьбе за жизнь.

Следующим исследовалась направленность жизненных целей.

Направленность целей жизни	% появления в группе
Будущее	49
Настоящее	31
Прошлое	20

Как видим большинство пенсионеров нацелены на будущее.

Интересы	% появления в группе
Спорт	36.46
Работа	30.77
Театр, кино	21.07
Дом	15.20

Интересы пенсионеров по старинке связаны с просмотром спортивных передач. Эпоха социализма большое внимание уделяла занятиям спортом и организации спортивных мероприятий. Думается, что спорт несколько изменился, особенно его коммерческая сторона. Но пенсионеры как отдадут дань прошлому. Опять работа попала в разряд интересов. Думаем, что это связано с тем, что работа требует от современного человека больших физических и эмоциональных затрат, что места на отдых не остается. Пенсионеры включены также в этот процесс.

Круг знакомых	% появления в группе
Соседи	23.07
Коллеги	15.4

Круг знакомых пенсионеров явно сужен. Это возрастная проблема и вместе с тем социальная проблема одиночества пенсионеров. Заметим, что в круг знакомых не вписаны дети, родственники. А подростки вписывают в круг знакомых значимых, близких людей. Это может свидетельствовать о некоторой отчужденности поколений.

Любимые занятия	% появления в группе
Вязание, вышивание	30.77
Готовить	30.77
Слушать музыку	16.40
Работать с землей	7.7
Спорт	6.5

Трудности в жизни	% появления в группе
Война	30.74
Маленькая пенсия	30.44
Дороговизна	23.07
Воспитание детей без мужа	22.3
Ушли от ответа	16
Болезнь близких	12.9
Производственная травма	7.5

Пенсионеры указывают в своем большинстве трудности за всю свою жизнь. Самым трудным событием было переживание второй мировой войны. Как отметили пенсионеры, что это сегодня так ярко отмечается день победы, а раньше после войны это был день скорби. В каждой семье кто-либо погиб. Также отмечается пенсионерами материальное неблагополучие их положения как значимую настоящую проблему.

Предмет гордости	% появления в группе
Дети	40.3
Семья	8.16
Ушли от ответа	53.85

Предмет гордости у пенсионеров традиционно связан с семьей, детьми.

Представленные материалы демонстрируют, что образ жизни у респондентов схож по пространственно-временным перспективам. Большинство представляют его как линейную перспективу с обозначениями определенных значимых дат.

Приоритетное положение в выборах целей жизни, даже предметом гордости занимает семья. Эти результаты подтверждают эмпирические исследования М.С. Яницкого (1999), Е.И. Башкировой (2000), М.В. Удальцовой, Н.М. Воловской, Л.К. Плюсониной (2005), показывающими, что ценность «семьи» занимает стабильно приоритетное положение. Однако это несколько расходится с современной статистикой, которая показывает большие проблемы с разводами.

Если понимать жизненный смысл как переживание причастности цели действия какому-либо мотиву (А.Н. Леонтьев с. 128.), то необходимо выяснить эти цели. На вопрос «Ради чего ты живешь и все делаешь?» студенческая молодежь и подростки отвечают: 1) ради будущего, 2) ради себя, 3) ради своей семьи. Таким образом, в смыслах целей жизни еще сохранены традиции в позиции – во благо своей семьи, но все же преобладает индивидуалистический смысл – «ради себя». Группа пенсионеров однозначно отвечают. Что живут ради детей, внуков. Что являются чисто традиционным смыслом.

В группе подростков и молодежи значимое место занимают устремления добиться успеха в профессиональной деятельности. Это также находит подтверждение в перечисленных выше исследованиях. Если раньше в традиционной культуре также молодежь строила планы в области образования, профессионального самоопределения, то результатом выступал труд на благо общества. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации прошлого времени. Сегодня результатом выступает построение карьеры, материальное благополучие, успех.

В пространстве интересов практически не указываются хобби, спорт и абсолютно не представлена добровольная помощь, милосердие. В эпоху социализма добровольные бригады, коммунистические отряды и др. формы совместной деятельности были довольно популярны. Вообще много было бескорыстия и добровольного жертвования. Интересы связываются с времяпрепровождением. Отметим, что в период социализма увлечения, интересы подростков и молодежи были более разнообразными (секции, кружки, клубы по интересам). Можем подчеркнуть наличие рассогласования между требованием современного общества к уникальности индивидуальности каждого члена общества и наличием обезличивания интересов их массовидный характер (делаю то, что делают все).

Анализ текстов, отражающих предмет гордости респондентов, показал, что в 50% никто не связывает предмет гордости с личными достижениями. Отношения или наличие чего-либо являются предметом гордости. Достижения не входят в пространство подростков и пенсионеров. Только молодежь указывает на «выбор специальности» как предмет гордости, но этот выбор не всегда является самостоятельным. Чаще всего этот выбор определяют родители. Следовательно, достижения пока еще редки в жизни россиян и они не вошли в область актуального осмысления или их просто нет. Индивидуализму отдельных культур присущи высокая мотивация достижения. У нас она еще слабо проявляется. Он больше декларируется как цель, указанная в текстах, как ценность (исследование Г.В. Митиной). Это несколько подтверждает исследование К. Касьяновой [], в котором показано, что у русских несколько снижены в сравнении с американской выборкой показатели по целеустремленности и деловой установке. Она это объясняет тем, что россияне отдают предпочтение «действиям ценностно-рационального типа перед целе-рациональными» [с. 186]. Ссылаясь на классификацию действий по Т. Парсонсу, автор утверждает, что действие для россиянина ценно само по себе, не зависимо от результата.

Что касается временной перспективы, то подростки и пенсионеры нацелены преимущественно на будущее, а молодежь на настоящее.

На основании анализа текстов, содержащих основные взгляды подростков, молодежи и пенсионеров на свою жизнь показывают, что они мало пересекаются со взглядами на традиционный образ жизни по категориям: семья, работа, друзья. Проведенное исследование показывает, что существует рассогласование между традиционным образом жизни поколений 70-80-х гг. XX века и образом жизни поколений 10-х гг. XXI века.

С изменениями в категориях образа жизни коллективных субъектов связаны трансформации образа мира.

5.3. Параметры образа мира поколений

В данном параграфе хотели бы показать трансформации, которые произошли в образе мира поколений. Начать изложение материала мы хотели бы с исследований Сикевич З.В. (1996–1997) студентов СПбГУ, псковского пединститута, случайная выборка пос. Ижморска, г. Выборга, в котором представлено сравнение образа социалистической эпохи и современности табл. 1. [с. 192–193].

Таблица 1

Символика времени, %

Советская эпоха		Современность
1	Партия 33,2	Свобода 18,2
2	Очередь 18,6	Безработица 17,8
3	Зарплата 17	Война в Чечне 16,8
4	Коммунизм 16,4	Демократия 16,4
5	Стабильность 13,4	Перестройка 13,6
6	Дефицит 12	Новые русские 13

7	Комсомол 10,8	Бизнес 10,6
8	СССР 9	Беспорядок 9,2
9	Пионер 9	Доллар 9,2
10	Уверенность 8,2	Рынок 9
11	Демократизация 8,0	Выборы 8,6
12	Ленин 7,6	Инфляция 7,8
13	Брежнев 6	Нищета 7,8
14	Спокойствие 6	Гласность 7,2
15	Колбаса 6	Деньги 6,8
16	Талоны 5,8	Беспредел 6,4
17	Застой 5,4	Президент 6,2
18	Субботник 5,2	Страх 6
19	Мир 5,2	Неуверенность 5,6
20	Пятилетка 4,8	Мафия 5

На наш взгляд, данное исследование открывает систему значений, которые очевидно находятся в ядре образа мира советской эпохи и современности. Такие подробные данные З.В. Сикевич наглядно показывают замену значений в ходе трансформации менталитета.

Для углубления представлений об особенностях трансформации образа мира поколений необходимо оценить его показатели (ценностные ориентации, особенности абстрагирования, динамика образов, персонализация образ я, степень рационализации образов, тематика изображения, уровень сложности изображенного), провести построение семантического пространства образа мира и проанализировать его содержание в контексте менталитета двух поколений. Ниже представлены результаты такого исследования.

Оценка показателей образа мира проведена с использованием методики «Картина мира» (Е.С. Романова) [13; 208].

Объём выборки - 281 человек: студенты вузов Ростова-на-Дону, мужчины – 72, женщин – 75 человек в возрасте от 18 до 25 лет и пенсионеры: мужчины – 62 человека, – 72 женщины в возрасте от 65 до 80 лет (февраль 2005 г.), подростки 150 чел, в возрасте от 11 до 16 лет (январь 2006 г.).

Изображение своего образа мира у пенсионеров и молодежи по проективной методике «Картина мира» оценена по следующим параметрам: коллективизм – индивидуализм, конкретность – абстрактность, статика – динамика, рациональность – иррациональность, есть человек на картине (персонализация) – нет человека на картине (деперсонализация). **Каждый из параметров измерялся в пятибалльной шкале.**

Полученные данные обрабатывались методом факторного анализа в пакете прикладных программ STATGRAPHICS + for WINDOS. По полученной факторной матрице, которая включала 10 показателей образа мира, была проанализирована оценка вклада каждого фактора в общую дисперсию для групп мужчин и женщин отдельно для молодежи и пенсионеров.

В группе **женщин (молодежь)** выявлено, что вклад двух факторов составляют около 91% . Это подтверждается графиком зависимости собственных чисел от числа факторов, приведенном на (рис.1). После ротации факторной матрицы по методу варимакс в группе женщин получены следующие доминирующие факторы: согласно наибольшему весу первый фактор нагружен

шкалами: субъективный с весом 0.75, коллективизм с весом 0.67, конкретный (- 0.72), следовательно, абстрактность. Второй фактор нагружен шкалами: динамичный с весом 0.65, рациональность (0.77). Следовательно, проекции образа мира в группе женщин отражают коллективизм, абстрактность, динамичность, рациональный стиль и персонализированы.

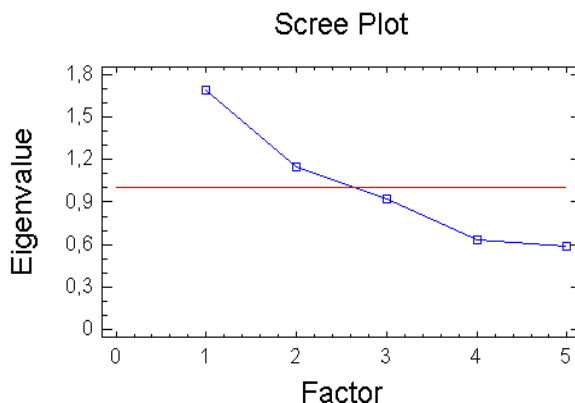

Рис.1. Зависимость собственного числа от числа факторов

В группе **мужчин (молодежь)**, также доминируют два фактора.

После ротации факторной матрицы по методу варимакс в группе мужчин получены следующие доминирующие факторы: согласно наибольшему весу первый фактор нагружен шкалами: абстрактный с весом 0.71, коллективизм с весом - 0.71, следовательно, индивидуализм, динамичный (0.55). Второй фактор нагружен шкалами: субъективный с весом 0.68, рациональность (0.80). Как видно в группе мужчин образы персонализированы, так же как и у молодых девушек. Совпадают показатели абстрактности, динамичности и рациональности в обеих группах. Преобладает в образах индивидуализм, а не коллективизм как в группе женщин.

В группе **женщин пенсионеров** также доминируют два фактора. После ротации факторной матрицы по методу варимакс в группе женщин получены следующие доминирующие факторы: согласно наибольшему весу первый фактор нагружен шкалами: абстрактный с весом 0.78, коллективизм с весом - 0.68, следовательно, индивидуализм, динамичный (0.64), рациональный (- 0.56), следовательно, иррациональный. Второй фактор нагружен шкалами динамичный (0.54), субъективный (0.92). Расхождение в результатах с группами молодежи обнаружены по показателям: рационализации образов и коллективизм.

Мужчины пенсионеры. Получены два доминирующих факторов.

После ротации факторной матрицы по методу варимакс в группе мужчин получены следующие доминирующие факторы: согласно наибольшему весу первый фактор нагружен шкалами: абстрактный с весом - 0.76, следовательно, конкретный, коллективизм с весом - 0.55, следовательно, индивидуализм, субъективный с весом 0.69. Второй фактор нагружен шкалами:

динамичный с весом 0.85, рациональность – 0.55. Таким образом, группа пенсионеров мужчин имеет индивидуалистическую направленность, конкретные, динамические образы образа мира.

Полученные результаты свидетельствуют о различиях по показателям образа мира как между группами пенсионеров и молодежи, так и внутри каждой группы, что наглядно продемонстрировано на диаграмме 1.

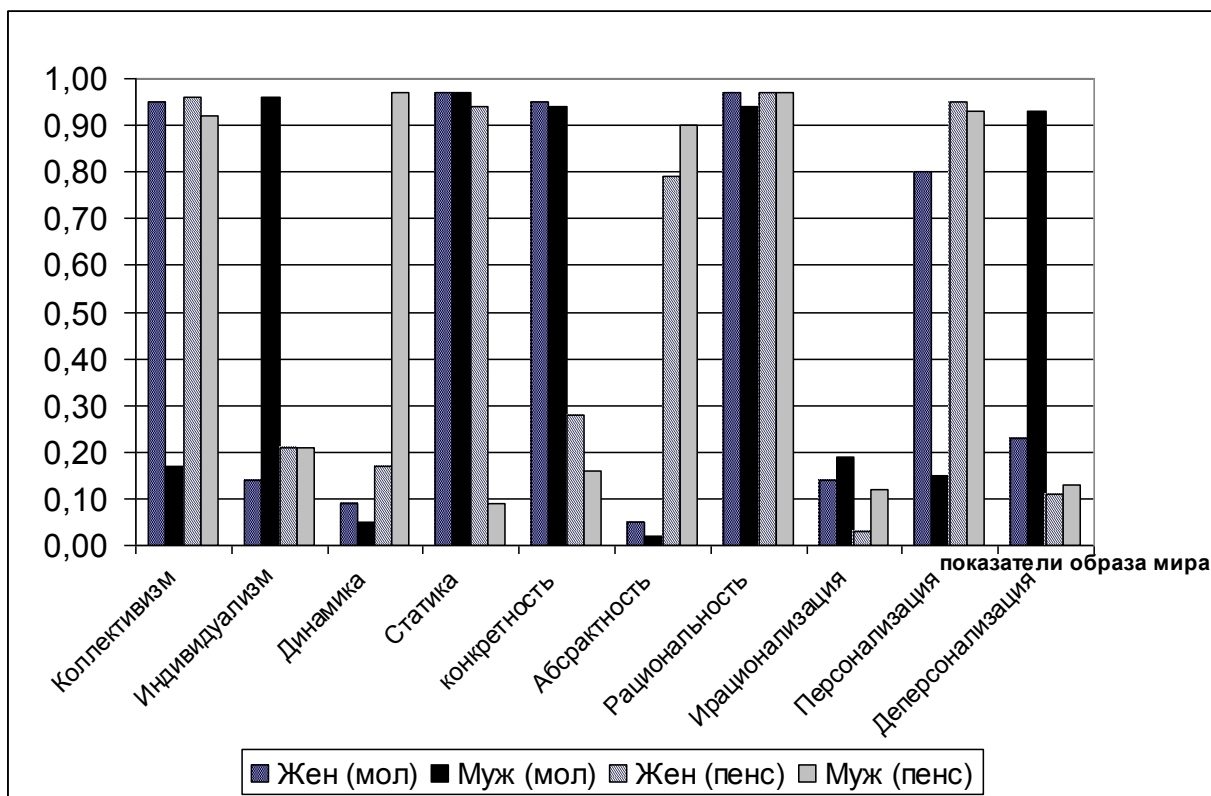

Диаграмма 1

Профили показателей образа мира представленных групп

В группе молодежи обнаружены наиболее характерные различия по показателю направленности (коллективизм–индивидуализм): для женщин предпочтителен коллективизм, для мужчин индивидуализм. По всей видимости, в группе мужчин будут проявляться холодность в отношениях, индивидуальные ценности, нарушение традиций. Женщины будут склонны к конформизму, преувеличивать ценность группы, придерживаться традиций.

Для обеих групп пенсионеров и молодежи выявлены коллективистские тенденции, кроме группы молодых мужчин, где проявился индивидуализм. Это характеризует то, что у большинства респондентов будут проявляться в образе мира следующие представления: взаимовыручка, открытость, миролюбие, верность традициям, сердечность и др. В изображениях образа мира в группах преобладает статичность, кроме группы пенсионеров мужчин, что не подтвердило предположение по данному показателю. Возможно, это свидетельствует о статичном представлении мира, который характерен для людей, которые не видят своего будущего. Рациональность преобладает во всех группах, это подтверждают и другие исследования [8,12]. У пенсионеров

преобладают абстрактные картины, видимо они, таким образом, уходят от реальности (действие защитных механизмов). В группе молодежи конкретные изображения, что может свидетельствовать, о конкретности восприятия мира, некоторой прагматичности. Фигуры человека в основном отсутствовали на картинах образа мира молодежи, видимо, мы сталкиваемся с деперсонализацией образа мира. В группе пенсионеров человек присутствует, что может свидетельствовать о коллективизме и персонализации изображения. У молодежи обнаружены более творческие, оригинальные картины, чем у пенсионеров, что может свидетельствовать о желании отличиться, выделиться, которое характерно для индивидуализма. **Обнаружено, что остаются неизменными во всех группах параметры рационализации и статики. Мало изменяемы показатели динамики и степень рационализации образа мира, возможно отнести к центральным структурам образа мира.**

Как видно те параметры, которые выделены в табл. 1 значимо отличаются в группе пенсионеров от группы молодежи. Возможно, на этом основании следует говорить о трансформации образа мира молодежи в сравнении с пенсионерами. Однако данная методика отражает поверхностные слои образа мира, его периферию и по большей части являются интерпретацией автором проекций исследуемых, а **также она дает недостаточно информации о содержании трансформации образа мира.**

Для изучения смысловых составляющих и построения семантического пространства образа мира была использована методика семантического дифференциала, включавшая 25 шкал [14; 160]. Выборка испытуемых была представлена студентами вузов г. Ростова-на-Дону в количестве 270 человек (100 девушек и 170 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет, пенсионеры 134 человек: мужчины – 62 человека, – 72 женщины в возрасте от 65 до 80 лет (март-апрель 2005 г.), подростки 100 человек в возрасте от 14 до 17 лет из них 50 девушек (март 2006 г.).

В результате факторизации 25 шкал преобразовались в три значимых фактора (рис.2), определяющих образ мира в общей выборке молодежи и пенсионеров.

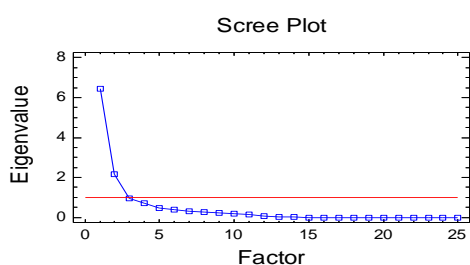

Рис.2. Зависимость собственного числа от числа факторов

Семантическое пространство образа мира, формируемое указанными факторами, представлено на рис.3. в форме их поля рассеивания.

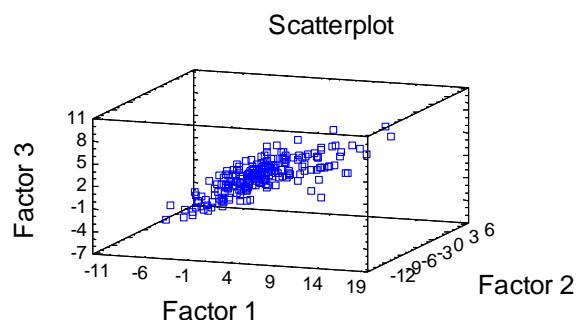

Рис. 3. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов (рис. 6). Три фактора составляют около 91% суммарной дисперсии.

Первый фактор нагружен шкалами: дорогой с весом 0.53, быстрый с весом 0.57, жизнерадостный (0.59), любимый (0.72), свежий (0.71), умный (0.73) и острый (0.62). Первый фактор определим как приятный, первозданный.

Второй фактор нагружен шкалами: напряженный (0.63), сложный (0.64).

Третий фактор нагружен шкалой светлый с весом 0.59.

Полагаясь на выделенные факторы, можно представить семантическое пространство образа мира молодежи и пенсионеров в целом, содержащим категории, отражающими динамизм мира, отношения в мире – жизнерадостность и любовь с одной стороны и остроту, сложность и напряжение, с другой стороны. Таким образом, жизненные смыслы, которые воплощены в данном образе мира, относятся к динамике жизни, отношениям между людьми и оценке степени трудности освоения этого мира.

Выборка женщин. Факторный анализ (вероятность 0.95).

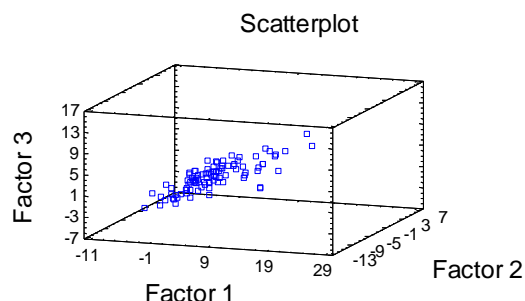

Рис. 4. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля (рис.4) свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов. Первый фактор нагружен шкалами: большой с весом 0.52, активный (0.58), приятный (-0.57), горячий (0.68), родной (0.55), дорогой (0.66), быстрый (0.68), жизнерадостный (0.64), любимый (0.70), свежий (0.77), умный (0.86), острый (0,72), чистый (0.57).

Второй фактор нагружен шкалами: напряженный с весом 0.74, сложный (0.60), тяжелый (0.65), хаотичный (-0.62), твердый (0,50).

Третий фактор нагружен шкалой добрый с весом -0.52.

Для девушек образ мира, связывается с представлениями об идеальной любви (приятное, жизнерадостное, родное, дорогое, любимое, горячее, свежее, умное, острое, быстрое, сильное, большое, активное, чистое), сложностях и силе (напряжённое, сложное, тяжёлое, хаотичное, твёрдое), счастье (добрый). Пространство образа мира у молодых женщин – это интегральная шкала представления мира идеальной любви (приятное, жизнерадостное, родное, дорогое, любимое, горячее, свежее, умное, острое, быстрое, сильное, большое, активное, чистое), интегральная шкала представления мира как сложного пути-препятствия-образования (напряжённое, сложное, тяжёлое, хаотичное, твёрдое), шкала представления мира доброго. Образ мира для девушек – это пространство любви, силы (тяжёлый путь) и радости (ожидания счастья).

Выборка мужчин. Факторный анализ (собственное число 0,95).

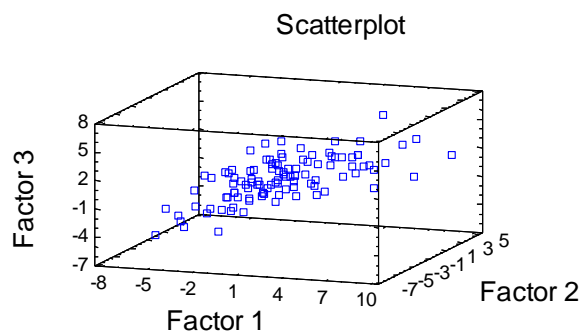

Рис. 5. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов (Рис. 5). Значимых практически 3-е фактора.

Первый фактор нагружен шкалами: приятный с весом -0.64, горячий (0.66), любимый (0.77), свежий (0.54), умный (0.59), острый (0.51), тупой (0.45).

Второй фактор нагружен шкалой злой с весом 0.59.

Третий фактор нагружен шкалой радостный с весом 0.48.

Мужчины не выделили ни своего отношения к образу мира, не подчеркнули его активность, а акцентировали исключительно оценки образа мира. Причем, обозначились пять позитивных оценок:

приятный, любимый, свежий, умный, радостный и четыре отрицательные оценки: горячий, острый, тупой, злой.

Пространство образа мира у молодых мужчин также трёхмерно, но более однозначное, чем у женщин. Пространство образа мира для них - это интегральная шкала представления мира земной любви (любимом, приятном, свежем, горячем, умном, толи остром, толи тупом), шкала представления мира злого (объект борьбы, соперничества), шкала представления мира радостного (ожидание счастья). Образ мира для них – это пространство любви, борьбы и счастья (радости).

Выборка пенсионеров. Факторный анализ (вероятность 0.95).

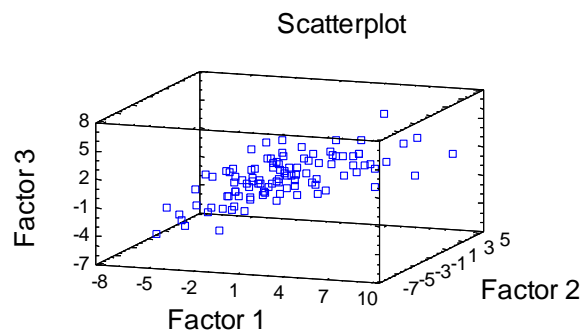

Рис. 6. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля (рис. 6) свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов. Значимых практически 4-е фактора .

Первый фактор нагружен шкалами: приятный с весом -0.64, горячий (0.66), любимый (0.77), свежий (0.54), умный (0.59), острый (0.51), тупой в отличие от женщин здесь оба признака равнозначны (0.70).

Второй фактор нагружен шкалами: злой с весом -0.59, сложный (0.57), напряженный (0.53), тяжелый (0.49), чистый (0.47).

Третий фактор нагружен шкалой радостный с весом 0.48.

Четвертый фактор нагружен шкалой свежий с весом 0.44.

Пространство образа мира у пенсионеров четырёхмерно. Пространство образа мира для них – это интегральная шкала представления мира пережитой любви (любимом, приятном, свежем, горячем, умном, толи остром, толи тупом), интегральная шкала представления мира тяжёлого пути, шкала представления мира непонятного и беспокоящего, несостоявшегося ожидания счастья, шкала представления мира сильного и хаотичного.

Видно, что восприятие образа мира у пенсионеров отличается по сравнению с молодежью: по изменению размерности семантического пространства (увеличения числа категорий сознания, n – мерностей), по изменению содержания категорий-факторов. По этому с некоторой степенью

приближенности можно утверждать, что произошла трансформация образа мира, а именно изменилось восприятие мира, как и изменился сам мир.

В группе подростков были получены в результате факторизации значимые три фактора (Рис.7).

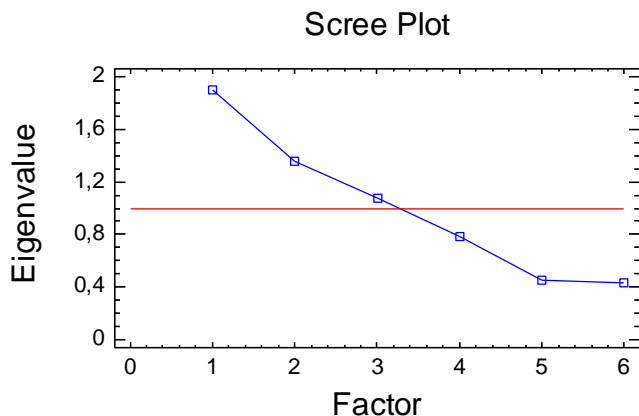

Рис. 7. Зависимость собственного числа от числа факторов

Первый фактор нагружен шкалами: светлый с весом 0.85, сложный (0.76), большой (0.61), быстрый (0.58), сильный (0.57), свежий (0.56).

Второй фактор нагружен шкалами: пассивный с весом 0.69, тяжелый (0.57), шершавый (0.54).

Третий фактор нагружен шкалой напряженный с весом 0.58, плохой (0.42).

В группе подростков выявлено большое количество срединных выборов, когда они считают, что в мире присутствует, например, и любовь и ненависть. Пространство образа мира подростков трехмерно. Это пространство представлено категориями большого, свежего, светлого и сложного мира, который быстро меняется. Мир требует много сил. Однако у подростков преобладают оценки мира как пассивного и тяжелого, который требует напряжения. Перед нами вырисовывается двуликий мир светлого и мрачного.

Выводы:

Полученные результаты по обеим методикам не только согласуются, но и дополняют друг друга. Методика «Картина мира» отражает периферические, ситуативные составляющие образа мира, а методика семантического дифференциала смысловые составляющие. Первые результаты – это интерпретации изображений, которые довольно субъективны. На картинах молодежи образы более подвижны, рациональны, имеют направленность индивидуализм, отражают деперсонализацию. Образы картин пенсионеров более статичны, коллективистической направленности, персонализированы. Они были объективированы словесными отчетами второй методики.

В методике «Картина мира» показатели образа мира были заданы автором на основе опыта и анализа работ по данному вопросу. Справедливость и полнота которых, может быть подвергнута сомнению. Методика СД существенно уменьшает подобные сомнения благодаря выявлению смысловых составляющих сегмента ментального пространства, занятого образом мира.

Сопоставив результаты группы подростков, молодежи и пенсионеров, было выделено некоторое «ядро» – мало изменяемое образа мира и его «периферийные» части, которые были отличны в представленных группах. По первому фактору содержание трансформации молодёжного образа мира и пенсионеров:

1) Ядро – отношение к миру – любимый не меняется; представления (оценки) о статических характеристиках мира трансформируются в сторону негатива, скепсиса, пассива. Любимый, дорогой мир превращается в уважаемый, менее привлекательный

2) Вне ядра (периферия) происходит:

а) трансформация отношения к миру (оценки) от приятный к среднему между плохой – хороший,

б) трансформация представлений о характеристиках статики мира (оценки) от горячий к среднему между радостный – печальный, слабый – сильный,

в) трансформация представлений о характеристиках динамики мира (оценки): от быстрый – в сторону статичности (у пенсионеров отсутствует).

Суть трансформации образа мира – любимый мир превращается в уважаемый, менее привлекательный.

Содержание трансформации молодёжного образа мира и пенсионеров по второму фактору:

1) Ядро – оценка мира, которая не меняется (Мир – сложный путь, требующий напряжений, борьбы, силы).

2) Вне ядра (периферия) происходит трансформация отношения к миру (оценки его статических характеристик) как чему-то тяжёлому, большому, шершавому, горячему, приятному.

Суть трансформации образа мира – у старшего поколения и подростков акцент в образе мира более выражен на тяжёлую борьбу. Если считать, что ядро образа мира относится к базовому, фундаментальному, а периферия больше связана с текущим, бытовым, то трансформация образа мира трактуется как изменения и в бытовых оценках мира как тяжёлому, большому, шершавому, горячему, приятному.

Содержание трансформации образа мира подростков и молодежи, молодёжного образа мира и пенсионеров по третьему фактору:

1) Ядро – отношение к миру (оценка) трансформируется от светлого к тёмному (в пределах одной шкалы). Ожидание счастья граничит с разочарованием.

2) Вне ядра (периферия) происходит трансформация отношения к миру (оценки его статических характеристик) как чему-то активному. Ожидаемому счастью активно препятствует тёмный мир. Суть трансформации – определённое разочарование в ожиданиях, как в ядре, так и в текущем. Кроме того, у пенсионеров появляется четвёртый доминирующий фактор – хаотичный–упорядоченный. Для пенсионеров образ мира – это представление о чём-то тёмном и хаотичном. **Суть трансформации** – у старшего поколения появляется представление о мире как о системе, в которой доминирует случай.

Следовательно, ядро образа мира – это пространство любви, борьбы и ожидания счастья (радости). Ядро менее подвержено трансформации.

Трансформация образа мира характеризуется следующим. У старшего поколения: любимый мир превращается в уважаемый, менее привлекательный, акцент в образе мира на тяжёлую, сложную борьбу выражен как на уровне ядра, так и на периферии, определённое разочарование в ожиданиях, появляется представление о мире как о системе, в которой доминирует случай. Трансформируются представления о мире на основе опыта и приобретённых знаний.

Очевидно, что наблюдаются различия в особенностях трансформации ядра и периферии образа мира. Ядро практически не претерпевает изменения, только по третьему фактору ядро изменяет параметр светлый мир на темный мир. Периферия изменяет кардинально свои параметры по направлениям силы, отношений и оценке образа мира. Традиционный образ мира под давлением инноваций в обществе изменяет параметры периферии, сохраняя целостность ядра, поддерживающего своеобразие субкультур.

Важно заметить, что изучение шкал, в которых проводились измерения (их было 25), показало, что для всех и молодых, и пенсионеров образ мира определяется в основном представлениями о мире, а не знаниями его. Это может свидетельствовать о доминирующем влиянии культурных правил и норм, консерватизме образа мира у человека. Различие образов мира поколений приводит к трансформациям, деформациям отношений между поколениями, что может представлять интерес для психологов, социальных работников.

Значения образа мира связан с ценностно-смысловыми элементами образа жизни коллективного субъекта.

5.4. Ценностно-смысловые основания образа жизни поколений

Образ жизни поколений опирается на систему ценностей и смыслов, принятых в определенном временном периоде их жизни.

Менталитет мы определяем как систему, представляющую обыденный слой коллективного сознания. Основу системы составляет согласованность доминирующих, нормативно закрепленных

элементов–кластеров значений, смыслов и ценностей образа мира, проявляющихся в жизненном мире поколений. Все элементы–кластеры носят, очевидно, динамический характер []. Причем, ведущий, управляющий и подчиненный кластеры постоянно меняются местами.

Ценности составляют элемент системы менталитета. Исходя из структурной позиции, следует, что социальные структуры подпитывают систему ценностей, которая всегда находится во взаимодействии с ними. Ценности связывают человека и социальную систему. Поэтому ряд ученых предполагают, что поскольку в России произошла смена формы собственности, сменилась вся социальная структура общества, то, по всей видимости, это разрушило исходные, традиционные ценности. Другие утверждают, что традиционные ценности и помогают человеку преодолеть социокультурный кризис и никакие новые ценности не родились. На лицо дилемма. В нашем исследовании с использованием методики культурно-ценностного дифференциала (Г.У. Солдатов, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова) было показано, что у студенческой молодежи Ростова-на-Дону представлен горизонтальный индивидуализм, характеризующийся: душевностью, разобщенностью, самостоятельностью, индивидуализмом, недоверием к власти, своеволием, свободолюбием, анархией. В группе пенсионеров был выявлен конструкт горизонтального коллективизма, представленный: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью и уважением власти []. Таким образом, было показано, что между культурно-ценностными ориентациями у молодежи и пенсионеров существует довольно существенная дистанция.

С изменениями ценностей в обществе связаны изменения значений и смыслов. Можно полагать, что трансформация ценностно-смысловых составляющих менталитета будет включать смену ценностей, значений и смыслов поколений и переструктурирование их иерархии. Для обоснования данного предположения было проведено эмпирическое исследование. При этом использовали метод поперечных и продольных срезов – группы испытуемых разного возраста исследуются одновременно.

Для определения ценностно-смысловых составляющих системы менталитета поколений была применена методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; методику определения жизненных смыслов В.Ю. Котлякова [5].

Объектом эмпирического исследования выступили четыре группы поколений: подростки (1990–95 гг. рождения) 150 чел., молодежь (1980–85 гг.р.) 92 чел., люди зрелого возраста (1960–65гг.р.) 74 чел. и пенсионеры (1940–1945 гг.р.) мужчины – 62 человека, – 72 женщины. Также были использованы данные исследований 70–80-х гг. социологов, психологов, в которых объектами выступали подростки, молодежь пенсионеры. Хотя, это и не были представители Юга России, но приведенные данные показывают, что отраженные тенденции были характерны для всей России. Опираясь на типологию поколений Г.Л. Смирнова, проведены сравнения 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 поколений

[] Четвертое поколение – это субъекты, родившиеся в 30 гг., пятое поколение – субъекты, родившиеся в 40 гг. и т.д.

По методике измерения ценностных ориентаций получены результаты, представленные в табл. 1, 2 в виде средних и средних квадратических отклонений (M, σ).

Характеристики терминальных ценностей (ценностей-целей) поколений

Терминальные ценности		Ранги ценностей															
		Подростки				Молодежь				Люди, зрелого возраста				Пенсионеры			
		Муж		Жен		Муж		Жен		Муж		Жен		Муж		Жен	
		М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
1	Активная, деятельная жизнь	16	0,45	9	0,48	15	0,45	10	0,39	7	0,43	2	0,46	12	0,36	11	0,46
2	Здоровье	4	0,43	11	0,37	16	0,38	14	0,36	2	0,48	4	0,49	1	0,48	1	0,43
3	Красота природы и искусство	2	0,49	2	0,49	2	0,47	3	0,42	17	0,35	16	0,32	15	0,47	12	0,32
4	Материально-обеспеченная жизнь	14	0,35	8	0,47	5	0,48	9	0,46	5	0,41	5	0,48	5	0,49	4	0,45
5	Спокойствие в стране, мир	1	0,48	1	0,49	17	0,36	18	0,36	1	0,49	3	0,4	2	0,49	2	0,47
6	Познание, интеллектуальное развитие	7	0,34	3	0,45	6	0,48	4	0,47	10	0,36	17	0,37	14	0,49	9	0,48
7	Независимость суждений и оценок	13	0,32	6	0,46	4	0,46	2	0,47	13	0,48	18	0,37	16	0,39	18	0,43
8	Счастливая семейная жизнь	15	0,37	5	0,44	1	0,49	7	0,45	3	0,47	1	0,49	3	0,46	3	0,48
9	Уверенность в себе	5	0,46	10	0,38	13	0,48	11	0,35	8	0,42	13	0,36	8	0,46	7	0,47
10	Жизненная мудрость	8	0,48	13	0,47	7	0,43	12	0,32	11	0,34	12	0,41	9	0,45	10	0,48
11	Интересная работа	9	0,49	7	0,42	10	0,36	6	0,47	6	0,49	14	0,38	7	0,45	6	0,48
12	Любовь	17	0,38	14	0,46	8	0,47	5	0,47	4	0,45	10	0,47	6	0,43	5	0,49
13	Наличие верных и хороших друзей	6	0,49	18	0,43	9	0,38	16	0,36	9	0,48	11	0,37	4	0,47	8	0,47
14	Общественное признание	11	0,42	15	0,37	11	0,49	8	0,42	14	0,38	9	0,45	10	0,40	14	0,46
15	Равенство (в возможностях)	3	0,46	12	0,36	3	0,48	13	0,36	15	0,41	15	0,36	17	0,43	16	0,34
16	Свобода поступков и действий	12	0,46	17	0,38	12	0,32	17	0,39	12	0,35	6	0,48	13	0,36	13	0,40
17	Творческая деятельность	10	0,37	16	0,41	18	0,49	15	0,41	16	0,35	7	0,47	11	0,32	15	0,39
18	Получение удовольствий	18	0,34	4	0,49	14	0,47	1	0,43	18	0,33	8	0,47	18	0,32	17	0,38

Распределение рангов ценностей-целей в таблице показывает, что в группе пенсионеров и подростков на первом месте стоит ценность спокойствия в стране и в мире. Что связано с обеспокоенностью общей безопасности в стране и в мире. Это может быть объяснимо тем, что напряжение внутренней политики страны довольно проблематично, особенно в сфере социальной защищенности граждан. Исключение составляет группа молодежи, мужчины и женщины, поскольку эта ценность стоит на последнем месте. Возможно, что в этом выражается равнодушие молодежи к проблемам политики в стране. Ценность красоты природы и искусства преобладает у подростков и молодежи, но мало представлена у респондентов зрелого и пожилого возраста. Это может свидетельствовать о том, что увеличивающиеся ритмы жизни не мешают подросткам уделять больше внимания эстетике жизни. Ценность материально-обеспеченной жизни преобладает у молодых мужчин, людей зрелого возраста и пенсионеров, кроме подростков. Это мы связываем с тем, что в нашей стране подростков до сих пор родители мало привлекают к процессу самостоятельного зарабатывания денег, чем в западных странах. Подростки девочки и молодые девушки большое внимание уделяют ценности познания, что значимо в этом возрасте. Хотя это несколько рассогласуется с показателями снижения общей образованности в школьных учреждениях и в вузах. Мальчики подростки в ведущие ценности определили ценность равенства в возможностях, видимо сегодня в связи с тенденцией социального расслоения в обществе, так важно для подростков иметь равные возможности в жизненных выборах. Ценность друзей вытеснена у подростков девочек и молодых людей, значимо для пенсионеров и подростков мальчиков. У подростков мальчиков и пенсионеров на первом месте ценность здоровья, что вполне объяснимо проблемами физического формирования у подростков и старения у пенсионеров. Значимо, что здоровью уделяют внимание и люди зрелого возраста. Девочки подростки считают, что значима ценность независимость суждений и оценок. Это может быть объяснено возрастной тенденцией к независимости. Девочки считают своей ценностью-целью найти интересную работу, а также получать от жизни удовольствия. Ценность счастливой семейной жизни у пенсионеров, девочек-подростков и молодежи. Однако, многими отмечается в среде молодежи [8, 20], что ценность семьи из терминальной превращается в инструментальную ценность. Также значима ценность любви у молодых девушек. Молодые люди нацелены на счастливую семейную жизнь, на равенство в возможностях, красоту и материальное благополучие, а также на приобретение жизненной мудрости. Значимость отношений у молодых людей переходит в ценность интересной работы у девушек. Вытеснена ценность получения удовольствия у молодых людей. Однако мальчики подростки и девушки студентки высоко оценили данную ценность. Ценность творческой деятельности значима для молодых людей и зрелых женщин. Это может свидетельствовать о том, что творчество на сегодня мало востребовано в обществе. Ценность свободы действий и поступков, свободы является приоритетной только в группе зрелых женщин, что может свидетельствовать о проявлении традиционного менталитета. Как видим,

именно у пенсионеров эти тенденции наиболее сильны, поскольку даже ценность независимых суждений у пенсионеров вытеснены.

Для того, чтобы оценить трансформацию менталитета описанные результаты были сопоставлены с изучением ценностных ориентаций подростков, молодежи и пенсионеров 70-80 гг. М.Х. Титма изучал в 1973 году жизненные ориентиры старших подростков более 1000 человек. Высокие значения получили ориентиры на общественную деятельность (факторный вес 0.55), на получение профессии (0.45), на увлечения (0.35), на спортивные занятия (0.30), на общение в малых группах (0.28), на любовь (0.26), на потребление культуры (0.26) [17, с.59]. Как видим, ориентиры на общественную деятельность уже в 2005 году не отмечается, однако получает определенный вес приобретение статуса в обществе. Оценка значимости различий между двумя выборками проведена по непараметрическому U- критерию Вилконсона–Манна–Уитни. На уровне значимости $\alpha=0.05$ была принята статистическая гипотеза о различии двух выборок ценностей подростков 80-х г. XX в. и начала XXI в.

А.Г. Здравомыслов, В.П. Рожин, В.А. Ядов [19] изучили ценностные ориентации молодежи 80-х гг.. В [19, с. 39] выделены ценностные ориентации: на семью (частота 41.6), на образование (23.3), на общественную работу (12.3), на работу на производстве (7.7), на приработок (6.0), остальные ориентиры (36.3). Видно, что приведенные ориентации совпадает с нашим исследованием только по ценности семья.

В.Д. Шапиро исследовал ценностные ориентации пенсионеров 1977 года [19, с. 39]. Пенсионеры ориентированы на работу на производстве (частота 38.8), на семью (22.3), на полезную общественную деятельность (14.6), забота о здоровье (12), на пассивный отдых (14.4), на материальное обеспечение (9.5), на полноценную активную жизнь (8.2), на общение (6.3), остальные ориентиры (9.7). Как видим, пенсионеры 2005 года на первое место поставили ценности здоровья, семьи и лишь на 6 место работу. На уровне значимости $\alpha=0.05$ по U-критерию была принята статистическая гипотеза о различии двух выборок ценностей-целей пенсионеров 80-х г. XX в. и начала XXI в. Однако, из исследования А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова и В.Д. Шапиро следует, что между пенсионерами и молодежью 80-х гг. XX века наблюдается преобладание по следующим ценностям-цели: семья, общественная работа. В группах пенсионеров и молодежи начала XXI века преобладание есть только по ценности-цели семьи. При этом несколько изменяется содержание ценности семьи.

С 1968 по 1982 гг. Н.Ф. Наумова провела исследования граждан СССР и выделила в «ядре» приоритетные ценности, используемые чаще других: доброжелательное отношение, независимость, творчество, надежное будущее, хороший заработок. Около ядра располагается периферия, составляющая резерв ценностей, к которым индивид обращается реже, чем к первым: уважение людей, польза обществу, долг перед ним, не слишком тяжелый труд, профессиональное

совершенствование. Задворки ценностного пространства представляли реже всего используемые ценности: организаторские способности, чистая, спокойная, самостоятельная работа, не требующая большого умственного напряжения []. Был сделан вывод, что эти ценности характеризуют стабильное советское общество 70-х и начала 80-х годов. Н.И. Лапин утверждает, что "движение общественных процессов тогда имело по преимуществу характер циркулирования, воспроизводства существующих структур" [].

Рассмотренные ценности-цели взаимосвязаны с ценностями-средствами. Ценности-средства информируют о том, какими путями достигаются перечисленные терминальные ценности. Результаты измерения ценностей-средств у поколений представлены в табл. 2.

Характеристики инструментальных ценностей (ценности-средства) поколений

Инструментальные ценности		Ранги ценностей															
		Подростки				Молодежь				Люди, зрелого возраста				Пенсионеры			
		Муж		Жен		Муж		Жен		Муж		Жен		Муж		Жен	
		М	σ	М	σ	М	σ	м	σ	М	σ	м	σ	м	σ	М	σ
1	Аккуратность	4	0,48	7	0,49	1	0,49	6	0,49	13	0,38	6	0,47	13	0,46	14	0,36
2	Жизнерадостность	14	0,49	1	0,48	2	0,48	1	0,47	12	0,39	7	0,48	17	0,47	8	0,48
3	Непримиримость к своим и чужим недостаткам	18	0,37	13	0,49	15	0,36	13	0,38	18	0,39	18	0,39	15	0,47	16	0,33
4	Ответственность	2	0,49	6	0,46	4	0,48	7	0,48	1	0,48	5	0,48	5	0,49	4	0,49
5	Самоконтроль	1	0,48	12	0,39	14	0,35	12	0,37	2	0,47	17	0,37	11	0,39	11	0,43
6	Смелость в отстаивании своего мнения	17	0,39	2	0,47	16	0,35	2	0,48	15	0,38	16	0,36	8	0,39	15	0,47
7	Терпимость к мнениям других	6	0,46	18	0,39	17	0,38	18	0,38	17	0,39	8	0,39	16	0,45	9	0,42
8	Честность	10	0,47	3	0,47	3	0,46	3	0,49	3	0,49	9	0,48	1	0,49	1	0,48
9	Воспитанность	7	0,46	15	0,45	7	0,47	15	0,38	10	0,41	4	0,49	10	0,36	10	0,38
10	Исполнительность	5	0,48	14	0,36	6	0,49	14	0,38	13	0,37	15	0,37	6	0,46	5	0,49
11	Рационализм (умение принимать обдуманные решения)	3	0,48	9	0,49	9	0,46	9	0,49	5	0,49	10	0,45	12	0,46	18	0,48
12	Трудолюбие	8	0,49	5	0,43	5	0,46	5	0,49	7	0,49	3	0,41	3	0,47	2	0,48
13	Высокие запросы	16	0,36	4	0,49	8	0,49	4	0,48	11	0,48	13	0,42	18	0,37	17	0,38
14	Независимость	11	0,38	10	0,47	12	0,42	11	0,47	6	0,49	2	0,49	14	0,36	13	0,39
15	Образованность	13	0,39	16	0,38	11	0,39	16	0,39	9	0,47	1	0,48	9	0,47	7	0,48
16	Твердая воля	9	0,49	8	0,46	10	0,38	8	0,48	4	0,43	12	0,35	2	0,46	12	0,48
17	Широта взглядов	12	0,48	11	0,37	18	0,34	10	0,48	15	0,31	14	0,37	7	0,46	6	0,45
18	Чуткость	15	0,35	17	0,39	13	0,37	17	0,45	8	0,48	11	0,42	4	0,49	3	0,48

Ценности-средства в группе подростков мальчиков следующие: самоконтроль, ответственность, рациональность и аккуратность. В группе девочек – жизнерадостность, смелость, честность и высокие запросы. Ценности-средства самоконтроль, ответственность, смелость, честность и аккуратность являются традиционными и были свойственны подросткам 70-80-х гг. Наряду с ними у современных подростков формируются инновационные ценности-средства – рациональности и высоких запросов. Они являются типичными для индивидуалистических культур, что весьма соответствует современной ситуации в обществе. Рациональность и независимость выявлены в группе зрелых людей. Это свидетельствует об их ориентации на индивидуализм. В группе зрелых мужчин были выявлены такие ценности-средства как самостоятельность, честность, твердая воля. В группе зрелых женщин – образованность, трудолюбие, воспитанность и ответственность. В группе пенсионеров выявлены типично традиционные ценности-средства: честность, трудолюбие, твердая воля (у мужчин) и чуткость, ответственность, исполнительность (у женщин).

Ценности-средства по М. Рокичу менее постоянны, чем ценности-цели. И наше исследование, действительно, показало, что в группе молодежи начала XXI века они отличаются от ценностей-средств, принятых в 1999 году [21]. Тогда на первых местах стояли следующие ценности: трудолюбие, честность, ответственность, образованность. Если у молодого поколения явно выражены установки на управление собой (ответственность, самоконтроль, исполнительность, рационализм), то у пенсионеров – упор на моральные ценности: честность, трудолюбие, чуткость к людям, ответственность. Что вполне характеризует ориентацию пенсионеров на коллективизм, а у молодежи на индивидуализм. Эту ориентацию на коллективизм подтверждают исследования ценностей, присущих молодежи 70–80 годов. Для молодежи были характерны следующие ценности-средства – любовь к Родине, знания, труд, жизненная активность, стремление к новому, миролюбие, отсутствие национальной неприязни [4, с. 64]. Оценка по U-критерию показала, что на уровне значимости $\alpha=0.05$ верна статистическая гипотеза о различии двух выборок ценностей-средств молодежи 70–80-х г. XX в. и начала XXI в. Из табл. 2 видно, что последние позиции занимают высокие запросы и терпимость к мнению других. Видимо, это характерно для современных отношений в обществе. Свидетельство тому ориентация на рационализм во всех группах и низкие показатели по ценности чуткости, что косвенно может свидетельствовать об интолерантных установках в общении в исследуемых группах.

Таким образом, иерархии ценностей-целей и ценностей-средств претерпела некоторые изменения особенно в группе молодежи и подростков. Более значимо изменились ценности-средства в группе молодежи и подростков.

Ценности поколений связаны с жизненными смыслами. К.А. Абульханова [14], А.В. Брушлинский [14], Б.С. Братусь [3], М.С. Яницкий [21] и др. исследователи считают ценностями те

смыслы, по отношению к которым, человек определился. Исследование жизненных смыслов как элементов менталитета проведена посредством методики В.Ю. Котлякова [5], которая была получена на основе методики предельных смыслов Д.А. Леонтьева. В методике содержатся 8 категорий жизненных смыслов, представленных различными высказываниями, с которыми опрашиваемый должен согласиться или не согласиться: альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, самореализации, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные. Выбор испытуемым высказываний различных категорий смыслов демонстрирует его ориентиры в жизни.

Результаты изучения жизненных смыслов в тех же группах, что и для ценностей, по методике [5] приведены в табл.3.

Таблица 3

Ранги категорий жизненных смыслов по трем группам респондентов

№	Категории жизненных смыслов	Группа подростков				Группа молодежи				Группа пенсионеров			
		Ж		М		Ж		М		Ж		М	
		М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	м	σ	М	σ
1	Альтруистически	3	0,49	1*	0,45	6	0,36	4	0,38	4	0,45	3	0,41
2	Экзистенциальны	7	0,47	4	0,47	4,5	0,38	2	0,45	1,5	0,47	2*	0,47
3	Гедонистические	8	0,48	8	0,48	1,5*	0,47	4	0,49	8	0,39	8	0,39
4	Самореализации	4,5	0,49	7	0,37	1,5*	0,48	6,5	0,46	6,5	0,38	7	0,38
5	Статусные	6	0,48	4	0,39	7	0,47	6,5	0,47	5	0,42	5	0,35
6	Коммуникативны	2	0,49	4	0,46	8	0,39	4	0,38	3	0,42	4	0,49
7	Семейные	1*	0,49	2	0,48	3	0,41	8	0,47	1,5	0,57	1*	0,46
8	Когнитивные	4,5	0,48	6	0,47	4,5	0,47	1	0,45	6,5	0,45	6	0,43

Обнаружены значимые различия по смыслам альтруизма в группе подростков, гедонизма и самореализации - в группе молодежи, когнитивные и экзистенциальные, семейные – в группе пенсионеров ($\alpha < 0,05$).

Семейные, альтруистические и коммуникативные смыслы, представленные в табл. 3, являются ведущими в группе подростков. Смыслы удовольствия, экзистенциальные смыслы, когнитивные и самореализации являются ведущими в группе молодежи. В группе пенсионеров ведущими смыслами являются: семейные и экзистенциальные. Альтруистические смыслы имеют приоритеты в группе подростков, но в группе молодежи вытеснены. Группа подростков имеет определенную внутреннюю готовность помогать другим людям, делать добро и улучшать мир. Это означает, что подростки более жертвенны, чем молодежь. Однако последние исследования [12] показывают интолерантность в отношениях подростков. Следовательно, наблюдается рассогласование во внутренней готовности к помощи другим с реальным безразличием к ним. Гедонистические смыслы вытеснены в группе подростков и пенсионеров, а в приоритете у молодежи. Следовательно, молодежь нацелена на получение удовольствия, у них большое желание испытывать счастье, получать как можно больше ощущений и переживаний. Также смыслы самореализации вытеснены у подростков и пенсионеров, а у молодежи в приоритете. Молодежь,

таким образом, нацелена на совершенствование, осуществление себя, чтобы реализовать все свои возможности. Коммуникативные смыслы вытеснены у молодежи, но занимают срединное положение у подростков и пенсионеров. Подростки и пенсионеры имеют потребность быть с близкими людьми, чувствовать, что кому-то нужны, радоваться общению с другими. В группе пенсионеров приоритетное положение занимают семейные смыслы. Следовательно, пенсионеры в большей степени нацелены на то, чтобы жить ради семьи, передать все лучшее детям, помогать своим родным и близким. Удивительным образом, как у подростков, так и у студенческой молодежи и пенсионеров вытеснены когнитивные смыслы. То есть, они не готовы к познанию себя, своей жизни и Бога. Настоящее время для указанных групп не связано с познанием, а в большей мере с созиданием. В предыдущем исследовании ценностей-целей обнаружена высокая тенденция к познавательному самоопределению подростков и молодых девушек. Отсутствие когнитивных смыслов в актуальном поле указанных групп свидетельствует о том, что когнитивные жизненные смыслы не связаны с их самоопределением. Познавательное самоопределение связано со связями и способностями устанавливать отношения. На лицо рассогласование когнитивных смыслов и целей у представителей молодежи и подростков. Экзистенциальные смыслы наиболее актуальны для группы пенсионеров. Пенсионеры стремятся к свободе, к жизни и к любви. Статусные смыслы вытесняются молодежью и принимаются, занимая средние значения, в группе девочек подростков и пенсионеров.

Из табл. 3 следует высокая преэмптенность в смыслах подростков и пенсионеров начала XXI века по семейным, альтруистическим и коммуникативным жизненным смыслам. Также существует преэмптенность в экзистенциальных смыслах молодежи и пенсионеров начала XXI века и расхождение в других.

Полученные данные по смысловым составляющим менталитета подростков, пенсионеров и молодежи можно сравнить с результатами исследования 80-го г. Г.В. Папаян [9]. Автор сравнил людей разных поколений (всего 476 человек) по идеалам мировоззрения. Были получены следующие данные [9, с.117], представленные в табл.4.

Таблица 4

Сравнение идеалов мировоззрения у различных поколений

Годы рождения	Идеалы мировоззрения %		
	Труд	Карьера	Счастье
1950-55	48	26	32
1940-49	45	18	36
1930-39	47	18	35
До 1929 г.	52	16	44

Как видно из табл. 4, молодежь и пенсионеры 1980 года основным идеалом, в какой-то мере смыслом, полагают труд, затем личное счастье и потом карьера. Причем разрыв между карьерой и личным счастьем выше у пенсионеров 80-х гг. В табл. 3 показано, что жизненные смыслы семьи, альтруизма и коммуникации являются ведущими в группе подростков начала XXI века. В сравнении с подростками 80-х гг. отсутствуют когнитивные смыслы. Экзистенциальные смыслы, когнитивные,

удовольствия и самореализации являются ведущими в группе молодежи. В группе пенсионеров ведущими смыслами являются: семейные и экзистенциальные. Следовательно, в группе пенсионеров в сравнении с пенсионерами 80-х гг. выделены схожие смысловые основания.

Трансформация менталитета как системы может происходить как в значимости кластеров, в составе их элементов, так и в связях между кластерами и элементами в кластерах. Для изучения изменений в связях между ценностями, смыслами и значениями был проведен корреляционный анализ. Результаты представлены в приложении 3, табл. 1,2,3,4.

При этом в группе подростков обнаружена значимая корреляционная связь между ценностью красоты природы и искусства и альтруистическими смыслами (0.72) и когнитивными смыслами (-0.61). Очевидно, что красота природы и искусства представляет некоторое духовное начало в группе подростков и не связана с познанием мира. Обнаружена обратная зависимость между ценностью материального благополучия и экзистенциальными смыслами (-0,68). Видимо, если подростки стремятся к материальному благополучию, то это не связано с экзистенциальным познанием мира. Однако корреляционная зависимость между материальными ценностями и гедонистическими смыслами достаточно тесная (0.52). Следовательно, стремление к материальному благополучию у подростков связано с получением максимального удовольствия от жизни. Исследования прошлых десятилетий показывают, что гедонизм у подростков был в большей степени связан с эстетическими ценностями, чем с материальными. Материальное благополучие как ценность оказалась связана еще и со смыслом самореализации (0.42). То есть, современный подросток свою самореализацию видит в связи с материальными достижениями. Что вполне соответствует современным меркам материального образа мира. Обнаружена тесная зависимость между смыслами статуса и спокойствием в стране и в мире (0.77). Это свидетельствует о том, что подростки считают, что чем выше статус достигнешь в обществе, тем благополучнее будешь жить. Также смыслы семьи тесно коррелируют с ценностями безопасности (0.84). Понятно, что благополучие семьи связано со спокойствием в стране и в мире.

В группе молодежи альтруистические смыслы значимо коррелируют с ценностями интересной работы (0.73), равенства возможностей (0.40), верных друзей (0.70) и отрицательно коррелируют с ценностью получения удовольствия (0.68). Можно полагать, что альтруизм не приносит удовольствия молодежи. Альтруизм связан с выбором интересной работы, то есть студенты готовы жертвовать многим ради интересной работы, хороших друзей и равенства выборов. Когнитивные смыслы тесно коррелируют с ценностями красоты природы и искусства (0.43) и любви (0.35). Следовательно, молодежь готова познавать природу, искусство и объект любви. Коммуникативные смыслы значимо связаны с материальными ценностями (0.49), ценностями семьи (0.59), жизненной мудростью (0.79), верных друзей (0.76) и равенства возможностей (0.80). Молодежь связывает коммуникацию между людьми с деловыми отношениями, направленными на

достижение материального благополучия. Ценности семьи связаны со смыслами позитивной коммуникации с верными друзьями. Семейные смыслы отрицательно связаны с ценностями материального благополучия (-0.47), жизненной мудростью (-0.67), верными друзьями (-0.44). Возможно, молодые люди не связывают смыслы семьи с материальным благополучием, а также с верными друзьями и жизненной мудростью. Поскольку ценность семьи не связана со смыслом семьи. Это может свидетельствовать о том, что общественные смыслы семьи молодежи не связаны с их личными смыслами семьи. Ценности общественного признания тесно коррелируют (0.55) со статусными смыслами. Это скорее традиционные связи, свойственные традиционным культурам. Смысл самореализации не связан с ценностями материального благополучия, спокойствия в стране, жизненной мудростью. Очевидно, самореализация лежит в какой-то иной ментальной плоскости.

В группе пенсионеров ценности здоровья, жизненной мудрости, интересной работы значимо связаны с экзистенциальными смыслами жизни (0,73). Это вполне объясняется возрастными особенностями пенсионеров. Им необходимо связывать значимые смыслы своей жизни с общественно принятыми критериями мудрости и предлагаемой работой. Смыслы самореализации значимо коррелируют с ценностями здоровья (0.34). Современному пенсионеру важно сохранить здоровье, чтобы остаться ценным для общества. Ценность активной деятельной жизни значимо коррелирует с ценностью интересной работы (0.33) и гедонистическими смыслами (0.96). Интересная работа может приносить пенсионеру удовольствие и дает ощущение активности в жизни. Ценность материально обеспеченной жизни также связана со смыслами удовольствия (0.96) и статусными смыслами (0.77). По мнению пенсионеров материальное обеспечение способствует статусному продвижению в обществе и дает ощущение удовольствия. При этом статусные смыслы отрицательно коррелируют с ценностью независимости суждений и оценок. Таким образом, по мнению пенсионеров, когда человек конформен, то у него больше возможностей занять определенный статус. Ценность счастливой семейной жизни отрицательно коррелирует с альтруистическими смыслами (-0.71). Следовательно, семейное счастье, по мнению пенсионеров, не заключено в альтруизме, а скорее во взаимопомощи. Ценность уверенности в себе у пенсионеров не связывается со статусными смыслами. Об этом свидетельствует отрицательная корреляция между ними (-0.54). Ценность жизненной мудрости связана с экзистенциальными смыслами (0.42) и с когнитивными смыслами (0.68). Это очень характерно для людей пожилого возраста. Ценность любви у пенсионеров связана с самореализацией и с когнитивными смыслами, то есть осмыслена. Ценность хороших и верных друзей, ценность свободы поступков и действий связаны с коммуникативными смыслами (0.47).

Выводы:

1. Трансформация менталитета заключается в изменении иерархии в системе его кластеров, и связей между их элементами. Обнаруженное рассогласование между ценностно-смысловыми

кластерами менталитета поколений, свидетельствует о его трансформации. Основное содержание трансформации менталитета заключается в том, что традиционные смыслы и ценности переходят в разряд инновационных.

2. Ценности-цели и -средства пенсионеров находятся в их традиционном ментальном пространстве. Это ценности-цели здоровья, спокойствия в стране и семьи. Сравнив с ценностями пенсионеров 70–80-х годов XX века, указано на отличие в том, что у пенсионеров преобладали ценности – работы, семьи, полезной общественной деятельности, здоровья. Ценности-средства современных пенсионеров – честность, трудолюбие и твердая воля и чуткость совпадают с ценностями-средствами молодежи 70-80 гг. XX века. Ценности подростков и молодежи находятся в инновационном ментальном поле. Ценности-цели у подростков спокойствие в стране и в мире, красота природы и искусства, познание интеллектуальное развитие и равенство возможностей. Ценности-средства у подростков – самоконтроль, ответственность, смелость, рационализм, честность. Ценности-цели у молодежи – ценности семьи, удовольствий, независимость суждений и оценок и равенство возможностях. Для молодежи 70–80-х годов приоритетными являлись ценности: семьи, образования, общественной работы. Ценности-средства у современной молодежи – аккуратность, жизнерадостность, смелость, честность. Качества, выделяемые у молодежи 70–80 годов: любовь к Родине, воля, мужество, правдивость, чуткость. Этим инструментальным ценностям остались верны современные пенсионеры.

Таким образом, у подростков сохранена ценность семьи и безопасности как в группе пенсионеров. Однако приобретена новая ценность-цель равенство в возможностях. Видимо в стране подростки и молодежь социально расслоены в своих возможностях, особенно материальных. В ценностях-средствах сохранена только честность, все остальные средства обновлены. Не представлена ценность интересной работы. Видимо акцент «интересная работа» сдвинулся в направлении ценности работы, приносящей материальное благополучие. Поэтому ее так мало респондентов поставило на ведущие места.

Результаты сравнивались с исследованиями, проводимыми в 70–80-х гг. За 40 лет у поколений изменилась иерархия ценностей и в группе молодежи ценность образования заменены ценностью удовольствия, в группе пенсионеров ценность работы заменилась ценностью здоровья.

3. Смысловое поле поколений показало основные расхождения в следующих смыслах: в группе молодежи представлены когнитивные, семейные, самореализации и экзистенциальные смыслы. В группе подростков ведущими выступили семейные, коммуникативные и альтруистические смыслы. В группе пенсионеров – экзистенциальные, семейные и коммуникативные. То есть, основные расхождения в названных группах были в когнитивных, коммуникативных, самореализации и альтруистических смыслах. Таким образом, наблюдается некоторая преемственность в смыслах у поколений, но и расхождения.

5. Анализ корреляционных связей между ценностями–цели и жизненными смыслами позволили более дифференцированно подойти к вопросам их содержания. Было установлено, что корреляционные связи между ценностями семьи и семейными смыслами, между коммуникативными смыслами и ценностью наличия верных друзей, между когнитивными смыслами и ценностями познания не значимы. То есть пространство систем ценностей и смыслов в менталитете не имеет значимых связей. Показано в исследовании на группах различных поколений, что каждый коллективный субъект будет выстраивать специфичную систему связей.

5.5. Особенности взаимосвязи значений образа мира и ценностно-смысловых составляющих менталитета поколений

Процесс трансформации менталитета происходит, прежде всего, в его внутренней организации. Мы предположили, что содержание трансформации заключено в рассогласовании/согласовании элементов его структуры – значений, смыслов и ценностей. С целью подтверждения данной гипотезы, провели корреляционный и кластерный анализ на данных, полученных на втором этапе исследования.

В приложении 3, Табл. 5, 6, 7 приведены данные результата поиска взаимосвязи значений образа мира и ценностей поколений, а в табл. 8, 9, 10 результаты взаимосвязи жизненных смыслов и значений образа мира поколений.

В группе **подростков** ценность красоты природы и искусства связана с такими категориями образа мира как светлый (0.62), свежий (0.31) и упорядоченный или хаотичный (0.57). С этими категориями взаимосвязаны альтруистические (0.32), гедонистические смыслы (0.54), а также смысл самореализации (0.47). Это есть одно из ментальных пространств, в совмещенной системе менталитета, в котором особым образом совместились значения, смыслы и ценности. Следующее ментальное пространство включает совмещение ценности счастливой семейной жизни, категорий большой (0.48), хаотичный (0.62) и коммуникативные смыслы (0.43). Совмещение вокруг ценности спокойствия в стране и мире взаимосвязано с категориями тяжелый (0.33), напряженный (0.30), быстрый (0.62) и хаотичный (0.30), а также с альтруистическими (0.35), коммуникативными смыслами (0.32) и смыслами самореализации (0.47). Ценности здоровья и равенства возможностей совмещаются, взаимосвязаны с категориями шершавый (0.39 и 0.25), сложный и свежий, сочетаясь со смыслами статусными (0.65), семейными (0.35). Ценность материально-обеспеченной жизни отрицательно коррелирует с экзистенциальным смыслом (-0.68), коррелирует с самореализацией (0.42) и гедонизмом (0.52), которые в свою очередь связаны со значениями тяжелый (0.52), плохой (0.41) и сложный (0.60). Мы выявили области совмещения ментальных пространств менталитета подростков, представленные в приложении 4.

В группе **молодежи** ценности счастливой семейной жизни взаимосвязаны с категориями злой или добрый (0.21), умный (0.25) и сильный (0.33), а они в свою очередь взаимосвязаны с экзистенциальными смыслами (0.63), когнитивными (0.72). Ценности независимость суждений и оценок, познания и интеллектуального развития хотя и получили высокие ранги в выборах респондентов, но не обнаружили корреляций с категориями образа мира. Зато наличие верных друзей имело не самые высокие ранги, но взаимосвязано с категориями большой (0.31), активный (0.70), сильный (0.57), взаимосвязанные с гедонистическими (0.62), статусными смыслами (-0.35) и смыслами самореализации (0.33). Ценность любви обнаружила взаимосвязь с категориями большой (0.77), активный (0.36), горячий (0.52) и приятный (0.37), родной (0.90), которые взаимосвязаны с гедонистическими (0.62), статусными (-0.35) и семейными смыслами (0.63).

В группе **пенсионеров** ценности здоровья взаимосвязаны с категориями любимый (0.38), злой (0.48), сложный (0.27), напряженный (0.33), которые взаимосвязаны с экзистенциальными (0.64), статусными (0.38), коммуникативными (0.37) и семейными смыслами (0.56). Ценность материально-обеспеченной жизни связана с категориями острый или тупой (0.39), сложный (0.65), тяжелый (0.47), приятный (0.30), которые взаимосвязаны со статусными (0.45), экзистенциальными (0.64), семейными смыслами (0.56) и смыслами самореализации (0.52). Ценность счастливой семейной жизни взаимосвязана с категориями любимый (0.37), радостный (0.40) и приятный (0.27), который связан с экзистенциальными (0.53), семейными смыслами (0.68), альтруистическими (-0.71).

Представленные ментальные пространства совмещения значений, смыслов и ценностей поколенческих групп свидетельствуют о своеобразии рассогласования/согласования элементов системы менталитета. Как видно, происходят рассогласования/согласования на уровне значений и смыслов, смыслов и ценностей, ценностей и значений.

Провели кластеризацию ценностей, смыслов и значений в исследуемых группах. Результаты представлены в приложении 5.

В группе пенсионеров 1 кластер объединяет экзистенциальный, коммуникативный и семейный подкластеры. 1 подкластер объединяет ценность здоровья, экзистенциальные смыслы, семейные смыслы и значения любимый, сложный. 2 подкластер объединяет ценность спокойствия в стране и в мире, коммуникативные, альтруистические смыслы и значения напряженный, тяжелый. 3 подкластер объединил ценность семьи и значения радостный.

В группе подростков 1 кластер объединяет подкластеры миролюбивый, эстетически-познавательный, коммуникативно-семейный.

1 подкластер ценность спокойствия в стране и мире, альтруистические смыслы и значения светлый, сложный. 2 подкластер объединяет ценность красоты природы и искусства, значение хаотичный. 3 подкластер объединяет ценность познания и значение шершавый. 4 подкластер

объединяет ценность равенства возможностей и коммуникативные смыслы. 5 подкластер объединяет семейные смыслы и значения сильный.

В группе молодежи 1 кластер семейно-коммуникативный, объединяет ценности семьи, коммуникативный, экзистенциальные смыслы и значения умный, сильный. 2 кластер эстетико-гедонистический, объединяет ценность красоты природы и искусства, гедонистические смыслы, значения свежий, чистый. 3 кластер самореализации объединяет, ценность независимость суждений и оценок, смыслы самореализации, значения активный, большой.

Наблюдается рассогласование между ценностно-смысловыми составляющими поколений, что может свидетельствовать о трансформации менталитета поколений. Как показало исследование, трансформация системы менталитета заключается в изменении весов ее составляющих и связей между ними.

5.6. Соотношение традиционного, переходного, инновационного и постинновационного менталитетов поколений

Обобщенный анализ различных подходов к исследованию менталитета социальных групп позволяет определить некоторые характеристики, которые могли бы выступить параметрами эмпирического исследования. Такие характеристики, по всей видимости, касаются сфер восприятия, мышления и поведения. И здесь можно выделить такие из них как: архетипы, стили мышления, стереотипы поведения, заключенные в образе жизни, образ мира, особенности коммуникации, концепция Я.

На этом основании мы разработали опросник с незаконченными предложениями, состоящий из 30 предложений, которые по 5 объединены в группы, относящиеся: к архетипу (женщина, герой, правитель, мудрец, маг), образу мира (как мир видится, какие ситуации наиболее значимы, центральные и периферийные части), образу жизни (способ жизни, целевые составляющие, стратегии жизни), стилю мышления (виды стилей, основания для принятия решений), особенностям коммуникации (особенности отношений, основания для выбора партнера, отношения между девушками и юношами, цели общения) и последнее, Я концепция, включающая высказывания, связанные с самоописанием, образом людей, представлениями, смыслами жизни. Максимальная открытость выражений, позволяет собрать большой эмпирический материал, который послужит для дальнейшей разработки методического материала по измерению характеристик менталитета.

Для апробации методики мы привлекли 234 человека (154 студента вузов г. Ростова-на-Дону в возрасте от 19 до 24 лет и 80 пенсионеров в возрасте от 57 до 70 лет). В сборе эмпирических данных приняла участие дипломированная С.В. Черноволова. В табл. 1 приведены результаты частотного анализа ответов респондентов, отнесенных к различным характеристикам менталитета поколений

Таблица 1

Сравнение ответов молодежи и пенсионеров

Характеристики менталитета	№ утверждения	Варианты ответов в группе молодежи	Частота ответа	Варианты ответов в группе Пенсионеров	Частота ответа
Архетипы	1. В моём поколении женщины предпочитают героев	1. Богатых. 2. Красивых. 3. Мужественных. 4. Самостоятельных 5. Из кино.	31 10 18 11 5	1. умных 2. талантливых 3. трудолюбивых	40 21 10
	2. Всё чаще среди своего поколения сталкиваюсь с женщинами, которые	1. Работают в сфере бизнеса. 2. За деньги готовы на «всё». 3. Курят – пьют. 4. Стервы. 5. Лёгкого поведения.	13 15 17 16 10	1. трудолюбивы 2. доверчивые 3. патриоты	32 14 12
	3. В наше время правители	1. Думают только о себе. 2. Умные воры. 3. Озабочены борьбой за власть. 4. Эгоисты. 5. Двудликие	22 5 8 11 14	1. надеялись на них 2. верили им 3. делали все правильно	41 20 11
	4. В моём поколении признаётся мудрым тот человек, который	1. Имеет богатый жизненный опыт. 2. Умеет размышлять. 3. Имеет много денег. 4. Учится на ошибках других.	29 5 3 27	1. много знал 2. был за одно с коллективом 3. справедлив	27 18 9
	5. В моё время магическое приписывают	1. Что нельзя объяснить научно. 2. Избранным. 3. Страшному. 4. Деньгам. 5. Гадалкам.	33 4 2 9 28	1. гадалкам 2. сверхестественному	51 25
Образ мира	6. Моё поколение видит мир	1. Жестоким. 2. Полным насилия и смерти. 3. Грязным. 4. Сквозь «розовые очки».	18 14 22 4	1. рай 2. правильно 3. в борьбе	10 24 25
	7. Образ мира моего поколения	1. Хаос. 2. «Шар». 3. Чёрное и белое.	8 3 28	1. патриотизм 2. геройство 3. честность	22 19 15
	8. В центре образа мира моего поколения	1. Деньги. 2. Власть. 3. «Я». 4. Человек.	26 10 3 3	1. Сталин 2. любовь к Родине 3. человек труда	28 20 16
	9. Я вижу мир	1. В хаосе и беспределе. 2. Многообразным. 3. Насыщенным.	10 6 5	1. чистым 2. светлым 3. обнадеживающим	21 12 12
	10. Я сталкиваюсь по жизни с ситуациями	1. Где нужны деньги. 2. Разрешения личных проблем. 3. Нехватки времени. 4. Решающимися.	21 16 7 10	1. разрешимыми 2. трудными 3. всеобщими	31 15 11

Образ жизни	11. В моём поколении ведут такой образ жизни	1. «пьянки – гулянки». 2. Каждый сам за себя.	9 18	1. честный 2. верный 3. гармоничный	24 14 12
	12. Моё поколение нацелено в своей жизни на	1. Деньги. 2. Карьерный рост. 3. Власть. 4. Успех.	13 16 8 5	1. на труд 2. на себя 3. на достижения	30 18 13
	13. Основными жизненными стратегиями моего поколения являются	1. Зарабатывание денег. 2. Развлечения. 3. Выжить. 4. Сделать карьеру. 5. Создать семью. 6. Прожить как можно лучше.	12 18 9 15 10 7	1. трудиться 2. учиться 3. дружить	40 25 10
	14. Моя жизнь похожа на	1. Жизнь. 2. Черно-белая картина. 3. Спуск по горной реке. 4. Зебру. 5. «Сказку».	7 11 3 15 3	1. черно-белая картина 2. прекрасный лес 3. океан	24 13 10
	15. Моё поколение выбирает способ жизни	1. Идти к поставленной цели. 2. Нездоровый. 3. Полегче. 4. Эгоизм.	9 7 12 6	1. добиться все своим трудом 2. коллективный 3. с трудностями	27 21 15
Стиль мышления	16. Моё поколение мыслит	1. Сегодняшним днём. 2. Не умеет мыслить. 3. «В ногу со временем». 4. Неординарно.	11 3 2 7	1. в будущее 2. не оглядываясь назад 3. в ногу со временем	27 13 12
	17. Моё поколение поддерживает тех, кто	1. Кто богат. 2. Наглый. 3. Сильный. 4. Имеет власть.	8 9 19 3	1. с тобой на равных 2. честен 3. справедлив	21 15 14
	18. Моё поколение принимает решения исходя из	1. Обстоятельств. 2. Потребностей. 3. Своих принципов. 4. Своей выгоды. 5. Своего опыта.	15 6 9 11 3	1. интересов 2. долга 3. общих целей	25 19 11
	19. Наиболее характерными стилями для моего поколения являются	1. «хип - хоп». 2. Свобода. 3. Модерн. 4. Хитрость. 5. Активность.	5 10 6 4 7	1. стилиги 2. классика 3. ретро	21 18 12
	20. Если я мыслю, то	1. Я живу. 2. Существую. 3. Человек.	8 28 3	1. вредных мыслей нет 2. зла не держу 3. стараюсь быть справедливым	20 14 10

Коммуникация	21. В основном меня окружают в моём поколении	1. Обман. 2. Безразличие. 3. Студенты. 4. Друзья. 5. Эгоисты.	5 3 34 9 3	1. порядочные 2. хорошие 3. отзывчивые 4. мечтающие	29 13 10 9
	22. Я чувствую во взаимоотношения моего поколения	1. Эгоизм. 2. Холодность. 3. Непонимание. 4. Лживость. 5. Ненависть.	7 9 5 11 5	1. порядочность 2. простоту 3. любовь 4. поддержку	21 20 13 10
	23. Я чувствую среди своего поколения	1. Обман. 2. Безразличие. 3. Усталость от жизни. 4. Всем нужен отдых.	6 9 4 2	1. свободу 2. интерес 3. дружелюбие	21 15 12
	24. Девушки и юноши так общаются в моём поколении, что	1. Появляются нежелательные дети. 2. «Уши вянут». 3. Открыто. 4. Свободно.	16 10 7 4	1. честны 2. культурны 3. любят	27 21 15
	25. В моём поколении в общении люди нацелены на	1. Удовлетворение потребностей. 2. Получение выгоды и денег.	9 13	1. общее дело 2. дружбу 3. общие цели	32 12 10
Я Концепция	27. В моём поколении больше людей	1. Хитрых. 2. Жадных. 3. Лживых. 4. Нелюдей. 5. Трудолюбивых.	12 6 8 4 4	1. честных 2. справедливых 3. добрых	24 13 10
	28. Я человек, который	1. Стремится к своей цели. 2. Получает высшее образование. 3. Хочет добиться много в жизни.	11 12 17	1. патриот Родины 2. трудолюбив 3. счастлив	22 19 13
	29. Главное, что я вижу в представлениях своего поколения это	1. Деньги. 2. Эгоизм.	28 14	1. стремление учиться 2. трудиться 3. иметь много друзей	28 20 12
	30. Смысл жизни моего поколения	1. Добиться своих целей. 2. Жизнь без забот и проблем. 3. Прожить красиво. 4. Выжить любой ценой. Это жизнь без смысла и будущего.	8 9 5 14 3	1. работа 2. семья 3. дети	27 23 10

Как видно из таблицы в группе пенсионеров и молодежи принципиально отличаются ответы. Если рассматривать архетипы менталитета молодежи и пенсионеров, то герой у современной студенческой молодежи – это богатый человек, у поколения пенсионеров – это умный человек. Ранее в СССР наиболее популярный тип человека был интеллектуал и человек труда. Сегодня популярные журналы презентуют на обложках портреты молодых успешных бизнесменов. Женщины молодежью оценены как распущенные, а поколение пенсионеров оценило их как тружениц. Хотелось бы отметить, что А.М. Горький еще в свое время писал о том, что одним из первых признаков «разрушения личности» в обществе является негативное отношение к женщинам, принятие насилия над женщиной []. Правители оценены как люди, центрированные на своих личных нуждах, образ правителя пенсионерами оценивается как заботящийся о нуждах граждан. Факт некоторого неприятия современных людей власти зафиксирован во многих современных исследованиях []. Образ мудрого человека для современной молодежи связан с жизненным опытом у пенсионеров с приобретенными знаниями. Образ магического не изменился у различных поколений. Образ мира молодежью описан как жестокий, хаотичный, в центре которого находятся деньги. Образ мира пенсионеров патриотическая борьба, на фоне чистоты и свежести. Образ жизни молодежи строится на эгоистических, единоличных принципах целью которого является зарабатывание денег. Образ жизни пенсионеров построен на принципе честности и целью является добиться в жизни все своим трудом. Стиль мышления молодежи центрирован на настоящем, свободный, в принятии решения они исходят из обстоятельств. У пенсионеров стиль мышления нацелен в будущее, при принятии решения они исходят из интересов человека и они склонны к классическому стилю. Коммуникация в группе молодежи построена на неискренности, безразличии, целью является получение выгоды. В поколении пенсионеров отношения построены на честности, порядочности и нацелены на общее дело. Сегодня многими исследователями описываются интолерантные установки в общении среди молодежи. Я концепция представлена в группе молодежи концепцией – добиться многого, смысл этого – выжить. Я концепция поколения пенсионеров построена на патриотизме Родине, стремлении к знаниям, смысл которого работа и семья.

Предлагаемый конструкт, раскрывающий характеристики менталитета поколений, позволяет получить некоторое описание менталитета поколений. Мы исходим из позиции, что в ситуации социокультурного кризиса в обществе присутствуют четыре вида менталитета: традиционный, инновационный, переходный и постинновационный. Они по-разному представлены среди поколений. Традиционный менталитет тот, который представлен у большинства представителей старшего поколения. Инновационный менталитет – это вновь нарождающийся менталитет, который обычно представлен у представителей молодого поколения. Переходный менталитет свойственен большинству людей среднего возраста, особенно в кризисный период развития общества.

Постинновационный менталитет, мы предполагаем, также может быть выявлен у представителей среднего возраста в посткризисные периоды. В различные эпохи эти виды менталитета имеют различное содержательное наполнение. Основываясь на предыдущих исследованиях [], можно полагать, что сегодня мы наблюдаем переходную эпоху от коллективизма к индивидуализму.

Учитывая содержание конструкта коллективизм/индивидуализм [] и проделанную предыдущую работу с методикой неоконченных предложений, можно построить закрытый опросник с фиксированными вариантами ответов по различным характеристикам менталитета. Мы попытались это сделать. Приводим текст опросника.

ОПРОСНИК

1. В моем поколении женщины предпочитают героев а) альтруистов, романтиков, б) коммерсантов, «деляг», в) священников, высокодуховных людей.
2. Все чаще среди своего поколения сталкиваюсь с женщинами, которые а) стремятся к образованию семьи, б) стремятся к карьере, в) не имеют определенных занятий.
3. В наше время правители а) деспоты, тираны, б) демократичные, либералы, в) анархисты.
4. В моем поколении признается мудрым тот человек, который а) свободные творцы, б) служат народу, в) наживаются.
5. В мое время магическое приписывали а) злодеям, б) гуманистам, в) знахарям.
6. Мое поколение видит мир а) конкретно, б) абстрактно, в) индифферентно.
7. Образ мира моего поколения а) статичный, б) динамичный, в) неопределенный, хаотичный.
8. В центре образа мира моего поколения а) человек, б) Бог, в) предмет, объект.....
9. Я вижу мир а) открытым, б) закрытым, в) и то и другое.
10. Я сталкиваюсь по жизни с ситуациями а) угрожающими, б) способствующими моему развитию, в) неопределенными.
11. В нашем поколении ведут такой образ жизни как а) активный, б) пассивный, в) беспорядочный.
12. Мое поколение нацелено в своей жизни на а) традиции, б) инновации, в) бесцельность.
13. Основными жизненными стратегиями моего поколения являются а) закономерные шаги, б) случайные прыжки, в) осторожность с оглядкой назад.
14. Моя жизнь а) запланирована, б) хаотична, в) частично запланирована.
15. Мое поколение выбирает способ жизни а) в основе которого деньги, б) отношения, в) мечта.
16. Мое поколение мыслит а) конкретно, б) абстрактно, в) неординарно.
17. В моем поколении больше людей а) аналитиков, б) прагматиков, в) идеалистов.
18. Мое поколение принимает решение исходя из а) себя, б) из мнения других, в) из обстоятельств.
19. Наиболее характерными стилями для моего поколения являются а) классика, б) модерн, в) отсутствие стиля.
20. Если я мыслю, то а) я существую, б) я живу, в) мне не везет.
21. В основном меня окружают в моем поколении а) семья, б) друзья, в) враги.
22. Я чувствую во взаимоотношениях своего поколения а) миролюбие, б) нетерпение, г) безразличие.
23. Я чувствую среди своего поколения а) взаимовыручку, поддержку, б) враждебность, в) безразличие.
24. Девушки и юноши общаются в моем поколении а) романтично, б) традиционно, в) свободно.
25. В моем поколении в общении люди нацелены а) на общее дело, б) на личную выгоду, в) нет цели в отношениях.
26. Отношения между представителями моего поколения в основном а) холодные, б) дружественные, в) индифферентные.
27. Мое поколение поддерживает тех, кто а) успешен, б) кому необходима помощь, в) никого.

28. Я человек, который а) настоящего, б) прошлого, в) будущего.
 29. Главное, что я вижу в представителях своего поколения это а) стремление многого добиться, б) следовать традициям, в) создавать новое.
 30. Смысл жизни моего поколения а) семья, труд, б) деньги, карьера, в) здоровье, духовный рост.
 Ответы респондентов сверяются с ключом табл. 2.

Таблица 2

Ключ к опроснику

Пункты опросника	Виды менталитетов		
	Традиционный	Инновационный	Переходный
1	А	Б	В
2	А	Б	В
3	А	Б	В
4	Б	В	А
5	В	А	Б
6	А	Б	В
7	А	Б	В
8	Б	А	В
9	Б	А	В
10	А	Б	В
11	Б	А	В
12	А	Б	В
13	А	Б	В
14	А	Б	В
15	Б	А	В
16	А	Б	В
17	А	Б	В
18	Б	А	В
19	А	Б	В
20	А	Б	В
21	А	Б	В
22	А	Б	В
23	А	Б	В
24	Б	А	А
25	А	Б	В
26	Б	А	В
27	Б	А	В
28	В	А	Б
29	Б	А	В
30	А	Б	В

Результатом работы с опросником является отнесение ответов респондентов к четырем видам менталитета: традиционный, инновационный, переходный и постинновационный.

Традиционный менталитет мы понимаем как менталитет, основанный на ценностях горизонтального коллективизма, предполагающий следование традициям, отношения между людьми более честные и дружественные.

Инновационный менталитет основан на ценностях вертикального индивидуализма, предполагающий менее закрытые отношения, активную позицию в жизни, рациональность, ориентацию на личные достижения.

Переходный менталитет основан на ценностях вертикального коллективизма.

Постинновационный менталитет основан на ценностях стабильности, горизонтального индивидуализма.

Для пояснения идеи предлагаем схему, заимствованную у М. Марк и К. Пирсон Рис. 1. На ней изображены стимулы в теории мотивации, которые управляют жизнью человека. Нижний полюс

– это стабильность, подконтрольность, отвечающие запросам человека на некоторое постоянство и неизменность различных аспектов жизни. Верхний полюс – изменяемость, рискованность, все, что способствует развитию человека. Слева расположен полюс принадлежности, который обеспечивает человеку принадлежность к какой либо группе, ее ценностям, интересам. Справа – полюс независимости, помогающий человеку выстраивать свои границы, подчеркивать свою индивидуальность. Обращаясь к предложенным видам менталитета, их можно расположить в данной схеме. Традиционный менталитет можно расположить между полюсами стабильности и принадлежности. Инновационный менталитет расположим между полюсами изменений и независимости. Переходный менталитет расположим между полюсами принадлежности и изменений. Остается квадрант между полюсами независимости и стабильности, в который мы помещаем вид менталитета постинновационный.

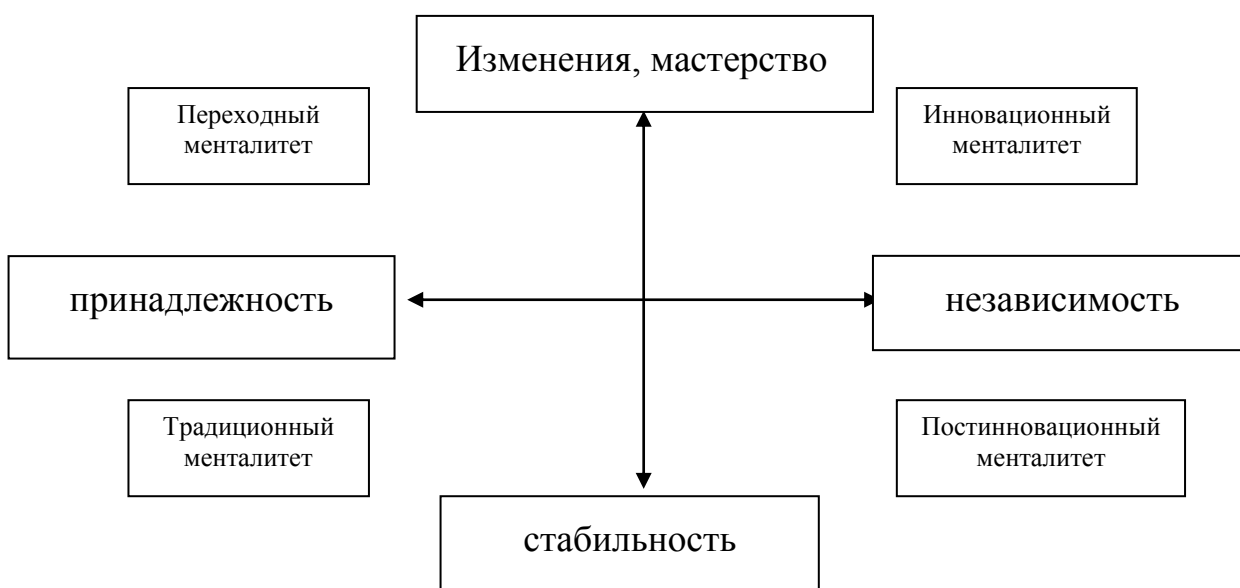

Рис.1

Основные жизненные стимулы человека

«Сравнительное изучение шести развивающихся стран (Аргентина, Чили, Индия, Израиль, Нигерия и Пакистан), проведенное в 70-х гг. под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития, позволило А. Инкелес построить аналитическую модель современной личности, которой присущи следующие черты.

1. Открытость экспериментам, инновациям и изменениям. Это может выражаться в готовности принять новое лекарство или прибегнуть к новому методу оздоровления, воспользоваться новым средством передвижения или средством информации, принять новую форму брачной церемонии или новый тип обучения молодежи.
2. Готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма; способность признавать существование разных точек зрения без опасения изменения собственного видения мира.
3. Ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; экономия времени, пунктуальность.

4. Уверенность и способность современного человека преодолевать создаваемые жизнью препятствия. Это относится как к возможности покорения природы, так и к контролю над политическими, экономическими и другими социальными проблемами.
5. Планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и в личной жизни.
6. Вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни (экономические законы, торговые правила, правительственная политика), позволяющие рассчитывать действия.
7. Чувство справедливости распределения, т. е. уверенность в зависимости вознаграждения не от случая, а от соответствия мастерству и вкладу.
8. Высокая ценность образования и обучения.
9. Уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью (Штомпка П., Социология изменений, М., 1996)».

Карпова Ю.А., Введение в социологию инноватики, СПб, «Питер», 2004 г., с. 72.

Переходный менталитет не имеет четких ценностных ориентаций, образ мира более хаотичный и угрожающий, люди колеблются в своих выборах.

Постинновационный менталитет характеризуется стабильным образом мира, традиционными ценностями с тенденцией к независимости, следовательно индивидуализму.

Далее подсчитывается процент представленности видов менталитета в поколении и содержательно анализируются характеристики менталитета. Что позволяет определить тенденции развития поколений.

Методика была апробирована на трех группах г. Ростова-на-Дону (июнь 2006 г.): студенты (75 чел.), люди среднего возраста (50 чел., работники коммерческих предприятий, 50 чел. работники государственных служб) и пенсионеры (70 чел.). Мы предполагали, что в группе молодежи превалирует инновационный менталитет, как показатель изменений, происходящих в российском обществе.

Были получены следующие результаты: в группе студентов инновационный менталитет обнаружен у 50%, переходный у 27% и традиционный у 23% человек (Рис. 1).

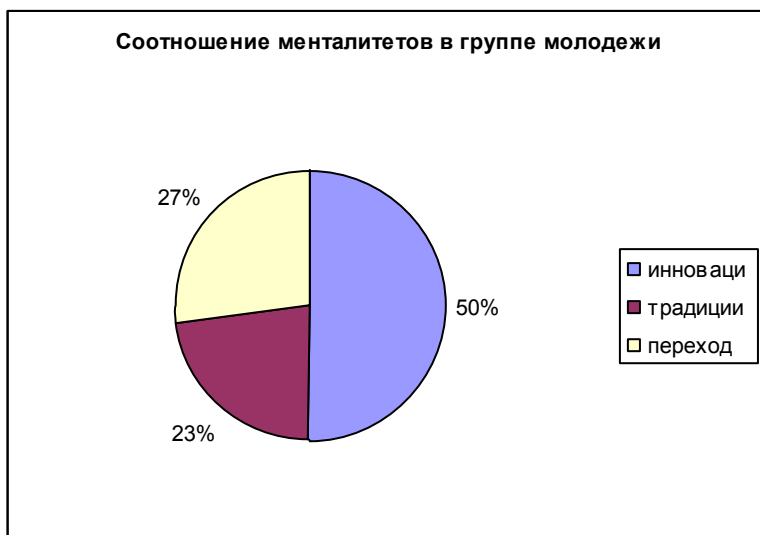

Рис.1

В группе работников коммерческих предприятий инновационный менталитет обнаружен у 64% и переходный 36% человек (Рис. 2).

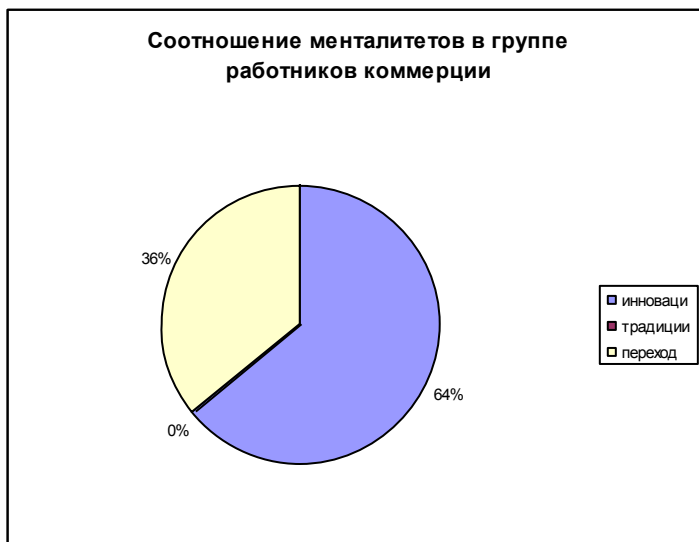

Рис. 2

У работников госслужб обнаружен традиционный у 45%, переходный у 43%, инновационный менталитет у 12% человек (Рис. 3).

Рис. 3

В группе пенсионеров: инновационный менталитет составил 6%, традиционный 86%, переходный 8% (Рис. 4).

Рис. 4

Таким образом, выдвигаемая гипотеза подтвердилась, сегодня в Ростове-на-Дону в целом в данной выборке преимущественно преобладает традиционный менталитет (37%), инновационный менталитет (34%), переходный (29%) (Рис. 5).

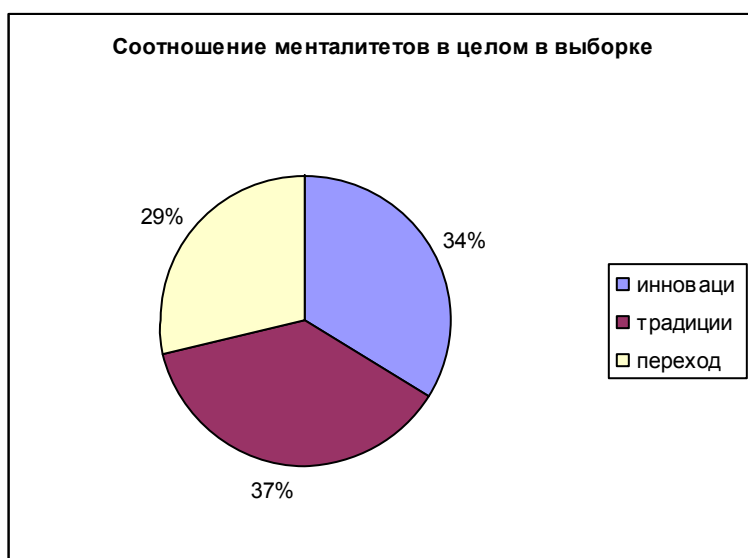

Рис. 5

Большие показатели по переходному менталитету могут свидетельствовать о трансформации российского менталитета.

Выводы:

1. На основе сочетания таких показателей как стиль мышления, образ мира, образ жизни, архетипы, особенностей коммуникации и Я-концепции создана оригинальная методика измерения видов менталитета.
2. Исследование менталитета на выборках молодежи, зрелых людей и пенсионеров выявило различное соотношение видов менталитета. Традиционный менталитет оказался наиболее представленным в данных группах. Что может свидетельствовать об устойчивости структуры менталитета.

5.7. Межпоколенная толерантность/интолерантность: основные показатели

Современный мир молодым человеком воспринимается как данность, плохо зная историю, он не видит каким трудом она построена и поэтому не испытывает благодарности и не признает никаких обязанностей.

Американские и российские социологи показывают в своих исследованиях, что на этом фоне мы являемся свидетелями обострения проблемы взаимоотношений между поколениями, меняется характер наследования традиций, меняются общественные нормы. В прошлом основным источником связи между поколениями была вербальная культура. Однако, как констатируют специалисты, современная молодежь меньше читает, хуже пишет, затрудняется выделить главную мысль текстов, а это приводит к вакууму знаний традиционных литературных источников, носителей культурного достояния. Сужается и пространство использования традиционных средств коммуникации. Таким образом, поколения замыкаются на общении в кругу сверстников. «Разрастания разделенности

формирует новую позицию по отношению к иным («чужим») поколениям. Каждое поколение все более склоняется к наблюдению, к исполнению функции экспертов, к взаимной экспертизе», – пишет О.Н. Козлова [с. 140]. Психологически всякое оценивание приводит к напряжению отношений между поколениями.

В отечественной психологии такие авторы как И.С.Кон, А.В.Мудрик Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский, Е.Ф. Рыбалко, О.Ю. Артемова, М.В. Гамезо, Е.И. Головако, А.А.Кроник, А.Г.Асмолов, и др. уделяют большое внимание следующим вопросам: переживания поколениями прошлого, настоящего и будущего, представлениям о психологическом возрасте, временной саморегуляции личности, возрастным изменениям и др. По данным исследователей современное Российское общество стоит перед проблемой становления новой социальной идентичности. В этом аспекте и рассматриваются толерантные/интолерантные отношения между поколениями. В недостаточной мере изучен вопрос психологической детерминации межпоколенных отношений.

Теоретическая актуальность проблемы напрямую связана с ее практической актуальностью.

Институты социальной поддержки еще в недостаточной мере развиты в нашей стране. Потенциал Российского общества – молодежь довольно агрессивно и прагматично смотрит в будущее. Задачей институтов является построения программ гражданского воспитания молодежи. Поэтому специалистам необходимо знать, на какой психологический потенциал молодежи необходимо опираться.

Пенсионеры являются наиболее незащищенной субкультурой страны. В западных странах довольно интенсивно внедряются программы социально-психологической поддержки пожилых людей. В нашей стране ученые и социальные работники стоят перед практической проблемой построения и внедрения данных программ. Исследования психологической особенности людей пожилого возраста позволит грамотно, с опорой на реальность внедрить программы реабилитации, поддержки пенсионеров.

Актуальность данной проблемы и стимулировало проведение исследования особенностей менталитета молодежи и пенсионеров Юга России. В исследовании принимала участие дипломница Л.А. Чичик.

Гипотеза исследования: рассогласование между параметрами межпоколенной толерантности служит индикатором повышения напряженности между поколениями.

Используемые методики: Методика исследования различных видов толерантности (В.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура), методика «Представления человека о себе и других людях» (Т. Лири).

Выборка испытуемых была представлена студентами РААИ, ИУБиП, РВВКИУ в количестве 300 человек (195 девушек и 105 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет и пенсионерами 200 человек (106 женщин и 94 мужчин) в возрасте от 55 до 76 лет (апрель – май, сентябрь – октябрь 2004 г.).

Результаты проведения методики «Виды толерантности» свидетельствуют, что в группе молодежи преобладают следующие виды толерантности: этническая толерантность получила самые низкие баллы, что свидетельствует о непринятии людей иных национальностей. Выше среднего получила толерантность к сложности и неопределенности окружающего мира, что подтверждает стремление к риску у молодежи. Средние баллы получила толерантность к иным взглядам, толерантность отступления от общепринятых норм и неавторитаризм, что отражает возрастные особенности молодежи и индивидуалистические тенденции.

В группе пенсионеров низкие баллы были получены по толерантности отступления от общепринятых норм, что свидетельствует о приверженности к традициям. Очень низкая толерантность выявлена к иным взглядам и неавторитаризм, что свидетельствует о возрастных особенностях. Средние баллы были получены по этнической толерантности, что свидетельствует о терпимости к другим национальностям. Выше среднего получены баллы по толерантности к сложности и неопределенности окружающего мира, что может свидетельствовать о жизненном опыте и коллективистским тенденциям.

В целом результаты измерения видов толерантности в группе молодежи и пенсионеров, значимо различаются. Что косвенно может быть предпосылкой их интолерантных отношений.

В результате корреляционного анализа (статистика проводилась с помощью пакета программы STATGRAPHICS + for Windows) видов толерантности в названных группах были получены следующие результаты.

Таблица 1.

Значимые корреляционные связи между видами толерантности в группе пенсионеров и молодежи

Виды толерантности (молодежь)	Виды толерантности (пенсионеры)	Значение корреляции
Этническая	к иным взглядам	0, 50
Этническая	к сложности и неопределенности	0, 67
К иным взглядам	к иным взглядам	0, 69
К иным взглядам	отступление от норм	0, 73
отступление от норм	Неавторитаризм	0, 77
К сложности и неопределенности	к сложности и неопределенности	0, 63
Неавторитаризм	к иным взглядам	0, 46
Неавторитаризм	отступление от норм	0, 72

Факторный анализ статистики толерантности имел следующие результаты в группе молодежи, где – 1 – этническая толерантность, 2 – толерантность к иным взглядам, 3 – толерантность к отступлению от принятых норм, 4 – толерантность к сложности и неопределенности, 5 – неавторитаризм.

Таблица 2.

Факторные нагрузки по пяти признакам в группе молодежи

№	Фактор 1	Фактор 2
1	0,75	-0,22
2	0,31	0,87
3	0,94	0,01
4	0,83	-0,38
5	0,73	0,26

Существенные только два фактора: первый фактор это линейная комбинация четырёх видов толерантности (этническая толерантность, отступление от норм, к сложности и неопределенности, неавторитаризм) второй фактор это толерантность к иным взглядам.

Таблица 3.

Факторные нагрузки по пяти признакам в группе пенсионеров

№	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	0,80	0,69	0,01
2	0,69	0,24	-0,27
3	0,71	0,33	0,30
4	0,34	0,02	0,93
5	0,20	0,91	0,21

Существенны три фактора в группе пенсионеров. Первый фактор это линейная комбинация первого, второго и третьего признаков (этническая толерантность, к иным взглядам и отступлению от норм), второй фактор это линейная комбинация первого и пятого признаков (этническая толерантность и неавторитаризм), третий фактор это в основном четвёртый признак (толерантность к сложности и неопределённости).

По всей видимости, эти факторы и являются составляющими толерантности в группе молодежи и пенсионеров.

По методике измерение представлений о себе и о других были получены следующие результаты:

1. по тенденции к лидерству молодежь имеет средний результат, пенсионеры – низкий.

2. по показателю уверенности в себе молодежь имеет более низкие результаты, чем пенсионеры.

3. требовательность пенсионеров выше, чем у молодежи.

4. по проявлению негативизма как у пенсионеров, так и у молодежи показатель ниже среднего.

5. уступчивость у молодежи ниже, чем у пенсионеров.

6. доверчивость у пенсионеров выше, чем у молодежи.

7. добросердечие у пенсионеров выше, чем у молодежи.

8. отзывчивость у пенсионеров выше, чем у молодежи

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 4, 5.

Таблица 4.

Значимая связь наблюдается между следующими парами признаков в группе молодежи

Виды отношений		значение корреляции
Уступчивость	доверчивость, добросердечие, отзывчивость, требовательность, тенденция к лидерству	0,80
Доверчивость	отзывчивость, тенденция к лидерству, уверенность в себе, скептицизм, уступчивость	0,57
Добросердечие	Тенденция к лидерству, скептицизм, уступчивость, доверчивость	0,69
Отзывчивость	Уверенность в себе, уступчивость, доверчивость	0,73

Таблица 5.

Значимая связь наблюдается между следующими парами признаков в группе пенсионеров

Виды отношений		Значение корреляции
Тенденция к лидерству	требовательность, уступчивость	0,66
Уверенность в себе	уступчивость, доверчивость, отзывчивость	0,72
Требовательность	Добросердечие	0,70
Уступчивость	добросердечие, отзывчивость	0,89
Доверчивость	добросердечие, отзывчивость	0,64
Добросердечие	Отзывчивость	0,95
Скептицизм	уступчивость, доверчивость, добросердечие, отзывчивость	0,51

Данные результаты довольно четко характеризуют представления о других у исследуемых групп. Молодежь характеризуется властностью, неуступчивостью, упрямством и холодностью. Пенсионеры в свою очередь более требовательны, уверены в себе, более отзывчивы, но упрямы. Понятно, что эти результаты можно отнести только к данной группе испытуемых, но и они подтверждают представления о молодежи и пенсионерах, как о партнерах интолерантных отношений.

5.8. Рассогласование/согласование ценностно-смысловой организации менталитета субъектов Юга России

На основании многочисленных эмпирических исследований ценностно-смысловых составляющих российского менталитета и наших исследований можно предполагать, что в условиях социокультурного кризиса происходит процесс **частичной трансформации менталитета коллективного субъекта** (на примере поколений). Социокультурный кризис, характеризующийся сменой форм собственности, реструктуризацией социальной системы, высоким динамизмом в политической системе, предъявляет новые требования к социальной компетентности человека и его общественному образу. Это сказывается на том, что человек сознательно и бессознательно вносит коррективы в формы своей субъектности (самореализации, самодетерминации, самопрезентации, саморазвитии) Фактически начинает изменяться «представленность» субъекта в мире. Человек, коллективный субъект по-иному продляется в мир. Определяя новые возможные, реализуемые проекты жизнедеятельности в мире, человек и коллективный субъект выбирают новые социальные категории для самоопределения, социальные роли, позиции для идентификации, акцентируется на новых социально-психологических качествах, востребованных в инновационном обществе. Этому во многом способствуют трансформационные процессы в системе менталитета человека и коллективного субъекта. Трансформация системы менталитета как процесс ее самоорганизации по иному совмещает в ней системы пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих. Однако оставляя нетронутыми базовые составляющие. **При этом происходит рассогласование в системе менталитета между системными элементами ее организации, соответствующими традиционным нормам и правилам, и инновационными системами, изменяются их функциональные связи. В этом заключается порождение новообразований в системе менталитета, встроенной в систему человека и мир.**

Между миром и менталитетом коллективного субъекта располагается система ценностей. В современном российском социуме представлено несколько систем ценностей: традиционные, переходные и инновационные. Между данными системами существуют непреодолимые противоречия, в силу того, что одни направлены на общинные, коллективистские формы жизнедеятельности, а другие на обособленные, индивидуалистические. Традиционные ценностные системы жестко регламентированы, а инновационные ценности допускают больше степеней свободы в жизни коллективных субъектов. Коллективные субъекты отторгают традиционные ценности, даже в группе пенсионеров это было эмпирически зафиксировано []. Приоритетными ценностями являются ценности: безопасности, здоровья, семьи и высокооплачиваемой работы. В ситуации социокультурных изменений на первое место выходят проблемы выживания, сохранения вида. Хотя здесь наблюдается противоречие. Поскольку желание сохраниться замыкается на

индивидуальности, по принципу – «каждый за себя». Разобщенность в отношениях, холодность, интолерантность установок общения не способствуют сохранению субъектов России. Та же проблема затронула ценность «семьи». В эмпирических данных мы фиксировали декларацию семьи как ценности, смысла, цели жизни. На практике, в реальной жизни фиксируем разрушение института семьи, «виртуализацию» семейных отношений. Следовательно, *в ядре менталитета синтаксико-семантические структуры закрепили значение «семьи» и приоритетность ее как терминальной ценности, но изменились смыслы семьи. Это привело к тому, что ценность семьи из терминальной ценности перешла в инструментальную ценность, что повлекло разрушение программы семейных отношений в поведенческой компоненте системы менталитета.* Что касается ценности «работы», то хотелось бы отметить, что снижается тенденция трудовых затрат на работе. У респондентов наблюдается большое стремление к «легким» деньгам, не всегда заработанным честным трудом. Наблюдается рассогласованность между ценностью «высокооплачиваемой работы» и качествами квалифицированного специалиста. Понижение общей профессиональной образованности ведет к неграмотности специалиста. Однако такие «специалисты» имеют, как правило, высокие амбиции, сочетающиеся с низкой социальной компетентностью. С изменением смысла работы поменялось значение работы и ее ценность. Определение ведущей ценности «здоровья» никак не сочетается с ведением здорового образа жизни, хотя этот стереотип еще сохранен в глубинах менталитета большинства респондентов.

Резюмируя, можно отметить, что исследование подтверждает гипотезу о рассогласовании между принятой системой значений, смыслов и ценностей и реализуемым образом жизни субъектов. Американские исследователи в области социальной психологии отмечали еще пол века назад, что между установками, когнициями и поведением наблюдаются рассогласования. Респонденты могут декларировать одни убеждения, а поступать согласно обстоятельствам. Задачей психологии влияния является поиск способов приведения в соответствие установок и желаемого поведения. Мы, объясняя поведение человека и коллективного субъекта, выстраиваем логическую цепочку, связывая их установки, определяемыми значениями, смыслами и ценностями менталитета и поступки. Однако, понятно, что система менталитета постоянно производит микроизменения, трансформации, но организация в целом остается неизменной. Поэтому не может быть стопроцентного совпадения значений, смыслов и ценностей и образа жизни субъектов. Следовательно, мы можем утверждать о степени их совпадения в относительно небольших пределах. Что наглядно демонстрирует рассогласованность многих составляющих в обыденном сознании субъектов, слоем которого выступает менталитет.

Произошли изменения в архетипической системе. Архетипы Заботливый, Правитель, Творец объединены мотивацией стабильности и контроля, по мнению К. Пирсон в большинстве своем были

присущи эпохе социализма. Сегодня на первый план вышли архетипы Героя, Мага, Бунтаря – мотивация риска и мастерства.

Хотелось бы отметить, что остались устойчивыми в системе традиционные ценности: здоровья, семьи, работы. Однако современное смысловое наполнение ценностей отличается от традиционного тем, что относится и к смысловому наполнению значений. Смыслы здоровья связывались с активным образом жизни, занятиями спортом. Сегодня в публикациях можно встретить доказательства того, что люди, которые ведут более неподвижный образ жизни, дольше живут. А в последних публикациях, посвященных представлениям о здоровье, наглядно видно, что представления связаны с традиционными смыслами. Реклама лекарств, которая занимает ведущее место наряду с рекламой продуктов питания, призывает россиян к употреблению лекарств (пассивный способ борьбы с недугами). Довольно частой ассоциацией на слово «здоровье» является слово «таблетки», более чем в 60% случаях. Следовательно, уже нет согласованности ценностей «здоровья» и активной позицией в жизни.

То же обстоит с ценностью «семьи», которая связана у респондентов с позитивными высказываниями, традиционными смыслами. Однако, современная семья предполагает развитие обоих супругов, не всегда предполагает официальную регистрацию брака, количество детей сведена к минимуму. В такой семье уже меньше иерархии, наблюдается некоторая отчужденность в отношениях, выражающаяся в эмоциональной холодности супругов, разделение материальных доходов. Таким образом, ценность «семьи» связывается с новыми смыслами. В этом и заключено рассогласование традиционной ценности «семьи» с инновационными смыслами и значениями. Ценность работы рассогласуется со значениями работы в традиционном понимании. В традиционном понимании ценность «работы» определялась целью «на благо общества». В современных условиях целью работы является достижение личного материального благополучия. Это рассогласование приводит к тому, что значение слова «труд» ассоциируется с не общественно полезным трудом, а с «прибылью», «деньгами». То есть понятию «труд» предается иной смысл, в отличие от традиционного.

В результате данного анализа прослеживается закономерность, заключающаяся в том, что смыслы и значения определяют содержательное наполнение ценностей и приводят в соответствие с образом жизни человека.

Обнаружено рассогласование в системе смыслов по параметрам: альтруизм, гедонизм, самореализация и коммуникация. Смысл альтруизма отчетливо представлен в группе подростков и молодежи, но в целях жизни нигде не представлен. Можно предположить, что и значения «бескорытность», «жертвенность» будут мало употребляемы среди респондентов. Незначительно представлены коммуникативные смыслы в группе молодежи и подростков, а ценность любви, дружественных связей занимает приоритетные места в выборах респондентов, что возможно

свидетельствует о рассогласовании ценностей и смыслов. Это также может подтверждать наличие интолерантности в отношениях людей, характеризующейся холодностью и отчужденностью, деперсонализацией. Интернет, мобильные телефоны представляют собой, с одной стороны, средство общения, а с другой, представляют барьеры общения поколений.

Обнаруженные тенденции пересекаются с результатами исследования категорий образа мира поколений. Для подростков образ мира трехмерен, трансформируется от светлого, большого, свежего быстрого к пассивному, шершавому, напряженному, плохому.

Для девушек в группе молодежи образ мира, связывается с представлениями об идеальной любви (приятное, жизнерадостное, родное, дорогое, любимое, горячее, свежее, умное, острое, быстрое, сильное, большое, активное, чистое), сложностях и силе (напряжённое, сложное, тяжёлое, хаотичное, твёрдое), счастье (доброй). Пространство образа мира у молодых женщин – это интегральная шкала представления мира идеальной любви (приятное, жизнерадостное, родное, дорогое, любимое, горячее, свежее, умное, острое, быстрое, сильное, большое, активное, чистое), интегральная шкала представления мира как сложного пути-препятствия-образования (напряжённое, сложное, тяжёлое, хаотичное, твёрдое), шкала представления мира доброго. Образ мира для девушек – это пространство любви, силы (тяжёлый путь) и радости (ожидания счастья).

Пространство образа мира у молодых мужчин также трёхмерно, но более однозначное, чем у женщин. Пространство образа мира для них - это интегральная шкала представления мира земной любви (любимом, приятном, свежем, горячем, умном, толи остром, толи тупом), шкала представления мира злого (объект борьбы, соперничества), шкала представления мира радостного (ожидание счастья). Образ мира для них – это пространство любви, борьбы и счастья (радости).

Пространство образа мира у пенсионеров четырёхмерно. Пространство образа мира для них – это интегральная шкала представления мира пережитой любви (любимом, приятном, свежем, горячем, умном, толи остром, толи тупом), интегральная шкала представления мира тяжёлого пути, шкала представления мира непонятного и беспокоящего, несостоявшегося ожидания счастья, шкала представления мира сильного и хаотичного.

Таким образом, мы видим области пересечений в образе мира поколений и несовпадений. Отсюда можно заключить, что в образе мира стабильно и неизменяемо ядро, в котором значения схожи у всех групп и непостоянна периферия, которая содержит значения изменяемые от группы к группе. В ядре постоянны следующие значения: любовь, радость, сложность, свежесть, умный-тупой. Эти значения связаны с коммуникативными смыслами, когнитивными, гедонистическими. Гедонистический смысл, как показало исследование, вытеснен, кроме молодежи. То есть, по-прежнему среди поколений представлен запрет на удовольствие. Мы культура святых великомучеников. Хотя в значениях образа мира он зафиксирован. По-прежнему лидируют коммуникативные значения. Когнитивные смыслы представлены в образе мира в виде оценок

умный-тупой и как оценка мира как сложного. Но когнитивные ценности занимают не лидирующие места. Ценится в современном социуме больше социальный интеллект, чем научный. Трансформация образа мира, выделенная на его периферии свидетельствует о том, что преобладают в старшем поколении негативные оценки образа мира, хотя это может свидетельствовать о тяжелой жизни пенсионеров в современном мире.

Таким образом, трансформация функциональных связей систем значений, смыслов и ценностей поколений свидетельствует о том, что в настоящее время меняется субъектность поколений.

Подводя итог полученным эмпирическим данным, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, существует несомненная связь между значениями, смыслами и ценностями системы менталитета поколений. В результате проведенного исследования наблюдаем рассогласование в данных системах. Смыслы семьи, альтруизма и коммуникации являются ведущими в группе подростков. Смыслы удовольствия, экзистенциальные смыслы, когнитивные и самореализации являются ведущими в группе молодежи. В группе пенсионеров ведущими смыслами являются: семейные и экзистенциальные. Основные расхождения в рангах категорий жизненных смыслов наблюдаются по категориям: альтруизм, гедонизм, самореализация и коммуникация ($p < 0.05$).

Среди терминальных ценностей ведущими в группе пенсионеров явились ценности здоровья и спокойствия в стране и в мире. В группе подростков ведущими терминальными ценностями явились: спокойствие в стране и в мире и красота природы и искусства. В группе молодежи – счастливая семейная жизнь, независимых суждений и получение удовольствий. Активная деятельность и творчество как ценности вытеснены в группе молодежи и подростков.

В группе инструментальных ценностей среди подростков получили приоритет ценности жизнерадостности, ответственность самоконтроль и смелость в отстаивании своего мнения. В группе молодежи ведущими стали инструментальные ценности аккуратность, жизнерадостность и смелость в отстаивании своего мнения. В группе пенсионеров среди инструментальных ценностей главными были ценности трудолюбия, честности и твердой воли.

В ядре менталитета синтаксико-семантические структуры закрепили значение «семьи», «работы», «здоровья», но в поведенческой компоненте системы менталитета произошло разрушение программы семейных отношений, здорового образа жизни, трудовых затрат.

В архетипической структуре архетипы стабильности сменились архетипами разрушений, свершений.

Во-вторых, данные свидетельствуют о том, что в менталитете поколений преобладают ценности безопасности, семейных уз, высокооплачиваемой работы. Средства, с помощью которых эти ценности могут воплотиться в жизнь, выступают для молодых самостоятельность, ответственность, для старших поколений трудолюбие, честность, хорошие отношения с людьми.

Ценности традиций (равенство, жизненная мудрость, воспитанность, терпимость к мнениям других) утрачены. Ценности свободы поступков и действий, смелость в отстаивании своих мнений, свойственных индивидуализму характерны преимущественно для молодого поколения.

В-третьих, выявленные ценности наполняются новыми смыслами. Обнаружено единство у поколений в экзистенциальных, гедонистических, статусных, когнитивных, семейных смыслах. Выявлено рассогласование в смыслах альтруистических, самореализации, коммуникативных.

В-четвертых, в значениях образа мира пенсионеров и молодежи выделили разницу размерности ментального пространства, по числу факторов. В группе пенсионеров оно шире. Определили ядерную часть, которая неизменна в двух выборках и периферийную часть, в которой несхожи значения.

В-пятых, зафиксировали различное отношение к другим у пенсионеров и молодежи. Выделили виды толерантности у молодежи и пенсионеров. У студенческой молодежи Ростова-на-Дону представлены следующие параметры: душевность, разобщенность, самостоятельность, индивидуализм, недоверие к власти, традиционализм, коллективизм, своеволие, свободолюбие, анархия. То есть, явное тяготение к индивидуализму. Группа молодежи характеризуется: холодностью, соперничеством, склонностью к риску. В группе пенсионеров мы выявили *коллективизм*, характеризующейся: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью и уважением власти.

В-шестых, проведя сравнительный анализ ценностей трех поколений с аналогичными исследованиями 70–80 годов, видим, что практически не претерпели изменения ценности у пенсионеров, которые были молодыми в эти годы. Но, сравнивая ценности молодежи 70-х XX века и молодежи начала XXI века, видим существенные различия в направленности личности с «Мы» на «Я». Это задает иное мировидение, иные программы поведения поколений. В ценностных ориентациях людей эпохи социализма преобладали установки на общественно-полезный, творческий труд, приносящий пользу обществу, стремление получить образование и пользоваться уважением окружающих [Шубенкова с. 32]. В установках современной молодежи преобладают стремления на материальное благополучие, приобретение статуса в обществе, поиск любви. Данные ценностно-смысловые структуры заданы системной детерминацией социокультурной ситуации в обществе. Это можно охарактеризовать как рассогласование между традиционным образом мира и инновационным образом жизни поколений XXI века.

В-седьмых, сравнение составляющих менталитета 70-х гг. и настоящего времени, можно предполагать, что хронотоп российского менталитета составляет 40 лет.

Таким образом, в условиях социокультурных изменений в нашем регионе происходит трансформация системы менталитета.

6. Эмпирическое исследование феноменов трансформации южно-российского менталитета.

В представленной главе излагается общая, эмпирическая концепция исследования отдельных параметров феноменов трансформации южно-российского менталитета.

6.1. Постановка экспериментальной задачи и программы исследования

Задача эмпирического исследования заключалась в том, что мы искали зависимость влияния экономических, политических и социальных факторов на пространственные, временные, ценностные, смысловые, предметные и поведенческие составляющие менталитета представителей двух субкультур Южного региона.

Гипотеза I этапа состояла в том, что *под воздействием внешних экономических, политических, социальных факторов и внутренних социально-психологических факторов (индикаторов социальной изменчивости) трансформируется российский менталитет субкультур россиян (от постфигуративной культуры к кофигуративной культуре, от коллективизма к индивидуализму, от аллоцентризма к идеоцентризму, от пространственной определенности к временной).*

Субкультуры пенсионеров и молодежи имеют единое ядро менталитета; менталитеты названных субкультур имеют отличия вне указанного ядра на периферии менталитета, не только потому, что они относятся к различным субкультурам российского общества, а также потому, что менталитет пенсионеров представляет менталитет людей социального иного строя, который трансформировался в ходе социально-политических и экономических преобразований в России.

Метод, используемый в исследовании, поперечных срезов – группы испытуемых разного возраста исследуются одновременно.

Выборка испытуемых представлена субъектами двух субкультур г. Ростова-на-Дону – молодежь (500 человек) и пенсионеры (500 человек), мужского и женского пола жители г. Ростова-на-Дону.

Сравнивались следующие *факторы (Табл. 1), влияющие на трансформацию менталитета:*

Таблица 1

Основные факторы, влияющие на процесс трансформации менталитета

№	Экономический	Политический	Социальный
1.	Национальный валовый продукт	Степень свобод	Уровень образования
2.	Уровень жизни	Дистанция власти	Степень социальной защищенности

По данным С.Г. Кара-Мурзы [] можем изложить следующие факты: в СССР, по оценкам Организации ООН в области сельского хозяйства и продовольствия (ФАО), в середине 80-х годов входил в десятку стран мира с наилучшим типом питания. В 1985 г., по данным ФАО, приведенным в последней сводке этой организации в Интернете, житель СССР в среднем получал в день 105,3 г белка (из них 51,5 г – белка животного происхождения: в мясе 22,2 г, в молоке 15,2 г, в рыбе 9,5 г, в яйцах 4,6 г).

Существенно изменилась структура питания: в калорийности рациона снизилась доля продуктов, богатых белком (и особенно животным белком - мяса, рыбы, молока и яиц), возросла доля картофеля и круп. В 1990 г. продукты животного происхождения давали 35,9% калорий среднего суточного рациона, а в 1997 г. только 28,3%.

На среднюю номинальную начисленную заработную плату (в РСФСР и РФ) в 1990 можно было купить 95,9 кг говядины, или 1010 литров молока, или 776,9 кг хлеба пшеничного 1 сорта. В 2000 г. на среднюю месячную зарплату можно было купить 38,6 кг говядины, 302,2 литра молока или 220,4 кг такого же хлеба.

В СССР, напротив, низкие цены на самые необходимые продукты резко облегчали положение людей с низкими доходами, почти уравнивая их по фундаментальным показателям образа жизни с людьми зажиточными. Таким образом, бедность ликвидировалась, человек ценами «вытягивался» из бедности, и СССР становился «обществом среднего класса» [].

Данные факты сопоставлялись с основными компонентами динамических компонентов менталитета (Табл. 2).

Таблица 2

Динамические компоненты менталитета россиян, подверженные трансформации

№	Ценностный	Когнитивный	Поведенческий
1.	Культурно-ценностный дифференциал	Коллективные представления	Социальные установки
2.	Ценностные ориентации	Стили мышления	Поведенческие стереотипы

Данные по положению социальной, политической и экономической системы России нами были заимствованы из прошлых и современных социологических сводок и эмпирических исследований современных авторов и авторов прошлых лет.

Компоненты менталитета измерялись с помощью следующего методического инструментария:

1. Методика ценностных ориентаций М. Рокича.
2. Методика «Культурно-ценностный дифференциал» (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова).
3. Методика «Стили мышления» (Крылов).

4. Методика измерения социальных установок .
5. Тест двадцати высказываний «Я – ...».
6. Методика измерения жизненных ситуаций.

Обоснование выбора методик.

С помощью методики М. Рокича получим представление о тех целевых, терминальных ценностях, которые выделяют группы и инструментальных ценностях, с помощью которых эти цели будут достигаться.

Методика «Культурно-ценностный дифференциал» содержит 4 шкалы: 1. Ориентация на группу – на себя; 2. Открытость переменам – сопротивление переменам; 3. Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия; 4. Сильный социальный контроль – слабый контроль.

Стили мышления позволяют выявить логику рассуждений, которая наиболее часто используют опрашиваемые.

Выявление социальных установок относительно наиболее важных аспектов жизни.

Тест ДВ «Я» знакомит нас с концепцией «Я» человека, преобладание в ней внешнего или внутреннего, преобладание идентификацией с ближайшим окружением или с деловыми ролями.

Методика измерения жизненных ситуаций выявляет наиболее значимые конструкты в оценке жизненных ситуаций субъектов менталитета.

Экспериментальная гипотеза заключалась в том, что если показатели по данным диагностик значимо отличаются в группах молодежи и пенсионеров, то можно говорить о трансформации российского менталитета, т.е. принять не нулевую гипотезу.

Внутренняя валидность контролировалась с помощью балансировки и рандомизации.

6.2. Исследование феноменов трансформации южно-российского менталитета по параметру коллективизм/индивидуализм

I ЭТАП

Предпосылки построения конструкта лежат в основе теоретических изысканий философов, социологов (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ф. Знанецкий и др.) в вопросах динамики культур. Авторами утверждалось, что по мере развития цивилизации сельский, общинный, коллективистский образ жизни сменяется городским, общественным, индивидуалистским. Это вносит изменения в мышление, ценности и установки людей.

В современной западной культурной психологии конструкт построен на основе представлений об этносубъекте и особенностях его самоопределения и принятия норм, ценностей этносреды.

Исходным положением является то, что *Я-концепция этносубъекта выступает опосредствующим фактором воздействия культуры на психологические процессы* [1, с.528]. Поэтому, содержательное наполнение конструкта преломляется через представления о концепции Я в различных культурах.

Начало было положено исследованиями **Брунера (1977)**, **Г. Хофстеда (1980)**, **Г. Хофстеда, Шведера, Борна (1984)**, которые эмпирически установили, что культуры различаются особенностями мировоззрения: 1. Коллективистское, социоцентрическое, межличностное и взаимозависимое; 2. Индивидуалистическое, эгоцентрическое, личностное, независимое.

Сначала факторы коллективизм и индивидуализм читались как противоположности, позже ученые пришли к выводу, что это полярности одного конструкта (**Лейнг, Бонд, 1989**), влияющие на Я-концепцию.

Маркус и Китаёма (1991) выделили взаимозависимое Я-конструкта и независимое Я-конструкта. Для первого конструкта характерен акцент на уникальности и отдельности индивида, его отнесли к индивидуализму, во втором, характерен акцент на коллективном участии, его отнесли к коллективизму.

Конструкт коллективизм/индивидуализм был отнесен **Г. Триандисом (1994)** к культурным синдромам, которые он понимал как «общепринятую систему убеждений, установок, Я-определений, норм, ролей и ценностей, объединенных какой-либо темой» [2, с. 87]. Подобная идея уже выдвигалась в психологической антропологии. В середине XX века **Р. Бенедикт** установила, что каждая культура имеет «уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые объединены культурной темой (этосом)» [3, с.53]. Однако автор утверждала, что культура, реализуя определенные социальные модели, не оставляет пространства для иных. Г. Триандис статистически установил, что в одной культуре могут сосуществовать как коллективистские, так и индивидуалистские модели, но процентное соотношений одной из них будет всегда преобладать.

Широкое применение конструктов показало, что виды коллективизма и индивидуализма отличаются в различных культурах.

Проведя обширное исследование, **Г. Триандис (1995)** пришел к выводу, что каждое общество обладает своим доминирующим типом горизонтального и вертикального индивидуализма и коллективизма [4, с. 79]. Основным критерием разделения является равенство в отношениях между членами группы или жесткая иерархия. Далее автор углубил анализ культур, выделив аллоцентриков и идиоцентриков. *Аллоцентрики* опираются при принятии решений на другие мнения и внешние факторы (Греция), а *идиоцентрики* концентрированы на внутренних процессах США [5, с. 80].

За последние десятилетия конструкт обогатился содержанием и уже **Милз, Кларк (1982)** определили 4 критерия конструкта коллективизм/индивидуализм: 1) независимое и взаимозависимое

«Я»; 2) приоритет личных или групповых целей; 3) нормы и установки группового поведения; 4) особенности общественных отношений и обменов.

На сегодня таких критериев выделено гораздо больше. Мы попытались объединить критерии конструкта, выделяя их из имеющихся работ, табл. 1. Определенные критерии влияют на формирование личности в культуре, поэтому сама модель личности в культуре становится критерием конструкта.

Таблица 6.2.1

Критерии конструкта коллективизм/индивидуализм

№	Критерии	Признаки конструкта	
		Коллективизм	Индивидуализм
1	Концепция «Я»	Взаимозависимое «Я», не тревожит когнитивная несогласованность	независимое «Я», тревожит когнитивная несогласованность
2	Направленность	на коллектив, учитывают контекст, стремятся изменить себя ради окружающих	на себя, учитывают особенности личности и ситуацию, стремятся изменить окружающих
3	ценностные ориентации	Ценности коллектива, ориентация на авторитеты, на традиционные ценности	индивидуальные ценности, независимость от авторитетов, на социальные изменения
4	Установки	Равенство, небольшая дистанция к группе, высокая коммуникабельность, взаимозависимость, уверенность в себе (не быть обузой группе), включенность в ограниченное число групп, конформизм, авторитаризм (вертикальный коллективизм), статусность или нет	иерархия, большая эмоциональная дистанция, обособленность, уверенность в себе, гедонизм, поверхностная привязанность к группе, включенность в неограниченное число групп, статусность или нет, неконформизм
5	Нормы	закрепощенность, не приветствуются споры внутри группы, жертвенность ради группы, приоритет скромности	раскованность, приветствуются споры внутри группы, жертвенность не приветствуется, подчеркивают высокое мнение о себе
6	Правила общения	Строгое выполнение статусных, ролевых правил	свобода в правилах, смешение ролей
7	Система отношений	соподчинение, враждебность к «чужому», мало проявляют социальную леность	дистанцирование, равные отношения и со «своими» и с «чужими», чаще проявляют социальную леность
8	Стратегии общения	компромисс, целостность семьи, косвенные намеки, непрямая коммуникация	конкуренция, соперничество, допускают прямую коммуникацию
8	Стили взаимодействия	сотрудничество, поддержка, в конфликтной ситуации меньше конфронтируют, используют интеграцию и компромиссы	равные отношения, в конфликтной ситуации чаще используют конфронтацию, соперничают, агрессивность
9	Модель личности включает	Экстраверсия-интроверсия Уживчивость. Конформность Эмоц. стабильность, инфантильно-романтическое самопринятие (для россиян) Открытость Лицо, Гармония Для восточных культур	Экстраверсия-интроверсия Уживчивость. Конформность Эмоц. стабильность Открытость

В таблице не указаны такие значимые критерии как система представлений и специфичность логики. Что касается представлений, то пока не выявлены те ключевые понятия, которые в него должны войти. Возможно это представления: о справедливости, смерти, жизни, нравственности, гендерные представления и др. Быть может, значимость понятия будет также определяться культурными границами. Действительно, как было установлено, в Китае справедливость – это

исполнение своих обязанностей в соответствии со своим статусом (вертикальный коллективизм), в России – справедливость – это когда все имеют все поровну (горизонтальный коллективизм), в США – это когда все уравниены в правах (горизонтальный индивидуализм), во Франции – это универсальная установка, связанная с личным выбором (вертикальный индивидуализм).

Если говорить о логике, то причинно-следственная западная логика кардинально отличается от восточной, а российская логика всегда начинается с отрицания. Однако, пока мало, что-либо мы можем о них сказать.

Й. Кашима (1998) доказал, что имеет смысл рассматривать коллективизм и индивидуализм *как различные культурные паттерны*. Мы выделяем в них психологические компоненты. При этом, они могут быть противоположностями, но не обязательно содержать бинарное, одинаковое число элементов. Так восточное понятие «лица» не актуально в западной культуре.

Безусловно, самым важным вопросом в изучаемом конструкте является – степень его изменчивости.

Г. Триандис отмечает, что ситуация может менять соотношение коллективизма и индивидуализма в культуре. Так всевозможные экстремальные ситуации приводят к тому, что идиоцентрики активизируют аллоцентрические установки. Ситуации, требующие сотрудничества, согласия, активизируют горизонтальные установки. Следовательно, конструкт может меняться под влиянием ситуации, но не кардинально.

В русской философии полагается, что российский народ имеет коллективистские корни и практически не изменил их за последние столетия. **Н.А. Бердяев** подмечал, что русский народ всегда любил жить «в тепле коллектива». **И.А. Ильин** писал, что наш девиз: «один за всех, все за одного». **К.Н. Леонтьев** подчеркивал: у россиян силен «наш сельский поземельный мир». **А.С. Хомяков** выделял главной нравственной целью – достижение того, чтобы «силы каждого принадлежали всем и силы всех каждому». **Л.Н. Гумилев** установил, что природные условия Евразии способствовали объединению людей, а не обособлению, однако ученые подчеркивали своеобразие коллективизма России. **В.К. Кантор** писал, что русским реалиям присущи – «склонность к стихийности, бунту, нигилизм, произвол и т. п.». **В.С. Соловьев** подчеркивал, что эта особенность заложена еще в родоплеменном строе: «неспособность к единству, порядку и организации» были отличительными свойствами славянского племени. Следовательно, можно заключить, что коллективизм в западном понимании, отличается от российского коллективизма, поскольку построен не на организационном, а на духовном единстве.

Однако, современные психологические исследования показывают, что со сменой экономического и политического строя происходит трансформация менталитета россиян в конце XX века [6]. Исходя из этого, можно предположить, что меняется и коллективизм россиян.

Необходимо отметить, что в отечественной науке мало работ, посвященных эмпирическому исследованию конструкта коллективизм/индивидуализм на российской выборке. Можно отметить работы следующих авторов, которые исследуют его отдельные аспекты: **К.А. Абульханова, Е.Е. Будалина, К.К. Касьянова, К.В. Коростелина, Н.М. Лебедева, М.Т. Ногерова, Г.У. Солдатова, Ю.Н. Толстова** и др. Анализ отечественных работ приводит к следующему.

Ю.Н. Толстова пишет, что коллективизм стоит понимать с российских позиций как умение сочувствовать [7].

Этому требованию уже отвечают исследователи. **К.К. Касьянова** еще в 1982 году доказывает, что в отличие от американского коллективизма, наш – тяготеет подсознательно к «соборности» (высший уровень единомыслия). А поскольку это так, то наша Я-концепция должна быть взаимозависимой [8, с. 155].

Взаимозависимое Я диагностировала на выборке жителей Юга России, исходя из особенностей общения, **М.Т. Ногерова (1997)** в своем диссертационном исследовании [9].

Неоднородность распространения отдельных параметров коллективизма и индивидуализма в различных субкультурах россиян была показана в исследовании **К.А. Абульхановой (1997)** [10]. **А.А. Бодалев (2002)**, пишет, что «Я-человека коллективиста и альтруиста было обнаружено у 90% представителей старшего поколения россиян, и одновременно у 7% обследованных молодых наших сограждан Я по своим основным характеристикам оказалось индивидуалистическим» [11, с.15].

По высказываниям **Н.М. Лебедевой (1999)** заключает, что несмотря на «ситуативность» ценности традиционно русской культуры, которая зависит от особенностей этнического окружения, располагаются ближе к полюсу коллективистски-ориентированных культур [12].

К.В. Коростелина с помощью методики культурно-ценностного дифференциала выявила, что славянская группа ориентирована на группу, открыта переменам, направлена на взаимодействие, характеризуется слабым социальным контролем. Это позволило автору сделать вывод, что славянской группе свойственна идеоцентричность. Хотелось бы заметить, что выборка испытуемых была очень смешанных возрастов от 19 до 49 лет [13].

Аналогичную работу проделала **Е.Е. Будалина (2003)**. Она отнесла русских к коллективистской культуре, но показала, что пермяки относят русских к индивидуалистам, которые характеризовались по данным исследования: открытостью переменам, устремленностью в будущее, склонностью к риску [14].

Исходя из выше изложенного, можно заключить, что конструкт неоднозначно представлен в различных субкультурах общества. Также, можно отметить, что субъективное восприятие конструкта относительно в рамках одной культуры. Следовательно, в российских исследованиях еще не до конца операционализирован конструкт коллективизм/индивидуализм. Однако, ряд ученых

утверждают, что российская культура имеет ярко выраженный коллективистский характер, с некоторыми тенденциями к индивидуализму.

Провели в 2003 году эмпирическое исследование, в котором доказывали гипотезу, заключающуюся в том, что российский вертикальный коллективизм трансформировался в горизонтальный индивидуализм и современная южно-российская молодежь проявляет горизонтальный индивидуализм (делают акцент на уникальности каждого человека, но при равенстве всех), а пенсионеры горизонтальный коллективизм. При этом опирались на указанные в таблице 1 критерии конструкта. Это определило выбор методики: культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова).

Методика Культурно-ценностный дифференциал включает 4 шкалы: 1) Ориентация на группу – ориентация на себя; 2) Открытость переменам – сопротивление переменам; 3) Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия; 4) Сильный социальный контроль – слабый социальный контроль. Как было показано выше, эти параметры относятся к конструкту коллективизм/индивидуализм.

Используя методику, мы не полагались только на первичные статистики, как осуществила обработку К.В. Коростелина (выраженность параметров индивидуализма-коллективизма в %). Нами был проведен анализ результатов с использованием корреляционного и факторного анализа.

Выборка испытуемых была представлена студентами РААИ, ИУБиП, РВВКИУ в количестве 345 человек (200 девушек и 145 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет и пенсионерами 250 человек (150 женщин и 100 мужчин) в возрасте от 55 до 76 лет (октябрь-ноябрь 2003 г.).

Рассмотрим результаты исследования.

Статистическая обработка выявила следующие значимые связи между параметрами, табл. 2.

Таблица 2

Положительные корреляции между параметрами

Параметры	Значение корреляции	Отнесение к конструкту
Уступчивость–миролюбие	0,2678	Коллективизм
Разрушение традиций–разобщенность	0,2629	Индивидуализм
Холодность–разобщенность	0,2525	Индивидуализм
Уважение власти–законопослушность	0,3148	Коллективизм
Уступчивость–миролюбие	0,2678	Коллективизм
сердечность–открытость	0,3559	Коллективизм
сердечность–миролюбие	0,3531	Коллективизм
Разобщенность–открытость	0,2629	Индивидуализм
Агрессивность–открытость	0,2979	Индивидуализм
Разрушение традиций–холодность	0,3317	Индивидуализм
Устремленность в будущее–самостоятельность	0,2492	Индивидуализм
Соперничество–самостоятельность	0,2578	Индивидуализм
Агрессия–холодность	0,3167	Индивидуализм
Разрушение традиций–анархия	0,3184	Индивидуализм
Соперничество–замкнутость	0,2429	Индивидуализм

Агрессия–анархия	0,2428	Индивидуализм
Разрушение традиций–агрессия	0,2979	Индивидуализм
сердечность–верность традициям	0,3269	Коллективизм
верность традициям–миролюбие	0,2095	Коллективизм
холодность–открытость	0,3316	Индивидуализм

Результат показывает, что искомые конструкты на данной выборке возможно выделить и преобладает явно индивидуализм. Полагаясь на связность параметров, видим, что с ростом разрушения традиций возрастает анархия, разобщенность и агрессия. Однако, открытость присуща как коллективизму, так и индивидуализму.

Также, чем больше в российском обществе устремленность в будущее, тем больше соперничество, соперничество порождает самостоятельность и замкнутость. Верность традициям ведет к миролюбию.

После качественного анализа матрица подверглась факторному анализу. По полученной факторной матрице, которая включала 28 факторов, была проанализирована оценка вклада каждого фактора в общую дисперсию. Было выявлено, что вклад 10 факторов составляют около 91%. Поэтому в последующей операции вращения факторов по методу варимакс были выбраны 10 факторов.

Для группы мужчин.

Фактор 1 *традиционализм* коррелирует со следующими переменными: устремленность в прошлое ($r = 0,56$), подчинение ($0,61$), профессия ($-0,70$), возраст ($-0,72$).

Фактор 2 *разрушение традиций*: разрушение традиций ($0,76$), приверженность традициям ($-0,62$).

Фактор 3 *открытость*: взаимовыручка ($0,53$), открытость ($0,59$), склонность к риску ($0,58$).

Фактор 4 *недоверие власти*: недоверие власти ($0,75$).

Фактор 5 *миролюбие*: уступчивость ($0,70$), миролюбие ($0,65$).

Фактор 6 *индивидуализм*: самостоятельность ($0,6$), устремленность в будущее ($0,69$), соперничество ($0,61$).

Фактор 7 *дисциплинированность*: замкнутость ($-0,56$), дисциплинированность ($0,75$).

Таким образом, в группе мужчин прослеживаются: ориентация на группу (подчинение и взаимовыручка), что свидетельствует о горизонтальном коллективизме и толерантности. С другой стороны тенденции к разрушению традиций, открытость переменам, склонность к риску свидетельствует о индивидуализме. Выявилось также недоверие к авторитетам и своеволие. Уступчивость может свидетельствовать о низкой мотивации достижения.

Для группы женщин:

Фактор 1 *холодность* коррелирует со следующими переменными: закрытость ($r = -0,54$), агрессивность ($-0,50$), разрушение традиций ($0,61$), холодность ($0,72$), сердечность ($-0,64$).

Фактор 2 *индивидуализм*: самостоятельность ($0,66$), устремленность в будущее ($0,59$), соперничество ($0,69$).

Фактор 3 *осторожность*: законопослушность ($0,67$), осторожность ($0,73$).

Фактор 4 *своеволие*: своеволие ($0,69$).

Фактор 5 *возраст*: возраст ($0,73$).

Фактор 6 *замкнутость*: взаимовыручка ($-0,73$), замкнутость ($0,80$).

Фактор 7 *подчиненность*: национальность ($0,76$), подчинение ($0,65$).

Фактор 8 *устремленность в прошлое*: устремленность в прошлое ($0,78$).

Фактор 9 *склонность к риску*: склонность к риску ($0,68$).

Фактор 10 *дисциплинированность*: дисциплинированность ($0,69$).

В женской группе, как мы видим, преобладает холодный эмоциональный фон. Большое устремление в будущее, разрушение традиций. В отличие от группы мужчин ориентация на себя, а не на группу, также высоко соперничество, что свидетельствует о возможно высокой мотивации достижения. При этом в женской группе склонность к риску сочетается с осторожностью, а недоверие власти с дисциплинированностью.

Рассмотрим результаты в группе пенсионеров.

В группе пенсионеров преобладает ориентация на группу, взаимовыручка ($r = 0,65$), верность традициям ($0,70$). При этом отмечается, что преобладают как подчинение групповым нормам ($0,49$), так и самостоятельность ($0,52$). В группе студентов преобладает самостоятельность.

В ориентациях на изменения наблюдаются: большая открытость ($0,52$), устремленность в будущее ($0,66$) наравне с устремленностью в прошлое ($0,70$). То есть в группе пенсионеров наблюдаем как большое почтение истории страны, так и надежды на новое. В группе студентов мы наблюдаем неприятие прошлого. Также у пенсионеров уравниваются склонность к риску ($0,54$) и осторожность ($0,69$). В группе молодежи риск преобладает.

В ориентациях на взаимодействие: в группе пенсионеров преобладает миролюбие ($0,74$) и сердечность ($0,68$). Интересно, что уступчивость ($0,57$) и соперничество ($0,55$) также уравниваются. Соперничество люди прошлого поколения определяют как соревновательность, которая была характерна для эпохи социализма.

В ориентациях на социальный контроль: преобладает дисциплинированность (0,77) и законопослушность (0,69), уважение власти (0,59). В группе студентов – непринятие власти.

Общие данные для обеих групп.

Согласно наибольшему факторному весу *фактор 1* можно назвать фактором – *душевность*. С ним наиболее положительно коррелируют такие переменные: сердечность (0,664), уступчивость(0,633), миролюбие(0,630), открытость(0, 597). И отрицательно коррелирует – холодность(-0,432).

Фактор 2 – разобщенность. С данным фактором положительно коррелирует: разобщенность(0,555), разрушение традиций(0,750), холодность(0, 484), агрессивность(0,425), отрицательно коррелирует – верность традициям(-0,602).

Фактор 3 – самостоятельность(0,644).

Фактор 4 – индивидуализм. Он представлен следующими параметрами: пол (0,878), устремленность в будущее(0,709), соперничество(0,632), осторожность(0,403).

Фактор 5 – недоверие к власти. С ним положительно коррелируют: недоверие к власти(0,786), отрицательно коррелирует: уважение власти(-0,778), законопослушность(-0,48).

Фактор 6 – традиционализм. Он представлен: подчинением(0,552), устремленностью в прошлое(0,504), агрессивностью(0,374), национальностью(0,577).

Фактор 7 – коллективизм. Он представлен параметрами: взаимовыручка(0,615), дисциплинированность(0,402), осторожность(-0,352).

Фактор 8 – своеволие, его представляет своеволие(0,751).

Фактор 9 свободолюбие. Он представлен такими характеристиками: своеволие(0,751), дисциплинированность(-0,582), законопослушность(-0,361), склонность к риску(0,594), анархия(0,391).

Фактор 10 – анархия. Он представлен следующими характеристиками: анархия(0,407), возраст(0,818).

Меньше всего расхождений между группой студентов и пенсионеров по шкале направленность на взаимодействие. Это может свидетельствовать, что среди данных групп наиболее распространены горизонтальные особенности конструкта. Отношение ко власти свидетельствует о том, что среди групп нет иерархичности, следовательно отсутствуют вертикальные тенденции.

Выводы:

1. С позиции отечественных исследователей конструкт коллективизм/индивидуализм – это описательно-эмпирическая модель направленности, активности и самоопределения этносубъектов. Если западный конструкт строится, полагаясь на основополагающий критерий – целевые установки (на группу и на себя), то отечественный конструкт строится, исходя из критерия ценностей сопричастности/отделенности.

2. У студенческой молодежи Ростова-на-Дону представлены следующие параметры конструкта индивидуализм/коллективизм: душевность, разобщенность, самостоятельность, индивидуализм, недоверие к власти, традиционализм, коллективизм, соеволье, свободолюбие, анархия. То есть, явное тяготение к индивидуализму. Присутствие коллективистских начал и отсутствие иерархичности может свидетельствовать о том, что мы имеем дело с *горизонтальным индивидуализмом*, что подтверждает гипотезу.

3. Женская группа характеризуется: холодностью, соперничеством, склонностью к риску – возможно, это образ молодой россиянки, вступающей в эпоху индивидуализма. А группа мужчин колеблется между индивидуализмом и коллективизмом и проявляет: миролюбие, дисциплинированность.

4. В группе пенсионеров выявлен конструкт *горизонтального коллективизма*, характеризующегося: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью и уважением власти.

5. Конструкт коллективизм/индивидуализм является интегральной составляющей культуры. Его критериями выступают: нормы, правила, установки общения, направленности личности, особенности активности, концепции личности, культурные представления, концепция-Я, особая логика.

6.3. Исследование межпоколенной интолерантности по параметрам: отношение к другим, виды толерантности и принятие решений

II ЭТАП

Современный мир молодым человеком воспринимается как данность, плохо зная историю, он не видит каким трудом она построена и поэтому не испытывает благодарности и не признает никаких обязанностей.

Американские и российские социологи показывают в своих исследованиях, что на этом фоне мы являемся свидетелями обострения проблемы взаимоотношений между поколениями, меняется характер наследования традиций, меняются общественные нормы. В прошлом основным источником связи между поколениями была вербальная культура. Однако, как констатируют специалисты, современная молодежь меньше читает, хуже пишет, затрудняется выделить главную мысль текстов, а это приводит к вакууму знаний традиционных литературных источников, носителей культурного

достояния. Сужается и пространство использования традиционных средств коммуникации. Таким образом, поколения замыкаются на общении в кругу сверстников. «Разрастания разделенности формирует новую позицию по отношению к иным («чужим») поколениям. Каждое поколение все более склоняется к наблюдению, к исполнению функции экспертов, к взаимной экспертизе», – пишет О.Н. Козлова [с. 140]. Психологически всякое оценивание приводит к напряжению отношений между поколениями.

В отечественной психологии такие авторы как И.С.Кон, А.В.Мудрик Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский, Е.Ф. Рыбалко, О.Ю. Артемова, М.В. Гамезо, Е.И. Головако, А.А.Кроник, А.Г.Асмолов, и др. уделяют большое внимание следующим вопросам: переживания поколениями прошлого, настоящего и будущего, представлениям о психологическом возрасте, временной саморегуляции личности, возрастным изменениям и др. По данным исследователей современное Российское общество стоит перед проблемой становления новой социальной идентичности. В этом аспекте и рассматриваются толерантные/интолерантные отношения между поколениями. В недостаточной мере изучен вопрос психологической детерминации межпоколенных отношений.

Теоретическая актуальность проблемы напрямую связана с ее практической актуальностью.

Институты социальной поддержки еще в недостаточной мере развиты в нашей стране. Потенциал Российского общества – молодежь довольно агрессивно и прагматично смотрит в будущее. Задачей институтов является построения программ гражданского воспитания молодежи. Поэтому специалистам необходимо знать, на какой психологический потенциал молодежи необходимо опираться.

Пенсионеры являются наиболее незащищенной субкультурой страны. В западных странах довольно интенсивно внедряются программы социально-психологической поддержки пожилых людей. В нашей стране ученые и социальные работники стоят перед практической проблемой построения и внедрения данных программ. Исследования психологической особенности людей пожилого возраста позволит грамотно, с опорой на реальность внедрить программы реабилитации, поддержки пенсионеров.

6.3.1. Межпоколенная интолерантность и толерантность

Актуальность данной проблемы и стимулировало проведение исследования особенностей менталитета молодежи и пенсионеров Юга России. В исследовании принимала участие дипломница Л.А. Чичик.

Гипотеза II этап исследования: рассогласование между параметрами межпоколенной толерантность служит индикатором повышения напряженности между поколениями.

Методики

Методика измерения рациональности (Е.П. Ильин).

Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталова).

Методика исследования различных видов толерантности (В.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура).

Методика «Представления человека о себе и других людях» (Лири).

Выборка испытуемых была представлена студентами РААИ, ИУБиП, РВВКИУ в количестве 300 человек (195 девушек и 105 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет и пенсионерами 200 человек (106 женщин и 94 мужчин) в возрасте от 55 до 76 лет (апрель – май, сентябрь – октябрь 2004 г.).

Результаты проведения методики «Виды толерантности» свидетельствуют, что в группе молодежи преобладают следующие виды толерантности: этническая толерантность получила самые низкие баллы, что свидетельствует о непринятии людей иных национальностей. Выше среднего получила толерантность к сложности и неопределенности окружающего мира, что подтверждает стремление к риску у молодежи. Средние баллы получила толерантность к иным взглядам, толерантность отступления от общепринятых норм и неавторитаризм, что отражает возрастные особенности молодежи и индивидуалистические тенденции.

В группе пенсионеров низкие баллы были получены по толерантности отступления от общепринятых норм, что свидетельствует о приверженности к традициям. Очень низкая толерантность выявлена к иным взглядам и неавторитаризм, что свидетельствует о возрастных особенностях. Средние баллы были получены по этнической толерантности, что свидетельствует о терпимости к другим национальностям. Выше среднего получены баллы по толерантности к сложности и неопределенности окружающего мира, что может свидетельствовать о жизненном опыте и коллективистским тенденциям.

В целом результаты измерения видов толерантности в группе молодежи и пенсионеров, значимо различаются. Что косвенно может быть предпосылкой их интолерантных отношений.

В результате корреляционного анализа (статистика проводилась с помощью пакета программы STATGRAPHICS PLUS for Windows) видов толерантности в названных группах были получены следующие результаты.

Таблица 1.

Значимые корреляционные связи между видами толерантности в группе пенсионеров и молодежи

Виды толерантности (молодежь)	Виды толерантности (пенсионеры)	Значение корреляции
Этническая	к иным взглядам	0, 50
Этническая	к сложности и неопределенности	0, 67
к иным взглядам	к иным взглядам	0, 69
к иным взглядам	отступление от норм	0, 73
отступление от норм	Неавторитаризм	0, 77
К сложности и неопределенности	к сложности и неопределенности	0, 63
Неавторитаризм	к иным взглядам	0, 46
Неавторитаризм	отступление от норм	0, 72

Факторный анализ статистики толерантности имел следующие результаты в группе молодежи, где – 1 – этническая толерантность, 2 – толерантность к иным взглядам, 3 – толерантность к отступлению от принятых норм, 4 – толерантность к сложности и неопределенности, 5 – неавторитаризм.

Таблица 2.

Факторные нагрузки по пяти признакам в группе молодежи

№	Фактор 1	Фактор 2
1	0,75	-0,22
2	0,31	0,87
3	0,94	0,01
4	0,83	-0,38
5	0,73	0,26

Существенные только два фактора: первый фактор это линейная комбинация четырёх видов толерантности (этническая толерантность, отступление от норм, к сложности и неопределенности, неавторитаризм) второй фактор это толерантность к иным взглядам.

Таблица 3.

Факторные нагрузки по пяти признакам в группе пенсионеров

№	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	0,80	0,69	0,01
2	0,69	0,24	-0,27
3	0,71	0,33	0,30
4	0,34	0,02	0,93
5	0,20	0,91	0,21

Существенны три фактора в группе пенсионеров. Первый фактор это линейная комбинация первого, второго и третьего признаков (этническая толерантность, к иным взглядам и отступлению от норм), второй фактор это линейная комбинация первого и пятого признаков (этническая толерантность и неавторитаризм), третий фактор это в основном четвёртый признак (толерантность к сложности и неопределённости).

По всей видимости, эти факторы и являются составляющими толерантности в группе молодежи и пенсионеров.

По методике измерение представлений о себе и о других были получены следующие результаты:

1. по тенденции к лидерству молодежь имеет средний результат, пенсионеры – низкий.
2. по показателю уверенности в себе молодежь имеет более низкие результаты, чем пенсионеры.
3. требовательность пенсионеров выше, чем у молодежи.
4. по проявлению негативизма как у пенсионеров, так и у молодежи показатель ниже среднего.
5. уступчивость у молодежи ниже, чем у пенсионеров.
6. доверчивость у пенсионеров выше, чем у молодежи.
7. добросердечие у пенсионеров выше, чем у молодежи.
8. отзывчивость у пенсионеров выше, чем у молодежи

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 4, 5.

Таблица 4.

Значимая связь наблюдается между следующими парами признаков в группе молодежи

Виды отношений		значение корреляции
Уступчивость	доверчивость, добросердечие, отзывчивость, требовательность, тенденция к лидерству	0,80
Доверчивость	отзывчивость, тенденция к лидерству, уверенность в себе, скептицизм, уступчивость	0,57
добросердечие	Тенденция к лидерству, скептицизм, уступчивость, доверчивость	0,69
Отзывчивость	уверенность в себе, уступчивость, доверчивость	0,73

Таблица 5.

Значимая связь наблюдается между следующими парами признаков в группе пенсионеров

Виды отношений		значение корреляции
Тенденция к лидерству	требовательность, уступчивость	0,66
Уверенность в себе	уступчивость, доверчивость, отзывчивость	0,72
требовательность	Добросердечие	0,70
Уступчивость	добросердечие, отзывчивость	0,89
Доверчивость	добросердечие, отзывчивость	0,64
Добросердечие	Отзывчивость	0,95
Скептицизм	уступчивость, доверчивость, добросердечие, отзывчивость	0,51

Данные результаты довольно четко характеризуют представления о других у исследуемых групп. Молодежь характеризуется властностью, неуступчивостью, упрямством и холодностью. Пенсионеры в свою очередь более требовательны, уверены в себе, более отзывчивые, но упрямые. Понятно, что эти результаты можно отнести только к данной группе испытуемых, но и они подтверждают представления о молодежи и пенсионерах, как о партнерах интолерантных отношений.

6.3.2. Степень выраженности и соотношение этнической толерантности и этнической идентичности студентов

Актуальность темы определила цель нашего исследования: изучить степень выраженности этнической толерантности и ее соотношение с этнической идентичностью студентов двух национальных групп ИУБиП (2005). Объектом исследования выступили студенты различных специальностей в количестве 70 человек в возрасте от 18 до 25 лет. С целью регистрации показателей различных видов толерантности применялась методика исследования различных видов толерантности (В.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура).

Этническая идентичность фиксировалась по методике «Пять национальных качеств».

В результате были получены следующие данные: этническая толерантность у русских была фиксирована в 28,6%, у армян – 23,2%; толерантность к иным взглядам – русские 30,4%, армяне – 31,4%; толерантность к отступлениям от общепринятых норм – русские 18,3%, армяне – 35,6%; толерантность к сложностям и неопределенности мира – русские 22,8%, армяне – 34%. Как видно русские несильно, но превышают по степени этнической толерантности армян, но проигрывают по толерантности отступления от общепринятых норм. Из чего может следовать, что морально-этическая сторона отношений у русских ниже в отношениях, чем у армян. Выборки были сопоставлены по t-критерию Стьюдента. Значимость различий в двух группах были обнаружены по показателям: этнической толерантности (3,55), толерантности к сложности и неопределенности (7,52) и толерантности отступления от общепринятых норм (10,64).

По показателю этнической идентичности в русской группе были выделены следующие качества: открытость (31%), терпимость и доброжелательность (28,6%), лень (25,7%), духовность, дружелюбие (14,3%), гостеприимство, щедрость (11,4). В армянской группе выделены такие качества как: сплоченность (34%), гостеприимство (25%), работоспособность, коммуникабельность, связь с традициями (20%), доброжелательность, щедрость (17%), гордость, жизнерадостность, отзывчивость (14,3%). В армянской группе было больше положительных выборов в пользу этнической идентичности, чем в русской группе. В обеих группах была обнаружена очень тесная связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью ($r = 0,99$).

Таким образом, в воспитательном процессе вуза необходимо обратить внимание на формирование позитивной этнической идентичности русских и пытаться через различные культурно-массовые мероприятия развивать этническую толерантность у студентов.

6.3.3. Способы принятия решений молодежи

Результаты методики измерения рациональности.

Выбор психологических оснований при принятии остается актуальной темой. В истории науки утвердилось несколько подходов, объясняющих процесс принятия решений. Самым ранним является диспозиционный подход. Диспозиция представляется устойчивой предрасположенностью человека вести себя определенным образом в различных ситуациях, обусловленная чертами личности и ее мотивацией. В последней трети XX века многие ученые отказались от диспозиционной теории в пользу более изменчивых, ситуационно-специфических индивидуальных свойств (Pervin, 1990, Block, Peterson, 1955, Blaylock, 1981). Существует и информационные подходы к принятию решений в инженерной психологии (Б.А.Душков, Б.Ф.Ломов, В.Ф.Рубахин, 1986). В основе принятия решений при этом лежат особые преобразования информации. Сегодня наиболее популярным является подход, описывающий различные эвристики (А.Тверский, Д.Каннеман, Э.Аронсон, К.Фидлер и др.). Фактически, это представления об иррациональных основаниях в принятии решений.

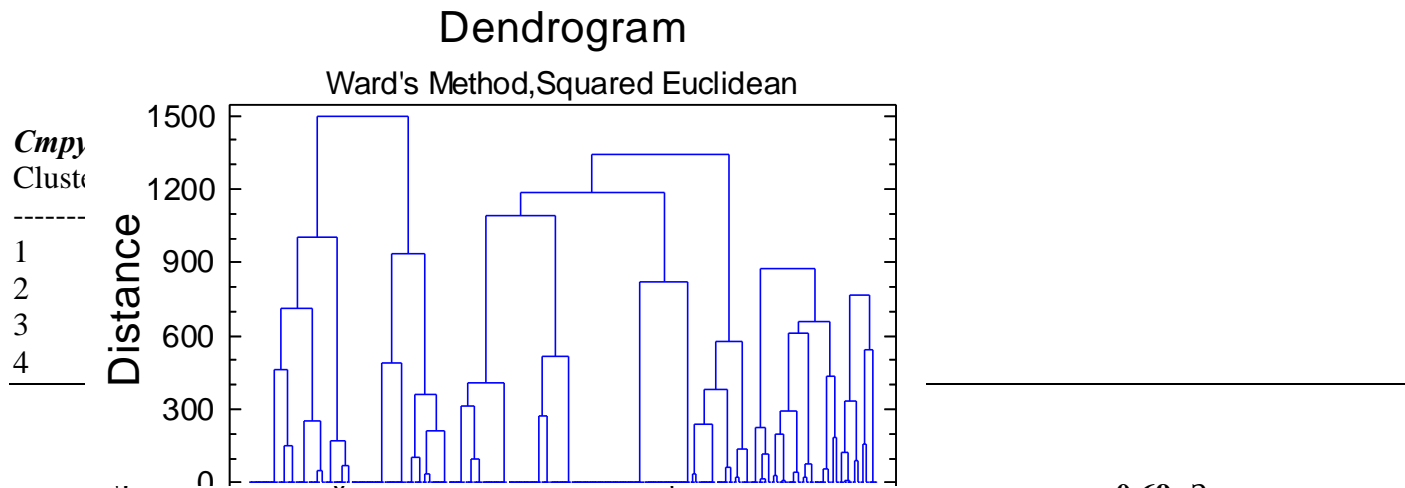
В предлагаемом исследовании будем придерживаться представлений о стиле принятия решений как устойчивом наборе характеристик, способов выявления и представления проблемных ситуаций и средств ее разрешения (М.А.Холодная, 2002). *Гипотеза:* сочетание способов и оснований рационализации дает типы принятия решения. *Объектами* исследования выступили студенты ростовских вузов в количестве 296 человек из них 140 женщин. Исследование способов принятия решения (ноябрь 2004) проводилось с использованием *методики* «Измерение рациональности» (Е.П.Ильин, 2003). В ходе обработки результатов нами была предпринята попытка расширения шкал методики. Получены следующие шкалы: 1) импульсивность-содержательность принятия решения, 2) интернальность-экстернальность, 3) случайность-последовательность, 4) решительность-нерешительность, 5) опора на интуицию-опора на логику, 6) прагматизм-духовность, 7) ситуативность-внеситуативность. Обработка результатов осуществлялась с помощью пакета прикладных программ STATGRAPHICS for WINDOWS. При обработке использован аппарат кластерного анализа – для определения числа способов принятия решений, факторный анализ – для оценки содержательных признаков способов, фрактальный анализ для оценки характера стабильности полученных результатов.

Основные параметры статистик: x_1 – отношение к последствиям решения, x_2 – уровень самостоятельности, x_3 – уровень решительности, x_4 – вклад анализа и интуиции, x_5 – степень

отношения к обстоятельствам, x_6 – степень бесшабашности, спонтанности, x_7 – уровень прагматичности и реалистичности, x_8 – последовательность, настойчивость.

1. Кластерный анализ

Вариант четырёх кластеров

Для полученной структуры кластеров фрактальная размерность равна **0.69**. Значит система способов принятия решений близка к антиперсистентной, склонной к изменениям.

2. Факторный анализ

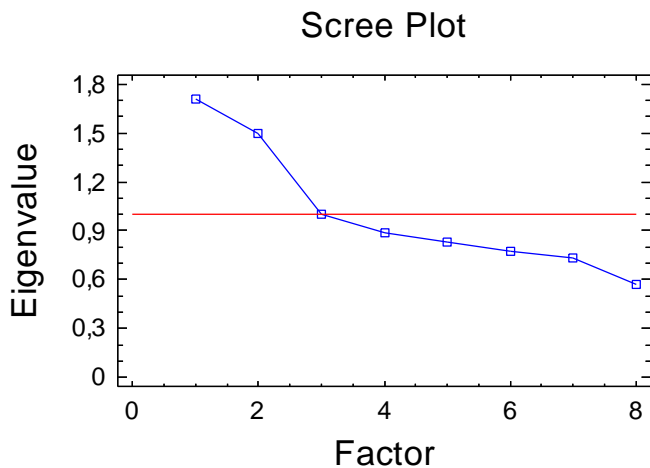

Рис.1. Зависимость собственного числа от числа факторов

Из рис.1. видно, что существенных **два** фактора

Нагрузки на факторы:

1) До ротации

Factor Loading Matrix After No Rotation

	<i>Factor</i> <i>1</i>	<i>Factor</i> <i>2</i>
<i>x1</i>	-0,676898	0,309276
<i>x2</i>	0,112906	0,294854
<i>x3</i>	0,467532	0,568703
<i>x4</i>	-0,276418	0,605191
<i>x5</i>	0,448406	0,401305
<i>x6</i>	-0,381995	0,568227
<i>x7</i>	0,49445	0,362108
<i>x8</i>	0,591004	-0,109096

2) После ротации

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation

	<i>Factor</i> <i>1</i>	<i>Factor</i> <i>2</i>
<i>x1</i>	0,709214	-0,225516
<i>x2</i>	0,114394	0,29428
<i>x3</i>	0,0356	0,735351
<i>x4</i>	0,61127	0,262702
<i>x5</i>	-0,0626647	0,598488
<i>x6</i>	0,66466	0,164404
<i>x7</i>	-0,123104	0,600374
<i>x8</i>	-0,511126	0,31613

Factor Loading Matrix After Equimax Rotation

	<i>Factor</i> <i>1</i>	<i>Factor</i> <i>2</i>
<i>x1</i>	0,709214	-0,225516
<i>x2</i>	0,114394	0,29428
<i>x3</i>	0,0356	0,735351
<i>x4</i>	0,61127	0,262702
<i>x5</i>	-0,0626647	0,598488
<i>x6</i>	0,66466	0,164404
<i>x7</i>	-0,123104	0,600374
<i>x8</i>	-0,511126	0,31613

Factor Loading Matrix After Quartimax Rotation

	<i>Factor</i> <i>1</i>	<i>Factor</i> <i>2</i>
<i>x1</i>	0,708794	-0,226834
<i>x2</i>	0,114941	0,294067

<i>x3</i>	0,0369675	0,735284
<i>x4</i>	0,611757	0,261565
<i>x5</i>	-0,0615516	0,598603
<i>x6</i>	0,664965	0,163168
<i>x7</i>	-0,121987	0,600602
<i>x8</i>	-0,510537	0,31708

Нагрузки свидетельствуют, что

- первый фактор нагружен наблюдениями *x1,x8* до ротации, *-x1,x4,x6*, после ротации Equimax и *- x1, x4, x6, x8* после ротации Quartimax что можно интерпретировать как связь с последствиями, вкладом анализа и интуиции, степенью спонтанности, последовательность в принятии решения
- второй фактор нагружен наблюдениями *x3,x4,x6* до ротации, после ротации Equimax и Quartimax – *x3,x5,x7*, что можно интерпретировать как связь с уровнем решительности, степенью отношения к обстоятельствам, уровнем прагматичности в принятии решения

3. Факторный анализ способов принятия решений (по кластерам)

3.1. Первый кластер (способ)

Factor Analysis

Factor Number	Eigenvalue	Percent of Variance	Cumulative Percentage
1	2,21068	36,845	36,845
2	1,24752	20,792	57,637
3	1,00075	16,679	74,316
4	0,709444	11,824	86,140
5	0,505391	8,423	94,563
6	0,326208	5,437	100,000

Фрактальный анализ

Для полученной структуры факторов фрактальная размерность равна **1,01**. Значит второй способ близок к персистентному.

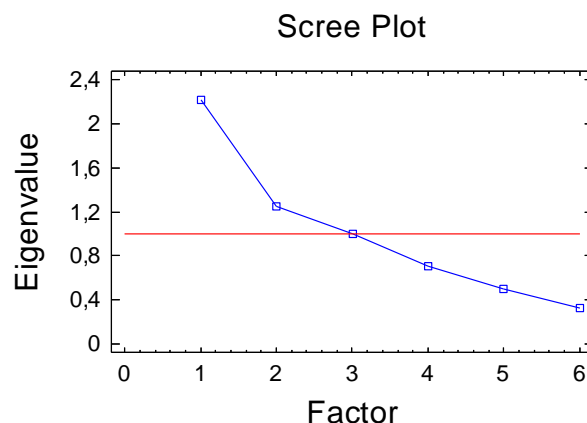

Рис.2. Зависимость собственного числа от числа факторов

Из рис.2. видно, что существенных ТРИ фактора

Factor Loading Matrix Before Rotation

		<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
		<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
X2	0,543509	-0,489371	-0,396784	
X3	0,64833	-0,00510803	0,486482	
X4	0,610571	0,293754	0,562935	
X5	0,830133	-0,00810531	-0,278167	
X6	0,276502	-0,79919	0,162582	
X7	-0,597141	-0,531931	0,431212	

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation

		<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
		<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
X2	0,427014	-0,0525427	0,712196	
X3	0,121011	0,773015	0,211722	
X4	0,162281	0,861812	-0,0832382	
X5	0,728294	0,303206	0,37976	
X6	-0,226951	0,151311	0,816816	
X7	-0,878345	-0,139353	0,185911	

Factor Loading Matrix After Equimax Rotation

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
X2	0,423086	-0,053147	0,714491
X3	0,120301	0,772838	0,212768
X4	0,163232	0,861759	-0,0819174
X5	0,726385	0,302592	0,383885
X6	-0,231321	0,151035	0,815641
X7	-0,879428	-0,138934	0,181041

Factor Loading Matrix After Quartimax Rotation

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
X2	0,438428	-0,0517661	0,705284
X3	0,123685	0,77324	0,209341

X4	0,160138	0,861913	-0,08629
X5	0,734014	0,304073	0,36787
X6	-0,21396	0,151554	0,82027
X7	-0,875123	-0,140045	0,200048

Нагрузки свидетельствуют, что для первого способа принятия решения

- первый фактор (доминирующий) нагружен наблюдениями x5,x7, что можно интерпретировать как связь со степенью отношения к обстоятельствам, уровнем прагматичности в принятии решения
- второй фактор нагружен наблюдениями x3,x4, что можно интерпретировать как связь с уровнем решительности, вкладом анализа и интуиции при принятии решения
- третий фактор нагружен наблюдениями x2, x6, что можно интерпретировать как связь уровнем самостоятельности, степенью бесшабашности, спонтанности в принятии решения

Вариант интерпретации первого способа: Судя по нагрузкам доминирующего фактора, это ситуационный способ (48% аудитории); его отличает от других способов нагрузка x5 (степень отношения к обстоятельствам); принимающий решение в определённой степени основывается на связях, обусловленных обстоятельствами и реалиями среды. Пользуясь терминологией поведенческой психологии, это способ можно назвать *репрезентативно-эвристическим*, когда решения принимаются на основании репрезентативной эвристики (на основании возникающих в памяти примеров).

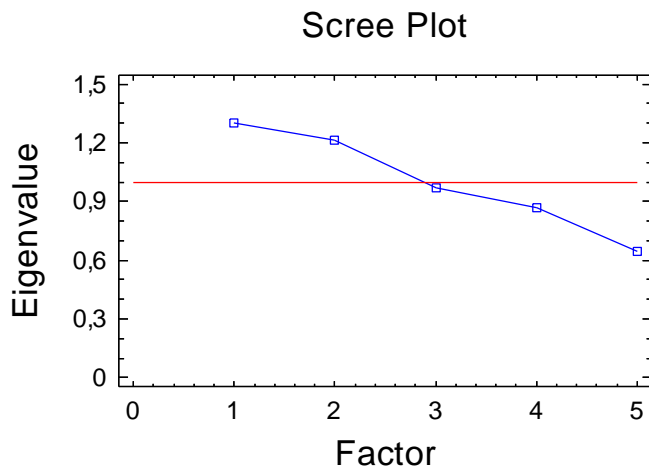
Согласуется ли это с дивергентным способом обучения, характерным для 50% аудитории, как показано в [].

3.2. Второй кластер (способ) Factor Analysis

Factor Number	Eigenvalue	Percent of Variance	Cumulative Percentage
1	1,33933	26,787	26,787
2	1,05844	21,169	47,955
3	0,965807	19,316	67,272
4	0,858776	17,176	84,447
5	0,777645	15,553	100,000

Фрактальный анализ

Для полученной структуры факторов фрактальная размерность равна **3,03**. Значит первый способ близок к антиперсистентному.

6

Из рис.3. видно, что существенных **два** фактора

Factor Loading Matrix Before Rotation

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	<i>1</i>	<i>2</i>
<i>X2</i>	0,718842	0,379052
<i>X3</i>	0,276189	-0,610368
<i>X4</i>	0,246232	-0,496952
<i>X6</i>	0,204863	-0,643048
<i>X7</i>	0,77947	0,192696

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	<i>1</i>	<i>2</i>
<i>X2</i>	0,808287	-0,0841727
<i>X3</i>	0,0290904	0,669316
<i>X4</i>	0,0435121	0,5529
<i>X5</i>	-0,0492751	0,673091
<i>X6</i>	0,795176	0,111358

Factor Loading Matrix After Equimax Rotation

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	<i>1</i>	<i>2</i>

	-----	-----
X2	0,808287	-0,0841727
X3	0,0290904	0,669316
X4	0,0435121	0,5529
X5	-0,0492751	0,673091
X6	0,795176	0,111358

Factor Loading Matrix After Quartimax Rotation

	Factor	Factor
	1	2
	-----	-----
X2	0,808592	-0,0811923
X3	0,0266227	0,669418
X4	0,0414735	0,553056
X5	-0,0517562	0,672905
X6	0,79476	0,114289

Нагрузки свидетельствуют, что для второго способа принятия решения

- первый фактор (доминирующий) нагружен наблюдениями x2, x6, что можно интерпретировать как связь с уровнем самостоятельности, степенью бесшабашности, спонтанности в принятии решения
- второй фактор нагружен наблюдениями x3, x4, x5, что можно интерпретировать как связь с уровнем решительности, вклад анализа и интуиции, связь со степенью отношения к обстоятельствам при принятии решения

Вариант интерпретации второго способа: способ по нагрузкам в основном совпадает с первым, он не нагружен только x7 (уровень реалистичности); (32% аудитории); но, судя по нагрузкам доминирующего фактора, это способ, в котором главное - Локус-контроль и степень спонтанности; его отличает от других способов нагрузка x2 (Локус-контроль); это способ субъективный. Пользуясь терминологией поведенческой психологии, это способ можно назвать **эвристически-аккомодирующим**, когда решения принимаются на основании начальных оценок (своих или чужих), оценок начала отсчёта и согласования решений с текущей информацией.

Согласуется ли это с аккомодирующим способом обучения, характерным для 30% аудитории, как показано в []? Для ответа на этот вопрос следует изучить статистику нагрузок x_i для первого способа.

3.3. Третий кластер (способ)

Фрактальный анализ

Для полученной структуры факторов фрактальная размерность равна **1,42**. Значит третий способ близок к персистентному.

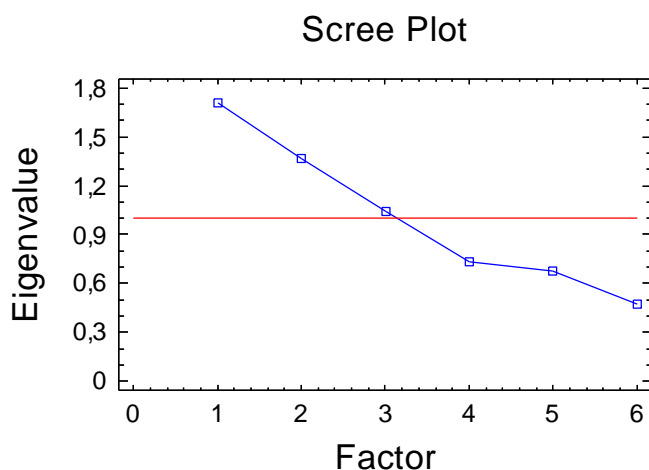

Рис.4. Зависимость собственного числа от числа факторов

Из рис.4. видно, что существенных ТРИ фактора

Factor Analysis

Factor Number	Eigenvalue	Percent of Variance	Cumulative Percentage
1	1,70752	28,459	28,459
2	1,37031	22,839	51,297
3	1,04207	17,368	68,665
4	0,73575	12,263	80,928
5	0,674339	11,239	92,166
6	0,47001	7,834	100,000

Factor Loading Matrix Before Rotation

	Factor 1	Factor 2	Factor 3
X2	0,641418	0,0829402	0,4077
X3	0,33728	0,807667	-0,152223
X4	0,637778	-0,331922	-0,252234
X5	-0,415034	0,669818	0,36012
X6	0,639819	0,360041	-0,348345
X7	0,440414	-0,150494	0,733501

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation

	<i>Factor</i> <i>1</i>	<i>Factor</i> <i>2</i>	<i>Factor</i> <i>3</i>
X2	0,273877	0,13869	0,700194
X3	0,851011	-0,252848	0,0332186
X4	0,188279	0,715345	0,182721
X5	0,152775	-0,852604	0,0179545
X6	0,747225	0,311142	0,0720278
X7	-0,127664	0,0180197	0,859077

Factor Loading Matrix After Equimax Rotation

	<i>Factor</i> <i>1</i>	<i>Factor</i> <i>2</i>	<i>Factor</i> <i>3</i>
X2	0,272956	0,136544	0,700975
X3	0,850655	-0,253956	0,0338792
X4	0,188851	0,714642	0,184868
X5	0,151726	-0,852831	0,0159774
X6	0,747484	0,310056	0,0739918
X7	-0,128974	0,0159443	0,858923

Factor Loading Matrix After Quartimax Rotation

	<i>Factor</i> <i>1</i>	<i>Factor</i> <i>2</i>	<i>Factor</i> <i>3</i>
X2	0,275883	0,143328	0,698471
X3	0,851775	-0,250451	0,0317414
X4	0,187028	0,716846	0,178067
X5	0,15506	-0,852091	0,0222136
X6	0,746649	0,313477	0,0677413
X7	-0,124801	0,0225113	0,859392

Нагрузки свидетельствуют, что для третьего способа принятия решения

- первый фактор (доминирующий) нагружен наблюдениями x3,x6, что можно интерпретировать как связь с уровнем решительности, степенью бесшабашности, спонтанности в принятии решения
- второй фактор нагружен наблюдениями x4,x5, что можно интерпретировать как вклад анализа и интуиции, связь со степенью отношения к обстоятельствам в принятии решения
- третий фактор нагружен наблюдениями x2, x7 можно интерпретировать как связь с уровнем самостоятельности, уровнем прагматичности в принятии решения

Вариант интерпретации третьего способа: Судя по нагрузкам доминирующего фактора, это **импульсивный способ**; (14% аудитории) ; это способ, в котором главное - уровни

решительности и спонтанности; его отличает от других способов нагрузка x_3 (уровень решительности)

Для ответа на этот вопрос следует изучить статистику нагрузок x_i для первого способа.

3.4. Четвёртый кластер (способ)

Фрактальный анализ

Для полученной структуры факторов фрактальная размерность равна **1,01**. Значит четвёртый способ близок к антиперсистентному.

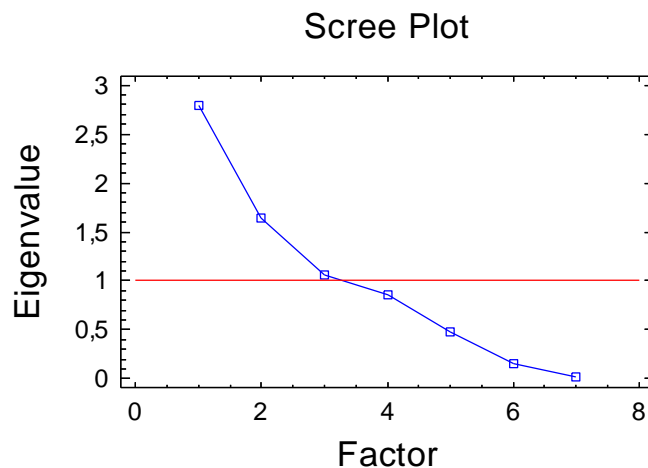

Рис.5. Зависимость собственного числа от числа факторов

Из рис.5. видно, что существенных ТРИ фактора

Factor Analysis

Factor Number	Eigenvalue	Percent of Variance	Cumulative Percentage
1	2,78876	39,839	39,839
2	1,6472	23,531	63,371
3	1,0624	15,177	78,548
4	0,857163	12,245	90,793
5	0,480611	6,866	97,659
6	0,149989	2,143	99,802
7	0,0138759	0,198	100,000

Factor Loading Matrix Before Rotation

	Factor 1	Factor 2	Factor 3
X2	0,42085	-0,831817	0,197214
X3	0,0313772	-0,61237	-0,340177
X4	0,717744	0,148562	-0,398425

X5	-0,859172	0,0774873	0,377631
X6	0,911113	-0,150809	0,292501
X7	-0,524619	-0,700256	0,156451
X1	0,501972	0,197753	0,70456

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation

	<i>Factor</i> 1	<i>Factor</i> 2	<i>Factor</i> 3
X2	0,109066	0,881523	0,344889
X3	0,112107	0,62182	-0,304095
X4	0,832011	-0,0129446	0,0596653
X5	-0,901724	-0,23233	-0,140371
X6	0,571271	0,287342	0,727675
X7	-0,62955	0,597804	-0,190677
X1	0,0661121	-0,139412	0,873888

Factor Loading Matrix After Equimax Rotation

	<i>Factor</i> 1	<i>Factor</i> 2	<i>Factor</i> 3
X2	0,0961305	0,878824	0,355466
X3	0,11584	0,625208	-0,295631
X4	0,830437	-0,0091555	0,0791271
X5	-0,896897	-0,235716	-0,163707
X6	0,552435	0,283517	0,743545
X7	-0,628137	0,596262	-0,199942
X1	0,0463079	-0,147216	0,873882

Factor Loading Matrix After Quartimax Rotation

	<i>Factor</i> 1	<i>Factor</i> 2	<i>Factor</i> 3
X2	0,140358	0,885871	0,321653
X3	0,10269	0,614646	-0,321507
X4	0,83382	-0,0237701	0,0122352
X5	-0,911295	-0,22188	-0,0842522
X6	0,615866	0,292048	0,688363
X7	-0,631484	0,603253	-0,16545
X1	0,114326	-0,124775	0,871119

Нагрузки свидетельствуют, что для четвёртого способа принятия решения

- первый фактор нагружен наблюдениями x4, x5, x6, x7 что можно интерпретировать как вклад анализа и интуиции, связь со степенью отношения к обстоятельствам, степенью бесшабашности, спонтанности, уровнем прагматичности в принятии решения

- второй фактор нагружен наблюдениями x2, x3, x7 что можно интерпретировать как связь с уровнем самостоятельности, уровнем решительности, уровнем прагматичности в принятии решения
- третий фактор нагружен наблюдениями x1, x6 можно интерпретировать как связь с последствиями, степенью бесшабашности, спонтанности в принятии решения

Вариант интерпретации четвёртого способа: способ по нагрузкам доминирующего фактора во многом совпадает с первым; судя по нагрузкам доминирующего фактора; (6% аудитории); это способ, в котором главное - уровни аналитичности и связи с обстоятельствами, степень спонтанности и прагматичности; его отличает от других способов нагрузка x4 (вклад анализа и интуиции); это *способ аналитический*.

Выводы:

1. Гипотеза исследования подтвердилась, что сочетание различных оснований и способов анализа действительности дает определенные типы принятия решений;
2. Были выявлены следующие типы принятия решения: репрезентативно-эвристический (48%), эвристически-аккомодирующий или адаптивный (32%), импульсивный или эмоциональный (14%), аналитически-интуитивный или вероятностный (6%). Данные типы принятия решения подтверждают представления о том, что люди в принятии решений редко исходят из строгой логики.
3. В группе молодежи (женщины) преобладают следующие особенности способа принятия решения – осторожность и нерешительность, что может свидетельствовать об неимпульсивности в принятии решений. В группе также наблюдается независимость от обстоятельств и самостоятельность в принятии решения, что свидетельствует об интернальности. Высокие показатели по показателю прагматичность, говорят о возможном предпочтении прагматическом подходе к принятию решений, немечтательности. Однако в группе наблюдается слабая целеустремленность, но прогнозирования будущего присутствует осторожность и нерешительность, независимость от иных мнений, прагматичность и настойчивость в осуществлении принятого решения.

6.4. Исследование параметров образа мира отдельных национальных групп

III ЭТАП

На третьем этапе исследования, проведенного совместно со студентами-психологами ИУБиП (2001, 2004) (Н. Нагай, К. Авагимов, Е. Гуриева), мы поставили задачу изучить глубинный компонент менталитета или систему архетипов.

В основу был положен кросс-культурный метод как основной метод этнопсихологии. Выборка испытуемых была представлена 3 группами: девушки и юноши в возрасте от 20 до 30 лет

русской, армянской и корейской диаспор, проживающих в городе Ростове-на-Дону. Всего в исследовании участвовало 150 человек.

Методика, предлагаемая испытуемым, представляла собой перечень 12 архетипов, выделенных К. Юнгом в коллективном бессознательном различных народов, которые необходимо было проранжировать по степени их репрезентативности в психологии данной диаспоры (приложение 6). Мы исходили из предположения, что различные архетипы имплицитно представлены на бессознательном уровне психики и транслируются в ходе семейного воспитания у народа.

Обработка полученных данных методами факторного анализа и методом главных компонент показала, что все указанные архетипы являются значимыми и ни один из них не является лишним. Применение корреляционного анализа позволило определить, что между архетипами нет тесной корреляции, каждый из них независим. На основании полученной выборки результатов нами были построены гистограммы зависимости частоты появления каждого архетипа в выборах групп испытуемых (приложение 8). Как видно из анализа гистограмм, наиболее значимыми являются три первые и две последние позиции в архетипической системе. Они и сравнивались у трех групп испытуемых у мужчин и женщин отдельно.

В группе русских испытуемых первое и второе место в представлениях народа занимают – архетипы «Дурака» или «Сироты», второе место отводится архетипам «Воина» и «Правителя», а третье место у «Искателя» и «Влюбленного». Данная система архетипов, как мы предполагаем, довольно четко отражает потребностную систему российского менталитета. Архетип «Дурака» – символ свободы, претензии на независимость, гармонично сочетается с архетипом «Сироты» – потребность в защите, богоискательстве. Определение архетипа «Дурака» на первые места подтверждается особенностями русского национального характера – «пристрастием к самопожертвованию и самоотречению» (П.Я. Чаадаев) [6], «опрощением и унижением», «принятием поношения от людей, посмеянием миру, вызовом миру» (Н. Бердяев) [1,2]. Архетип «Воина» отражает потребность защищаться и отстаивать свои границы и вместе с тем архетип «Правителя», без которого народ не может определиться с генеральной линией развития. Далее, архетип «Влюбленного», сочетающийся с «Искателем», наличие которого, подтверждает внутреннюю потребность русского народа искать свой неповторимый путь. По мнению Н.О. Лосского [5, 6], наиболее глубокой чертой характера русского народа является религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, побуждающее задумываться над вопросом о смысле жизни. На наш взгляд, эту систему архетипов возможно взять за основу, объясняя некоторые проявления во внутривнутриполитической жизни страны (неустойчивое экономическое положение, частая смена президента и ближайшего окружения, несогласованность между законодательной и исполнительной властью и т.п.).

В группе мужчин и женщин армянской национальности получены следующие результаты. На первом месте – архетипы «Правителя» и «Мудреца», на втором месте стоит архетип «Созидателя» и «Влюбленного», на третьем – «Воина» и «Служителя». На наш взгляд, армянская диаспора характеризуется созиданием, в основе которого лежит потребность воссоздавать определенные блага для устройства жизненного уклада. Позиция архетипа «Правителя» на гистограмме, на наш взгляд, объясняется тем, что в армянских семьях особо почитаются старики и мужчины – символы «Правителя», на которых держится семья и весь род. Большое значение в армянской семье придается образованию, отсюда предпочтение архетипа «Мудреца».

Результаты в группе корейской диаспоры отражали следующую картину: на первом месте – архетипы «Мудреца» и «Воина», на втором – «Созидателя» и «Мага», на третьем – «Искателя», «Служителя». Архетипы «Мага» и «Воина» представлены в культуре корейского народа следующей тенденцией – тягой к оккультизму, которая тесно связана с философией совершенствования тела и духа, отражающей в архетипе «Воина». Архетип созидателя «Мудреца» воплощен в образе старца, который передает все знание о мире другим поколениям. Влюбленный искатель – образ молодости, которая ищет свое назначение по кармическому кругу. «Служитель» несет потребности, ярко проявляющиеся у корейцев. Они выражаются в том, что корейцы превыше всего ценят верность другу, слову, семье, традиции, корейскому народу.

Обратимся к последним позициям гистограмм. Интерес представляет тот факт, что среди армянских и корейских испытуемых большинство поместили архетип «Дурака» на последнее место. С психологической точки зрения, это возможно описать как подсознательное вытеснение потребности в свободе не относительно освободительных тенденций в войнах, а свободы от бремени этнических ценностей и традиций. Отсюда можно сделать вывод, что армянская и корейская культуры более закрыты, не принимают свою свободную часть «души», как, например, культура русских.

В армянской группе также проявилась тенденция к вытеснению «Разрушителя» и подчеркиванию созидательства. Но мы можем предположить, что некоторое деструктивное начало действует в глубине армянской души. Некоторые исследователи [7, 11] подчеркивают самоедство, как качество армян. И до сих пор многие армяне жалеют о том, что не смогли сохранить исконные земли Армении, оплакивают геноцид армян.

Корейская группа вытеснила архетип «Сироты». Возможно, это объясняет тот факт, что корейцы по статистике [12, с. 5] редко усыновляют детей, исключение составляют родственники. Корейцы больше склонны верить в силу наследственности, а не в силу воспитания.

В русской группе наблюдалось вытеснение на последние позиции архетипов «Мага» и «Невинного». На наш взгляд, лишь иностранцы определяют непостижимость и загадочность русской «души». Сами русские психологически «вытесняют» архетип «Мага», ассоциируя его с колдовством,

шаманством, сверхъестественностью. С другой стороны, вытеснение архетипа «Невинного» может свидетельствовать о подавлении манипулятивных тенденций в психике, непризнание их в себе. Вспоминается русская поговорка - «Не криви душой». Очевидно, отсюда стремление русских биться за правду, «искать правду любыми путями».

Предварительно подытожим вышеизложенное. Исходя из того, что базальной основой менталитета является система архетипов, мы попытались в исследовании связать приоритеты тех или иных архетипов с особенностями армянского, корейского и российского народов. Понимая менталитет как специфические способы восприятия мира, которые определяются глубинной картиной мира, с встроенными в нее архетипами сообщества, мы хотели бы углубить представления о мире культур в социальном плане. Исследуемые архетипы являют собой некоторые идеи в полусимволической форме, представленные в культуре народа, отражающие потребностную, ценностную и духовную составляющие культуры различных народов. Это, в свою очередь, тесно связано с концепцией «Мы» народа. Поэтому вторым этапом нашего исследования выступило экспериментальное изучение представлений испытуемых о себе как о членах диаспоры. Изучаемые представления входят в когнитивный, эмоциональный компоненты менталитета. Нами была использована модификация символической методики исследования «Я социального» (B. Loug, R. Ziller, R. Hendrson) (приложение 9).

Методика представлена символическими заданиями и построена на предположении о том, что особенности восприятия человека тесно связаны с особенностями его социального поведения. Это положение было подтверждено в следующем исследовании [9]. Таким образом, символическое представление себя и других на листе бумаги, расстояние между символами может быть интерпретировано, как психологическая дистанция. Также авторы символической методики утверждают, что невербальная информация испытуемых менее подвержена влиянию иррелевантных измерению социальной идентичности факторов. Методика позволила рассмотреть следующие особенности представителей русской, армянской и корейской диаспор:

1. самооценка личности;
2. отношение к авторитетам;
3. переживание сходства или отличия от других людей;
4. включенность или невключенность в «Мы»;
5. идентифицирование с другими;
6. восприятие себя частью группы;
7. эгоцентричность;
8. степень дифференцированности «Я-концепции».

Соотношение особенностей представлено в виде диаграммы (приложение 10). В ходе исследования были получены следующие результаты. По показателю самооценки в группе русских

испытуемых преимущественно имел место средний показатель самооценки с тенденцией к высокой. В группе армянских испытуемых – преимущественно высокая самооценка. В группе корейских испытуемых также была средняя самооценка, с тенденцией к заниженной. Полученные результаты возможно объяснить особенностями культурной традиции к занижению или завышению самооценки отдельной личности.

В корейской группе в задании, где необходимо было на пустом листе изобразить себя и значимого другого, редко кто изображал два кружка. Преимущественно изображались другие сцепленные кружки, таким образом «Я» превращалось в несколько значимых людей. Данный феномен подтверждают исследования независимых и взаимозависимых «Я» структур [с. 60]. В этих исследованиях демонстрируется, что в некоторых культурах индивидуальность в большей степени связана с другими близкими людьми. Для корейской группы авторитетами в основном выступали мать (для женщин), родители, отец (для мужчин), практически не встречаются друзья, также нет случаев, чтобы человек писал: «Нет авторитета».

В армянской группе для мужчин авторитетами являются, как и для женщин, отец, в меньшей степени – мать, сестры, братья и другие родственники. Небольшой процент испытуемых выбрали авторитетами друзей и совсем немного человек подчеркнули отсутствие авторитетов.

Группа русских испытуемых характеризовалась тем, что 40% заявляли об отсутствии авторитета. Основными авторитетами выступали мать и отец, в меньшей степени – братья, другие родственники или друзья. Также несколько испытуемых назвали Бога авторитетом.

По показателю социальной заинтересованности в корейской группе в большей степени была подчеркнута зависимость от других, но в позиции подчинения. В армянской группе чрезмерно сильна была зависимость от других (внутренняя связь со значимыми людьми).

Нами было отмечено, что по показателю переживаемой индивидуации на 10 человек у русских 9 выбрали белый кружок (яркая индивидуальность), у корейцев – 4 белых кружка из 12.

В русской культуре, где родители в семьях часто подавляют стремления детей, самооценка преимущественно имеет средние показатели. В армянских семьях наоборот, более свободное воспитание в отношении инициатив детей, поэтому показатели самооценки имеют тенденцию повышения, отсутствует низкая самооценка. В корейской народной традиции индивидуализация выступает неприемлемой формой поведения – этим возможно объясняется наличие большого числа низкой самооценки. По корейским традициям, ценность своего «Я» не должна превышать ценность «Мы».

Относительно авторитетов, группа русских испытуемых в основном имела превосходство над авторитетами (родители, друзья). На наш взгляд, это ярко отражается в особенности русских игнорировать законодательство. Армянские испытуемые по отношению к власти авторитета демонстрировали позицию «на равных». Объяснить полученный выбор можно тем, что формально в

армянских семьях авторитет закреплен за отцами, а главные решения принимает мать, такая двойственность в авторитете ведет к вышеназванному феномену.

В группе корейских испытуемых наоборот подчиненное отношение к авторитетам (учитель). Это возможно объяснить культурными традициями – каждый человек должен найти наставника, учителя, который введет его «во врата жизни».

По степени переживаемого сходства или отличия от других людей были получены следующие данные. Русские испытуемые в своем большинстве претендовали на отличие от других. Такой же результат был получен в армянской группе испытуемых. В корейской группе большинство выбрало сходство с группой. Также и по степени социальной заинтересованности – во всех трех группах она была очень высока.

По степени идентификации с «Мы» у армянской и корейской групп были очень высокие показатели, а у русской группы – средние. Объяснить результаты возможно таким образом: русский народ территориально рассеян и не определен в своей идентичности. Армянский и корейский народы более консолидированы вокруг «Мы», что и позволяет им сохранить свою этническую идентичность и культуру.

По степени сложности русская и корейская группы испытуемых выбирали более простые фигуры, что может свидетельствовать о простой «Я-концепции». Армянская группа выбирала более сложные фигуры – более дифференцированное «Я».

Эгоцентричность ярко себя проявила в группе армянских и русских испытуемых, в корейской группе менее выражена степень эгоцентричности.

Более углубленную интерпретацию полученных результатов возможно сделать на основании рассмотрения мировоззренческих концептов, определяющих основу образа мира русского, армянского и корейского народов, что составляет базис когнитивного компонента менталитета.

Гипотетически мы выделяли в образе мира три основных компонента: отношение народа ко времени, пространству и к бытию. Начнем с армянского народа. Относительно времени – армяне бережливы со временем, хотят больше успеть, обеспечить материальные блага детям. Территориальная ограниченность способствовала тому, что для сохранения рода были развиты институт семьи и ремесленничество. Основная идея, проникающая в мировоззрение армянского народа, – объединение всех армян на исконных землях, в этом они схожи с идеями других народов. Во многих исследованиях подчеркиваются ум и предприимчивость армян. Также можно отметить некоторую доверчивость армян, «сначала поступают сердцем, а потом думают». Наблюдается в общении у армян некоторая хвастливость, они превозносят себя, это объясняется сильным желанием утвердиться. Армянскому народу свойствен аскетизм, мы связываем эту черту с природными условиями исконных земель Армении. Армения – «страна камней», с суровыми климатическими условиями. Мы можем отметить высокую духовную культуру народа. В 301 году армяне первыми

приняли христианство и сделали ее государственной религией. Отдельные исследователи объясняют это тем, что армянский народ по своему духу, нравам, семейному и общественному порядку соответствовал христианскому укладу []. Армянский народ отличается большим трудолюбием, «...где бы армяне ни поселялись... – прежде всего они являлись земледельцами, ремесленниками, общественными и государственными деятелями», – пишет Магда Нейман в очерке о культурном развитии армян [с. 120].

Рассмотрим корейцев, их образ мира. Важными представляются наблюдения Г. Ундервуд, показывающие, что корейская культура строго иерархична: люди делятся на знакомых и незнакомых, и довольно ярко проявляется различное отношение к каждому; строгая иерархия в семейных отношениях по старшинству; строгое деление быта – вне дома, внутри дома. В иерархии ценностей верность превосходит честность. В корейском народе очень развиты тенденции коллективизма. В корейской культуре в меньшей степени проявляется «инициатива индивидуализма» [12, с. 3]. Индивидуализм имеет отрицательное значение для корейцев. В учебных заведениях корейцы-учащиеся не задают вопросов преподавателю, не оспаривают его действия. Корейцы зарекомендовали себя как упорные и трудолюбивые люди. Необходимо отметить, что основной религией, принятой корейцами, является буддизм. Божественный символ – круг. Пространство можно представить как хождение по кругу жизни. Время, в некотором смысле, не имеет значения, поскольку жизнь – цепь перерождений. В этом отношении корейцы должны обладать спокойным и неторопливым нравом. Корейцы, проживающие в Ростове-на-Дону, приняли христианство. В беседе они отмечают, что корейцы, прибывшие из Китая в Ростов, во многом отличаются от них, во-первых, тем, что – буддисты, во-вторых, своим бытом, в-третьих, «даже кожа у них темнее». Корейцы называют себя «русскими корейцами», они посещают православную церковь, однако необходимо учитывать, что это уже позднее принятие веры. Но буддизм оставил неизгладимый след в корейском менталитете.

Таким образом, исследуемые национальные группы принадлежат к христианскому вероисповеданию, проживают все на одной территории и, следовательно, принадлежат к российскому менталитету.

Если обратиться к образу мира русских, то прежде всего необходимо заметить несколько пренебрежительное отношение к пространству (заброшенные поля, пустующие селения) – это можно объяснить тем, что территория Российского государства очень обширна. Поэтому ментальность, по мнению автора [], у русских «протяженная». Отношение ко времени также несколько специфично для россиян. Русские, как известно, очень не пунктуальны, что особенно раздражает немцев (личные наблюдения автора). Довольно трудно определить основную идею в настоящем, которая объединяла бы всех русских, как и этническую идентичность русских. В частности, в городе Ростове-на-Дону довольно много проживает и украинцев, и казаков, и

белорусов, хотя многие в паспорте записаны русскими. Довольно сложно определить этническую идентификацию человека, скорее нами будет фиксироваться субъективное отнесение его к этнической группе. Заметим, что когда задаешь вопрос: «Какая у тебя национальность?», то русские отвечают: «Русский», но тут же начинает рассказывать, например, что бабушка у него полька, много родственников украинцев и особенно подчеркивается, что вообще-то 200 лет на Руси было татарское иго, тем самым заводя исследователей в тупик. Создается впечатление, что русские «упиваются» размытостью своих родственных корней, быть может, русским приятны ситуации неопределенности. Тогда возможно некоторым образом и объяснить загадку «русского терпения». Терпение можно определить в этом смысле как принятие ситуации неопределенности. Если обратиться к настоящему состоянию россиян, пребывающих в метаниях, поисках путей заработка, появлении желания бросить все и уехать за границу, повышенной тревожности, чувстве неопределенности, то возможно предположить, с психологической точки зрения, что Россия стоит перед рождением своей национальной идеи – «за тупиком следует просветление». Рассмотрим ретроспективу идей в России. Одной из первых была русская идея «самодержавия», затем идея «православия», «народности». Позже появилась идея «соборности», сменившие ее идеи «Долой самодержавие!», «Пролетарии всех стран объединяйтесь!», перешедшие в идею «перестройки» и, возможно, следующая идея – «возрождение России». Данная смена идей отражается во взглядах Г.Г.Шпета, представляющего следующую специфику «национальной психологии русских: самоедство, ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном, мечта о покое и счастье, непременно всеобщем, а отсюда самовлюбленность, безответственность перед культурой, кичливое унижение учителей и разнузданно-добродушная уверенность в превосходной широте, размахе, полноте, доброте «души» и «сердце» русского человека, в приятной невоспитанности воображающего, что дисциплина ума и поведения есть узость, «сухость» и односторонность» [10, с. 143].

Выводы

Данное исследование – одна из попыток объективно подойти к структуре менталитета народов. Полученные результаты показывают, что мы наблюдаем довольно значимые различия по следующим параметрам менталитета: социальные представления, картина мира, иерархия архетипов, позиции, правила общения у представителей этнических групп. Отсюда следует, что данные характеристики могут выступать в качестве параметров измерения менталитета культур. Также исследование показало, что внутри менталитета суперэтнуса россиян можно выделить менталитет корейцев, армян, русских.

7.5. Характеристики образа мира поколений

IV ЭТАП

В 2003–2004 г.г. провели исследование на выборке 281 человек пенсионеры и молодежь. Искали подтверждение гипотезы – группы пенсионеров и молодежи статистически значимо различаются по параметрам образа мира.

Обобщая описанные результаты, следует выделить основные показатели расхождений между менталитетом молодежи и людей старшего поколения по: конструкту индивидуализм-коллективизм, патернализму, стилю мышления, ценностным ориентациям, особенностям идентификации, стилю взаимоотношений, социальному статусу. Ниже представлены результаты диагностического изучения образа мира как составляющего менталитета двух поколений.

При этом предполагалось, что образ мира поколений отличается по показателям, приведенным в табл. 1.

Таблица 1.

Сравнение показателей образа мира у молодежи и пенсионеров

№	Показатели	Образ мира пенсионеров	Образ мира молодежи
1.	Направленность ценностных ориентаций	Коллективизм	Индивидуализм
2.	Особенности абстрагирования	Конкретика	Абстракция
3.	Динамика образов	Статика	Динамика
4.	Персонализация образа Я	Представленность своего Я слабая	Представленность своего Я сильная
5.	Степень рационализации мышления	Малая рациональность	Высокая рациональность
6.	Степень креативности	Реалистичность	Творчество
7.	Тематика изображения	Изображение ближайшего окружения	Нормативная, планетарная
8.	Уровень сложности	Сложная, предметная	Сложная, лаконичная

Для проверки данного предположения провели исследование. Это определило выбор методик: «Картина мира» (Е.С. Романова) [13; 208], семантический дифференциал (Osgood) образа мира [14; 160].

Выборка была представлена 281 человек студентами вузов Ростова-на-Дону: мужчины – 72 человека, женщин – 75 человек в возрасте от 18 до 25 лет и пенсионерами: мужчины – 62 человека, женщины – 72 в возрасте от 65 до 80 лет (февраль 2005 г.).

По результатам проективной методики «Картина мира», изображение своего образа мира у пенсионеров и молодежи нами была оценена по следующим параметрам: коллективизм – индивидуализм, конкретность – абстрактность, статика – динамика, рациональность – иррациональность, есть человек на картине – нет человека на картине.

Полученные данные обрабатывались факторным анализом с помощью пакета прикладных программ STATGRAPHICS for WINDOWS. По полученной факторной матрице, которая включала 12 факторов образа мира, была проанализирована оценка вклада каждого фактора в общую дисперсию для групп мужчин и женщин отдельно для молодежи и пенсионеров.

В группе женщин (молодежь) получены следующие результаты. Было выявлено, что вклад 5 факторов составляют около 91% – рис.1.

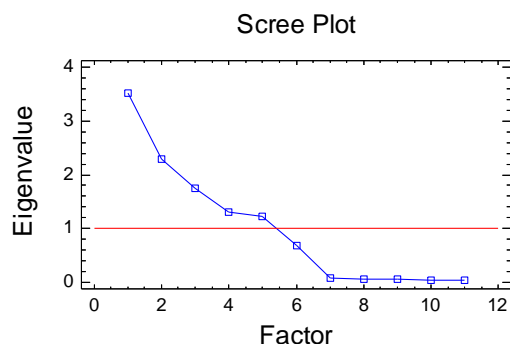

Рис.1. Зависимость собственного числа от числа факторов

Таблица 1

Факторные нагрузки после ротации

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation					
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
abstrakt	-0,135587	-0,971219	-0,00720598	-0,0239418	0,0597508
colectiv	0,955756	0,158097	-0,0615678	-0,0622561	-0,069233
dinamik	0,0971403	-0,0260859	-0,968776	-0,0621002	-0,142177
individ	-0,951763	-0,128406	0,148726	0,0259712	0,102739
irracio	0,0149963	-0,0352988	-0,115383	-0,974729	-0,013977
konkret	0,147286	0,957779	-0,0272906	0,0810589	-0,0822127
nsubekt	-0,31828	-0,226741	0,234072	0,0527683	0,805052
racio	-0,0675918	0,062422	0,0575946	0,976181	-0,0387382
statik	-0,106244	-0,0465842	0,970826	0,119251	0,103534
subekt	0,240318	0,253457	-0,143346	0,0558963	-0,875794
voзраст	0,263497	0,244693	-0,0136066	-0,0204697	0,676646

Поэтому в последующей операции вращения факторов по методу варимакс (табл. 1) были выбраны 5 факторов.

В результате видно, что после ротации факторной матрицы в группе женщин получены следующие факторы: согласно наибольшему факторному весу фактор 1 можно интерпретировать как коллективизм (0. 95), фактор 2 – конкретность (0. 95), фактор 3 – статичность (0. 97), фактор 4 – рациональность (0. 97), фактор 5 – нет человека на картине (0. 80), возраст (0. 67).

В группе мужчин (молодежь), также наибольший вес имеют 5 факторов (рис.2).

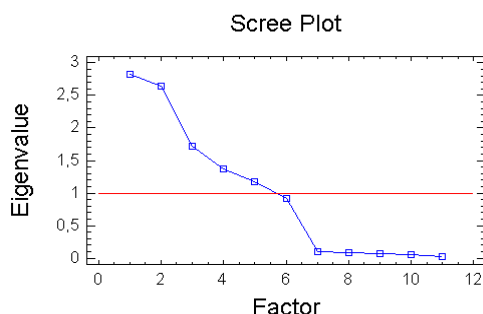

Рис.2. Зависимость собственного числа от числа факторов

Факторные нагрузки после ротации

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation					
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
abstract	0,0256243	0,126046	-0,0746241	-0,955949	-0,110799
colectiv	0,0614131	-0,954362	0,0651501	0,171412	-0,0541936
dinamik	-0,0345555	0,0579652	-0,984971	-0,0600813	-0,00213686
indiv	-0,0753158	0,966882	-0,0690663	-0,114261	0,0545519
irracion	0,197834	0,0109972	-0,0116656	-0,0573964	-0,9518
konkret	0,0194725	-0,181791	0,0890216	0,945485	0,130317
nsubekt	0,936789	-0,147414	0,0911347	-0,140865	-0,0497172
racion	-0,0875109	0,122748	0,0160485	0,16796	0,948026
statik	0,0598171	-0,0721751	0,97999	0,0881895	0,0254156
subekt	-0,940432	0,151987	-0,0604026	0,0645435	0,133624
vozrast	0,391213	0,108493	-0,0283919	0,188713	-0,106763

После ротации были выделены следующие факторы: фактор 1 – нет человека на картине (0.93), фактор 2 – индивидуализм (0.96), фактор 3 – статика(0.97), фактор 4 – конкретность (0.94), фактор 5 – рациональность (0.94) (табл. 2).

Результаты в группе женщин пенсионеров. Получены четыре фактора, один на границе (рис.3).

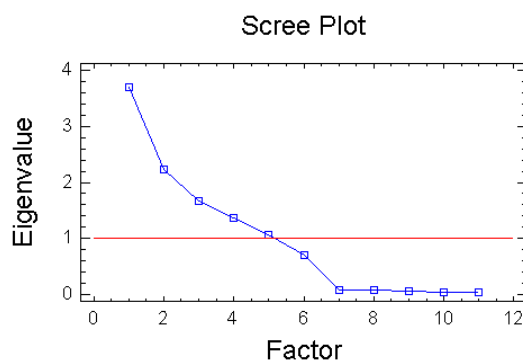

Рис.3. Зависимость собственного числа от числа факторов

Факторные нагрузки после ротации

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation					
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
abstrakt	-0,304614	-0,293063	-0,239025	-0,153291	0,79368
colectiv	0,964036	0,131599	-0,0036154	0,0617097	-0,0681453
dinamik	-0,156312	-0,930697	0,176639	-0,124453	0,0991142
individ	-0,945544	-0,174463	0,0231945	-0,0668078	0,128028
irracio	-0,070626	-0,125333	0,0238282	-0,978119	0,0340937
konkret	0,284203	0,263701	0,16558	0,192522	-0,806879
nsubekt	0,0244461	0,118629	-0,953675	0,00999603	0,0315201
racio	0,059807	0,115317	0,0071888	0,974585	-0,102708
statik	0,167865	0,942564	-0,12294	0,134879	-0,10165
subekt	0,00451983	-0,14704	0,958817	-0,0105747	-0,0606555
vozrast	0,24942	0,226904	0,256516	0,121647	0,665914

После ротации факторной матрицы получены следующие факторы: фактор 1 – коллективизм (0.96), фактор 2 – статика (0.94), фактор 3 – человек есть на картине, фактор 4 – рациональность (0.97), фактор 5 – абстрактность (0.79) (табл. 3).

Мужчины пенсионеры. Получены четыре фактора, один на границе – рис. 4.

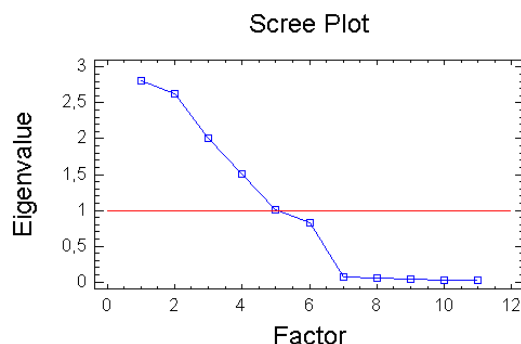

Рис.4. Зависимость собственного числа от числа факторов

Таблица 4

Факторные нагрузки после ротации

Factor Loading Matrix After Varimax Rotation					
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
abstract	-0,172143	-0,212687	0,90304	-0,0640056	0,116895
colektiv	0,923309	-0,0565147	-0,228966	-0,00465927	0,0684231
dinamik	0,030217	0,109516	0,0773663	-0,100589	0,970477
indiv	-0,924971	0,0939233	0,218423	0,0322258	-0,0355941
irracion	0,0101658	-0,00730614	0,048293	-0,976905	0,124128
konkret	0,141216	0,161292	-0,925534	0,118103	-0,0719212
nsubekt	0,0245752	-0,956307	0,136422	0,0230798	-0,157097
racion	0,00146024	0,0149237	-0,10284	0,978161	-0,060318
statik	-0,0463436	-0,215061	-0,0079501	0,0924205	-0,952022
subekt	-0,00262502	0,930518	-0,195408	0,0450679	0,181966
voznrast	0,540468	0,286413	0,371965	0,0455514	-0,0365527

Факторы: фактор 1 – коллективизм (0.92), фактор 2 – человек есть на картине (0.93), фактор 3 – абстрактность (0.90), фактор 4 – рациональность (0.97), фактор 5 – динамика (0.97) (табл. 4).

Анализ результатов обнаружил различия по показателям образа мира как между группами пенсионеров и молодежи, так и внутри каждой группы. В группе молодежи обнаружены наиболее характерные различия по показателю направленности (коллективизм–индивидуализм): для женщин предпочтителен коллективизм, для мужчины индивидуализм. По всей видимости, в группе мужчин будут проявляться холодность в отношениях, индивидуальные ценности, нарушение традиций. Женщины склонны к конформизму, преувеличивают ценность группы, придерживаются традиций.

Для обеих групп пенсионеров и молодежи выявлены коллективистские тенденции, кроме группы молодых мужчин, где проявился индивидуализм. Это характеризует то, что у большинства респондентов проявляются в образе мира следующие представления: взаимовыручка, открытость, миролюбие, верность традициям, сердечность и др. В изображениях образа мира в группах преобладает статичность, кроме группы пенсионеров мужчин, что не подтвердило гипотезу по данному показателю. Возможно, это свидетельствует о статичном представлении мира, который характерен для людей, которые не видят своего будущего. Рациональность преобладает во всех группах, это подтверждают и другие исследования [8,12]. У пенсионеров преобладают абстрактные

картины, видимо они, таким образом, уходят от реальности (действие защитных механизмов). В группе молодежи конкретные изображения, что может свидетельствовать, о конкретности восприятия мира, некоторой прагматичности. Фигуры человека отсутствовали на картинах образа мира молодежи, видимо, мы сталкиваемся с деперсонализацией образа мира. В группе пенсионеров человек присутствует, что может свидетельствовать о коллективизме и персонализации изображения. У молодежи обнаружены более творческие, оригинальные картины, чем у пенсионеров, что может свидетельствовать о желании отличиться, выделиться, которое характерно для индивидуализма. Как видно те параметры, которые выделены в табл. 1 значимо отличаются в группе пенсионеров от группы молодежи. Возможно, на этом основании следует говорить о трансформации менталитета молодежи в сравнении с менталитетом пенсионеров. Однако данная методика отражает поверхностные слои образа мира.

Для изучения смысловых составляющих и построения семантического пространства образа мира была использована методика семантического дифференциала, включавшая 25 шкал [14; 160]. Выборка испытуемых была представлена студентами вузов г. Ростова-на-Дону в количестве 270 человек (100 девушек и 170 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет (март-апрель 2005 г.).

В результате факторизации 25 шкал преобразовались в три значимых фактора (рис.5), определяющих образ мира в общей выборке молодежи и пенсионеров.

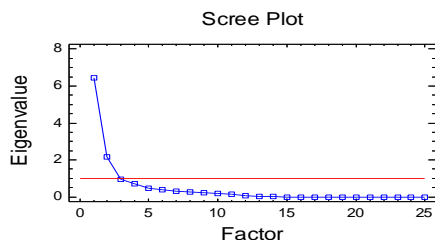

Рис.5. Зависимость собственного числа от числа факторов

Семантическое пространство образа мира, формируемое указанными факторами, представлено на рис.6. в форме их поля рассеивания .

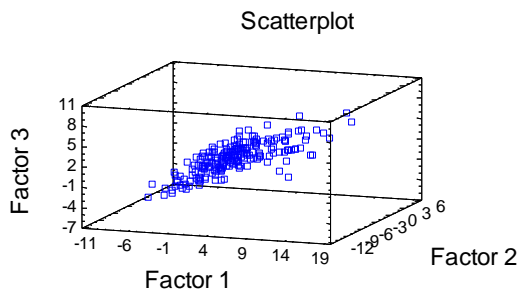

Рис. 6. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов (рис. 6). Три фактора составляют около 91% суммарной дисперсии.

Первый фактор нагружен шкалами дорогой с весом 0.53, быстрый с весом 0.57, жизнерадостный (0.59), любимый (0.72), свежий (0.71), умный (0.73) и острый (0.62). Первый фактор определим как приятный, перевозданный.

Второй фактор нагружен шкалами напряженный (0.63), сложный (0.64).

Третий фактор нагружен шкалой светлый с весом 0.59.

Полагаясь на выделенные факторы, можно предположить, что семантическое пространство образа мира молодежи и пенсионеров в целом представлено категориями, отражающими динамизм мира, отношения в мире – жизнерадостность и любовь с одной стороны и остроту, сложность и напряжение, с другой стороны. Таким образом, жизненные смыслы, которые воплощены в данном образе мира, относятся к динамике жизни, отношениям между людьми и оценке степени трудности освоения этого мира.

Выборка женщин. Факторный анализ (вероятность 0.95) (рис.7).

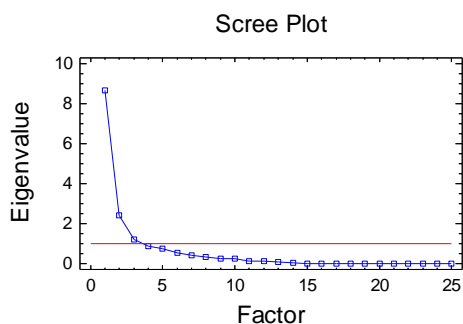

Рис.7. Зависимость собственного числа от числа факторов

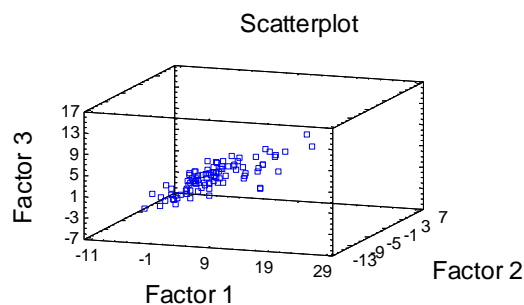

Рис. 8. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля (рис.8) свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов. Первый фактор нагружен шкалами большой с весом 0.52, активный (0.58), приятный (-

0.57), горячий (0.68), родной (0.55), дорогой (0.66), быстрый (0.68), жизнерадостный (0.64), любимый (0.70), свежий (0.77), умный (0.86), острый (0,72), чистый (0.57).

Второй фактор нагружен шкалами напряженный с весом 0.74, сложный (0.60), тяжелый (0.65), хаотичный (-0.62), твердый (0,50).

Третий фактор нагружен шкалами добрый с весом -0.52.

Для девушек образ мира, связывается с представлениями об идеальной любви (приятное, жизнерадостное, родное, дорогое, любимое, горячее, свежее, умное, острое, быстрое, сильное, большое, активное, чистое), сложностях и силе (напряжённое, сложное, тяжёлое, хаотичное, твёрдое), счастье (добрый). Пространство образа мира у молодых женщин – это интегральная шкала представления мира идеальной любви (приятное, жизнерадостное, родное, дорогое, любимое, горячее, свежее, умное, острое, быстрое, сильное, большое, активное, чистое), интегральная шкала представления мира как сложного пути-препятствия-образования (напряжённое, сложное, тяжёлое, хаотичное, твёрдое), шкала представления мира доброго. Образ мира для девушек – это пространство любви, силы (тяжёлый путь) и радости (ожидания счастья).

Выборка мужчин. Факторный анализ (собственное число 0,95) рис.9.

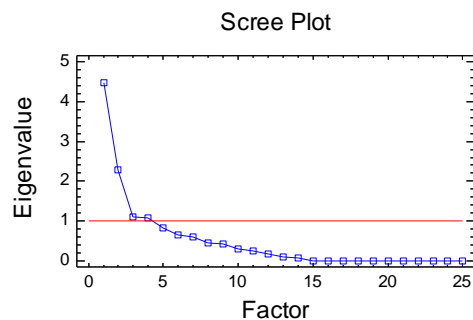

Рис.9. Зависимость собственного числа от числа факторов

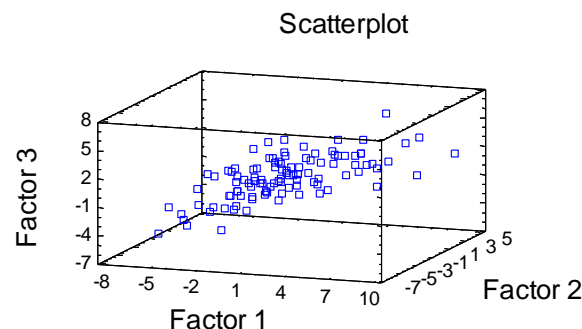

Рис. 10. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов (Рис. 10). Значимых практически 3-е фактора.

Первый фактор нагружен шкалами приятный с весом -0.64, горячий (0.66), любимый (0.77), свежий (0.54), умный (0.59), острый (0.51), тупой (0.45).

Второй фактор нагружен шкалами злой с весом 0.59.

Третий фактор нагружен шкалами радостный с весом 0.48.

Мужчины не выделили ни своего отношения к образу мира, не подчеркнули его активность, а акцентировали исключительно оценки образа мира. Причем, обозначились пять позитивных оценок: приятный, любимый, свежий, умный, радостный и четыре отрицательные оценки: горячий, острый, тупой, злой.

Пространство образа мира у молодых мужчин также трёхмерно, но более однозначное, чем у женщин. Пространство образа мира для них - это интегральная шкала представления мира земной любви (любимом, приятном, свежем, горячем, умном, толи остром, толи тупом), шкала представления мира злого (объект борьбы, соперничества), шкала представления мира радостного (ожидание счастья). Образ мира для них – это пространство любви, борьбы и счастья (радости).

Выборка пенсионеров. Факторный анализ (вероятность 0.95) рис.10.

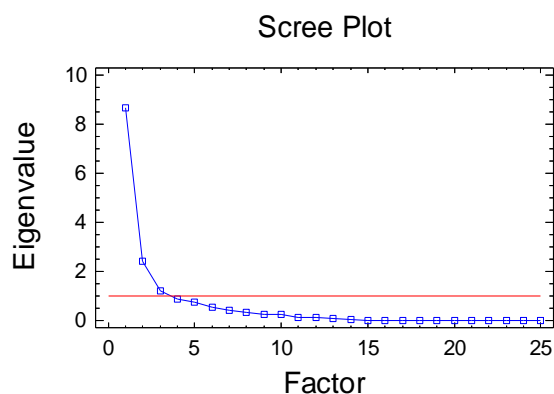

Рис.10. Зависимость собственного числа от числа факторов

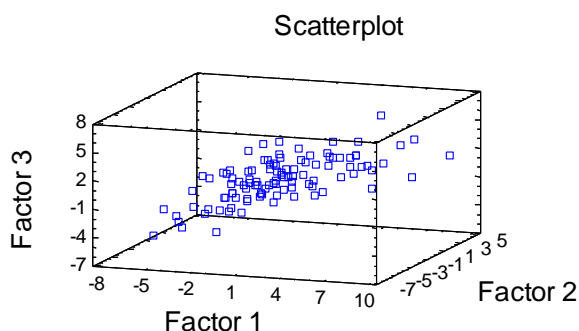

Рис. 11. Поле рассеивания факторов

Конфигурация поля (рис. 11) свидетельствует о сильной корреляции всех трёх значимых факторов. Значимых практически 4-е фактора (рис.10).

Первый фактор нагружен шкалами приятный с весом -0.64, горячий (0.66), любимый (0.77), свежий (0.54), умный (0.59), острый (0.51), тупой в отличие от женщин здесь оба признака равнозначны (0.70).

Второй фактор нагружен шкалами злой с весом -0.59, сложный (0.57), напряженный (0.53), тяжелый (0.49), чистый (0.47).

Третий фактор нагружен шкалами радостный с весом 0.48.

Четвертый фактор нагружен шкалами свежий с весом 0.44.

Пространство образа мира у пенсионеров четырёхмерно. Пространство образа мира для них – это интегральная шкала представления мира пережитой любви (любимом, приятном, свежем, горячем, умном, толи остром, толи тупом), интегральная шкала представления мира тяжёлого пути, шкала представления мира непонятного и беспокоящего, несостоявшегося ожидания счастья, шкала представления мира сильного и хаотичного.

Выводы:

Несмотря на то, что кластерный анализ не позволил выделить группы по половому признаку, отдельная обработка выборки мужчин показала существенное отличие этой выборки, как от общей, так и от выборки женщин.

Полученные результаты по обеим методикам не только согласуются, но и дополняют друг друга. Методика «Картина мира» отражает периферийные, ситуативные составляющие образа мира, а методика семантического дифференциала смысловые составляющие. Первые результаты – это интерпретации изображений, которые довольно субъективны. Они были объективированы словесными отчетами второй методики.

В методике «Картина мира» показатели образа мира были заданы автором на основе опыта и анализа работ по данному вопросу. Справедливость и полнота которых, может быть подвергнута сомнению. Методика СД существенно уменьшает подобные сомнения благодаря выявлению смысловых составляющих сегмента ментального пространства, занятого образом мира. Если включать в менталитет способы восприятия мира, то видно, что восприятие образа мира у пенсионеров отличается по сравнению с молодежью: по изменению размерности семантического пространства (увеличения числа категорий сознания), по изменению содержания категорий-факторов. По этому с некоторой степенью приближенности можно утверждать, что произошла трансформация традиционного менталитета, а именно изменилось восприятие образа мира, как и изменился сам мир.

Сопоставив результаты группы молодежи и пенсионеров, было выделено некоторое «ядро» – мало изменяемое образа мира и его периферийные части, которые были отличны в представленных группах. По первому фактору содержание трансформации молодёжного образа мира в образ мира пенсионеров:

1) Ядро – отношение к миру – любимый не меняется; представления (оценки) о статических характеристиках мира трансформируются в сторону негатива, скепсиса, пассива. Любимый, дорогой мир превращается в уважаемый, менее привлекательный

2) Вне ядра (периферия) происходит:

а) трансформация отношения к миру (оценки) от приятный к среднему между плохой - хороший,

б) трансформация представлений о характеристиках статики мира (оценки) от горячий к среднему между радостный - печальный, слабый - сильный,

в) трансформация представлений о характеристиках динамики мира (оценки): от быстрый - в сторону статичности (у пенсионеров отсутствует).

Суть трансформации образа мира - любимый мир превращается в уважаемый, менее привлекательный.

Содержание трансформации молодёжного образа мира в образ мира пенсионеров по второму фактору:

1) Ядро – оценка мира – не меняется (Мир – сложный путь, требующий напряжений, борьбы, силы).

2) Вне ядра (периферия) происходит трансформация отношения к миру (оценки его статических характеристик) как чему-то тяжёлому, большому, шершавому, горячему, приятному.

Суть трансформации – у старшего поколения акцент в образе мира более выражен на тяжёлую борьбу. Если считать, что ядро образа мира относится к базовому, фундаментальному, а оболочка больше связана с текущим, бытовым, то трансформация образа мира трактуется как изменения и в бытовых оценках мира как тяжёлому, большому, шершавому, горячему, приятному.

Содержание трансформации молодёжного образа мира в образ мира пенсионеров по третьему фактору:

1) Ядро- отношение к миру (оценка) трансформируется от светлого к тёмному (в пределах одной шкалы). Ожидание счастья граничит с разочарованием.

2) Вне ядра (периферия) происходит трансформация отношения к миру (оценки его статических характеристик) как чему-то активному. Ожидаемому счастью активно препятствует тёмный мир. Суть трансформации – определённое разочарование в ожиданиях как в ядре, так и в текущем. Кроме того, у пенсионеров появляется четвёртый доминирующий фактор – хаотичный–упорядоченный. Для пенсионеров образ мира – это представление о чём-то тёмном и хаотичном. Суть трансформации – у старшего поколения появляется представление о мире как о системе, в которой доминирует случай.

Следовательно, ядро образа мира – это пространство любви, борьбы и ожидания счастья (радости). Ядро менее подвержено трансформации.

Трансформация образа мира характеризуется следующим. У старшего поколения:

- любимый мир превращается в уважаемый, менее привлекательный,
- акцент в образе мира на тяжёлую, сложную борьбу выражен как на уровне ядра, так и в быту,
- определённое разочарование в ожиданиях,
- появляется представление о мире как о системе, в которой доминирует случай.

Трансформируются представления о мире на основе опыта и приобретённых знаний.

6.6. Исследование социальных представлений, установок и стереотипов образа жизни, смысловых оснований жизни поколений

6.6.1. Социальных представлений молодёжи.

Цель исследования – выявление путей и средств становления социальных представлений студентов в условиях социального кризиса.

Объект исследования – студенты, 97 человек. Возраст – от 18 до 24 лет.

Предмет исследования – социальные представления молодёжи.

Гипотеза – социальные представления молодёжи во многом определяются отношениями к определённым сферам жизни.

Методики, применяемые в исследовании –

1). Методика на определение социальных представлений молодёжи. Студентам предлагалось продолжить предложения, которые выразили бы их отношение к определённым сферам жизни. (Приложение № 2).

2). Методика на определение модальных стереотипов нормативных установок социального поведения. Методика разработана З. В. Сикевич. Апробирована по критериям надёжности и валидности в период с 1991 по 2003 год. Методика направлена на косвенное выявление модальных (базовых) нормативных установок как личности, так и членов социальной группы в форме образных стереотипов «правильного – неправильного» поведения. Данная методика может использоваться как в качестве контроля к другим процедурам психологического исследования, так и качестве основного инструмента измерения нормативных установок.

Методика представляет собой модификацию парных сравнений без процедуры шкальной оценки – респонденту следует сделать выбор между двумя пословицами противоположного по смыслу содержания, с которой он больше согласен.. Уклонения от выбора не предусматривается. (Приложение № 1).

1). Обработка результатов, полученных по методике на определение социальных представлений.

В ходе проведения исследования были получены следующие, наиболее встречающиеся, варианты ответов:

1. В моём поколении женщины предпочитают героев: богатых, красивых, мужественных, самостоятельных, общительных, героев из кинофильмов.
2. Всё чаще среди своего поколения сталкиваюсь с женщинами, которые: работают в сфере бизнеса, за деньги готовы на «всё», курят, пьют, стервы, лёгкого поведения.
3. В наше время правители: думают только о себе, умные воры, озабочены борьбой за власть, эгоисты, двуликие, жулики.
4. В моём поколении признаётся мудрым тот человек, который: имеет богатый жизненный опыт, много знает, умеет размышлять, имеет много денег, учится на ошибках других.
5. В моё время магическое приписывают: тому, что не могут объяснить научно, избранным, страшному, деньгам, гадалкам, ясновидящим.
6. Моё поколение видит мир: жестоким, полным насилия и смерти, грязным, «сквозь розовые очки».
7. Образ мира моего поколения: хаос, «шар», чёрное и белое.
8. В центре образа мира моего поколения: деньги, власть, «Я», человек.
9. Я вижу мир: жестоким, в хаосе и беспределе, многообразным, насыщенным.
10. Я сталкиваюсь по жизни с ситуациями: где нужны деньги, разрешения личных проблем, нехватки времени, преодоления трудностей, решающимися.
11. В моём поколении ведут такой образ жизни: распущенный, разбойный, разгульный, «пьянки – гулянки», каждый сам за себя.
12. Моё поколение нацелено в своей жизни на: деньги (богатство), карьерный рост, власть, успех.
13. Основными жизненными стратегиями моего поколения являются: зарабатывать денег, развлечения, выжить, сделать карьеру, создать семью, прожить как можно лучше.
14. Моя жизнь похожа на: жизнь, чёрно-белую картину, зебру, спуск по горной реке, сказку.
15. Моё поколение выбирает способ жизни: полегче, когда человек думает только о себе, идти к поставленной цели, нездоровый.
16. Моё поколение мыслит: сегодняшним днём, не умеет мыслить, «в ногу со временем», неординарно.
17. В моём поколении больше людей: хитрых, жадных, лживых, трудолюбивых, нелюдей.
18. Моё поколение принимает решения исходя из: обстоятельств, потребностей, своих принципов, интересов, своей выгоды, сложившейся ситуации, своего опыта.
19. Наиболее характерными стилями для моего поколения являются: хип – хоп, свобода, модерн, хитрость, активность, учёба(работа).

20. Если я мыслю, то: я живу, существую, человек, действую.

21. В основном меня окружают в моём поколении: обман, безразличие, студенты, друзья, эгоисты.

22. Я чувствую во взаимоотношениях моего поколения: эгоизм, холодность, непонимание, неискренность, ненависть.

23. Я чувствую среди своего поколения: обман, безразличие, усталость от жизни, всем нужен отдых.

24. Девушки и юноши так общаются в моём поколении, что: появляются нежелательные дети, «уши вянут», открыто, свободно.

25. В моём поколении в оцeni люди нацелены на: удовлетворение потребностей, получение выгоды, деньги, получение нужной информации.

26. Отношения между представителями моего поколения в основном: товарищеские, а дружеских меньше, показные, холодные, деловые.

27. Моё поколение поддерживает тех, кто: богат, наглый, сильный, имеет власть.

28. Я человек, который: стремится к достижению цели, получает высшее образование, хочет добиться многого в жизни.

29. Главное, что я вижу в представлениях своего поколения это: деньги, эгоизм.

30. Смысл жизни моего поколения: добиться своих целей, жизнь без забот и проблем, прожить жизнь красиво, выжить любой ценой, это жизнь без смысла и без будущего.

2).Обработка результатов по методике на определение стереотипов нормативных установок социального поведения.

Проведя данную методику можно сказать, что у представителей данной выборки преобладают следующие установки: активность (60%), космополитизм (80%), предпочтение материального идеальному (90%), уклонение от индивидуальной ответственности (70%), интолерантность (60%), склонность к риску (70%), расчёт на удачу (55%), индивидуализм (70%), неверие в правосудие (90%), нечестность (60%), лживость в угоду собственной выгоде (80%), отсутствие этнической дистанции (80%), уважение к старшим (55%), неверие в справедливость (95%), решительность 70%), ориентация на себя (60%), нечестность (60%), мотивация достижения (80%).

Таким образом, молодёжь не верит в справедливость, правосудие, готова лгать в угоду своей выгоды, материальные ценности ставит превыше идеальных, нацеленность на мотивацию достижения, причём только для себя (индивидуализм).

Проведя анализ полученных данных по двум, проведённым методикам можно сделать выводы, что в сознании молодёжи существует две противоположных тенденции социализации. Первая несёт в себе ориентации стремлений продуктивно и честно трудиться, интерес к знаниям,

ценность бескорыстных межличностных отношений. Но набирает силу другая тенденция, связанная с потребительством и развлечениями, где для достижения цели годятся любые методы. Данные исследования указывают на то, что у современной молодёжи преобладает установка на достижение материального благополучия (деньги), развлечения. Досуговые ориентации подкрепляются основным содержанием телепередач. В целом они строят грандиозные планы на будущее, не определяя при этом для себя реальных путей достижения намеченных планов.

Отношение к современной власти у молодёжи носит довольно – таки негативный характер и вызывает у большинства отрицательные эмоции и высказывания.

При изучении такого аспекта, как отношения с противоположным полом была установлена закономерность построения взаимоотношений, построенных исключительно на интимной близости. Это говорит о изменении ценности нравственных отношений между мужчиной и женщиной. Но, тем не менее сохраняется актуальность крепких семейных взаимоотношений, так как это идеальная ценность предыдущего поколения, которое воспитало сегодняшнюю молодёжь, стараясь передать ей эти социальные представления. Современная молодёжь видит мир жестоким, полным насилия..., но большинство стремится самореализоваться в жизни любыми способами, а не просто существовать.

Таким образом, анализ данных позволяет обнаружить углубление деформации в ценностных ориентациях молодёжи, проявляющемся в общей социальной апатии, кризисе нравственных ценностей, падение престижа честного труда, росте потребительских настроений.

6.2. Социальные установки субъектов Юга России

Исходя из теоретической актуальности данного вопроса, нами было проведено исследование в 2002 году по определению базовых социальных установок субъектов г. Ростова-на-Дону, как носителей южно-российского менталитета.

Идея исследования была заимствована у Ф. Клакхон и Ф. Стробека [, с. 84]. Авторы создали тесты, выявляющие отношение людей различных культур к таким общим проблемам, как отношение ко времени, пространству, к природе, людям и др. Основой явилось представление о том, что люди имеют ограниченное число определенных проблем, которые они рано или поздно решают, при этом число решений также ограничено в возможном ряде решений.

В исследовании приняли участие 239 жителей города Ростова-на-Дону в возрасте от 18 до 60 лет, мужчины и женщины, русские, украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, абхазы, калмыки, корейцы. Опрашиваемым предлагалось выбрать утверждения, которые описывают их отношение к различным аспектам жизни. Исходными отношениями были выделены следующие: отношение к себе, другим людям, к семье, к вещам, к миру в целом, к труду, деньгам, досугу, образованию, природе, к СМИ, ко времени. В опроснике (приложение 7) мы использовали утверждения,

относящиеся к установкам, которые были выделены Е. Мелибрудой [], описываемых тремя векторами: против людей, к другим людям, от других людей.

Проведя статистическую обработку полученных данных, можем выделить следующие установки, актуальные для данной выборки испытуемых.

В отношении к себе наиболее значимыми оказались выборы – «Я – личность и значимая часть общества», «Я – часть коллектива единомышленников». Практически никто не указал на эгоцентрические установки, это несколько расходится с результатами, полученными нами ранее [, с. 166–167], когда наибольшее количество испытуемых выбирали эгоцентрические установки.

В отношении к другим больший процент получил выбор: «Каждый ценен сам по себе» в старшей группе. Почти равные проценты получили выборы: «Человек человеку - волк» и «Все люди – братья», преобладающие в младшей группе. Возможно, это говорит об амбивалентных отношениях в обществе – от толерантности к нетолерантности. Выбор в сторону ценности каждого по отдельности говорит о преобладании индивидуалистических тенденций в отношениях субъектов российского менталитета. Этот результат совпал и с другими национальными группами.

В отношениях к семье был значимым следующий выбор – «Семья – основа стабильности человека», особенно у женщин. Немалый процент определяет актуальность гражданского брака, у женщин – практически нет. То есть можно заключить, что наблюдается тенденция преувеличения ценности семьи в женской группе и значимость свободных отношений с женщинами у мужчин (русская, украинская, белорусская группы).

Предыдущие наши опросы подтверждают данную тенденцию в отношениях между полами. Суть ее заключается в том, что девушки и юноши предъявляют себя партнеру открыто и откровенно пользуются им как объектом, быстрое насыщение обедненных отношений толкает на поиск нового объекта. Это можно охарактеризовать как личностную дезинтеграцию партнеров – неприятие вкладов других в личное пространство и личную закрытость. А отсюда и недоверие, необращение к своему «Я» – дезиндивидуализация.

У армянских, азербайджанских, абхазских мужчин и женщин наблюдалась большая значимость семейных уз.

В отношениях к вещам не обнаружена большая зависимость от вещей в жизни людей, но подчеркивается важность вещей, их значимость в определении комфортности жизни. Думается, что исчезновение дефицита в приобретении вещей поменяло и отношение к ним. Также явно наблюдается стремление россиян к улучшению комфортности своей жизни. Русские женщины среднего возраста отметили в дополнительных комментариях, что они много работают, чтобы приобретать вещи. Видимо, русские женщины склонны подчеркивать испытываемые трудности в работе. Как отмечает В. В. Колесов, в русском языке близки друг к другу понятия – «дело, труд,

работа, страда» [с. 114]. Что показывает, что отношение к труду у россиян сопряжено в менталитете со страданиями.

Отношение к труду осталось неизменным. Труд понимается как «осознанная необходимость» в группах украинцев, армян. У русских труд «осознанная необходимость» и «мерило счастливой жизни».

Отношение к деньгам имеет ярко выраженную амбивалентную тенденцию, с одной стороны, подчеркивается важность денег в жизни, с другой, отмечается, что они не определяют все в жизни. В реальных отношениях мы наблюдаем, что россияне пренебрегают даже личными привязанностями ради денег и при этом открыто выражают неприязнь к деньгам. Возможно, именно страстное стремление к свободе у россиян вытесняет зависимость от денег. При этом определенный процент опрошенных сделали выбор – «за деньги можно все купить». В ответах украинцев, армян, азербайджанцев подчеркивается, что деньги все определяют в жизни, очевидно, это говорит о значимости в менталитете данных народов материальной стороны жизни.

Интересен в этой связи результат по выявлению установки относительно времени. Большинство подчеркнуло, что «время не ждет», то есть возрастает динамизм россиян, а также большой процент опрошенных сделали выбор, определив время как эквивалент денег.

Отношение к досугу определило больше выборов «досуга проводимого с друзьями», особенно в армянской группе, или «досуга – путешествия». Это подтверждает отдельные исследования, показывающие значимость ценности общения в российском менталитете. При этом важно отметить, что немало опрошенных выделили, что «не главное отдых, а главное работа» – как женщины, так и мужчины.

Отношение к природе выявило признание за природой «духовного начала». Малый процент опрошенных выбрали природу как «объект достижения материальных благ». Очевидно, что природа остается в менталитете россиян созерцательным, одухотворяющим началом.

Отношение к образованию выявило отношение к нему как к основе, определяющей «положение человека в обществе». Также большинством опрошенных было подчеркнуто, что образование является «частью имиджа человека», то есть наметилась тенденция отношения к образованию как к механизму продвижения по жизни.

В отношениях к СМИ было определено больше всего следующих выборов: «СМИ – глобальная коммуникационная сеть», «СМИ – средство просвещения», «СМИ – информационное оружие». Вопрос об отношении к СМИ вызвал больше всего пауз и трудностей в ответах у участников опроса. Думается, что отнесение СМИ к разновидности оружия говорит о негативном его восприятии и наличии тревоги в отношении к нему.

Вывод. Таким образом, исследование показало, что основными установками опрошенных являются следующие: установка на самоуважение и уважение других, установка на

коммуникацию, установка на комфортность в жизни, установка на бережливое отношение ко времени, установка на вынужденность труда, установка на безопасность.

6.6.3. Авто и гетеро стереотипы восприятия черт характера русских и калмыков

В нашем исследовании по выявлению гетеро – и автостереотипов в менталитете русских и калмыков участвовали студенты Калмыцкого филиала МОСУ г. Элиста, 200 человек (2002 год). Студентам предлагалось выделить пять отрицательных и положительных качеств, которые присущи большинству русских и калмыков. Опрос проводился в группе русских и калмыков. Классификация и квантификация полученных признаков производилась посредством процедуры контент-анализа.

Проанализируем полученные результаты.

В отрицательных гетеростереотипах калмыков получили наибольшую значимость следующие качества русских:

- жадность;
- несплоченность;
- неумение постоять за другого;
- страсть к алкоголю;
- бесхозность.

Как известно, отрицательные гетеростереотипы – это спроецированные качества, отрицаемые в себе или вытесненные на другую этническую группу. Очевидно, что кризисная ситуация в России привела к тому, что русские стали более разобщенными, стресс снимается в основном алкоголем. Хотя русская диаспора в Калмыкии, как будто, должна быть более сплоченной, чтобы испытывать больший комфорт среди калмыков, это не подтвердилось исследованиями.

В позитивных гетеростереотипах калмыков обнаружили следующие качества русских:

- веселый;
- добрый;
- трудолюбивый;
- общительный;
- отзывчивый;
- умный;
- чистоплотный.

Позитивные стереотипы, очевидно, – это подчеркивание некоторых идеальных, желаемых качеств в себе.

В отрицательных гетеростереотипах русских наибольшее предпочтение занимают следующие качества калмыков:

- высокомерность по отношению к русским;
- злость;
- скрытность;
- манерность;
- ненадежность.

Данные результаты могут служить показателем того, что калмыки часто негативно относятся к русским.

В позитивных гетеростереотипах русских по отношению к калмыкам выделяются следующие качества:

- сплоченность;
- коллективизм;
- доброта;
- проявление сочувствия.

Заметим, что они совпадают с некоторыми позитивными стереотипами калмыков.

Данные результаты могут выступать индикаторами того, что калмыки более коллективисты, чем русские.

Интересны результаты, связанные с отрицательными автостереотипами калмыков. Калмыки оценивают себя как: вспыльчивые, даже агрессивные, ленивые, любящие спиртное. Среди позитивных автостереотипов калмыки отмечают в себе: сплоченность, взаимовыручку, доброту, природный ум.

Необходимо заметить, что автостереотипы калмыков совпадают с гетеростереотипами, что подтверждает механизм их образования.

Опрашиваемые русские выделили следующие отрицательные автостереотипы: легкомыслие, беспечность, лень, злость, хитрость.

Среди положительных автостереотипов наибольшую значимость в группе русских приобрели: открытость, простота, гостеприимство, трудолюбие. Они во многом совпадают с позитивными гетеростереотипами калмыков.

Таким образом, взрывной темперамент калмыков вполне уживается с добротой и принятием русских. Сопоставляя гетеро – и автостереотипы, можно выявить значимые качества национального характера этнических групп и наметить условия формирования этнической толерантности.

6.7. Особенности норм и правил поведения русской и армянской национальной группы

В нашей стране обострились проблемы межнациональных конфликтов. Ученые озадачены выявлением факторов этнической толерантности. Однако чаще всего объектом изучения становится не всестороннее влияние этнического фактора на устойчивость российского общества и государства, а проблемы, связанные преимущественно с конфликтогенными проявлениями этничности. Именно поэтому образ этничности в современном постсоветском пространстве, не смотря на обилие академических изданий, остается неполным и «мозаичным». Поэтому сегодня так актуальны вопросы исследования этнопсихологических особенностей межличностных контактов представителей различных национальных групп. Данные отношения во многом определяют гетерохронность или монохронность окружающей национальной среды. Если культура взяла направление на глобализацию будут ли невилироваться национальные особенности в отношениях людей? Данная проблема определила актуальность исследования.

Предметом данного исследования явились нормы и правила поведения в межличностном общении представителей русской и армянской национальностей. Объектом исследования выступили русская группа в составе 60 человек, из них 30 мужчин и армянская группа в составе 55 человек, из них 30 мужчин; возрастной состав групп от 20 до 40 лет жители г. Ростова-на-Дону. Выдвигаемая гипотеза – в данных национальных группах, живущих в одном городе, обнаруживаются статистически значимые различия в нормах и правилах поведения в межличностном общении. Применялись методика О.И. Комиссаровой по измерению нормативных предпочтений в общении и контент-анализ норм и правил поведения в общении в народных пословицах и поговорках, методика измерения нормативных установок З.В. Сикевич. В исследовании приняла участие дипломница Е.А. Михновец. Статистическая значимость результатов проверялась с помощью t – критерия различия Стьюдента.

В результате проведенного исследования показано, что как в русской, так и в армянской национальных группах деловые предпочтения в восприятии другого высказали подавляющее большинство испытуемых (русская группа – 83,3%; армянская группа – 80%). В русской национальной группе деловые предпочтения в восприятии другого выявлены у 86,7% испытуемых мужчин и 82,9% испытуемых женщин. В армянской национальной группе деловые предпочтения в восприятии другого выявлены у 100% испытуемых мужчин и 56% испытуемых женщин.

Из чего следует, что у представителей русской и армянской национальностей (мужчин), живущих в одном городе и работающих на одном предприятии деловой тип нормативных

предпочтений в общении преобладает. Среди женщин армянской национальной группы деловой тип нормативных отношений значительно ниже, чем среди женщин русской национальной группы. На основе выделенных нормативных предпочтений установлено, что у мужчин обеих национальностей и русских женщин складываются функциональные нормативные ожидания; у армянских женщин коммуникативные нормативные ожидания преобладают (в сравнении с русскими женщинами). Различие нормативных ожиданий предполагает различие межличностного восприятия и межличностных отношений в группе. Что подтверждает, что единая культурная среда и место проживания не влияет на изменение направленности в отношениях, а именно приведение их к единству.

Качественными единицами контент-анализа пословиц и поговорок выступили категории – нормы и правила общения, принятые в данных национальных группах. Индикаторами были различные глаголы, обозначающие действия, совершаемые субъектами в общении, в отношении друг к другу.

Категории – нормы в отношениях со старшими, нормы в отношениях с детьми, нормы в отношениях с женщинами, нравственные нормы.

Количественные единицы: единицы контекста – пословицы, поговорки.

Производился подсчет частоты упоминания категорий в пословицах и поговорках. Объем упоминаний категорий измерялся подсчетом числа пословиц.

Качественные единицы контент-анализа (категории обозначаются буквами):

С - нормы и правила в отношениях со старшими

Ж - нормы и правила в отношениях с женщинами

Д - нормы и правила в отношениях с детьми

М - нормы и правила в отношении к молодежи

К - коллективистские нормы

Г - гостеприимство

П - признательность

Б - благодарность

Х - хитрость

У - упрямство

З - зависть

Зл - злость, ненависть

Гр. _ - горделивость

Пр - приличия

Упоминание категории как положительной (+) (валентность отношения)

Упоминание категории как отрицательной (-)

Таблица

Частота упоминаний категорий при контент-анализе

Русские народные пословицы и Поговорки			Армянские народные пословицы и Поговорки		
Категория	Частота упоминаний	%	категория	Частота упоминаний	%
С	96	9,2	С	81	7,4
Ж	135	13	Ж	120	11
Д	70	6,7	Д	95	8,7
М	125	12	М	100	9,2
К	130	12,5	К	120	11
Г	92	8,8	Г	110	10,1
П	40	3,8	П	65	6
Б	35	3,4	Б	48	4,4
Х	38	3,6	Х	20	1,8
У	40	3,8	У	35	3,2
З	40	3,8	З	35	3,2
Зл	36	3,5	Зл	85	7,8
Гр	80	7,7	Гр	65	6
Пр	90	8,6	Пр	105	9,6
	1042	100		1089	100

Таблица

Объем упоминаний категорий

Русские народные пословицы и поговорки			Армянские народные пословицы и Поговорки		
Категория	Объем упоминаний	%	категория	Объем упоминаний	%
+ С	66	6,3	+ С	74	6,8
- С	30	2,9	- С	7	0,6
+ Ж	30	2,9	+ С	84	7,7
- Ж	105	10,1	- С	36	3,3
+ Д	25	2,4	+ Д	55	5,1
- Д	45	4,3	- Д	40	3,7
+ М	65	6,2	+ М	35	3,2
- М	60	5,8	- М	65	6
+ К	110	10,5	+ К	90	8,3
- К	20	1,9	- К	30	2,8
+ Г	80	7,7	+ Г	111	10,2
- Г	12	1,2	- Г	9	0,8

+ Б	40	3,8	+ Б	65	6
- Б	0	0	- Б	0	0
+ Х	5	0,5	+ Х	38	3,5
- Х	30	2,9	- Х	10	0,9
+ У	18	1,7	+ У	7	0,6
- У	20	1,9	- У	13	1,2
+ З	0	0	+ З	0	0,2
- З	40	3,8	- З	33	3
+ Зл	7	0,7	+ Зл	4	0,4
- Зл	29	2,8	- Зл	81	7,4
+ П	35	3,4	+ П	40	3,7
- П	0	0	- П	0	0
+ Пр	80	7,7	+ П	100	9,2
- Пр	10	0,9	- П	5	0,5
+ Гр	70	6,7	+ Гр	60	5,5
- Гр	10	0,9	- Гр	5	0,5
14	1042		14	1089	

Отобранные для контент-анализа русские народные и армянские народные пословицы и поговорки были сгруппированы в 14 пар, в каждой из которых отражены нормы и правила межличностного общения.

В результате проведенного контент-анализа установлено, что категории – коллективистские нормы и отношения с женщинами наиболее часто упоминаемы как в русских, так и в армянских пословицах (13% и 12,5% - соответственно, русские народные пословицы и поговорки и по 11% - армянские).

Русские народные пословицы и поговорки:

1. Отношение к молодежи – 12% (популярны поговорки «молодые дерутся – тешатся, старые дерутся – бесятся», «молодость рыщет – от добра, добра ищет»).

2. Отношение к старшим – 9,2% («чем старше, тем правее, а чем моложе, тем дороже», «не оставляй отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит», «не к лицу бабке девичьи пляски»).

3. Гостеприимство – 8,8% (« хозяин весел и гости радостны», «ешьте, пейте: хозяйского хлеба не жалеите», « по первому зову в гости не ездят», «красному гостю – красное место»).

4. Нормы приличия – 8,6% («в лад да в меру, в толк да в пору», «сделав худа не жди добра», «что сказано, то свято; что сказано, то и сделано», «ласковое слово многих прельщает»).

5. Отношение к детям – 6,7% («яйца курицу не учат», «поперек батьки в пекло не лезь», «у десяти няnek дитя без глазу», «чин чина почитай, а меньшей садись на край»).

Армянские народные пословицы и поговорки:

1. Гостеприимство – 10,1% («без обеда – худая беседа», «хлеба и соли нет – разговор не клеится», «гость гостит мало, но видит много»).

2. Нормы приличия – 9,6% («всяк того гостя чтит, что недолго гостит», «гость смотрит не на стол, а на лицо хозяина», «дурак головой вертит, умный смирно сидит»).

3. Отношение к молодежи – 9,2% («ум молодых, что ветряная мельница», «молодой ум - пустой ум», «у молодого плечо крепкое, у старого – голова»).

4. Отношение к детям – 8,7% («каждому человеку свое дитя слаще», «хорошая насадка своих цыплят оберегает», «сына держат двумя руками, а дочь - одной», «сын опора семьи», «дочь – стена чужого дома»).

5. Отношение к старшим – 7,4% («старый – опора в доме», «что знает старый и сатана не знает», «кто долго живет, тот много видит», «старый вол борозду не испортит», «полученные знания в молодости, в старости – золото»).

Значительные различия наблюдаются в отношениях к женщинам. Из общего объема русских народных пословиц и поговорок, наиболее часто употребляемых, лишь 2,9% отражают позитивное отношение к женской социальной роли, 10,1% несут отрицательный смысл («курица не птица, баба не человек», «бабе дорога от печи до порога», «баба с воза кобыле легче», «волос долог, да ум короток»).

Из общего объема армянских народных пословиц и поговорок, наиболее часто употребляемых, 7,7% пословиц несут положительный смысл и позитивное отношение к женской социальной роли («хорошая жена цены не имеет», «дом без женщины, что мельница без воды», «женщина умирает, дом сироте», «мать от всех бед спасет, даже смерть победит»).

Так же в ходе исследования выявлены различия в нормах и правилах и в отношении к детям, молодежи. В большинстве русских народных пословиц и поговорок отношение к детям заключено в следующем: «яйца курицу не учат», «поперек батьки в пекло не лезь» (5,8%). В армянских народных пословицах и поговорках наиболее популярной оказалась социальная позиция, заключенная в суждениях «хорошая насадка своих цыплят оберегает» (6%). Существенных различий в нормах и правилах в отношениях со старшими не выявлено.

По методике измерения нормативных предпочтений установлено, что группа русских проявила меньшую установку на активность, чем армянская группа, но при этом опирались на расчет на удачу и решительность, а армяне на свою активность и нерешительность.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что выдвинутая гипотеза об этнических различиях норм и правил поведения в межличностном общении подтверждается. Различия существуют и наиболее ярко проявляются в отношениях к женщинам, детям и молодежи, в нормативных установках и коммуникативной и деловой направленности. Такая высокая опора в отношениях на нормативную основу дает нам право отнести обе национальные группы к высококонтекстным, однако ценностно-смысловые основания нормативности различны в данных группах.

Этнические нормы – это требования к личности и специфическим малым группам (род, семья) со стороны этноса в целом. Это образец этнических суждений и предписание поведения с точки зрения этноса. Этнические нормы являются частью культуры этноса, общественного и индивидуального сознания его членов.

6.8. Анализ экспериментальных данных. Основные выводы

Кросс–культурное изучение взаимосвязи менталитета и стиля мышления²

Противоречивость динамики современного общества порождает ряд проблем развития человека: потерю жизненных ориентиров, не определенность этнической идентичности, страх перед будущим и др. В ситуациях неопределенности очень важным является в сжатые временные сроки выбрать верные ориентиры в понимании людей и принятии их инаковости, непохожести. Поэтому сегодня так актуальны исследования менталитета и стиля мышления различных народов.

Содержание понятия «ментальность», «менталитет» как это вытекает из этимологии слова, заключается в когнитивной сфере и определяется, прежде всего, специфичным складом мысли, теми знаниями и представлениями, которыми владеет изучаемая социальная группа.

На заре развития культурной, кросс–культурной психологии ученые выделяли знания и представления как дифференцирующие элементы культуры. А. Бастиан, сторонник эволюционизма, полагал, что каждый народ рождает свои, специфические идеи. До тех пор, пока народ живет обособленно, его идеи остаются неизменными. Как только происходит внедрение новой культуры, идеи обогащаются, а культура развивается. Э. Дюркгейм, представитель социологической школы, отмечал, что коллективное сознание народа выражается в коллективных представлениях. Коллективные представления объединяют: религиозные верования, мифы, нормы морали и права. Коллективные представления созданы этнической группой и являются различными сторонами его восприятия мира.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Стиль мышления субъектов российской ментальности в меняющемся мире»), проект № 05-06-06420а

Л. Леви-Брюль [1, с. 32], рассмотрел вопрос о «ментальных функциях» целого общества. Он считал, что любую культуру можно охарактеризовать через совокупность существующих в ней общих взглядов, или «*коллективных представлений*». Коллективные представления, например, европейца относятся к трем различным сферам: интеллектуальной, двигательной, эмоциональной. Представления первобытных людей характеризуются «дологичностью», чувства и образы в них неразделимы. Ф. Боас, критикуя данные воззрения, отмечал, что на основании одних только коллективных представлений нельзя судить о мыслительных процессах народа [2]. Таким образом, Леви-Брюль одним из первых положил начало исследованиям перцептивных и когнитивных эталонов, принятых культурой, лежащих в основе коллективных знаний и верований, составляющих компонент менталитета.

В нашем контексте представляется важным выделение «коллективных представлений», поскольку является очевидным, что отношения и значимость «коллективных представлений», а также смыслы, которые им приписываются, отличаются у разных этносах. С. Московичи (1995) считает, что представления являются ведущей характеристикой общественного и индивидуального сознания [3]. А менталитет является одним из слоев общественного сознания и, по всей видимости, связан с ними.

Современные эмпирические исследования российского менталитета (М. И. Воловиковой, Л. Л. Гренковой, Н. Л. Смирновой, В. В. Знакова, И. А. Джидарьян) наглядно демонстрируют различные смыслы, которые вкладывают отдельные слои россиян в такие коллективные представления, как: правда, ложь, счастье, право, умный человек, порядочный человек и др. [4]. Следовательно, этнос придает свои своеобразные смыслы коллективным представлениям, связанными с представлениями о мире.

Культуры разнятся не только системой знаний и представлений о мире, но и способами его познания. На заре науки К. Леви-Стросс доказывал, что принципы работы разума одинаковы во всех культурах и во все исторические эпохи, но основное различие заключается в используемом в мышлении материале, в частности, в тех признаках, на основе которых создаются категории [5]. Безусловно, если культуры отличаются представлениями о мире, то они и основания выбирают отличные для категоризации.

Л. С. Выготский и А. Р. Лурия раскрыли и обосновали в своих работах общественно-исторический характер мыслительных процессов. «Стоит общественно-историческим условиям измениться, чтобы изменились и особенности познавательных процессов» (например, способ формирования понятий и решение вербальных силлогизмов)» [6, с. 124]. Следовательно, культурные контексты задают и способы мышления. Таким образом, не только в системе знаний и представлений культуры отражается менталитет, но и в способах познания мира.

Интеллектуальные ограничения, представленные в верованиях и знаниях, составляют представления об окружающем мире, которые являются базой менталитета, задавая вкупе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, характеризующих данную этническую группу. А ценности закрепляют способы мышления в культуре.

В тесной связи с рассматриваемым вопросом находится проблема стилей мышления. Исходя из анализа становления идей стиля мышления А.К. Белоусовой [7], стили мышления сначала рассматривались в рамках исследования когнитивных стилей. Когнитивный стиль определяется Д. Чайлдом как «устойчивые индивидуальные различия в способах организации и переработки информации и приобретаемого опыта» [печ. по 8, с. 35]. М. В. Смирнов считает, что когнитивный стиль – это «зафиксированный на некотором типе когнитивных задач относительно устойчивый, выработанный индивидом способ организации внимания, не жестко обусловленный темпераментом» [9]. Данные определения понятия «стиль мышления» основаны на работах в русле индивидуальной психологии, но не все стилевые характеристики войдут в состав общекультурного стиля. Однако очевидна тесная связь между ними.

Э. И. Маствилискер и Г. Е. Дикопольская показали в своей работе, что дети дошкольного возраста, обученные двум разным стилям решения задач и в одинаковой степени овладевшие ими, в ситуации выбора предпочитают пользоваться стилем, соответствующим их типологическим особенностям. Следовательно, «формирование индивидуального стиля – это не только сознательный отбор системы способов действия, соответствующих требованиям задачи и возможностям человека, но и бессознательное приспособление их к своим возможностям» [10]. А возможности, как показано выше, задаются не только индивидуально-психологическими особенностями индивида, но и той культурной средой, в которой ребенок воспитывался и обучался, его менталитетом.

Согласно точке зрения А. Г. Асмолова, когнитивные стили относятся к биологическим свойствам индивида, предпосылкам развития личности. «Войдут же или не войдут эти индивидные предпосылки стиля в формируемый в онтогенезе стиль индивидуальности, зависит от того, соответствуют ли эти предпосылки заданным и присваиваемым в процессе интериоризации социотипическим шаблонам данной культуры или рассогласуются с этими шаблонами» [11, с. 120]. Следовательно, культура имеет некоторые эталоны, критерии, которые будут определять, закрепятся ли данные способы мышления в менталитет данной этнической группы.

Не нужно забывать и о ситуативных характеристиках среды, которые могут задавать стиль мышления. А. Холодная, опираясь на взгляды К. Стил, определяющего когнитивный стиль как особую интеллектуальную способность, пишет, что «когнитивный стиль характеризует индивидуальные различия в особенностях построения ментального образа ситуации, степени сформированности механизмов метакогнитивной регуляции интеллектуальной деятельности» [12, с.

22]. Это близко к идее антиципации (предвосхищения), то есть в менталитете содержится система предвосхищения, которая определит выбор стиля мышления.

Г. А. Берулава определяет когнитивные стили, исходя из своеобразия процессов получения, переработки и интерпретации информации об окружающей действительности. Эмпирически автором выявлены деятельностные и эмоциональные индивидуальные познавательные стратегии [13]. Предположительно, на этой основе можно выделить деятельностную и эмоциональную ментальность народов. То есть предположительно, можно выделить народы, которые в своих мыслительных стратегиях опираются на цели деятельности, а другие – на эмоциональную предпочтительность деятельности.

В. М. Аллахвердов, отталкиваясь от понятий когнитивной психологии, определяет когнитивный стиль как «совокупность критериев предпочтения» личности для построения своего образа мира [14]. На наш взгляд, это определение стиля мышления наиболее точно отражает связь системы знаний народа, стиля мышления и менталитета, поскольку базой когнитивного компонента менталитета является система представлений и знаний об окружающем мире (образ мира народа), а стиль мышления народа определяет критерии предпочтения некоторых знаний другим. Из вышеизложенного следует, что стилевые характеристики мыслительной деятельности связаны не только с индивидуальными особенностями человека, но и с культурным своеобразием его группы. Опираясь на национальные стили мышления менталитета, этносубъект строит образ мира, или картину мира.

Г. Виткин приводит факты, свидетельствующие о том, что в племенах, занимающихся охотой, больше лиц с полнезависимым стилем мышления, а в племенах, занимающихся сельским хозяйством, преобладают лица с полезависимым стилем мышления. И. Гальтунг описал четыре культурно обусловленных интеллектуальных стиля: саксонский, тевтонский, галльский и японский. А.А. Алексеев и Л.А. Громова обнаружили на американской и российской выборке испытуемых разную частоту встречаемости синтетического, аналитического, прагматического, идеалистического и реалистического стилей мышления [15].

На сегодняшний день является актуальным сравнивать западные и восточные стили мышления [В.К. Шабельников]. «Типичное отличие западных и восточных теорий - это атомизм и холизм. Для западного человека, претендующего на свою субъектность, атомизм дает уверенность во власти над миром. Восточному человеку странно исходить в понимании природы из отдельных маленьких элементов. Он всегда ощущает присутствие невидимого целого, к чему он причастен. Глупо верить в изначальную самоорганизованность отдельного элемента мира» [16]. Основания автора заключены в положении о том, что строение социальных систем и деятельности очень разные в восточных и западных странах, а образ мира формируется благодаря деятельности в

определенных социальных рамках, а мышление развивается как способ решения противоречий, возникающих в системе образа мира.

Однако наступление XXI века изменило ситуацию. По мнению И.П. Шкуратовой: «Нивелирование национальных различий в предпочтении тех или других стилей, благодаря широким межкультурным обменам и включению разных народов в единое информационное пространство. Индивидуальные особенности поведения человека в большей мере обусловлены местом его проживания и культурной средой, чем его национальность. Эта закономерность достаточно четко прослеживалась и в прошлом, но сейчас благодаря широкомасштабному взаимопроникновению культур, стала очевидной. Стиль мышления ученого является результатом его социализации в рамках научной школы, а не национальной принадлежности» [17, с. 468]. Думается, что гомогенность и гетерогенность этнической среды проживания человека сказывается на становлении и последующем предпочтении определенных стилей мышления и в этой связи современная мультикультурность порождает смешение стилей, но будет ли и далее усиливаться эта тенденция остается загадкой.

А.К. Белоусова определяет стиль мышления как регулятор мышления. В совместной мыслительной деятельности участники выполняют функции: генерации идей, отбора информации, оценки, смыслопередачи и реализации. Эти функции и выступают характеристиками стилей мышления (управленческого, критического, практического, инициативный) [18]. Возникает вопрос: если в культурах различаются образы мира, представления, отличны ли и стили мышления в зависимости от культурной принадлежности этносубъектов и гетерогенности этнической среды проживания?

Решение данного вопроса и стимулировало проведение исследования особенностей менталитета и стилей мышления русских и армян Юга России. В проведении исследования принимала участие студентка А.В. Бородина. Использовались: методика исследования «Стили мышления» (А.К. Белоусовой), культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова).

Выборка испытуемых была представлена сотрудниками различных учреждений в количестве 108 человек в возрасте от 25 до 35 лет: русские (30 женщин и 25 мужчин) и армяне (28 женщин и 25 мужчин) (май – июнь 2005 г.).

Методика культурно-ценностный дифференциал измеряет групповые ценностные ориентации: на группу, на власть, друг на друга и на социальные изменения. Она включает 4 шкалы: 1) Ориентация на группу – ориентация на себя; 2) Открытость переменам – сопротивление переменам; 3) Направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия; 4) Сильный

социальный контроль – слабый социальный контроль. Эти параметры относятся к конструкту коллективизм/индивидуализм.

Анализ результатов проведен с использованием факторного анализа.

По полученной факторной матрице, которая включала 10 факторов, была проанализирована оценка вклада каждого фактора в общую дисперсию. Было выявлено, что вклад 5 факторов составляют около 91%. Поэтому в последующей операции вращения факторов по методу варимакс были выбраны 5 факторов.

Рассмотрим результаты для группы русских.

Фактор 1 *холодность* коррелирует со следующими переменными: закрытость ($r = -0,54$), агрессивность ($-0,50$), разрушение традиций ($0,61$), холодность ($0,72$), сердечность ($-0,64$). Фактор 2 *индивидуализм*: самостоятельность ($0,66$), устремленность в будущее ($0,59$), соперничество ($0,69$). Фактор 3 *склонность к риску*: склонность к риску ($0,68$). Фактор 4 *своеволие*: своеволие ($0,69$). Фактор 5 *подчиненность*: взаимовыручка ($-0,73$), замкнутость ($0,80$), подчинение ($0,65$).

В группе русских, как мы видим, преобладает холодный эмоциональный фон. Большое устремление в будущее, разрушение традиций, ориентация на себя, а не на группу, также высоко соперничество, что свидетельствует о возможно высокой мотивации достижения. При этом выявлена склонность к риску, сочетаемая с осторожностью, а недоверие власти с дисциплинированностью.

Рассмотрим результаты в группе армян.

В группе преобладает ориентация на группу, взаимовыручка ($r = 0,65$), верность традициям ($0,70$). При этом отмечается, что преобладают как подчинение групповым нормам ($0,49$), так и самостоятельность ($0,52$). В группе русских преобладает самостоятельность.

В ориентациях на изменения наблюдаются: большая открытость ($0,52$), устремленность в будущее ($0,66$) наравне с устремленностью в прошлое ($0,70$). То есть в группе армян наблюдаем как большое почтение истории страны, так и надежды на новое. В группе русских мы наблюдаем неприятие прошлого. Также у армян уравниваются склонность к риску ($0,54$) и осторожность ($0,69$). В группе русских риск преобладает.

В ориентациях на взаимодействие: в группе армян преобладает миролюбие ($0,74$) и сердечность ($0,68$). Интересно, что уступчивость ($0,57$) и соперничество ($0,55$) также уравниваются.

В ориентациях на социальный контроль: преобладает дисциплинированность ($0,77$) и законопослушность ($0,69$), уважение власти ($0,59$). В группе русских – неприятие власти.

Меньше всего расхождений между группами по шкале направленность на взаимодействие.

По результатам методики «Стили мышления» видно, что в группе русских преобладает инициативный стиль мышления (80%). В группе армян этот стиль мышления находится на последнем месте (55%), но преобладающим является практический стиль (75%). Управленческий стиль мышления получил равное распределение, как в первой, так и во второй группах (70%). Так же

в группе армян выделяется критический стиль мышления (70%), а в группе русских этот показатель низкий (45%).

Частично первая методика подтверждает результаты второй. Инициативный стиль у русской группы сочетается с рисковостью, самостоятельностью. Практический стиль мышления в группе армян сочетается с коллективистической ценностной ориентацией.

Выводы:

В группе русских представлены следующие показатели ценностных ориентаций: душевность, разобщенность, самостоятельность, индивидуализм, недоверие к власти, традиционализм, коллективизм, своеволие, свободолюбие, анархия. То есть, явное тяготение к индивидуализму. Группа русских характеризуется: холодностью, соперничеством, склонностью к риску. Это сочеталось с преобладанием в группе инициативного стиля мышления.

В группе армян выявили коллективизм, характеризующийся: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью и уважением власти. Преобладающим стилем мышления был практический стиль.

Таким образом, в пределах одной гетерогенной, культурной зоны Юга России представители различных национальных групп, имеющие различные ценностные ориентации, отличаются преобладанием определенного стиля мышления

На основании проведенного исследования возможно с некоторой степенью приближения утверждать, что различный менталитет будет связан с выбором стилей мышления. В исследовании нами были обнаружены различные приемы мышления у представителей национальных групп, однако соотношение этих приемов было различно. Следовательно, соотношение, совмещение элементов системы менталитета является системообразующим.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Возникновение проблемы трансформации менталитета в психологии обусловлено не только социальными изменениями в обществе, но и глубокими теоретико-методологическими сдвигами в психологической науке. Методологическими предпосылками становления проблемы менталитета являются: переход науки психологии от объяснительного метода изучения явлений к описательному; идея многомерности мира человека; идея развития систем как случайного процесса, являющегося переходом от неравновесного к равновесному состоянию системы; всякое изменение порождается при столкновении с иным миром, идея совмещенности. Теоретическими предпосылками становления проблемы трансформации менталитета коллективного субъекта являются: этнографические исследования XIX века, описательный подход К.Д. Кавелина, Г.Г. Шпета, французской школы «Анналов», модели изменения менталитета и идеи науки синергетики об самоорганизованных системах.

2. Особенности трансформации менталитета не могут быть целостно описаны с позиций традиционной науки. Поскольку она предлагает выводить свойства объектов, расчленяя его на части. Теоретико-методологической основой изучения процесса трансформации менталитета коллективного субъекта является теория психологических систем В.Е. Ключко. В рамках данной теории человек и мир выступают психологической системой, в которой скрыто противоречие не сводимости одного с другим и вместе с тем их некоторой подобности. Это противоречие разрешается посредством системной детерминации развития системы и возникновения новообразований в ней. Менталитет человека как часть данной системы, выступает сам системой и подчиняется вышеперечисленным закономерностям.

3. Менталитет выступает предметом многих гуманитарных дисциплин. Исследователи, однако, подчеркивают, что можно выделить именно психологический аспект изучения менталитета. Менталитет является психологической системой, атрибутом коллективного субъекта и сложным качеством человека. Он представляет собой совокупность значений, смыслов и ценностей образа мира коллективного субъекта в определенных временных и пространственных рамках, которые сочетаются с определенным образом жизни. Порождаясь коллективным субъектом, менталитет выступает слоем обыденного сознания определенной социальной группы. Менталитет выступает культурным, нематериальным артефактом коллективного субъекта и человека и является медиатором, посредником между ними и миром культуры и просто миром. Носителем менталитета является коллективный субъект. Обмениваясь с миром, менталитет коллективного субъекта может трансформироваться, что поддерживает систему взаимодействия в определенной гармонии. Коллективный субъект, объединяясь в истории на основании определенной активности, порождает ценностно-смысловое единство, которое, закрепляясь в категориях образа мира, в стилях мышления, определенных выражениях эмоций и в поведенческих программах, бессознательно управляет

образом жизни человека. Ценностно-смысловое единство коллективного субъекта объединяет людей не только в какой-либо деятельности, но и объединяет их как представителей определенного менталитета независимо от пространственно-временных рамок. По этому менталитет выступает формой субъектности коллективного субъекта и проявляется как со-бытие. Коллективный субъект, достраиваясь в Другом, презентует свое со-бытие и именно в этом пространстве трансформируется его менталитет. Структура менталитета представляет собой матрицу, в которой происходит наложение систем его компонентов, конструкторов и элементов. Интегративным свойством системы менталитета является совмещение внешней информации и культурного образа мира и образа жизни. Таким образом, менталитет – это совмещенная психологическая система. Данное интегральное свойство менталитета, исходя из его структуры, предполагает шесть форм совмещенности менталитета. Формы совмещенности менталитета: 1) на уровне надсистем (религия, этнос и социум), когда доминирует какая-либо из них, 2) на уровне динамических и статических составляющих глубинного, эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов менталитета, 3) на уровне конструкторов менталитета (этического, временного, пространственного, рисковости, коммуникативного, интеллектуального, гедонистического, определенности, достижения), 4) на уровне элементов – значения, смыслы, ценности, 5) на уровне подсистем образа мира и образа жизни, 6) на уровне всех форм совмещения. Системообразующей функцией системы менталитета в процессе его становления является функция приведения в соответствие, совмещение ценностно-смысловых составляющих подсистем образа мира и образа жизни, а также религиозной, этнической или социальной надсистем менталитета.

4. Менталитет погружен в ментальное пространство. Бытие менталитета разворачивается, «продлевается» в мир именно в ментальном пространстве в ходе взаимодействия людей, взаимодействия групп и взаимодействия с их культурой и с миром. Ментальное пространство имеет свои координаты: пространство, время, значения, представления, смыслы, ценности. Динамические процессы в системе менталитета проходят благодаря системе механизмов.

До определенного времени основными механизмами развития психологических феноменов признавались механизмы идентификации/отчуждения. Однако доказано, что эти механизмы показывают начальную форму и измененную форму явления, но скрывают, что происходит в ходе самого изменения. Идентичность находится в кризисе в периоды социокультурных изменений, при этом наблюдается отчуждение ценностей, образа мира и стереотипов поведения. В представленной ретроспективе моделей изменения культурных артефактов, которым относится менталитет, наблюдается две тенденции. Одна из них заключается в том, что культурные артефакты не изменяются в определенных пределах в ходе кризисных явлений, остаются неизменными. Закономерности становления, развития менталитета, проявляющиеся в стабильные периоды развития, переносятся на кризисные этапы. Другая тенденция резкого катастрофизма, когда все

разрушается, мир приходит к хаосу и менталитет исчезает. На основе теоретического анализа процесса развития культурных артефактов мы показываем, что в истории народов в социогенезе – сначала ценности закладываются коллективным субъектом посредством религии, определяющие систему смыслов и значений, после этого ведущие смыслы обретаются через развитие государственности и этносов, далее на уровне социума кристаллизуются ведущие значения, которые оказываются наиболее изменчивыми и подвижными в формирующейся системе менталитета. Религиозное мировоззрение посредством мифов порождает архетипы. Архетип бессознательный образ, который определяет систему потребностей коллективного субъекта, задает направленность его жизнедеятельности. Каждая национальная группа имеет свою специфическую иерархию архетипов в основе менталитета. Архетипы наименее изменчивая составляющая менталитета. Основой, единицей системы менталитета выступает архетип. В определенные исторический период этническая система становится ведущей в развитии общества. Именно в этот период мы встречаемся с этническим менталитетом как атрибутом этничности, психологическим складом представителей определенного этноса, детерминированным природными, экономическими, культурными факторами. В ходе доминирования социальной системы большую значимость имеет профессиональный, политический менталитеты. В ходе общественных изменений эти виды менталитета трансформируются. Проанализировав социально-психологические исследования, мы пришли к тому, что в ходе трансформации менталитета происходят: изменения субъектности, идентификации, концепции Я, социальных категорий, значений и представлений, образа мира, изменение дискурса, когнитивных схем, изменение отношений, социальных способностей, социальных ролей, мировоззрения, коммуникации, ценностей, потеря смыслов, во внешних – этнических и социально-психологических качествах человека и внутренних – личностных качествах.

5. Феноменология изменений менталитета коллективного субъекта и человека представлена трансформацией значений, смыслов и ценностей. Заключается она в особенностях соотношения данных элементов между собой по степени подчинения, оформленности/неоформленности, проявленности/непроявленности, осознанности/неосознанности коллективным субъектом, встроенности в структуру идентификации/отчужденности от человека. Эти изменения детерминированы изменениями во внешних системах менталитета: религия, этнос, социум. В которых в свою очередь, происходят трансформации по следующим направлениям – разрушения их институтов, утратой их функциональных основ, переструктурируются их коллективные субъекты. Социально-психологическими феноменами трансформации российского менталитета могут выступать следующие явления – деперсонализация, деиндивидуализация, деперсонификация отношения к миру, снижение толерантности к себе и к миру, социальная ориентация направлена во вне, заниженная самооценка, ощущение бессилия, фрагментарность,

стереотипность мышления, дисфункции социальных ролей, ценностно-нормативный кризис. Такие сложные изменения в системе менталитета является формой ее самоорганизации.

6. Самоорганизация системы менталитета заключается во временной, пространственной, функциональной и структурной ее самоопределенности. Трансформацию совмещенной системы менталитета понимаем как вид ее самоорганизации. При этом происходит смена качеств, присущих ее потенциальной структуре, актуализация новых состояний в системном пространстве и времени. Основное системное противоречие, происходящее при трансформации менталитета, заключается в том, что при несоответствии мира и человека, последний теряет ориентиры, способность самодетерминироваться.

В.Е. Ключко описал механизм трансформации мышления – эмоционально-установочный комплекс, который заменяется новым и распадается при изменении условий развития. В основе данного распада мы полагаем, что лежат рассогласования/согласования в функциональных связях пространственно-временного, ценностно-смыслового единства психологической ситуации актуальной области образа мира менталитета человека и коллективного субъекта. И в след за О.К. Тихомировым [], полагаем, что происходит сворачивание значений и смыслов и переструктурирование ценностной системы. Изменения размерности психологического, ментального пространства и есть процесс трансформации. Предполагаем, что трансформация происходит на этапе индивидуализации личности. В ходе трансформации системы менталитета процесс индивидуализации затормаживается (ограничены выборы) в силу основного противоречия его системы (рассогласования между миром и человеком). Ведущим механизмом трансформации является механизм устранения рассогласования/согласования функциональных связей в системе менталитета.

7. Трансформация совмещенной системы менталитета – это вид ее самоорганизации, процесс рассогласования функциональных связей пространственно-временного, ценностно-смыслового ядра ментального пространства совмещенной системы менталитета, приводящий к замещению традиционных значений, смыслов, ценностей на инновационные и переструктурированию их иерархии, определяющий изменения его организации и изменениям субъектности его носителя. Новообразованиями трансформации системы менталитета будут новые формы совместности. В нашем контексте новые виды совмещенности организации системы менталитета на уровне надсистем, структуры системы, подсистем системы менталитета. Доминирующая надсистема менталитета: религия, этнос, социум влияют на образ мира коллективного субъекта. Ядерные составляющие образа мира – это пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие менталитета. Периферия образа мира – это обобщенные сценарии действия и образы ситуации, в которой они реализуются. Именно в образе мира начинаются изменения. Новые значения порождают новые смыслы, которые перестраивают иерархию традиционных ценностей.

Если они закрепляются конвенционально и не противоречат архетипической структуре менталитета, эмоционально находят свое подтверждение у большинства представителей коллективного субъекта, то закрепляются в центральной части образа мира человека. На периферии образа мира идет переструктурирование ситуации, в которой человек находится: меняются временные, пространственные перспективы и отношение к ситуации. Традиционная ситуация переходит в инновационную. Перестройка образа мира человека приводит в соответствие его образу жизни, что переводит систему менталитета в стабильное состояние.

8. Новообразования, образованные в ходе трансформации системы менталитета следующие: новые совмещения в ментальном пространстве менталитета коллективного субъекта и новые формы субъектности. Менталитет как форма субъектности изменяет свои пространственно-временные координаты ментального пространства. Ученые установили, что человек стремится к стабильной временной идентичности и приводит в соответствие социальное и личное время. В периоды «безвременья» наблюдается инверсия восприятия времени, так пенсионеры в будущем видят прошлое, а молодежь в настоящее упаковывает будущее. Также наблюдается у населения то, что временные рамки субъективно сокращаются (требование социума), но растет их плотность, пространственные рамки расширяются, то есть человек большие пространства может увидеть на экране компьютера, однако в социальном пространстве увеличивается дистанция между людьми. Изменения происходят и в образе мира поколений. Как показало эмпирическое исследование, ядерные составляющие образа мира поколений не изменились. Периферийные части менталитета трансформация отношения к миру (оценки) от приятный к среднему между плохой – хороший, трансформация представлений о характеристиках статики мира (оценки) от горячий к среднему между радостный – печальный, слабый – сильный, трансформация представлений о характеристиках динамики мира (оценки): от быстрый – в сторону статичности. Суть трансформации образа мира – любимый мир превращается в уважаемый, менее привлекательный. Ценностные ориентации образа жизни поколений переходят от коллективистской направленности к индивидуалистической. В системе ценностей-целей изменилась ее иерархия. Ценности-цели пенсионеров 70-х гг. XX века и 10-х гг. XXI века работы, образования, семьи, здоровья перешла к иерархии – благополучия в мире, получение удовольствий, независимость суждений, семьи в группе молодежи 10-х гг. XXI века. Между пенсионерами и молодежью 80-х гг. XX века мы наблюдаем преемственность по следующим ценностям-цели семьи, общественной работы (А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, Ф.С. Худушин, В.А. Ядова). В группах пенсионеров и молодежи 10-х гг. XXI века преемственность есть только по ценности-цели семьи. При этом несколько изменяется содержание ценности семьи.

В системе ценностей-средств произошел переход от ценностей: любви к Родине, воли, мужества, правдивости, чуткости, стремлении к знаниям, трудолюбия, к ценностям: аккуратность,

жизнерадостность, смелость, честность, высокие запросы. В системе смыслов также произошли изменения. Смыслы семьи, альтруизма и коммуникации являются ведущими в группе подростков. Смыслы удовольствия, экзистенциальные смыслы, когнитивные и самореализации являются ведущими в группе молодежи. В группе пенсионеров ведущими смыслами являются: семейные и экзистенциальные. Наблюдаем высокую преемственность в смыслах подростков и пенсионеров 10-х гг. XXI века по семейным, альтруистическим и коммуникативным жизненным смыслам. Также существует преемственность в экзистенциальных смыслах молодежи и пенсионеров 10-х гг. XXI века и расхождение в других. Молодежь и пенсионеры 1980 года основным идеалом, в какой-то мере смыслом, полагают труд, за тем личное счастье и за тем карьера (Г.В. Папаян). При чем разрыв между карьерой и личным счастьем выше у пенсионеров.

Посредством корреляционного анализа удалось получить ментальные пространства в группах трех поколений, представляющие собой специфические сочетания значений образа мира, смыслов и ценностей. Было установлено, что нет прямой корреляционной зависимости между ценностями семьи и семейными смыслами, между коммуникативными смыслами и ценностью наличия верных друзей, между когнитивными смыслами и ценностями познания. Образ жизни изменился со времени эпохи социализма. В образе жизни преобладали ориентиры на труд, многодетную семью и умеренное потребление материальных благ. Сегодня семья выступает инструментальной ценностью, ориентация не на труд, а на материальное благополучие, возросло потребление материальных благ. Эмпирически были получены рассогласования между образом реальности поколений (значения, смыслы) и образом действительности (система ценностей) поколений.

В архетипической системе произошла переориентация архетипов стабильности и принадлежности на архетипы изменений, разрушений, развития.

9. Трансформация менталитета влияет на перемены в межпоколенных связях, которые выступают основными путями трансляции информации основным группам населения. Обнаружена высокая толерантность у пенсионеров и молодежи к сложностям и неопределенностям жизни, что свидетельствует о высокой терпимости к сложностям и неопределенностям жизни в российской культуре. У пенсионеров больше этническая толерантность, чем у молодежи. У молодежи больше терпимости к отклонениям от общепринятых норм, чем у пенсионеров. Таким образом, пенсионеры больше склонны к традиционной культуре.

Исследования показывают степень расхождения между субкультурой молодежи и людей зрелого возраста по таким критериям как: конструкт индивидуализм-коллективизм, патернализм, стиль мышления, ценностные ориентации, идентификация, стили взаимоотношений, статусно-ролевые отношения, социальные установки к себе, другим, к жизни, стереотипы поведения и др. Также ученые описывают явления дистанцирования поколений, замыкания на своей субкультуре.

Эти факты могут свидетельствовать о росте межпоколенной интолерантности и нарушений в трансмиссии между поколениями.

10. Новообразованием трансформации совмещенной системы менталитета является феномен «потери субъектности» человека. Субъектность как способы реализации в мире субъекта можно выделить двух видов – традиционную социоцентрическую и инновационную индивидуалистическую. В процессе социокультурных изменений на смену традиционной субъектности приходит инновационная со своими способами самодетерминации, саморазвития, самоактуализации, самовыражения, самореализации субъекта. Однако этому предшествует «потеря традиционной субъектности», которая проявляется в: утрате традиций, традиционных социальных категорий, утрате идентификации социальной и индивидуальной, потере границ жизненного пространства, утрате ориентиров саморазвития, распадении образа мира, потере смыслов, подвижности ценностной иерархии, в том, что значения становятся ведущей системой, возрастании депривации, стремлении к закрытости, приватности жизни, принятии временности групповых образований, акцентировании способов принятия изменений мира. На примере изменений в национально-психологических особенностях русских показана феноменология потери традиционной субъектности. Последние исследования показывают явную индивидуалистическую направленность в субъектности россиян, которую можно фиксировать через особенности общения, деятельности, ценностные ориентации, различные отношения и др.

11. Социокультурный кризис в России выразился в кардинальных изменениях в сферах общества: экономической, политической, духовной, социальной, культурной, научной и др. Это стимулировало наполнение новым содержанием форм менталитета (политического, экономического, социального, этнического, религиозного др.). Следовательно, в ценностно-смысловом ядре экономического менталитета произошла переориентация экономической деятельности, заданной реализацией товаров на ориентацию заданную потребностями клиента (Деминг). В ценностно-смысловом ядре социального менталитета происходит переориентация на новую стратификацию общества, новые отношения между слоями населения, политического менталитета отражено большое размежевание государства и коллективных субъектов, в ценностно-смысловом ядре кризисного менталитета отражена потеря смыслов, идентичности россиян, разрушение традиционных ценностей. Наполнение новым содержанием форм российского менталитета задается внешними импульсами (изменения в обществе) и внутренними (организация менталитета). Можно выделить три направленности трансформации системы менталитета в условиях социокультурного кризиса: 1) информационную, связанную с изменениями значений, 2) смысловую, связанную с изменениями в отношениях с миром и людьми, 3) ценностную, связанную с изменениями в целеполагания коллективного субъекта и человека. Первые два вектора влияют на изменения в образе реальности, третий вектор влияет на действительность образа жизни коллективного субъекта

и человека. Между традиционной формой менталитета и новой есть переходные формы менталитета. Провинциальная ментальность предположительно является переходной формой менталитета между традиционным и инновационным менталитетом. Опрос молодежи показал, что респонденты идентифицируют себя с такими чертами характера как доброта, гостеприимство, душевная щедрость. Они являются типичными для российского национального характера; основными сферами жизни, с которыми респонденты связывают свою национальную идентичность: российская природа, Россия, ее история, родственники, что может свидетельствовать о провинциальности, традиционности. Однако, она не подкреплена во вне в силу «вестернизации» общества. В этом заключается рассогласование образа реальности, связанного со смыслами и значениями и образа действительности, связанного с ценностными ориентациями субъектов России. Сегодня встает проблема – действительно ли меняются ценности россиян или нет. Наше исследование показало, что молодежь постепенно переходит к индивидуалистическим ценностным ориентациям, а пенсионеры продолжают придерживаться коллективистических ценностных ориентаций. Таким образом, различные системы ценностей поколений сосуществуют в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях социокультурных деформаций можно наблюдать процесс трансформации менталитета коллективного субъекта и отдельного человека. Менталитет как совмещенная, самоорганизованная психологическая система представляет собой неосознаваемый, обыденный слой коллективного сознания, интегрируемый религиозной, этнической и социальной системами общества. Основу менталитета составляет согласованность доминирующих, нормативно закреплённых систем значений, смыслов и ценностей образа мира индивидуального и коллективного субъекта, проявляющихся в их жизненном мире. Образ мира представляет собой психологический конструкт. Он имеет сложную уровневую структуру, которые можно оценивать с позиции ее содержания (представления, оценки, значения, смыслы), с позиции ее динамики как движение от периферии ее составляющих к центру и наоборот. Также образ мира можно представить как продукт деятельности человека, как результат освоения «жизненного мира», его восприятие, понимание и осмысливание. Основной единицей образа мира является психологическая ситуация, в которой находится человек или в которых он находился в прошлом. В основе ситуации лежат когнитивные схемы как структуры ее познания. В «потенциально активной части образа мира» происходит переосмысливание и переоценивание психологической ситуации, ведущие к построению актуально-активной части образа мира, информация о которой попадает из периферии в центральные зоны.

Каждый человек имеет свой индивидуальный образ мира, но который вписан в общий образ мира, присущей его социальной общности. Поколения обладают своим специфическим образом мира, который соответствует их образу жизни. Образ жизни это часть «жизненного мира» коллективного субъекта и человека, в которой он реализует свою активность, согласно имеющимся у него способам жизнедеятельности. Под воздействием социокультурных изменений в обществе и условий развития коллективного субъекта происходят частичные трансформации менталитета поколений. Деструктивная трансформация разрушает надсистемы и систему менталитета. Конструктивная трансформация видоизменяет и развивает надсистемы и систему менталитета. Трансформация системы менталитета заключается в рассогласовании образа мира и образа жизни коллективного субъекта.

В данной работе экспериментальным методом продольных и поперечных срезов проведена оценка ментальных пространств значений, смыслов и ценностей менталитета поколений 70-80-х гг. XX века и начала XXI века. Показано, что трансформация совмещенной системы менталитета как форма ее самоорганизации, обусловлена рассогласованием/согласованием функциональных связей пространственно-временного, ценностно-смыслового единства психологической ситуации актуальной области образа мира менталитета человека и коллективного субъекта, приводящих к изменениям организации и изменениям субъектности его носителя. При этом происходит замена

традиционных значений, смыслов и ценностей коллективного субъекта инновационными и переструктурирование их иерархии. Также изменяются соотношения и веса инновационного, переходного и традиционного менталитетов поколений. Предложена оригинальная методика диагностики менталитетов поколений.

В данном исследовании заложены теоретико-методологический и методический основы исследования динамики сложной системы менталитета. В заключении нам представляется возможным указать на те проблемы, которые требуют дальнейшей проработки.

Во-первых, в нашем исследовании объектами выступили группы поколений, можно расширить круг респондентов от национальных групп до профессиональных.

Во-вторых, необходимо отметить, что пока еще мало разработан вопрос трансформационных изменений пространственно-временных координат системы менталитета.

В-третьих, не достаточно эмпирически изучены конструкты и компоненты системы менталитета.

В-четвертых, требует дальнейшей валидации методика диагностики менталитетов поколений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя. 1999
2. Абульханова – Славская К.А. Стратегии жизни. М.: Мысль. 1991. С 126-149.
3. Абульханова К.А. Психология и сознание личности: избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 1999.
4. Абульханова К.А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 5-14.
5. Абульханова–Славская К.А. Состояние современной психологии: субъективная парадигма // Предмет и метод психологии: Антология / Под ред. Е.Б. Старовойтенко. М.: Академический проект: Гаудеамус. 2005. с. 428–450. (г)
6. Абульханова К.А., Славская А.Н. Предисловие // Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер. 2003. С. 6–33.
7. Авксентьев А.В., Авксентьев В. А. Краткий этнопсихологический словарь-справочник. Ставрополь: СГПУ, 1994.
8. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб.: Изд.-во «Речь». 2003.
9. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. 2003. Том 24. № 1. С. 47-55.
10. Акоюн К. Соль Земли? (Интеллигенция как феномен русской культуры) // Человек. 1995. № 6. С. 53-63.
11. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.
12. Александрова К.В. Особенности восприятия времени подростками 14–17 лет // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 г. В 8 т. СПб.: Изд.-во С.-Петербур. Ун-та. 2003. Т.1. с.64–66.
13. Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 1985.
14. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика. Т. 1. 1980. С. 124-135.
15. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. С. 265-274.
16. Андреев А. Мир тропы очерки русской этнопсихологии. СПб: «Тропа Троянова», 2000.
17. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс. 2000.
18. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс. 1996.
19. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект Пресс. 2001.
20. Анисимов О. С. Путь к экологической культуре // Социально-Гуманитарное Знание. 2002. № 1. С. 315-319.
21. Антилогова Л.Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания личности. Омск. 1999.
22. Ануфриева Р.А., Головаха Е.И., Гринченко Л.М. и др. Образ жизни. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования. Киев: Наука думка, 1980.
23. Анцыферова Л. И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. М.: Наука. 1989. С.426-433.
24. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука: Смысл. 1999.
25. Асмолов А. Г. Л.С. Выготский сегодня. Неклассическая психология // Культурно-историческая психология развития: Материалы первых чтений памяти Л.С. Выготского. М., 15-17 ноября 2000. М. Смысл. 2001. С.20-26. (а)
26. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ. 1990. С. 152-172.
27. Ахиезер А. С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 3-19.
28. Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М.: ИФ РАН, 1993.
29. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги. 2003. с. 107.

30. Базылевич А.В., Маршаник Б.А. К механизмам влияния на психику // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. М.: ИПРАН. 1999. с. 19–20.
31. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987.
32. Батищев Г. С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука. 1969. С. 73–145.
33. Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества // Полис. 2000. № 6. с. 51–65.
34. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература. 1975.
35. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература. 1972.
36. Бейкер К. Теория семейных систем М. Боуена // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 155-164.
37. Бейкер К., Гиппенрейтер Ю.Б. Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 66-84.
38. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 / Автор-составитель Кара-Мурза С.Г. М.: Алгоритм. 2002.
39. Белинская Е.П. Временные аспекты Я–концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 40-46.
40. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Аспект пресс, 2001.
41. Белл Д. Возобновление истории в новом столетии // ОНС. 2002. №5. С. 13–25.
42. Белокопытов Ю.Н. Фрактально-синергетический образ нелинейного мира // Мир психологии. 2003. №4 (36). с. 116–132.
43. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов н/Д: Изд.-во РГПУ, 2002.
44. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум». 1995.
45. Бердяев Н. А. Русская идея. М.: ЗАО «Сворог и К», 1997.
46. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
47. Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
48. Березина Т.Н. Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности: Дис. ... д-ра психол. М. 2003.
49. Берри Дж. У. Проблемы развития и бытия личности аккультурация и психология адаптации: обзор проблем // Развитие личности. 2001. № 3–4., с.183–193.
50. Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека. Москва-Воронеж. 1997. С. 101-129.
51. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука. 1973.
52. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука. 1973.
53. Блюменкранц М. Время анти-истории. Картина мира: дубль 2003 // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 181-184.
54. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: Российская политическая энциклопедия. 2005.
55. Богданов А.И. Тектология. Всеобщая организационная наука. К. 1. 2. М.: Экономика К.1. 1989.
56. Бодалев А. А. О психологическом понимании я человека // Мир психологии. 2002. № 2. С. 12-17.
57. Божович Л. И. Проблема формирования личности: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК. 2001. С. 143-206.
58. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече: АСТ. 1999, С.264.
59. Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. Спб.: Санкт-Петербург. Ун-т. 1992.
60. Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские: характер народа и судьба страны. Спб.: Лениздат. 1992.
61. Братусь Б. С. Анатомия личности. М.: Мысль, 1988. С.58-59.
62. Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Роспедагенство. 1994.
63. Братусь Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. №1. С. 6–13.

64. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6–10.
65. Бубер М. Беседы о еврействе // Избранные произведения. Израиль: Библиотека Алия, 1989. С.345.
66. Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 38-44.
67. Будалина Е.Е. Толерантность и идентичность как показатели адаптации в новой социокультурной среде (На материале исследования коми-пермяцкого и русского этносов) // Этническая идентичность и проблема этнотолерантности: пути преодоления этноцентризма в современных теориях и социальных практиках. С. 121-125. http://ppf.uni.udm.ru/conf_2002/etnos.htm
68. Буданов В.Г. О методологии синергетики // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 79–94.
69. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет Россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92–102.
70. Быкова Е.Б. Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности: Дис. ... канд. психол. наук. СПб. 2002.
71. Вальсинер Я. Культура, развитие и методология в психологии: преодолеть отчуждение через эмпирические данные // Культурно-историческая психология. № 1. 2005. с.37–52.
72. Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социологические исследования. 1993. № 4. С.46–55.
73. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. Т.18. N2. С. 58-78.
74. Васильчук Ю. А. Социальное развитие человека в XX веке // ОНС. 2001. №1. С.5–26.
75. Волкова В.Н., Денисов А.А Основы теории систем и системного анализа. СПб.: Спбгпу, 2003.
76. Волкова Т.Н. Социальные и психологические проблемы старости // Вопросы психологии. 2005. № 3. С.118–126.
77. Воловикова М.И. Образ времени в сознании Древней Руси // Образ в регуляции деятельности. М.: РИО. 1997. с. 53-54.
78. Волочков А.А., Ермоленко Е.Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психологический журнал. Том 25, № 2, 2004, С. 17–27.
79. Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб.: Питер, 2001.
80. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо. 2005.
81. Гаврилин Е.В., Мирошник И.М. Задача будущего. Теоретическая концепция. М.: «Антистресс». 1996.
82. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенный подход) // Социологические исследования. № 1. 2002. С. 96–105.
83. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности. Дис. ... д-ра психол. наук. М.: РГБ. 2003.
84. Гегель Г. В.Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Соцэргиз. 1959. С. 69.
85. Гегель Г. Феноменология духа. М.: Наука. 2000. С. 261.
86. Геродот История: Избранные страницы. СПб.: Амфора. 1999.
87. Гершунский Б. С. Россия и США на пороге третьего тысячелетия: Опыт экспертного исследования российского и американского менталитетов. М.: Флинта, 1999.
88. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. №3. С. 43 –52.
89. Гонтмахер Е. Общественное сознание и социальные реформы // Россия: поиск пути. М.: «Научная книга». 1999. с. 199–201.
90. Гордеева Н.Д., Зинченко В..П. Функциональная структура действия. М.: МГУ. 1982.
91. Горозия В.Е. Отчужденный мир и проблема социализации человека (Философский, социологический анализ) // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. СПб.: Петрополис, 2001. С. 68–86.
92. Горький А. М. Несвоевременные мысли. М.: Советский писатель, 1990, С. 99.

93. Горький А. М. Собрание сочинений: В 10-ти т. Литературные портреты. Т 9. М.: Прогресс. 1982.
94. Горький А.М. Разрушение личности // Соб. Соч. в 30 т. Т. 24. с. 34, 42, 78.
95. Горяинов Д.А. Проблема свободы в русской культуре // Философские науки. 1997. № 3–4. С. 144–145.
96. Гостев А.А. Эволюция сознания в решении глобальных конфликтов (Очерки по конфликтологии). М.: Институт психологии РАН, Федерация мира и согласия, Центр политических и международных исследований. 1993.
97. Границы и ограничения толерантности в межличностном общении. Круглый стол // Толерантность в межличностном общении. Материалы регионального научно-практического семинара. Ростов-на-Дону: РГУ 16-17 мая. 2002.
98. Граус Ф. Менталитет в средневековье. История ментальностей и историч. антропология. Зарубежн. исследования в обзорах и рефератах. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т. 1996
99. Гребенниченко С.Ф. Сокращенная стенограмма международной научной конференции «Менталитет и аграрное развитие России» // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). М.: Росспэн. 1996.
100. Гредескул Н. А. Россия прежде и теперь. М.–Л.: Госиздат. 1926.
101. Григоровская И.Ю. Типологические особенности время личности // Психология личности. Новые исследования. М.: ИП РАН. С.222–239.
102. Гришин Б., Чикин В. Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия. 1962.
103. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. М.: Изд.-во «Ольга». 1996.
104. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ». 2002.
105. Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции // Послесловие к книге Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада». М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 356.
106. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик. 1993.
107. Гуревич А.Я. Смерть как проблема истор. антропологии: О нов. направлении в заруб. историографии. В альманахе «Одиссей». М., Наука, 1989.
108. Гуревич П. С. Культурология. М.: Гардарики, 2000.
109. Гусельцева М. С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 5–15.
110. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Спб.: Литера. 1996.
111. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86.
112. Джандильдин Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата: Изд. «Казахстан», 1971.
113. Дилигенский Г. Г. «Запад» в российском общественном сознании // ОНС. 2000. № 5. С. 5–19.
114. Дилигенский Г.Г. Риск исторического выбора в России (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 5. С.3–26.
115. Дмитриева Н.В. Психологические факторы трансформации идентичности личности: Дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1999.
116. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье: РА «Тандем-У». 1998.
117. Донцов А. И. Проблема социальной группы в зеркале этнопсихологии // Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс. 2003.
118. Донченко Е.А. Концепция социальной психики общества. Статья 1. Структура и свойства социальной психики // Философская и социологическая мысль. 1994, № 1 – 2. С. 49–.
119. Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл, 1997.
120. Дубин Б.В. Семья или успех? // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М. 1995. № 6. С. 24–27.
121. Дубов И. Г., Затылкина Т. Б. Социально-психологический аспект общенациональной идеи в России // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 51-61
122. Дуйкер Г., Фрийд П. Особенности национального характера. М.: Мир. 1997.

123. Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. – Екатеринбург: Деловая Книга, 2002.
124. Ж. Дюби История ментальностей // Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е.М. Мухина. М.: Рос. Акад. Наук, Ин-т всеобщ. Истории и Рос. Гос. Гуманитарный ун-т. 1996.
125. Е.С. Жерихов Социальная адаптация пожилых людей // Ежегодник российского психологического общества. Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. Спб: Санкт–Петербург. Университет. Т. 3. С. 322-325. 2003.
126. Егоров В.В. Наглядные образы в формировании общества. Дис. ... д-ра филос. наук. М.: РГБ. 2005.
127. Ешич М.Б. Этносы – субъекты исторического процесса и проблема этничности // Человек как субъект культуры / отв. Ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 249–278.
128. Жарков Г.В. «Чувство взрослости» у подростков и молодежи в современной отечественной культурно-исторической ситуации: возрастной и психолого-педагогический аспекты // Материалы второй национальной научно-практической конференции. М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России». 2005. с. 235-236.
129. Жилин Д.М. Теория систем: опыт построения курса. М.: Едиториал УРСС, 2003.
130. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: ПЕРСЭ, 2002. С. 51–81.
131. Журавлева Н.А. Современные тенденции в ценностных ориентациях в российском обществе // Ежегодник Российского психологического общества. Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. Спб: С.- Петерб. Университет. Т. 3. С. 342-344. 2003.
132. Здравомыслов А.Г. Россия и русские в современном немецком самосознании // ОНС. № 4., 2001. С. 113–122.
133. Здравомыслов А.Г. К итогам дискуссии // Куда идет Россия? ...Альтернативы общественного развития. М.: Интерцентр. 1994. с. 159
134. Зеленев И.А. К исследованию специфики политического сознания россиян // Вестник московского университета. Сер. 14. Психология. 2004. № 1. С. 56–69.
135. Земсков В. Б. Одноликий Янус. Пограничная эпоха – пограничное сознание // ОНС. 2001. №6. С. 132–139.
136. Зиновьев А. А. Гибель русского коммунизма. М.: ЗАО Изд.-во Центрполиграф, 2001.
137. Зинченко В.П. А.Н. Леонтьев и развитие современной психологии // Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т.1.
138. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–34.
139. Знаков В. В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 119-126.
140. Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. №1. С. 147–162.
141. Зулкарнаева Р.З. Национальный менталитет в условиях трансформации современного российского общества: Дис. ... канд. филос. Наук. М.: РГБ. 2005.
142. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2000
143. Иванов М. А., Шустерман Д. М. Организационное развитие как подход к управлению и консультированию // Инструмент развития бизнеса: тренинг и консалтинг. М.: Класс, 2001. С. 41-43.
144. Иванова А.А. Этническое самосознание молодежи в условиях исторического межэтнического взаимодействия (на материале исследования коренных этносов Северного Кавказа). Автореф. дисс... д-ра психол.н. М. 2001.
145. Иванова Т. В. Ментальность, культура, искусство. // ОНС. 2002. № 6. С. 168-177.
146. Иващенко А. В., Аганов В. С., Барышникова И. В. Проблемы Я-концепции личности в отечественной психологии // Мир психологии. 2002. № 2. С. 17-25.

147. Иконникова Г. И., Иконникова Н. И. *Философия древнего мира*. I Ч. М.: Кириллица, 1997.
148. Иконникова С.И. Роль нравственных идеалов в формировании личности // *Моральные ценности советского человека*. Ленинград: Общество «Знания» РСФСР. 1968. С. 189 – 190.
149. Ильин И. *О грядущей России*. М.: Ред.- изд. Центр «Лиана». 1993.
150. *История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах* / сост. Е. М. Михина ; Кол.авт. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории и Рос. гос. гуманитарный ун-т. М. : [б. и.]. 1996. 254с. 1996.
151. *История России (Россия в мировой цивилизации)* /Сост. и отв. Ред. А.А. Радугин. М.: Центр, 2001.
152. Кабрин В.И. *Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования*. М.: Смысл. 2005.
153. Кавелин К. Д. *Собр. соч. В 4 Т.* Спб, 1897–1900.
154. Калмыков А. А. *Введение в экологическую психологию*. М.: МНЭПУ, 1999.
155. Канетти Э. *Человек нашего столетия*. М.: Прогресс. 1990.
156. Кант И. *Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994.
157. Кантор В. К. *Западничество как проблема русского пути* // *Вопросы философии*. № 4. 1993. С. 24–34.
158. Кантор В. К. *Стихия и цивилизация: два фактора «Российской судьбы»* // *Вопросы философии*. № 5. 1994. С. 27-46.
159. Капитонов Э. А. *Социология XX века*. Ростов-на-Дону: Феникс. 1996.
160. Капица С.П. *Рост населения Земли и будущее цивилизации* // *ОНС*. 2003. № 3. С.128–147.
161. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. *Либеральные ценности в сознании россиян* // *ПОЛИС*. 1994. № 1. С. 68–92.
162. Карамзин Н. М. *История государства Российского*. М.: Московский рабочий: Слог. в 12 Т. Т. 1. 1993.
163. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: Гу-Высшая школа экономики. 2000.
164. Кастельс М., Киселева Э. *Россия и сетевое общество* М.: ВШЭ «Мир России». 2000. № 1. С. 23-51
165. Касьянова К. «*О русском национальном характере*». М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
166. Каширина Л.В. *К проблеме изучения феномена социально-психологических состояний больших групп* // *Мир психологии*. 2004. №2. С. 222–229.
167. Квасов Г.Г. *Коммунистический идеал и типология развития социалистической личности* // *Общественные науки*. 1980. № 6. С. 21–37.
168. Кефели И.Ф. *Отечественная культура на рубеже веков* // *Социально-гуманитарные знания*. 2002. №1. С. 71-79.
169. Клакхон К.К. *Зеркало для человека. Введение в антропологию*. Спб.: Евразия, 1998.
170. Климов И. *Социальная разобщенность: дискурс и практика* // www.fom.ru/reparts/frames/ (16.10.03).
171. Климова С.В. *Идеалы и образцы любви в российском обществе* // *Социально-гуманитарные знания*. 2003. №1. С.280–295.
172. Климова С.Г. *Социальная идентификация в условиях общественных перемен* // *Человек*. 1995. №3. С.35–40.
173. *Клиническая психология* / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. Спб.: Питер, 2002.
174. Ключко В.Е. *Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека* // *Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе*. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 30–44.б
175. Ключко В.Е. *Персонификация ценностей как механизм нравственного воспитания* // *Пути формирования нравственных основ личности школьника. Проблемы. Методика. Опыт: Тезисы конференции*. Барнаул, 1997. С.234-236.а

176. Ключко В.Е. Предмет современной психологии: человеко-образование и психологическое обеспечение смысловой педагогики // Образование и социальное развитие ребенка. Барнаул. 1995. № 3–4. с.104-113. (с).
177. Ключко В.Е. Психосинергетика: настоящее и будущее психологии // «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии»: Материалы конференции (20 апреля 2001 года). Караганда: Изд-во Карту, 2001. С. 101-110.с
178. Ключко В.Е. Современная психология: методологические основы парадигмального сдвига // Ежегодник российского психологического общества. Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. Спб: С.- Петерб. Университет. Т. 4. С. 251-255 2003.д
179. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный анализ. Томск: Изд.-во Томского университета, 1999.
180. Ключко Ю.В. Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни. Дис. ... к. психол. н. Барнаул, 2002.
181. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда. 1991. С. 55-61.
182. Клямкин И.М. Советское и западное: возможен ли синтез? // ПОЛИС. 1994. № 4. С. 58–77.
183. Князева Е.Н. Приключения научного разума: Синергетическое видение научного прогресса // Когнитивная эволюция и творчество. М.: ИФ РАН, 1995.
184. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. С.3-20.
185. Ковалев В.И. Категория времени в психологии (личностный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука. 1988. С. 216-230.
186. Ковалев В.И. Личностное время как предмет психологического исследования // Психология личности и время. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной научно-теоретической конференции. Черновцы: 1991. Т. 1. С. 4-8.
187. Ковалев Г.А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 13-23.
188. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фалдана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд.-во Харьковского ун.-та. 1956. С.139.
189. Коган Л.Н. Понятие «поколение» в теории научного коммунизма // Научный коммунизм. 1974. № 5. С. 70–77.
190. Козин Н. Г. Бегство от России. К логике исторических потрясений России в XX веке. Саратов: Надежда. 1996.
191. Козлова О. Н. Управляемость социальной жизни: от быта к бытию // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С.128-138
192. Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале науки: Труды методологического семинара «Человек». Л.: Изд.-во ЛГУ. 1991.
193. Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
194. Кон И. С. Постоянство и изменчивость личности // Психологический журнал. № 4. 1987. С. 126-136.
195. Кон И.С. Социология личности. М.: Просвещение. 1967. (а)
196. Кондаков И.В. Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры / Отв. Ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 152–186
197. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо. 2003.
198. Корнилова Т. В., Григоренко Е. Л. Сравнение личностных особенностей российских и американских студентов // Вопросы психологии. 1995. №5. С. 108–115.
199. Коростелина К.В. Культурные детерминанты межэтнических отношений // Ученые записки таврического Национального университета. Выс. №12(51), №2. 2001. [Http://www.Crimea.Edu/Internet/Education/Notes/Edition12/Tom2/N01214.Htm](http://www.Crimea.Edu/Internet/Education/Notes/Edition12/Tom2/N01214.Htm)

200. Костинская А.Г. Концепция Социальной Идентичности И Групповые Решения // Мир Психологии. 2003. № 1. С. 186-198.
201. Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М.: РАН. 1993.
202. Котляков В.Ю. Методика исследования системы жизненных смыслов // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов / Коллект. автор; представлено Кемеровский государственный университет; при поддержке Институт "Открытое общество" (Фонд Сороса). Кемерово 2004 С. 18–21.
203. Котова И.Б., Шиянов Е.Н. От общей идеи целостности личности и ее трактовке как феномена субъектности // Сборник научных трудов «Развивающаяся личность в системе высшего образования России». Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002.
204. Коханенко И.К., Рудый С.С. Тренды в динамике сложных фрактальных систем // Обзорение прикладной промышленной математики. Т. 10. Вып. 3. М.: ОпиПМ, 2003.
205. Кравченко А. И. Культурология: словарь. М.: Академический Проект, 2000. С.343.
206. Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград: Волгоградский гос. университет. 1996. С. 199.
207. Краснорядцева О.М. Методологические основания исследования мышления в реальной (профессиональной) деятельности // Сибир. псих. журн. (Томск). 1997. Вып. 5. С.33–38.
208. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994. С. 434.
209. Крупник Е.П. Психологическая устойчивость этнического самосознания чеченских школьников // Мир психологии. 2001. №4. С.151–162.
210. Крупнов А. И., Митькин А. А. Системный подход в психологии: от восприятия к личности // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 123-125.
211. Крысько В. Г., Саракуев Э. А. Введение в этнопсихологию. М.: Институт практической психологии, 1996.
212. Кублицкене Л.Ю. Личностные особенности организации времени. Автореф. Дис. к. психол. наук. М. 1989. 17с.
213. Кудрявцев В. Т. А.В. Запорожец: от идеи самоценности детства – к принципам самодетерминации и амплификации детского развития. <http://vtk.interro.ru/book/2/207/1.htm>
214. Курдюмов С.П., Г.Г. Малинецкий Синергетика – теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы, содержащих неопределенности. М.: Знание. 1983
215. Курдюмов С.П., Г.Г. Малинецкий, А.Б. Потапов Синергетика – новые направления. М.: Знание, 1989.
216. Курлов А. Б. Социология перемен: проблема поиска методологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. №1, 2002. С. 286-295.
217. Кучин И.А., Лебедев И.А. Фракталы и циклы социальных процессов [Http://Lpur.Tsu.Ru/Public/A0101/Index2001.Htm](http://Lpur.Tsu.Ru/Public/A0101/Index2001.Htm) .
218. Лабунская В.А. Социально-психологические презентации толерантного-интолерантного межличностного общения. Ростов-На-Дону: РГУ, 2002.
219. Лапин Н. И. О многом и едином в Российской трансформации // ОНС. 2002. № 6. С. 28-32.
220. Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. 1996. №5. с. 21–31.
221. Лапин Н. И. Ценности в кризисном социуме // Ценности социальных групп и кризис общества. М. 1991. С. 4-21.
222. Лапин Н.И. Ценности населения и реформы в кризисной России // Социол. исслед. 1993. № 9.
223. Латова Н. В., Латов Ю. В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // ОНС. 2001. №4. С. 31-43.
224. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную Психологию. М.: Ключ, 1999.
225. Лебедева Н. М. Новая русская диаспора: Соц.-психол. анализ / РАН. Ин-т этнологии и антропологии. М. 1997.
226. Лебедева Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Том 20. №3. С. 48-58.

227. Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. 2001. Том 22. №3. С. 26–36.
228. Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2001. Т.21. №3. С.73–87.
229. Лебон Г. Психология народов и масс. Спб.: Макет. 1995.
230. Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблема методологии анализа // Экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С.14–18.
231. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 1975. С. 206-230.
232. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, СПб.: Лань, 2003.
233. Леонтьев А.Н. Образ мира // Изб. психол. произвед. М.: Педагогика. 1983.
234. Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». Таганрог: Изд.-во ТРТУ, 2005. № 7(51). с. 16–21.
235. Леонтьев Д.А. Психология смысла природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
236. Леонтьев Д.А. Ценности и ценностные представления // РУССКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНТЕРНЕТ-УНИВЕРСИТЕТ, 2002.
http://www.i-u.ru/biblio/archive/leontiev_diarests
237. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // РУССКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНТЕРНЕТ-УНИВЕРСИТЕТ, 2002
http://www.i-u.ru/biblio/archive/leontiev_cennostnie_predstavleniya
238. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Отдел образования администрации октябрьского р-на, 1997.
239. Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Наука. 1978. С. 156-172.
240. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1984. С.289-331.
241. Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Том 2. №1. С.3-18.
242. Ломов Б.Ф. Системность и психология: Избранные психологические труды. М.: НПО «МОДЭК», 2003.
243. Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: ИС РПЦ; ДАРЪ. 2005.
244. Лубский А. В. Культура российской цивилизации // Культурология. Ростов-на-Дону.: Феникс, 1998. С. 413–434.
245. Лубский А. В. Русский культурный архетип // Культурология. Ростов-на-Дону.: Феникс, 1998. С.435–467.
246. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс. 1997.
247. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
248. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: ДЕЛО, 2001.
249. Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1995. №1.
250. Мазур И. И., Козлова О. Н., Глазачев С. Н. Путь к экологической культуре. М.: Горизонт. 2001.
251. Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. Спб., 1861. С. 82.
252. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.
253. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3–19.
254. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс. 1993.
255. Маремшаова И.И. Эволюция этнического сознания карачаево-балкарского народа: Дис. ...д-ра истор. наук. Махачкала, 2002.

256. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб: Питер. 2005.
257. Маркова А. Н., Скворцова Е. М., Андреева И. А. История России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
258. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 Т., Т. 3. М.: Госполитиздат. 1961. С. 45.
259. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 Т., Т. 20. М.: Госполитиздат. 1961. С. 540.
260. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 Т., Т. 46. Ч. I. М.: Политиздат. 1968. С. 99.
261. Маркс К., Энгельс Ф. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М.: Политиздат. 1996 (к).
262. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук. 1997
263. Матяш Т. П. Постмодерн // Культурология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С.317-342.
264. Межуев В.М. Национальная культура как явление и понятие // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 2(26). с. 83–95.
265. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. М.: МЕД Пресс, 1999.
266. Ментальность россиян. Специфика сознания больших групп населения России / Под ред. И. Г. Дубова. М.: КГ «Имидж-Контакт», Психологический Институт РАО. 1997.
267. Меньщикова М.А. К характеристике общекультурных интересов советской учащейся молодежи // Вопросы психологии. 1970. № 3. с. 86–93.
268. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: НАТАЛИС, 2003.
269. Миклин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. М.: Мысль. 1980.
270. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
271. Митина Г.В. Особенности изменения менталитета в современном российском обществе личности : Дис. ... к-та философ. наук. Уфа, 2005.
272. Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4. С. 69–76.
273. Муладжанова Т.Н., Николаева В.В. Изменение временной ориентации личности в ситуации хронического стресса, вызванного тяжелым заболеванием // Неврология и психиатрия. Киев: Здоровье. 1986. Вып. 15. С. 14-17.
274. Муравьева О.И. Особенности ментальности в базовых психологических пространствах существования человека // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе. Томск: Томский государственный университет. 2004.
275. Мухина В.С. Предисловие // Механизмы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. М.: МГПИ, 1985. С. 4 – 7.
276. Мчедлов М.П. Российская цивилизация. М.: Академия. 2003.
277. Мясищев В. Н. Понятие личности в аспектах нормы и патологии // Психология отношений. Москва-Воронеж. 1995. С. 53-55.
278. Мясищев В.Н. Психология Отношений. М.: Институт практической психологии. 1998.
279. Мясоедов П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.
280. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003.
281. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика, психология и футурология). М.: ПЕР СЕ, 2001.
282. Налчаджян А. А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван: Огебан, 2000.
283. Насиновская Е. Е. Возрождение характерологии // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 180-182.
284. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения М.: Наука.1988. С. 126—133.
285. Некрасова Е.В. Подход к исследованию хронотопических характеристик жизненного мира человека // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2002. С. 9 – 20.
286. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2002.

- 287.Нестеренко В.Г. Вступ до філософії: онтологія людини. К.: Абрис, 1995.
- 288.Нечволодов А. Сказание о Русской Земле. Книга первая. Урал.: Уральское отделение всесоюзного центра «Русская Энциклопедия». 1991. С. 2-13.
- 289.Николаев И.В, Воронина Т.А. Об исследовании временной структуры исторических событий // Избранные труды второй сибирской конференции по математическим проблемам физики пространства-времени сложных систем (ФПВ-98). Новосибирск. 1999.С.183.
- 290.Огородников В.П. познание необходимости. М.: Мысль, 1985.
- 291.Огурцов А.П. Национальный менталитет и история России / Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 52
292. Осипов В.А. Фрактальная теория и этносоциальный процесс. Фракталы и циклы развития систем // Материалы пятого Всероссийского постоянно действующего научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе» <http://lpur.tsu.ru/Seminar/a0101/a011401.shtm>
- 293.Основы религиоведения / Под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высш.шк. 2001.
- 294.Павленко В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. №1.С. 135-138.
- 295.Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т. 19. №1. С. 75–88.
- 296.Панов В.Г. Эмоции. Мифы. Разум. М.: Высшая школа, 1992.
- 297.Папаян Г.В. Опыт когортного анализа образа жизни // Социологические исследования. 1981. № 4. С. 114–118.
- 298.Парсонс Т., Бейлз Р.Ф., Шилз Э.А. Рабочие тетради по теории действия // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 2(26). С.28– 72.
- 299.Парцвания В.В. Генеология отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. СПб.: Университетская книга. 2003.
- 300.Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система: структурная морфология культуры. Единство онто–филогенеза. Изоморизм мышления и историко–культурной феноменологии. М.: Яз. Русс. Культуры. 1998/
- 301.Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка: Пер. с англ. М.: Мир, 2000.
- 302.Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердников К. В., Кравцова А. Р., Осипова В. С. Психосемантический анализ этнических стереотипов: Лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл, 2000.
- 303.Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд. МГУ, 1997.
- 304.Петренко В.Ф. Психосемантическая трансформация ментальности в условиях массовых коммуникаций // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе: Сборник статей под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 77–95.
- 305.Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: на материале политического менталитета. М.: Изд.-во МГУ. 1997. (б)
- 306.Петров И.Г. Субъект и его характеристики в научной парадигме и аксиологии // Человек как субъект культуры / Отв. Ред. Э.В. Сайко. М.: Наука. 2002. С. 112–130.
- 307.Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 16–29.
- 308.Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998, С. 289-261.
- 309.Петровский В. А. Личность в психологии: Парадигма субъективности. Ростов-на-Дону.: Феникс, 1996. С. 269-281.
- 310.Петухов Ю. Д. Тайны земли русской. Тайны древних русов. М.: ВЕЧЕ, 2001
- 311.Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия. 1994.

312. Пибоди Д., Шмелев А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросс-культурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 101–109.
313. Платонов Ю. П. Этническая психология. Спб.: Речь. 2001.
314. Поздеева С.М. Социальная антропология. Уфа: РИО БамГУ. 2004. с. 59–63.
315. Поляков Ю. Российские просторы: благо или проклятье? Заметки историка // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 18-22.
316. Поправко Н.В. Мир молодежи: профессионально-коммуникативная среда в поле образования // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе. Томск: Томский государственный университет. 2004. С. 228–233.
317. Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985.
318. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 1986.
319. Проблема толерантности в подростковой субкультуре. Труды по социологии образования. Т. VIII. Вып. XIII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО. 2003.
320. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл. 2002.
321. Психология и Культура / Под. Ред. Д. Мацумото. Спб.: Питер, 2003.
322. Психология XXI века: пророчества и прогнозы. // Вопросы психологии. 2000. №1. С. 9-11. (Статьи Асмолова А. Г., Братуся Б. С.)
323. Пушкарев Л.Н. Понятие менталитет в современной зарубежной истории // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М.: Институт российской истории РАН, 1999.
324. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. с. 159. (f)
325. Раннап Э.Р. Системный анализ описания изобретений // Научно-техническая информация. Серия 2. информационные процессы и системы. 1971. № 6. С. 5–10.
326. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. Спб.: Питер. 1999, С. 32–34.
327. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Канон–пресс–Ц: Кучково поле. 2002.
328. Розин В.М. Культурно-историческая обусловленность жизнедеятельности человека и его идентичность // Мир психологии. 2004. №2. С. 12–27.
329. Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // Человек как субъект культуры / Отв. Ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 42–112.
330. Розин В.М. Человек Культурный. Введение в Антропологию. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2003.
331. Романова Е.С. Графические методы в практической психологии. СПб.: Речь, 2002.
332. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект–Пресс, 2000.
333. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: «Институт Психологии РАН», 1997.
334. Россия Глазами Русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. Спб.: Наука. 1991.
335. Россия: Трансформирующееся общество. М.: Институт социологии РАН, 2001.
336. Рубинштейн С. Л. Основы Общей Психологии. Спб.: Питер, 2001.
337. Рубинштейн С.Л. Бытие и Сознание. Человек и Мир. Спб.: Питер, 2003.
338. Русская Идея: В Кругу Писателей и Мыслителей Русского Зарубежья. В 2 Т. М.: Искусство. 1994.
339. Рябикина З.И. Личность и ее самоактуализация в создании бытийных пространств // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 г. В 8 т. СПб.: Изд.-во С.-Петербур. Ун-та. 2003. Т.6. с.601–605. а

- 340.Рябикина З.И., Бякова П.Ю. Проблема синхронизации процессов со-бытия в ситуациях общения // Материалы конференции: «Психология общения: социокультурный анализ» (30 октября –1 ноября). Ростов-на-Дону: Изд. РГУ. 2003. С. 278–280.
- 341.Рянский Ф.Н. Фрактальная теория пространственно-временных размерностей: естественные предпосылки и общественные последствия. Биробиджан: Дальневост. отд-ние РАН, Ин-т комплекс. анализа регион. проблем. 1992.
- 342.Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука. 1974.
- 343.Садохин А. П. Этнология. М.: Гардарики, 2001.
- 344.Сайко Э.В. Субъект и субъектная составляющая в становлении и культурно–историческом выполнении пространственно–временного континуума социума // Человек как субъект культуры / Отв. Ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С.13–42.
- 345.Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности // Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. С. 47—53.
- 346.Сартр Ж.-П.// Сумерки богов (А. Камю, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, з. Фрейд). М.: Политич. Литерат. 1989. с. 319–344.
- 347.Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1997. Вып. 4. № 27. С. 59–67.
- 348.Серенкова В.Ф. Типологические особенности планирования личностного времени. Автореф. дис. канд. психол. наук. М.: 1991. 21 С.
- 349.Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- 350.Серкин В.П., Сиротский В.Е. Психосемантика: на пути к моделированию // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1990. № 3.С. 28–33.
- 351.Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд. Михайлова В. А., 1999.
- 352.Скирбекк Г., Гилье Н. История философии / Пер. с англ. В.И. Кузнецова. М.: ВЛАДОС, 2001
- 353.Славская А.Н. Личностная интерпретация правовых отношений в контексте российского менталитета // Психологический журнал. 2004. том. 25, № 6. С. 12-20.
- 354.Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3—17.
355. Смирнов Г.Л. Советский человек: Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат. 1980.
- 356.Смирнов М.В. Темперамент, внимание, когнитивный стиль // Когнитивные стили. Таллин. 1986. С. 56–59
- 357.Смирнов С.Д. Психология образа: проблемы активности психического отражения. М.: Изд.-во МГУ. 1985.
- 358.Современная Западная Философия: Словарь. М.: Тон–Остожье. 1998.
- 359.Сокращенная стенограмма международной научной конференции «Менталитет и аграрное развитие России» // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). М.: Росспэн. 1996. С. 363–438.
- 360.Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- 361.Соловьев С. М. Об истории Древней России. М.: Просвещение. 1992. С. 13-22.
- 362.Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М.: Наука. 1990. С.463-489
- 363.Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» М.: Наук, 1993.
- 364.Старовойтенко Е.Б. Детерминация психического // Предмет и метод психологии: Антология / Под ред. Е.Б. Старовойтенко. М.: Академический проект: Гаудеамус. 2005. С. 474–489.
- 365.Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН. 1996.
366. *Степин В.С. Научное познание // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.*
367. *Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция. 2003.*

368. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт Психологии РАН «Академический Проект». 2000.
369. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Вып 1. М.: Рос. психол. о-во. 1998.
370. Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Методы Этнопсихологического Исследования. М. 1993.
371. Столин В.В., Наминач А.П. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления // Вопросы психологии. 1988. № 4. С.34–46.
372. Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып 5. М., 1990. С. 5–36.
373. Сухарев А. В. Этнофункциональная психология исследования, психотерапия. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 1998.
374. Титма М.Х. Формирование жизненных ориентиров учащейся молодежи (на материале Эстонской ССР) // Социологические исследования. 1977. № 3. С. 52–59.
375. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Академия. 2005.
376. Тихонова Н.Е. Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентиров // Куда идет Россия?... М.: Интерпракс. 1994. с. 141.
377. Тихонравов Ю. В. Экзистенциальная психология. М.: ЗАО «Бизнес школа» Интел-Синтез, 1998.
378. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 7–8.
379. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ». 2002.
380. Тощенко Ж. Д. Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001.
381. Триандис Г., Малпасс Р., Дэвидсон Э. Психология и культура // История психологии XX век / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. С. 778–795. 2002.
382. Удальцова М.В., Воловская Н.М., плюснина Л.К. Четыре среза занятости: ценности, мотивация, доходы, мобильность // Социс. № 7. 2005. С. 44–52.
383. Уемов А.И. Системы и системные исследования // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970. С.41–86
384. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
385. Усенко О.Г. К определению понятия менталитет // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М. 1999. с. 23–77.
386. Утенков В.М., Закалин А.С. О политическом сознании студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. №3. С. 164–170.
387. Файдыш Е.А. Сверхсознание. М.: Фонд археологии. 1993.
388. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука. 1991.
389. Федосеев В. Н. Демографическая ситуация и трудовая миграция российских граждан за рубеж // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. №5. С. 29–38.
390. Федотова Н.П. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 50–58.
391. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: Пер. с англ. СПб.: Речь. 2000.
392. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). М.: Росспэн. 1996. С. 5–21.
393. Филиппов Ю.В. Эмоционально–образная составляющая этнической идентичности и формирования русского этнонационального сознания // Мир психологии. 2003. № 1. С. 198–205.
394. Филиппов Ю.В., Кольцова И.Н. Сказка в процессе социализации детей (сказочные и мифологические персонажи и ситуации в воспитательном процессе и структура его организации) // Мир психологии. 2003. № 3(35). С. 160–174.
395. Философская Энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. Энциклопедия. 1970.
396. Флиер А.Я. Культуралогия как гуманитарная наука // ОНС. 2005. № 1. с. 160–168.
397. Фромм Э. Мужчина и женщина. М.: АСТ. 1998. С. 235–236.
398. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технологическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986. С. 93–119.
399. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир. 1980.

400. Хейдметс М. Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях // Человек среда пространство: исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. Тарту: ТГУ. 1979. с. 129–161.
401. Холден, Найджел Дж. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2005.
402. Хорни К. Самоанализ: психология женщины. Новые пути в психоанализ. СПб.: Питер. 2002.
403. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя. 2000.
404. Хотинец В. Ю. К вопросу об основных подходах к изучению этничности в зарубежной и отечественной науке (позиция этнопсихолога) // Мир психологии. 2001. №4. С. 135–146.
405. Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (Субкультуры, картины мира, ментальность). СПб.: Алетейя, 2001.
406. Хрестоматия по истории философии (Русская философия). Ч. 3. М.: Гуманит. Изд. центр «ВЛАДОС». 1997.
407. Худушин Ф. С. Марксизм–ленинизм проблема преемственности поколений // Социологические исследования. 1977. № 3. С. 35–41.
408. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
409. Чанышев А. Н. Философия древнего мира. М.: Высш. шк., 1999.
410. Чудновский В. Э. Проблема становления смысло-жизненных ориентаций личности // Психологический журнал. 2004. том. 25, № 6. С. 5–11.
411. Чуприкова Н. И. Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX – Начала XX Вв. // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 109–125.
412. Швеиц А. М., Могилевкин Е. А., Каргаполова Е. Ю. Мотивация вступления в брак и ее влияние на кризис будущей семьи // Вопросы психологии. 2006. №2. с. 89–98.
413. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. М.: Прометей. 1993, С. 165–166.
414. Шкуратов В. А. Историческая психология. Ростов-на-Дону.: Горд N, 1994.
415. Шкуратова И. П. Стили личности как отражение культуры // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III Всероссийского съезда психологов: 25–28 июня 2003 г.: СПб: Изд.-во С.-Петербург. Ун-та, 2003. т. 8 с. 464–468.
416. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: ПЭТ, 1996.
417. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Альманах «Русская идея», Вып. 3. 1997.
418. Шубенкова Е. И. К вопросу о формировании ценностных ориентаций личности // Советская педагогика. 1980. № 9. С. 27–35.
419. Шубкин В. Н. Молодое поколение в кризисном обществе // Куда идет Россия?... вып. II. М.: Интерцентр. 1995.
420. Шумилин Е. А. Психологическая характеристика личности старшеклассника // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 72–79.
421. Э. В. Галажинский Ригидность как общесистемное свойство человека и самореализация личности // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии» (20 апреля 2001 года). Караганда: Изд.-во Каргу, 2001. С. 38–48
422. Элбакян Е. С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен // ОНС. 2003. №3. С. 82–95.
423. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
424. Южалина Н. С. Менталитет как социокультурная целостность.: Дис. ... к. культур. н.: М.: РГБ. 2003.
425. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
426. Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. 3–19.
427. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе. // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2001. С. 324–336.

428. Якобсон П.М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психологический журнал. 1981. № 4. С. 142 – 147.
429. Яковенко И.Г. Базовые идентичности и социокультурные основания их трансформации: факторы, тренды, сценарии // Мир психологии. 2004. №1. С.28–37.а
430. Яковенко И.Г. Ментальность в структурированнии субъекта и субъектности // Человек как субъект культуры / отв. Ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. с. 130–151.б
431. Яницкий М.С. Психологические факторы и механизмы развития системы ценностных ориентаций личности. Дис...д-ра. психол.н. Новосибирск. 2000.
432. Ярошевский М. Г. История психологии от античности до середины XX века. – М.: Академия, 1997.
433. Ярошевский М. Г., Юревич А. В., Аллахвердян А. Г. Программно-ролевой подход и современная наука // Вопросы психологии. 2000. №6. С. 3-19.
434. Artan, S. & Medin, D. Knowledge and action: Cultural models of nature and resources management in Mesoamerica. In M. Z. Bazerman & D. Messick (Eds.), *Environment, ethics, and behavior: The psychology of environmental valuation and degradation* (pp. 171–208). San Francisco: New Lexington Press. (1997).
435. Bargh, J.A. Automaticity in social psychology. In E.T. Higgins and A.W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 169–183). New York: Guilford. (1996).
436. Berry, J. W. & Sam, D. Acculturation and adaptation. In J. W. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Health and cross-cultural psychology: Vol.3. Social behavior and applications* (pp. 291–326). Boston: Allyn & Bacon. (1997).
437. Bond, M. H. Social psychology across cultures: Two ways forward. In J.G. Adair, D. Belanger & K. Dion (Eds.), *Proceeding of 26th International Congress of Psychology: Vol. 1. advances in psychological science: Social, personal and cultural aspects* (pp. 137–150). Hove, UK: Psychology Press. (1998).
438. Campbell, J. *The Hero with a Thousand Faces*. New York: The World Publishing Company. 1949. (p. 388)
439. D'Andrade, R.G. *The development of cognitive anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press. (1995).
440. Desjarlais, R., Eisenberg, L., Good, B. & Kleinman, A. *World mental health: problems and priorities in low-income countries*. New York: Oxford University Press. (1995).
441. Edelman, R.J., Asendorpf, J., Contarello, A., Georgas, J., Villanueva, C., & Zammuner, V. Self-reported verbal and non verbal strategies for coping with embarrassment in five European cultures. *Social science Information*, 26, 868–883. (1987).
442. Fiske, A. P. The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of sociality. *Psychological review*, 99, 689–723. (1992).
443. Fiske, A. P., Kitayama, S., Markus, H. R. & Nisbett, R.E. The cultural matrix of social psychology. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske & G. Linzey (Eds.), *Handbook of social psychology 4th ed.* (pp. 915-981). Boston: McGraw-Hill. (1998).
444. Fiske, S., Tajlor, S. *Social Cognition. Series in Social Psychology*. McGraw-Hill. (1994).
445. Geertz, C. «From the native's point of view»: On the nature of anthropological understanding. In R. A. Shweder & R. A. LeVine (Eds.), *Culture theory* (pp. 123–136). Cambridge: Cambridge University Press. (1984).
446. Gergen, K.J. Social psychology as history. *Journal of Personality and Social Psychology*, 26, 309–320. (1973).
447. Greenfield, P.M. Culture as process: Empirical methods for cultural psychology. In J. W. Berry, Y.H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology (Vol. 1, pp. 301–346)*. Boston: Allyn & Bacon. (1997).
448. Hall, E.T. and Hall, M.R. *Hidden differences: Doing business with the Japanese/ Garden City, NY: Doubleday*. (1987).
449. Heine, S., Lehman, D.R. Culture, dissonance, and self-affirmation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 23, 389–400. (1997).

450. Heisler, M. O. Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts/Toronto, 1990. P. 21– 52.
451. Higgins, E.T. Knowledge activation: Accessibility, applicability and salience. In E.T. Higgins and A.W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 133–168). New York: Guilford. (1996).
452. Hofstede, G. *Culture's consequences*. Beverly Hills, CA: Sage. (1980).
453. Kashima, Y., Yamaguchi, S., Kim, U., Choi, S.C., Gelfand, M.J. & Yuki, M. Culture, gender, and self: A perspective from individualism collectivism research. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 925–937. (1995).
454. Kashima, Y. Conceptions of culture and person for psychology. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 31, 14–32. (2000).
455. Keller, M., Edelstein, W., Fang, F.-X. & Fang, G, Reasoning about responsibilities and obligations close relationships: A comparison across two cultures. *Developmental Psychology*, 34(4), 731–741. (1998).
456. Kemper, T. D. *A social interactional theory of emotions*. New York: Wiley. (1978).
457. Kim, U. Understanding Korean corporate culture: Analysis of transformative human resource management. *Strategic Human Resource Development Review*, 2, 68–101. (1998).
458. Leung, K. & Bond, M.H. On the empirical identification of dimensions for cross-cultural comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 20, 133–151. (1989).
459. Lloyd, G.E.R. *Demystifying mentalities*. New York6 Cambridge university Press. (1990).
460. Malt, B. Category coherence in cross-cultural perspective. *Cognitive Psychology*, 29, 85–148. (1995).
461. Markus, H.R. & Kitayama, S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98, 224–253. (1991).
462. Miller, J.G. & Bersoff, D.M. Culture and moral judgment: How are conflicts between justice and interpersonal responsibilities resolved? *Journal of Personality and Social Psychology*, 62(4), 541–554. (1992).
463. Mills, J. & Clark, M.S. Exchange and communal relationships. In L. Wheeler (Ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 3, pp. 121–144). Beverly Hills. CA: Sage. (1982).
464. Moyerman, D.R. & Forman, B.D. Acculturation and adjustment: A meta-analytic study. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 14, 163–200. (1992).
465. Ohbuchi, K. & Tedeschi, J. T. Multiple goals and tactical behaviors in conflict situations. *Journal of Applied Social Psychology*, 27, 2177–2199. (1998).
466. Peng, K. & Nisbett, R.E. Culture, dialectics, and reasoning about contradiction. *American Psychologist*, 54, 741–754. (1999).
467. Poortinga, Y. Towards a conceptualization of culture for psychology. In S. Iwawaki, Y. Kashima & K. Leung (Eds.), *Innovation in cross-cultural psychology* (pp. 3–17). Lisse, The Netherlands: Swets. (1992).
468. Rogoff, B. *Apprenticeship in thinking*. Oxford, UK: Oxford University Press. (1990).
469. Rosch, E. & Mervis, C. B. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology*, 7, 573–605. (1975).
470. Schein, E. *Organizational culture and leadership*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. Quoted in: Hatch, M. J. (1997).
471. Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25, pp. 1–65). San Diego, CA: Academic Press. (1992).
472. Smith, P.B. & Bond, M.H. *Social psychology across cultures* (2nd ed.). London: Prentice-Hall. (1998).
473. Ting-Toomey, S. Ethnic identity and close friendship in Chinese-American college students. *International Journal of Intercultural Relations*, 5, 383–406. (1981).
474. Triandis, H.C. *Individualism and collectivism*. Boulder, CO: Westview. (1995).
475. Triandis, H.C., Chan, D.K. S., Bhawuk, D.P.S., Iwao, S. & Sinha, J.B. P. Multimethod probes of allocentrism and idiocentrism. *International Journal of Psychology*, 30, 461–480. (1995).
476. Valsiner, J. *Human development and culture*. Lexington, MA: D. C. Heath. (1989).

477. Wertsch, J. V. *Voices of the mind*. London: Harvester Wheatsheaf. (1991).
478. Wheatly, M. *Leadership and the New Science: Learning about Organization from an Orderly Universe*. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 1992, p. 2.
479. Zhang, D. L. & Chen, Z.Y. *Zhongguo Siwei Pianxiang [The orientation of Chinese think-ing]*. Beijing: Social Science Press. (1991).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ТЕСТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИЕРАРХИИ АРХЕТИПОВ В МЕНТАЛИТЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Инструкция: «Поставьте предлагаемых героев народных сказок по порядку таким образом, чтобы сначала шли герои, наиболее характеризующие вашу национальность, а затем, наименее характеризующие».

Список героев: Сирота, Воин, Служитель, Искатель, Разрушитель, Влюбленный, Созидатель, Правитель, Маг, Мудрец, Дурак, Невинный.

Обработка результатов: проранжированные архетипы можно сопоставить в пределах одной национальной группы. Затем порядок расположения архетипов необходимо сравнить между национальными группами.

Приложение 2

ОПРОСНИК ВЫЯВЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Инструкция: «Уважаемые студенты, просим Вас принять участие в опросе. Данный опрос позволит осмыслить Вам отношение к своей национальной принадлежности».

1. Вспомните, с какого примерно возраста вы стали осознавать свою национальную принадлежность?
2. С какими позитивными событиями, предметами, вещами, людьми, образами у Вас ассоциируется собственная национальная принадлежность?
3. С какими негативными событиями, предметами, вещами, людьми, образами у Вас ассоциируется собственная национальная принадлежность?
4. Назовите положительные и отрицательные черты характера, присущие вашей национальной группе?
5. Как Вы думаете, значима или не значима собственная национальная принадлежность в жизни человека и почему?

Обработка результатов проводится следующим образом: ответы опрашиваемых группируются по классам. По каждому классу считается частота выбора классов. Например, по первому вопросу – опрашиваемые выделяют возраста и вы группируете их в классы – 4 – 5 лет, 6 – 8 лет и т. д. После этого считаете количество выборов классов. Результаты сравниваются.

Таблица 2

Показатели корреляции между терминальными ценностями и жизненными смыслами в группе подростков

		Ценности-цели																	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Ценности-цели	Активная, деятельная жизнь	1												0.50	0.79				
	Здоровье	2	-0.44							0.53	0.64	-0.52							
	Красота природы и искусство	3																	
	Материально-обеспеченная жизнь	4	0.65				-0.91	0.88	0.69	0.50		0.51							
	Спокойствие в стране, мир	5	-0.72		-0.55	-0.72						0.84	0.69						
	Познание, интеллектуальное развитие	6				0.48			0.54		-0.55	-0.67	-0.56	-0.39					
	Независимость суждений и оценок	7	0.84			0.36	-0.46	0.34						0.71	0.86				
	Счастливая семейная жизнь	8				0.63								0.60	0.77				
	Уверенность в себе	9										0.74							
	Жизненная мудрость	10													0.46				
	Интересная работа	11	0.71											0.58					
	Любовь	12	0.83																
	Наличие верных и хороших друзей	13									0.99	0.66							
	Общественное признание	14									0.76		0.48	0.47					
	Равенство (в возможностях)	15									0.74	0.84	-0.54						
	Свобода поступков и действий	16									0.68	0.81	0.59						
	Творческая деятельность	17									0.66	0.35		0.42					
	Получение удовольствий	18									-0.63	-0.42	0.76	0.60					
Жизненные смыслы	Альтруистические	1		0.72						0.88	0.75			0.69	0.77	0.44	0.54	0.42	
	Экзистенциальные	2			-0.68					0.66	0.63			0.61	0.55				0.78
	Гедонистическ	3			0.52							-0.49		-0.88		-0.68			
	Самореализации	4			0.42		0.30			-0.56	-0.32			-0.67	-0.87	-0.33	-0.37	-0.99	
	Статусные	5				0.77	0.21			0.78	0.53			0.72		0.80		0.60	
	Коммуникативные	6								-0.34	-0.65	-0.51		-0.66	-0.92	-0.47	-0.38		
	Семейные	7				0.84				-0.41	-0.55	-0.40		-0.45	-0.57	-0.52			
	Когнитивные	8			-0.61		0.41			-0.33	-0.20	-0.51		-0.74	-0.66				

Таблица 3

Показатели корреляции между терминальными ценностями и жизненными смыслами в группе молодежи

		Ценности-цели																		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
Ценности-цели	1	Активная, деятельная жизнь								0.63		0.61			0.74			0.59		
	2	Здоровье	0.92				0.52				0.66			0.72		0.49			0.65	
	3	Красота природы и искусство							0.68			0.37								
	4	Материально-обеспеченная жизнь					0.70			0.49		0.55			0.73					
	5	Спокойствие в стране, мир	0.75			0.73					0.41	0.84			0.84					0.68
	6	Познание, интеллектуальное развитие	0.67						0.85					0.61						
	7	Независимость суждений и оценок						0.85						0.52						
	8	Счастливая семейная жизнь				0.35						0.85			0.52					
	9	Уверенность в себе																		
	10	Жизненная мудрость									0.57					0.74	0.53			
	11	Интересная работа									0.80					0.94				
	12	Любовь												0.98		0.34				
	13	Наличие верных и хороших друзей									0.78	0.95						0.62	0.56	
	14	Общественное признание									0.94			0.64						
	15	Равенство (в возможностях)										0.93								
	16	Свобода поступков и действий												0.79		0.69		0.84		
	17	Творческая деятельность									0.68			0.76		0.79				
	18	Получение удовольствий									0.89	-0.52	0.74			0.40	-0.79	0.60		
Жизненные смыслы	1	Альтруистические	-0.37		0.53	0.88							0.73		0.70		0.40		-0.68	
	2	Экзистенциальные	-0.35		0.78	0.65			0.31											
	3	Гедонистические	-0.32			-0.58						-0.49			-0.38		-0.49			
	4	Самореализации				-0.64	-0.48					-0.47			-0.37	-0.42	-0.47			
	5	Статусные			0.54												0.55			
	6	Коммуникативные				0.49				0.59		0.79			0.76		0.80			
	7	Семейные				-0.47						-0.67			-0.44					
	8	Когнитивные			0.43									0.35						

Показатели корреляции между терминальными ценностями и жизненными смыслами в группе пенсионеров

		Ценности-цели																	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Ценности-цели	1	Активная, деятельная жизнь			0.92				-0.78										
	2	Здоровье																	
	3	Красота природы и искусство																	
	4	Материально-обеспеченная жизнь	1																
	5	Спокойствие в стране, мир																	
	6	Познание, интеллектуальное развитие																	
	7	Независимость суждений и оценок																	
	8	Счастливая семейная жизнь																	
	9	Уверенность в себе					-0.47												
	10	Жизненная мудрость						0.87							0.72			0.62	
	11	Интересная работа	0.67	0.64	0.62	0.67								0.88			1		0.58
	12	Любовь				0.65							0.88				0.88		
	13	Наличие верных и хороших друзей			-0.67			0.68		0.62			-0.51		0.87				
	14	Общественное признание																	
	15	Равенство (в возможностях)																	
	16	Свобода поступков и действий																	
	17	Творческая деятельность																	
	18	Получение удовольствий						0.62							0.77				
Жизненные смыслы	1	Альтруистические					0.75		-0.71	-0.60		0.77							
	2	Экзистенциальные		0.73					0.37		0.42	0.41							
	3	Гедонистические	0.96		0.89	0.96						0.33							
	4	Самореализации		0.34	0.71								0.73						
	5	Статусные				0.77			-0.69		-0.54								
	6	Коммуникативные												0.47			0.62		
	7	Семейные								0.40									
	8	Когнитивные										0.68		0.80					

Таблица 5

Показатели корреляции между категориями образа мира и ценностями-целями в группе подростков

Категории образа мира	Грустный	Сильный	Плохой	Большой	Светлый	Пассивный	Шершавый	Сложный	Напряженный	Быстрый	Свежий	Хаотичный Упорядоченный
Ценности-цели												
Красота природы и искусство					0.62						0.31	0.57
Спокойствие в стране, мир	0.33								0.30	0.62		0.30
Познание, интеллектуальное развитие	0.60			0.27		0.43						
Здоровье							0.39	0.54			0.35	
Независимость суждений и оценок		0.31			-0.35			0.64				
Счастливая семейная жизнь				0.48								0.62
Уверенность в себе		0.44				0.41						
Интересная работа		0.45				-0.32				0.65		
Равенство (в возможностях)	0.70						0.25					
Получение удовольствий			0.73						0.35			
Материально-обеспеченная жизнь	0.52		0.41					0.60				

Таблица 6

Показатели корреляции между категориями образа мира и ценностями-целями в группе молодежи

Категории образа мира	Большой	Активный	Горячий	Пряглый	хаотичный родин ый	Твердый	Дорогой	Злой- Добрый	любимый	Свежий	Умный	острый	Чистый	Сильный	Родной	Темный- Светлый
Ценности-цели																
Уверенность в себе			0.33		0.70	-0.31	0.32	0.21	0.22							
Жизненная мудрость			0.28		0.41	0.30	0.36		0.61							
Интересная Работа						0.69	0.70	0.20	0.40					0.38	0.56	
Любовь	0.77	0.36	0.52	0.37											0.90	
Наличие верных друзей	0.31	0.70				-0.31							0.57			
Равенство	0.72	0.46				-0.32								0.41		
Свобода	0.29	0.61														
Красота природы и искусство										0.31		0.41	0.22		0.70	
Счастливая Семейная Жизнь								0.21			0.25			0.33		

Таблица 7

Показатели корреляции между категориями образа мира и ценностями-целями в группе пенсионеров

Категории образа мира	Горячий	Любимый	Свежий	умный	острый тупой	злой	сложный	напряженный	Тяжелый	Чистый	радостный	приятный
Ценности-цели												
Здоровье		0.38				0.48	0.27	0.33				
Материально-обеспеченная жизнь					0.39		0.65		0.47			0.30
Спокойствие в стране, мир						0.49	0.43	0.51	0.62			
Счастливая семейная жизнь		0.37									0.40	0.27
Интересная работа			-0.35						0.72		-0.31	
Любовь	0.60									0.47		
Наличие верных и хороших друзей		0.70		0.52								
Уверенность в себе			0.35	0.29				0.26				

Таблица 8

Показатели корреляции между жизненными смыслами и категориями образа мира в группе подростков

Категории образа мира	тяжелый	Сильный	плохой	Большой	Светлый	пассивный	шершавый	Сложный	Напряженный	Быстрый	свежий	Хаотичный Упорядоченный
Жизненные смыслы												
Альтруистические	0.35		-0.32		0.32			0.37				
Экзистенциальные		0.61							0.40			
Гедонистические			0.71									0.54
Самореализации	0.47					0.53	0.52				0.47	
Статусные					-0.29			0.65				
Коммуникативные	0.32									-0.31		0.43
Семейные		0.68					0.35					
Когнитивные				0.39	0.51							

Таблица 9

Показатели корреляции между жизненными смыслами и категориями образа мира в группе молодежи

Категории образа мира	Большой	Активный	Горячий	Приятный	Хаотичный	твердый	дорогой	Злой-Добрый	любимый	Свежий	Умный	острый	Чистый	Сильный
Жизненные смыслы														
Альтруистические														
Экзистенциальные					-0.32			0.63				0.42		
Гедонистические	0.62	0.41		0.57										
Самореализации												0.62		0.33
Статусные		-0.35					0.45							
Коммуникативные									0.67					
Семейные			0.63		0.54				0.54					
Когнитивные						0.63					0.72			0.63

Таблица 10

Показатели корреляции между жизненными смыслами и категориями образа мира в группе пенсионеров

Категории образа мира	Горячий	Любимый	Свежий	умный	острый тупой	злой	сложный	напряже нный	Тяжелый	Чистый	радост ный	приятн ый
Жизненные смыслы												
Альтруистические				-0.37						0.46		0.72
Экзистенциальные		0.53					0.64	0.37	0.43			
Гедонистические										0.33		
Самореализации							0.52		0.39			
Статусные	0.25				0.45	0.38				-0.31		
Коммуникативные	0.57		0.48			0.37				0.40		
Семейные							0.56	0.73			0.68	0.35
Когнитивные					0.41							